

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARIES

A standard linear barcode consisting of vertical black lines of varying widths on a white background.

3 1761 00690441 1

П. А. КУЛІШЪ

ИСТОРИЯ
ВОЗСОЕДИНЕНИЯ РУСИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ОТЪ НАЧАЛА СТОЛЪТНÉЙ КОЗАЦКО-ШЛЯХЕТСКОЙ ВОЙНЫ
ДО ВОЗСТАНОВЛЕНИЯ ВЪ КIEВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ІЕРАРХИИ, ВЪ 1620 ГОДУ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“,
по мойке, № 5
1874

ПЕЧАТАЕТСЯ

И ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЬ ВЪ СВѢТЬ КНИГА
ТОГО ЖЕ АВТОРА, ПОДЪ ЗАГЛАВИЕМЪ:

ХУТОРСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

и

УДАЛЕННАЯ ОТЪ СВѢТА

ПОЭЗІЯ,

КНИГА, НАПИСАННАЯ, ВЪ ВИДЪ ОТДЫХА, ПОСЛЪ ВТОРОГО
ТОМА „ИСТОРИИ ВОЗСОЕДИНЕНИЯ РУСІ“.

(листовъ около 20.)

ІСТОРІЯ
ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

II

Kulish, Pantaleimon Aleksandrovich

П. А. КУЛИШЪ

Iсторія возсочення Руси
ИСТОРИЯ

ВОЗСОЕДИНЕНИЯ РУСИ

t. 2

ТОМЪ ВТОРОЙ

ОТЪ НАЧАЛА СТОЛЪТНЕЙ КОЗАЦКО-ШЛЯХЕТСКОЙ ВОЙНЫ
ДО ВОЗСТАНОВЛЕНИЯ ВЪ КІЕВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ІЕРАРХІИ, ВЪ 1620 ГОДУ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1874

DK

508

K79

t.2

79577

ЗАЯВЛЕНИЕ.

І.

Издавая первые два тома своего сочиненія, авторъ постоянно затруднялся вопросомъ: какъ поступить съ материалами, которые — или, по своей рѣдкости, мало извѣстны публикѣ, или, существуя въ рукописяхъ, вовсе ей не извѣстны. Мѣста, приводимыя имъ въ выноскахъ, не удовлетворяли его желанію — ознакомить своего читателя съ тѣмъ или другимъ источникомъ, изъ котораго онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія, — не удовлетворяли потому, что только прочитанный вполнѣ источникъ даетъ возможность понимать вѣрно выборки изъ него, все равно какъ знакомство съ совокупностью источниковъ способствуетъ къ надлежащему уразумѣнію каждого изъ нихъ въ отдельности. Для автора мало того, что читатель готовъ, положимъ, вѣрить ему, то есть положиться на его безошибочное пониманіе даннаго мѣста, взятого въ отрывненномъ видѣ: онъ желалъ бы бесѣдовать съ читателемъ, не какъ съ благосклоннымъ посѣтителемъ его кабинета, а какъ съ сотрудникомъ. Интересъ, представляемый исторіею, долженъ быть одинаковъ, какъ для пишущаго, такъ и для читающаго написанное: ибо всякая наука, въ особенности же исторія, есть дѣло жизни, дѣло строгое, безотлагательное, необходимое; поэтому и напряженность мысли у обоихъ должна быть одинакова; поэтому авторъ и его читатель — работники одного и того же дѣла. Только такое общеніе между ними — для обѣихъ сторонъ полезно. Сойдя съ трибуны,

въ качествѣ повѣстователя, авторъ долженъ желать увидѣть на ней своего читателя, въ качествѣ критика; а для того, чтобы читатель *могъ* быть критикомъ своего историка, ему необходимо основательное знакомство съ источниками по предмету, подлежащему критикѣ.

Такое пониманіе отношеній между серьезнѣмъ писателемъ и серьезнѣю публикою привело автора предлагаемой книги къ мысли: прежде чѣмъ приступить къ печатанію дальнѣйшихъ томовъ предпринятаго повѣстованиѣя, заняться изданіемъ матеріаловъ, непосредственно къ нему относящихся. Имѣя въ рукахъ сборникъ историческихъ свидѣтельствъ, послужившихъ автору опорою для его мыслей (и при этомъ, конечно, зная все изданное другими радѣтелями исторической правды), читатель будетъ судить о представляемомъ ему трудѣ, не давая автору своего вниманія въ кредитъ и—что еще важнѣе—находясь въ возможности противопоставить авторскому суду судъ собственный.

Итакъ, вмѣсто третьаго тома *Історії Возсоединенія Руси*, появится въ печати сперва первый томъ *Матеріаловъ для Історії Возсоединенія Руси*,— работа, равно интересная для автора и, можетъ быть, болѣе полезная для распространенія въ нашемъ обществѣ историческихъ знаній. Хотя автору не безызвѣстно, какъ почтенные труды Археографической Коммиссіи залиживаются въ книжныхъ складахъ, но тѣмъ не менѣе онъ надѣется, что предпринимаемый имъ сборникъ историческихъ свѣдѣній найдетъ столько читателей, сколько ему желательно имѣть ихъ. Археографическая коммиссія, какъ учрежденіе государственное, держалась, такъ сказать, въ высшихъ сферахъ документальности и, сообразно съ достоинствомъ ученой коллегіи, ограничивалась лишь краткими указаніями внутренняго содержанія печатаемыхъ документовъ. Притомъ форматъ ея изданій, своею грандиозностью, отличался отъ книгъ, которыя люди, живущіе въ укромной простотѣ, привыкли держать

въ рукахъ. Неудобства чисто виѣшняго свойства отвлекали внимание большинства читателей и отъ внутренняго достоинства изданій Археографической комиссии. Я, какъ издатель, отвѣчаю-щій за себя одного, имѣю своего рода удобства, которыми и не премину воспользоваться. Во первыхъ, по моему личному воззрѣнію, я придаю гораздо больше исторического значенія бумагамъ второстепенной важности, нежели строго оформленнымъ или офиціозно авторитетнымъ свидѣтельствамъ и торжественнымъ актамъ. Во вторыхъ, я могу позволить себѣ совершенно свободный выборъ матеріаловъ изъ рукописей, накопившихся въ библіотекахъ и архивахъ со временъ оныхъ, и въ третьихъ, я намѣренъ спабжать печатаемыя историческія свидѣтельства подробными указаніями ихъ содержанія, сближеніями, ссылками и т. п. Все это должно, мнѣ кажется, сообщить моему сборнику, въ глазахъ публики, хотя часть того интереса, съ которымъ историкъ разворачиваетъ неизвѣстный ему рукописный или обнародованный источникъ. Но, если я ошибаюсь, въ такомъ случаѣ мой трудъ вознаградится инымъ, не матеріальнымъ способомъ. Онъ, въ поколѣніи грядущемъ, найдетъ себѣ читателей, подготовленныхъ къ чтенію историческихъ свидѣтельствъ лучше, нежели наше поколѣніе, а вѣрный слѣдъ бытого, который въ немъ сохранится, безъ сомнѣнія, переживетъ и мои собственные изображенія отдаленаго времени, и тѣ, которые будутъ противопоставлены имъ, какъ болѣе вѣрныя.

Вполнѣ сознавая, какая многолѣтняя опытность требуется для отысканія, опредѣленія относительной важности и самого выбора источниковъ, хотябы и согласно моему личному воззрѣнію на предметъ бытописанія, я не рѣшился бы обѣщать публикѣ подобнаго сборника, еслибы не заручился напередъ готовностью содѣйствовать мнѣ въ этомъ предпріятіи со стороны многоопытнаго и заслуженнаго въ наукѣ академика А. Ф. Быч-

кова, главнаго библіотекаря Імператорской Публичной Библіотеки, котораго благосклонному вниманию къ моей работе и много обязанъ и при написаніи первыхъ двухъ томовъ „Історії Воздоєдненія Руси“.

III.

Всѣ занимающіеся у насъ исторію чувствуютъ большой недостатокъ въ критической оцѣнкѣ, какъ того, что уже написано по извѣстнымъ доселъ источникамъ, такъ и самихъ источниковъ. Въ публикѣ нашей на критику нѣтъ спроса: она довольствуется правдоподобiemъ историческихъ монографій, и до того, говоря вообще, потеряла чутъе исторической правды, что большинствомъ голосовъ (а это подозрительно въ дѣлѣ критики) возводить иной разъ анекдотиста на степень историка. Нѣть *спроса* со стороны публики, но нѣть *предложенія* и со стороны людей науки, кромѣ профессорскихъ лекцій и весьма рѣдко появляющихся въ печати обзоровъ исторической литературы. Люди науки, въ свою очередь, остаются болѣе или менѣе равнодушны къ умственной лѣни, которая всегда водворяется въ читающемъ обществѣ, лишь только оно откроетъ полный кредитъ авторитетамъ, пренебрегающимъ требованіями науки.

Такое положеніе дѣла затрудняетъ производство работъ въ кабинетахъ историковъ, а болѣе темнымъ изъ нихъ даѣтъ возможность, такъ сказать, нетопырничать въ пустыхъ постройкахъ собственнаго и чужого воображенія. Но изъ всѣхъ частей исторического вѣдѣнія ни одна до такой степени не остается въ небреженіи относительно критической разработки, какъ исторія польско-русскаго края, то есть русскихъ областей, входившихъ въ составъ Польской Рѣчи-Посполитой. Коснувшись этой исторіи лишь поверхностно, авторъ представляемой книги, можно сказать, смущился передъ массою того, что ему слѣдовало бы

сперва предпринять, въ смыслѣ работъ приготовительныхъ, еслибъ онъ больше полагался, какъ на свою долговѣчность, такъ и на способность—путемъ кропотливаго анализа приходить къ синтетическимъ умозаключеніямъ. Откровенно говоря, онъ увидѣлъ, что ему не съ того надоно бы начать свою работу, съ чего онъ ее началъ. Между тѣмъ потребное для нея время уже ушло на другія очередныя занятія, которыхъ нельзя было отложить въ сторону,¹⁾ и въ лампѣ жизни остается масла уже немнога. Немногое можно уже предпринять автору представляемой книги въ подспорье науки, которая таکъ настоятельно нуждается у насъ въ помощи критики. Но лучше сдѣлать мало для грядущаго поколѣнія, нежели, поражаясь громадностью работы, великодушно завѣщать ее нашимъ преемникамъ нетронутую вовсе.

При этомъ надоно сказать, что авторъ, какъ въ 1-мъ, такъ и во 2-мъ томѣ книги своей, не разъ останавливался посреди своей рѣчи, имѣвшей въ виду занять воображеніе читателя картинами былого, и, прекративъ повѣсть о дѣйствующихъ лицахъ, водилъ его, такъ сказать, въ ихъ арсеналы, въ ихъ гардеробныя, въ ихъ кладовыя, рылся въ старомъ хламѣ передъ глазами ожидающаго читателя, съ безпощадною кропот-

¹⁾ Какъ, напримѣръ, можно было откладывать переводъ священнаго писанія на украинскій языкъ, для спасенія русской народности въ галицкомъ обществѣ, заѣдаемой, или вѣрнѣ сказать доѣдаемой польскимъ элементомъ? Равнодушіе къ происходящему передъ нашими глазами довершенню захвата Казимира III по-томство наше осудить еще строже, нежели ту „ревность не по разуму“, съ которой московскіе противники теоріи Макса Миллера о неистребимости языковъ выказываютъ своими субсидіями и другими—выражусь по-польски—zabiegami. Они дѣлаютъ много вреда русскому элементу въ Галиції, воображая, что спасаютъ его отъ польского: они играютъ роль глупо-усердной няньки, которая вырываетъ опасно больное дитя изъ рукъ слабой матери; по ихъ не упрекнуть будущіе представители моральныхъ интересовъ русскаго міра въ томъ тупомъ равнодушіи, которое поражаетъ насъ въ нашихъ якобы просвѣщенныхъ, часто до безобразія богатыхъ, землякахъ,—равнодушіи, напоминающемъ стадо безсловесныхъ, изъ котораго часть отдѣлена и отправлена въ бойню.

ливостью антикварія, и потомъ опять бралъ прервашую нить разсказа; а не разъ, вмѣсто пластической работы, ему приходилось заниматься полемическою очисткою почвы, на которой происходили изображаемыя имъ сцены. Все это — отъ недостаточнаго приведенія въ извѣстность того, что составляетъ кабинетный инвентарь историка по избранному имъ предмету, отъ недостаточнаго обсужденія напередъ каждого историческаго труда и каждого источника чисто критическимъ способомъ. Желательно было бы ему не затруднять себя впредь подобными остановками, доставлять читателю умственное занятіе болѣе однородное и показывать ему зданіе исторіи безъ лѣсовъ, безъ строительного громозду и мусору. Другими словами: авторъ пришелъ къ уразумѣнію необходимости — отдѣлить въ особую книгу критическую работу отъ повѣствовательной, такъ точно, какъ рѣшено уже имъ отдѣлить текстъ исторіи отъ оправданія и дополненія его выписками внизу страницъ. То и другое, то есть обнародованіе новыхъ источниковъ и критической разборъ ихъ вмѣстѣ съ литературою своего предмета, могъ бы онъ совмѣстить въ одномъ и томъ же изданіи, котораго программа изложена выше. Но ученые издатели историческихъ свидѣтельствъ частѣ съ умысломъ уклоняются отъ выраженія конкретнаго воззрѣнія на эти свидѣтельства. Они предстаиваютъ людямъ всѣхъ національностей, всѣхъ вѣроученій, всѣхъ политическихъ и литературныхъ партій приближаться къ обнародованнымъ источникамъ непосредственно, безъ категорического объясненія для нихъ этихъ источниковъ, перазлучнаго съ извѣстною научною системою. Въ особенности считается нужнымъ отсутствіе такого медіума для людей начинаящихъ, которые, по недостатку начитанности, могли бы болѣе другихъ подчиниться авторитетности издателя, во вредъ индивидуальному своему отношенію къ предмету. Другое дѣло — категорическая критика виѣ книги. Къ ней обращаются уже по прочтеніи

источника, для сопоставления собственного суда съ чужимъ. Она тамъ дѣйствуетъ столь же свободно, не стѣсняясь личными взглядами критиканта, какъ и всякое мнѣніе, обращающееся среди общества въ бесѣдѣ устной. Она необходима за предѣлами археографического изданія, не только тогда, когда не погрѣшаетъ противъ истины, но даже и въ такомъ случаѣ, когда ее извращаетъ, при увлечениіи критиканта исключительностью принадлежащей ему системы. „Довлѣть бо и ересемъ быти“. Это сказано о вѣрѣ, но можетъ быть примѣнено и ко всякому иному алканю истины.

Опредѣляемая такимъ образомъ полезность печатанія критической работы въ особой книжѣ даетъ у меня начало новому специальному изданію, которое должно имѣть въ виду все ту же историческую идею — процессъ возсоединенія Руси, совершившійся, незримо для современниковъ, въ жизни трехъ народовъ: сѣверо-русскаго, заявившаго геніальную способность къ образованію государства весьма рано; южнорусскаго, сохранившаго отъ временъ до-историческихъ инстинкты общественности; и польскаго, работавшаго у себя дома, въ родной славянщинѣ, на пользу не-славянской, даже анти-славянской идеи, — на пользу церкви, которая вторгнулась въ славянскій міръ во всеоружіи нравственной и политической тиранніи. Произведенія ума, воображенія, вкуса, а также и всего, чтѣ можно назвать отсѣдомъ жизни, и чтѣ автора этой книги интересуетъ специально, легко могутъ быть отособлены изъ массы печатнаго и рукописнаго слова, по отношенію къ тремъ только что указаннымъ путямъ исторической карьеры трехъ родственныхъ народовъ. Критическая работа можетъ быть открыта немедленно, безъ продолжительныхъ развѣдокъ, такъ какъ материалы для нея, большую частью, находятся на лице. Но авторъ представляемой публикѣ книги и въ этой работе не желалъ бы трудиться въ одиночку: онъ неувѣренъ

въ достаточности для нея собственныхъ его силъ и способностей. Поэтому, вмѣсто того, чтобы приступить молча къ обсужденію предметовъ критического сборника своего; онъ заявляетъ во всеобщую извѣстность, что съ удовольствіемъ дастъ въ своеомъ сборникѣ мѣсто каждому безпредвзятому обзору одного или многихъ сочиненій, подобно тому, какъ это сдѣлано имъ нѣкогда въ „Запискахъ о Южной Руси“.

Заглавіе предположенному сборнику будеть дано слѣдующее: *Критико-библіографическая Работы для Исторіи Воссоединенія Руси*. Въ него войдутъ не только статьи, обнимающія опредѣленный предметъ со всѣхъ сторонъ, но и отрывочные замѣтки, какія часто составляются въ умѣрии при чтеніи историческихъ сочиненій и источниковъ. Вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ въ невѣрномъ хранилищѣ—памяти, или въ бумагахъ, которыхъ сохранность, равнымъ образомъ, ничѣмъ не обезпечена, мы (то есть авторъ и предполагаемые его сотрудники, если они найдутся) будемъ все передавать публикѣ посредствомъ печати, будемъ пускать и крупныя, и дробныя суммы умственного капитала въ обращеніе, дабы онъ перешолъ къ нашему потомству съ процентами. Этимъ способомъ, кроме достиженія цѣли специальной, достигается, въ извѣстной степени, и болѣе общая цѣль—предохраненіе будущихъ историковъ отъ крупныхъ и мелкихъ погрѣшиостей, пускаемыхъ въ ходъ подъ видомъ истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проложеніе для нихъ новыхъ путей по невоздѣланнымъ еще пространствамъ исторической области, которая доселѣ довольствовалась лишь центральными дорогами.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА XI. Какъ относились къ козакамъ всѣ сословія и корпораціи въ началѣ столѣтней козацко-шляхетской войны.—Козаки пропагандируютъ своими походами войну съ невѣрными въ отрезненной Руси, въ Польшѣ и наконецъ въ Московщинѣ. — Трагический моментъ панской республики.—Переходъ къ беззаботной веселости.—Наступленіе грозы со стороны Запорожья.—Начало столѣтней козацко-шляхетской войны.

ГЛАВА XII. Козачество панское по отношенію къ запорожскому.—Императорскій посолъ на Запорожье, и характеристика запорожского токаріщества.—Козацкая служба подъ знаменами Рудольфа II.—Положеніе панскихъ дѣлъ между первымъ и вторымъ козацкими возстаніями.—Несостоятельность короннаго войска въ войнѣ съ татарами.—Козацкія попытки основать другой форпостъ въ виду азіатцевъ.—Ополченіе русины служить безсознательно русской идеѣ.—Козаки ремонтируются для предстоящей борьбы.

ГЛАВА XIII. Двоякій взглядъ на противниковъ козачества.—Козачество направляется къ занятію новыхъ пустынь.—Разбойничанье обоихъ войскъ, панского и козацкаго.—Козаки уступаютъ панамъ правую сторону Днѣпра.—Борьба равноправности съ польскимъ правомъ подъ Любнями.—Измѣнники караются измѣнниковъ за измѣну измѣнникамъ.—Расплата потомковъ за предковскія увлечения . . . 113

ГЛАВА XIV. Куда дѣвали козаки скарбы свои? — Ограниченність ихъ издержекъ, въ противоположность съ папами, и обширная область козацкой эксплоатации. — Средства къ содержанію войска и семействъ. — Развлѣчіе между попытками о себѣ козаковъ и шляхты. — Успѣхи колонизаціи вслѣдствіе козацкихъ наѣздовъ на мусульманъ. — Параллель двухъ русскихъ силъ — воинственной и интеллигентной. — Постепенное развитіе козацкой корпораціи. — Внутреннія и виѣшнія обстоятельства Рѣчи-Посполитой Польской	115
ГЛАВА XV. Постепенный разливъ козачества въ польско-русскомъ обществѣ. — Необходимость временнаго примиренія двухъ враговъ русской силы — мусульманъ и поляковъ. — Стремленіе поляковъ къ политической гибели путемъ посягательства на Московское царство. — Непониманіе выросшей русской силы въ лицѣ козаковъ. — Козаки являются политиками, устрашающими кровопролитіе.	204
ГЛАВА XVI. Возрожденіе древнихъ русичей въ низовомъ козачествѣ. — Обратное движеніе русской силы въ Киевскую землю изъ карпатскаго подгорья. — Возстаніе русской силы изъ упадка на сѣверѣ. — Мирный сдѣлки козаковъ съ папами. — Козаки спасаютъ польское войско въ Московщинѣ. — Невозможность уничтожить козаковъ. — Прикосновеніе козаковъ къ церковнымъ дѣямъ.	252
ГЛАВА XVII. Панско-мужицкій центавръ на Руси. — Общественные добродѣтели польско-русскихъ пановъ. — Поддержка монархической власти. — Благоустройство и порядочность папского быта. — Достоинство связей между патрономъ и dependentами. — Европейская образованность. — Коронный гетманъ вмѣстѣ съ землевладѣльцами защищаетъ Украину отъ татаръ	279
ГЛАВА XVIII. Панское ополченіе для усмиренія козаковъ, обезоруженное козацкою уступчивостью, или такъ называемая Раставицкая комиссія съ козаками. — Новый кievский воевода и кроткій способъ вдоворенія польского права въ Украинѣ. — Латинская церковь ведеть правильные апопти противъ русской церкви въ центрѣ русского элемента — Киевѣ. — Киевобратьская школа. — Мѣщанскій элементъ въ Запорожскомъ Войскѣ. — Перенесеніе общихъ надеждъ Славянщины съ польского короля на царя московскаго.	305
ГЛАВА XIX. Польско-русское общество терроризуетъ лучшаго своего представителя. — Отстраненіе Запорожскаго Войска отъ	

участія въ войнѣ за Волощину.—Гибель панского войска на Іоцорѣ и значение этого события въ судьбѣ Украины.—Общий взглядъ на польско-русскую жизнь, положение страны и народа.—Личность лучшаго козака и ея отношенія къ лучшему изъ людей духовныхъ.	338
ГЛАВА XX. Связь нашего прошедшаго съ нашимъ будущимъ.—Сила—конкретное мѣрило историческихъ явлений.—Козаки стояли въ сторонѣ отъ церковныхъ дѣлъ.—Козаки не имѣли политической тенденціи.—Духовенство воспользовалось козаками для интересовъ церкви.—Возстановленіе православной іерархіи.—Возсозданіе побитаго въ 1596 году козачества.—Суть нашей жизни оказывается въ ея послѣдствіяхъ.—Турки осуществляютъ наконецъ свою угрозу.—Безславіе польско-панской и слава русско-ко-зацкой партіи.	369

ОПЕЧАТКИ.

Авторъ просить своего снисходительного читателя исправлять, предварительно чтенія, слѣдующія важнѣйшія опечатки:

на стр. 9, въ строкѣ, 20 слѣд. бы напеч. скрежеталь на нихъ зубами, а не скрежеталъ зубами.

„	—	„	80	„	„	на сеймѣ, а не въ сеймъ.
„	11	„	—	„	„	письмѣниковъ, а не письменниковъ.
„	13	„	12	„	„	года Уханскій, а не юда онъ.
„	26	„	40	„	„	говѣрить, а не избрить.
„	27	„	9	„	„	замѣчаніемъ, а не словами.
„	53	„	9	„	„	древности и новаго времени, а не древности новаго времени.
„	72	„	2	„	„	бусурманскую, а не на бусурманскую.
„	76	„	10	„	„	чтобы они условились, а не чтобы условиться.
„	88	„	19	„	„	панскихъ, а не панскихъ.
„	91	„	2	„	„	громбовато, а не грѣшовато.
„	105	„	9	„	„	сношеніями козаковъ съ Волощиною, а не сношеніями ихъ съ Волощиною.
„	113	„	16	„	„	Яковъ Потоцкій, Стефанъ Потоцкій, а не Яковъ Потоцкій, будущій историкъ Хотинской войны.
„	132	„	31	„	„	началь Жовковскій, а не началъ онъ.
„	137	„	27	„	„	скрывались, а не скрылись.
„	138	„	18	„	„	потому продаивась, а не потому она продавалась.
„	—	„	24	„	„	коронныхъ, а не коренныхъ.
„	153	„	14	„	„	козаки разорили, а не они разорили.
„	170	„	10	„	„	Пісочинскій, а не Лаврінъ Пісочинскій.
„	172	„	35	„	„	но иноплеменику, а не по иноплеменику.
„	180	„	20	„	„	Струсь очутился, а не Струсь, герой лубенского побоища, очутился.
„	192	„	14	„	„	для порабощенія Польши, а не безъ воли Польши.
„	200	„	2	„	„	заставляютъ ее, а не заставляютъ ею.
„	277	„	9	„	„	маршалка, а не старости.

ГЛАВА XI.

Какъ относились къ козакамъ всѣ сословія и корпораціи въ началѣ столѣтній козацко-шляхетской войны.—Козаки пропагандируютъ своими походами войну съ невѣрными въ отрозненной Руси, въ Польшѣ и наконецъ въ Московщинѣ.—Трагический моментъ панской республики.—Переходъ въ беззаботной веселости.—Наступленіе грозы со стороны Запорожья.—

Начало столѣтній козацко-шляхетской войны.

Смѣло можно сказать, что, при началѣ козацко-шляхетской столѣтней войны, отрозненная Русь была на краю нравственной, а слѣдовательно и материальной, гибели. На козаковъ никто въ то время не смотрѣлъ, какъ на спасительное орудіе промысла (*faute de mieux*, допустимъ это выраженіе) и даже, какъ на карбачъ, которымъ сила вещей, или другая, болѣе таинственная сила, должна очистить русскую землю отъ нашествія иноzemенныхъ и иновѣрныхъ. Всѣ сословія и партіи смотрѣли искона на козацкія купы, — всѣ, не исключая ни угнетеннаго духовенства, ни борющихся въ неравной борѣ є церковныхъ братчиковъ-мѣщанъ, ни безнадежно скорбящихъ и беспомощно обремененныхъ мужиковъ, — не исключая ни православныхъ, ни унитовъ, ни торговыхъ людей, ни землевладѣльцевъ. Тѣмъ менѣе было расположено дворянство къ признанію за козаками присвоеннаго ими себѣ права меча, а въ дворянской средѣ наидалѣше отъ симпатіи къ этому единствено-русскому воинству быль домъ, прославленный и прославляемый, какъ „крѣпчайшій столпъ и уврашеніе

церкви Божієй“, какъ „самый ревностный поборникъ православія.“ Ему-то больше вѣхъ и не правилось козачество.

Этотъ домъ, такъ жестоко измѣнивши нашему національному дѣлу въ самое критическое, въ самое опасное, въ самое тяжкое для насть время, прежде всего измѣнилъ тому рыцарству, которое отстаивало колонизацію Руси противъ заклятыхъ враговъ этой колонизаціи. Козаки пришли свести счеты съ княземъ Острожскимъ; они смотрѣли на него такъ, какъ въ XVIII столѣтіи потомки ихъ — на Саву Чалаго. Съ него рѣшили они начать возмездіе за все, чѣмъ виновато было польское право передъ русскимъ.¹⁾ Само собою разумѣется, что русскіе паны, а въ томъ числѣ и князья Острожскіе, не сознавали вины своей передъ козаками: они дѣйствовали, какъ всякая ложная идея, воплощенная въ корпорацію, сословіе или государство, — дѣйствовали тѣмъ „необачнѣ“, чѣмъ дальше уклонялись отъ прямой дороги. Не сознавали и козаки великой задачи своей, какъ организмъ, въ которомъ бродятъ неясныя, покамѣсть, представленія о томъ, къ чему онъ предназначень. На сколько одни были удалены отъ уразумѣнія политическихъ заблужденій своихъ, на столько другие неспособны были понимать историческій смыслъ бурныхъ страстей своихъ. Две крайности имѣли между собою то общее, что обѣ были одинаковоувѣрены въ правотѣ своей, и тѣмъ самимъ исключали возможность компромисса между собою. Возвышенное въ глазахъ шляхты было возмутительно въ глазахъ козаковъ, а то, что козаки вмѣняли себѣ въ честь и заслугу, шляхта называла грабежемъ и разбоемъ.

¹⁾ Эту мысль высказалъ самъ Константина-Василій Острожскій въ одномъ изъ таинственныхъ писемъ своихъ къ зятю Радзивилу: „... tak pan Bog po-dobno chce mieć, ze co dalej, to gorzey, iako ona baba ze wschodu klnać mowiła, od tego ętrowstwa ukrainnego i naprawy zlych a niezboznych ludzi... iakie iuz trwogi od tego ętrowstwa zachodzą, a sliusznie to piszę, bo iaki głos to hultaistwo puscilo, ze tu majetności mych dokonawszy, tam się obrucić chca, czemu bardzo pilno zabiegać by miała wszystka Rzplita, poki ten pozar kazdego nie dosięgnie“. (Рукоп. Императ. Публ. Библ., отд.польск. № 223, f. IV, л. 8).

Славное царствование Стефана Баторія было весьма тяжелымъ временемъ для козаковъ. Фактъ уточленія въ Днѣпрѣ королевскаго посла выражаетъ не дикий разгулъ козацкой вольницы, какъ обыкновенно пишутъ о козакахъ, а дикое отчаяніе людей, которые и за Порогами не находили пристанища, которые не имѣли права на самосудъ и самоуправлѣніе даже у самой пасти чудовища, пожиравшаго ихъ братій ежегодно, ежемѣсячно, даже, можно сказать, ежедневно. И что же? сила вещей брала свое. Вмѣстѣ съ Глубокимъ, козаки утопили въ Днѣпрѣ свой страхъ передъ верховной властью польскою. Стало слышно опять про ихъ подвиги. Стефанъ Баторій умеръ. Паны завели безконечные споры на сеймѣ, кому быть „королемъ королей“ въ Польшѣ. Начались пиришства и такъ называемыя popisywania się. Князь Острожскій съ сыновьями своими вѣхалъ такъ парадно въ Варшаву, что занялъ цѣлый народъ шляхетскій зреющимъ своего конвоя, состоявшаго изъ пѣсколькоихъ тысячи всадниковъ, и въ теченіе цѣлаго дня не далъ панамъ заняться сеймовыми дѣлами. Триумфальное шествіе mogновiadztwa.

Козаки въ это самое время разорили Очаковъ, построенный Менгли-Гиреемъ на русской почвѣ, но вѣсть объ ихъ подвигѣ не доставила сеймующимъ панамъ никакого удовольствія. Даже и самые толковые изъ нихъ за сожженіе Очакова обвиняли козаковъ, какъ за нарушеніе мира съ непріятелемъ, „страшнымъ всему свѣту“, и упрекали сеймъ, что онъ только возбудилъ вопросъ объ опредѣленіи казни этимъ сорвиголовамъ, но никакой казни не опредѣлилъ. „Отъ турка“, говорили они, „мы можемъ ожидать развѣ такой попады, какую обѣщалъ Циклонъ Улису, то есть, что проглотитъ его послѣднимъ. Стоять одной Польшѣ противъ этого владыки Азіи, Африки и болыпей части Европы все равно, что одному человѣку — противъ сотни человѣкъ. Первая проигранная битва погубить насть, а онъ выдержитъ и пятнадцать. И то надо помнить, какъ съ нимъ обходятся другіе потентаты. Сколь-

ко онъ отнялъ у генуэзцевъ, сколько у венетовъ! великому испанскому монарху разорилъ Гулету и разныя другія дѣластъ досады, — все терпятъ! Молчали и наши предки, когда онъ отнялъ у нихъ Молдавію: рѣшились лучшіе рукавомъ заткнуть дыру, не жели цѣлимъ жупапомъ.“

Такъ ораторствовалъ на томъ же сеймѣ знаменитый писатель Оржельскій, который видѣлъ Запорожье собственными глазами, но не симпатизировалъ ему ни мало. Естественно, что еще меньшіе симпатизировали козакамъ такой магнатъ, какъ Острожскій: онъ привелъ нѣсколько тысячъ вооруженнаго народа не для того, чтобы поддерживать на сеймѣ русское дѣло. Онъ былъ русинъ только въ глазахъ тѣхъ, кому нужно было страшать враговъ православія тромкимъ именемъ князя Острожскаго. Для всѣхъ прочихъ онъ былъ польскій магнатъ, котораго только протекторатъ надъ русскою церковью удерживалъ отъ перехода въ латинство. Онъ семейныя письма писалъ попольски. Отправляя въ чужие края сына, онъ говорилъ ему попольски: „Помни, что ты — полякъ“. Но козаки, до самаго 1590 года, всѣ еще чего-то надѣялись отъ старого соратника; они надѣялись наивно.

За конвоціоннымъ сеймомъ слѣдовала война съ эрцгерцогомъ Максимилианомъ, который вооруженною рукою хотѣлъ взять польскую корону; шляхетское большинство предпочло ему шведскаго королевича Сигизмунда. Было нѣсколько битвъ подъ Краковомъ. Въ этихъ битвахъ участвовало и козацкое войско, то есть известная часть его, подъ предводительствомъ какого-то Голубка. Подъ Бычиною козаки потеряли своего предводителя, помогая Замойскому одолѣть Максимилиана. Это былъ уже 1588 годъ, о которомъ астропомы писали, какъ-будто занимались дѣломъ, что онъ будетъ дивный. Польское общество, вѣрно судьбу свою магнатамъ, вѣчно тревожилось предчувствіями, которыхъ таки и не обманули его. Послѣ варшавскаго сейма запѣли у бернадиновъ *Te Deum laudamus* и — диво! ошиблись какъ-то въ

пѣніи: „еще одно недоброе предвѣстіе“! замѣчаетъ современникъ. Въ маѣ мѣсяцѣ громовая стрѣла ударила въ одинъ изъ краковскихъ костеловъ. Потомъ затряслась и загудѣли отъ подземныхъ эволюцій Татры, „Сарматскія горы“; потомъ разнесся слухъ, будто-бы въ Вѣнѣ провалилось въ землю нѣсколько домовъ. Все это были таинственныя предсказанія бѣдствій народныхъ.

Но между ложными тревогами были и справедливыя. Въ Польшу приходила одна за другою вѣсть о козацкихъ вторженіяхъ въ землю соѣдей, отъ которыхъ паны рѣшили обороняться платежемъ дани. То слышали, что козаки разорили и разграбили невольничій рынокъ Козловъ въ Крыму, то получалось донесеніе о сожжениі ими Тягни, Бѣлгорода и другихъ пограничныхъ турецкихъ городовъ и сель. „Надобно теперь и намъ ждать къ себѣ гостей“, пишетъ сынъ первого русскаго литератора, сослужившаго службу *трудному*, какъ говорили латинскіе грамотѣи, языку польскому. И ожидали, по-шляхетски: одинъ на другого взваливали випу, что въ казнѣ быть ни тысячи золотыхъ; что нечѣмъ платить жолнерамъ, которые необходимы для прикрытия пограничья; что повѣты не собираютъ постановленныхъ собственными же сеймиками налоговъ. Козаки мстили панамъ на ихъ пріятеляхъ — татарахъ и туркахъ; султанъ мстилъ за козаковъ на санихъ панаахъ. Онъ велѣлъ крымской ордѣ поновить слѣды свои, оставленные въ 1575 году вокругъ Тернополя, а орда, какъ говорится, до сего тѣру и тишкі. Въ августѣ 1589 года Подолія и Червоная Русь увидѣли старыхъ гостей своихъ, и за новое поспѣщеніе заплатили панскими женами, дочерьми и малолѣтнею шляхтою, такъ какъ всѣ взрослые на то время сеймовали. „Коронный гетманъ“, пишетъ Іоахимъ Більскій, „даваль о нихъ знать, разсыпалъ письма, чтобы сѣбѣзжались, но наши долго не вѣрили, пока наконецъ увидѣли татарь собственными глазами, да было уже поздо“. Даже наемныя роты не могли такъ скоро сѣбѣзхаться въ купы. Всѣ-таки паны пустились въ погоню за добычниками и,

на сколько хватало силъ, бились съ ордою у Буска, Дунаева, Галича. Значительнѣе прочихъ была битва подъ мѣстечкомъ Баворовыемъ. Въ Баворовскомъ замкѣ укрылась отъ плѣненія сестра короннаго гетмана, пани Владкова. Татаръ особенно интересовалъ этотъ ясырь: за него выручили бы они не одну тысячу червоицѣвъ; и вотъ они, при своемъ обыкновенно плохомъ вооруженіи, рѣшились взять приступомъ замокъ, чего никогда не дѣлали. Уже вторгнулись было въ мѣстечко, уже показались и въ „пригородкѣ“, остеревшися потерять они страхъ, который всегда чувствовали передъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, лѣзли въ прудъ, охранявшій замокъ, и тонули въ немъ подъ выстрѣлами; но на помощь гетманской сестрѣ прискакалъ Яковъ Струсь (taż niepospolity, замѣчаетъ лѣтописецъ) съ своею ротою; заnimъ явились роты Потоцкихъ и Подлѣдовскихъ, подкрѣпленныя ополченіемъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Орда отступила. Но Струсь, потомокъ тѣхъ русскихъ богатырей, братьевъ Струсей, о которыхъ, по словамъ латинской лѣтописи, народъ складывалъ пѣсни, quae duma vocantur, врѣзался въ самую гущину добычниковъ и былъ изрубленъ ими въ куски: съ нимъ легла почти вся дружина его. „Сваты попошли и сами полегонша“, сказалъ бы древній болгаръ, еслибы Струси воевали за землю русскую, а не за польскую.

Иной, болѣе грубой толикъ воиновъ готовилась въ потомствѣ награда пѣснями, которыхъ не заглушило глухое и нѣмое время, и еще болѣе прочная награда правдивымъ приговоромъ просвѣщеннаго потомства. Когда татары шли уже спокойно, уводя ясырь, въ числѣ котораго былъ и князь Збаражскій съ своюю княгинею, увозя даже тельги и экипажи панскіе, на ихъ напали козаки. Дѣло происходило ночью. Татары расположились двумя тaborами: въ одномъ почевалъ такъ называемый татарскій царикъ, среди награбленнаго въ панскихъ дворахъ добра и всякаго ясыру; въ другомъ — обыкновенная татарская сволочь, о которой въ наше время трудно составить и понятіе. Убогіе ордынцы хажи-

вали даже пѣшкомъ на добычу, а вмѣсто всякаго вооруженія, за поясомъ у нихъ висѣли лыка для вязанья ясырскихъ рукъ, а въ рукахъ несли они палки съ увязанною на концѣ конскою челюстью¹). Козаки у дарили на тaborъ царика, поразили орду на голову, отняли весь ясырь и остальную добычу. На крикъ и стрѣльбу прибѣжали татары изъ другого табора и „обскочили“ козаковъ. Но козаки импровизировали крѣпость изъ татарскихъ тѣлъ, изъ телегъ и фургоновъ, и, „побатовавши“, то есть увязавъ густо, коней, открыли изъ-за этого парапета по наступавшей ордѣ непрерывную пальбу изъ своихъ самопаловъ, муштетовъ, пищалей и рушницъ, какъ назывались у нихъ разнородныя и разнокалиберныя ихъ ружья. Два раза напирали на нихъ татары всею своею маскою, и два раза отступили съ большимъ урономъ; наконецъ, говоритьпольскій лѣтописецъ, „плюнули и пошли прочь“. Всѣ-таки увезли ордынцы князя Збаражскаго съ его княгинею и тѣхъ смѣльчаковъ, которые, подобно Струсю, напирали на нихъ подъ Баворовамъ съ ничтожными сравнительно силами: двухъ Подлѣдовскихъ, пана Варшавскаго, пана Корытинскаго и другихъ.

Характеристическую роль разыгралъ во время татарскаго падѣя 1589 года князь Константинь-Василій Острожскій, который для фамильныхъ интересовъ своихъ, явился на варшавскомъ сей-

Несторъ польскихъ бытописателей (*w ojczystym jêzyku*) Мартинъ Більскій, заброшенный въ радомскую околицу русинъ (котораго родное гнѣздо не могло иначе произноситься среди поляковъ, какъ *Biala*, вмѣсто Біла, но котораго имя документально сохранило свой русскій корень) пишеть о татарахъ слѣдующее: „Lud iest bardzo nikczemny, y ledwie połowica ich iest coby Łuk mieli Fancerow ani zbroie żadney nie miały, iedno w siermięgach się włóczę; aktory zbroi niema, tedy kość kobyły uwiąże u kija miasto broniey, a tak z tym ieżdżą. Nieczym inszym nie stoią, iedno prѣdkością swą, a druga że wielką nedzę ścierpieć mogą. Głodu ani pragnienia się nie boią, tak że mogą przez trzy dni przez wody y przez iedzenia trwać. Konie ich także, ktore gdy iedno trawy się naiedzą z rosą, tedy od godziny do godziny mogą ubiegać po kilkanaście mil z wojskiem wielkim, albowiem każdy z nich ma koni wiele na powodzie; gdy mu ieden ustanie, na drugiego usiadzie a tego tam porzuci, abo iesli iaki syty, tedy go zarzeże y ono mięso rozerwą między sobą iako psi“.

мѣ во всеоружіи магнатства, съ разнообразнымъ войскомъ, богатымъ обозомъ и артиллерию. Лѣтописецъ, съ тактомъ мелкопомѣстнаго пана, посвятилъ этому важному факту всего три-четыре строчки, именно: „Woiewoda Kiiowski, Woiewoda Brzawski mieli tež zbior ludzi na tem czas przy sobie nie mały, ale że się gniewali, nie chcieli się z sobą spolić: zaczym mogli by byli iaką posługę uczynić, a onych pod Baworowem ratować“¹⁾).

Всѣ-таки у пановъ козаки были виноваты, какъ за татарскій падѣсть, такъ и за прогнѣваніе Циклопа, который проглотилъ уже много народовъ и готовился проглотить поляковъ. Какъ въ баснѣ вола судили звѣри за порчу скирды сѣна, такъ произносили паны приговоръ за приговоромъ надъ козаками. Дѣла ихъ съ турками принимали иаконецъ оборотъ зловѣцій. Полякамъ приходилось рѣшить задачу страшную: to be, or not to be? При этомъ слѣдуетъ сказать, что въ польскую грудь природа вложила вовсе не заячье сердце: если не львиное, то по малой мѣрѣ волчье. Въ случаѣ крайности поляки дрались, чтѣ называется, zajadle. Кто не помнить Москвы, Збаража, Остроленки? Воинская доблесть, по замѣчанію Диксона, исчезаетъ послѣдняя въ народѣ. Когда пришло бы гибнуть подъ кривыми саблями япичаръ, паны доказали бы, что не напрасно читали у классиковъ о гибели Карѳагена. Бѣда была не въ недостаткѣ боевой доблести, а въ томъ, что польское сердце, въ минуты самоуглубленія, сознавало всю бѣдность ресурсовъ своихъ для политического существованія Польши. Вскорѣ по смерти Сигизмунда I, публичные ораторы, на „великомъ съѣздѣ всей Польши“ у Львова, обращались къ знатнымъ и незнатнымъ панамъ съ такими убѣжденіями: „Оставьте вы, господа, домашніе интересы ваши и обратите глаза на Рѣчъ-Посполитую; всмотритесь во всѣ части

¹⁾ Кіевскій и брацлавскій воеводы собрали также не мало вокругъ себя народу, но, какъ были между собою въ ссорѣ, то не хотѣли соединиться; а—то могли бы принести какую-нибудь пользу и спасти войско подъ Баворовскимъ.

ся: не увидите въ ней ничего здороваго: powszechnie dobro zgwałcone, domowe wydarte znalezienie“. Много лѣтъ спустя, другой ораторъ, отъ лица земскихъ пословъ Калишскаго воеводства, говорилъ на сеймѣ въ Варшавѣ 1585 года, между прочимъ, слѣдующее: „Обступили Корону со всѣхъ сторонъ, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія pericula, и скоро можетъ обнаружиться, что, какъ въ прокаженномъ, обреченнымъ на гибель тѣлѣ, такъ и въ Рѣчи-Посполитой нашей, nis zdrowego, nic bezpiecznego się nie znajdnie“.

И вотъ въ этакое-то политическое тѣло втянута была свѣжая еще силами Русь посредствомъ злополучной Люблинской унії! Предана была наша отропненная Русь полякамъ собственными протекторами ея, подобно тому, какъ предалъ князь Острожскій родную племянницу князю Димитрю Сангуинку, — нѣтъ, хуже! Это была цѣбѣщая здоровьемъ, богатая народными пѣснями, наивная въ возвышенности природнаго гenia своего суламитянка, увлеченная хитростью и наслѣдствиемъ придворныхъ старцевъ къ ложу отжившаго свой вѣкъ похитителя женщинъ. И какъ сильно было это чувство у русскихъ пановъ, — у тѣхъ русскихъ пановъ, которыхъ, въ ихъ пограничномъ положеніи, вѣчно назиралъ непріятель, точно грѣшникъ праведника, и скрежеталъ зубами своими! На избирательномъ сеймѣ по смерти Сигизмунда Августа, когда султанъ грозилъ войною, если поляки изберутъ короля не по его мысли, представитель червено-русскихъ пословъ, перемышльскій судья Оріховскій, окончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Объявляемъ, что наши сограждане, находясь въ крайней опасности, признали за благо — одну часть рыцарства выслать сюда ¹⁾, а съ другою частью остались сторожить, съ оружиемъ въ рукахъ, границу. Мы — самые вѣрные стражи отъ двухъ опасностей: и той, которая угрожаетъ намъ съ тылу, и той, которая касается всего государства. Лю-

¹⁾ Слова земскихъ пословъ не имѣли силы въ сеймѣ, если у нихъ за спиной не стояло земское ополченіе, готовое къ бою за предъявляемымъ послами требованія.

бовью къ отечеству заклинаемъ васъ, рыцари, не откажите намъ въ помощи: иѣть у насть больши силь къ самозащитѣ отъ испобѣдимаго непріятеля. Турчинъ собираестъ на насть неисчислимъя громады войска, Татаринъ грабить насть, Москва готовитъ войну¹⁾). Если и вы насть оставите, гдѣ же тогда надежда избавлени? Пи-кто изъ сосѣдей не прійметъ насть и не приютиетъ у себя; изъ свободнаго и сильнаго народа мы сдѣлаемся невольниками варваровъ. Это уже послѣднєе притѣсненіе, это послѣднія наши рѣчи, которыя къ вамъ обращаемъ; въ послѣдній разъ утѣшаемъ себя надеждою нерасторжимаго и тѣснаго единенія и союза съ вами. Сограждане, мы ваши клиенты, братья, друзья, родные, мы ваши сыновья, а вы наши отцы, опекуны, защитники. Если изберете недостойнаго короля, то мы, выставленные на такую опасность, принуждены будемъ поддаться грознымъ и сильнымъ врагамъ". Оріховскій, по словамъ знаменитаго лѣтописца Оржельскаго, говорилъ эту рѣчь понурымъ голосомъ, съ грустнымъ выражениемъ лица; изъ глазъ его брызнули слезы и заставили умолкнуть.

Напрасныя мольбы, напрасныя надежды! Нелюбимый до сихъ поръ шляхтою Папроцкій въ то самое время печаталъ въ Краковѣ своего рода обличеніе польскихъ пановъ въ ихъ не-правдахъ относительно Руси. „Вы“, говоритъ онъ, „не жаждете другой свободы, кроме свободы торговать скотомъ, да наполнить свои засѣки и клуни. Не въ пестрыхъ саянахъ свобода, господа. Это вамъ засвидѣтельствуютъ тѣ, которые побывали уже въ лыкахъ (со связанными назади руками). Тогда только свободными назвалъ бы васъ цѣлый свѣтъ, когдабъ вы отразили этого падуха (падишаха) и перегородили татарскіе проходы“.²⁾

¹⁾ Оратарь вѣрилъ слуху, распущенному тогда, въ видахъ испрашиваемой субсидіи, княземъ Острожскимъ, что будто-бы московскій царь идеть на Киевъ.

²⁾ Еслибы Папроцкій зналъ Слово о Полку Игоревѣ, онъ бы употребилъ выражение, рисующее половецкіе набѣги тѣми же чертами, какими позднѣйшиe по-вѣтствователи рисовали набѣги татарскіе: „Русичи великая поля чръзъныи

Но въ 1589 году, послѣ Баворовскаго дѣла и козацкой побѣды надъ татарами, поляки доказали, впрочемъ, и то на короткое время, справедливость пословицы: *mądry Lach po szkodzie*. Слышно было, что „турецкій гетманъ“ Гедерь-баша-беглербекъ¹⁾ перевѣился на сю сторону черезъ Дунай, готовясь идти съ громадными силами въ Польшу. Съ нимъ должны были вторгнуться въ польскія владѣнія и татары, но они, на бѣду себѣ, упредили турокъ, къ которымъ относились почти такъ, какъ русины къ полякамъ. Коронный гетманъ Янъ Замойскій съѣхался съ русскими панами во Львовѣ и началъ, какъ возможно скорѣе, готовиться къ защищѣ. Гетманъ предполагалъ соединить съ городомъ верхній замокъ общимъ окопомъ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ бѣды, обороняться здѣсь до послѣдней возможности. Тѣмъ же порядкомъ долженъ былъ затвориться въ Каменцѣ снятынскій староста Николай Язловецкій. Потомъ принаряжалъ гетманъ больше войска, затративъ часть собственныхъ денегъ, за поручительствомъ русскихъ пановъ. Сеномирскій воевода Юрій Мнишекъ, будущій царскій тестъ, собралъ также „не мало“ народу. Съ нимъ были русины Стадницкіе и много другихъ русскихъ пановъ. Разосланы письма и по другимъ областямъ, чтобы каждый спѣшилъ спасать отчество. Въ Krakовскомъ и другихъ воеводствахъ отбывались въ это самое время сеймики, на которыхъ выбирали депутатовъ въ трибуналъ. На этихъ сеймикахъ паны рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству: чтобы съ каждыхъ десяти лановъ снарядить

щиты перегородиша“. Другая напоминающая орду черта: „А половці неготовавши дорогами побѣгоша къ Дону великому“.

¹⁾ Читатель, можетъ быть, вопрошаетъ себя мысленно: почему авторъ пишетъ баша, а не паша? Потому, что нѣмцы, не имѣющіе въ своей фонетикѣ звука *be*, а имѣющіе только „*ne* твердое“ и „*ne* мягкое“, научили петровскихъ россиянъ, и даже многихъ, если не всѣхъ, польскихъ писателей и письменниковъ, звать сultанскихъ башей (*башъ* — голова) пашами; а намъ, украинцамъ, не приходится учиться у нѣмца, какъ называть врага, котораго мы непускали мѣшать его кабинетнымъ занятіямъ.

пахолка въ полномъ вооруженіи и съ конемъ въ руки, съ тѣмъ чтобы и на будущее время сеймовымъ закономъ установить эту мѣру на случай крайней опасности. Но тутъ же панская логика взяла свое! „Niebezpieczna by nam grecz byla“ говорить лѣтописецъ: „broń swą odpasawszy od boku, innemu ią dać“. ¹⁾ Къ этому прибавляли, что пахолки, отданные подъ начальство ротмистру, выбранному на время ополченія, не стали бы ему повиноваться. Рѣшились остатся при старомъ порядке: шляхтичъ, подъ именемъ товарища, приводилъ съ собою столько вооруженныхъ пахолковъ, сколько приходилось на его долю по количеству владѣемой имъ земли, и, будучи ихъ непосредственнымъ начальникомъ, самъ подчинялся распоряженіямъ ротмистра. Этимъ способомъ паны заставляли своихъ крестьянъ дѣлать военное дѣло передъ своими глазами, принимая въ немъ участія на столько, на сколько принимали въ работахъ хозяйственныхъ. Отсюда взяло свое начало то зловѣщее явленіе, которое уравнѣрило силы двухъ борющихся въ государствѣ республикъ—шляхетской и козацкой: вооруженные пахолки, пріобрѣвъ боевую опытность, при всякомъ удобномъ случаѣ переходили изъ-подъ хоругви наследственного пана подъ хоругви избирательного козацкаго начальника, какъ обѣ этомъ съ тревогой говорятъ „Volumina Legum“ уже подъ 1590 годомъ. Таково было устройство панской республики, таковы были нравы и интересы шляхты, что по неволѣ она должна была, „отпоясывая отъ своего бока мечъ, вѣбрать его другому“. Баворовская битва, описанная паномъ Бѣльскимъ такъ, какъ-будто и она заслуживаетъ пѣсень, quae duma vocantur, была не чтѣ иное, какъ пораженіе: въ этомъ смыслѣ представлена она даже въ донесеніи королю, который гостили тогда у своего отца, короля шведскаго. Она, вмѣстѣ съ другими тревожными новостями

¹⁾ Опасно было бы это для нась: отпоясавъ отъ своего бока саблю, вѣбрать ее другому.

ми, заставила гостя прервать застольный банкет и спѣшить въ Польшу.

Еще до возвращенія короля, спаряженъ былъ къ отъѣзду въ Турцію полномочный посолъ Уханскій съ порученіемъ заключить съ турками миръ, во что бы то ни стало. Приключенія этого посольства бросаютъ мрачный свѣтъ на положеніе Рѣчи-Посполитой: въ такомъ отчаянномъ положеніи никогда еще она не бывала,—никогда, даже и въ 1241 году, во время великаго нашествія татаръ. Существуетъ у насъ повѣрье, что когда конь споткнется въ воротахъ, дорога не будетъ благополучна. Съ Уханскимъ случилось хуже: онъ, въ самомъ началѣ своего пути, сломалъ ногу и лежалъ больной во Львовѣ. Въ концѣ декабря 1589 года онъ былъ, однаждѣ, уже въ Силистріи. Тамъ онъ пробылъ два часа проговорилъ съ беглербекомъ силистрійскомъ о козакахъ: козаки уже и тогда были мучительнымъ мозолемъ на ногѣ у поляка и турка. Но разговоръ обѣихъ кончился не менѣе мучительнымъ для пановъ вопросомъ со стороны беглербека: почему король не держитъ при султанѣ постояннаго посла, который бы регулярно выплачивалъ все, чтѣмъ слѣдуетъ отъ Польши, въ султанскую казну? Читатель пойметъ затруднительное положеніе Уханскаго, если я скажу, что польскіе полномочные послы отправлялись иногда въ Турцію съ 600 златыхъ въ карманѣ, что они прибѣгали къ такимъ выдумкамъ, какъ потопленіе обоза на Дунай (при чомъ представляли купленныя у мѣстной власти свидѣтельства), и что классически воспитанные паны королевской рады, вмѣсто всего, чѣмъ бываютъ сильны представители интересовъ государства при чужомъ дворѣ, важно снабжали своихъ пословъ совѣтомъ подражать хитроумному Улису, который такъ ловко обманулъ Циклопа въ пещерѣ. Хитросплетенія Уханскаго въ этомъ родѣ только раздосадовали беглербека, который, въ качествѣ турка, презиралъ классиковъ и классически изолгавшееся потомство ихъ. Впрочемъ, на другой день, онъ послать къ нему главныхъ чиновниковъ своихъ,

которые проговорили съ нимъ битыхъ четыре часа о козакахъ, какъ о виновникахъ нарушенія мира. Беглербекъ стоялъ на своемъ: что теперь иначе не возможно туркамъ помириться съ поляками, какъ на условіи—получать съ нихъ ежегодную дань. Съ трудомъ добился Уханскій пропуска въ Царьградъ, подаривъ два сорока соболей да британскихъ собакъ неподатливому беглербеку, который, хлопоча о султанѣ, былъ, какъ водится, себѣ на умѣ. Пришлося задобрить и его приближенныхъ. Но на варшавскомъ сеймѣ 1590 года получено извѣстіе, что Уханскій скончался въ концѣ прошлаго года, не исполнивъ посольства, что его мѣсто занялъ папъ Лашъ, и что все дѣло паходится въ печальномъ положеніи. Раздосадованные турки давали только сорокъ дней срока для присылки новаго послы съ ежегодною данью во сто коней, навьюченныхъ серебромъ (каждый конь долженъ быть нести тысячи тахровъ). На случай неимѣнія денегъ, предлагали полякамъ потурчиться. „Если этого не сдѣлаете“, говорилъ именемъ султана главный баша, по имени Синанъ-баша, „то я сотру васъ съ лица земли, и самую землю вашу обращу въ ничто. Уже съ персомъ заключенъ у насъ миръ, и вотъ онъ прислать въ заложники своего сына. Нѣмецкій цесарь платить намъ дань и долженъ тотчасъ выдать ее впередъ за три года. Такова вѣра наша: чтобы всѣ глянули—или платили дань, или приняли магометанство“. Это не была пустая угроза, и поляки не приняли требованіе потурчиться, какъ нѣчто такое, чего турки не могутъ домогаться отъ нихъ серьезно. Синанъ-баша называлъ осиротѣлое посольство безъ околичностей писами и не хотѣлъ слышать о продленіи отсрочки дальще сорока дней; а съ отѣзда посольского вѣстника, пана Чижовскаго, прошло уже 28 дней. „Если у васъ есть хоть капля ума“, говорилъ баша, который, какъ видно, былъ о полякахъ одного мнѣнія съ москалями, „то опомнитесь. Кто устоялъ когда-либо противъ меня? Персія ужасается меня, Венеты дрожать передо мною, Испанецъ молится, Нѣмецъ долженъ дать, чтѣ потребую. Пошли къ

вамъ всѣ татарскія орды, пошли волоховъ, молдаванъ, башу будинскаго, темешварскаго, беглербека силистрійскаго съ двумя стами тысячъ войска. Самъ своею головою поѣду за пими съ тремя стами тысячъ людей. И вы смѣете думать объ отраженіи меня! Весь міръ дрожитъ передо мною! Эти слова (докладывалъ Чижовскій), кричалъ онъ, какъ бѣшенный. Всѣ посольскія вещи были описаны; за сопротивленіе описи грозили половину посольства повѣсить на желѣзныхъ крючьяхъ, какъ Вилинцевскаго, а половину посадить на галеры. Пробовали послы задобрить башу 12-ю тысячами талеровъ, но онъ не захотѣлъ и посмотрѣть на такой ничтожный подарокъ. „Нѣтъ и на свѣтѣ такихъ измѣнниковъ, какъ вы!“ кричалъ онъ. „Вашъ король побѣжалъ къ отцу, стакнулся съ Максимилианомъ, выдалъ за него сестру, уступаетъ ему королевство и готовится вторгнуться къ намъ черезъ Волопину со стадвадцати тысячнымъ войскомъ, а Замойскій черезъ Седмиградскую землю съ другимъ войскомъ! Знаемъ, что вы тамъ дѣлаете! Или давайте дань, или принимайте нашу вѣру“. Съ своей стороны, силистрійскій беглербекъ писалъ къ коронному гетману, что если поляки ни того, ни другого не сдѣлаютъ, то всѣ ихъ земли будутъ обращены въ ничто и вытоптаны конскими копытами.

Коронный гетманъ, доложивъ сейму объ этомъ требованіи, упалъ на колѣни и, простирая руки къ небесамъ, умолялъ собраніе спасать отечество, пока еще не поздо. Что касается до него, то онъ готовъ жертвовать жизнью и, какъ бездѣтный, всѣмъ своимъ имуществомъ. Трагический моментъ побѣдилъ на время личные интересы шляхты: опредѣлено было поголовное ополченіе, такъ называемое *pospolite ruszenie*, и по конѣ гропей съ каждого лана земли, или такъ называемое *rogowne*. Отъ поголовнаго не былъ изъять никто, ни духовенство, ни королевскіе дворяне, ни даже безземельные. Въ распределеніи этого налога интересны нѣкоторыя цифры: Гнѣзенскій арцибискупъ обязанъ былъ уплатить „за свою особу“ 600 золотыхъ; львовскій арцибискупъ — 200;

краковскій бискупъ — 500; всѣ прочіе бискупы — по 300, кромѣ русскихъ, которые платили по 100; катедральные прелаты — по 20, а въ Руси — по 6; катедральные каноники — въ Польшѣ и Литвѣ — по 6 золотыхъ, а въ Руси — по 3. Даже и церковные звонари, и тѣ должны были платить по 2 гроша. На Руси владыки, которые побогаче — по 100 золотыхъ, а побѣдѣше — по 50; архимандриты побогаче — по 80, а побѣдѣше — по 10; крылошане, діаконы — по 1 злоту; ихъ слуги — по 2 гроша; протопопы — по 2 злота, попы — по 1-му; игумены — по 5; монастырскіе діаконы — по 15 грошей, а монахи — по 12; пономари — по 6, попады и дѣти ихъ по 8; коронные гетманы — по 100 золотыхъ, полевые гетманы — по 50; коронные сборщики пошлинъ (*czelnicy*) — по 100, русскіе — по 30; мельники водяныхъ мельницъ — по 12 грошей, а вѣтряныхъ — по 15; отъ женъ и дѣтей ихъ по 2; „всѣ шляхтичи, которые только служили своимъ панамъ и имѣли собственныхъ пахолковъ“ — по 15 грошей; а кто служилъ панамъ безъ пахолковъ — по 6; вся вообще шляхта, имѣвшая 10 кметей — по 8 золотыхъ; отъ женъ и дѣтей ихъ, сколько бы ни было въ домѣ, съ каждой души по 15 грошей; отъ ихъ слугъ не-шляхты обоего пола — по 4 гроша; шляхтичъ, который имѣлъ менѣе 10 кметей, до 7, долженъ былъ платить по 7 золотыхъ; у кого было только 6 — по 6; у кого 2 — по 2; у кого былъ 1 кметъ или плугъ, тотъ обязанъ былъ платить по 1 злоту; отъ челяди въ шляхетскихъ домахъ — по 1 грошу; убогіе шляхтичи, которыхъ сидѣло несколько человѣкъ на одной уволовѣ — всѣ 1 злотъ; шляхтичи, имѣвшіе фольварки и обрабатывавшіе ихъ челядью, „не имѣя въ деревнѣ сосѣда“, — по 8 золотыхъ; шляхтичи, не имѣвшіе ничего и занимавшіеся арендами, должны были платить налогъ съ арендной суммы; шляхтичи, проживавшіе въ городахъ, продавъ имѣнія или какимъ-либо способомъ имѣвшіе деньги, — по 8 золотыхъ; столько же и тѣ, которые, не имѣя собственности, пользовались пожизненно королевскими, духовными и свѣтскими

имуществами; наконецъ, тѣ шляхтичи, которые не имѣли ни осѣдлости, ни денегъ и никому не служили — по 1 злоту съ головы. Всѣ ремесленники облагались 10-грошовою податью; но кто выѣдетъ на войну, тотъ увольнялся отъ поголовицны; „ратаи“ въ Великой Польшѣ обязаны были платить по 3 гроша; „ворохи“, имѣвшіе болѣе 100 собственныхъ овецъ,—по 6 грошей, а менѣше, — по 3; „русскіе бояре и солтысы по королевскимъ, духовнымъ и шляхетскимъ деревнямъ, взимавшіе чинши и другія по-дати съ подданныхъ, обязаны были платить съ головы по 4 злотыхъ; гультаи по мѣстечкамъ и селамъ, за исключеніемъ сель погорѣвшихъ,—по 5 грошей; воеводства же Кіевское, Волынское, Подольское и Брацлавское, ради опустошенія, претерпѣннаго ими отъ татаръ, освобождены были совершенно отъ поголовнаго налога.

Замѣчательны цифры налога по отношенію къ шинкарскимъ головамъ, которые, благодаря пристрастію поляковъ къ разнымъ напиткамъ, существовали не хуже русскихъ бояръ и солтысовъ, сидѣвшихъ на королевскихъ и другихъ имѣніяхъ. „Шинкари, продававшіе мальвазію, мускатное и другія вина, должны были платить поголовнаго по 5 злотовыхъ; пивовары и корчмары — по 4; шинкари, торговавшіе перевозными медами и пивами,—по 2“; книгородавцы и типографы, наравнѣ съ портными, которые шили шелки, и сацожниками сафьяннаго товара,—по 3 злота; купцы, торговавшіе волами и лошадьми,—по 4, а торговавшіе дорогими товарами,—по 8 злотовыхъ; музыканты, гудочники и дудари — по 6 грошей; медведѣники — по 15, а ихъ товарищи — по 4; но, заплативши въ одномъ воеводствѣ, эти увеселители тогдаиниаго грубаго общества не были обязаны платить въ другомъ. Съ коронныхъ жидаў насчитано тогда поголовнаго 20.000, а съ литовскихъ 6.000 злотовыхъ. Это показываетъ и сравнительную безопасность внутреннихъ областей, и большую распущенность польскихъ пановъ, и беззащитность чернорабочаго народа внутри государства.

Тотчасъ же были избраны провизоры для распоряженія, какъ подданными, такъ и поголовными деньгами. Они были уполномочены занять, какимъ бы то ни было способомъ, на кредитъ Рѣчи Посполитой, въ Коронѣ 1.000.000, а въ Литовскомъ княжествѣ 500.000 злотыхъ. Король, имѣя при себѣ этихъ провизоровъ, долженъ былъ жить во Львовѣ, а гетманы коронный и литовскій, въ сопровожденіи одного такого же провизора, идти противъ непріятелей; но „украинные люди“ (ихъ не хотѣли называть козаками) должны были, еще прежде гетмановъ, идти противъ татаръ вмѣстѣ съ тѣми „служебными“, которые были на Подольѣ; если же татарь не встрѣтить, то „опановать“ Волошину и, согласясь съ волошскимъ господаремъ, до тѣхъ порт не давать туркамъ переправиться черезъ Дунай, пока не соберется все польское войско. А войска предполагалось собрать вотъ сколько: копейщиковъ 35.000, рейтаръ 15.000, венгерской пѣхоты 10.000, собственной 30.000, козаковъ (вѣроятно, тутъ разумѣлись „украинные люди“) 20.000. Послѣдняя цифра интересна въ томъ отношеніи, что въ то же самое время, сеймовыми закономъ, число козаковъ ограничено 6-ю тысячами; прочихъ предоставлялось каждому пану ловить и казнить смертью.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, каковъ былъ настоящій, шляхетская республика готова была дѣйствовать съ велиодушiemъ и самопосвященiemъ римлянъ, которыми съ самого дѣтства іезуиты портили панское воображеніе и панскую манеру держать себя. Все чрезвычайное ополченіе Польши противъ турокъ, по исчислению финансистовъ, обошлось бы на поль-года въ $4\frac{1}{2}$ миллиона злотыхъ; но они не отступили и передъ этою цифрою, нужды неѣть, что ихъ послы не могли иногда получить на дорогу въ Царыградъ болѣе 600, и покупали тамъ въ долгъ куски матеріи у знакомыхъ купцовъ, лишь бы какъ-нибудь соблазнить подарками лукавыхъ, дерзкихъ на воровство, и въ то же время раболѣпныхъ, придворныхъ грознаго деспота. Польские агенты

обратились къ святому отцу и къ венецианцамъ съ просьбой о займѣ; но обѣ торговая конторы, духовная и свѣтская, знали польскіе финансы лучше королевскихъ подскарбіевъ. По всей Европѣ бѣгали юрлывы паны и ксены, перещупали и дѣма всѣ карманы,—нигдѣ не оказалось денегъ. Конечно такой тузъ, какъ Василій князь Острожскій, у котораго наслѣдника, въ 1620 году, насчитано 600.000 червонцевъ, 400.000 битыхъ талеровъ и на 29 миллионовъ золотыхъ разной монеты, могъ бы выручить отечество въ этой крайности; но, если святой идеаль пановъ, преподававшій имъ науку жизни изъ Ватикана, предпочиталъ свой Римъ всему земному шару, то и такимъ людямъ, какъ Острожскій, слѣдовало издерживаться только на поддержаніе широкой славы двора своего и всему на свѣтѣ предпочитать свой прославляемый Острогъ. О князѣ Василіи не было даже слышно въ это время тамъ, гдѣ говорили о покертованіяхъ: ему не на что было исправить даже кіевскихъ укрѣпленій, этихъ воротъ въ его собственное воеводство, отворенныхъ настежь передъ соѣднimi силами.

Очутясь въ положеніи безвыходномъ, польскіе паны нашли путь него самый великодушный выходъ,—превзошли, чтѣ называетъся, самихъ себя. Они рѣшились (неслыханное дѣло!) изгнать изъ Польши всѣ излишества. Еслибы съ этого начали они панованіе свое, еслибы взяли за образецъ подольскихъ пограничныхъ пановъ, пока еще не развратили ихъ вывозною изъ-за границы роскошью,—они были бы народъ великий и не нуждались бы въ подражаніи знаменитымъ разбойникамъ древнаго міра—римлянамъ. Но лучше поздно, нежели никогда. Паны опредѣлили: отбросить шолкъ и ходить въ простомъ сукнѣ; сафьянъ — прочь! брыжи, то есть всѣ кружева и манжеты,—прочь! дамскіе наряды—прочь! запретить ввозъ винограднаго вина въ Польшу; довольствоваться домашними напитками. Не оставалось ничего желать отъ величія духа польскаго рыцарства. „Wszakże to tylko była mowa: do skutku

nic nie przyszło¹⁾, печально, даже безъ сарказма, замѣчаешь въ концѣ своей реляціи, свидѣтель польскаго великодушия, пашть русинъ Іоахимъ Більскій, волею судебъ очутившійся вторымъ послѣ своего отца, Мартина Більскаго, польскимъ исторіографомъ въ оjezystymъ ięzyku.

Я пишу исторію русскаго общества, а не Польскаго государства, — описываю жизнь и страданія въчию молодой красавицы Руси, обвѣчанной путемъ обмана и насилия съ распущенными старикомъ Ляхомъ; а потому оставлю лехитскія, ляшескія, лядскія дѣла и перейду къ дѣламъ русскимъ; оставлю тѣ дѣла, которыя должны быть погребены въ молчаливомъ архивѣ, и перейду къ тѣмъ, которыя имѣютъ передъ собою живую перспективу. Но нельзя не сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какъ *ляхі лядувати*.

Среди шумныхъ приготовленій къ войнѣ, расписанія войскъ собираянія средствъ для похода, нахмуренное чело польскаго Марса вдругъ прояснилось отрадною мыслью: „posłać do tego Tyranna, ażeby się ieszcze iako uśmierzył i od przedsięwzięcia swego cofnął“! ²⁾ Мысль оказалась счастливою: едва посолъ пріѣхалъ въ Царьградъ, какъ Синанъ-баша, этотъ наглый временщикъ, у которого на языкѣ было только *я, я*, и который, въ сознаніи своей силы, забывалъ творца этой силы — падишаха, слетѣлъ съ своего мѣста. Его преемникъ Фератъ-баша не могъ еще смотрѣть равнодушно на такую бездѣлицу, какъ 12.000 талеровъ. Султанъ, какъ султанъ, въ вознагражденіе за вредъ, причиненный козаками, удовлетворился обѣщаніемъ доставить ему сто сорокъ соболей. Такъ называемый вѣчный миръ былъ заключенъ. Теперь опять можно было ляхамъ *лядувати*. Всльдѣ за тѣмъ заключили поляки миръ и съ

¹⁾ Однакожъ это были только слова: ничего не было выполнено.

²⁾ Не послать ли къ этому тирану, авось-либо какъ-нибудь смягчится п отъ предпріятія своего откажется!

татарами, „но съ непремѣннымъ условіемъ“, говоритьъ серьозно лѣтописецъ: „чтобы козаки были уничтожены“.

Давъ это удобоисполнимое обѣщаніе татарамъ, поляки никакъ не могли совладать съ войскомъ, собраннымъ второпяхъ противъ Турчины. Это войско, не получивъ, по обыкновенію, обѣщаннаго жалованья, разъѣзжало по королевскимъ и другимъ имѣніямъ, дѣлало регулярные набѣзы, забирало живность и доводило дѣло до кровавыхъ сценъ. Другая часть великолѣпныхъ защитниковъ отечества въ годину величайшей опасности засѣла въ Самборѣ и дѣйствовала, какъ законная власть, по сбору денегъ и съѣстныхъ припасовъ съ окрестностей. Совѣтовали нѣкоторые паны поступить съ ними строго, но болѣе осторожные, знавшіе твердо исторію республиканскаго Рима, пророчили отсюда грозную бѣду. Наконецъ король сдѣлалъ заемъ, расплатился съ жолнерами частью наличными деньгами, частью товарами, насилино забранными въ долгъ у купцовъ, и распустилъ домашнюю орду.

Вслѣдъ за тѣмъ наряжена была комиссія по вопросу о козакахъ, надъ которыми „старшины“ поставили снятынскаго старосту Николая Язловецкаго, того самого, которому поручено было построить замокъ на Кременчукѣ. Ale z tego wszyslkiego nie bylo piis, скромно и грустно заключилъ лѣтописецъ.

Зато Краковъ и Варшава шумѣли пиршествами и публичными сценами по случаю двухъ свадебъ: король женился на австрійской принцессѣ, а овдовѣлый недавно канцлеръ Янъ Замойскій—на дочери сенаторскаго каштеляна Тарновскаго. Отчаяніе, въ которомъ еще недавно находились поляки, было забыто совершенно. Самого лѣтописца, у котораго въ жилахъ текла не столь измѣнчивая кровь, заняли маскарады, „гонитви“ на рынкѣ передъ дамами, разукрашенныя ворота, Атласъ и Геркулесъ, державшіе на себѣ королевскій космость, фейерверки въ видѣ воздушныхъ кораблей и гидръ, наряженіе государственныхъ людей въ азіатскіе костюмы, и даже трубачъ, взобравшійся на верхъ

костела Шанти Марії, чтобы прорубить оттуда краковянамъ сочиненную іезуитами, вмѣсто народной, пѣсню: „*Jesu dulcis memoria*“.

А Сарматскія горы между тѣмъ „гучали“; темнос предчувствіе иного рода гонитвъ и Геркулесовъ томило сердца людей, которые умѣли взглядываться въ составъ государства, зачатаго ксензами и воспитываемаго іезуитами. „Дикая милиція“ возникала среди имѣній, которымъ недавно не могли дать панаамъ средствъ для спасенія Польши „отъ поганской неволи“, ¹⁾ а теперь давали средства на соперничанье другъ съ другомъ въ роскоши.

Дикая милиція, таившаяся въ народѣ до вызова на сцену дѣйствія, была олицетвореніемъ того убѣжденія, которое господствовало на воинственномъ русскомъ пограничье, и которое Папроцкій такъ рельефно передъ нами выставилъ, — убѣжденія въ необходимости воевать съ мусульманами. Это былъ главный вопросъ тогдашней европейской политики; всѣ хлопотали о томъ, какъ бы сразить султана, этого вѣчно рыкающаго льва, который глоталъ народъ за народомъ и которому въ разверстую пасть одни русаки, по выражению Папроцкаго, смѣло совали руку. Во всемъ ходу международной политики, со времени паденія Царьграда, эта идея была преобладающею, но никто не принималъ ее такъ близко къ сердцу, какъ „разбойники“ козаки. Сколько, однакожъ, ни проповѣдывали они ее въ Польшѣ своею молчаливо-дѣятельною проповѣдью, Польша предпочитала гонитвы на краковскомъ рынкѣ гонитвамъ по Чорному морю и держалась твердо убѣжденія, что воевать съ турками нѣть возможности. Одинъ только Замойскій думалъ иначе: онъ былъ русинъ; онъ былъ родственникъ по крови козакамъ и тѣмъ панамъ польскимъ, которые смѣло совали руку въ пасть рыкающему льву.

¹⁾ Лишь только миновало первое впечатлѣніе ужаса, паны стали обвинять короля въ принятыхъ имъ мѣрахъ защиты отечества, а король оправдывался, что все это дѣжалось единственно „*dla uisici niewoli pogañskiey*“.

Онъ оставался въренъ стремлению Стефана Баторія, и въ самомъ началѣ царствованія Сигізмунда совѣтовалъ ему взяться за это дѣло. Совѣтъ оказался напраснымъ: заслоненные Русью польскіе шансы пустили планъ Замойскаго въ проволочку.¹⁾ Но Замойскій принадлежалъ еще къ геронческому вѣку польско-русской шляхты. Его питомецъ и премникъ, Станиславъ Жолковскій, такой же русинъ, какъ и онъ подъ конецъ жизни, пришелъ къ убѣждѣнію противоположному,²⁾ хотя до конца сохранилъ боевое мужество и завершилъ свое военное поприще, какъ подобало рыцарю. Только козаки не измѣнили той идеи, которая вызвала ихъ корпорацію къ существованію, и продолжали проповѣдывать ее всюду. Какимъ-то невѣдомымъ путемъ перебросили они свою задушевную мысль въ кремлевскія палаты; но тамъ она была заявлена устами, вкушавшими богоненавистную телятину; москвики убили великую мысль посредствомъ обманутой черни, даже не взявъ на себя труда вникнуть въ нее (черта характеристическая). Дикая милиція продолжала свое дѣло безъ союзниковъ, и подъ Хоти-

¹⁾ Это было высказано Замойскимъ на сеймѣ 1605 года, за нѣсколько мѣсяціевъ до смерти, въ смыслѣ оправданія себя предъ потомствомъ. На сеймѣ 1614 года, гнѣзденскій архіепископъ Барановскій припоминалъ слова Замойскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Mowil y to Cancellorz u Hetman Koronny, człek wielki u wieczney pamięci godny, Pan Jan Zamoiski, ze iako wielka Philosophia iest kazdemu człekowi choć młodemu z obawą myslenie o smierci, tak Szlachcicowi Polskiemu o woinie Turckiey, sposobiając sie do dania odporu molli Turcici, gdy ią Pan Bog za grzechy na Koronę dopusci.“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8, л. 126.)

²⁾ Отправляясь въ походъ противъ Скиндеръ-баши въ 1617 году, Жолковскій писалъ къ королю отъ 20 февраля: „Krol peski, tak mozny monarcha, odlegloscią samą nieiako bezpieczny, przyimuie iednak kondycyi wszelkie, zeby tylko pokoy miał; wszyscy monarchowie swiata tego kłaniaią, o pokoy proszą; kozdy choć odległy, kto moze mieć przyjazni, zyczy iey sobie. My co będziemy czynić, ktorysmy w tak blizkim sąsiedztwie barzีย nizli kto obnoxi niebezpieczenstwu. Ma na nas ten smok w sąsiedztwie tak wielkie woiska tatarskie, ktore iako chorty na, Smyczu trzyma, nie moze zadnemu sąsiadowi potęzny i drozsy być, iako nam, a będzie sobie lekce wazyć się i potęge wszystkiemu owiatu straszną“...

помъ доказала, что Турчина можно побить на суихъ такъ же хорошо, какъ и на морѣ. Но примѣръ энергіи—для обѣшившихся людей не примѣръ. Дожили козаки до Владислава IV, любимца своего между королями, которому они извинили даже то, что онъ среди походнаго лагеря обѣдалъ не иначе, какъ въ постели (великодушіе со стороны украинцевъ безпримѣрно), и уже ихъ мысль готова была осуществиться надъ турками; но поляки не лучше поступили съ польскимъ органомъ цашей народной идеи, какъ москвичи — съ московскими: они чуть не свели Владислава съ ума, или съ престола. Козаки снова остались одинокими дѣятелями русско-турецкаго вопроса. Наконецъ „царь Петрѣ“ удовлетворилъ разумной Немезидѣ украинской, и за это козаки не помянули ему зломъ его, какъ они называли, жорстокости. Но еще больше одолжила ихъ царица, которой лучшее название — *Вторая* какъ это „наковано“ ею на памятникѣ, воздвигнутомъ ею *Первому*. За Турчина и за Татарина забыли они ей даже Коліївщину, разыгранную ими столь невпопадъ, отъ ея имнни, и даже въ жалобныхъ пѣсняхъ о разореніи Січи сохранили къ ней сыновнее почтеніе: она и тамъ у нихъ *Великий Світъ наша Мати*, а вовсе не то, чѣмъ представила ее намъ полуульянная муз Шевченка.¹⁾

¹⁾ Я знаю, что эти слова произведутъ на многихъ читателей неблагопріятносъ для автора впечатлѣніе, и спѣшу заявить, что для историка слово правды должно быть дороже благосклонности читателей. Въ противномъ случаѣ, наша исторіографія (а Шевченко составляетъ одинъ изъ ея неустрашимыхъ предметовъ) ил чѣмъ не превзойдетъ польской, съ ея славословіями. Никто не написалъ столько о Шевченкѣ въ похвальномъ смыслѣ, сколько авторъ этой необработанной книги; но это не мѣшало ему видѣть всѣ недостатки распущенной музы Шевченка. Какъ необходимы были въ свое время похвалы, такъ необходимо теперь показать медаль съ оборотной стороны. Еслибы возможно было всѣ произведения Шевченка приступить безразлично въ дешевую распродажу по Украинѣ, то само общество явилось бы на току критики съ лопатою въ рукакъ: оно собрало бы небольшое, весьма небольшое количество стиховъ Шевченка въ житницу свою; осталъное было бы въ его глазахъ не лучше сору, „егоже возметаетъ вѣтъ отъ лица земли“. Отверженіе многаго, чтѣ написано Шевченкомъ въ его худшее

Возвращаясь къ прерванному повѣствованію, скажу, что козаки обыкновенно дѣлали свое дѣло молча, но нельзя не замѣтить, что всего больше вооружались они на пановъ или „короленятъ“ всякой разъ, когда паны отдѣливались отъ преемниковъ Батыевыхъ деньгами. На примѣръ, послѣ Хотинскаго мира слѣдовалъ рядъ покушеній разорить государство, неспособное стоять съ оружиемъ въ рукахъ на стражѣ христіянства, а послѣ панского наси-

время, было бы, со стороны общества, актомъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о быломъ умоизступленіи своемъ. *Усé минéться, однá прáда зостаéться*, говорить наша пословица.

Обратимся теперь къ народной памяти о великому воителю и великой воинѣнницѣ исконныхъ враговъ Украины. Одна изъ самыхъ печальныхъ пѣсень о разореніи козацкаго гнѣзда за Порогами, которую можно назвать козацкимъ плачомъ, начинается такимъ почтительнымъ сѣтованіемъ на Екатерину, какое могли бы позволить себѣ только дѣти относительно матери, хотя падобно при этомъ сказать, что пѣсня сложена была эмигрантами. Вотъ оно, это начало:

Великий Світъ наша Мати
Нáпustъ напустила
Славне Війско Запорозьке
Та й запапастила.

Это достойно трезваго вниманія нардоизучателей: что о Богданѣ Хмельницкомъ, этомъ Александрѣ Македонскомъ украинскихъ лѣтописей, я собственными ушами слышалъ въ народѣ вотъ какую пѣсню:

Бодай Хмеля-Хмельницкого
Перва куля не минула,
Що велівъ брати паробки й дівки
И молоді молодиці.
Паробки йдуть співаючи,
А дівчата ридаючи,
Молоды молодиці
Старого Хмеля проклинаючи:
Та бодай Хмеля-Хмельницкого
Перва куля не минула!...

между тѣмъ какъ во всѣхъ слышанныхъ мною пѣсняхъ, легендахъ и воспоминаніяхъ о Петрѣ и Екатеринѣ, *Первый Императоръ* и *Матушка Царіца* (народныя названія) ни однимъ словомъ не заподозрѣны украинскими простолюдинами въ измѣнѣ интересамъ народнымъ, и вспоминаются съ величайшимъ

лія надъ Владиславомъ и Оссолинскимъ въ 1646 году, они наконецъ и разорили-таки это собраніе тузовъ, ворочавшихъ безъ толку судьбою народною. Не иначе слѣдуетъ разумѣть и войну, начатую ими вслѣдъ за краковскими и варшавскими увеселеніями 1592 года. Нашъ ополяченный землякъ Іоахимъ Більскій, польскимъ обычаемъ, игнорировалъ подвиги козацкіе и давалъ въ своей драгоценной, впрочемъ, лѣтописи больше мѣста геройству шляхты, которую, па примѣръ, подъ Баворовыемъ, въ виду поль-

почитаніемъ. Шевченко, въ этомъ случаѣ, шоль въ разрѣзъ съ украинскимъ народомъ, подъ вліяніями вовсе не поэтическими. Онъ „межъ дѣтейничтожныхъ міра“ часто бывалъничтожиѣ всѣхъ. При всемъ своемъ талантѣ, онъ много пострадалъ отъ первоначальной школы, въ которой получилъ то, чѣмъ можно было назвать, *faute de mieux*, образованіемъ. Онъ долго сидѣлъ на сѣдалищахъ *губителей*, которые, по еврейскому подлиннику 1-го псалма, означаютъ злозычниковъ, а передъ ихъ сѣдалищами вѣчно стоялъ жертвеникъ худшему изъ олимпийцевъ. Исторія извѣстная.

Къ этому примѣчанію нахожу нужнымъ присовокупить другое примѣчаніе,— именно о томъ, почему украинское простонародье относится весьма симпатично къ идеѣ монархической власти. Его историческое прошедшее привело его къ убѣждѣнію, что только эта форма правительства обезпечиваетъ безопасность личности, семьи, имущества, наконецъ и самой религіи. Мысль эту я высказалъ еще въ 1862 году, въ статьѣ о публичныхъ лекціяхъ Н. И. Костомарова (помѣщенной въ газетѣ „Вѣкъ“). Поэтому и нѣть надобности о ней распространяться. Скажу только, что вовсе не низменное, такъ сказать, придавленное положеніе простолюдина и не невѣжество его въ исторіи и другихъ наукахъ заставляютъ его лелеять мысль о монархизмѣ, какъ идеаль правды на землѣ (онъ *tакъ* понимаетъ монархизмъ). Я бы могъ привести нѣсколько случаевъ, въ которыхъ выразились весьма рефлексно самостоятельность его сужденія о предерзающихъ властяхъ вообще и о пѣкоторыхъ личностяхъ въ частности; но ограничусь замѣчаніемъ, что, стоя низко на общественной лѣстницѣ, украинскій пролюдинъ вовсе не думаетъ, что разстояніе между ея низомъ и верхомъ очень велико. Онъ относится къ этому вопросу такъ простосердечно, какъ тотъ, кто, среди полей обѣтованной земли, напѣвалъ подъ гусли: „Маль бѣхъ въ братії моїй“.... Онъ представляется самъ себѣ такою важною моральною единицею, что, по его мнѣнію, не только царь, но и самъ Богъ можетъ непосредственно съ нимъ бесѣдоватъ. Нѣкто, путешествуя пѣшкомъ по Украинѣ для народопознанія (во времена оны, не теперь), бесѣдовалъ со встрѣченными на ярмаркѣ слѣпымъ кобзаремъ и внушилъ ему свою рѣчью столъ высокое о себѣ понятіе, что кобзарь, съ наивностію Гомеровыхъ личностей, сказалъ: „Я хочъ и прѣстый чоловікъ, та знаю, хто се зо мною гврить: се або царь, або Богъ.“ (Sic).

скаго войска, вязали татары лыжами; но о первой попыткѣ козаковъ попробовать силы своей на панахъ написалъ слѣдующія достойныя вниманія слова: „Jakoż nie trzeba sobie było lekce tych rzeczy ważyć: bo pospolicie z takich małych poczatków wielkie się rzeczy stawaiać.“¹⁾ Эти слова написаны нашимъ бѣднымъ соотечественникомъ вслѣдъ за извѣстіями о первыхъ дѣйствіяхъ козацкаго предводителя Косинскаго, къ которому король напрасно посыпалъ мандаты, а коронный гетманъ — письма. Бѣльскій, въ своей лѣтописи ограничился только словами, что Косинскій „czynił wielkie szkody na Podolu w majętnościach Xiażęcia Ostrozkiego“, точно какъ-бы желалъ поскорѣе отвернуть отъ него глаза. Мы распространимся объ этой знаменитой, по своему начинанію, личности несолько больше.

Прежде всего надобно сказать, что это — личность, все-таки для насъ темная, именно потому, что всѣ письменные люди въ Рѣчи-Посполитой смотрѣли на Косинскаго, какъ на обыкновеннаго наѣздника, какихъ было много между шляхтою, какимъ случалось бывать и самому князю Острожскому.²⁾ Можетъ быть, по ту сторону Вислы одинъ только ополяченный русинъ, своего рода потурнѣкъ, и почуялъ въ новой стаѣ запорожцевъ, въ новомъ ихъ кличѣ, въ новомъ движеніи, нечто зловѣщее для польского права, для политической системы польской, точно какъ ручной орелъ, одинъ среди множества домашней птицы, чуетъ орлинымъ серд-

¹⁾ Потому-то не слѣдовало пренебрегать этими явленіями: ибо такія малыя начинанія обыкновенно превращаются въ грозныя дѣла. — Эти слова получать больше силы, когда мы примемъ во вниманіе, что лѣтописецъ далеко не дожилъ до грознаго развитія козацкой силы и умеръ въ 1599 году.

²⁾ Въ письмѣ къ Криштофу Радзивилу отъ 3 марта 1599 года (см. въ приложении ко II-му тому) князь Константина-Василій Острожскій говоритъ мимоходомъ, что Янъ Замойскій выпросилъ у короля два села *Косинскому*, отъ которого купилъ ихъ князь Вишневецкій. Это имя не встрѣтилось мнѣ больше нигдѣ въ современныхъ бумагахъ и, по всей вѣроятности, принадлежитъ лицу, которое какими-то судбами очутилось во главѣ украинскаго движения противъ шляхетскаго полноправства.

цемъ, чтò говорятъ между собою, къ чему готовятся волные браты его,—чуєтъ и знаетъ, что они „члектомъ своимъ на кости звѣри зовутъ“... Більскій предчувствовалъ и предвидѣлъ грозныя для шляхты событія.

Кто, однако же, былъ этотъ зловѣщій Косинскій? Косинскій, сколько намъ о немъ извѣстно, былъ шляхтичъ изъ Подольска, слѣдовательно принадлежать не къ „козакамъ-чорнякамъ“ а, таiktъ сказать, къ кадрамъ Запорожскаго Войска, которое обязало своимъ устройствомъ рыцарскому составу Рѣчи-Посполитой и только впослѣдствіи мало-помалу омужиചилось. (Замѣтимъ, однакожъ, что и во времена Боплана козаки не имѣли еще физіономіи пристонародной толпы. „Отправляясь въ походъ или задумывая о какомъ-нибудь предпріятіи“, говоритъ французскій инженеръ, „ко-
заки дѣлаются необыкновенно воздержны; тогда, кроме одежды, нельзя замѣтить въ козакѣ ничего грубаго“.) Судя по мѣсту происхожденія Косинскаго и по его имени — Криштофъ (а не Христофоръ), подъ которымъ онъ вписанъ въ русскіе акты, необходимо думать, что онъ былъ католикъ, или же отступникъ католичества, протестантъ. (Козаки только въ позднѣйшее время, поссорились съ иновѣрцами, и этому главною причиной были за-
прашиванья ихъ въ церковныя братства и настраиванья на воору-
женное вмѣшательство въ церковныя дѣла.) Изъ фамильныхъ до-
кументовъ того времени видно, что въ предпріятіи Косинскаго участвовали такъ называемые бояре, эта негербованная шляхта русская, изведенная литовскими порядками до уровня безземельныхъ, эти полу-крестьяне панскіе, легко превращавшіеся въ козаковъ. Въ числѣ бояръ участвовалъ и державица или поссесоръ села Рожны въ Остерьскомъ староствѣ, человѣкъ замѣчательный, какъ произведеніе своего хаотического времени и общества. Онъ былъ „рукодайнымъ слугою“ Михаила Ратомскаго, помогавшаго первому самозванцу московскому, и самъ разыгралъ роль самозванца въ менѣшихъ размѣрахъ: самозванцы были тогда, чтò на-

зываются, пошестью, которая напала на гражданскія общества.¹⁾ Въ походѣ Косинскаго достойно вниманія всего больше то обстоятельство, что, овладѣвъ Киевомъ и другими городами воеводства Киевскаго, которые, при тогдашней беспорядочности польского управлениія краемъ, сдавались ему безъ сопротивленія, онъ забиралъ тамъ не одно оружіе, но и шляхетскіе документы, именно жалованная грамоты, привилегіи и такъ называемые мембранны, то есть бланки, для вписанія въ нихъ королевскаго или панскаго наказа, которые тутъ же уничтожались, а отъ шляхты, мѣщанъ и сельскаго народа требовалъ присяги козацкому войску. Чѣдѣ это собственно былъ за человѣкъ, чѣдѣ за характеръ, недостаточно выскажалось; но онъ первый намѣтилъ равноправность на судѣ, которой черезъ полѣвка такъ грозно домогался отъ всей польской шляхты Хмельницкій. Можно также сказать, что онъ первый поднялъ и вопросъ о землевладѣніи, который, какъ мы увидимъ, игралъ важную роль въ козацкихъ переговорахъ съ королевскими комиссарами временъ Павлюковскихъ.

По дошедшемъ до насъ документамъ видно, что Косинскій въ началѣ не обращалъ на себя особенного вниманія, нужды пѣть что былъ запорожецъ. Если запорожецъ или, какъ тогда говорили, низовой козакъ не былъ занятъ на Низу рыболовствомъ, охотою и войною съ татарами, или лучше сказать — всѣмъ этимъ вмѣстѣ и поперемѣнно, то онъ проживалъ въ какомъ-нибудь панскомъ или королевскомъ имѣніи. Это называлось быть „на приставствѣ, домовать“. Такихъ людей обыкновенно, ни въ чомъ не осторегались“. Козаки на приставствахъ и на

¹⁾ Похитивъ какіе-то документы у своего пана, онъ, въ 1603 году, выдалъ себя въ Киевѣ за князя Половца-Рожиновскаго, наслѣдника Бѣлоцерковской волости, Половецка, замка Сквира съ городомъ и многихъ другихъ имѣній. Онъ умеръ въ 1614 году, не доказавши своихъ правъ, но его претензія дала ему возможность найти себѣ жену въ панскомъ домѣ; дѣти его были признаны шляхтичами и кое-что получили изъ минимаго наслѣдства, путемъ пантересованнаго въ добычѣ знатнаго пана Аксака.

„лежахъ“ были необходимый элементъ для тогдашняго общества. Въ случаѣ ссоры сосѣда съ сосѣдомъ, они были всегда подъ рукою, какъ наилучшее средство разрешить возникшій споръ безапелляціонно: сила признавалась непреложимъ закономъ; а въ случаѣ татарскаго падѣнія, котораго надобно было ждать ежедневно, козаки въ самое короткое время собирались для дѣла, въ которомъ по справедливости считались первыми мастерами. Это были, такъ сказать, чуткіе и злые псы, при которыхъ можно было спать и дѣлать всякаго рода дѣла безопасно. Панскіе дворы рѣдко обходились безъ козаковъ, и по селамъ десятая хата навѣрное принадлежала козаку; ее легко было и узнать по ея неустройству, какъ обѣ этомъ поется въ думѣ. Иной козакъ жилъ и на собственномъ займищѣ, отмѣренномъ саблею,—что называется, сидѣть хуторомъ или зимовникомъ. Но вообще козаковъ не было замѣтно между жителями, какъ войска или корпораціи, пока было тихо въ kraю. Это были тѣ же обыватели: одинаковые съ мелкою шляхтою пьяницы, одинаковые съ рабочими работники; порой рыболовы, порой пчеловоды, чабаны, будники, винники и броварники: козакъ, какъ говорилось, на все лѣхо здѣвся, и когда приставалъ къ мѣщанину, то загонялъ ковалей, кузнцовъ, сѣдельниковъ и всякихъ иныхъ ремесленниковъ. Такимъ образомъ, въ данный моментъ, можно было сказать, что козаковъ на такомъ-то пространствѣ, или въ такой-то мѣстности, нѣть вовсе. Вдругъ проносилась какая-нибудь мысль, очень обыкновенная на Украинѣ, но всегда тревожная, и начинала отрывать людей отъ повседневныхъ занятій; козаки по цѣлымъ днямъ просиживали въ пинкахъ, корчмахъ, орандахъ, пропивая то, что такъ старательно зарабатывали, и запиваясь, на сколько возможно, въ долгъ, по пословицѣ: *не на те козакъ пѣе, що е, а на те, що буде...*

Ой курчмо, курчмо княгіне!
Багацько въ тебі козацького добра гїне!

говорить „козакъ-нетійга“ въ кобзарской думѣ. Иногда эти собранія оканчивались небольшимъ походомъ пана на пана, и въ этомъ случаѣ гетманили сами паны, подобно королевскимъ старостамъ; но иной разъ дѣло доходило до похода за границу, въ Волощину, въ Седмиградчину, въ Турецчину, а пожалуй и въ Московщину. Тогда мирные жители, козацкіе пріятели, паны и мужики, начинали сильно тревожиться. Козаки, собираясь въ походъ, требовали съ нихъ „стацій“, то есть всего, что нужно для похода, а въ случаѣ сопротивленія, распоряжались по праву сильнаго. Это были тѣ же баторіевскіе выбранцы: навѣрное можно сказать, что каждые 20 дворовъ, согласно Баторіеву уставу, снаряжали одного козака; но иногда съ одного панскаго двора сдирали стацій на 20 козаковъ. Козакъ шоль въ Волощину или Туреччину, и часто клали голову, какъ говорилъ онъ, *за віру християнськую*, и никому, кроме товарищѣй, не было въ томъ печали: „За козакъмъ ніхто не заплаче“, говорится въ надписи подъ „малёванымъ запорожцемъ“. Но, если козакъ возвращался съ добычею, то сорилъ турецкимъ и татарскимъ добромъ, и всѣмъ отъ него была покида. Скоро, однакожъ, чрезъ посредство „корчмы княгини“, происходилъ онъ въ положеніе чернорабочаго и дѣлался отличнымъ ратаемъ или ремесленникомъ до новаго похода.

Такъ вели себя козаки съ незапамятныхъ временъ. Но съ некотораго времени засѣла у нихъ мысль свести счеты съ княземъ Острожскимъ. Всякую такую мысль вырабатывали козаки на Низу, и приносили на приставства и лежи, въ села, города и панскіе дворы готовою. Тутъ она, объявленная новопришедшими съ Низу, ходила изъ корчмы въ корчму, съ ярмарки на ярмарку, и, подобно тому какъ перелетныя птицы, послѣ долгаго перекликанья между собой, послѣ загадочнаго для наст слетанья и разлетанья, снимутся набонецъ и летятъ всѣмъ своимъ обществомъ, куда надумались,—такъ совершенно козаки, разбросанные на пространствѣ одного, двухъ или трехъ воеводствъ, „згорнутся

бывало въ куну“, явится у нихъ предводитель, подъ именемъ гетмана, и начнется козацкій промыселъ, исканье хлѣба козацкаго—война.

Въ 1591 году особенно много шумѣли козаки по пинкамъ и корчмамъ о какихъ-то своихъ интересахъ, до которыхъ не-козакамъ мало было дѣла: шумѣли, какъ надоѣло думать, о сеймовой конституціи прошлаго года; къ осени выработалась у нихъ общая мысль, а зимою она отъ словъ перешла къ дѣлу. Рѣшено было начать расправу съ папами въ пограничномъ городѣ Бѣлой-Церкви. Это было пожизненное владѣніе князя Януша Острожскаго, Бѣлоцерковскаго и Богуславскаго старости, и вмѣстѣ съ тѣмъ волынскаго воеводы. Намѣстникомъ или управителемъ, такъ называемымъ подстаростіемъ, Януша Острожскаго былъ князь Курцевичъ-Булыга. Въ послѣднихъ числахъ декабря поднялись козаки съ бѣлоцерковскихъ лежъ своихъ и двинулись въ походъ. Много ли ихъ было или мало, не известно, но стало известно, что у нихъ, какъ говорилось, объявился гетманъ, и этотъ гетманъ былъ Криштофъ Косинскій. Выступленіе въ походъ часто знаменовалось у козаковъ только тѣмъ, что козаки *выправали по ємиляхъ кінами*, приводя въ страхъ женщинъ и дѣтей; но теперь дѣло приняло ходъ болѣе серьезный. Косинскій, въ качествѣ сильнаго, нагрянуль съ козаками во дворъ къ подстаростію и, „добившись до его коморы, забралъ всю его маestность, въ томъ числѣ и шкатулу съ клейнотами, съ деньгами, съ бумагами“, въ числѣ которыхъ были „мамрамы“, или бланки, вѣренные князю Булыгѣ старостою для разнаго рода дѣлъ, а также находившіяся у него на храненіи привилегіи самого князя Василія и сына его Януша на Бѣлоцерковское старство, на Богуславъ и на разныя другія владѣнія. Протестъ князя Януша Острожскаго въ луцкомъ замковомъ судѣ былъ первымъ сигналомъ опасности, грозившей всему шляхетству отъ небывалаго еще въ такихъ размѣрахъ домашняго разбоя. Но этотъ протестъ

не былъ единственный. Въ 1591 году въ Волынскомъ, Киевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ столько было грабежей, насилий и убийствъ по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ, что король, по донесенію князя Константина Василія, прислалъ изъ Вислицъ въ Луцкъ универсаль отъ 16 января 1592 года, съ требованіемъ свѣдѣній, чтѣ это за люди такие нарушаютъ общее спокойствіе, и съ повелѣніемъ, чтобъ никто не скрывалъ ихъ поступковъ (а это почти всегда дѣлалось, когда король хотѣлъ контролировать пограничныхъ жителей въ ихъ, такъ сказать, внутренней политикѣ). Глухо начиналась борьба; не знали, откуда идетъ разрушительное движение, и какова собственно цѣль его. Если она была кому известна, то развѣ одному князю Василію, котораго манифестациіи выражали большую тревогу. Чтѣ дѣлалъ Косинскій въ теченіе весны, лѣта, осени 1592 года — не известно, но надобно думать, что онъ продолжалъ вооружаться и распространять вездѣ козацкій приѣздъ. Осеню выданъ былъ князю Василію изъ королевской канцеляріи на сеймѣ подтверждительный листъ на его протестацію о томъ, что кіевскій и бѣлоцерковскій замки находятся въ разоренномъ состояніи, что низовые козаки нѣсколько разъ находили на Кіевѣ и его замокъ, забирали насилино пушки, ружья, огнестрѣльные снаряды и никогда ихъ не возвращали, и что, въ случаѣ какой нибудь случайности, онъ, князь Острожскій, снимаетъ съ себя всякую ответственность. Вслѣдъ за этимъ, по его оповѣщенію объ угрожающей опасности, въ самомъ началѣ 1593 года, волынские дворяне прекращаютъ съ общаго согласія всѣ судебныя дѣла свои, потому что козаки, вторгнувшись въ Кіевское и Волынское воеводства непріятельскимъ обычаемъ, овладѣваютъ королевскими и шляхетскими замками, убиваютъ и мучатъ людей, жгутъ и опустошаютъ хозяйственныя заведенія и, чтѣ всего ужаснѣе, принуждаютъ къ присягѣ на повиновеніе козацкому войску не только мѣщанъ и селянъ, но и мелкую шляхту, а непослушныхъ держать у себя подъ арестомъ. Король, по до-

иесеню Василія Острожскаго, съ своей стороны, прислалъ универсаль ко всѣмъ дигнитарамъ и урядникамъ воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, чтобы они сѣзжались въ Константиновъ съ своими ополченіями на помощь къ князю Острожскому противъ своевольныхъ козаковъ. Паны сѣзжались, одинакожъ, медленно и неохотно; а козаки усиливали войско свое папскими слугами и тѣми людьми, которымъ домашняя война представляла случай поживиться чужимъ добромъ. Были между панами и такіе, которые, не надѣясь на обычное правосудіе, выирашивали у Косинскаго отряды козаковъ и нападали съ ними на своихъ сосѣдей. Возстаніе Косинскаго было всего опаснѣе именно съ этой стороны. Скориться мѣстной шляхтѣ съ козаками было и невыгодно, и неудобно, и страшно. Козаки на Украинѣ были болѣе или менѣе люди свои, и Богъ знаетъ, до какихъ размѣровъ дойдетъ ихъ вербовка: ихъ можно было воевать смѣло только постороннему войску. Напрасно Сигизмундъ III разослалъ возванія къ жителямъ трехъ граничныхъ воеводствъ обѣ отраженіи врага, попирающаго права короля и Рѣчи-Посполитой. Въ Константиновѣ собралось ополченіе ничтожное, а у Косинскаго, слышно, было уже тысячъ пять войска, съ артиллеріею, добытою въ королевскихъ и папскихъ замкахъ. Къ нему подошли и съ Низу сіовые братчики. Видя это, князь Янушъ Острожскій бросился въ Тарновъ и навербовать тамъ чужихъ людей противъ козаковъ, а нѣсколько ротъ пѣхоты вызвалъ изъ Венгрии. Косинскій, между тѣмъ, спокойно жилъ въ Острополѣ, недалеко отъ Константина, и правилъ окрестностями, въ качествѣ представителя козацкой республики. Въ Польской Рѣчи-Посполитой это не было явленіемъ чрезвычайнымъ. „У насъ“, говорилъ король, жалуясь передъ сеймомъ 1615 года, „кто хочетъ, можетъ собрать войско; когда захочетъ, можетъ распустить знамя и, не обращая вниманія на законы, предводитель-

ствовать по собственному усмотрѣнію".¹⁾ Косинскій, яко шляхтичъ, яко *człowiek grycierski*, дѣлалъ то самое, чтѣ позволяль себѣ панъ Стадницкій, панъ Опалицкій и множество другихъ пановъ, захватывавшихъ чужія старости, замки, даже церкви и костелы, въ удовлетвореніе своему измышленному праву. Вся разница была въ идеѣ. Идея провозглашенная Косинскимъ была—распространеніе присуду козацкаго на шляхту и не-шляхту, страшная идея, по никто не отваживался или не имѣть силъ возстать противъ демагога. Такъ миновала зима. На прѣвесні 1593 года появились иноземныя ополченія князей Острожскихъ. Не дожидалась ихъ въ Острополѣ, Косинскій, по какимъ-то соображеніямъ, двинулся къ Тернополю и окопался въ мѣстечкѣ Пяткѣ, какъ въ наиболѣе удобномъ для защиты мѣстѣ. Однакожъ не допустилъ пановъ до приступа, встрѣтилъ ихъ въ полѣ. Вмѣстѣ съ Янушемъ Острожскимъ шолъ на козаковъ и черкасскій староста Александръ Вишневецкій, а съ нимъ — и нѣкоторые волынскіе помѣщики. Они нашли козаковъ уже отаборенными въ полѣ. По разсказу Бѣльскаго, прежнія встрѣчи острожанъ съ козаками Косинскаго были неудачны, а потому ополченцы наступали на козаковъ исрѣшательно. Князь Янушъ ободрилъ ихъ рѣчью и собственнымъ примѣромъ; завязалась тогда горячая битва. Кошѣйщикамъ удалось разорвать возы и вломиться въ таборъ; козаки отступили къ Пятку, и острожане „всыпали“ ихъ въ самую брону. Дѣло происходило, какъ уже сказано, на прѣвесні; въ полѣ лежалъ глубокій рыхлый спѣгъ; малорослые козацкіе кони тонули въ спѣгу по брюхо, и это дало страшный перевѣсъ надъ козаками панамъ и рейтарамъ князя Острожскаго, сидѣвшимъ на крупныхъ лошадяхъ. Косинскій потерялъ 26 пушекъ и до трехъ тысячъ народу, какъ гласила шляхетская молва, всегда склонная къ преувеличенію. Остались почти всѣ и хо-

¹⁾ Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. Л. Ф. отд. IV, № 99, л. 84.

ругви „въ рукахъ побѣдителей“. Ободренные усмѣхомъ, они готовились къ приступу. 15-го марта Косинскій предложилъ капитулацио. Онъ выѣхалъ изъ города и, какъ разсказывается лѣтописецъ, упалъ къ ногамъ князя Януша, прося прощенія. Мы не имѣемъ другихъ свидѣтельствъ о томъ, какъ именно происходило дѣло, и потому принимаемъ эту единственную версію. Козаки, даннымъ князю Константину Острожскому „листомъ“, отъ 10 февраля 1593 года, обязались: пана Косинскаго съ того времени за отамана не имѣть, а тотчасъ выбрать на Украинѣ на его мѣсто другого, не далыше какъ черезъ четыре недѣли, а потомъ быть въ послушаніи королю, находиться за Порогами, на извѣстныхъ мѣстахъ, не имѣть никакихъ лежь, ни приставствъ въ державахъ и имѣніяхъ, какъ самого киевскаго воеводы, такъ и другихъ пановъ, которые находились подъ Пяткомъ при князьяхъ Острожскихъ. Но о прочихъ панскихъ владѣніяхъ въ пятковскомъ документѣ не сказано ни слова; чтѣ для насть остается загадкою, въ виду тревоги правительства о распространеніи козацкой юрисдикціи на шляхту и на низшіе слои общества, если не объяснять этого факта тѣмъ, что князь Острожскій, по духу польской шляхты, дѣйствовалъ, какъ самостоятельный государь, принадлежавшій съ своими владѣніями къ составу Рѣчи-Посполитой. Надобно притомъ помнить, какъ равнодушно отнеслись прочіе паны къ воззванію князя Острожского. Оградивъ себя и своихъ пріятелей отъ козаковъ, князь Острожскій предоставилъ другимъ вѣдаться съ козаками въ свою очередь. Этимъ объясняется загадочный фактъ: что во времена Наливайковицы, козаки гнѣздятся въ городѣ Стѣпаниѣ и другихъ владѣніяхъ князя Острожского, дѣлятся добычею съ его должностными людьми, и даже отъ его имени нападаютъ на усадьбы сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Этимъ объясняется также и отсутствіе ополченій князя Острожского въ походѣ Жолковскаго противъ Наливайка, хотя, по видимому, козаки всего больше донесли князю Ва-

силю. Въ повинномъ листѣ своемъ козаки принесли извиненіе передъ Острожскимъ и признали многія благодѣянія, которыя „его милость всему войску козацкому и каждому козаку по рознь оказывалъ всю жизнь свою“; но тутъ же сказано, что эти „кондиції поданы козакамъ отъ ихъ милостей пановъ“, следова-тельно вписаны въ нихъ и благодѣянія. О благодѣяніяхъ говорить въ подобныхъ случаяхъ всякое правительство прикатому въ тѣсномъ углу бунтовщику, хотябы этотъ бунтовщикъ былъ Виль-гельмъ Оранскій или Вашингтонъ. Глядя на территорію съ точки зрѣнія польского вельможи, Острожскій естественно считалъ съ своей стороны благодѣяніемъ самое дозволеніе проживать въ сво-ихъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ. Но глядя на ту же самую тер-риторію съ точки зрѣнія фактическихъ колонизаторовъ и охрани-телей Украины, въ томъ числѣ и Волыни, козаки никакъ не могли считать князя Острожскаго своимъ благодѣтелемъ. Въ этомъ и вся суть вопроса. Тѣмъ же листомъ козаки обязались бѣглецовъ, измѣнившихъ князьямъ Острожскимъ, выдавать и у себя не пере-держивать, а также возвратить огнестрѣльное оружіе, гдѣ бы то ни было взятое въ панскихъ владѣніяхъ, кромѣ Трипольскихъ, равно и хоругви, коней, скотъ и другую движимость, а челядь обо-его пола, которая находилась при козакахъ, отъ себя отослать. Ко-синскій подписалъ договоръ „свою рукою“ съ тѣми сподвижни-ками своими, „которые писать умѣли“. Онъ приложилъ „свою печать“ къ листу, а всѣ его товарищи „приказали приложить печать войсковую“ и просили пановъ, которые при этомъ были, чтобы и они приложили свои печати и подписались. А паны при договорѣ были слѣдующіе: Якубъ Претвицъ зъ Кгавронъ, капите-лянъ галицкій, староста трембовльскій; Александръ Вишневецкій, староста черкаскій, каневскій, корсунскій, любецкій, лоевскій; Янъ Кгульскій, войскій трембовльскій; Вацлавъ Боговитинъ, хорунжій земли Волынской; Василій Гулевичъ, войскій володимерскій. Замѣ-чательно, что въ договорѣ не упоминаются *полковники*, а только

гетманъ, сотники, отаманье и все рыцарство Войска Запорожскаго. Во времена Сагайдачнаго, въ официальныхъ бумагахъ, являются постъ гетмана уже *помѣщники*, а потомъ сотники и т. д.¹⁾ На это обращаемъ внимание потому, что въ специальныхъ изслѣдованіяхъ о козакахъ встречаются такія несообразности, какъ дѣление козаковъ на полки уже во времена Баторія, да еще территориальное дѣление! Нельзя оставить безъ вниманія и того въ пятковскомъ листѣ, что прощеніе дано козакамъ не только по ихъ собственнымъ просыбамъ, но и „по ходатайству многихъ заслуженныхъ людей“. Этимъ объясняется, что паны тогда еще боялись окончательно поссориться съ козаками и слѣдовали примѣру кіевскаго подвоеводія, князя Вороницкаго, который не рѣшился поступить согласно съ интересами короля Степана, когда къ нему привели убийцъ королевскаго послана, и, вѣроятно, напередъ условился съ княземъ Михаиломъ Рожинскимъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы козаки очутились на волѣ.

Оставивъ князя Острожскаго въ покоѣ, козаки не угомонились. Они очистили Волынское воеводство, но зато утвердились въ Кіевскомъ, въ собственно такъ называемой тогда Українѣ, основали Кіевъ, помѣстили тамъ свою армату и помышляли на всегда въ пемъ водвориться. Такое сосѣдство было бы крайне опасно для волынской, самой богатой тогда шляхты. Спустя четыре мѣсяца послѣ пятковскаго дѣла, волынскіе паны, сѣхавши для выбора трибунальскихъ депутатовъ во Владимирѣ, „упросили“ кіевскаго и волынского воеводъ, чтобы они не теряли козаковъ изъ виду и, въ случаѣ какой-нибудь опасности со стороны этой вольницы, давали о томъ знать имъ и коронному гетману, а они обѣщаютъ явиться съ ополченіемъ своими на назначенное имъ мѣсто „всѣ“, какъ противъ непріятеля отечества, подъ предводи-

¹⁾ Во время пребыванія Эриха Ласоты за Порогами, січовики называли полковникомъ Запорожскаго Войска Хлопицкаго, но, видно, только для приданія важности его посредничеству между войскомъ и императоромъ. (См. ирж.)

тельствомъ хорунжаго Волынскаго воеводства. Но никакого призыва со стороны князей Острожскихъ не послѣдовало. Князь Василий, очевидно, рѣшился гладить низовыхъ сіромахъ за шерстью, а не противъ шерсти. Онъ зналъ ихъ съ-молоду. Черезъ нѣсколько времени, о Косинскомъ начали снова ходить тревожные слухи. Онъ очутился на Днѣпрѣ и началъ снова вербовать охотниковъ до „козацкаго хлѣба“. Вокругъ него собралось новое войско.

Каковы бы ни были въ Украинѣ побужденія къ поступленію въ козаки, пущда была между ними главнымъ. Эта страна „текла молокомъ и медомъ“ не иначе, какъ и земля обѣтованная, то есть — или въ воображеніи бездомныхъ скитальцевъ, полуголодныхъ, тѣснѣмыхъ рабовладѣльческими порядками, сбившимися съ жизненнаго пути, или же на языкѣ людей, которымъ предстояло отмѣрить себѣ въ ней саблею займища и устроить на нихъ доходныя слободы. Обѣ эти разнохарактерныя партии толковали одинаково объ Украинѣ: одна потому, что преувеличенныя понятія о счастливой, то есть безбѣдной, жизни въ Украинѣ доставляли ей естественную, не-обходимую для человѣка въ тѣжкомъ положеніи, отраду; другая потому, что, безъ увлеченія мечтателей о новой обѣтованной землѣ, она никого не соблазнила бы 10-лѣтнею, 20-лѣтнею и даже 30-лѣтнею волею. Но, когда чудесныя видѣнія фантазіи смѣнялись дѣйствительностью, когда панское займище, вписанное въ „Volumina Legum“, съ границами отъ рѣки до рѣки, съ библейскою неопредѣленностію предѣловъ обѣтованія, приходилось эксплуатировать, въ лучшемъ случаѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, а въ худшемъ — подъ присмотромъ арендатора панского имѣнія, или успокоеннаго на счтъ орды панского намѣстника съ его жадными дозорцами и официалистами, — въ это время возникалъ ропотъ не только на короткій, но и на долгій срокъ воли; украинскій поселенецъ находилъ свою долю „щербатою“ и начиналъ на нее жаловаться въ своихъ грустно-поэтическихъ пѣсняхъ, которая онъ варіируетъ до нашего времени; для задѣлки щербины, отправ-

лялся онъ искать счастья вдали отъ своей *домівки*, которую, при своей тонко чувствующей природѣ, онъ покидалъ съ большими усилиемъ надъ самимъ собою: залегалъ онъ вмѣстѣ съ такими людьми, какихъ вынеколиша Претвичъ, на татаръ въ дикомъ полѣ, чтобы перехватить у нихъ добычу; ходилъ въ богатые звѣрьми входы; чумаковалъ, напонецъ, рыбью и солью, поднявшись выше добычника и звѣролова. Но спокойно осѣвшиеся въ Украинѣ землевладѣльцы, а въ королевскихъ имѣніяхъ старосты и дозорцы умудрились со всего этого брать свою львиную долю, выребзывали изъ осетровъ „хребтину“, брали съ каждой лодки и съ каждого воза десятую рыбу, взимали мыто и промыто при вѣзѣ въ городъ или на рынокъ, а подъ часть присвоивали себѣ чумацкіе човны и мажи. Все это сильно не нравилось людямъ, которые из звѣрей и рыбъ и даже соль добывали, рискуя, а часто и платясь, головою. Мы уже видѣли, какъ старосты заявляли претензіи на звѣрные и рыбные входы, которые сперва припадлежали вольнымъ добычникамъ по праву ихъ открытія, по праву первого займа, напонецъ, по праву отбора у татарскихъ промышленниковъ. Староста былъ силенъ тѣмъ, что получалъ отъ короля пергаминный, припечатанный „вислою“ печатью листъ на такие входы, и еще болѣе—тѣмъ, что умудрялся подтвердить силу этого листа саблями своихъ служебниковъ. Тѣмъ же самимъ были сильны и всѣ крупные землевладѣльцы, которые сперва составляли какъ-бы ассоціацію военнаго и мирнаго труда съ приглашенными на слободу выходцами изъ другихъ мѣстностей, а потомъ они, а не то — ихъ наследники, или преемники ихъ власти, заявляли претензіи совсѣмъ иного рода и, во имя „королевскаго листа“, грозили бывшимъ пляхетскимъ сотоварищамъ обухомъ (чеканомъ), принадлежностью панскаго костюма ¹⁾), а не то — обнажали противъ нихъ саблю. Отсюда понятно, почему первый козацкій „бунтъ“ противъ пановъ

¹⁾ Обухъ или кѣлепъ (у козаковъ) постоянно былъ въ рукахъ у знатнаго господина; саблю, для большей оказації, носилъ за нимъ *giermek* (пажъ).

ознаменовался прежде всего отбораниемъ у предержащей мѣстной власти „привилеевъ“ и „мемврановъ“. Но возвратимся къ предпримчивымъ людямъ, которымъ такъ или иначе приходилось покидать *доміску*.

Чтѣ чувствовали они, когда владѣлецъ королевскихъ листовъ, какой-нибудь Немировичъ въ Кіевѣ, какой-нибудь Пенько въ Черкасахъ и т. д., отнималъ у нихъ лошадей и вооруженіе, конечно, по законной причинѣ, и раздавалъ своимъ служебникамъ, какъ обѣ этомъ говорятъ дошедшіе до насъ акты (а сколько дѣлъ не попало въ архивы, сколько самихъ архивовъ истреблено!), когда онъ находилъ себя въ правѣ присвоивать себѣ мѣщанскія дворища и угодія, когда онъ не позволялъ имъ продавать вѣнѣ своего присуду медъ, не давалъ ловить рыбы и бобровъ, отнималъ такія займища, какъ, на примѣръ, днѣпровскій порогъ Звопецъ и т. д. и т. д., — чтѣ чувствовали эти люди, въ которыхъ другіе люди старались, безъ особыхъ, положимъ, видовъ, а такъ, спроста, заглушить лучшее свойство человѣческой природы — предпримчивость? Они бывали озлоблены на воеводъ, старость и ихъ намѣстниковъ не больше и не менѣе того, какъ бы были озлоблены въ наше время обитатели лондонскаго Сити противъ самой законной, возможно законной и законнѣйшей власти, которая вздумала бы остановить ихъ торговыя operaціи, въ противность основному правилу политической экономіи — свободѣ дѣятельности. Сравненіе мое не должно удивлять экономически образованнаго читателя. Если Гомеръ, въ эпоху героической рѣзни, могъ запрещать женскому сердцу радоваться при видѣ падшихъ напастниковъ, удивляя насть утонченностью гуманности своей, то почему сердца первыхъ козаковъ были способны чувствовать только по-звѣрски? Они, въ свою очередь, чувствовали по-человѣчески, подобно кровожаднымъ героямъ Гомеровыхъ поэмъ, и нарушеніе простого закона справедливости сознавали никакъ не хуже императора Юстиніана или современнаго намъ законодателя Европы, князя Бисмарка. Не одна

корысть устремляла ихъ на привилегированнаго обидчика, и, безъ сомнѣнія, началу извѣстныхъ памъ козацкихъ войнъ предшество-
вало столько же неизвѣстныхъ, сколько ихъ было между кудрэглазы-
ми Данайцами и боговидными согражданами Пріама. Эти-то
мелкія войны выработали тотъ упорно стремительный духъ обѣихъ
спорящихъ партій, который поражасть настъ одинаково и въ
поэтической лѣтописи Гомера, и въ прозапискихъ папскихъ ар-
хивахъ, поэзію которыхъ составляетъ одно то, что въ нихъ не
высказано. А когда схватка не удавалась, когда грамота съ вися-
чую или съ нальпленною печатью брала верхъ надъ притяза-
шими непризнанной въ Краковѣ или въ Варшавѣ автономіи
простонародной Украины, тогда побитымъ и ограбленнымъ лох-
мотникамъ приходилось волею и неволею углубляться въ пи-
зовъ Днѣпра далѣе Звонца. Для людей, потерявшихъ двори-
ща, батьковскую хату, весь свой *добрачокъ* и даже семью, не
страшна была близость орды; отчаянье вдохновляло ихъ рѣ-
шимостью, которой не обрѣтали въ своемъ сердцѣ рабыны
королевскіе, предпочитавшіе харачь отпору азіатской дичи, —
и вотъ оно, то удальство, которое наши историки ри-
суютъ въ козакахъ передъ публикою, какъ нѣчто самородное (*spontané*). Публика этихъ историковъ привыкла видѣть жизнь все-
го отдаленаго и былого на театральной сценѣ; а вѣдь немногіе
изъ посѣтителей театровъ проникаютъ въ душу забавляющаго ихъ
паяца, такъ точно какъ немногіе римляне проникали въ душу гла-
діатора. Упокоенные своимъ кабинетомъ, историки не хотятъ до-
думаться до того, что крылось въ умолкнувшемъ прошедшемъ подъ
тою удалию, которая забавляетъ ихъ воображеніе, — подъ этимъ
вѣчнымъ гладіаторствомъ козаковъ на опасной аренѣ между Днѣп-
ромъ, Днѣстромъ и Чорнымъ моремъ. Крылась непреложная по-
требность поступать такъ, а не иначе, крылась *нужда*, въ стро-
гомъ, трозномъ значеніи этого слова, крылось отчаяніе, которому
нѣть выраженія на бумагѣ, которое выражается только воцлемъ.

Отсюда эта вѣчно стонущая нота, которая характеризуетъ украинскую народную пѣсню.

На Запорожье жизнь, какъ мы видѣли въ походеніяхъ Самуила Зборовскаго, была еще тяжеле украинской. Не каждый былъ въ силахъ ее выдержать. Мѣрялись тамъ силами за рыболовныя мѣста, звѣриные входы и вольныя пастбища не столько посредствомъ оружія, сколько посредствомъ выносчивости. Да и выносчивымъ людямъ, сотканнымъ изъ желѣзной проволоки вместо фибръ и мускуловъ, рано или поздно приходилось вернуться на Украину, въ „города“, какъ тогда говорилось (потому что ни одно село, ни даже пасіка, не смѣли стоять на пограничье безъ высокаго вала и частокола). И что же приводило домой скитальцевъ? О сердечныхъ побужденіяхъ человѣкъ забываетъ въ такомъ положеніи, въ какомъ очутился Зборовскій въ днѣпровскихъ пустыняхъ. Гнала скитальцевъ та же бѣда, которая указывала имъ дорогу за Пороги.

Упі́зъ іду́—вода́ несé,
Зні́зу іду́—біда́ женé...

Вотъ одно изъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя упускаютъ изъ виду любители запорожского разгула, любители сценической картиности Запорожья и козацкой беззаботности, измышенной литераторами. Уносилъ козака или другого бідолаху на запорожскій Низъ потокъ жизни, стремившійся изъ Польши по причинамъ, скрывающимся не только въ Римѣ, въ Краковѣ, въ Варшавѣ, но также и въ исторіи европейской культуры, — уносилъ, какъ днѣпровая вода, положимъ, даже пріятно, но непреодолимо. Когда же приходилось ему вернуться домой, тутъ ужъ гнала его „біда“ во всеоружіи своихъ ужасовъ. Но воображеніе, которымъ такъ богата патура украинца, рисовало передъ оборвашемъ на этотъ разъ другую привлекательную картину: его поджидаетъ вѣрная жена; малыя дѣти, которыхъ онъ оставилъ, подросли и скоро способны будутъ ему товѣришитъ... И вотъ человѣкъ *religionis nullius*,

какъ опредѣлилъ козаковъ православный панъ Клісль, обращается къ Фортунѣ, этому древнѣйшему изъ божествъ человѣческаго рода:

Ой Фортуно, Фортуніно,
Фортуно пебого!
Послужій міні немнога.
Служила въ чумаптві,
Служила въ бурлактві,
Послужій теперъ въ нещасті!

(Мы беремъ отдаленное эхо умолкнувшихъ звуковъ и по немъ судимъ о голосѣ)... Но жену часто находилъ бродяга во власти другого. На Украинѣ женщина была дорога и въ позднѣйшее время: и въ позднѣйшее время козачества служила она предметомъ кроваваго соперничества между двумя спорящими партиями, какъ это отразилось даже въ кобзарскихъ думахъ. Чѣдже сказать о томъ времени, когда татаринъ, обходя залегавшихъ на него козаковъ, минуя притоны ихъ лѣтняго промысла вдали отъ дома и сторожевыя могили съ козацкими чатами, охотился преимущественно на женщинъ да на дѣтей? Жену невольныхъ „удальцовъ“, въ качествѣ рѣдкихъ на Украинѣ экземпляровъ, какъ разъ попадали въ руки ихъ гонителей, пановъ старостъ, пановъ діничай, пановъ дозорцевъ, а дѣти бывали обращены въ даровую рабочую силу, обращены въ пастуховъ, служилыхъ „козаковъ“ старостинскихъ и т. п.; во всякомъ случаѣ, рѣдко могъ находить козакъ свой домъ въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ.

„Знáти, знáти козачу хату
Черéзъ десятъ“...

говорить кобзарская дума позднѣйшаго, а можетъ быть и весьма ранняго, времени, и эти слова совпадаютъ съ отзывомъ современныхъ намъ свидѣтелей недавней паничины: „Тоді будо панського чоловіка за десѧть гоней познаєнї“, говорятъ наши козаки. По

неволѣ козацкай хата бывала „невкрыта“ и „присною не обсыпана“, какъ описано въ той же гоомерической думѣ.

Но тѣмъ не все для него кончалось. Панскай цивилизація въ Украинѣ, или лучше сказать колонизація украинскихъ пустынь во имя пановъ, шла поступательно и быстро. Запорожскій промышленникъ козакъ, не тревожимый, положимъ, беспокойствомъ о семье, которой часто не имѣть вовсе, и не соблазняемый плѣнительною картиною домашняго *притулка*, могъ сравнивать положеніе свое за Порогами, у самого логовища ненастынаго звѣря, называемаго ордою, съ положеніемъ на родинѣ и, натерпѣвшись бѣды, неслыханной до бѣгства за Пороги, побывавъ, пожалуй, даже въ плѣну у турокъ и татаръ, отдавалъ предпочтеніе земледѣльческой жизни передъ кочевою, или мечталъ поступить къ ремесленнику на заработки, или даже къ пану старостѣ—въ сторожевые козаки. Всё это казалось ему лучше той бѣды, которая гнала его съ Низу Днѣпра. Но полуномадная родина его дѣлалась уже строго земледѣльческою; уже не было рѣчи о работѣ толокою, по ласковому зазыву на нее поселянъ, сидѣвшихъ на срочной волѣ. Обычай дружескаго зазыва со стороны пана дѣдича дѣлался преданіемъ старины, которое плѣняло воображеніе новыхъ людей, подобно тому, какъ настѣ плѣняетъ наивная сцена пахаря, изображенаго Гомеровскимъ Гефестомъ на щитѣ Ахиллесовомъ. Теперь тивуны и сельскіе войты грозно стучали въ уголъ козацкой хаты и выкликали его семью на панщину. Вольный за Порогами человѣкъ дѣлался дома членомъ крестьянской общины и получалъ название *подданного*. Ремесленниковъ между тѣмъ тѣснили старости, а ремесленники, съ соотвѣтственно возрастающею черствостью сердца, выжимали побольше поту изъ своихъ рабочихъ. Чѣдѣ касается до службы у пана старосты, то къ нему поступали не такие оборванные, которые притащились пѣшкомъ изъ запорожскаго Низу, а тѣль называемые бояре, служившіе на собственныхъ коняхъ и дѣлавшіеся козаками только подъ нужду, или въ какомъ-нибудь не-

счастьи, или, наконецъ, подобно Рожиновскому, въ надеждѣ ни спровергнуть господство людей привилегированныхъ, а не то — сдѣлаться чѣмъ-нибудь въ родѣ князя Половца.

Снова было тѣсно сіромахѣ, и снова былъ онъ готовъ па все такъ называемое удающее. Людей сбитыхъ и сбившихся съ дороги было тогда такъ много, какъ много было въ польской администраціи безладья и произвола. Цѣлый классъ бояръ, обратившихся въ полуоддадныхъ панскихъ, можно назвать сбитыми съ дороги. Масса такъ называемыхъ рукодайныхъ слугъ панскихъ принадлежала къ сбившимся, во всякомъ случаѣ къ безземельнымъ или малоземельнымъ зависищникамъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Искавшіе, но необрѣставшіе, счастья за Порогами, среди всѣхъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей, играли роль дрожжей, или малой закваски, которая заквашиваетъ все тѣсто: имъ ничего не было страшно; они, во всякомъ случаѣ, больше могли пріобрѣсть, чѣмъ потерять въ общемъ замѣшательствѣ; и такіе люди, даже оставаясь въ сторонѣ отъ предпріятія Косинскаго, содѣйствовали его популярности громкимъ одобрѣніемъ.

Положеніе тогданшней Украины во многомъ было сходно съ положеніемъ нашего Заднѣпрія, нашей Уманщины, Богуславщины, Корсунщины и проч. въ эпоху Коліївщины. Мы, которые бесѣдовали лично съ людьми, выдавшими Залізняка и его сподвижниковъ собственнымъ глазами, легко можемъ перенестись воображеніемъ во времена Косинскаго. Въ смутное время Коліївщины, слухъ о появлѣніи запорожцевъ, имѣвшихъ опередившую вѣкъ свой (хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и запоздалую) прѣль — уравнить права пановъ съ правами простолюдиновъ, опьянялъ соумышленниковъ Максима Залізняка, послушныхъ народному движенію, этому закону природы (а не человѣческой воли, какъ думаютъ), котораго не подавляетъ ни произволъ высшей сферы, ни невѣжество низшей, ни даже развращеніе ума и сердца ложно tolкуемою вѣрою.

Слухъ о появлениі Косинского, съ его задачею — уничтожить привилегіи и поставить козацкій присудъ на мѣсто присуда панскаго, долженъ быть дѣйствовать съ неменьшою силою на его современниковъ.

Историки наши удивляются бездѣйствію мѣстныхъ властей, или дворянской самозащиты, въ волынскомъ, брацлавскомъ, кіевскомъ краѣ, — удивляются потому, что въ накошенныхъ дворянами бумагахъ не находятъ такихъ свидѣтельствъ о томъ времени, какія, посредствомъ изустныхъ преданій, мы имѣемъ о времени Колівщины. Отъ невозможности или неумѣнья выполнить относительно той эпохи правило: *audiatur et altera pars*, историческій судъ о ней является у насъ или непріязненнымъ, или лицепріятнымъ, или же, наконецъ, тѣмъ фантастическимъ судомъ, который приближаетъ исторію къ сказкѣ. Но въ козацкой старинѣ, въ первыхъ движеніяхъ южнорусского общества къ завоеванію открытою силою того, что похищено у него кабинетнымъ способомъ, оно почти что неизбѣжно: именно потому, что козаки дѣлали свое дѣло, можно сказать, молча, тогда какъ ихъ противники гордали на всю Европу, и часто преувеличивали ихъ силу, испугавшись опасности, которую сами себѣ устроили, часто придавали козакамъ не свойственный имъ характеръ, или же, подобно почтеннѣмъ нашимъ кабинетникамъ, объясняли ихъ дѣйствія такъ, какъ иной методической педагогъ объясняетъ дѣйствія школьниковъ, вырывающихся изъ-подъ его режима. „Удальство, разгуль“, на языкѣ этихъ добрыхъ трудолюбцевъ, для настъ — то самое, чтѣ „шалость“ и „непослушаніе“ — на языкѣ педагоговъ, забывающихъ, въ своемъ усердіи къ дѣлу, примитивныя потребности человѣческія. Бездѣйствіе мѣстныхъ властей кажется таковымъ только потому, что вокругъ нихъ происходило много озадачивающаго ихъ дѣйствія, точнѣе сказать — говора и таинственного шепота, въ хатахъ, въ куреняхъ, у плуговъ, на сѣнокосахъ и въ лѣсахъ, какъ это было въ Колівщину, когда паны совершенно

потерялись, прикингъли къ своимъ мѣстамъ и, безъ того, чтѣ мы знаемъ помимо современныхъ письменъ, могли бы также казаться намъ бездѣйствующими. Паны временъ Косинскаго не то что бездѣйствовали, а просто не знали, какъ имъ быть: новость козацкаго заявленія о похороненномъ и забытомъ вѣчевомъ правѣ, подъ формою козацкаго присуда, опесомила каждого. Самъ князь Острожскій, воюя козаковъ, трусилъ ихъ и, очевидно, радъ былъ какъ-нибудь уладить съ ними дѣло. Онъ послѣ Пятка сдалъ козаковъ на руки другимъ; не шевельнуль пальцемъ, когда они опановали Кіевъ, и вообще относился къ нимъ пассивно. Во время Наливайковщины, онъ позволялъ имъ гнѣздиться въ своихъ имѣніяхъ, разбойничать отъ его имени, и только въ письмахъ къ зятю Радзивилу, такъ сказать заочно, выражалъ свою досаду на украинскихъ „лотровъ“. Развѣ не таъ поступалъ съ „боліями“ Младановичъ?

Я сдѣлалъ эпизодъ, чтобы объяснить: какъ появился Косинскій между людьми, нуждающимися въ козацкомъ хлѣбѣ; какъ онъ, подобно пчелиной маткѣ, образовалъ вокругъ себя шумный рой въ Бѣлой-Церкви; какъ, послѣ расправы съ бѣлоцерковскимъ подстаростiemъ, появился онъ въ Кіевѣ; какъ захватилъ тамъ пушки, ружья и огнестрѣльные снаряды, и какъ, наконецъ, началъ приводить къ присягѣ на вѣрность козацкому присуду не только все воспрянувшее отъ сна, но и все оцепенѣлое отъ новости явленія, отъ непостижимости требованія, отъ страха. „Конецъ панскому господству“! такъ, безъ сомнѣнія, говорили козаки при началѣ своей долголѣтней войны (потому безъ сомнѣнія, что говорили они это въ ея разгарѣ). „Земля наша! Мы вызволили ее отъ орды, напе на неї и право“! Тутъ-то выступали на сцену такие двусмысленныи и недвусмысленныи нравственности люди, какимъ былъ князь Вороницкій, кіевскій подвоеводій, игравшій разомъ роль и козацкаго товарища и панскаго пріятеля, или какимъ былъ Рожиновскій, которому, во чѣ бы то ни стало, хотѣ-

лось поровняться съ своимъ паномъ. Тогдашніе бояре, эти бывшіе княжеские большаки, вообще остались послѣ татарскаго погрома ни при чомъ, были низведены перемѣною обстоятельствъ до служенія пану на одномъ, на двухъ и такъ далѣе коняхъ, число которыхъ опредѣляло большую или меньшую ихъ значительность. Въ этой служебной градациі заключалась вся будущность бояръ отrozenной Руси. Какъ люди всѣ-таки высшаго полета, сохранившіе о себѣ традиціонное понятіе, какъ о классѣ почетномъ, они дѣлались рукодайными слугами деревенской шляхты или военными служебниками пана старосты повыше козаковъ его, но, не имѣя герба и шляхетскаго званія, всегда считались слугами, почти въ смыслѣ подданныхъ. Пансько-козацкія транзакціи наполнены требованіями выдачи измѣнниковъ, слугъ, и запрещеніемъ принимать ихъ въ козацкую среду: то разумѣлись бояре путные, конные и какие бы то ни было, наравнѣ съ прочими подданными. Этотъ въ старину вліятельный классъ народа, возвышенный пасѣверѣ до значенія полутатарскихъ первъ и оставленный на югѣ безъ мѣста на шляхетскомъ пиру, всего чаще входилъ въ составъ козачества, и, можетъ быть, поэтомъ Бопланъ не находилъ въ козакѣ ничего грубаго, кромѣ одѣжды. Бояре связали козачество съ дружинами удѣльно-вечевого периода, и подъ знаменами новыхъ защитниковъ русской земли опять начали „звонить въ дѣдовскую славу.“

Теперь, когда порядокъ вещей въ эпоху Конинскаго для насъ ясенъ, прошу читателя представить себѣ козаковъ, проигравшихъ подъ Пяткомъ дѣло. По краснорѣчивому описанію панскихъ благодѣяній Запорожскому Войску и по многократному повторенію козацкой клятвы въ пятковскомъ листѣ, этотъ листъ, несомнѣнно, написанъ въ панскомъ лагерѣ. Но, хоть это была и вынужденная клятва, предположимъ, что она всѣ-таки была выполнена, въ благочестивомъ страхѣ божественной кары, который вовсе не былъ чуждъ людямъ *religionis nullius*. Козаки Конинскаго оста-

вили „дежи и приставства“ въ панскихъ имѣніяхъ, какъ было ими обѣщано, и побрели на свои получумакіе, полувоенныя промыслы за Пороги, — кстати наступила весна, когда на Низу голота дѣлается рясна, по словамъ думы, — а не то, разошлись по домівкахъ своихъ, въ качествѣ обезоруженныхъ. Но первая ярмарка, первое шумное сборище въ хорошей корчмѣ, неизбѣжно должны были поднять насущный для множества предпріимчивыхъ людей вопросъ: „Неужели же такъ и пропало наше на панахъ“? Вопросъ, равнозначацій съ тѣмъ, который поднимался нѣкогда Грекамъ по поводу миѳического золотого руна или полумиѳической аргивской красавицы Елены, — въ обоихъ слушалъ, безъ сомнѣнія, въ чисто экономическихъ видахъ. „Такъ это мы для паповъ терли луга и откармливали своимъ тѣломъ комаровъ, какъ медвѣдей! Вѣдь недавно еще, еще за нашей памяти, по самой Тысминѣ съ обѣихъ сторонъ Днѣпра кочевали татары! а теперь они едва смѣютъ показываться вдали отъ нашего Славуты, пониже Псла и Ворксы! Вѣдь почему панамъ такъ затѣшило на Украинѣ? Поэтому что козаки стали муромъ противъ татаръ, залегли на всѣхъ татарскихъ шляхахъ и обезопасили панску займища“. Такія размышленія отзывались даже въ устахъ защитниковъ козацкаго вопроса на сеймѣ: какъ же имъ было не высказываться на Украинѣ, гдѣ, уже и по замѣчанію Верещинскаго, не смотря на убожество самого Кіева, каждый „гордился своею вольностью украинскою“? Въ Кіевѣ, по словамъ его, продавали только горілицю, да такое піошице, что когдабѣ налить козѣ въ горло, то и коза околѣла бы; но при такой бѣдности, кіяне, по выражению почтеннаго бискупца, „не хотѣли показать дороги ни пану, ни панскої собакѣ“. Такъ было при воинственномъ Стефанѣ Баторіи, и конечно не перемѣнилось при богомольномъ Сигизмундѣ III. Пьяные отъ горілицї, отъ піошица и отъ собственнаго буйства, кіевскіе козаки неизбѣжно должны были прийти, и пришли, къ такому рѣшенію:

„Не попустімо ляхові Польщи,
Пóкіль нашої жизнóсти!“¹⁾

Это значило, что ляхъ не долженъ ладувать въ Польшѣ,²⁾ хотябы козаки опять и опять были побиты. Съ такимъ рѣшенiemъ, совпадала, конечно, мысль, что присяга волынского товариства Косинского не распространяется на тѣхъ, кто не былъ съ нимъ подъ Пяткомъ, то есть на всѣхъ кievскихъ козаковъ, самыхъ взятыхъ, потому что самыхъ убогихъ, и что Косинский не могъ

¹⁾ Изъ народной пѣсни временъ Хмельницкого, записанной авторомъ въ селѣ Суботовѣ, принадлежавшемъ Богдану Хмельницкому. Я потому указываю мѣстность, что пѣсня, по своему содержанію, могла тамъ быть сложена скорѣе, нежели гдѣ-либо. Косарь, которого я первого встрѣтилъ рано утромъ на улицѣ, вернулся домой по поводу завязавшагося между нами разговора. Но чѣмъ онъ былъ заинтересованъ въ молодомъ человѣкѣ? (это было давно). Совершенно тѣмъ, чѣмъ интересовались козаки временъ Косинского: онъ вообразилъ меня царскими агентомъ, развѣдывающимъ, какъ стоять вещи въ Украинѣ, для исправленія злоупотреблений помѣщиковъ и чиновниковъ. Это миѣ помогло войти съ нимъ и съ его серьезными сосѣдами въ дружескую бесѣду, въ которой ничего не было недосказаннаго. Шляхтичъ Косинский, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ, болѣе свѣдущій въ дѣлахъ внутренней политики, чѣмъ его пріятели (они, какъ видно изъ пятковскаго листа, не всѣ даже умѣли писать). Онъ находился болѣе или менѣе въ томъ положеніи относительно своей публики, въ какомъ я очутился среди суботовскихъ косарей, отложившихъ ради меня косовицу. Онъ жилъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ отъ слова до дѣла не было „un gran tratto“, какъ въ нашъ болѣе сложный вѣкъ. Онъ уступилъ энтузіазму нуждающихся людей до пятковскаго дѣла; онъ не могъ устоять противъ него и послѣ пятковскаго. А чего доброго, самъ поджегъ и раздулъ въ козацкомъ сердцѣ энтузіазмъ пужды и чувство обиды. Я могъ бы сдѣлать то же самое съ суботовцами, еслибы видѣлъ въ томъ прокъ. Косинский видѣлъ, или могъ видѣть прокъ въ своемъ предпріятіи. Впрочемъ, и то сказать: Запорожская Січъ, съ ея недоступностью для правительственной власти, служила тогда сильною опорою для всякаго героического и злодѣйского замысла (понятія относительныя).

²⁾ Мысль, образовавшаяся въ Подолії уже во времена Папроцкаго. Когда захожий человѣкъ начинаетъ говорить о насущныхъ интересахъ туземцевъ, на него надоѣно смотрѣть, какъ на свѣжайшемъ сосудѣ, въ который положено то, что дорого для края. Поэтому Папроцкій, съ его поражающимъ нась пророчествомъ, что русскій народъ будетъ вѣчно славенъ „хотябы Польша и погибла“ (см. т. I. стр. 109), въ нашихъ глазахъ, имѣть значеніе только перескацаика того говора, которымъ были полны дворы русскихъ пановъ, воинствовавшихъ тогда по-козацки.

требовать отъ козачества забвенія всѣхъ мелкихъ обидъ его и такой крупной обиды, какъ та, что князь Острожскій договаривался съ ханомъ выгубить козаковъ. Если предположить, что Косинскій, яко католикъ тогдашняго времени, или воспитаникъ латинской школы, былъ пропитанъ іезуитствомъ, то собственная логика его совѣсти никакъ не должна была быть выше логики завзятыхъ кіянъ, готовыхъ къ новому восстанию. Но если Косинскій былъ больше козакъ, нежели шляхтичъ, больше воинъ, нежели политикъ, больше человѣкъ, нежели раздраженный неудачею низовой сіромаха, то и въ такомъ случаѣ ему открывалась полная свобода дѣйствовать такъ, какъ-будто пятковскій листъ никогда не былъ имъ подписанъ. Козакамъ нужна война; козаки безъ войны оставаться не могутъ. Эта дикая въ наше время мысль не была дика ни во времена гуманнаго Гомера, ни въ похожее на гомеровскія времена столѣтіе кроваваго спора козацкаго съ польско-русской шляхтою.

„И день и нічъ войны ждемъ,
Пожївы не маємъ...“

кричить въ украинской пѣснѣ олицетвореніе козачества—пугачъ, усѣвшись на степномъ курганѣ. Гетмана своего козаки величали обыкновенно батькомъ; гетманъ называлъ козаковъ офиціозно дѣтьми. Косинскій пересталъ быть козацкимъ батькомъ для одной купы козаковъ, но не могъ перестать быть имъ для другой, то есть не могъ лишиться вдругъ всей своей популярности у козаковъ. За тѣ же самыя свойства, за которыя избрали его своимъ предводителемъ козаки волынскіе, могли избрать его гетманомъ, въ свою очередь, кіяне, а избравши просить у него „козацкаго хлѣба“, какъ просятъ хлѣба дѣти у отца. Вспомнимъ, какъ поступили козаки по избранію гетманомъ Самуила Зборовскаго: первымъ вопросомъ ихъ было: куда же ты нась поведешь, пане гетмане? Вопросъ нужды и необходимости. Теперь и спрашивать было не

надо: война съ панами началась; хищная варяго-русскія сердца чуяли, что поживы хватить надолго. На Украинѣ стояли тогда вещи по-гомеровски, и наивность козацкая не уступала аргивской, когда нужно было, для козацкаго хлѣба, освѣтить ночное небо заревомъ и наполнить окрестность воплями.

Косинскій, каковъ бы онъ тамъ ни былъ, не могъ устоять, и не устоялъ, противъ искушенія. Тутъ опять является мысль: что онъ и не боролся съ искушениемъ; что, по примѣру многихъ героевъ древности новаго времени, онъ въ собственномъ сердцѣ носилъ достаточный запасъ измѣнъ и предательства. Такой предводитель и нуженъ былъ козакамъ: таковъ былъ, по натурѣ своей, „козацкій батько“ Хмельницкій. И вотъ раздался новый зовъ по Украинѣ, настала новая вербовка дикихъ героевъ равноправности, явилась новая забота о вооруженіи. Кіевъ стоялъ передъ козаками настежь. На мѣсто проигранной подъ Пяткомъ, нащлась у нихъ другая армата. Кадры будущаго войска составились въ самое короткое время, во первыхъ, изъ людей, знакомыхъ съ употребленіемъ оружія, каковы были панскіе и старостинскіе бояре, во вторыхъ, изъ мѣщанъ, побывавшихъ на Низу и, такъ сказать, помазавшихъ запорожествомъ, наконецъ, и изъ дѣйствительныхъ запорожцевъ, запорожцевъ по ремеслу и по резиденціи, которые для торговаго или козацкаго промысла постоянно *сновидали* или *блукали* по Украинѣ, точно прислушивалась и нюхая воздухъ, не пахнетъ ли гдѣ войною и добычею. Ихъ осуждать не за что: они, на мой взглядъ, были ничѣмъ не хуже аргонавтовъ, пронюхавшихъ золотое руно, или нашихъ варяго-руссовъ, которые нашли еще лучшее золотое руно на полянахъ, деревняхъ, драговичахъ и проч. Съ этими кадрами, въ числѣ трехъ или четырехъ сотень коней, какъ говорить преданіе, появился Косинскій въ Черкасахъ и продолжалъ тамъ затягивать новыхъ затяжцевъ съ памѣреніемъ взять приступомъ старостинскій замокъ и покарать пана Вишневецкаго за то, что онъ вмѣ-

шался туда, куда, по мнѣнію козаковъ, мѣшаться ему не слѣдовало. Козаки „воевали князя Острожскаго“, ¹⁾ а ему какое было до того дѣло? Они рѣшились проучить вельможнаго пана. Бѣльскій говоритъ, что вслѣдъ за Косинскимъ водою и сухимъ путемъ шли въ Черкасы новые козаки на поддержку Косинскаго. Но, пока они пришли, въ Черкасахъ случилось обстоятельство, не-предвидѣнное ни Косинскимъ, ни его козаками. Мы знаемъ изъ устныхъ преданій объ уманской трагедіи, что хмѣльные напитки, какъ всегда и вездѣ, были главнымъ пособіемъ козацкаго краснорѣчія, при затягиваніи затягиванію, то есть при вербовкѣ волонтеровъ. Въ Черкасахъ, должно быть, шла попойка на широкую ногу. Въ ней участвовали и старостинские служебники, которымъ было за обычай оставлять „рейментъ“ пана старости и переходить подъ рейментъ Запорожскаго Войска. Зашоль на пиру споръ, завязалась драка, и однимъ ударомъ со стороны какого-то предателя или необачнаго пьяницы шляхтича прекращена была бурная жизнь пана Криштофа. Случайно

¹⁾ Эти слова взяты изъ сознанія пѣсника, который пошоль въ козаки ма-неромъ Косинщины. Оно вообще интересно, какъ живой голосъ, такъ рѣдко слыш-ный среди архивовъ. „Мене зовуть Григорій Василевичъ Здѣжанскій (копетно, это былъ бояринъ: иначе—былъ бы поименованъ шляхтичемъ въ дѣлѣ), который первой сего служилъ у пана Александра Загоровскаго, и кгда былъ послухъ, же козаки Воеводу Кіевскаго воюють, тутъ, въ Луцку, намовилъ мене Михайло Янушевичъ Гулевичъ, абы зъ нимъ ехать, поведающи, же добра, пожиточная служба будетъ. Я, будучи пахолкомъ убогимъ, потребуючи запоможенья, присталъ есми до него.... Панъ мой, у которогомъ я слугою рукодайнымъ былъ, ехавши до козаковъ, упросиль у пана Косинскаго, гетмана козацкого, который позволилъ, и даль ему на помочь Дашка, сотѣника зъ его сотнею.... которымъ всѣмъ козакамъ зъ мастьностей Сутѣскіхъ (которыя собрались они оттягать у пана Василія Гулевича въ пользу пана Михайла Гулевича) за працу чинитъ обѣзо-валь. И также, кгда есмо позно до Сутѣски приехали, врядникъ на кгвалть у дзвонъ ударилъ, мужики насть у село не пустили, козаки ся на Михайла фра-совали, ижъ имъ не то обѣзоваль; онъ ихъ благаль, и обернулся зо всѣми ками до Янкова; тамъ же въ Янковѣ черезъ цѣлый день у пятницу, также и черезъ ноцъ до суботы были есмо, а въ суботу пришли есмо были до Витавы; у Витавѣ врядникъ пана войскового сутѣскій зобавившия даль намъ битву, насть поразиль, и живыхъ насть четырохъ чоловекъ.... поймали“.

ли это сдѣлалось, или преднамѣренно, только смерть Косинскаго была сигналомъ къ нападенію на пирующихъ козаковъ. Старостинцы перебили защищавшихся и положили конецъ козацкому бунту.

Такъ погибъ малоизвѣстный, но достопамятный человѣкъ, начинатель кроваваго дѣла, которое можно было бы назвать столѣтнимъ разбоемъ, еслибы этотъ разбой не защитилъ русскаго народа отъ тѣхъ, которыхъ заповѣдано намъ бояться больше, чѣмъ убивающихъ тѣло. Но убивающимъ тѣло, въ лицѣ мусульманъ, козацкій разбой также положилъ не малую преграду къ распространенію ислама и къ чужеядности татарско-турецкой орды. Слѣдовательно Косинскій имѣетъ полное право на название дѣятеля народнаго, если не въ положительному, то въ отрицательномъ смыслѣ. Открытиемъ столѣтней борьбы съ польско-русской шляхтою, онъ воспрепятствовалъ распространенію антикультурныхъ началъ въ нашей отрѣзненной Руси; а это — дѣло не маловажное, каковъ бы ни былъ взглядъ самого Косинскаго на послѣдствія его козакованья.

Украинскіе лѣтописцы почтили память Косинскаго сообразно своимъ интересамъ и понятіямъ. Не обративъ вниманія на то, что онъ былъ Криштофъ, а не Христофоръ, они, въ благочестивой своей ревности и религіозной завзятости, сдѣлали изъ него мученика за православную вѣру и сочинили легенду, что будто-бы Косинскій былъ замурованъ живой въ камennомъ столбѣ, въ Варшавѣ. То было время религіозной борьбы и мартиологіи во всей Европѣ.

ГЛАВА XII.

Козачество панское по отношению къ запорожскому. — Императорскій посолъ на Запорожье, и характеристика запорожского товарищества. — Козацкая служба подъ знаменами Рудольфа II. — Положеніе панскихъ дѣлъ между первымъ и вторымъ козацкими восстаніями. — Несостоятельность короннаго войска въ войнѣ съ татарами. — Козацкія попытки основать другой форпостъ въ виду азіятцевъ. — Приближеніе грозы къ Польшѣ со стороны козачества. — Ополченіе русины служатъ безсознательно русской идеѣ. — Козаки ремонтируются для предстоящей борьбы.

Войско князя Острожскаго состояло не изъ однихъ рейтаръ, которые дали ему перевѣсь надъ Косинскими: онъ содержалъ на жалованье нѣсколько хоругвей козаковъ. Подъ словомъ *козаки* въ надворномъ войскеъ польскихъ пановъ часто разумѣлась вооруженная легко, по-козацки, конница; но резиденція князей Острожскихъ охранялась ополченіемъ дѣйствительно козацкимъ. Еще при Сигизмундѣ - Августѣ, подъ 1553 годомъ, въ современной хроникѣ Горницкаго, встрѣчаемъ, въ городѣ Острогѣ, тысячу козаковъ. Это были такие самые козаки, какіе залегали съ Претвищемъ на татаръ въ дикомъ полѣ, какіе сторожили Украину подъ предводительствомъ Дашковича и ходили въ Молдавію съ Дмитриемъ Вишневецкимъ, какіе, наконецъ, составляли домашнюю роту Богдана Рожинскаго, и какихъ содержали въ тѣ времена многіе паны, выступивши съ своими замками на передовую линію

колонизациі отрзненnoй Руси.¹⁾ Состоя въ распоряженіи владыца, они дѣйствовали въ военное время противъ хищныхъ татаръ, въ качествѣ сторожевой милиціи, а въ мирное — поддерживали интересы феодального панского дома противъ другихъ феодаловъ.²⁾ Въ теченіе сорока лѣтъ, истекшихъ съ того времени, потребности и обычай родного гнѣзда князей Острожскихъ не измѣнились. Въ 1593 году, въ городѣ Острогѣ мы находимъ такихъ же козаковъ, какихъ Константина-Василій Острожскій, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Димитріемъ Сангушкомъ, обманулъ или подкупилъ, или запугалъ, во время вторженія своего ко вдовствующей женѣ брата, и какіе воевали теперь подъ знаменемъ Косинскаго.

Походъ Косинскаго былъ для этихъ козаковъ, по видимому, неожиданностью. Какъ люди, состоявшіе на жалованьї у князя Острожскаго, они обязаны были идти противъ своихъ соратниковъ, и ходили. Не извѣстно, впрочемъ, какъ они дѣйствовали въ походѣ. Можетъ быть, ихъ-то участіе въ войнѣ, какъ не совсѣмъ

¹⁾ Въ 1599 году князь Константина Острожскій писалъ къ Криштофу Радзилу:... „Asłusznie by wprawdzie wzięto mi Roty, ktore zawsze praedecessorowi moj miewali z Czerkas i z Bialej Cerkwie, chocia nigdzie pierwiej i częściem nieprzyiaciel nie zwykł bywać, iako w tym kraiu, by ieszcze te liche dzierzawy moje miały być zołnierzem P. Starostow inszych onerowane, wielka niesprawiedliwość“. (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. № 223, f. IV, л. 9.)

²⁾ Это не была панская прихоть: при безправны rządu polskiego, при безсильніi prawa pospolitego, крупные и мелкіе паны поставлены были въ необходимости устроивать въ своихъ домахъ разсадники козачества и подъ полою у себя воспитывать такихъ людей, какимъ явился на аренѣ козацкихъ возстаній Наливайко. Вотъ какъ сами они размышляли объ этомъ на сеймахъ: „Szkodliwa rzecz zaprawde wkażdziej Rptey contempt prawa u zwierszchosci, który tak się zagęscieł, ze iusz kozdemu Woysko mieć, gwałtem prawa swego dochodzić w powszechny obyczay weszło. Wszystkie sądy, wszystkie ziaźdy zbroyno się odprawuią. A niedziw, bo sam Seym, na który, z załoscią ludzi wszystkich spokoinych, z ohidą narodu naszego, wieczej woyska widać, niżli na Ukrainie: nie tylko ze całe pułki na Seym zwodzą, ale nawet izbę samę Poselską ludzmi swemi zagęsciwry y wolne głosi zatłumiwszy, bene consulta rozrywają, iakoby na tych tylko rękach była Rpta, którzy wieczej za sobą pachołkow nawioda. (Тамъ же, Л. F., отд. IV, № 99, л. 75.)

надежного контингента, должно служить намъ лучшимъ обѣщаніемъ договора, заключеннаго побѣдителями съ побѣженными. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что предводитель острожскихъ козаковъ, знаменитый впослѣдствіи Наливайко, красавецъ, храбрецъ и вмѣсть пройдоха (родомъ, какъ говорятъ, изъ Каменца), оправдывался черезъ годъ передъ запорожцами въ томъ, что воевалъ противъ своихъ братій подъ панскими знаменами. Онъ прислалъ въ Сіть свою саблю, съ тѣмъ, что, когда явится лично въ запорожскій ареопагъ — войсковую раду, и доводы его не будутъ уважены, такъ чтобы низовые братья-козаки этою саблею отрубили ему голову. Случившійся на ту пору за Порогами посолъ германскаго императора Рудольфа II былъ свидѣтелемъ этой сцены, напоминающей разсказы Саллюстія, и записалъ ее въ своемъ дневнике. Какъ бы то ни было, только, послѣ смерти Косинскаго, Наливайко оставилъ князя Острожскаго и „пустился въ непріятельскія земли искать козацкаго хлѣба“.

По его собственнымъ словамъ, онъ съ юныхъ лѣтъ занимался этимъ промысломъ (тогдашнія обстоятельства выработали козачество, какъ промыселъ), воевалъ во многихъ земляхъ, подъ предводительствомъ многихъ козацкихъ гетмановъ, и, „не смотря на то, связанный обѣщаніемъ и честнымъ словомъ, служилъ князю Острожскому по-рыцарски, какъ ему подобало“. Можетъ быть, и самъ князь Острожскій не захотѣлъ держать козаковъ послѣ козацкаго наѣзда на его владѣнія, опасаясь отъ него того, чтѣ сдѣлалъ съ своимъ паномъ козацкій сотникъ Гонта, спустя 175 лѣтъ, хотя слѣдуетъ помнить, что родной братъ Семена Наливайка, Демянъ, оставался по-прежнему попомъ въ городѣ Острогѣ, что съ этимъ братомъ попомъ проживалъ тамъ другой братъ Наливайка и, кроме того, мать и сестра ихъ. Въ письмахъ своимъ къ зятю, Криштофу Радзивилу, Острожскій отзываетъ о Наливайкѣ съ презрѣніемъ, тогда какъ гетмана низовыхъ козаковъ, про-

живавшаго въ подольскомъ городѣ Барѣ, называетъ заочно паномъ Лободою.¹⁾ Съ нимъ онъ имѣлъ письменныя спошнія. Лобода, своими увѣдомленіями о турецкихъ, татарскихъ и волошскихъ дѣлахъ, восполнялъ для него отсутствіе газеты.²⁾ Чѣмъ касается до Наливайка, то этотъ варяго-руссъ, не находя дома съ товарищами козаками работы, вознамѣрился по его собственному разсказу, уничтожить „хозяйство“ (преимущественноnomadное), которое завели враги христіянства по берегамъ Днѣстра, и началъ геройствовать между Тягинею и Бѣлогородомъ. Это не была *война*, въ нынѣшнемъ значеніи слова: это былъ военный промыселъ. Если московскій царь или другой потентатъ не подстрекали козаковъ подарками „чинить промыселъ надъ непріятелями“, то они чинили его безъ подстрекательства. На сей разъ козаки были поощрены нѣмецкимъ императоромъ Рудольфомъ, который прислалъ имъ серебрянныя литавры, булаву и другіе войсковые „клейноды“, прося не пускать крымскихъ татаръ въ Венгрию, где его сильно тѣснилъ султанъ Амуратъ. Не усмотрѣли, однакожъ, запорожцы за татарами: тѣ ихъ перехитрили, и прорвались въ Венгрию подальше отъ запорожскихъ чатъ, черезъ Волошину. Наливайко погнался за ними, но напрасно. Тогда онъ, въ соединеніи съ Лободою, который предводилъ запорожцами, принялъся опустошать турецкіе города и села за Днѣстромъ. Тутъ ему посчастливилось, добычи набралъ онъ столько, что некуда было дѣвать. Наливайко не былъ товарищемъ въ ко-
закомъ войскѣ: онъ представлялъ варяжскаго князя, собравшаго вокругъ себя боевую дружибу на собственныя заработанныя козакованье средства. Поэтому добыча не была войсковая; онъ могъ

¹⁾ См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 23 февраля 1595 года.

²⁾ И не одинъ Лобода замѣнялъ князю Острожскому газету: онъ получалъ подобный же донесенія и отъ какого-то сотника Демковича. (См. письма того и другаго въ приложеніяхъ ко II-му тому.)

располагать сю по собственному усмотрѣнію, и, какъ за Порогами поднимались противъ него обвинительные голоса за его прошлое, „что недобра, зуры́вочна стала ёго слава“, то онъ нашелъ для себя полезнымъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить туда посольство, о которомъ упомянуто выше.

Съ оправдательнымъ Наливайковымъ посольствомъ совпало, какъ уже сказано, прибытие въ запорожскую Січъ императорскаго посла, интересное для насть въ томъ отношеніи, что оно даетъ болѣе ясное понятіе о тогдашнемъ положеніи низового козацкаго войска. Посломъ былъ сileзецъ Эрихъ Ласота, котораго дневникъ обнародованъ вполнѣ только въ весьма недавнее время.¹⁾ Изъ этого дневника мы знаемъ, что маршируть его за Пороги лежаль черезъ Санокъ, Самборъ, Львовъ, Константиновъ, Прилуки, Бѣлую - Церковь, Хвастовъ, Васильковъ, Триполье и Кіевъ. Этими именами обозначается кайма крѣпкихъ мѣстъ на пограничье, между которыми сообщеніе не подвергалось опасности, заставлявшей Плано-Корини трепетать за свою жизнь во время проѣзда его черезъ Кіевъ. Изъ Кіева Ласота продолжалъ путь своей водою. Ниже устья рѣки Псла, стѣхался онъ съ посломъ московскимъ, который также везъ низовымъ козакамъ подарки и путешествовалъ „со свитою козаковъ“. Оба посла плыли до самой Січи на одномъ суднѣ, бесѣдуя о международныхъ дѣлахъ. Ласота насчиталъ на Днѣпрѣ 12 пороговъ, черезъ которые переправа была весьма опасна, особенно во время мелководья. „Тогда“, пишетъ Ласота, „люди въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ — или выходятъ на берегъ и оттуда удерживаютъ судно длинными канатами, либо верев-

¹⁾ Почтенный издатель дневника Ласоты, въ русскомъ переводѣ, Ф. Н. Брунъ, котораго занимающіеся исторіею должны благодарить за снабженіе перевода множествомъ весьма полезныхъ примѣчаній, напрасно напечаталъ имя Ласоты съ двумя с. Въ „Koronie Polskié“ Niesieckiego читаемъ Lasota, а не Lassota. Слово ласота происходитъ отъ ла́сый, лакомый. По нѣмецки необходимо было писать два с: иначе, вмѣсто Ласоты, вышелъ бы Лазота. Указанному недоразумѣнію подверглись и уважаемые издатели „Историческихъ Пѣсень Малорусскаго Народа“, Кіевъ, 1874 (стр. 156).

ками, или, оставаясь сами въ водѣ, переносять судно поверхъ острыхъ камней, осторожно спуская его затѣмъ снова въ воду. Но тѣ, которые удерживаютъ судно канатами, не должны терять изъ виду тѣхъ, которые тянутъ канаты и спускаютъ судно: иначе — оно легко можетъ удариться и разбиться". Это и случилось съ однимъ изъ суденъ, на которомъ находилось трое спутниковъ Ласоты. Плаватели были спасены маленькими лодками — *pідгіздками*, но всѣ ихъ вещи пропали. „Недавно“, замѣчаетъ мимоѣздомъ Ласота, „татары кочевали и на правомъ берегу, до самого Тясмина; но козаки, утвердясь за Порогами, заставили ихъ покинуть правый берегъ“. Зато лѣвый, по словамъ современника Ласоты Гейденштейна, даже и подъ Кіевомъ, продолжалъ еще называться *татарскимъ*, въ противоположность правому, который назывался *русскимъ*. Козаки въ то время стояли „кошѣмъ“, или лагеремъ, на островѣ Базавлукѣ, у днѣпровскаго рука-ва Чортомлыка, или, какъ они выражались, *коло Чортомлыцкого Дніпра*. Пословъ привѣтствовали съ берега пушечной пальбою и тотчасъ повели въ раду, которую Ласота называетъ польскимъ словомъ *коло* (кругъ). „Мы просили передать (по-руссски) радѣ“, пишетъ Ласота, „что намъ было весьма пріятно застать тамошнее рыцарское товарищество (*ritterliche Gesellschaft*) въ полномъ здравїи; но, такъ какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 30 мая, Herr Haubtman Богданъ Микошинскій отправился къ морю ст. 50-ю галерами (онъ разумѣеть човны-чайки) и 1.300 человѣкъ, то мы желали отложить передачу своего порученія до возвращенія гетмана и его сподвижниковъ, когда все войско (*Kriegsvolk*) будетъ на мѣстѣ. Они на это согласились и помѣстили насъ въ шалашахъ (*hütten*), называемыхъ башами (*Koszen*), которые сдѣланы изъ хвороста и покрыты, для защиты отъ дождя, конскими кожами“.¹⁾

¹⁾ Слово *коши*, говорить В. В. Григорьевъ („О нѣкоторыхъ Событияхъ въ Бухарѣ“ и пр.), означаетъ (по-татарски) всякое временное помѣщеніе въ пу-

Черезъ 9 дней Микошинскій вернулся съ похода. Онъ ходилъ къ морю съ цѣлью помышлять переправъ татаръ у Очакова на русскую сторону Днѣпра и не дать имъ вторгнуться въ Венгрію, о чомъ еще прежде просилъ запорожцевъ императоръ. Былъ онъ съ татарами на водѣ и на суши, и взялъ въ плѣнъ раненаго въ ногу знатнаго татарина изъ ханскихъ придворныхъ, по имени Біликъ (Bellek). Но турки прислали на помощь татарамъ 8 галеръ, 15 каравель и 150 сандаловъ¹⁾). Козаки не могли воспрепятствовать переправѣ и вернулись въ недоступное для турокъ убѣжище свое на Днѣпрѣ. Мурза Біликъ, котораго Ласота разспрашивалъ о турецкихъ и татарскихъ войскахъ, сообщилъ ему, что хантъ выступилъ въ походъ съ 80.000 человѣкъ, но что между ними вооруженныхъ и способныхъ къ военному дѣлу было не много болѣе 20.000, а дома, въ Переяславской Ордѣ, оставалось всего тысячъ 15 татаръ.

„19-го іюня, утромъ“, пишетъ Ласота, „посѣтилъ насъ гетманъ, съ иѣкоторыми изъ главныхъ лицъ, и затѣмъ, въ свою очередь, принялъ насъ у себя. Послѣ обѣда козаки выслушали московскаго послы. Гетманъ обратился къ намъ изъ рады съ извиненiemъ въ томъ, что они даютъ аудіенцію московскому послу прежде чѣмъ намъ. Имъ хорошо известно, говорилъ гетманъ, что его императорское величество занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ христіянскихъ монарховъ; но имъ казалось удобнѣйшимъ выслушать предварительно московскаго послы, въ томъ предположеніи и даже отчасти въ той увѣренности, что москаль (Moschowitter), въ своихъ переговорахъ съ ними, не умолчитъ и о дѣлѣ австрійскаго монарха“.

стомъ мѣстѣ, или на дорогѣ: отдѣльную кибитку, иѣсколько кибитокъ вмѣстѣ и цѣлый лагерь.

¹⁾) Сандаль — по-турецки доска, дощаникъ. Это были довольно большія суда. Діаконъ Игнатій (Ник. Лѣт.), въ своемъ описаніи хожденія Шименова, говоритъ: „Оттуда (изъ Пандоракліи, Гераклеи при Понтѣ) идохомъ въ сандаліяхъ и до Царюграду“.

На другой день запорожцы дали „аудіенцію“ императорскимъ посламъ, которые изложили свое дѣло на бумагѣ и представили „грамоту“ свою въ полномъ собраніи низового рыцарства. Попросивъ пословъ удалиться, козаки выслушали грамоту. Рада же-лала, „чтобы каждый высказалъ о ней свое мнѣніе“. Но, послѣ двукратнаго предложенія спикера, по-украински *речника*, а речникомъ въ козацкой радѣ былъ гетманъ, или *кошбый*,¹⁾ — всѣ козаки, какъ одинъ, молчали.

Они молчали не отъ робости и не потому, чтобы не могли съ разу высказать своего мнѣнія о сдѣланномъ имъ предложеніи. Стѣсняло ихъ присутствіе столькихъ умныхъ людей, передъ которыми ихъ простацкія сужденія могли бы показаться смѣшными. Если была въ рукахъ у старшины какая-нибудь нравственная узда на своемъравнаго и дерзкаго козака, то этой уздой было мѣткое, саркастическое слово. Оно не страшило толпы, но каждый за себя порознь боялся такого слова, точно выстрѣла. Мѣткое слово въ ту же минуту обращалось въ насмѣшливое прозвище и переходило въ бозацкое потомство, какъ это еще и въ наше время доказываютъ очень странныя фамиліи нѣкоторыхъ украинскихъ дворянъ, на примѣръ: Тупу́-Тупу́-Табунѣць-Буланый, или: Колд-Г...-Палець, и множество подобныхъ. Боязнь насмѣши до сихъ поръ остается весьма чуткою въ украинскомъ простолюдинѣ. Умственное превосходство для него — сила, передъ которою онъ смущается больше, чѣмъ передъ властью.²⁾

¹⁾ Эти дѣй должности на Запорожье совмѣщало одно и то же лицо; но *кошбый* значить глава сіового коша, а *гетманъ* — предводитель войска. Когда Запорожцы пребывали въ мирѣ, сражалась ежедневно съ татарами въ раздрѣбѣ, ими правилъ кошбый, съ помощью куренныхъ отамановъ или вообще — *отаманія*, старшины, а въ важныхъ случаяхъ — рады. Но въ военное время этотъ конституціонный владыка превращался въ диктатора и назывался гетманомъ. Для каждой экспедиціи избирался гетманъ, а на кошу оставался тогда, независимо отъ походной диктатуры, кошбый.

²⁾ Гоголь, говоря въ какомъ-то мѣстѣ о томъ, какъ можно пробрать человѣка словомъ, смѣшалъ своихъ земляковъ съ великорусскими простолюдинами.

Собрание раздѣлилось на двѣ рады: въ одной участвовала только старшина (отаманье), въ другой—только чернь. Этой по-слѣдней радѣ, въ важныхъ случаяхъ, подобныхъ настоящему, предоставлялось право постановить рѣшеніе, которое старшина обязана была выполнить безпрекословно, или обсудить для вторичнаго представлѣнія въ общей радѣ. На сей разъ предложеніе императора принято было „чорною радою“ съ восторгомъ. Козаки, въ знакъ своего согласія, подбрасили вверхъ шапку,¹⁾ а потомъ, подбѣжавъ къ собранію старшинъ своихъ, грозили утопить того въ Днѣпѣ, кто осмѣлитсѧ противодѣйствовать ихъ рѣшенію.

Тутъ уже выступилъ наружу другой народный принципъ, выраженный украинскою пословицею: *громада—великий чоловікъ*. Запорожская чернь, сознавая важность ума коллективнаго, ставила ни во что самую умную единицу между старшиною. Этимъ объясняется фактъ, что большая часть запорожскихъ предводителей оканчивала поприще свое смертью отъ рукъ самого войска своего. Въ этомъ же надобно искать смысла и такихъ поступковъ, какъ выдача зачинщиковъ восстанія, въ случаѣ его безуспѣшности. Пополненные до рабства своему предводителю, доколѣ онъувѣренъ самъ въ себѣ, козаки терроризовали его безпощадно при всякомъ колебаніи, а за неудачу въ походѣ часто карали смертью, точно султанъ своего визиря. Смысли у нихъ были спартанскій: за удачу — честь и слава, хотьбы то было и воровство; за неудачу —

Словомъ забѣшишь ірицъ, ніжъ киякою, говоритъ малорусская пословица. У великоруссовъ, при всѣхъ почтенныхъ свойствахъ ихъ, простого народа, такой пословицы неѣтъ, а есть вотъ какая: *брать на вороту не виснетъ*.

1) Весьма древний обычай. У Гомера троянскій жрецъ Калхасъ, въ знакъ миролюбія, несетъ на жеалѣ свою жреческую повязку. Богданъ Хмельницкій носилъ такъ свою шапку въ случаяхъ переговоровъ послѣ битвы. Передъ гетманомъ у поляковъ giermek (пажъ) носилъ на конѣ его шапку съ перьями, въ походѣ и строю. Въ старыхъ русскихъ судахъ, истецъ закладывалъ въ шапку извѣстную сумму денегъ, гарантируя правдивость своего иска. Еще древнѣй обычай мечтать шапки передъ судьею въ знакъ состязанія. Въ судныхъ литовско-русскихърамотахъ читаемъ: „оже шапками вергутъ“, и т. д.

смерть: не позорь войска! Логика ихъ была такова: *до булавы трёба головы*; кто бралъ въ руки диктаторскую власть, тотъ принималъ на себя всю отвѣтственность за ошибки диктатуры, а *ко-ми не пізъ, то не вбираись и въ ризы*. Потому-то въ гетманы козаки шли весьма не охотно; часто были они принуждаемы выбрать любое: или смерть отъ своихъ товарищей, или диктаторскую власть надъ ними.¹⁾ „У запорожцевъ чернь“, замѣчаетъ Ласота, „очень сильна, и въ ярости своей (furi) не терпитъ противорѣчія“.

Для заключенія условій съ императоромъ, „козаки-чернь“ выбрали 20 депутатовъ,—не извѣстно, изъ своей ли среды, или изъ старшины. Пословъ опять пригласили въ раду. Депутаты въ большомъ козацкомъ кругу составили малый. Они сѣли среди рады на землѣ, пригласили пословъ также садиться и долго совѣщались между собою. Результатъ совѣщаній былъ таковъ, что козаки рады бы тѣломъ и душою идти въ предложенную имъ службу; не отказывались они также двинуться въ Волощину и, переправясь черезъ Дунай, вторгнуться въ Турцію; но къ этому встрѣтились имъ не-преодолимыя препятствія, и, во первыхъ, у нихъ не доставало коней, какъ для себя, такъ и подъ орудія. Въ прошлую зиму татары набѣгали на нихъ семь разъ и угнали до 7.000 лошадей, такъ

¹⁾ Много можно привести примѣровъ, какъ еще недавно трепетавшій передъ козаками невольный кандидатъ въ гетманы заставлялъ трепетать козаковъ своего слова и взгляда. Онъ былъ полнѣйшее олицетвореніе права сильнаго. „Егда гетманомъ мя избрали, то и раду мою принятии треба“, заставляетъ монахъ-льтописецъ Наливайка говорить козакамъ, которые потомъ выдали его Жолковскому. Этю чертою украинскаго козачества, именно добровольнымъ подчиненiemъ себя гетманской диктатурѣ, объясняется кажущееся противорѣчіе между республиканскимъ его духомъ и всегдашнею готовностью подчиниться абсолютному монархизму. Даже и современного намъ украинца, во всѣхъ подчиненныхъ, зависимыхъ отношеніяхъ его, возмущаетъ до глубины души только несправедливость, но никогда не жалуется онъ на строгую кару: онъ въ душѣ деспотъ, и это говорится не въ осужденіе ему. Напротивъ, врожденный деспотизмъ украинскаго характера подаетъ надежду, что рано или поздно ворворятся среди этого народа опредѣлительно выработанныя и стойко охраняемыя правила разумной нравственности, которыхъ только и не достаетъ намъ для русскаго величія.

что теперь на всемъ Низу наберется не болѣе четырехъ сотень. Во вторыхъ, малымъ войскомъ въ 3.000 человѣкъ не отваживаются они идти въ Волоцкій. Волоцкій господарь не такой человѣкъ, на которого можно было бы полагаться, да и сами волохи—народъ непостоянныи и не-ширый. Въ третьихъ, за такое незначительное вознагражденіе, какое предлагаютъ имъ, нельзя принять обязательства служить императору и идти въ такую даль, да и самое предложеніе сдѣлано имъ какъ-то неопределенно. Какъ достать лошадей? спрашивали они посла. Не можетъ ли онъ добыть имъ нѣсколько сотъ коней въ Брацлавскомъ воеводствѣ подъ нихъ и подъ пушки? Были бы только кони, а все прочее они сдѣлаются. Наконецъ, козаки ссылались на свой обычай—не принимать ничего невѣрнаго, не вступать въ службу и не ходить въ походъ, безъ самыхъ точныхъ условій. Поэтому желали, чтобы Ласота заключилъ съ ними, именемъ своего императора, контрактъ относительно трехмѣсячнаго жалованья и содержанія коней.

На счетъ коней, Ласота отвѣчалъ, что ему, какъ иностранцу, незнакомому съ Польшею, мудрено дать имъ совѣтъ, но онъ не сомнѣвается, что, еслибы козаки поднялись вверхъ по Днѣпру, то въ городахъ и селахъ, гдѣ они выросли, и гдѣ у нихъ есть родные и пріятели, они не только найдутъ коней, но и козаковъ для походу; да и воевода брацлавскій¹⁾, прибавилъ онъ, великий пріятель запорожцамъ; онъ также поможетъ имъ въ этомъ, только бы они попросили его. О жалованьѣ Ласота сказалъ, что, еслибы ихъ требование были заявлены прежде, то дѣло это устроилось бы заблаговременно, а теперь онъ считаетъ невозможнымъ вступать съ ними въ денежнага сдѣлки. О волоцкомъ господарѣ Ласота подалъ имъ надежду, что онъ приметъ сторону императора, лишь только козаки прибудутъ къ нему вмѣстѣ съ императорскими послами, и потому совѣтовалъ имъ довѣриться монарху

¹⁾ Янъ Збаражскій.

который послалъ имъ столько почетныхъ и значительныхъ даровъ, сколько они еще не получали разомъ ни отъ какого potentата и при этомъ не посмотрѣлъ на такое далекое и опасное путешествіе пословъ своихъ. Ласота настойчиво совѣтовалъ козакамъ отправиться вверхъ по Днѣпру въ Украину. Не сомнѣвался онъ, что къ нимъ пристанетъ на родинѣ множество народу, съ которымъ смѣло можно вступить, слѣдомъ за татарами, въ Валахію и дойти до Дуная. При этомъ Ласота распространился о достоинствѣ и величодушіи своего государя, готоваго наградить ихъ, можетъ быть, даже болѣе щедро, чѣмъ они ожидаютъ.

Козаки, съ своей стороны, призывали Бога въ свидѣтели готовности своей служить императору, но имъ не возможно предпринять такого далекаго похода, по тѣмъ причинамъ, которыя они уже объяснили. Всё же, однако, чтобы доказать его величеству свою преданность, они согласились отправить къ нему пословъ, уполномочивъ ихъ заключить съ нимъ договоръ на счтъ ихъ содержанія, а сами они между тѣмъ будутъ стараться добыть лошадей и, чтобы не оставаться праздными, отправятся въ море,— не удастся ли имъ разорить два турецкіе города въ устьѣ Дуная, а не то—ударить на Перекопъ, до котораго отъ Січи по прямой дорогѣ считалось только 26 миль.

„Эта служба“, сказалъ Ласота, „не принесетъ пользы моему государю: теперь вы не помѣщаете уже татарамъ вторгнуться въ Венгрию и не отдѣлите ихъ отъ турецкаго войска; а эти-то два пункта и были предметомъ моего посольства. Нѣть, ужъ если хотите сослужить его императорскому величеству службу, такъ сни-майтесь тотчасъ же съ мѣста и ступайте въ догонку за татарами. Этакъ вы не дадите имъ пройти въ Венгрию, а между тѣмъ изъ Волошинъ вамъ еще лучше, чѣмъ изъ Січи, отправить къ им-ператору посольство для переговоровъ о жалованьѣ. И ужъ ко-печно его величество, видя козаковъ уже въ дѣйствіи противъ не-пріятеля, тѣмъ благосклоннѣе приметъ ихъ представленіе“.

Обо всемъ этомъ осаулы (которыхъ Ласота называетъ адъютантами) донесли большой радѣ. Для рѣшенія вопроса на свободѣ, козаки-чернь отдалились въ особую раду. Тамъ, послѣ долгихъ совѣщаній, снова приняли они предложеніе императора, по выражению Ласоты, cum *solemni acclamatione* и бросаньемъ кверху шапки. Когда послы выходили изъ собранія, затрубили трубы, забарабанили литавры; изъ большихъ пушекъ прогремѣло десять выстреловъ; а ночьюпущено не сколько ракетъ.

Но въ Січѣ были своего рода сибариты, которымъ далекіе и трудные походы не нравились. Это были богачи, такъ называемые „дуки“, имѣвшіе собственные човны и привыкшіе къ вкусной трапезѣ, въ которую, кромѣ рыбы, обыкновенной пищи козацкой, входила и дичь, доставляемая имъ, какъ можно думать, убогими товарищами. Ночью начали они бѣгать отъ одного козацкаго куреня къ другому и показывать предположенный походъ съ невыгодной и даже подозрительной стороны его. „Сперва обдумайте, чтѣ выѣлаете“, говорили они: „какъ бы вамъ не даться въ обманъ. Развѣ много прислать императоръ казны? Сосчитайте-ка, сколько убогихъ между вами! Какъ вамъ выживиться этими деньгами въ такомъ далекомъ походѣ? Да вы съ этими деньгами не будете знать, чтѣ и покупать: насущный ли хлѣбъ, или коней! А императоръ теперь заманиваетъ васъ въ свою землю, когда вы ему нужны; а какъ вы сдѣлаете дѣло, онъ тогда забудетъ и думать о васъ. Развѣ онъ обеспечилъ васъ какою грамотою или печатью?“—Слушалъ экономическая соображенія, которыя сильнѣе всякой высокой мысли говорять сердцу большинства, козацкая чернь ударилась въ другую крайность. Въ созванной утромъ радѣ, козаки усомнились даже въ тѣхъ деньгахъ, которыя были присланы съ Ласотой, и наряженная отъ нихъ делегація довольно грубо потребовала отъ него фактическихъ доказательствъ его послольства.—„Я ручаюсь вамъ головою мою за деньги“, отвѣчалъ Ласота. „Не такъ я безразсуденъ, чтобы осмѣлился приглашать рыцарское общество къ походу, не

имѣя наличной суммы“. Опять показалъ козакамъ императорскую инструкцію съ печатью и просилъ о заключеніи условій. Выслушавъ докладъ своей делегаціи, козаки всѣ-таки оставались при своемъ упорствѣ. Тутъ выступилъ на сцену бывшій козацкій гетманъ Лобода, знаменитый, по словамъ Ласоты, разореніемъ Бѣлгорода, и, вмѣстѣ съ другими „значимыми козаками“, принялъся увѣщевать товариство такъ: „Поразмыслите, братчики, чтѣ это вы дѣлаете. Не отпихайте императорской ласки и обѣщаній. Вѣдь это вы сдѣлаетесь смѣховищемъ на свѣтѣ, когда не пойдете на врага христіянства и не заслужите награды у такого великаго потентата“. Козаки молча не подавались. Тогда гетманъ Миколинскій сказалъ съ досадой: „Такъ-то вы много думаете о чести, славѣ и добромъ имени козацкому! Не хочу жъ я и гетмановать надъ такимъ войскомъ! Съ этими словами онъ положилъ передъ козаками знаки своей власти и объявилъ собраніе распущенными. Рада разошлась въ нерѣшимости.

Послѣ обѣда (рассказываетъ Ласота далѣе) осаулы опять начали созывать козаковъ въ раду, „а иныхъ и mit Prügeln¹⁾ гнали“. Рада упросила Миколинскаго принять на себя снова гетманство, но тѣмъ не менѣе, послѣ долгихъ преній, дѣло осталось нерѣшеннымъ. Здѣсь Ласота замѣчаетъ, что слухи о числѣ козаковъ были преувеличены. За Порогами нашолъ онъ не болѣе 3.000. „Правда“, прибавляетъ Ласота, „если только захотятъ они, то соберутъ и еще нѣсколько тысячъ изъ тѣхъ, которые держатся по городамъ и селамъ, но тянуть къ запорожцамъ“.

Іюня 23 опять собралась рада. Она прислала изсрѣди себя нѣсколькихъ депутатовъ къ императорскому послу. „Не думайте“, говорили депутаты, „что мы отказываемся отъ службы вашему императору. Рады мы всею душою служить ему, да лошадей у насъ нѣть, вотъ въ чомъ бѣда“! — Ласота отвѣчалъ, что

¹⁾ Палицами, составлявшими принадлежность должности осаула.

онъ не прочно подать въ раду письменный проштъ условій, на которыхъ могла бы состояться съ ними сдѣлка. Депутаты пошли доловить собранію о его предложеніи. Собрание одобрило этотъ способъ привести дѣло къ какому-нибудь концу, и затѣмъ рада разошлась. Но прежде чѣмъ Ласота подалъ въ собравшуюся послѣ обѣда раду составленныя имъ на бумагѣ условія, козаки написали собственныя и пригласили Ласоту въ раду для выслушанія этихъ условій.

Кромѣ пятковскаго листа, составленнаго панами и только подписанныаго Косинскимъ и его сподвижниками, мы не имѣемъ ровно никакого документа, который даваль бы намъ не измѣщанное понятіе о запорожцахъ; а потому ихъ письменные транзакціи съ императорскимъ посломъ для настъ—не канцелярскія бумаги. Это—осязательный слѣдъ ихъ соціального и экономического положенія, поэзія факта, а не фантазіи, которая такъ часто затмѣвается у насъ факты. Документы эти писаны дѣйствующими лицами непосредственно, и потому въ нихъ нѣть ничего подразумѣваемаго. Передаемъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ вошли они, нѣмецкою рѣчью, въ рукопись, сохранившуюся въ герсдорфской библіотекѣ въ Бауценѣ, подъ заглавиемъ: „Diarium des Erich Lasota von Steblau“.

„Conditiones, переданныя полнымъ собраніемъ (das ganze Kolo) Запорожскаго войска посламъ Римск. И. В.

„1) Тотчасъ по полученіи, прошлою весною, здѣсь въ Запорожье, чрезъ нашего товарища (*gesellen*) Станислава Хлопицкаго, письма Е. И. В., нашего всемилостивѣйшаго государя, мы, узнавъ чрезъ плѣнныхъ, что въ Бѣлгородѣ собралось войско турецкаго императора, состоящее изъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, и что оно должно было оттуда двинуться въ Венгрию, призвали на помощь Всемогущаго и отправились туда же, чтобы испытать счастіе отъ имени Е. И. В., и успѣли такъ дѣйствовать огнемъ

и мечемъ, что положено на мѣстѣ 2.500 вооруженныхъ людей и около 8.000 простого народа.

„Затѣмъ, когда сказанный товарищъ нашъ Хлопицкій передалъ намъ знамя и трубы отъ Е. И. В., мы приняли эти прекрасные клейноты (Kleinoth) съ благодарностью и, зная навѣрно, что крымскій царь имѣлъ намѣреніе переправиться со всею своею силою чрезъ Днѣпръ при Очаковѣ, отправились туда съ гетманомъ нашимъ, дабы препятствовать его переправѣ; но, заставши тамъ большія силы турокъ, какъ сухопутныя, такъ и морскія, мы, противясь имъ по возможности, боролись съ ними и плѣнили, благодаря Бога, одного изъ ихъ начальниковъ.

„Въ третихъ, мы обязываемся дѣйствовать противъ непріятеля подъ посланнымъ намъ съ трубами знаменемъ, пока не прекратится война съ турками; также вторгаться въ ихъ владѣнія и опустошать ихъ мечемъ и огнемъ.

„Въ четвертыхъ, мы, по примѣру нашихъ предковъ, всегда готовы рисковать нашей жизнью для христіянской вѣры; однако, зная вѣроломство поганцовъ и волоховъ, опасаемся туда отправиться подъ знаменемъ Е. И. В., этимъ столь важнымъ клейнотомъ, и съ вашею милостью (E. gl. Persohnen): ибо намъ хорошо известно, что не мало честныхъ людей и благочестивыхъ христіянъ было измѣннически предано господаремъ волошскимъ поганцамъ; притомъ мы никакъ, ради недостатка въ коняхъ, какъ для нась, такъ и для орудій, не можемъ за столь малыя деньги отправиться такъ далеко.

„Въ пятыхъ, мы желали бы послать п. Станислава Хлопицкаго, вмѣстѣ съ двумя другими изъ нашего товариства, къ Е. И. В., для представленія ему отъ нашего имени бѣлгородскаго плѣннаго и двухъ янычарскихъ значковъ (Fendlein) и съ тѣмъ, чтобы послѣ объясненія нашихъ недоумѣній съ вами, привести къ концу вопросъ о нашемъ содержаніи.

„Въ шестыхъ, мы намѣрены, до возвращенія нашихъ пословъ

въ присутствіи вашей милости воевать, съ помощью Божією, на бусурманскую землю, если возможно, до самого Перекопа, или куда нашъ путь будетъ направленъ волею Всемогущаго и погодою. Отъ имени Е. И. В., все будетъ нами разрушено мечемъ и огнемъ.

„Въ седьмыхъ, необходимо будетъ, чтобы Е. И. В. письменно обратился къ Е. К. Милости и чинамъ Польши съ тѣмъ, чтобы намъ былъ дозволенъ проходъ чрезъ ихъ страну; надѣемся, что въ этомъ намъ не будетъ отказано Е. И. В-мъ.

„Въ осмыхъ, также необходимо будетъ писать къ великому князю московскому, чтобы онъ изволилъ отрядить сюда своихъ воиновъ, дабы мы могли идти coniunctis viribus на встречу непріятелю до Дуная, или куда потребно будетъ, и — ему противостоять“.

Вернувшись послѣ этого изъ рады въ свой курінь, Ласота остался въ немъ цѣлый день, выжидая, не перемѣнятъ ли козаки своего рѣшенія. Но, видя, что они остались при своемъ мнѣніи, послалъ имъ 24 іюня въ ихъ собраніе слѣдующій отвѣтъ на переданныя ему „Conditiones“.

„Мы усмотрѣли изъ переданныхъ вами условій, что ваши милости готовы вступить на службу Е. И. В., но что по тремъ причинамъ считаете невозможнымъ дѣлать это въ такомъ видѣ, какъ мы бы желали, а именно: 1) по причинѣ недостатка въ лошадяхъ; 2) потому, что ваши милости опасаетесь послать недостаточное число воиновъ въ Валахію, при свойственномъ тамошнему народу вѣроломномъ характерѣ, и 3) что ваши милости находите невозможнымъ предпринять столь дальний походъ за столь малыя деньги и при неопределеннности нашихъ условій.

„Поэтому, предлагаемъ послать п. Хлопицкаго, съ двумя другими изъ товарищества вашихъ милостей къ Е. И. В., съ уполномочиемъ покончить вопросъ о содержаніи вашихъ милостей. На это мы должны отвѣтить по всей правдѣ, что, находя невоз-

можнымъ добиться иного рѣшенія дѣла, мы должны довольствоваться и этимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаемъ и съ своей стороны отправить кого нибудь къ Е. И. В., вмѣстѣ съ посланниками вашихъ милостей, съ тѣмъ еще, чтобы послѣдніе не отправлялись въ путь до вашего возвращенія съ счастливаго, съ Божіей помощью, похода (Reis und Impresa) къ Перекопу, дабы они могли явиться предъ Е. И. В. съ пріятною вѣстью. Касательно же писемъ къ королю и чинамъ польскимъ (an die Khön. WrL. in Polen) и къ великому князю московскому, вашими милостями можетъ быть включено въ инструкцію посланниковъ, чтобы они донесли объ этомъ Е. И. В., который тогда всемилостивѣйше решитъ, какъ слѣдуетъ поступать въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, не худо было бы, еслибы ваши милости, сколь возможно скорѣе, обратились къ великому князю московскому, дабы онъ выслалъ предложенное имъ вс помогательное войско противъ турокъ, съ такою поспѣшностью, чтобы оно могло быть здѣсь на мѣстѣ до возвращенія пословъ вашихъ милостей отъ Е. И. В.“

Причины же, по которымъ Ласота не хотѣлъ разойтись съ козаками, но считалъ полезнымъ удержать ихъ на императорской службѣ, изложены въ его дневнике слѣдующимъ образомъ:

„Во первыхъ, въ томъ предположеніи, что война съ турками могла продлиться болѣе одного года или двухъ лѣтъ, я считалъ весьма полезнымъ имѣть на нашей сторонѣ столь храбрыхъ и веселыхъ¹⁾ людей, которые, привыкши съ молодыхъ лѣтъ къ во-

¹⁾ Ф. Н. Брунь, издавая порусски извлечениe изъ „Путевыхъ Записокъ Эрпиха (какъ онъ пишетъ) Лассоты“, не рѣшился слово freudige перевести словомъ веселый, а перевѣль словомъ бойкий; между тѣмъ веселость была, въ нѣкоторомъ родѣ, обязательна для запорожца, какъ противодѣйствіе унынию, которое низовные братчики считали болѣе нежели „грѣхомъ“, какъ оно названо у апостола. Народная дума не могла пожелать имъ ничего лучшаго, какъ веселости:

„Лай же, Боже, щобъ козаки пили та гуляли,
Та веселі мыслі мали,
Та ворогівъ воювали“!

инскимъ упражненіямъ, постоянно борются съ турками и татарами и, следовательно, хорошо ихъ знаютъ.

„Во *вторыхъ*, это войско легче содержать, нежели набранное изъ другихъ націй, такъ какъ на его предводителей не надо тратить особыхъ депегъ (Theilgelder), каковая трата составляетъ не маловажную сумму.¹⁾ Притомъ они имѣютъ свою амуницию и орудія, съ которыми многие изъ нихъ умѣютъ обращаться, и потому назначеніе и содержаніе особыхъ оружейниковъ (R\xfc\xfchenmaister) становится при нихъ излишнимъ.

„Въ *третихъ*, имѣя въ виду, что великий князь московскій принялъ участіе въ дѣлѣ и посредствомъ своихъ пословъ велѣль-

ясно, что безъ веселыхъ мыслей считалось безуспѣшнымъ и военное дѣло. Здѣсь умѣстно говорить о религіозномъ оттѣнкѣ, который наши историки видѣть въ варижничанѣ Наливайка на Волыни и въ Литвѣ. На Запорожье необходимо должно быть существовать религіозный элементъ, и, между прочимъ онъ заключался въ козацкой проповѣди на тему: „уныніе есть грѣхъ передъ Господомъ“. Только такого рода религіозность можно допустить за Порогами. Что же касается до церкви, то козаки не имѣли возможности основать ее даже п въ 1617 году, не только во времена *первыхъ* запорожцевъ, какъ это пишетъ Н. И. Костомаровъ, повторяя сказанія украинскихъ лѣтописцевъ. Для насъ важнѣе свидѣтельство Ибрагима-бashi, который въ 1617 году проникнулъ въ Сіть, разрушилъ курени запорожскіе, забралъ козацкія пушки и, конечно, не умолчалъ бы въ своей реляціи о церкви, еслибы нашолъ ее тамъ. Авторъ „Богдана Хмельницкаго“ могъ бы и долженъ былъ бы знать, что церкви на запорожье долго не было (Niesiecki, „Zr\u0142\u0105lla do Diej\u0142w Polskich“, изд. въ 1835 году). А это не бездѣлица: этотъ фактъ, будь онъ вѣренъ, далъ бы намъ совсѣмъ иное понятіе о козакахъ, то есть такое, какое историки составили себѣ, слѣдя лѣтописными сказаніями, безъ всякой критики.

1) Это мѣсто переведено у Ф. Н. Бруна не совсѣмъ точно, а оно заключается въ себѣ важное свидѣтельство, именно: что запорожскій гетманъ, по принципу *товариства*, не отличался ничѣмъ отъ рядовыхъ „товарищей-козаковъ“: ни паемъ, получаемымъ при дѣлѣже добычи, ни пищею, ни одѣждою, ни обстановкою. Булава въ рукахъ, літавры впереди, знамя и бунчукъ сзади—вотъ единственныя признаки, по которымъ, въ первыя времена низового козачества, можно было распознать, кто между козаками гетманствуетъ. Привожу подлинные слова Ласоты:

„.... Dieses Kriegsvolk leichter zu unterhalten, als andere Nationen, dieweil auf Ihre befehlshaber, keine besondere vor Theilgelder (welche sonst nicht ein geringe Summa machen) gehn.“

объявить козакамъ, которыхъ онъ считаетъ своими слугами, чтобы они отправляли службу Е. И. В., я не хотѣлъ прервать моихъ сношеній съ ними, изъ опасенія, что великий князь могъ бы этимъ обидѣться и затѣмъ не послать къ намъ обѣщанного вспомогательнаго войска, о которомъ говорилъ мнѣ его посланникъ.

„Въ четвертыхъ, мнѣ казалось, что это вспомогательное войско никогда такъ удобно не могло бы къ намъ присоединиться, какъ именно здѣсь, а отсюда могло бы быть направлено въ то мѣсто, въ которомъ присутствіе его оказалось бы нужнымъ.

„Въ пятыхъ, увидѣвъ и отчасти не безъ большой опасности узнать, что эти переговоры съ козаками вовсе не нравились канцлеру, я тѣмъ болѣе счолъ нужнымъ не прерывать ихъ, дабы не дать ему возможности склонить козаковъ на свою сторону и, такимъ образомъ, подкрѣпить тѣ вредныя свои интриги, которыми онъ тогда занимался, какъ этого съ его стороны и слѣдовало опасаться.

Въ шестыхъ, мнѣ всѣ-таки пришлось бы, еслибы я разошолся съ ними, платить имъ деньги сполна, такъ какъ эти деньги, по ихъ мнѣнію, ими были заслужены предпринятыми ими, отъ имени Е. И. В., двумя походами: однимъ, во время котораго они разрушили Бѣлгородъ, а другимъ, въ который пытались воспрепятствовать переправѣ татаръ при Очаковѣ, хотя и безуспѣшно, по причинѣ большого превосходства непріятельскихъ силъ.

„Въ седьмыхъ, мнѣ казалось необходимымъ оставаться въ дружбѣ съ этими людьми, обратившими на себя вниманіе не только Украины, т. е. Волыни и Подоліи, гдѣ они имѣютъ много приверженцевъ, но и Польши, дѣла которой находились тогда въ такомъ положеніи, что казался неминуемымъ въ ней большой переворотъ (grosse mutation).

„24-го юна, я передалъ имъ вышепоименованные 8.000 червонцевъ, въ открытомъ колѣ (In offnen Kolo), среди котораго было поставлено и развѣвалось знамя Е. И. В. Деньги эти они тотчасъ

же разложили на иѣсколькихъ татарскихъ кобенякахъ (Кереніхъ), или мантіяхъ, составляющихъ ихъ одежду, и поручили иѣсколькимъ начальникамъ пересчитать ихъ. Затѣмъ я возвратился изъ кола въ мой шалашъ (laubhuetten), а они долго еще оставались въ собраниї“.

Въ слѣдующіе дни козаки собирались часто и, наконецъ, пришли къ другому заключенію, т. е. рѣшились отправить Хлопицкаго уже не къ императору, а къ великому князю московскому, съ Ласотою же отправили Сашкѣ (Sasko) Федоровича да Ничипора (Nitzipor), съ тѣмъ чтобы условиться съ императоромъ на счтъ ихъ службы и содержанія. Спутникъ Ласоты, Яковъ Генкель, на это время долженъ былъ оставаться у нихъ, для доставленія императору своевременныхъ донесеній о дальнѣйшей ихъ службѣ.

1-го юля, Ласота простился въ открытой радѣ съ гетманомъ и со всѣмъ запорожскимъ рыцарствомъ. Козаки выразили императорскому послу свою признательность за понесенные имъ труды, подарили ему кунью шубу да шапку изъ мѣха черныхъ лисицъ, и затѣмъ передали своимъ посламъ полномочіе и письмо къ императору слѣдующаго содержанія:

„Письмо Запорожскаго Войска къ Е. И. Величеству.

„Божію милостью, августейшій и непобѣдимейшій христіянскій Императоръ, всемилостивейшій Государь. Всепокорѣйше и чистосердечно мы передаемъ В. И. В., какъ верховному главѣ (Herrn und Haubt) всѣхъ христіянскихъ королей и князей, себя самихъ и постоянно вѣрную покорѣйшую службу свою; молимся также Богу всемогущему за здравіе и счастливое царствованіе В. И. В. въ христіянскихъ странахъ, и—чтобы тотъ же Всемогущій унизилъ враговъ святого креста, турецкихъ бусурмановъ (Besurman) и татаръ, и подчинилъ ихъ В. И. В.; также—чтобы даровалъ В. И. В. побѣду, здравіе и блага, какихъ только вы же-

лаете. Вотъ чего все Запорожское Войско желаетъ В. И. В. вѣрно и чистосердечно.

„Отправлениій къ намъ, Запорожскому Войску, по приказанію В. И. В. и съ значительными дарами, нашъ товарищъ, теперь полковникъ, т. е. начальникъ надъ 500 людьми, Хлопицкій, бывшій въ прошломъ 93 году у В. И. В., нашего всемилостивѣйшаго государя, ради многихъ опасностей и препятствій, претерпѣнныхъ имъ и посланниками В. И. В., Эрихомъ Ласотою и Яковомъ Генкелемъ, прибыль къ намъ только около Троицы. Тѣмъ не менѣе мы гораздо раньше, а именно за три недѣли до Пасхи, во исполненіе приказанія В. И. В., намъ переданного въ Запорожье, съ копіею письма В. И. В., не хотѣли медлить, подражая примѣру нашихъ предковъ, промышлявшихъ себѣ такимъ образомъ рыцарской хлѣбъ¹⁾ (*so sich dieses Ritterlichen Brods gebraucht*), но явить себя народомъ, всегда готовымъ служить В. И. В. и всему христіянству по нашему обыкновенію. Поэтому, уповая на Бога, мы рѣшились рисковать жизнью и предпринять морской походъ, на счастіе В. И. В., за двѣ недѣли до Пасхи, т. е. въ опасное время года. Ибо, узнавъ за вѣрное отъ татарскихъ плѣнныхъ, что въ Бѣлгородѣ собралось много воиновъ, въ особенности конницы и пѣхотныхъ янычаръ, съ тѣмъ, чтобы оттуда, по приказанію ихъ обладателя, турецкаго царя, вторгнуться въ Венгерскую землю В. И. В., мы успѣли, съ помощью всеблагого Бога, Верховнѣйшаго Цара, разрушить мечемъ и огнемъ и разграбить турецкій пограничный городъ Бѣлгородъ, и перебить не сколько тысячъ воиновъ и простого народа, почему и пересылаемъ В. И. В. изъ разоренного города плѣнника и два янычарскихъ значка. Затѣмъ, когда недавно крымскій царь съ своимъ войскомъ прибыль къ устью Днѣпра и Буга противъ Очакова, съ тѣмъ чтобы вторг-

¹⁾ Почтенный издатель русскаго извлеченія изъ дневника Ласоты не рѣшился перевести дословно этого ходячаго козацкаго выраженія, а перевелъ его словами: „промышлявшихъ по этому рыцарскому обычью“.

иуться во владѣнія В. И. В., мы, подъ знаменемъ В. И. В., пытались пренятьствовать его переправѣ, но въ этомъ не успѣли, ради превосходства его силъ, какъ сухопутныхъ на коняхъ, такъ и морскихъ на галерахъ и корабляхъ. При всемъ томъ мы имѣли съ ними двѣ стычки, и пленнили знатнаго человѣка, котораго только потому не посылаемъ къ В. И. В., что онъ тяжело раненъ. Но Ласота, который его допрашивалъ, донесетъ В. И. В. обо всемъ, чтѣ отъ него узналъ. За щедрые дары, какъ-то: знамя, трубы и наличныя деньги, всемилостивѣйше посланныя намъ, рыцарскимъ людямъ, мы изъявляемъ В. И. В. благодарность, какъ прижайшіе слуги Ваши, и желаемъ, чтобы, съ Божиєю помощью, мы могли служить съ пользою и въ морскомъ походѣ, который мы теперь намѣреваемся предпринять на човнахъ, отъ имени В. И. В., и о которомъ В. И. В. подробнѣе будетъ донесено словесно Вашимъ посланникомъ Ласотою и нашими послами Сашкѣмъ Федоровичемъ и Ничипоромъ, начальниками, имѣющими подъ своею командою каждый по 100 человѣкъ нашего запорожскаго войска.

„Покорнѣйше просимъ В. И. В., какъ государя христіянскаго, соизволить выслушать и оказать довѣріе сказаннымъ нашимъ посламъ, которыхъ мы уполномочили устроить наше дѣло. А пана Хлопицкаго, нашего полковника, мы посылаемъ съ грамотами В. И. В. и нашею къ великому князю московскому, какъ христіянскому государю и другу В. И. В., съ просьбою, чтобъ онъ послалъ намъ помошь противъ турокъ, чтѣ ему не трудно будетъ сдѣлать при небольшомъ разстоянїи его границы и при той легкости, съ какою его войско можетъ двинуться отсюда въ Валахію, или и далѣе.

„Мы просимъ также В. И. В. о письмѣ къ Е. К. М. и панамъ рады, дабы каждый рыцарь, на основаніи охранной ихъ грамоты (von Ihnen gefreyet), могъ свободно выступить въ походѣ, проходить (по ихъ странѣ) и возвращаться на свою родину; докла-

дываемъ также В. И. В., что наше Запорожское Войско можетъ поставить 6.000 человѣкъ старыхъ козаковъ, людей отборныхъ, не считая осадниковъ (Landtvolck), живущихъ на границахъ. По причинѣ дальности пути, мы присоединили къ поименованнымъ нашимъ посламъ и начальникамъ еще двухъ членовъ нашего товарищества.

„Повторяемъ еще разъ, что мы покорнѣйше подчинляемъ В. И. В., какъ себя самихъ, такъ и свою службу.

„Datum въ Базавлукѣ, при рукавѣ Днѣпра у Чортомлыка,
3 іюля 1594 года.

„**полномочие запорожскихъ посланниковъ.**

„Я Богданъ Микошинскій, Гетманъ Запорожскій, со всѣмъ Рыцарствомъ вольнаго Запорожскаго Войска, симъ удостовѣряемъ, что мы, согласно съ рѣшеніемъ, состоявшимся въ нашемъ рыцарскомъ колѣ, отправили къ В. И. В. нашихъ пословъ Сашка Федоровича и Ничипора, начальниковъ надъ сотнями нашего Войска, уполномочивъ сихъ посланниковъ покончить наше дѣло съ В. И. В., нашимъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ, и покорнѣйше просимъ довѣрять имъ и всему нашему Войску, обязываясь сею грамотою и рыцарскимъ словомъ нашимъ, что останемся довольны рѣшеніемъ, какое состоится между сказанными нашими посланниками и В. И. В., и что безпрекословно постунимъ, согласно этому рѣшенію.

„Въ удостовѣреніе сего, мы передали нашимъ посланникамъ настоящую грамоту, снабдивъ ее печатью нашего войска и собственноручною подписью нашего писаря Льва Вороновича. Datum въ Базавлукѣ, при Чортомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, 3-го іюля 1594 года“.

„Того же 1-го іюля вечеромъ (рассказываетъ Ласота, и мы приводимъ здѣсь точныя слова его) прибыли сюда два посланника Наливайка, знатнаго козака, который служилъ противъ запорожцевъ, когда они, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, были въ разры-

вѣ съ киевскимъ воеводою, почему запорожцы были раздражены противъ него и считали его своимъ врагомъ. Посланники эти донесли, что Наливайко, гнавшись за Татарами до самой Валахіи, съ 2 или $2\frac{1}{2}$ тысячами своихъ козаковъ, похитилъ у нихъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей, и что теперь онъ, узнавъ, что у Запорожцевъ оказывается въ нихъ недостатокъ, желаетъ раздѣлить съ ними эту добычу, и готовъ подарить имъ отъ 1.500 — 1.600 лошадей, чтобы только быть уже навсегда ихъ другомъ. Но, такъ какъ честное рыцарство подозрѣваетъ его въ противномъ, то онъ желаетъ явиться лично въ ихъ раду, положить среди нея свою саблю и попытаться доказать неосновательность возводимыхъ на него обвиненій. Если же рыцарская рада признаетъ его при всемъ томъ еще виновнымъ, то онъ имъ предложитъ отрубить себѣ голову собственною своею саблею. Однакожъ онъ надѣялся, что они останутся довольными основательностью его оправданій и почтутъ его навсегда своимъ добрымъ пріятелемъ и братомъ, не поставивъ ему въ вину прежняго его поведенія, изъ уваженія къ тому, что, еще до войны ихъ съ киевскимъ воеводою, онъ уже состоялъ на службѣ у послѣдняго, а послѣ начатія войны не дозволила ему собственная честь оставить своего господина, воеводу, у котораго долго до того времени, а равно и тогда, онъ находился на службѣ и пользовался получаемымъ отъ него содержаніемъ“.

Не известно покамѣсть ни изъ какихъ источниковъ, какой именно договоръ состоялся между Рудольфомъ II и днѣпровскимъ рыцарскимъ обществомъ. Но, по словамъ Гейденштейна, Наливайко, видя, что не можетъ сравниться съ Лободою въ военныхъ подвигахъ, такъ какъ этотъ предводительствовалъ „старыми чистой породы низовцами“, собралъ тысячи двѣ охотниковъ до козацкаго хлѣба и прошолъ въ Венгрию черезъ Подолію и Седмиградію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однакожъ, онъ вернулся съ богатою добычею изъ Мункача черезъ Самборъ и появился въ

Луцкъ. Потомъ, спустя нѣсколько времени, самъ Наливайко писалъ г҃ь Сигизмунду III объ иностранной службѣ своей слѣдующее: „Не имѣя дома дѣла, а праздно жить не привыкли, мы, по письму къ намъ христіянскаго цесаря, пустились въ цесарскую землю, гдѣ не за депыги, а по собственной охотѣ своей рыцарской, прослужили не мало времени; но, узнавъ, что седмиградскій воевода заводить свои практики противъ короннаго гетмана, не захотѣли мы оставаться больше въ той землѣ и не посмотрѣли ни на какие подарки“. Извѣстно, что иностранныхъ источниковъ извѣстно, что козаки этотъ, какъ ихъ намъ представляютъ, религіозный народъ,¹⁾ явившись въ Венгрію па императорскую службу, оказались нестерпимыми грабителями жителей, и что поэтому нѣмцы, постарались какъ можно скорѣе спровадить ихъ обратно въ Польшу. Вотъ все, чтѣ я могу представить моему читателю для его соображеній объ этомъ всѣ еще темномъ вопросѣ.

Отъ людей которые дѣлали свое дѣло молча, перейдемъ теперь къ людямъ, которые нашумѣли въ исторіи больше, чѣмъ сколь-

¹⁾ Повторяю, очищая исторію отъ сочинительскихъ сказокъ, что религіозность у козаковъ была вовсе не та, которую имъ приписываютъ, и притомъ она была далеко не пребывающимъ чувствомъ. Историкамъ почему-то желательно, чтобы у козаковъ еще въ XVI вѣкѣ была за Порогами церковь, но ея не было и гораздо позже. Не касаясь разумности сказаннаго желанія, замѣчу, что народъ обыкновенно лучше историковъ знаетъ и понимаетъ свои внутреннія обстоятельства. Никогда не считалъ онъ запорожцевъ рыцарями церкви или православія. Я съ дѣтства помню пѣсню, которая принадлежитъ къ такъ называемымъ старосвѣтскимъ, и которая характеризуетъ запорожцевъ послѣдняго времени. (Каковы же они были во времена она?)

Славні хлощи
Папы запорозці:
Побачилъ вони
Скирду сина въ полі;
Отаманъ и каже:
„Оце жъ, братте, церква“!
А осавуль каже:
„Я въ ій сповідався“!
А кошовий каже:
„А я й причашався“!

ко соотвѣтственно разумной дѣятельности. Намъ необходимо знать положеніе польскихъ или лучше сказать панскихъ дѣлъ, для того, чтобы намъ были понятны дѣла русскія. Впрочемъ читатель мой постоянно долженъ имѣть въ виду, что и въ противномъ лагерь была все та же русь, только что это была польская русь, а не самосознательная. Этнографическая карта даже и нашего времени доводить русское населеніе до самой Вислы. Отъ псковского Задвина до Карпатъ и Буковины наши исконныя земли вошли въ польскую политическую систему. Мы раздѣлились на ся и боролись одни съ другими въ пользу Польши. Въ русскій медъ подмѣщала Польша только своего цвѣту, и назвала напитокъ нашъ своимъ. Она вила готовый медъ въ добытый нами же ей кубокъ, и присвоила себѣ то и другое. Мы были лошадьми, на которыхъ она мчалась пополитическому ристалищу. Мы были крѣпкіе и терпѣливые волы, которыми Польша пахала наше родное поле. Съ этимъ, а не инымъ взглядомъ на вещи, слѣдуетъ намъ изучать лагерь, противопоставленный козацкому. Даже Тацитъ этого лагеря, Иоахимъ Більскій, и тотъ сослужилъ польскому элементу службу на счѣтъ русскаго. Но развернемъ его почтенную лѣтопись, самый девизъ которой былъ полупольскій и полурусскій: „Przeciw prawdzie разуму нѣтъ“¹⁾.

Мудрено доказать, что эта сатирическая пѣсня сложена послѣ, а не прежде Хмельницкаго. Но вотъ другая сторона запорожской жизни, охарактеризованная пародомъ:

Славні хлопці
Паны запорозці:
Побачили вони
Чаплю на болоті;
Отаманъ и каже:
„Оцѣ жъ, братте, дівка“!
А осавуль каже:
„Я зъ нею кохався“!
А кошовий каже:
„А я й повінчався“!

¹⁾ Этотъ знаменательный девизъ, изображенный сплошь польскими буквами, награвированъ подъ портретомъ отца Иоахимова, Мартина Більскаго, приложен-

На этот разъ наше вниманіе останавливается въ ней событіе случайное и какъ-будто вовсе не-историческое (если только случайная и не-историческая событія возможны). На маргініе написано: „Śludzy pana zabili“. Читаемъ текстъ, желая знать, какъ это стало. Обыкновенные слуги, разумѣется рукодайные, убили обыкновеннаго пана, какого-то Бурскаго изъ Мазовії; убили они его ночью, на валу, и ободравши бросили въ воду. Убійцы были пойманы и казнены. Ихъ посадили на телегу и возили по Варшавѣ, а вслѣдъ за тѣмъ отрубили имъ сперва по ногѣ, потомъ по рукѣ, потомъ драли у нихъ со спины полосы кожи, потомъ рвали имъ тѣло раскаленными щипцами, наконецъ ихъ четвертовали, четверти развѣсили на висѣлицахъ, а руки прибили къ городскимъ воротамъ.

Это записалъ въ своей хроникѣ Іоахимъ Більскій. А пять лѣтъ тому назадъ, секретарь папскаго нунція Альдобрандини, по поводу съѣзда на границѣ папскихъ, австрійскихъ и польскихъ, уполномоченныхъ, записалъ противоположный случай:

„28 января. Прибыло въ Бытомъ трое знатнѣйшихъ польскихъ пановъ съ болышию свитою конницы, пѣхоты, гайдуковъ, для встрѣчи которыхъ легать выслалъ монс. Михаила Марката со всѣмъ дворомъ своимъ, въ каретахъ и верхомъ, а нѣмецкіе комисары — также своихъ дворянъ, за полторы мили отъ города. Порядокъ ихъ въѣзда былъ слѣдующій: впереди шли нѣмцы съ музыкою на челѣ, за ними польская пѣхота въ прекрасномъ строю, имѣя передъ собою трубы, сурмы, а за собою отрядъ татаръ, изъ которыхъ иные, сидя на коняхъ, вели коней запасныхъ, въ, числѣ 40; на послѣднемъ былъ богатый пардѣцъ, украшенный бирюзою и рубинами, оправленными въ золото и серебро; за нимъ — польская конница, за конницею — дворъ кардинала, наконецъ прекрасныя шестиконныя сани, окруженные татарами, гайдуками и други-

ицъ къ продолженной Іоахимомъ „Польской Хроникѣ“, подъ заглавіемъ „Dalszy: Ciaq Kroniki Polskié“.

ми жолиерами, а въ нихъ—сказанные польские паны. Когда этимъ порядкомъ весь отрядъ появился на площади, стража разступилась и дала мѣсто санямъ, изъ которыхъ вышли паны въ назначенный для нихъ домъ, а потомъ пришли на обѣдъ къ кардиналу, на которомъ обѣдъ былъ также одинъ изъ императорскихъ комиссаровъ... Этимъ самимъ порядкомъ выѣхали они изъ Бытома въ Бендзынт; но во время выѣзда произошолъ страшный случай, а именно: когда одинъ изъ польскихъ трубачей началъ передразнивать на трубѣ трубача нѣмецкаго, какой-то польскій панъ ударилъ его по головѣ чеканомъ и убилъ; а выѣзжая изъ воротъ, другой полякъ, разсердясь за бездѣлицу, приставилъ пистолетъ къ груди племянника ольмюнскаго епископа и хотѣлъ выстрѣлить, но только вспыхнулъ порохъ на полѣ“.

Сопоставленіе такъ называемыхъ не-историческихъ событій, въ родѣ двухъ нами приведенныхъ, какъ нельзя выразительнѣе говоритьъ намъ, какіе герои галопировали на насъ верхомъ по политическому ристалищу, и какая предстояла намъ будущность, еслибы они, волею судебъ, не сломали себѣ шеи.

Такъ какъ на прѣвесні 1593 года благородный и „святопамятный“ князь Острожскій побилъ разбойниковъ подъ Пяткомъ у Тарнополя, а не менѣе благородный и доблестный князь Александръ Вишневецкій добилъ ихъ, подъ пьянную руку, въ Черкасахъ, то ближайшимъ слѣдствіемъ этихъ подвиговъ было слѣдующее явленіе. Паны разѣхались изъ домовъ своихъ—то на сеймъ, то на сеймики, до которыхъ они были охотники: тамъ можно было пить сколько угодно и геройствовать безопасно. Стража, которую паны разставили на татарскихъ шляхахъ, не сторожила по-козацки. Татары переловили ее, точно куръ, и пришли на Волынь, какъ домой, безъ всякой вѣсти о набѣгѣ. Они расположились кошемъ подъ Константиновымъ, городомъ князя Острожскаго и, какъ характеристически выражается лѣтописецъ, *wybrali szlacheckich domow*

wiele,¹⁾ преимущественно забирали женщины, такъ какъ мужья, отцы, братья ихъ, въ то время сеймовали. „Uszli ci szkodnicy“, заключаетъ пашь русинъ, „szable dobytey nie widzac przeciwko sobie“.²⁾ Такъ какъ татаръ было тысячъ двадцать, а каждый татаринъ обыкновенно гналъ нѣсколько душъ ясыру, особенно при такомъ спокойномъ хозяйстваньї, то легко сообразить, что значилъ одинъ такой набѣгъ въ сравненіи съ тѣми „лежами и приставствами“ козацкими, изза которыхъ собственно дрались паны съ козаками. Но забавны шляхетскія жалобы на козаковъ. „Это они, это козаки ввели къ намъ татаръ“! кричали паны, когда, подъ конецъ сейма, пришла къ нимъ вѣсть, что ихъ дома *выбраны*. „Это они galgany помстились за то, что князья Острожскіе побили ихъ“! Словомъ — паны смотрѣли на козаковъ, какъ на псовъ, которымъ не даютъ и объѣдковъ, которыхъ бываютъ безъ милосердія за желаніе кой-чѣмъ поживиться, но тѣмъ не менѣе требуютъ отъ нихъ вѣрной службы.

Въ концѣ того же года козаки, оправясь отъ панскихъ побоевъ, продолжали чинить свой обычный промыселъ, какъ говорилось тогда, надъ врагами святого креста; но слухъ объ этомъ не порадовалъ шляхту. Григорій Лобода, котораго мы уже знаемъ по рассказу Ласоты, вывелъ трехтысячный козацкій рой изъ Січи къ берегамъ Днѣстра. Тамъ, не вдалекѣ отъ Бѣлгорода, находился городъ Юрьевъ, иначе Джурджево, важнѣйшій складочный пунктъ подольской торговли. Лобода приспѣхъ къ самой ярмаркѣ въ этотъ городъ, забралъ все, что ему понадобилось, а городъ скжегъ до остатка. Потомъ, распустивъ кругомъ козацкую орду свою загонами, на цѣлые десятки миль превратилъ край въ пустыню. Поднялись на него турки и татары, но поздо: въ быстротѣ набѣга и опустошенія козаки не имѣли соперниковъ: иначе, не успѣли бы они на своемъ опасномъ форпостѣ за Порогами. До пановъ дошли слухи, что козаковъ подохотиль идти въ Туре-

¹⁾ Выбрали много шляхетскихъ домовъ.

²⁾ Ушли злодѣи, не видавъ обнаженной противъ себя сабли.

щину Хлопицкій, агентъ императора Рудольфа. Знали они и о томъ, что Хлопицкій привезъ имъ отъ императора письма, хоругви и деньги. Что-то зловѣщее посились въ воздухѣ. Лѣтописецъ наблюдалъ небо, стараясь хоть на немъ прочесть будущее. Небо по ночамъ сяло кровавымъ блескомъ со стороны полудня. Въ той сторонѣ бились съ турками христіяне.

Христіяне просили поляковъ не пустить орду черезъ свою землю въ Венгрию на помощь турецкому войску. Много разъ присылалъ императоръ послы своего съ этою просьбою; о томъ же безпрестанно просилъ и Волошинъ. Коронный гетманъ отвѣчалъ классически-великодушно, какъ о дѣлѣ, не требующемъ просьбы. (Онъ вѣдь былъ авторъ славной въ свое время книги: „*De Senatu Romano*“.) Общество же, къ которому онъ принадлежалъ, было занято въ это время болѣе важнымъ предметомъ, чѣмъ просьбы тѣснѣмыхъ турками христіянъ. Пана причислили къ лицу святыхъ одного изъ полскихъ кензоровъ, разжигателей международной вражды, и вотъ 7-го юля лэнчицкій воевода вѣзжалъ въ Краковъ „*z wielkimi ceremoniami: bo niosł z sobą kanonizacją S-go Jacka*“¹⁾. Вѣхавши въ городѣ, среди пановъ, кензоровъ, войска, поспольства, счастливый своею миссіею воевода распустилъ хоругви, „*na którey był wymalowany S-tý Jacek*“²⁾. Грохотъ пушечной пальбы у костела Св. Троицы привѣтствовалъ столь благотворное для общества явленіе. Послѣ обѣда выступили на такъ называемый церемоніальный диспутъ монахи Св. Троицы и іезуиты. Деспуть вели о томъ, какъ должно понимать канонизацію святыхъ, а равно о томъ, видѣть ли св. Яцекъ съ неба все, что здѣсь дѣлается съ его почитателями, и знать ли онъ напаредъ, что будетъ канонизованъ, зналъ ли тѣхъ лица, которыхъ произведутъ его въ святые (*jesli on wiedział przed tym*

¹⁾ Съ великимъ церемоніаломъ: ибо несъ съ собою канонизацію св. Яцка.

²⁾ На которой былъ написанъ св. Яцекъ.

o tych Promotorach swych)? По отзыву нашего русина, dyspu-towali wszyscy bardzo dobrze! ¹⁾

А между тѣмъ татары вторгнулись черезъ Волощину въ Покутье, жгли, убивали, прошли, какъ по собственной дикой степи, до самого Самбора и сожгли тамъ мѣстечка Снятынъ, Жуковъ, Тлумачъ, Чецыбѣши. Съ татарами были и янычары, вооруженные ружьями,—роскошь, для татаръ недоступная. ²⁾ Въ Чецыбѣшахъ былъ довольно крѣпкій замокъ. Въ немъ заперлось человѣкъ до ста шляхты. Запаливъ мѣстечко, татары подошли въ дыму къ самому замку, подшанцевались къ нему и открыли по немъ густую стрѣльбу. На бѣду въ замкѣ взорвало бочку пороху: защитники его уронили въ порохъ зажженную губку. Пламя въ одну минуту охватило замокъ. Отчаяніе придало силы осажденнымъ; они прорвались, хоть и не всѣ, сквозь густую толпу татаръ, и спаслись бѣгствомъ къ Днѣстру. А татары сожгли еще въ добавокъ Тисменицу и Галичъ. Въ Галичѣ повторили они ту же исторію съ замкомъ, стараясь полонить въ немъ белзскаго воеводу; однакожъ онъ отсидѣлся. Татары спалили еще Калузу и

¹⁾ Всѣ состязались очень хорошо.

²⁾ Кстати замѣчу здѣсь любителямъ „удальства, молодечества и разгула“ козацкаго, что татары молодечествовали у насъ изъ одной бѣдности. Въ 1606 году Жолковскій писалъ „do braciey na seimik Proszowski“ слѣдующее:

„Z Nahaiskich hord przyszły niemałe woiska, które obkoczowały w bliskiem bardzo sąsiedztwie na Białogrodzkich polach. Car Tatarski zgłodzonym ukazał; ze dostanie żywnosci i Panstwach Jego Krol. Mci: bo głodni pewnie są i by nic innego, sam głod dla zdobycz do nas ich gania.“

Съ этимъ отзывомъ Жолковскаго о татарахъ полезно сопоставить отзывъ того же Жолковскаго о козакахъ, въ письмѣ его къ великому визирю въ 1617 году:

„Repressa fuit ad tempus sceleratissimorum hominum (т. е. козаковъ) insolentia, ita quod nihil omnino iniuriarum nec in nostris nec in vestris ditionibus accipitur. Sed postea quum Tartari irruptionibus furtivis factis grassati populatione et incendiis miseros homines facultatibus exuerunt, auctos est sceleratorum Cozakorum numerus, quando isti bonis a Tartaris exuti his se latronibus aggregarunt, atque ita latrocinii et nostras ditiones et potentissimi imperatoris vestri portus et loca maritima infestant.“

Долину; людей вездѣ большие убивали, чѣмъ брали въ неволю: они шли на войну и ясырь въ Венгрию.

Только въ тотъ день, въ который орда сожгла Долину, поспѣль классическій гетманъ на защиту русскаго края отъ варваровъ, да и то съ весьма слабыми силами. Но варвары съумѣли обмануть классика, чего не удалось бы имъ сдѣлать съ такими реалистами, какими были ненавистные для классической шляхты козаки. Поджидая къ себѣ на помощь полевого гетмана, Замойскій окопался въ виду громаднаго татарскаго тaborа, точно римскій Антоній противъ Парфянъ. Татары сдѣлали видъ, будто съ своей стороны оканиваются. Въ падежѣ увѣнчать чело повѣми лаврами, Замойскій посматривалъ на развѣвающіеся по валу непрѣятельскіе значки; а татаръ давно ужъ не было въ оконѣ. Открывъ наконецъ обманъ, поляки нашли внутри валовъ только хромыхъ лошадей. Орда быстро шла въ Венгрию карпатскими дефилеми. Венгры подѣлали засѣки на дорогѣ. Знала орда объ этомъ чрезъ посредство цыганъ, которые охотно служили хищникамъ. Впереди татарскаго войска шли заполоненные въ папскихъ владѣніяхъ русскіе хлопы съ топорами; они должны были „высѣкать венгровъ изъ засѣкъ“. Въ награду за это, при спускѣ съ горъ, татары снимали съ нихъ головы, но нѣкоторыхъ выпустили на волю. Оставивъ позади возы и другія тяжести, польскіе рыцари шли по слѣдамъ татаръ до самой венгерской границы, но не имѣло равнаться въ быстротѣ съ дѣтьми дикихъ полей. Поляки въ этомъ походѣ до такой степени осрамились, что даже сосѣдніе народы стали ихъ ненавидѣть, какъ свидѣтельствуетъ Йоахимъ Більскій. „О, еслибы мы хоть когда-либо пробудились отъ сна!“ говорить онъ. „Если мы еще будемъ вести себя такъ беспорядочно, превратится въ непелъ убогая отчизна наша, а самихъ насъ, нужды нѣтъ, что мы свободный народъ, перевяжутъ (татары), и мы только будемъ одинъ другому докорять да выговаривать попусту“. Даѣже лѣтописецъ предается размысленію о все-

общей безчестности въ обращеніи съ публичными фондами (зло-
вѣштій признакъ для гражданскаго общества). Всего лучше, по его
мнѣнію, устроить сборы на оборону края такъ, чтобы деньги не
проходили черезъ множество рукъ, пока наконецъ достигнутъ
своего назначенія: „bo ony sa jak ciasto lipkie, przystana wszc-
dzie.¹⁾ Пускай бы каждый повѣтъ“, продолжаетъ онъ, „выбиралъ
себѣ ротмистра, и пускай бы поборъ шолъ прямо въ его руки, а
не черезъ этихъ сборщиковъ да распорядителей, которые осво-
бождаются еще и отъ военной повинности; да ужъ пускай бы на-
значили опредѣленную сумму съ каждого города, мѣстечка, села.
Тогда бы гетманъ зналъ, сколько человѣкъ обязанъ поставить
каждый ротмистръ, да и королю видѣть было бы, все ли войско
налице. И пусть бы войско жило по Украинѣ; тогда бы и пусты-
ни заселялись, и молодежь бы школилась. Ротмистровъ же выби-
рать по повѣтамъ изъ людей достойныхъ и при томъ владѣю-
щихъ значительнымъ имѣніемъ, по примѣру римлянъ, которые,
какъ пишутъ, equitem numerabant a censu.²⁾ Однакожъ далеко за-
шолъ я въ сторону! (заключаетъ онъ свое размышленіе). Не при-
выкъ я этого дѣлать, но меня увлекъ *patriae heu dolor!*³⁾

Успѣхи турецкаго оружія въ Венгрии сильно тревожили по-
ляковъ: гроза приближалась. Турки стояли уже подъ Коморнымъ.
Въ Краковѣ молились и устраивали процессы; на 17 октября
kaznodzieie (проповѣдники) назначили своей публикѣ посты.
Всѣдѣ за тѣмъ разнесся слухъ, что орда возвращается въ Крымъ
изъ Венгрии. Прежде всего король послалъ изъ Кракова, сколько
было у него людей, подъ горы, человѣкъ до полуторы тысячи, съ
люблинскимъ воеводою Зебжидовскимъ и велюнскимъ старостою
Александромъ Конецпольскимъ. Туда же двинулся и коронный
гетманъ съ юнкерами и выбранными. Наѣхало много и королев-

¹⁾ Вѣдь деньги липки, какъ тѣсто: всюду прилипнутъ (къ рукамъ).

²⁾ Считали всадниковъ по цензу.

³⁾ Печаль объ отечествѣ.

скихъ державицъ: всѣхъ вызывалъ король своими инсъмами на оборону Рѣчи-Посполитой. „Z mi艂o艂ci przeciw oyczysznie biegli iako na gwa艂t“, ¹⁾ говорить лѣтописецъ, такъ что набралось всего войска тысяча пятнадцать. Одинъ кievskij воевода, князь Острожскій, съ младшимъ сыномъ, воеводою волынскимъ, вывелъ въ поле до 2.000 коней; князь Збаражскій, воевода брацлавскій, до 500; князь Заславскій, воевода подляскій, до 400; Юрий Минищецъ, воевода сеномирскій, Іеронимъ Мелецкій, староста сеномирскій, съ другими своими пріятелями, болѣе 1.000. Бельзанъ (обывателей Бельзскаго воеводства) подъ одной хоругвью было до 400 коней, подъ начальствомъ пановъ Остророга и Линскаго, а лублинянъ — 100 коней, которыхъ велъ панъ Горайскій. Кромѣ того довольно было подолянъ, львованъ и другихъ руснаковъ. Долго ждали они татаръ всюду по шляхамъ и подъ горами; наконецъ наступившая зима заставила блистательное ополченіе панское разѣхаться ни съ чѣмъ по домамъ. Остался на сторожѣ только коронный гетманъ да королевская пѣхота. Говорятъ: на ловца звѣрь бѣжитъ. Паны были плохіе ловцы. Татары знали ихъ силы на перечотъ, не хуже лѣтописца, который перечислилъ ихъ, точно Гомеръ данайскихъ геросвъ. Вместо того, чтобы идти на облаву, устроенную шумно и гучно панами, они выждали время и тихонъко прошмыгнули домой черезъ Волщину.

Хуже всѣхъ пописался при этомъ снятынскій староста Николай Яловецкій, тотъ самый, которому поручено было устроить замокъ на Кременчукѣ. Онъ пригласилъ для похода въ Крымъ Лободу и Наливайка вмѣстѣ съ такъ называемымъ грошовымъ людомъ (нанятымъ за деньги). Въ то время, когда другіе паны сторожили татаръ на шляхахъ да подъ Карпатами, онъ вдохновился мыслью ударить на оставленное подъ слабымъ прикрытиемъ гнѣздо татарское, занять Крымъ и стяжать себѣ безсмертную славу.

¹⁾ Изъ любви къ отечеству, бѣжалъ какъ на пожарь.

ву въ потомствѣ. Но эту славу должны были стыдить ему козаки, такъ какъ грбшаго люду было у Язловецкаго, сравнительно съ войскомъ Лободы и Наливайка, весьма немногого. Мечтательный панъ сдѣлать громадные долги для своей экспедиціи; все было слажено; походъ предпринять; оставалось только вступить въ Татарщину. Въ этотъ важный моментъ козаки получили наказъ отъ императора, которому ихъ вторженіе въ Крымъ не принесло бы никакой пользы. Они круто повернули въ сторону; Язловецкій остался ни при чомъ. Его люди — все та же русь — пошли въ козаки; при немъ оставалось человѣкъ съ пятьдесятъ, и радъ онъ былъ радъ, что выбрался съ ними цѣль изъ-подъ Бѣлгорода. Но состояніе его было разстроено на вѣки; тоска, досада, стыдъ свели гордаго ¹⁾ пана въ могилу.

Козаки между тѣмъ начали готовиться къ походу въ Волощину. Брацлавъ долго былъ опаснымъ форпостомъ колонизаціи отрѣзенной Руси. Брацлавскіе мѣщане привыкли издавна къ козацкому хлѣбу. На королевскаго старосту смотрѣли они, какъ на гетмана. Брацлавянамъ было за обычайходить въ Волощину съ такими людьми, какъ Сверчовскій, Гербуртъ, Мелецкій. Сабля и теперь доставляла имъ больше прибыли, чѣмъ плугъ. Они, какъ говорится, прилежнымъ ухомъ внимали козацкому зазыву въ походъ. Брацлавъ окозачился. Но брацлавскій староста Юрій Струсь былъ, по видимому, человѣкъ поколѣнія новаго,— того поколѣнія, которое отмѣренную нѣкогда саблею землю обращало въ мирно-насильственную статью дохода. По этой ли, или же по другой какой причинѣ, только мѣщане изъ послушныхъ превратились въ непослушные и перепили изъ-подъ присуду старостинскаго подъ козацкій присудъ. Городъ и замокъ очутились въ рукахъ у козаковъ.

¹⁾ Когда мы называемъ польскихъ пановъ гордыми, это у насъ не голое слово. Иностранцы, приѣзжая въ Польшу, прежде всего поражались необыкновенною гордостью польской шляхты. Такъ на примѣръ, одинъ изъ венецианскихъ пословъ, въ 1560 году, пишетъ: „шляхта чрезвычайно горда“. А вѣдь гордости было довольно у него и дома, въ средѣ венецианскихъ nobili.

• Козаки, какъ это видно изъ письма, написанаго нѣсколько позже Наливайкомъ къ Сигизмунду III, мечтали объ основаніи въ Брацлавщинѣ другого сѣдалища силы своей, подобнаго пизовой Січѣ. Но они мѣрили слишкомъ широко, не по призванию своему, не согласно съ той функцией, которую они могли и должны были выполнить. Польша всѣ-таки была государство, сконцентрированная политическая единица. Козаки были только войско, или общество, по государствомъ никогда не были и быть не желали. А брацлавскую позицію могло удержать за собою только политическое тѣло. Иначе думали козаки, иначе думали брацлавские мышане. Зная безсиліе Рѣчи-Посполитой въ полномъ ея составѣ, они считали возможной рѣчь-посполитую войсковую, городскую и какую угодно дробную, въ отдѣльности отъ общей федераціи, которая никого не удовлетворяла. Какъ бы, впрочемъ, оно тамъ ни было, только на нѣкоторое время во всей Брацлавщинѣ возобладалъ режимъ козацкій. По праву сильного и отважнаго, повелѣвали козаки окрестной шляхтѣ давать имъ стацію, то есть все, чѣмъ войско содержится и вознаграждается; а кто не слушался, на тѣхъ наѣзжали шляхетскимъ обычаемъ. Въ числѣ прочихъ, не забыли козаки и богатаго пана Калиновскаго, виновнаго передъ Наливайкомъ тѣмъ, что отнялъ у его отца въ Гусятинѣ землю. Теперь Наливайко получилъ за свою батьковщину плату съ лихвою. По слухамъ, доходившимъ въ Польшу, козаковъ собралось до 12.000. У нихъ было теперь уже 40 хоругвей; въ томъ числѣ двѣ съ императорскимъ гербомъ. Козакамъ не доставало только, какъ они выражались, *полатать свои злыдні*, то есть ремонтировать войско свое какъ слѣдуетъ. Кстати подъ рукою была Волощина, въ которой хояйничали невѣрные турки. Волощина, постоянно платила козакамъ за свое безсиліе устоять на христіянскомъ элементѣ. Часть козаковъ, подъ предводительствомъ Наливайка, отправилась туда на козацкій промыселъ. Козаки сожгли городъ Тягиню; уцѣльль только замокъ, котораго они

не осилили; потомъ разсѣялись потатарски загонами кругомъ, сожгли болѣе пяти сотъ сель, захватили въ плѣнъ до четырехъ тысячъ татаръ, турокъ, татарокъ и туркенъ; призъ былъ богатый. Весело возвращались козаки домой, мечтая о выкупныхъ деньгахъ, о продажѣ и мѣновомъ торгѣ съ польскою шляхтою. Но къ перевѣравѣ присѣлъ молдавскій господарь съ семью тысячами войска; съ нимъ были и татары. Добычникъ всегда слабъ въ борьбѣ съ врагомъ, необремененнымъ полономъ и всякимъ суплатъемъ. Пришло козакамъ выпустить изъ рукъ свою богатую добычу. Но они дали волохамъ рыцарское слово отблагодарить ихъ за сюрпризъ такимъ же сюрпризомъ, и сдержали его. Призвавъ на помощь Лободу, Наливайко послѣтилъ Ясы¹⁾ и надолго оставилъ у волоховъ память своего посѣщенія. Три дня только провели козаки въ этомъ походѣ, и вернулись домой не съ пустыми руками. Въ Польшу между тѣмъ пришло извѣстіе, что они пошли въ пьяномъ видѣ, на штурмъ тягинскаго замка, и что ихъ тамъ побили. Но что они были потомъ въ Ясахъ и гостевали во всю козацкую волю свою, это извѣстно намъ отъ самихъ же Поляковъ²⁾. Ложь — неизбѣжная болѣзнь исторіи, едва-ли даже

¹⁾ Слово Ясы напрасно пишутъ съ двумя с: это необходимо только нѣмцамъ, чтобы изъ Ясь не вышли Язы. По-южнорусски яса́ значить демонстрація, или овация, или салютъ. Ясити значить объявить; ясувати — салютовать.

²⁾ Объ этомъ пишетъ Гейденштейнъ. Сохранилось и письмо князя Константина-Василія Острожскаго, въ которомъ онъ говорить объ этомъ походѣ. Письмо было писано къ Криштофу Радзивилу отъ 24 декабря 1594 года. Острожскій написалъ слѣдующее:

„Pewieniem, ze si鑒 to W. Msc do tego czasu nie tai, iz kozacy, zebrawszy si鑒 pod dziesieci tysiocy wtargneli byli w ziemie Wołoska; gdzie wielkie spustoszenie wszynwszy tak w ludziach, iako i maietnoscia ich, trzy dni tylko mieszkiae w ziemi tey, nazad si鑒 wrocili; tudziez tez zamki i miasta Wołoskie popalili, a miadowicie Jassy miasto spalili, gdzie Hosponarowie zwykli przemieszkiwa . Teraz si鑒 na Podolu liez  w Barze i bardzo si鑒 od czasu zmacniaia, i iesliby obaczyli trudnos  iako przeciwko sobie, mai  wol  wtamte kraie *)... Bialej Rusi nad Dniepr

§ 66

*) Пробѣль снимавшаго копії для Несвижской библіотеки.

излечимая. Какъ бы, впрочемъ оно ни было, но козаки вернулись зимовать въ Брацлавщину, которая de facto имъ принадлежала, другие удалились на днѣпровскій Низъ, а треты разбрелись по Украинѣ; но на весну грозили *загитати до Полчи*. Съ своей стороны, коронный гетманъ, узнавъ что татары вернулись домой окольнымъ путемъ, высполъ изъ подгорья и расквартировалъ коронное войско по Подолі.

Между тѣмъ въ Краковѣ совѣщались о томъ, какъ бы отвратить наступающую съ низовьевъ Днѣпра и Днѣстра грозу. Естественно, находились между панами люди, совѣтовавшіе снять заливу, которую думали удержать стремленіе козачества въ Туреччину. О войнѣ съ турками хлопоталъ императорскій посланикъ на краковскомъ сеймѣ, который собрался въ началѣ Филиппова поста, и неизбѣжный папскій нунцій. Явились въ Краковѣ и представители многихъ мелкихъ владѣній нѣмецкихъ. Приѣхали также послы отъ волоховъ и молдаванъ, которые—то по неволѣ держались Турчина, то отрывались отъ него. Полякамъ льстила центральность въ турецкомъ вопросѣ; но они, по отношенію къ этому роковому вопросу, дѣйствительно были таковы, какими изобразилъ ихъ Янъ Замойскій въ одной изъ послѣднихъ сеймовыхъ рѣчей своихъ: „Мы день ото дня откладываемъ“, говорилъ онъ, „постоянно находимся въ страхѣ, а между тѣмъ дѣйствуемъ такъ, какъ будто у насъ еще много времени впереди, и сидимъ, не зная, что съ нами дѣлается“. Они склонились отъ лиги съ охотниками до турецкой войны подъ тѣмъ предлогомъ, что недостаетъ для нея всѣхъ голосовъ европейскихъ: не только вся Германія, но и король испанскій, по ихъ плану, должны были соединиться на Турчина; а покамѣсть, возбуждены были гораздо болѣе интересные для нихъ вопросы: о дѣлежѣ будущей добычи, объ аренѣ

vchodzić. Przeto zdało mi się o tym W. Mosci mego Mwego Pana, iako powinny powinnego, ptzecrzedz etc“... (Рукоп. Императ. Публ. Библ.польск. F. IV, № 223, л. 66).

войны, о томъ, кому быть гетманомъ союзного войска, кому судью? Послы должны были догадаться, что Польша обладаетъ величимъ полководцемъ и великимъ государемъ. Уже назначены были секретной комиссары, которымъ поручено было съѣхаться съ комиссарами другихъ державъ въ Познани для постановленія договорныхъ пунктовъ; окончательное же рѣшеніе этого важнаго вопроса европейской политики Сигизмундъ III предоставилъ себѣ: для этого онъ предположилъ созвать чрезвычайный сеймъ въ Варшавѣ, который бы продолжался не болѣе двухъ недѣль. „Wszakże z tego nic nie było“,¹⁾ закончилъ свое оповѣданье нашъ соотечественникъ, который былъ саркастиченъ, даже не сознавая своихъ сарказмовъ. Къ довершенню политической несостоятельности, установленіе поборъ на жолнеровъ; отъ сборщиковъ—чего прежде не бывало—потребовали присяги: „so Boże day by im to pomoglo“,²⁾ замѣчаетъ „правдивая душа“ русинъ. На томъ же сеймѣ рѣшено быть послопитому рушенію. Катилина стоялъ у римскихъ воротъ: сорокъ хоругвей, не признавшихъ власти законодательного собранія, провозглашали всей отрѣзненной Руси равноправность. Оборвавши, грабители и разбойники, люди religionis nullius³⁾ уразумѣли главную потребность народа лучше классически вос-

¹⁾ Однакожъ изъ этого ничего не вышло.

²⁾ Дай Богъ, чтобы это имъ помогло (т. е. помогло ихъ честности).

³⁾ Замѣчательно, что и въ Москвѣ цѣнили тогда религіозность, нравственность и доблести козаковъ не выше какъ въ Польшѣ. Когда, въ 1594 году, императорскій посолъ Баркочъ завелъ съ думными дьяками рѣчь о томъ, какой пользу можно ожидать въ войнѣ съ турками отъ запорожскихъ козаковъ, ему отвѣчали слѣдующими словами: „Они хороши для нечаяннаго нападенія, для набѣговъ и дѣйствій въ разсыпную; но это люди дикіе, необузданые, не имѣющіе страха Божія (такого какимъ отличались москвичи), и на вѣрность ихъ нельзѧ разсчитывать. Впрочемъ (эта черта козачества представлялась дьякамъ яснѣ, чѣмъ историкамъ), по своему большому терпѣнію и готовности переносить голодъ и всѣ недостатки, и удовлетворяться самымъ ничтожнымъ продовольствіемъ, они могутъ быть весьма полезны для дальнихъ экспедицій“. („Чтепія Общ. Исторіи и Др. Росс.“ 1863, II, 269 перев. соч. Аделуига).

питанихъ холоней римской куріи: они требовали равноправности на судѣ, безъ которой нѣтъ житья ни обществу, ни государству.

Наступила зима, какой и не запомнили тогдашніе старожилы. Глубокое сѣѧта затрудняли сообщеніе между самыми близкими поселками; страшныя мятежи угрожали путнику въ открытыхъ равнинахъ хуже орды. Отъ Наума до Великодня пародъ сдѣль по хатамъ почти безвыходно, проторивая дорогу развѣ гъ спинку, такъ какъ церквей во всей отроzinской Руси не было и трехъ тысячъ, да и тѣ частью стояли запертными, потому что паны-католики вели народу ходить въ костелы, частью были упразднены панами-вольнодумцами, въ знакъ своего торжества надъ суевѣрнымъ плебсомъ, а многія имѣли такихъ священниковъ, о которыхъ сами поборники православія, архиереи, сопротивлявшіеся униї, писали, что ихъ чаше видали въ корчмѣ, не жели въ церкви. То было таинственно глухое время, о которомъ польскій поэтъ, а нашъ соплеменникъ, сказалъ бы, въ чаяніи чего-то страшнаго и недовѣдомаго:

Cicho wszedzie, glucho wszedzie...

Co to bѣdzie? co to bѣdzie?...

,Ruś do lacinników przystała“, спокойно записалъ между тѣмъ, въ ряду прочихъ событий, другой, не менѣе почтенный нашъ соплеменникъ, преображеній въ поляка, и посвятилъ этому событию всего 9 строчекъ,—событию, которое отозвалось въ XVII, XVIII и даже XIX вѣкѣ безчисленными страданіями всѣхъ словоій и состояній. Въ эту суровую, какъ у насть говорится, лютую зиму ничего лучшаго невозможно было и выдумать, какъ сгласиться тайкомъ на унию и подписать актъ соединенія несоединимаго. Отступническій актъ russкихъ іерарховъ сдѣлался съ того времени предметомъ глухихъ, таинственныхъ, зловѣщихъ толковъ между людьми, которые такъ или иначе принадлежали къ

польской и русской интеллигенциі. Зима разразилась наводненіями въ прикарпатской Польшѣ; поздняя весна 1595 года вызвала въ поле коронное войско, но вовсе не на козаковъ. На козаковъ пришлось бы ему идти съ однимъ „грошовымъ жолнеромъ“ и развѣ лишь съ немногими панскими почтами: необходимость истребить этотъ „мѣтлохъ“ еще не чувствовалась такъ повсемѣстно, чтобы можно было поднять противъ него пограничныхъ землевладѣльцевъ въ значительномъ вооруженіи. Нуженъ былъ кличъ, болѣе интересный въ экономическомъ отношеніи, болѣе завлекательный для панского славолюбія, болѣе серьозный въ отношеніи политическомъ. Такимъ кличемъ была Волощина, этотъ „щитъ“, заслонявший Польшу отъ Турціи, а Турцію отъ Польши. Оба государства понимали важность владѣнія этимъ щитомъ и постоянно пытались вырвать его другъ у друга изъ рукъ. Отстаиванье польского права на Волощину, было дѣломъ традиціоннымъ. Паны рвались въ этотъ край сами собою, даже рискуя королевскою немилостью. Теперь ихъ призывали подъ коронное знамя; они вняли призыву съ радостью, и коронное войско увеличилось быстро, какъ рѣка отъ весеннихъ потоковъ. Въ теченіе прошлой зимы турки и татары надумались окончательно присвоить себѣ Волощину и такимъ образомъ приединить свои границы къ польскимъ границамъ вплоть. Паны боялись этого больше всякой ко- запчины: ибо въ такомъ случаѣ имъ бы пришлось отодвинуться снова передъ турками такъ, какъ отодвинулись они уже одинъ разъ передъ ними отъ береговъ Чорнаго моря, и сдѣлать плодородную Украину такимъ щитомъ отъ азіатской дичи, какимъ служила имъ теперь Волощина. Два народца, населявшіе этотъ край, волохи и молдаване, въ свое время отличались боевымъ мужествомъ. Со временемъ императора Траяна, Волощина сдѣлалась украиною Римской имперіи, мѣстомъ ссылки беспокойныхъ людей и притономъ всего своевольного. Во времена Галліена и потомъ въ правленіе Авреліана, овладѣли этимъ краемъ такъ называемые:

варвары,— чего доброго, наши предки поляне, или ихъ торки, бе-
рещи, „чорные клубуки“, козацкія шапки. Къ этимъ варварамъ,
во времена Граціана, примѣшались тутъ готы; но дѣло въ томъ,
что нашъ русинскій языкъ господствовалъ въ Волошинѣ такъ
точно, какъ и румынскій. Опѣ, очевидно, столкнулся тамъ съ го-
сударственнымъ римскимъ языкомъ, такъ же какъ и въ полити-
ческой польской системѣ, но въ XVI вѣкѣ былъ еще цѣлъ, не
поддался еще переработкѣ отъ смѣшнія съ другими.¹⁾ Съ пере-
мѣнной властителей, Волошина, древняя Дакія, сдѣлалась украиною
Турецкой имперіи, а вмѣсть съ тѣмъ — вторымъ экземпляромъ
Украины Рѣчи-Посполитой Польской. Она сохранила старыя свой-
ства своихъ жителей: мечтательность, подобную польской, завзя-
тость, свойственную русинамъ, и измѣнчивость, усвоиваемую каж-
дымъ небольшимъ государствомъ, очутившимся среди боль-
шихъ.²⁾ Было время, когда молдавскій господарь предводитель-
ствовалъ сорока тысячами лучшаго войска въ Европѣ: я говорю
о знаменитомъ Стефанѣ, который разбилъ на голову 120-тысяч-
ное войско императора Магомета, завоевателя Царыграда, Трапе-
зунта, двѣнадцати царствъ и двухсотъ большихъ городовъ, а,
кромѣ того, держалъ въ страхѣ Венгрию и обуздывалъ савромат-
скую заносчивость поляковъ. Но мужество безъ культуры никогда
еще не было гарантіею независимости. Волошина, страшная
туркамъ, сдѣлалась вассаломъ Венгрии, а когда Венгрия зашата-
лась подъ мусульманскими саблями, господарь Петръ пріѣхалъ
во Львовъ и принесъ вассальную присягу Владиславу Ягеллону.
Съ того времени культура не сдѣлала въ Волошинѣ успѣховъ.
Сепеницкіе лѣса, въ которыхъ польскіе сарматы погибли, воюя

¹⁾ Блэзъ де Виженеръ въ своей книжѣ: „La Description du Royaume de Po-
loigne“, Paris, 1573, говорить о волоахахъ: „Toutefois ils usent aussi du parler
Ruthenique et Slavon“.

²⁾ Blaise de Vigenere: „...ce a esté tousiours une nation fort bizarre, fantas-
tique et despitie, et au reste fort endurcie et belliqueuse“.

противъ румунъ, какъ римляне въ Тевтобурскомъ лѣсу, раскидались въ дикой красѣ своими отпрысками по гористой части края, по хребту Волошины, дѣлившему ее на Валахію и Молдавію. Подъ сѣнью первобытныхъ лѣсовъ, стлались роскошныя пастбища. Земледѣльцемъ въ широкихъ размѣрахъ волохи не занимались; любили больше пасти скотъ и гонять по открытымъ степнымъ мѣстамъ табуны лошадей, которыми снабжали они всю Европу.¹⁾ И вотъ въ такой-то край звалъ канцлеръ и коронный гетманъ своихъ товарищѣй магнатовъ. Они любили Волошину такъ же, какъ и наши козаки: сарматская фантазія находила въ ней идеальную добычу, — добычу, движущуюся по волѣ добычника лопадей, рогатый скотъ и превосходную породу овецъ, о которой и въ нынѣшихъ польско-руssкихъ хозяйствахъ сохранилась память въ названіи патріарховъ отары *валахами*. Еще однажды мелькнула полкамъ надежда возвратить себѣ вассальство волоховъ и молдаванъ. Исламъ не въ силахъ былъ переработать всѣхъ румунскихъ христіянъ въ потурнаковъ; нѣчто похожее на прежнюю автономію оставалось еще за этимъ краемъ, воспѣтымъ столько разъ нашими кобзарями, какъ арена козацкаго „лыщарства“; паны рѣшились поддержать ее. Молдавія *de facto* находилась въ рукахъ у турокъ, но, по старой памяти, считалась въ вассальной зависимости отъ Польши. Объ этомъ даже императорскій посолъ лестно напоминалъ панамъ, обвязывая ихъ тѣмъ самимъ не смотрѣть на судьбу румуновъ равнодушно. И вотъ Замойскій двинулся на границу трезя войсками. Это не значило, что войска было очень много, — вовсе нѣтъ: это

¹⁾ Blaise de Vigenere: „C'est un pays montueux et couvert de bois, et pourtant bien fort et malaisé. Aussi le peuple ne s'amuse gueres à cultiver les terres, car tout leur fait depend du bestial, dont ils ont tres grande abondance à cause de beaux pascages qui sont par tout, tellement qu'ils en fournissent non seulement Hongrie et Russie qui sont les pays plus prochains d'eux: mais encor en envoient tous les ans vne fort grande quantité en Poloigne, Prusse, Silesie, Boheme, Alemagne, Italie et Turquie.“

значило только, что гдѣ проходили жолнеры, тамъ скотоводство, земледѣліе и пчеловодство, три главныя статьи тогдашняго экономического быта Польши, терпѣли почти такой же вредъ, какъ и отъ орды. Въ уваженіе жалобъ и просьбъ, которыми обыкновенно въ такихъ случаяхъ осаждали короннаго гетмана со всѣхъ сторонъ духовныя и свѣтскія лица, онъ раздѣлилъ домашнюю орду свою на три пути. Этими объясняются, по видимому, не имѣющія исторического значенія слова народной пѣсни:

Ишли ляхі на три шляхі,
А козакі на четыри...

Лѣвымъ шляхомъ, въ данномъ случаѣ, пошоль полевой гетманъ Станиславъ Жолковскій, правымъ—каменецкій староста Потоцкій, среднимъ—самъ великий или собственно такъ называемый коронный гетманъ Янъ Замойскій. Не раньше 20 іюля прибыли они къ мѣсту своего назначенія, именно къ Шаргороду, недалеко отъ Сороки. 21-го іюня получено Замойскимъ извѣстіе, что татары переправляются на русскую сторону Днѣпра подъ Очаковомъ, для соединенія съ турецкимъ войскомъ, котораго, какъ гласила пугливая молва, собралось на берегахъ Дуная болѣе 100.000, и нѣкоторые отряды переходили уже на его сторону. Поляки рѣшились не удаляться отъ Днѣстра и развѣ на Кучманскомъ или на Чорномъ шляху „зайхать въ очи“ татарамъ, вторгаться же въ Волощину, на перерѣзь ордѣ, когдабы она пошла степями на Тягинъ, считали они нарушеніемъ мира съ турками. Черезъ нѣсколько недѣль, уже въ августѣ, узналъ Замойскій, что орда переправляется черезъ Днѣстръ на шляхъ Кучманъ. Ударили въ бубень; двинулись на татаръ. Паны, желавшіе искоренить ко-
зачество, подъ нужду сильно на него разсчитывали. Такъ было и теперь. Съ весны задабривали Лободу красивыми словами, и воинственная шляхта дружески заооччивала его гдѣ походу въ Волошину. Прямого приглашенія со стороны правительственної вла-

сти не было. Не было и со стороны Лободы прямого обязательства. Теперь послали къ нему гонца, какъ-будто дѣло было улажено между двумя партіями окончательно. Паны просили козаковъ поспѣшить на подмогу. Но Лобода, видно, зналъ твердо правило: „врагу твоему вѣры не даѣдь“, и понималъ запорожскою своею душою, что недовѣрчивость къ деспоту — лучшая охрана свободы. Онъ оставилъ пановъ въ пріятной надеждѣ, лишь бы спровадить ихъ въ Молдавію. Онъ зналъ, зачѣмъ ляхи идутъ въ Волощину: онъ не могъ этого не знать. Молдавскій господарь Ааронъ содержалъ при себѣ родъ гвардіи венгерской; начальникъ этой гвардіи, Розванъ, родомъ цыганъ, измѣнилъ господарю, провозгласилъ господаремъ седмиградскаго князя Сигизмунда Баторія, и сдѣлался обладателемъ Волошины, въ качествѣ Баторіева намѣстника. Молдавскіе бояре не знали, какъ избавиться отъ ненавистнаго имъ Розвана и просили Сигизмунда III дать имъ господаря отъ себя, по стариинному праву на этотъ актъ, не уничтоженному еще султаномъ. Выборъ короля, или его канцлера,палъ на молдавскаго выходца, получившаго въ Польшѣ индигенатъ, на Іеремію Могилу. Замойскій, отправляясь въ походъ, имѣлъ Могилу подъ рукой, *коло боку*, какъ тогда говорилось. Если возвращеніе его на господарствѣ потребуетъ битвы, вся тяжесть битвы упадетъ на козаковъ. Если будетъ какая добыча, она достанется полякамъ, да сверхъ того, и на будущее время козаки потеряютъ не одинъ, можетъ быть, такой случай, какой доставилъ имъ Подкова. Такъ должны были размыщлять козаки, уклоняясь отъ этого похода. Они были практики. Они чужды были той „суетной славицѣ“, за которую гонялась воспитанная латинскими фразами шляхта; они понимали славу по-варягурусски, въ соединеніи съ добычею: иначе — имъ бы нечѣмъ было существовать, все равно какъ татарамъ безъ полону, а чтѣ еще важнѣе — нечѣмъ было бы воевать и защищаться. Слава не была и не могла быть прихотью козацкаго полководца. Если попадался между

козаками Юлій Цезарь или Алківіадъ подъ татарскимъ кобенякомъ, то и такой рѣдкій военный гений старался заслужить въ ихъ средѣ славу, не выходя изъ чорнаго тѣла, въ которомъ козаки держали обыкновенно своего гетмана. Мудрый былъ это пародъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: не даромъ Ѵздило къ нимъ, для упражненія въ рыцарскомъ дѣлѣ, много „chudych pachoikow potciwych“, ¹⁾ какъ выражается странствующій Тацитъ Папроцкій. Они звали, что, когда гетмана не отличаетъ отъ обычновеннааго товариша-козака ни его заслуженный пай, ни одежда, ни жилье, ни пища, а только лошадиный хвостъ на коньѣ, да знамя, булава и литавры, то ему по неволї придется не себя украшать лаврами, а

Славы-лыцарства козацькому війську здобувати.

Ревнивые въ ідеѣ равенства, запорожцы не хотѣли даже славы, (не говоря уже о добычѣ), присвоить своему предводителю лично, точно какъ-будто орденъ ихъ сформировался изъ людей, которые только и желали „положить душу свою за други своя“, которые старались доказать дѣломъ, а не словами, что совершенная любовь „ничего не ищетъ себѣ“. Но это общая черта: она относится къ первой ідеѣ Запорожья, которую возымѣла какая-то могучая и мечтательная душа. Частною чертою козацкихъ дѣйствій, въ настоящемъ случаѣ, было сознаніе, что ляхи готовятся подавить козачество. Для того, чтобы прийти къ нему, не нужно было подслушивать интимныхъ совѣщаній Замойскаго съ его любимцемъ и преемникомъ Жолковскимъ или другими знатными панами. Послѣ первого опыта схватки между народною и антинародною военными силами, вопросъ о козакахъ обсуждался открыто, и козаки понимали очень хорошо, что не отъ панской расположеннostи къ нимъ за ихъ услуги, а отъ ихъ силы зависѣла ихъ цѣлостность. Они знали, какъ пріобрѣсть эту силу.

¹⁾ Не богатыхъ честныхъ людей.

Но такъ ли, или иначе оно было, только Грицько Лобода, этотъ Перикль запорожской республики, сравнительно съ красавцемъ и пройдохомъ Наливайкомъ, остался на Украинѣ. На пребесні на-шолъ онъ себѣ Аспазію, въ особѣ воспитанницы шляхетскаго дома Оборскихъ, которые жили гдѣ-то не вдалекѣ отъ Бара; но бракъ его былъ, по видимому, недачень: невѣста шла за него по неволѣ. Какъ обходились тогда съ первѣстами домашніе авторитеты, это показалъ намъ князь Василій надъ своей племянницей. Нѣчто подобное случилось и здѣсь. Шляхтичъ сосѣдъ, служившій Острожскому, какъ тогда водилось, мѣстною газетою, сдѣлалъ и другого рода замѣчаніе въ виду предстоявшей козакамъ катастрофы, которой всѣ ждали и называли *трагедію*.¹⁾ Онъ напи-салъ: „Господь Богъ знаетъ, надолго ли эта женидьба.²⁾ Но это дѣло темное для насъ. Мы не можемъ сказать навѣрное, съ какими собственно чувствами оставался Лобода въ Украинѣ: привязывалъ ли его теплый домашній очагъ къ одному мѣсту, или же козаки продолжали вести свою пропаганду въ народѣ, готовясь на борьбу съ панами. Во всякомъ случаѣ фактъ женидьбы предводителя показываетъ, что козаки мечтали утвердить республику свою въ Украинѣ, а Запорожье считать только рыцарскою школою. Но, такъ какъ они, и по натурѣ своей, и по роду жизни, отличались молчаливостью, то намъ осталось довольствоватьсь, въ настоящемъ случаѣ, одною догадкою.

Между тѣмъ какъ одна часть раздѣлившейся на ся руси готовилась дома невѣдомо для насъ къ русскому дѣлу въ эгоистическихъ своихъ интересахъ, другая часть очутилась за Днѣстромъ и, повинувшись такому же врожденному нашей природѣ эгоизму, дѣлала русское дѣло, воображая его польскимъ: Замойскій и его сподвижники, возводя на молдавское господарство Іеремію Могилу,

¹⁾ См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 2-го марта 1596 года.

²⁾ См. тамъ же выпису изъ письма Кавлича, отъ 2-го февраля 1596 года.

упрочивали его племяннику Петру тотъ путь къ митрополії кіевской, который помогъ намъ найти выходъ изъ лабиринта Рѣчи-Посполитой Польской. За этотъ подвигъ стбить поименовать всѣхъ ихъ. Кромѣ двухъ уже названныхъ, они были: Гербуртъ, Пшемислскій (котораго отецъ или дѣдъ павѣрное былъ какой-нибудь Прорубай), двое Терновскихъ, (а попольски Tarnowskich) Ханскій, братья Потоцкіе, Браницкій, Зебжидовскій, Мишковскій, Прушновскій, Леснёвскій, Даниловичъ, Вірникъ (Wiernek), Станиславскій, Слідковскій, Дроевскій, Порыцкій, Гульскій, князь Вишневецкій, Струсь, Рожинскій, Горностай, Творжянскій, Темрюкъ, Чертанскій, Більструпъ, Уляницкій, Корытинскій, Кланицкій, Витославскій, — имена большею частію запечатленыя кровавою памятью въ лѣтописныхъ преданіяхъ московской и кіевогалицкой Руси! Войска при нихъ насчитывало Більскій по отрядамъ 7.250, въ томъ числѣ 1.500 выбранцевъ. Это было цвѣть боевой польской силы. Даже мозольные походные труды не были чужды имъ. Помя Камиловъ и Циндиннатовъ, шляхта возвышалась иногда до уровня пренебрегаемыхъ ю братьевъ своихъ козаковъ. Когда оказалось нужнымъ укрѣпить станъ польскій надъ Прutomъ, на урочищѣ Щодорѣ, гетманъ первый взялся за заступъ, за нимъ стали работать ротмистры, а за ротмистрами товарищи, и въ одинъ день поспѣло окопъ съ тринаццатью баштами и четырьмя „бронами“ (воротами). Въ этомъ окопѣ выдержали наши русины и поляки напоръ татаръ и турокъ, которыхъ было, если вѣрить реляціи, тысячъ сорокъ, и заключили миръ только подъ условiemъ, чтобы Могила была оставлена на господарствѣ. Честь имъ и слава за это! ¹⁾

¹⁾ Въ мирномъ договорѣ между Казы-Гиреемъ и Яномъ Замойскимъ изображенъ: „Car, maiacz zlecenie od Cesarza J. M. Tureckiego — powierzona chodragiew na ziemię Wołoską, tedy chcąc dogodzić Kr. J. Mci Polskiemu Jascze braterskieu, Jeremiewi ią na hospodarstwo oddaiemy, o ktorego tho Jasne Wielmoznego Pana Canclerza a Hetmana Corony Polskiej Ziemia tuteczna prosila... Woysko Cesarza J. M. Tureckiego i Carskie nie maią kazić thu w ziemi ani w

Но не однимъ русскимъ землевладѣльцамъ, не однимъ панамъ, не однимъ тѣмъ, которые, какъ Острожскій, называли себя поляками, даже не перемѣнивъ еще православія на католичество, — не однимъ имъ слава. Они должны подѣлиться ею съ тѣми, которыхъ они лишили права владѣть помѣстьями и участвовать въ сеймахъ, которыхъ терпѣли по невозможности истребить, которыхъ игнорировали въ своихъ бытописаніяхъ. Успѣхи Замойскаго въ Волощинѣ были подготовлены козацкою службою нѣмецкому императору и постоянными сношеніями ихъ съ Волощиною по обѣимъ сторонамъ лѣсистаго хребта, который дѣлить ее на два княжества. Приверженцевъ султана и потурнаковъ козаки побивали; приверженцевъ христіянскаго императора поддерживали. Дѣйствую заодно съ подкрѣпленіями, присыпаемыми господарямъ отъ императора, они такъ усилили молдавскаго господаря и ослабили хана, что господарь нанесъ татарамъ неслыханное до тѣхъ поръ пораженіе, а вслѣдъ затѣмъ отпалъ отъ турокъ и объявилъ себя вассаломъ нѣмецкаго императора. Какую роль играли въ этомъ дѣлѣ козаки, видно изъ того, что они посыпали своего послы, сотника Демковича, въ Пресбургъ, для приведенія молдавскаго господаря къ присягѣ императору, которому они служили. Сотникъ Демковичъ имѣлъ осѣдлость въ Барѣ и отъ 3 февраля 1595 года уведомлять о своемъ посольствѣ князя Острожскаго, у котораго, какъ видно, состоялъ на службѣ по части доставленія разныхъ вѣстей, то есть служилъ ему газетою. Онъ доносить, что былъ „посланъ отъ пановъ козаковъ къ молдавскому господарю для выслушанія присяги, которую господарь, за его

Polscze, y owszem J. M. Car zararem siÄ' ruszy i w swÄ' ziemiÄ' trzeciego dnia wyydzie, a hospodar mieÄ' moze dla strazy dwor swoj od swego nieprzyaciela (Rozwana)... A czo siÄ' dotycze chorÄ'gwie, którA Jeremiiowi Mohile na hospodarstwo My Car oddawamy, upewniamy i przyrzekamy, ze Cesarz J. Mcz onogo wiecznie i owszem w pokoiu na hospodarstwie zawszy zachowa... DziaÅ'o siÄ' na Cocorze, dnia 21 miesiąca 8 bra roku 1595“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польс. отд. IV. № 71, л. 1).

приводомъ, принесъ императору вмѣстѣ съ своею духовною и свѣтскою радою, съ духовенствомъ и гетманомъ[“]. Отступникъ бусурманскаго владычества, въ качествѣ прозелита, вырѣзаль всѣхъ турокъ, сидѣвшихъ у него на шеѣ, а имущество ихъ роздалъ венгерской своей гвардіи; даже султанскаго гонца, щавшаго черезъ Молдавію къ польскому королю, обезглавилъ передъ козацкими послами, которымъ онъ показывалъ наказъ императора дѣйствовать заодно съ Запорожскимъ Войскомъ. На турецкихъ знаменахъ, подъ которыми онъ до сихъ поръ сражался, велѣлъ изобразить кресты и знаки христіянскаго императора, а обезглавленныхъ турокъ разставилъ по всему рынку, въ знакъ поруганія мусульманства.¹⁾ Но этотъ бунтъ, о которомъ умалчиваются польскіе историки, вызвалъ въ Царыградѣ страшную сцену. Падшая столица Палеологовъ была заперта на три дня для вѣзда и выѣзда. Турки казнили христіянъ. Безмолвно смотрѣли на кровавую сцену войска султана, составленныя болѣею частию изъ потурнаковъ; наконецъ адзамуланы не стерпѣли мученій совѣсти,бросились на палачей, и началась битва между приверженцами и противниками ислама. Восемь дней продолжалась междуусобная рѣзня въ запертомъ Царыградѣ, и нѣсколько десятковъ тысячъ легло съ обѣихъ сторонъ трупами.²⁾ Не доставало въ этотъ критическій моментъ явиться въ Босфорѣ разбойникамъ-козакамъ, и христіянскій міръ давно бы освободилъ изъ рукъ азіатскихъ варваровъ колыбель своего просвѣщенія. Но козакамъ въ это время предстояла борьба съ усердными слугами Христова намѣстника; имъ грозили истребленіемъ; имъ предстояла Солобница....

Мы оставили Наливайка послѣ того, какъ онъ сходилъ въ Угорщину. Изъ Семигорья вернулся онъ на Волынь, гдѣ на то время отбывались въ Луцкѣ такъ называемые судебные роки и

¹⁾ См. въ приложеніяхъ ко II-му тому выписку изъ письма сотника Демкова-вича.

²⁾ См. тамъ же выписку изъ письма Кевлича.

вмѣстѣ ярмарка. Луцкъ былъ въ большой тревогѣ отъ посыщенія украинскаго Алквіада; но Алквіадъ былъ скорѣе злой шалунъ, чѣмъ злой человѣкъ. Онъ прошолся съ козаками по ярмаркѣ, по караимскимъ рядамъ, по костеламъ, и ограничился контрибуцією со всѣхъ сословій. Самъ онъ, въ извѣстномъ письмѣ къ Сигизмунду III, разсказываетъ, съ наивною хитростью козака, о своей новой карьерѣ, что, по возвращеніи изъ Венгрии, онъ провелъ всего дня три въ городѣ Луцкѣ, для пополненія военныхъ припасовъ, а потомъ стала отдыхать на „обычномъ козацкомъ шляху“, то есть на Днѣпрѣ, въ ожиданіи службы, которую онъ, будтобы, предлагалъ мимоходомъ коронному гетману, да тотъ не принялъ. Лишь только ступили козаки одною ногою на литовскую землю и почти что не попробовали еще панскаго хлѣба (писаль онъ), тотчасъ литовскіе паны, съ гайдуками своими и множествомъ всякаго народу, напали на нихъ — сперва въ Слуцкѣ, а потомъ въ Копылѣ, и кого же они побивали и мучили? хлопнать, паробковъ и нѣсколькихъ товарищей нашихъ — или „на приставахъ“, или па пути къ своимъ родителямъ.

Паны, въ лицѣ виленскаго воеводы, князя Криштофа Радзивилла, были предупреждены княземъ Острожскимъ о томъ, что козаки придутъ къ нимъ въ гости. „Этотъ *łotr* (разбойникъ) Наливайко“, писаль князь Василій, „теперь гостить у меня въ Острополѣ, оторвавшись отъ другихъ съ тысячею человѣкъ, и кажется, что придется мнѣ сторговаться съ нимъ, какъ съ Косинскимъ“. ¹⁾ Литовскія ополченія были таѣ многолюдны, что козаки побѣжали въ Могилевѣ, чтобы, по выражению Наливайка, хоть тамъ поѣсть спокойно хлѣба, уже не панскаго, а королевскаго. Паны грозили могилевскими мѣщанамъ смертью, если они впустятъ козаковъ къ себѣ въ городъ, но, какъ оказалось, требовали отъ нихъ невозможнаго. Ополченцы подожгли ночью Могилевъ со всѣхъ сторонъ.

¹⁾ См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 4-го марта 1595.

Козаки насилиу вырвались изъ пылающихъ улицъ въ поле, по тамъ ждало ихъ папское войско, съ тѣмъ чтобы окружить со всѣхъ сторонъ. Это не удалось ему. Наливайко ушолъ въ Рѣчицу, откуда и послалъ къ королю свою оправдательную жалобу на литовскихъ пановъ, — въ глазахъ Сигизмунда III, жалобу волка на пса. Козацкій предводитель, очевидно, мѣрилъ короля своимъ аршиномъ, воображая, что замылить ему и его сенаторамъ глаза сперва своими оправданіями, а потомъ предложеніемъ, которое тутъ же дѣлалъ. Онъ выдавалъ себя за полновластнаго гетмана днѣпровскаго рыцарства, каковымъ никто никогда не былъ, и предлагалъ дать битву всѣмъ непокорнымъ королю козакамъ, а побивъ своеевольныхъ людей, основать городъ и замокъ надъ рѣчкою Синюю за Брацлавомъ, съ тѣмъ чтобы за Порогами держать только помощника. Онъ обѣщалъ принимать къ себѣ однихъ „стацийныхъ“ козаковъ, получающихъ стацію, или содержаніе, отъ правительства, а юнкерскимъ, панскимъ, шляхетскимъ и княжескимъ пахолкамъ (молодцамъ), которые къ нему придутъ, обрѣзывать уши и носы. Банитовъ королевскихъ принимать онъ не станетъ; въ Украину для сбора стацій и для другихъ войсковыхъ надобностей посыпать не будетъ, а будетъ посыпать только водою на Бѣлую Русь, для покупки за деньги муки и военныхъ снарядовъ. Награды за это просилъ онъ всего на 2.000 человѣкъ да на стражу сукнами и деньгами — или то, чтѣ даются татарамъ, или то, чтѣ получаютъ старые юнкеры.

Къ похожденіямъ Наливайка въ Бѣлоруссіи напѣ соплеменникъ Більскій прибавляетъ слѣдующія подробности.

Въ Слуцкѣ, куда проникнулъ Наливайко, учился сыновья виленского каштеляна Іеронима Ходкевича. Это побудило виленского воеводу и гетмана литовскаго, Криштофа Радзивила, принять самыя скорыя мѣры къ подавленію козацкаго разбоя. Наливайко захватилъ въ слуцкомъ замкѣ 12 самыхъ лучшихъ пушекъ, 80 гаковницъ, 70 рушницъ, и, взявши съ мѣщанъ 5.000 литов-

скихъ копъ въ видѣ стацій, поспѣшилъ уйти изъ Слуцка, „едва попробовавши панскаго хлѣба“, какъ выражался онъ съ алквіадовскимъ нахальствомъ. „Когда же Наливайко уходилъ“, прибавляетъ попольски ополяченный русинъ, „громила его пѣхота гетманская, и *нѣсколько десятковъ* козаковъ было убито“. Козаковъ не хотѣли впустить въ Могилевъ, который былъ довольно сильно укрепленъ. Козаки взяли его штурмомъ и „насѣкли много народа“. Ополченіе бѣлорусскихъ пановъ подоспѣло на выручку города поздо. Стоя въ полѣ, паны подвергались невыносимой стужѣ и потому поступили съ городомъ гуманнѣе козаковъ: зажгли со всѣхъ сторонъ. ¹⁾ Ретираду козаки совершили въ такомъ порядке, что панъ Оникій Уніговскій, бросясь въ козацкую купу, не былъ поддержанъ своими и сложилъ молодецкую голову за несостоятельное панское дѣло. Козаки, по словамъ Більскаго, везли съ собой до 20 пушекъ, а народу къ нимъ со всѣхъ сторонъ прибывало, — какого именно, не известно. Литовскій гетманъ послѣ претерпѣннаго холоду, грѣлся у пылающаго Могилева, а войско поручилъ пану Бойвиду. Но Бойвидъ, по словамъ Більскаго, видя, что козаки шли въ большомъ порядке, не отважился напасть на нихъ, и такъ они ушли безъ всякой помѣхи на Волынь. Очевидно, что походъ въ Бѣлоруссію былъ — пропаганда равноправности, вербовка волонтеровъ предстоящей за нее борьбы и снабженіе войска боевыми снарядами. Но пусть это будетъ и разбой, такъ какъ наши „безупречные Геркулесы“, наши Периклы и Алквіады, имѣли наружность не будуарную, дѣйствовали естественнѣе, нежели

¹⁾ По безмыслиному соединенію народнаго дѣла съ дѣломъ господствующей партіи, примѣрами котораго полна исторія, одна изъ рукописныхъ лѣтописей („Лѣтописецъ Вѣры законные, Житія Поганѣства и Побоженѣства Князей великихъ Русскихъ“) сожженіе Могилева приписываетъ козакамъ. „Домовъ“, говорить лѣтописецъ, „сгорѣло до 500; а крамовъ (лавокъ) зъ великими скарбами 400. Мѣщанъ и бояръ, людей учитивыхъ, такъ мужай, яко и женъ, дѣтей малыхъ побили, порубали и попоганили. Скарбовъ тежъ незлѣчныхъ побрали съ крамовъ и зъ домовъ“.

принято изображать историческихъ героевъ, и не догадались испросить санкцію ни у римскаго папы, ни у польскихъ его кліентовъ, ни у таихъ потентатовъ, какъ его величество султанъ турецкій и его высочество ханъ крымскій.

Съ подвигами Наливайка на Волыни и въ Бѣлоруссіи совша-ли панскіе, монастырскіе и братскіе толки о томъ, что русскіе епископы отпали отъ благочестія и послали въ Римъ Ипатія Потія да Кирилла Терлецкаго. Въ Луцкѣ, какъ говорятьъ, досталось отъ Наливайка всего больше приверженцамъ и слугамъ епископа Кирилла, а въ Пинскѣ захватилъ онъ ризницу этого отступника и добылъ, будто бы, важные пергаментные документы съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, согласныхъ на унію. Указываютъ еще и на то, что Наливайко ограбилъ имѣнія брата епископа Кирилла Терлецкаго.

Не мудрено, что въ войсکѣ его были люди, задѣтые лично упією или заинтересованные церковнымъ вопросомъ по отноше-нию къ благочестивой шляхтѣ, благочестивымъ мѣщанамъ и благочестивымъ хліборобамъ, такъ какъ церковныя имущества, пода-ренныя церквамъ ихъ предками, а ими, въ качествѣ ктиторовъ или братчиковъ, и вообще прихожанъ, контролируемыхъ, переходи-ли теперь въ вѣдѣніе панскихъ экономистовъ. Захарія Копы-стинскій прямо указываетъ, что даже попы, „съ десперациі“ при-ставали къ искателямъ козацкаго хлѣба.¹⁾ Весьма быть можетъ, что и помѣщики, соперники агентовъ уніи, направляли ремонтирую-щихъ козаковъ на имѣнія отступниковъ древняго благочестія, да и безъ этого, козакамъ удобнѣе было хоziйничать въ домахъ, се-лахъ и фольваркахъ партіи, которая тогда была еще малочислен-на среди благочестивыхъ пановъ и ожидала защиты отъ однихъ латинцевъ. Но нападеніе на унитовъ не имѣло никакой постѣдо-вательности, ни системы, и не выразилось ни въ какой манифе-

¹⁾ Рукопись варш. бібліот. гр. Красинскихъ: „Оборона Церкви Всходней и Патріарховъ“, л. 64.

стациі со стороны самихъ козаковъ. Это важное обстоятельство не принято въ соображеніе научнымъ методомъ историковъ. Видѣть въ похожденіяхъ такого добычника, какъ Наливайко, Алквіада не по одной красотѣ своей, но и по готовности отбивать посы у священныхъ статуй,— видѣть въ его спеціальныхъ похожденіяхъ „религіозный оттѣнокъ“ могутъ одни любители комбинацій, построенные, безъ критики, на фабулѣ исторіи. Встарину поступали такъ украинскіе лѣтописцы, сочиняя лѣтописи за время прошлое. Въ эпоху разгара унії обвинители православныхъ приписывали Наливайку единство дѣйствій съ благочестивыми панами, не замѣчая панской инерціи или, говоря по-украински, *пáнської нíкчéмностi*, и произвали всю православную партію „наливайковскою сектою“, или просто „наливайками“. — „Владыцкія села, архимандритскія имѣнія, воть за что дерутся *наливайки* съ *унитами*,! восклицаетъ одинъ фанатикъ, въ памфлете 1623 года, и очень вѣрно опредѣляетъ, въ своемъ увлеченіи, изнанку унії и православія,— ту изнанку, которой оба лагера старались не показывать свѣту. Что касается до самого Наливайка, то онъ ограничивался интересами козачества, понимаемыми весьма узко, какъ это бывало и съ великими народными героями. Въ письмѣ къ королю, онъ объяснялъ свое ожесточеніе противъ пановъ тѣмъ, что вельможный Калиновскій отнялъ у его отца небольшой кусокъ земли подъ мѣстечкомъ Гуслянскимъ, а самому владѣльцу переломалъ ребра, такъ что отецъ Наливайка и умеръ отъ побоевъ: „а вѣдь онъ у меня былъ одинъ“! саркастически прибавляетъ красавецъ-козакъ. Въ этомъ оправданіи своихъ поступковъ выступаетъ во всей рельефности тотъ самый мотивъ для борбы съ полноправнымъ сословіемъ, который, черезъ полвѣка, подвинулъ и Хмельницкаго на его отважное дѣло, именно—имущественный интересъ и личная обида.

О похожденіяхъ Наливайка и его козаковъ могъ бы лучше Більскаго разсказать намъ секретарь Яна Замойскаго и Стефана

Баторія, Райнольдъ Гейденштейнъ. Онь имѣль подъ рукой офиціальные документы и могъ пользоваться непосредственными указаниями обоихъ своихъ патроповъ, не говоря уже о другихъ участникахъ и очевидцахъ каждого события. Но, къ сожалѣнію, онь видѣлъ въ козацкой войнѣ только ближайшій, домашній свой интересъ: козацкая война представлялась ему (печальное заблужденіе!) только случайностью,—случайностью, почти счастливою для славы польского оружія; а потому козаки появляются у него на сценѣ и сходятъ съ нея, не выражая полноты своего существованія. Почему именно произошла эта кажущаяся случайность, въ какой экономической или соціальной (не говоримъ ужъ о духовной) связи находилась она съ прочими явленіями тогданий общественной жизни и какими сопровождалась обстоятельствами мѣстности, времени, торговли и промышленности,—подобные вопросы не занимали польского историка. Онь довольствовался фабулою событий, и анекдотической интересъ источниковъ предпочиталъ тому, который получается отъ критического взгляда на нихъ. Такъ понималась тогда исторія; такъ пишется она большую частію и въ наше время.

По разсказу Гейденштейна, Наливайко вернулся съ войскомъ своимъ на Волынь въ концѣ января 1596 года. Между тѣмъ изъ Запорожья „выгреблось“ низовое товарищество подъ предводительствомъ еще болѣе сильного врага шляхетскихъ порядковъ, Грицька Лободы, и заняло пограничныя волости Киевскаго воеводства. Часть его войска, состоявшая, какъ надобно думать, изъ мѣстныхъ бунтовщиковъ, подъ начальствомъ какого-то Савулы, бросилась на Литву. Гейденштейнъ говоритъ, что Наливайко не любилъ Лободы, и потому дѣйствовалъ отдельно отъ него и его товарища Савулы. Всѣ-таки козацкій промыселъ надъ панами принималъ размѣры опасные. Король писалъ въ Молдавію къ коронному гетману Замойскому о необходимости вооружиться рѣшительно противъ козацкихъ разбоевъ. Коронный гетманъ не нуждался въ на-

поминаніи, но онъ былъ занятъ обороною Волоцьни отъ покушеній Розвана, который захватилъ было господарство. Розванъ былъ начальникъ венгерской гвардіи прежняго господаря Аарона, а по томъ—похититель его престола и имущества. По прибытии польского войска въ Волоцьну, онъ бѣжалъ къ своему патрону, Сигизмунду Баторію, со всѣмъ добромъ, какое только могъ захватить съ собою въ Ясахъ; ¹⁾ а когда Могила былъ посаженъ на молдавскомъ престолѣ и принесъ польскому королю и Рѣчи-Пополитой присягу вассальскую, Розванъ явился съ венграми оспаривать у него господарство. Въ это время подошли еще новыя роты къ Замойскому изъ-за польской границы (11 декабря); а сверхъ того, собралось въ Польшѣ и еще нѣсколько ротъ, готовыхъ къ походу. Паны не хотѣли отстать отъ своей братіи, и волоцкая армія выросла до размѣровъ значительныхъ. Такимъ образомъ Замойскому было съ чѣмъ отстоять честь польского оружія, счистить съ него ржавщину. Съ нимъ были: Яковъ Потоцкій, будущій историкъ Хотинской войны, Степанъ Потоцкій, будущій сподвижникъ своего брата Николая въ знаменитой козацкошляхетской войнѣ 1637—1638 года, Андрей Потоцкій, Янъ Зебжидовскій, князь Корецкій, Мілевскій, Осома Дроевскій, Тарло. Они вмѣстѣ съ другими отстояли Іеремію Могилу, разбили венгровъ, взяли въ плѣнъ самого Розвана и казнили самою ужасною казнью передъ Ясами. Набрали паны въ счастливой битвѣ разукрашенныхъ коней венгерскихъ, оправленныхъ въ серебро палашей, пѣнниковъ и знаменъ, въ числѣ которыхъ одно было съ фамильнымъ девизомъ седмиградского князя, съ тремя серебряными зубами и съ золотымъ сердцемъ сверху зубовъ: эмблема страшная! Эти зубы готовы были растерзать каждое живое сердце съ безчувствіемъ металлическаго. Таково было сердце нашихъ бра-

¹⁾ Чего не могъ взять съ собою, то онъ старался уничтожить, на примѣръ пушки, которые онъ побросалъ въ воду, но такъ неудачно, что поляки видѣли торчашія изъ воды колеса.

тій русиновъ, погруженню въ окаменяющій римскій католицизмъ. Съ такимъ сердцемъ, безчувственнымъ къ живому и жаждущему жизни народу, готовилась теперь коронная шляхта вступить въ отропщенную Русь, чтобы отрознить ее еще больше, безвозвратно отрознить, о чомъ конечно она не думала. Она думала только о томъ, чтобы на рабочей простонародной силѣ, на безплатномъ ея труде, на бемолвномъ ся повиновеніи, основать магнатскія династіи, для благодеіствія въ настоящемъ и для бессмертной славы въ будущемъ. Всѣхъ, кто бы ни стоялъ сї на дорогѣ, по ся убѣжденію, подобало казнить такъ же, какъ и Розвана. О различіи реаціонныхъ мотивовъ тогда еще не разсуждали. Таковъ быль вѣкъ, такова была школа, изъ которой вышла польская шляхта и польская интеллигенція. Канцлеръ королевства, бывшій ректоръ падуанскаго университета, авторъ книги „De Senatu Romano“, другъ и покровитель писателей, знаменитый Янъ Замойскій, относительно чернорабочей массы, не возвышался надъ своимъ экономомъ, едва умѣвшимъ написать квитокъ и прочитать панское повелѣніе. „Ja nie umiem ieno rola ogać“,¹⁾ говорилъ онъ на сеймѣ, давая понять, что это главный источникъ его доходовъ. Для охраненія этого источника, решено было имъ истребить козаковъ. Carthaginem deledam esse.²⁾ повторялъ онъ, безъ сомнѣнія, въ классически образованномъ умѣ своемъ, если только козачество представлялось ему во всей грозной возможности своего будущаго развитія. Но чѣмъ бы ни представлялись козаки Замойскому въ настоящемъ и будущемъ, для такого могущественного человѣка, который посадилъ на престолъ шведскаго принца и держалъ у себя дома въ плѣну принца австрійскаго, задача истребить ихъ не казалась a priori такою мудреною, какою представляется намъ она a posteriori. Намъ сказывается это въ тонѣ, которымъ онъ обра-

¹⁾ Я умѣю только пахать землю.

²⁾ Каррагенъ долженъ быть разрушенъ: изрѣченіе Катона, которое онъ постоянно твердилъ.

шался къ козакамъ. Идуши въ Молдавію, Замойскій приказалъ козакамъ, черезъ ихъ посланцовъ, съ величиемъ Суллы или Марія: „Приказываю вамъ, не смѣйте, козаки, беспокоить Турциі! Я вамъ это запрецаю“! Съ тѣмъ же величиемъ и съ полною увѣренностью въ успѣхѣ предпріятія, послать онъ на козаковъ будущаго героя разгрома Москвы, полевого гетмана, своего талантливаго питомца Жолковскаго. Римъ долго терпѣлъ Катилину у воротъ своихъ; наконецъ собралъ цвѣтъ боевой силы своей, и великое международное дѣло началось.

Co to bѣdzie? co to bѣdzie?...

ГЛАВА XIII.

Двоїкій взглядъ на противниковъ козачества.— Козачество направляется къ занятію новыхъ пустынъ.— Разбойничанье обоихъ войскъ, папскаго и козацкаго.— Козаки уступаютъ папамъ правую сторону Днѣпра.— Борьба равноправности съ польскимъ правомъ подъ Лубнями.— Измѣнники карають измѣнниковъ за измѣну измѣнникамъ.— Расплата потомковъ за предковскія увлечениія.

Не смотря на самую неудобную для похода пору, коронное войско не могло отложить похода: „дѣло шло о королѣ и всемъ государствѣ“, говоритъ Гейденштейнъ: „козаки дѣлали угрозы самому королю и городу Кракову“. Они, по словамъ военной реплики Жолковскаго, грозили разрушить Краковъ, а шляхетское слово истребить.¹⁾ Слѣдовательно дѣло, начатое Косинскимъ, не было мелкою случайностью: оно подходило подъ законъ послѣдовательности, свойственный всѣмъ непреложнымъ явленіямъ міра геологического, зоологического и нравственно-человѣческаго; оно должно было рости безостановочно, какъ ростеть масса сдерживаемой запрудою воды, пока не разорветъ запруду; какъ

¹⁾ Отъ 21 мая 1596 года, на пути изъ Переяславля въ Лубні, Жолковскій писалъ къ королю:

„Brzydko az wspominać, do czego się to swowolenstwo brało, iakie spomianie Maiestatu W. Krol. Mci, iakie zamysły, o Krakowie, stolicy sławnej W. Krol. Mci rozbiciu, wytraceniu stanu szlacheckiego. I to pewna, ze bardzo się było to swowolenstwo wmogło. Opportune raczyłeś W. Krol. Msć temu zlemu rozkazać zabiegać“.

ростеть плами, находящее себѣ пищу, пока не испепелить ея; или, пожалуй, какъ ростеть какая-нибудь жизненная идея, уничтожая всѣ преграды и питаясь даже противодѣйствующими элементами. Оно ужъ и теперь принимало размѣры грозные.

Два только источника существуютъ для исторіи второго козацкаго возстанія, Гейденштейнъ и Більскій, да и тѣ во многомъ противорѣчать одинъ другому. Притомъ же оба эти источника суть свидѣтельства стороны противной, и потому мы не имѣемъ никакой возможности исполнить правило: *audiatur et altera pars.* Вообще, это важная потеря для русской исторіи, что украинскіе козаки, эти главные дѣятели торжества Руси надъ Польшею, остали по себѣ такъ мало памятниковъ своей дѣятельности. Кровь ихъ пролилась какъ вода на землю и не оставила даже пятна по себѣ. Энергическій духъ ихъ отошелъ въ вѣчность, не заградивши усть хулиителямъ своимъ; а ихъ потомки лишены утѣшенія слышать посмертное слово предковъ, каково бы оно ни было. И вотъ мы разворачиваемъ чуждый сказанія о нашемъ быломъ, и устами историческихъ враговъ своихъ повѣдаемъ миру понимаемый до сихъ поръ двусмысленно, сбивчиво, часто крайне нелѣпо дѣла героеvъ равноправности.

Февраля 28-го полевой гетманъ Жолковскій, быстрымъ движениемъ, отъ Кременца къ Константинову, очутился у козацкихъ форпостовъ. Воображая жолнеровъ далеко за предѣлами Руси, козаки спокойно „долеживали“ зиму, ¹⁾ помышляя о томъ, какъ пастанеть „весна красна“, и какъ тогда козацкая голота будетъ „рясна“. Между Константиновымъ и Острополемъ, въ селѣ Мар-

¹⁾ Употребляю это выраженіе на основаніипольского слова леꙗ и козацкой пословицы: *колибъ хлібъ та одежса, то ісъ бы козакъ леꙗса.* Потому-то и вели козаки, что имъ нечего было ёсть лёжа. Еслибы ляхи были на столько мудры до шкоды, какъ по шкодѣ, они бы еще въ XVI и XVII вѣкѣ имѣли удовольствіе видѣть, какъ „свирипый“ украинскій народъ, подобно своимъ работящимъ воламъ, молча жуещъ жвачку среди плодородныхъ полей своихъ. Но сколько разъ это повторялось — и доселѣ повторяется въ исторіи — что людей сдѣлаютъ свирѣпыми, и потому караютъ за свирѣпость!

тиричахъ, неожиданно ударили ляхи на козацкую стоянку. Козаковъ было четыре хоругви; поляковъ — цѣлое войско. Но не струсили лохмотные рыцари: оборонялись, какъ одинъ. Ихъ подожгли со всѣхъ сторонъ въ мужицкихъ дворахъ и хатахъ; они оборонялись въ пламени, и пали всѣ до послѣдняго. Знамена ихъ развѣвались въ польскихъ рукахъ надъ ихъ трупами. „Мертвые срама не имутъ“. Косинскій написалъ программу грядущихъ битвъ; козаки въ Мартиричахъ приложили къ ней печать. Въ тотъ же самый день въ сосѣднемъ селѣ повторилась поголовная бойня надъ двумя козацкими сотнями; ни одинъ бунтовщикъ не попросилъ пощады. Вражда двухъ братьевъ — ужасная вражда, а Жолковскій и его ополяченные спутники были родные братья съ козаками. Не ущекоталь бы боянъ побѣдителей своею соловьиною пѣснью за ихъ кровавый подвигъ, нѣть! Онъ рекъ бы свое вѣщее слово: „О, стонати русской землѣ, поминаючи первыхъ князей и первыя усобицы“!... День и ночь скакалъ Жолковскій отъ Кременца къ Острополю; прискакалъ, дважды хлебнулъ горячей крови и гордо поднялъ голову, какъ тотъ левъ, который, послѣ своей пустынной гонитвы, „утолилъ жажду на пути изъ потока“.

Такъ представляется украинцу польское дѣло 1596 года; такъ рисуется въ русскомъ сердцѣ образъ польского полководца, отступника народности своей; такой взглядъ на него выработало то общество, которое политика магнатовъ превратила въ безземельныхъ скитальцевъ по дикимъ полямъ запорожскимъ, по шинкамъ и корчмамъ украинскимъ. Этотъ взглядъ передало оно и нашему, сравнительно просвѣщенному поколѣнію. Но можно судить о Жолковскомъ и иначе.

Жолковскій былъ однимъ изъ лучшихъ представителей культуры европейской. Онъ видѣлъ ее на ея родинѣ; онъ много молодыхъ, воспріимчивыхъ лѣтъ провелъ въ чужихъ краяхъ, а вернувшись на Русь, въ богатое замѣчательными людьми под-

горье, поступилъ въ самую лучшую школу, какая существовала тогда для молодого рыцаря на всемъ пространствѣ Рѣчи-Посполитой,— въ домъ Яна Замойскаго, славный просвѣщеніемъ, пріимѣрнымъ общежитіемъ и хорошимъ хозяйствомъ. Къ простонародной руси, сколько ея ни было по сю и по ту сторону московскаго рубежа, относился Жолковскій отрицательно. Не только мужики, торговцы, ремесленники, сельскіе попы, но и самые землевладѣльцы русскіе не привлекали къ себѣ европейскаго человѣка, какимъ явился среди русскаго міра Жолковскій. Исполненный высшихъ культурныхъ понятій, онъ, въ благодушіи гуманизма, желалъ дать этому міру иной ходъ, готовъ былъ, такъ сказать, перенѣнить формaciю руси. Если *Drang nach Osten*, во имя высшей культуры, не осуждается безусловно въ нынѣшихъ нѣмцахъ, то нельзя осуждать безусловно и того пionерства, которое взяли на себя наши русскіе передовики, во имя польской политики. На свою низшую братію взирали они, какъ на стада двуногихъ, изъ которыхъ такъ или иначе слѣдуетъ извлекать пользу. Чтѣ же касается до русскаго міра по ту сторону рубежа, за Путинлемъ и Моравскому, то онъ представлялся имъ чѣмъ-то въ родѣ дремучаго лѣса, котораго страшный владыка потѣшалъ свою московскую силицу выворачиванiemъ съ корнями вѣковѣчныхъ деревьевъ. Ополченіе предки наши, стоявшіе во главѣ польской культуры, посадили на престолъ Ягеллоновъ короля, который объяснялся съ ними языкомъ Виргиля и Тацита. Какими глазами должны были смотрѣть совѣтники этого короля на бушующаго въ дикой ярости потентата? Онъ былъ для нихъ предметъ опасной, по завлекательной охотѣ: рыцарское сердце ихъ трепетало восторгомъ смѣлаго замысла. Во всякомъ случаѣ, сарматскіе римляне не ставили ни царя дремучаго лѣса русскаго, ни его глубоко-усыщенаго царства выше бусурманской сосѣдней силы, которая также лишена была соціального самосознанія и слѣпо по-

виновалась десноту, никогда не выходившему из гарема.¹⁾ То было время, последовавшее за великою битвою при Лепанто. Европа дышала воинскимъ вдохновеніемъ, а на римскомъ престолѣ возсѣдалъ предпріимчивый шапа, мечтавшій свергнуть господство турецкаго страха надъ Европою посредствомъ накопленныхъ миллионовъ. Въ умѣ Баторія составился замыселъ, достойный Александра Македонскаго: Московицна для него была Персіею или Востокомъ. Отъ него должна была она принять дары высшей культуры, его волею должна была двинуть свои дремлющія силы на одолѣніе врага успѣховъ гуманизма. Жолковскій стоялъ весьма близко къ благородному мечтателю: онъ былъ однимъ изъ четверыхъ русиновъ, которымъ великий, по своимъ замысламъ, король ввѣрилъ свой планъ, держа его въ глубокой тайнѣ отъ коренныхъ поляковъ. По одному этому можно видѣть, что Жолковскій принадлежалъ къ характерамъ высшаго разряда, къ тѣмъ могучимъ натурамъ, которыя или созидаются, когда со стороны кажется, что они разрушаются, или же разрушаются, когда сами уверены, что созидаются. Когда исторіографія нисходитъ до біографіи, она обыкновено занимается ихъ штудированіемъ. Для насъ всего важнѣе въ Жолковскомъ полетъ ума его, характеризующій племя, изъ котораго такъ часто выходило добро или зло въ своихъ крайностяхъ. Къ которой изъ двухъ крайностей принадлежалъ наперсникъ Стефана Баторія и Яна Замойскаго, можно судить только по послѣдствіямъ: это критерій нашихъ дѣйствій, и мнимо добрыхъ, и мнимо злыхъ. Но въ данный моментъ, въ моментъ похода на казаковъ, Жолковскій дѣйствовалъ гуманно. По сю сторону московскаго рубежа, все просвѣщенное примкнуло къ Польшѣ, и принято ею въ лоно свое съ тѣмъ добродушемъ, которое поражало въ польскомъ обществѣ свѣжаго наблюдателя, которое и въ наше время отличаетъ общежительного поляка

¹⁾ Тогда султанствовалъ Селимъ II (1586—1593), о которомъ даже въ хронологическихъ росписяхъ печатаются: „lebte nur im Harem“.

даже отъ настежь открытаго великорусса, не только отъ замкнутаго въ себѣ малорусса. „Hommes et femmes sont doux et gracieux, difficiles à courroucer“: ¹⁾) такъ говоритьъ о полякахъ, на 3-й страницѣ книги своей, далекій путешественникъ, подъ конецъ XVI вѣка, и не то ли самое впечатлѣніе выносить каждый изъ насть послѣ общенія съ польскими семействами? Русскимъ, отрѣзненнымъ отъ своей сѣверной братіи, показалось, что они обрѣли давно забытую родню въ потомкахъ тѣхъ лехитовъ, которые образовали польскій *status in statu*, или народъ въ народѣ. Эгоизмъ сердца человѣческаго явился въ этомъ случаѣ наиболѣе спайкою: поляки подѣлились гербами и шляхетскими привилегіями съ народоправными потомками варягорусскихъ бояръ, великодушно возвели ихъ до равенства съ собою. Въ довершеніе мѣротворящей ласковости, этой доброй славянской пржеимоѣости польской, явилось новое очарованіе — со стороны католического духовенства. Gentile e manieroso по своему происхожденію, оно внесло въ наши русскія области и въ наше русское общество сепаратизмъ, подъ видомъ подражанія тому, кто не гордился своимъ божественнымъ превосходствомъ передъ обскурантами, кто и малосмысленнымъ дѣтямъ не препятствовалъ приблизиться къ сияющему мудростю лицу своему. Эти кроткіе съ виду разжигатели международной вражды терпѣливо, какъ Моисей въ пустынѣ, претворяли закоренѣлость полуязыческихъ русскихъ понятій о религіи въ чистое разумѣніе бога на землѣ, спасающаго во вѣки человѣческій родъ индульгенціями; они дали невѣжественному русскому дворянству новый законъ, законъ исключительности; они ввели своихъ адептовъ въ обѣтованную землю панской отрѣзненности отъ народа, текущую молокомъ и мечомъ. Когда такимъ образомъ русскіе паны стали одесную престола славы латинской, естественно, что все, стоящее опшую,

¹⁾ Мужчины и женщины у нихъ кротки и ласковы: ихъ трудно разсердить.

не было въ ихъ сознаніи людьми, а чѣмъ-то ниже людей, сыпами погибели. Звали они и тѣхъ къ себѣ, по приходили къ нимъ, въ ихъ избраниес общество, только люди просвѣщенные, или желавшіе казаться таковыми,— приходили одинъ за другимъ, иногда даже массами; все же остальное, все мозолившее руки надъ ремеслами,— вмѣстѣ съ небѣжественнымъ духовенствомъ своимъ, упорно оставалось отверженнымъ и отвергающимся. Это упорство, само по себѣ, въ глазахъ людей, просвѣщенныхъ вышею, какъ они думали, наукою вѣры, было признакомъ получеловѣческаго безсмыслия; но, когда изъ толпы чоботарей, рѣзниковъ, кушнірѣй, бондарей, изъ толпы даже околнореныхъ ратаевъ и плугатарей, выдѣлился классъ такого буйного плебса, какой въ республиканскомъ Римѣ удалялся на Авентинскую гору,— почему тогда Жолковскій и другие умные и честные люди должны были относиться къ нимъ гуманнѣе тѣхъ, которые придумали подобнымъ бунтовщикамъ страшную казнь—вѣшанье заживо на крестахъ? почему? Не потому ли, что мраморные боги, видимые глазами, и поэтическіе образы, населявшіе измѣтканную гору, смынились въ Римѣ ликомъ, по которому проходила бритва брадобрѣя, а не рѣзецъ скульптора? Этого бога не надобно было искать въ поэтическихъ виталицахъ: онъ вѣчно присутствовалъ среди богатыхъ и знатныхъ, среди талантливыхъ, среди счастливыхъ красотою или вкрадчивостью, среди всѣхъ, получившихъ място на земномъ пиру, на счетъ плебса. Жолковскій не былъ ниже классическихъ римлянъ, не былъ и выше ихъ; поэтому казнь, которую онъ совершилъ надъ отчаянными или, какъ рассказывала шляхта, надъ пьяными людьми, не должна быть судима строже распятій, предшествовавшихъ во вѣки незабвенному распятію того, кого, за божественную истину, пригвоздили между ворами и разбойниками. Мы Жолковскаго оправдываемъ, мы сожалѣемъ о немъ. Онъ былъ нашъ, но его похитили у нашей народной славы, у нашей благодарной любви, у

нашего вѣчнаго почтенія къ его уму, сердцу, къ его героической энергіи. Все бы это онъ имѣлъ у насть, оставаясь въ средѣ народа своего, не становясь въ ряды его притѣснителей.

Да, онъ былъ почтенная личность. Польша, эта жертва своего земного бога, лишила насть множества воиновъ, которыми могли бы мы гордиться, и создала въ нашей русской средѣ множество героеvъ, отъ которыхъ мы съ ужасомъ сторонимся. Такими героями были по большей части козаки, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыхъ наши лѣтописцы и наши историки наиболѣе прославили... Во всякомъ случаѣ, Жолковскій стоитъ несравненно выше „святопамятнаго“ князя Острожскаго, который игралъ двусмысленную роль относительно воинственныхъ представителей русскаго народа — козаковъ. Посоль императора Рудольфа говорить въ своемъ дневнике о разрывѣ между этимъ магнатомъ и низовыми козаками; самъ онъ въ письмахъ своихъ упоминаетъ о компромисѣ, или „торгѣ“ съ Косинскимъ; отъ предложеній волынской шляхты, готовой подавить козачество, онъ уклоняется; нѣсколько тысячъ войска, постоянно находившагося въ его распоряженіи, не препятствуютъ Наливайку гостить въ Остропольѣ; а когда, наконецъ, наступилъ на него Жолковскій, князь Василій садится на коня и, подъ прикрытиемъ гвардіи,ѣдетъ поближе къ сценѣ дѣйствія, для сообщенія своему зятю въ Бѣлоруссію точныхъ свѣдѣній о „началѣ трагедіи между панами жолнерами и паномъ Наливайкомъ“. ³⁾ Столько было противорѣчій между приходившими къ нему вѣстями, что наконецъ онъ пересталъ вѣрить слышанному дома, и хотѣлъ услышать что-нибудь болѣе положительное на самой аренѣ козацко-шляхетской войны. Чѣм же донесли ему обѣ избѣніи козацкихъ сотенъ? Козаки, подъ предводительствомъ двухъ сотниковъ, Марка Дурногого и Тата-

³⁾ См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 2 марта 1596 года.

ринца, были посланы Наливайкомъ въ имѣніе князя Радзивила, Мартыничі, для того, чтобы разорить его и сжечь село, да помѣшила имъ это сдѣлать горилка, которой цѣлую бочку пашли они у арендатора. Во время попойки, ударили на нихъ коронные и пансkie жолнеры. Козакамъ не хотѣла шляхетская молва приписать даже того отпора, о которомъ говорить въ своей хроникѣ Більскій. Однакожъ оба сотника пали въ битвѣ, и ни одного пленника въ рукахъ у жолнеровъ не оказалось. Слѣдовательно: или храбрые воины рубили мертвѣцки пьяныхъ людей, точно капусту, или необачные пьяницы предпочли смерть съ оружиемъ въ рукахъ позорному плену. Наливайко стоялъ весьма близко, въ селѣ Чорнавѣ. Съ нимъ было, какъ донесли Острожскому, лишь нѣсколько десятковъ козаковъ; однакожъ онъ успѣлъ соединить свои отряды, стоявшіе по сосѣднимъ селамъ, и жолнеры Жолковскаго захватили у него только шесть человѣкъ живыми, въ селѣ Райкахъ, да тридцать козаковъ убили въ самой Чорнавѣ. Войска насчитывали подъ его предводительствомъ не болѣе тысячи; въ Мартыничахъ и другихъ селахъ побито до трехъ сотъ. Таковы были вѣсти, сообщенные Острожскимъ князю Криптофу Радзивилу. Онъ прибавлялъ, что жолнеры еще больше разорили пансkie села во время перехода, чѣмъ козаки, что въ рѣдкомъ селѣ теперь найдется хоть одинъ конь, и что, чего не взяли въ селахъ козаки, то забрали жолнеры.

Ляхи, на бѣду въ будущемъ, гордились и раззадорились первыми успѣхами. Въ одинъ прыжокъ настигъ бы Жолковскій Наливайка, да только ночь не дала настигнуть. Имя ему было легіонъ: онъ олицетворялъ въ себѣ чувства и желанія людей, которыми предводительствовалъ. Люди готовы были не спать изъ ночи въ ночь, лишь бы доконать козаковъ, но кони нуждались крайне въ отдыхѣ: „претрѣгоста бо своя брѣзая комоня“, можно сказать о полякахъ, прискакавшихъ отъ Кременца безъ остановки. Всю ночь уходилъ отъ ляховъ Наливайко, точно игорев-

скій Овлуръ, что бѣжалъ волкомъ, „труся собою студеную росу“. Рано на зарѣ ополяченные потомки „храбрыхъ русичей“ были уже въ погонѣ за своими братьями. Прибѣжали въ Пиковъ, а Наливайко только двумя часами раньше выступилъ изъ Пикова. Однако же, замѣчаетъ лѣтописецъ, не смотря на быстрое отступленіе, онъ шолъ въ большомъ порядке; въ таборѣ у него было до двадцати пушекъ и не мало гаковницъ, а пушкарей, чтобы не ушли, онъ приковалъ къ пушкамъ. (Такъ говорила молва, которой князь Василій, какъ мы видѣли, пересталъ наконецъ вѣрить.) Пороху, ядеръ и пуль у Наливайка было много. Только лишь отдохнули кони, двинулся Жолковскій далѣе. За Прилукою начинались уже пустыни. Въ густой дубровѣ стоялъ тамъ Наливайко. Началась перестрѣлка; ночь опять не дала разрозненнымъ ксендзамъ братьямъ сдѣлаться. Наливайко снова „потече волкомъ, какъ Овлуръ, труся собою студеную росу“; снова погнался за нимъ польскій Кончакъ, Жолковскій, но погнался не прежде, какъ переночевавши въ густой дубровѣ, откуда ночью выкрадись козаки. И до тѣхъ поръ не переставалъ онъ гнаться за козацкимъ Алквадомъ, „доколѣ коней ему ставало“, по выражению Бильскаго. У Синихъ Водъ бросили поляки свою гонитву. Боялся Жолковскій участіи классическихъ героевъ, которые не разъ удостовѣрились горькимъ опытомъ, что въ скиѳскихъ степяхъ мудрено торжествовать надъ скиѳами. Гейденштейнъ говоритъ, что Наливайко остановился въ „уманскомъ лѣсу“. Не въ томъ ли самомъ, гдѣ стояли козаки въ послѣднюю свою войну съ ляхами,—войну, бѣдственную сперва для ляховъ, а потомъ, благодаря историческому небѣжеству эпохи, для козаковъ и украинского народа? Если вѣрить доходившимъ до историка слухамъ, пушки затопили козаки въ рекѣ, а ядра и порохъ зарыли въ землю; и все это, по его словамъ, было найдено жолнерами. Но когда и гдѣ, обѣ этомъ — ни слова....

Въ то время, когда Жолковскій гнался за Наливайкомъ, Ло-

бода стоялъ у Бѣлой-Церкви, а его товарищъ Савула ходилъ въ Бѣлоруссію собирать вольную и невольную дань на козацкое войско. Дѣло росло незримо, и уже казалось козакамъ, что конецъ войны близокъ; а война только лишь начиналась. Въ жизни Лободы произошло тогда что-то загадочное. Гейденштейнъ рассказываетъ, что онъ, отобравъ себѣ семь сотень отважнѣйшихъ наѣздниковъ, пустился изъ-подъ Бѣлой-Церкви къ Бару, съ памѣренiemъ покаратъ за что-то пани Оборскую. Жолковскій стоялъ тогда въ Погребищахъ, и Лобода едва не паткнулся на его войско. Вернувшись подъ Бѣлую-Церковь, онъ получилъ отъ коронного гетмана предложеніе королевской милости и ласки, если козаки опомнятся и не соединятся съ Наливайкомъ; а Наливайко между тѣмъ „вынырнулъ“ изъ уманской пустыни и появился подъ Бѣлою-Церковью. Поляки, съ своей стороны, двинулись къ этому городу. Стояли козацкія сотни и въ другихъ мѣстахъ по Украинѣ. Врати назирали другъ друга и готовились къ отмщению за взаимные обиды. А новые, глубокія обиды наносились между тѣмъ безпрестанно и вписывались въ памятную книгу козацкаго сердца, о которомъ сложилось мнѣніе, что оно никогда обидъ не забываетъ.

Такой случай произошолъ, между прочимъ, въ Каневѣ, въ самый день радостнаго для козаковъ праздника Воскресенія Христова. Праздникъ этотъ имѣетъ важное значеніе для народа, который не отъ корсунскаго попа Анастаса, а отъ апостоловъ, просвѣтившихъ Ольгу, воспріялъ всемирную идею спасенія. По случаю этого великаго дня, одинъ изъ украинскихъ Гомеровъ заставилъ невольниковъ еще сильнѣе почувствовать неволю свою у невѣрныхъ. Когда воспѣтая имъ „дівка бранка, Маруся попівна Богуславка“, объявила заключеннымъ въ темницѣ козакамъ,

Що сёгдні у нашій землі християнській Великодна Субота,
А завтра святий празникъ, роковыій день Великedenъ,

то плѣнныя, изстрадавшіеся въ тяжкомъ заключеніи козаки

Білымъ лицемъ до сырой землі припадали,

Дівку бранку,

Марусю попівну Богуславку,

Кляли-проклинали:

,,Та бодай же ты, дівко бранко,

Марусю, попівно Богуславко,

Щастя й долі собі не мала,

Якъ ты намъ святый празникъ, роковыій день Великденъ сказала“!

Такъ глубоко чувствовались козаками, въ ихъ особенной, своеобразной религіозности, и святость, и священная красота величаго въ году дня. Козаки, съ своими семьями, окружили каневскую церковь. Тутъ, среди широкихъ размалеванныхъ ковшей съ пасками, съ крашенными яйцами, принесенныхъ на мережаныхъ рушникахъ для освященія, шли цѣлованья между людьми, далекими другъ другу. Имя воскресшаго Христа сближало возрасты, полы, состоянія; не могло сблизить только тѣхъ, между кѣмъ помѣстился ксензъ, гражданинъ не Польши или Руси, а панской области. И вдругъ князъ Рожинскій, сынъ того, съ которымъ козаки осаждали Асланъ-Городокъ, князъ Вишневецкій, потомокъ того, который висѣлъ на желѣзномъ крюкѣ въ Царьградѣ, татаринъ Темрюкъ, сдѣлавшійся христіянскимъ воиномъ, и русинъ Ходкевичъ, игравшій роль татарина, начали на козаковъ съ своими жолнерами, и вокругъ церкви, воспѣвавшей гимнъ: *просвѣтитеся, модіе*, началась рѣзня между братьями. Сколько надобно было времени, сколько надобно было счастливыхъ, тихихъ, лѣтъ, чтобы забыть кровавый каневскій Великденъ! А счастливыхъ, то есть тихихъ, лѣтъ не было вовсе на Украинѣ. Какъ же было козакамъ не быть разбойниками?

Разбойничали обѣ стороны. Однажды, среди ночи, въ Бѣлой-

Церкви, выкрались поляки изъ города въ поле, чтобы неожиданно ударить на козацкій таборъ. Въ ту же самую ночь наготовились и козаки посыпть въ городѣ поляковъ. Обогнувъ городъ, они тихо вошли въ Бѣлую-Церковь задними воротами, которыхъ, какъ говорятъ, отворили имъ мѣщане. Въ польскихъ квартирахъ оставались одни слуги, только въ одной было человѣкъ 20 наемныхъ венгровъ. Козаки быстро ихъ опустошили и съ богатою добычею поспѣшили убраться. Но, когда пришли въ свой таборъ, онъ былъ пустъ, безмолвенъ и наполненъ побитыми людьми. Поляки, овладѣвъ таборомъ, погнались за его защитниками; а когда вернулись на свою добычу, вместо добычи нашли козаковъ, движущихся и скорбящихъ о своихъ братьяхъ. Козаки ударили на враговъ единодушною массою, и недавнѣе побѣдители насили спаслись бѣгствомъ въ Бѣлую-Церковь, гдѣ ожидало ихъ зрѣлище совершенного козаками разоренія и хищничества. За достовѣрность этого событія ручается то, что оно записано въ лѣтописи польской, хотя полякамъ нечѣмъ было хвалиться.

Вскорѣ потомъ произошла серьезная битва у Наливайка съ Жолковскими, въ одной мили отъ Бѣлой-Церкви. Бились до самой ночи; жолнерамъ сильно досталось въ этомъ бою; одна хоругвь была почти вся перебита и потеряла своего ротмистра, Вірника. Ночью Наливайко отступилъ къ Триполю. Тамъ, говорить Більскій, козаки отрѣшили его отъ гетманства и выбрали на его мѣсто Лободу; но, вѣроятно, дѣло было такъ, что Лобода и не переставалъ гетманствовать, а когда оба войска соединились, вместо двухъ гетмановъ долженъ былъ начальствовать одинъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Наливайко, съ своею отдѣльною дружиною, представлялъ подобіе варяго-русскаго князя и имѣлъ въ Запорожскомъ Войскѣ значеніе „охочаго“ контингента. Козаки двинулись подъ Кіевъ, куда пришлось и Савула изъ Бѣлорусіи. Рѣшено было уходить за Днѣпръ, и при томъ безъ оглядки. Жолковскій, какъ отличный тактикъ и стратегикъ, былъ козакамъ

не по силамъ. Уходя за Днѣпръ, козаки побросали даже запасы соли въ Трахтомировъ и Каневѣ. За то забрали съ собой женъ и дѣтей.

Таѣь уходили, спустя много времени, жители русской стороны Днѣпра на татарскую послѣ несчастной Хмельницкы, прозванной въ народѣ *Ruїною*. Уже тогда, за полъ-столѣтія до Хмельницкы, памѣченъ былъ козаками путь въ восточные пустыни, которыя, можно сказать, не принадлежали еще никому.

И вотъ козаки очутились за Днѣпромъ. Ни Брацлавщина, ни Уманщина не дали имъ пріюта; оставалась еще древняя поло-вѣцкая земля за Сулою: туда теперь стремились ихъ мысли. Но, покамѣсть, надо было удержать поляковъ отъ переправы. Козаки не оставили позади себя ни одной лодки. Жолковскій расположился обозомъ въ полукиломѣтре отъ Киева подъ монастыремъ, собралъ, не сколько лодокъ и хлѣбныхъ байдаковъ съ Припяти и Тетерева впадающихъ въ Днѣпръ, а кіянъ заставилъ чинить старыя и строить новыя суда. Онъ лично наблюдалъ за работою. Днѣпръ между тѣмъ очистился отъ льдинъ, и козаки воспользовались во-дяными своимъ ресурсами: ихъ човны-чайки (числомъ до сотни), на которыхъ они хаживали въ море, подплыли къ Киеву, при зву-кахъ трубъ и литавровъ, чтобы помѣшать работѣ Жолковскаго. Откуда взялась эта флотилія; гдѣ она обыкновенно стояла на Днѣпру, у Черкасъ ли, у Канева, или у Кременчука,— ничего этого мы не знаемъ. Видимъ только, что козаки готовились къ борьбѣ долго и по какому-то общепринятому плану. Но исторія древняго Египта, прочитанная по іероглифамъ, сказывается намъ съ большою объяснимостью, нежели исторія молчаливыхъ на-шихъ предковъ, за три столѣтія до нась. Украинскіе іероглифы мудренѣе египетскихъ.

Предводительствовалъ флотилію пляхтичъ Каспаръ Подвы-соцкій. Жолковскій, пальбою съ высокаго нагорного берега, за-ставилъ ее удалиться. Сухопутные козаки стояли таборомъ на

противоположномъ берегу Днѣпра, чтобы не дать Жолковскому переправиться съ „русскаго“ берега па „татарскій“.

Въ битвахъ и походахъ провели козаки величайшіе святки. Въ субботу поляки увидѣли на Днѣпрѣ колоду съ воткнутою въ нее бумагою. То было письмо отъ Лобода къ Жолковскому. Лобода предлагалъ мировую. Въ Ѹомине воскресеніе пріѣхалъ съ такимъ же письмомъ козацкій сотникъ, по имени Козловскій. Жолковскій требовалъ: выдать Наливайка и главныхъ виновниковъ бунта, отдать армату, то есть артиллерію, и тѣ иностранныя знамена, подъ которыми козаки сражаются. Въ попедѣльниѣ явились два осаула, прося, чтобы гетманъ гнѣвъ свой перемѣнилъ на ласку, однакожъ выдать никого не хотѣли. Въ это время два панскіе пахолка передались козакамъ и извѣстили ихъ, что приближается литовское войско, а каменецкій староста Потоцкій переправляется черезъ Днѣпръ подъ Гострымъ. Жолковскій потребовалъ у козаковъ выдачи пахолковъ, ато задержить осауловъ. Козаки никого, кто къ нимъ бѣжалъ, не выдавали; но, чтобы выручить своихъ, тотчасъ велѣли снять головы бѣднымъ пахолкамъ и показали ихъ посланцу Жолковскаго. Всльдъ за тѣмъ двинулись шумно (*z trzaskiem*) въ походъ и „шли таборомъ“, то есть въ войсковомъ порядкѣ, а Лобода и Наливайко остались съ полторы сотнями конныхъ козаковъ на берегу. Сѣвши въ лодку, Лобода одинъ подплылъ къ русскому берегу для переговоровъ. Трактовать съ нимъ брацлавскій староста Юрій Струсь, но „не могъ страктоваться“. Вернулся Лобода къ своимъ, и пошли козаки къ Переяславу.

Во вторыхъ начали переправляться на татарскій берегъ поляки, а въ четвергъ на Ѹоминой недѣлѣ онишли уже по козацкимъ слѣдамъ. Изъ Переяслава козаки двинулись къ Лубнамъ, съ цѣлью уходить въ степи, лежавшія за Сулою,—въ эту „половецкую землю“, въ эту никѣмъ еще тогда немѣрянную Скіпію, гдѣ не такъ вѣрно побѣждалъ сильный, какъ выносчивый.

Такъ описалъ, до сихъ поръ, второе козацкое возстаніе нашъ со-
племенникъ Іоахимъ Більскій. Онъ, очевидно, разспрашивалъ участ-
никовъ похода весьма тщательно, и передалъ потомству свою лѣ-
топись въ томъ видѣ, въ какомъ она была писана,—не такъ какъ
Гейденштейнъ, который, въ качествѣ придворнаго, очевидно под-
гонялъ свой рассказъ подъ высокій стиль Тита Ливія и, для отданія
картины, жертвовалъ иногда истиной. Самъ предводитель ко-
ронной силы, письмомъ къ Сигизмунду III изъ лагеря надъ Супо-
емъ,¹⁾ между Переяславомъ и Лубнями дополняетъ кое-что въ
рассказѣ лѣтописца. Простотою и сжатостью разсказа онъ, очевид-
но, подражалъ комментаріямъ Юлія Цезаря. Въ его письмѣ особен-
но рельефно выступаютъ наши земляки кіянне. Они и во времена
князя Вороницкаго колебались между королемъ и козаками, „яко
на Українѣ“. Теперь, видя, что козаки не удержались на русской
сторонѣ Днѣпра противъ королевскаго войска, поспѣшили явить
свое усердіе къ законной власти. Когда козаки истребляли поза-
ди себя всѣ средства къ перевозу, мѣщане затопили въ Днѣпрѣ
часть своихъ лодокъ и, по удаленіи вольныхъ и невольныхъ прія-
телей изъ виду, прислужились этими лодками полякамъ. Свѣдавъ
объ этомъ на походѣ, козаки вернулись легкимъ таборомъ, съ на-
мѣреніемъ выжечь городъ и разрушить кіевскій замокъ, но при-
шли къ Днѣпру въ тотъ самый день, въ который на кіевскомъ
берегу стоялъ уже Жолковскій, именно 11 мая. На другой день

¹⁾ Интересно обстоятельство, что русинъ Жолковскій не умѣлъ повторять русскихъ звуковъ *съ ной* и означилъ дату своего письма, какъ иностранецъ: „Z obozu nad Sopohem.“ Какой же могъ быть прокъ въ образованности, которая удаляла сильныхъ и вліятельныхъ людей отъ разумѣнія того, чтѣ жизнъ вырабо-
тала на ихъ родной почвѣ? Но и въ наше время русская образованность хро-
маетъ на эту ногу,—хромаѣтъ до такой степени, что почти считается вреднымъ
знать основательно мѣстное нарѣчіе. Люди такихъ понятій не далеко отстоять
отъ Жолковскаго. Въ теченіе 278 лѣтъ, едвали 278 человѣкъ мѣжду земляками
этого знаменитаго полководца освободились отъ его гражданскихъ предразсуд-
ковъ. Гордость менѣше всего должна быть нашимъ норокомъ, за неимѣніемъ
чѣмъ гордиться передъ нашими предками и передъ нашимъ потомствомъ.

подоспѣло пѣсколько десятковъ морскихъ човновъ козацкихъ, но время для отмщенія было упущенное.

Жолковскій написалъ къ королю, что онъ былъ не прочь отъ мирныхъ трактатовъ, предложенныхъ ему, какъ онъ догадывался, не совсѣмъ искренно козаками, лишь бы только не уронить достоинства королевскаго и положить этому дѣлу конецъ. Сперва козаки просили прислать имъ глейтъ, который бы обеспечилъ щѣлость ихъ посланцовъ, но, получивъ глейтъ, потребовали заложниковъ. Какъ военный чиновникъ и королевскій слуга, Жолковскій написалъ это требование несогласнымъ съ достоинствомъ его монарха. Онъ написалъ къ козакамъ, что довольно съ нихъ и глейта, для неприкосновенности ихъ уполномоченныхъ. Козаки не вѣрили польскому пану, имѣя свои на то причины; не захотѣли послать, подъ охраною глейта, уполномоченныхъ, но желали, однаждѣ, знать, на какихъ условіяхъ могутъ они быть приняты въ королевскую милость. Посовѣтовавшись съ каменецкимъ старостою Потоцкимъ и съ ротмистрами, бывшими на лицо, Жолковскій послалъ козакамъ условія. Козаки отписали не такъ, какъ того желалъ Жолковскій. Онъ видѣлъ, что трактатами ничего съ ними не подѣляеть; онъ началъ помышлять о томъ, какъ бы отвлечь ихъ отъ противоположнаго берега и обезопасить своему войску переправу. Для этого послалъ онъ Потоцкаго съ частью короннаго войска внизъ Днѣпра къ Триполю, чтобы дѣлалъ видъ, будто-бы жолнеры пытаются переправиться съ русскаго на татарскій берегъ, а вслѣдъ за ними послалъ и човновъ штуку десять, на возахъ. Въ это-то время, весьма не кстати для козаковъ, перебѣжали къ нимъ два пахолка и сообщили ложную вѣсть, будто-бы ляхи переправляются подъ Гострымъ, чтобы зайти козакамъ въ тыль. Козаки испугались за своихъ женъ и дѣтей, находившихся въ Переяславѣ вмѣстѣ со всѣмъ войсковымъ добромъ, и очистили мѣсто, удобное для высадки непріятельскаго войска. Въ тотъ же день началъ онъ переправлять свое войско и переправилъ скорѣе

чѣмъ самъ надѣялся,— „по милости Божіей, какъ писалъ набожный гетманъ къ набожному королю, безъ всякой потери.

Козаки, какъ уже сказано, не рѣшились остататься въ Переяславѣ и двинулись къ Лубнямъ, городу князя Вишневецкаго, известному тогда подъ именемъ Александрова. Такъ хотѣли прозвать наши *Лубні* ополячившіеся, еще до перехода资料а въ латинство, князья Вишневецкіе, по имени основателя Лубень на старомъ городищѣ, которое, какъ видно, не подъ силу было Байбузѣ удержать противъ сосѣднихъ москалей, простиравшихъ свои претензіи на древнее Посуліе, противъ татаръ, желавшихъ, чтобы степи стлались какъ можно шире, а можетъ быть, и противъ самого Александра Вишневецкаго.¹⁾ Могущественные Вишневецкие намѣрены были утвердиться здѣсь на вѣки. Они думали, что „селенія ихъ будуть въ родъ и родъ“ на Посулі; „нарекоша имена своя на земляхъ.“.... Но „человѣкъ въ чести сый не разумѣ.“ Не разумѣли Вишневецкіе, что, кто хочетъ захватить себѣ все и не дать меньшимъ братьямъ ничего, тотъ „приложиша скотомъ несмысленнымъ и уподобиша имъ.“

Иначе думали тѣ, которые, во имя высшей культуры, гнали родныхъ дѣтей русской земли въ половецкія степи. Имъ грезилась бессмертная слава въ потомствѣ; имъ грезилось обеспеченіе наследниковъ своихъ во вѣки и вѣки. Вышло напротивъ: слава дostaлась въ удѣлѣ безславнымъ, а земля — безземельнымъ.

Выходъ изъ Лубенъ на лѣвый берегъ Сулы былъ тогда, какъ и нынѣ, черезъ длинный мостъ, который въ тѣ времена, болѣе нашего обильныя озерами, рѣчными заточинами и топями, составлялъ весьма важное сооруженіе. Переиди козаки вбѣ время за Сулу и уничтожь позади себя мостъ, — конецъ походу противъ нихъ наступилъ бы не скоро. Но Жовковскій провѣдалъ, а можетъ быть и прежде зналъ, о существованіи другой переправы черезъ

¹⁾ См. томъ I, примѣч. къ стр. 144.

Сулу, — той переправы, котрою воспользовался литовский князь Витовтъ послѣ несчастной битвы съ татарами надъ Ворсклою, въ 1399 году. Она находилась у села Горошина, верстахъ въ 20 ниже Лубенъ, гдѣ Сула, разливааясь въ широкія заточины, дѣлается мелководпою. Будущій полководецъ арміи, наполнивше смутою и руинами все Московское царство, какъ видно, разумѣть хорошо кровавое ремесло свое. Онъ заблаговременно послалъ въ обходъ значительную часть короннаго войска, чтобъ она заняла на Сулы мостъ и не пустила козаковъ изъ Лубенъ въ степи. Это важное дѣло поручилъ онъ брацлавскому старостѣ Струсу, который дождался наконецъ возможности отомстить козакамъ за Брацлавское старство. Вмѣстѣ съ Юриемъ Струсемъ посланы были князь Рожинскій и Михайло Вишневецкій. Воспоминаніе о Витовтѣ придало Струсу увѣренности въ исполненіи трудной задачи — совершиТЬ переходъ черезъ широкую водянистую равнину съ тяжелымъ войскомъ и артиллеріей; онъ совершиТЬ его съ рѣдкимъ успѣхомъ. Рыбачьи лодки и вязанки очерету послужили ему для переправы людей и обоза, а лошадей пускали жолнеры вплавъ.

Козацкія чаты не предполагали и возможности чего-либо подобнаго: все ихъ вниманіе было обращено на тотъ шляхъ, который велъ въ Лубни изъ Переяслава. Чтобъ задержать козаковъ по сю сторону Сулы подольше, Жовковскій открылъ съ ними переговоры черезъ Галицкаго каштеляна, „стараго пріятеля ихъ“. Козаки всегда имѣли между польскою пограничною знатью такъ называемыхъ „пріятелей“, которые въ мирное время вели съ ними выгодную мѣновую торговлю, получали отъ нихъ за свои продукты, въ особенности за борошно, — воловья шкуры и лошадей, „татарское и турецкое добро“, иногда выигрывали у нихъ въ карты плѣнныхъ татарскихъ мурзъ и представляли королю, какъ трофеи собственныхъ подвиговъ, а въ войнахъ пановъ съ козаками служили полезными для панской, но всегда вредными для козацкой,

стороны посредниками между двумя лагерями. Присутствие въ таборѣ жесть и дѣтей располагало многихъ козаковъ къ мирному трактату. Лукавый, хоть и старинный, ихъ пріятель предлагалъ имъ выгодныя условія, на которыхъ они могли помириться съ королемъ,—предлагалъ тѣмъ щедрѣе, что его обѣщанія, по обычной у поляковъ практикѣ, не считались обязательными для Жолковскаго. Козаки, чтѣ называется, развѣсили уши и простояли въ Лубняхъ столько времени, что Струсь успѣлъ заступить имъ дорогу въ степи.

По разсчету времени, потребнаго для далекаго и труднаго обхода, который былъ порученъ надежному соратнику, Жолковскому прервать заманчивые для козаковъ переговоры и быстро двинулся къ Лубнямъ. Теперь онъ былъ сильнѣе прежняго: къ нему 24 мая за Переяславомъ подоспѣлъ на подмогу князь Богданъ Огинскій, главный начальникъ литовскаго войска. Козаки начали отступать черезъ мостъ, но не успѣли еще переправить всего своего обоза, какъ показалась „передняя стража“ Струсева войска, или, какъ говорится нынѣче, авангардъ, подъ предводительствомъ пана Білецкаго. Білецкій былъ одинъ изъ множества „chudych pachoików potciwych“, между шляхтою, о которыхъ говорить Панроцкій, какъ о людяхъ, обучавшихся въ Запорожскомъ Войскѣ „рыцарскому порядку и дѣятельности“. ¹⁾ Полякамъ подобные псевдо-козаки служили самыми лучшими орудіями для подавленія бывшихъ соратниковъ ихъ, такъ точно, какъ туркамъ—потурнаки. Наступившая ночь помѣшала пану Білецкому сдѣлать нападеніе. Мѣстность была незнакома полякамъ; кругомъ виднѣлись густыя заросли, среда рѣчныхъ заточинъ и озеръ; Білецкій боялся засады. На разсвѣтѣ козаки принялись было уже жечь оставленный позади себя лубенскій мостъ; но Бі-

¹⁾ См. т. I, примѣч. къ стр. 69.

лецкій прогналъ зажигателей, исправилъ поврежденное мѣсто и вошолъ въ городъ.

Козаки расположились таборомъ верстахъ въ пяти отъ Лубенъ, за Сулою, на урошицѣ Солбница. Они все еще не догадывались, что очутились между двухъ огней, и, увидя вдали передъ собою пыль, думали, что идутъ татары. Это былъ грозный своею неожиданностю Струсь. Оставалось или броситься въ степи, или окопаться на мѣстѣ. Въ степяхъ коронное войско легко могло отнять у козаковъ воду; здѣсь низменная мѣстность болѣе благопріятствовала козацкой тактикѣ. Рѣшились окопаться. Впрочемъ, по словамъ Бѣльскаго, козакамъ прегражденъ былъ путь къ выходу въ степи, такъ что никакого выбора имъ не осталось! Искусная стратегія Жолковскаго торжествовала надъ сіромахами. Теперь настала очередь его тактики, которая памятна и нашимъ братьямъ москалямъ по Клушинской битвѣ, доставившей Ляху случай узнать въ Кремль, *по чимъ ківшъ ліха!*

Условленный выстрѣль изъ пушки даль знать Жолковскому въ Лубняхъ, что Струсь занялъ свою позицію. Козаки до того потерялись, что допустили письменное сообщеніе между двумя полководцами. Жолковскій приказалъ Струсу открыть съ ними переговоры, пользуясь близкимъ знакомствомъ съ Лободою, но отнюдь не начинать никакого боя. Козаки все еще надѣялись на мирныя соглашенія съ Жолковскимъ, которому не разъ дали почувствовать на русскомъ берегу Днѣпра, что бой можетъ быть сомнителенъ на обѣ стороны. Но Жолковскому нужно было только выиграть время. Онъ, по своимъ предкамъ и мѣсту рожденія, былъ также русинъ, следовательно человѣкъ столько же хитрый, сколько и завзятый.

Коронное войско, съ торжественнымъ спокойствиемъ сильнаго, прошло по лубенскому мосту и, безъ всякой со стороны козаковъ помѣхи, расположилось противъ козацкаго табора такъ, чтобы, стоя отдельно отъ Струсева лагеря, отрѣзать козаковъ отъ

настбищъ и отъ рѣки, а между тѣмъ имѣть полную возможность сообщаться между собою и помогать другъ другу. Такъ говорить Гейденштейнъ. Більскій пишетъ, что козаки одною стороною своего табора примыкали къ непроходимымъ болотамъ рѣки Сулы, а кругомъ обступили ихъ враги козачества въ слѣдующемъ порядке. Съ одной стороны стояли: Струсь, князь Кириллъ Рожинскій и Вишневецкій, съ ротами: Ходкевича, Язловецкаго, Фредра Собіскаго, Чариковскаго, Брекеша, Горностая и съ остаткомъ роты Вірниковой, которая потеряла своего ротмистра въ битвѣ подъ Бѣло-Церковью. Всѣхъ было больше тысячи коней, какъ гусарь, такъ и козаковъ, то есть легко вооруженныхъ всадниковъ. Съ другой стороны стоялъ гетманъ съ своею ротою и съ своимъ полкомъ, въ которомъ были роты: Щаснаго-Гербурта, Ковачевскаго, Гурскаго, Сладковскаго, Тарнавскаго и королевская пѣхота подъ начальствомъ венгерца Лепшена, — всего до полуторы тысячи. Другой стоявшій съ этой стороны полкъ каменецкаго старости Потоцкаго заключалъ въ себѣ роты: Степана Потоцкаго, Якуба Потоцкаго и Яна Зебжидовскаго, князя Порышкаго, Даниловича, Гербурта, двоихъ Пшерембскихъ, Члесневскаго, Уляницкаго, — всего тринацдцать сотень. Тамъ же стоялъ и князь Огинскій съ Литовскимъ войскомъ своимъ, котораго было одиннадцать сотень коней. Наконецъ, съ третьей стороны стояла обыкновенная стража. Я вызвалъ всѣхъ на перекличку, для славы или безславія, какъ угодно кому разумѣть козацко-поляхетское дѣло.

Козаки отaborились въ четыре ряда возами и фургонами, а кругомъ окопались рвомъ и валомъ; такъ что возы за нимъ скрылись. Въ воротахъ насыпали они высокія горки и поставили на нихъ свои гарматы, а внутри табора подѣлали высокіе зрубы, и наполнили землею, чтобы стрѣлять съ нихъ подальше изъ гарматъ. Такъ описалъ ихъ тaborъ Більскій, конечно со словъ очевидцевъ.

Въ тотъ періодъ своего образованія, болѣе нежели когда либо, козачество держалось пріемовъ татарской тактики, основаниемъ которой служила быстрота передвиженій. Главную военную статью составляли у нихъ кони, которые въ безлюдномъ краю, среди рѣдко разсѣянныхъ помадовъ, служили козакамъ пищево, такъ же какъ и татарамъ. На этой статьѣ сосредоточилъ Жолковскій все свое вниманіе. Вместо того, чтобы ломиться въ козацкій таборъ, онъ посыпалъ небольшіе отряды войска отбивать у козаковъ пашу. По этому поводу ежедневно завязывались битвы, въ которыхъ, по словамъ Гейденштейна, поляки брали всегда перевѣсъ надъ козацкимъ многолюдствомъ своюю отвагою и дисциплиною. Козаки, послѣ первой стычки, обыкновенно уходили къ своему становищу, но тамъ оборачивались на разгоряченнаго преслѣдованіемъ врага, и часто знатные паны доставляли осажденнымъ отраду своею гибелю. Такъ протекло четырнадцать дней, тяжелыхъ и для осаждающихъ. Коронное войско было постоянно подъ оружиемъ, кони — подъ сѣдломъ; живность привозили издалека, и потому она продавалась дорого. Но призъ былъ таъ интересенъ для жолнеровъ, что всѣ труды и неудобства своего положенія сносили они безъ малѣйшаго ропота.

Собственно говоря, какъ въ этой, такъ и въ послѣдующихъ козацко-шляхетскихъ войнахъ, рѣшался вопросъ не столько государственный или международный, сколько соціальный, и притомъ совершенно мѣстный. Начиная съ коренныхъ гетмановъ и главныхъ ихъ подручниковъ, Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Струсеи и пр. и пр., такъ называемое польское войско состояло, во первыхъ, изъ русскихъ землевладѣльцевъ, а во вторыхъ, изъ набраныхъ почти исключительно тутъ же на Руси рейтаръ, драгунъ, панцырниковъ, гусаръ и панскихъ козаковъ, съ придачею панятой за русскія деньги иѣмецко-венгерской пѣхоты и управляемой нѣмцами артиллеріи. Все дѣло состояло въ томъ: быть, или не быть польскому праву въ русской землѣ? Польское

право доставляло толпѣ русскихъ, частію польскихъ и частію чужеземныхъ наемниковъ легкій и лакомый хлѣбъ, за труды и опасности, услаждаемые попойками и бравурствомъ, не говоря уже о нанимателяхъ, которые играли роль государей среди земляковъ своихъ. Основанный на принципѣ панскаго полноправства порядокъ нравился всѣмъ имъ, и потому считался неприкосновеннымъ; все устроилось этимъ порядкомъ какъ-будто нерушимо во вѣки,—и вдругъ толпа низовыхъ кочевниковъ заявляетъ о какомъ-то другомъ порядкѣ, основанномъ на иномъ принципѣ, да и заявляетъ-то прежде всего безпорядкомъ, разореніемъ сельскаго хозяйства, опустошениемъ панскихъ домовъ, этихъ благодатныхъ пріютовъ балагурной шляхты, въ которыхъ, по выражению шляхетскаго поэта, „погребъ, какъ панское сердце, было вѣчно открытымъ“.¹⁾ Въ этой толпѣ оборвьшей и грубияновъ, подъ козацкимъ кобенякомъ, скрывалось много шляхты, или разорившейся вслѣдствіе неумѣреннаго гостепріимства, этой болѣзни старого доброго времени, или изгнанной съ безчестiemъ за нешляхетскія дѣла, къ которымъ причислялись, между прочимъ, занятія чорною работою, ремесломъ, крамарствомъ, или же осужденной на смерть, иногда за вспышку противъ панской наглости, и потому, по выражению Гейденштейна, „жаждущей мщенія“. Все это были измѣнники и мятеjhники въ глазахъ пановъ, которые сами были измѣнники народу своему, которые отняли у народа и самое имя его. Ale mniejsza o to, какъ говорять поляки. Да и наши россіяне обращали вниманіе въ козацко-шляхетскихъ войнахъ вовсе не на это. Козаковъ, по сравненію съ панами или ихъ ролью, можно бы считать патріотами; но для патріотизма, равно какъ и для всякой высшей идеи, на примѣръ идеи религіозности, не доставало имъ соотвѣтственной культуры. На своемъ соціальномъ развитія, козаки были военные

¹⁾ I loch, jak serce pańskie, byl zawsze odwarty. *Malczewski.*

промышленники, не болѣе. Они явились историческою вариаціею канувшихъ, такъ сказать, въ „рѣку временъ“ варягороусовъ, которымъ въ ихъ промыслѣ служилъ тотъ же „обычный шляхъ“, что и козакамъ, и которые такъ мало выработали для успѣховъ человѣчности. Больше ли выработали украинскіе козаки, еще не опредѣлилось.

Отаборившись на Солоницѣ, козаки ни откуду не ждали подмоги. Предводитель ихъ водѧной арміи, Подвисоцкій, старался всѣми силами подать имъ помощь, но польскія чаты не теряли его изъ виду, и самъ онъ едва не попалъ имъ въ руки. Много было у нихъ раненныхъ, много убитыхъ; кони дохли съ голода; сѣбѣстныхъ припасовъ не ставало; соли не было вовсе. Множество людей разбѣжалось. Остальные не имѣли взаимной вѣры.

Отсюда родились раздоры, которые Жолковскій, будущій съятель смуты московскихъ, разжигалъ систематически. Онъ постоянно велъ переговоры съ однимъ Лободою. Низошедшая самою силою вещей на второстепенный уровень Наливайкова партія заподозрила Лободу въ продажности. Лобода былъ убить; на его мѣсто выбрали какого-то Кремпскаго. Сторонники Лободы злились на Наливайковцевъ; въ таборѣ происходили кровавыя сцены, а Жолковскій, между тѣмъ, безпрестанно громилъ обозъ изъ пушекъ. Люди и кони падали. Лѣто было горячес; трупы заражали воздухъ. Козаки изнемогали тѣломъ, а еще болѣше— духомъ: съ ними рядомъ валялись мертвя и раненныя женщины и дѣти. Трагическая сцена! страшный посѣвъ непримиримой вражды на будущее время! Чтѣ могло выйти изъ дѣтей, уцѣльвшихъ отъ солоницкаго побоища, какъ не такие люди, о которыхъ говорить Кадлубекъ, что они жаждали одного только— утопить свое закоренѣлое, бѣшенное мщеніе въ польской крови? Подъ Лубнями на Солоницѣ выковывались ужасающіе человѣческое сердце героя Хмельницины. Подъ Лубнями на Солоницѣ набирались ляхи того безумія, къ которому всегда приводитъ человѣка зреющіе про-

литой имъ крови брата его. Но на могилѣ роскошнѣе ростуть цвѣты: въ солоницкой трагедіи есть и отрадная мысль: этой трагедіей расторгалась та связь, которая держала южно-русскій міръ въ отрозненности, — расторгалась безповоротно. Погибая подъ Лубнями, мы спасали свою будущность, какъ народъ, какъ нравственно-самодѣятельная семья среди лучшихъ семей человѣческихъ; мы спасали не одну собственную нравственную самобытность, но и политическую самобытность всего великаго, нынѣ нераздѣльнаго, русскаго міра. Таковъ смыслъ „козацкихъ разбоевъ“, извращаемый московскими исторіографами.

Козаки, за своими окопами, покопали такъ называемые по-польски долы; въ нихъ засѣдала пѣхота и не давала ружейною пальбою доступу къ окопамъ. Ночью поляки не имѣли минуты покоя: со всѣхъ сторонъ врывались къ нимъ отчаянные люди, о которыхъ сложилась даже легенда, что они оживаютъ до девяти разъ: девять разъ долженъ быть ляхъ убить козака, и тогда только завзятая козацкая душа разстанется на вѣки съ тѣломъ. Поэтому въ таборѣ Жолковскаго спала только третья часть войска: двѣ трети постоянно держали подъ сѣдломъ коней, которые уже почти что отказывались служить изнуреннымъ жолнерамъ. Днемъ происходили неожиданныя явленія. Въ то время, когда козацкій таборъ колебался уже и, по видимому, готовъ былъ сдаться, изъ него выходилъ отрядъ завзятыхъ и врѣзывался въ польское войско. Такой случай записанъ въ лѣтописи Більскаго подъ 28 числомъ мая. Козаки выхватили двоихъ пановъ изъ-среди ихъ товарищей и тотчасъ одного посадили на коль передъ своими окопами, а другого четвертовали. Венгерская пѣхота служила сплошной подмогой панамъ: наемники-чужеземцы выносили обыкновенно на себѣ таинъ называемый импетъ козацкій, и бывали случаи, что погибали подъ ихъ ударами за однімъ разомъ всѣ до послѣдняго. Подъ Лубнями они оборонялись удачно, и не разъ гоняли козаковъ къ окопамъ. Почти на каждый часъ приходилось по одной вылаз-

кѣ изъ козацкаго табора. Наконецъ поляки обстушили тaborъ на копяхъ и, очередуясь, цѣлую недѣлю не сходили съ сѣдль, какъ днемъ, такъ и ночью. Дѣло въ томъ, что козакамъ не давали уйти въ „поле познаемо“, въ средину „земли половецкія“. У Наливайка былъ свой отдельный полкъ, вѣроятно, изъ острожанъ; съ этимъ полкомъ онъ могъ вырваться въ поле, какъ сдѣлалъ, черезъ 42 года, на Сулѣ Остряницу. Штурмомъ невозможно было взять козацкаго табора: онъ былъ хорошо укрѣпленъ, а у поляковъ мало было пѣхоты, да и пушки ихъ были мелкокалиберныя. Жолковскій послать въ Киевъ за большими пушками. Когда ихъ привезли, 4-го іюня открыта пальба съ одной стороны изъ кievскихъ замковыхъ, а съ другой — изъ полевыхъ пушекъ. Кстати подѣхалъ еще родственникъ князя Острожскаго, князь Заславскій съ тремя сотнями свѣжей конницы. Два для пальба не умолкала. Отняли поляки у козаковъ и воду и дерево, такъ что они довольствовались кѣпанками, а лицу готовили подъ фургонами на щепкахъ изъ раздробленныхъ возовъ. Потомъ полковники польскіе, собравъ свое рыцарство, предложили ему идти на приступъ въ первыхъ рядахъ, такъ какъ пѣхоты было мало. Рыцарство не отказалось нанести послѣдній ударъ козацкой гидрѣ,—послѣдній, по мнѣнію современныхъ поляковъ, первый въ глазахъ пострадавшаго за него потомства ихъ. И вотъ, отсѣпивъ древка копій своихъ по шарикъ, устроили себѣ польскіе ветераны такъ называемые дарды. Половина каждой роты жолнерской приготовилась такимъ образомъ къ приступу, который былъ назначенъ на утро 7 іюня. Готовилась *облава* на дикихъ звѣрей, въполномъ смыслѣ слова, такая точно, какія впослѣдствіи устраивались на польско-русскую шляхту ученикъ іезуитовъ и яновельможныхъ пановъ, Богданъ Хмельницкій, который въ то время еще не родился, который въ то время еще только создавался въ озлобленной душѣ козацкой, какъ идеалъ того варварства, до котораго были доведены меныше братья шляхетскіе. Кругомъ всего солонин-

каго табора стояли конные паны, сторожа, чтобъ не ушла добыча, а вѣрные „британы“ готовы были броситься въ звѣриную берлогу. Вида погибель прямо передъ глазами, козаки „шумно согласились“ на предложенія имъ прежде условія, то есть, чтобы выдать своихъ предводителей: Наливайка, Савулу и Шостака. Наливайко оборонялся и хотѣлъ вырваться съ своими дружинниками изъ окоповъ. Передъ вечеромъ слышенъ былъ полякамъ страшный крикъ въ козацкомъ войскѣ: то бились козаки съ козаками. Поляки, сѣвъ на коней всѣ, сколько у нихъ было конныхъ людей, приступили къ табору и держали его въ сомкнутой дѣпи, чтобъ не ушолъ „измѣнникъ Наливайко“. Рѣзкіе звуки боевыхъ трубъ и зловѣщій звонъ походныхъ бубновъ сливались въ дикую гармонію съ крикомъ, который несся изъ-за козацкихъ окоповъ. Наконецъ привели Наливайка къ Жолковскому: даръ страшный по своимъ послѣдствіямъ! Есть имена, которыхъ, принадлежа даже ничтожнымъ личностямъ, дѣлаются клическими кровавой бѣды и внутреннихъ смутъ на много поколѣній. Таково было имя Наливайка; таковы были имена Отрецьева, Хмельницкаго,¹⁾ Стеньки Разина, Мазепы, Пугачова. Зло заклю-

¹⁾ Читатель можетъ недоумѣвать, найдя „козацкаго батька“ въ такомъ соображеніи, но лучшаго онъ не заслужилъ у трезваго потомства. Онъ цвѣтушій край нашъ превратилъ въ пустыню, засыпанную пепломъ и засѣянную костями нашихъ предковъ. Онъ надолго пріостановилъ успѣхи культуры въ нашей сѣверной Славянщинѣ. Онъ пріостановилъ и школьнное просвѣщеніе, доведя его до того, что уже и полковники, эти герцоги полновластнаго украинскаго владыкъ, не умѣли подписать великаго договора собственною рукою. Если мы не имѣемъ другого „Слова о Полку Игоревѣ“ и другой „Лѣтописи о томъ“, откуда пошла есть земля Русская“, то, безъ сомнѣнія, этимъ обозначены болѣе всего Хмельницкому. А что онъ присоединилъ отрѣзеннную Русь къ Московскому царству, такъ эту заслугу могутъ приписывать ему одни дѣти, да еще развѣ баюкающія дѣтей бабы. Онъ *не могъ не присоединить*; его принудили присоединить: пропустила его къ этому сила вещей, выковавшая украинскую націю, и сама украинская нація, начинавшая уже и тогда проклинать его, какъ впослѣдствіи проклинала Мазепу. Наконецъ, умирая, кого назначилъ онъ своимъ преемникомъ? Слабоумнаго сына, о которомъ даже кобзарская дума говоритъ, что онъ „и роз-

чаются не въ самихъ личностяхъ, означенныхъ такими именами: не заслуживаютъ онѣ даже и этой печальной чести. Зло заключается въ обществѣ, которое сдѣлало ихъ органами своихъ пороковъ, и въ обстоятельствахъ, которыхъ вынуждено служить для пачь ихъ имени, прославленныя, или опозоренныя историками. Во всякомъ случаѣ, развитое высшою культурою человѣчество помогается отъ истории вѣрныхъ портретовъ каждого изъ враговъ своихъ, смотрить на воспроизведенныя строгою музою Ключерты съ любопытствомъ, съ ужасомъ, съ отвращенiemъ, наконецъ предаетъ ихъ проклятию, которому имя — забвение.

Мудро сказалъ кто-то изъ древнихъ: что боги иногда во гнѣвѣ своемъ исполняютъ желанія смертныхъ. Божество Польши, въ минуту первого полнаго торжества поляковъ надъ козаками, было самымъ коварнымъ божествомъ... На утро обѣщали козаки выдать остальныхъ „зачинщиковъ бунта“, обѣщали отдать армату и знамена, обѣщали отпоясать сабли и дать присягу на вѣрность, лишь бы только позволено было имъ разойтись по домамъ. Но зрѣлище пролитой крови обезумило Жолковскаго: онъ потребовалъ, чтобы сперва каждый панъ взялъ изъ-среди козаковъ каждого своего подданного, то есть козака, по польскому праву, считавшагося подданнымъ даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ пять лѣтъ назывался *непослушнымъ*, пять лѣтъ принадлежалъ къ составу вольного рыцарства, пять лѣтъ оборонялъ колонизацію Украины отъ постоянныхъ враговъ ея. Это былъ моментъ величайшаго позора для ляховъ, которые за подобные поступки получили отъ русскаго народа историческій эпитетъ,

умомъ слабѣнъкій, та й тіломъ недугуе“. Назначилъ онъ того „Хмельниченка Юрася“, за котораго, по народной пословицѣ, „пуста стала Украина, звелася“. Проклятия украинскаго народа покарали Богдана Хмельницкаго въ сыновъ: отецъ началъ свое военное поприще тѣмъ, что привелъ враговъ святого креста въ Украину, а сынъ кончилъ полнымъ предательствомъ Украины врагамъ христіянства, и самъ сдѣлался потурнакомъ. Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить обо всемъ этомъ и о многомъ еще другомъ подробно.

безмозглыхъ, и величайшаго торжества народнаго дѣла русскаго. Тѣ, которые своими руками выдали Наливайка, въ отвѣтъ на требование выдать имъ подданныхъ панскихъ, сказали: „Нѣтъ, мы будемъ обороняться!“ — „Обороняйтесь“, лаконически отвѣчалъ реалистамъ классикъ. Въ ту же минуту бросились поляки, безъ команды, на таборъ, такъ что козаки не успѣли ни построиться, ни схватить оружіе, „и такъ ихъ немилосердо сѣкли“, пишетъ ополченный братъ напіть, „что на милю или и больше лежали трупы на трупахъ. Было ихъ въ таборѣ съ женами и дѣтьми тысяча десять, а ушло съ Кременскимъ не болѣе полуторы тысячи“. Досталось побѣдителямъ 24 пушки и немало другого огнестрѣльного оружія; достались имъ и всѣ знамена, въ томъ числѣ и тѣ, которыя козаки заслужили своими подвигами противъ татаръ и турокъ.

Такъ описано это великое событие у Більскаго, которому и въ польской его шкурѣ все еще былъ миль отцовскій девизъ его: „Нѣтъ ума противъ правды“. Гейденштейнъ имѣлъ возможность разспросить у самого Жолковскаго, какъ происходило дѣло, и однакожъ, не зная конечно о работѣ Іоахима Більскаго, далъ своему панскому обществу другую версію лубенскаго события. Онъ смягчилъ ужасныя черты трагедіи и заключилъ свое описание слѣдующимъ разсказомъ.

„Многіе изъ нашихъ совѣтовали, для примѣра и острастки на будущее, вырѣзать козаковъ до послѣдняго; но Жолковскій боялся довести козаковъ до отчаянія, въ видахъ пощады собственного войска. Ему памятна была упорная защита ихъ подъ Острымъ Камнемъ на русскомъ берегу Днѣпра. Козаковъ осталось въ таборѣ все еще до 8.000, не считая женщинъ и дѣтей. Жолковскій предписалъ имъ слѣдующія условія капитуляціі: 1) тотчасъ разойтись по домамъ и никогда безъ королевскаго позволенія не собираться; 2) выдать зачинщиковъ бунта, по его указанію, вмѣстѣ съ хоругвями и другими войсковыми знаками,

прислаными имъ и поземными монархами а также пушки, ядра, порохъ и другіе военные спаряды; 3) вернуть все, что награбили, а войсковой свой скарбъ отдать королевскому войску; 4) освободить всѣхъ пленниковъ. Условія эти (заключающій свой разсказъ Гейденштейнъ) были немедленно выполнены. Козаки выдали своихъ предводителей и разошлись во всѣ стороны. Жолковскій предоставилъ Кремпскому распустить и отвести своихъ домой“.

Но за то польскій историкъ прибавилъ весьма важное обстоятельство, оставленное лѣтописцемъ безъ вниманія. Козацкій скарбъ жестоко обманулъ надежды побѣдителей: онъ состоялъ большею частию изъ такъ называемаго въ украинскихъ народныхъ думахъ „турецкаго добра“, цѣнимаго козаками высоко, какъ память ихъ походовъ на грознаго всему христіянскому миру врага, но шляхтою оцѣненнаго всего въ 4.000 злотыхъ. Этую ничтожную добычею далеко не вознаграждались потери, понесенные жолнерами въ настоящемъ изнурительномъ и кровавомъ походѣ. Коронное войско заявило свои претензіи шумнымъ ропотомъ. Жолковскій насилиu усмирилъ мяtekъ диктаторскою строгостью, которая предоставлялась ему закономъ на время похода.

Королевскій мечъ, которымъ паны постоянно грозили козакамъ, не досягнулъ на этотъ разъ Подвысоцкаго, державшагося на Днѣпрѣ съ козацкими чайками. У Жолковскаго не было нибѣихъ судовъ для его преслѣдованія. По словамъ польского историка, война съ козаками покрыла славою предводителя войска и войско польское. Чтобъ не уменьшить сіянія славы, Жолковскій поручилъ черкасскому подстаростю уговорить Подвысоцкаго пріостановить разореніе панскихъ имѣній, которымъ тотъ занимался, яко козацкимъ промысломъ и ремонтировкою. Письмо Жолковскаго было сообщено предводителю козацкаго флота, и онъ отвѣчалъ на него Жолковскому обычнымъ въ козакахъ выраженіемъ покорности, которое такъ удивляетъ нась въ письмахъ Богдана Хмельницкаго въ вѣльможнымъ панамъ даже послѣ побѣдъ надъ ними.

Низкопоклонной учтивости научила козаковъ польская шляхта; отвагу и предприимчивость внушало имъ невозможное, по козацкому толку, положеніе дѣль въ шляхетской республикѣ. Слышно было о Кремискомъ, что онъ съ своими недобитками удалился за Пороги, гдѣ „на куренѣ“, какъ выражались козаки, сидѣло около пяти сотъ козаковъ. Онъ держалъ себя смирино и „*złości żadney potym nie wyrządził*“,¹⁾ говоритъ Більскій.

А Наливайка (продолжаетъ польскій лѣтописецъ) велѣль гетманъ оковать и послать королю вмѣстѣ съ шестью другими разбойниками, которыхъ вскорѣ потомъ обезглавили; Наливайка же держали до самаго сейма. Панская Немезида требовала кровавой жертвы въ присутствіи жрецовъ своихъ. Послѣ сейма, Наливайку отрубили голову, потомъ четвертовали, и четверти развѣсили. „*Była to osoba krasna*“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „*maż ktemu nie leda, by to był na dobre obracał, co tu Bóg dał; do tego puszkarz znamienity*“.²⁾

Но казнь, успокаивающая, въ подобныхъ случаяхъ, безумное волненіе толпы, при тогдашихъ обстоятельствахъ панской республики, возымѣла дѣйствіе противоположное. Противники уніі тотчасъ же примѣнили къ Наливайку классическую легенду о быкѣ Фалариса и распространili въ Украинѣ слухъ, что Наливайко сожженъ панами *у мідяному болу*. Въ козацкихъ „хроникахъ“, писанныхъ людьми духовными обыкновенно лаконически, вѣроятно, страха ради польска, онъ, такъ же какъ и Косинскій, былъ представленъ мученикомъ за древнее благочестіе. При отсутствіи у насъ исторической критики, украинские бытописатели до послѣдняго времени поддерживали въ своихъ еще менѣе развитыхъ читателяхъ убѣжденіе, будто-бы козаки уже со временемъ Косин-

¹⁾ Никакого зла потомъ не творилъ.

²⁾ Это былъ красавецъ, и притомъ человѣкъ не изъ обыкновенныхъ, еслиъ только обращать на добро то, что далъ ему Богъ, а въ добавокъ—отличный артиллеристъ.

скаго и Наливайка отставали вопросъ религіозный, чтò — сказать мимоходомъ — приисло бы не столько славы казацкой общинѣ, сколько вреда успѣхамъ просвѣщенія и мирной гражданственности. Это конечно была болтовня, не очень вредная для нашего сравнительно просвѣщенного времени; но легенды о замурованіи Косинского въ каменномъ столбѣ и сожжениіи Наливайка въ мѣдномъ быкѣ произвели много серьезныхъ смутъ во времена оны, чemu свидѣтельствомъ можетъ служить одно то, что православіе, прозвано, въ противномъ лагерѣ, Наливайковою сектою, а всѣ православные — Наливайками. Наконецъ все, ио видимому, улеглось въ кровавыхъ, или хоть и не кровавыхъ, но полныхъ горечи могилахъ: прерѣканія и ядовитые докоры съ обѣихъ сторонъ умолкли; самыя могилы враждовавшихъ за церковь и за церковныя имущества забыты, сглажены, застроены домами, засажены садами, засѣяны хлѣбомъ насущнымъ.

But words are things, and a small drop of ink,
 Falling like dew upon a thought, produces
 That which makes thousands, perhaps millions, think.
 'T is strange, the shortest letter which man uses,
 Instead of speech, may form a lasting link
 Of ages: to what straits old Time reduces
 Frail man, when paper—even a rag like this—
 Survives himself, his tomb, and all that's his. ¹⁾

Сказанное въ этихъ стихахъ великимъ человѣкомъ относится не къ однимъ произведеніямъ поэзіи: лѣтописныя сказанія дѣйствуютъ, въ свою очередь, могущественно, и, увы! не однѣ только

¹⁾ Но слова — это дѣла, и маленькая капля черниль, упавъ росою на мысль, заставляетъ задумываться тысячи, можетъ быть, миллионы. Не странно ли, что иѣсколько написанныхъ буквъ, вмѣсто устной рѣчи, образуютъ прочное звено, соединяющее вѣка! До чего уничтожаетъ время человѣка, когда лоскутокъ бумаги, тряпка, подобная вотъ этой, переживаетъ его самого, его гробницу и все, чтò принадлежитъ ему!

истинныя. Давно похороненное встаетъ изъ гробовъ силою озаренного новымъ свѣтомъ лѣтописнаго слова и вмѣшиваются въ жизнь и дѣла новыхъ поколѣй неотразимо. Нелѣпымъ легендамъ, въ родѣ замурованія одного гетмана въ камennомъ столбѣ и сожжепія другого въ мѣдномъ быкѣ, облязаны мы появлениемъ въ прошломъ столѣтіи рукописи, сдѣлавшейся вскорѣ популярною, подъ заглавiemъ *Исторія Руссовъ*. Она выдана намъ за сочиненіе авторитетнаго въ то время архіепископа Конискаго; она надѣлала украинской интеллигенціи много вреда. Своими правдоподобными сказаніями о небывалыхъ событіяхъ и обстоятельствахъ,¹⁾ это поздѣліе темнаго фанатизма замедлило уразумѣніе международныхъ отношеній — не только Польши и Южной Руси, но даже этой послѣдней и Руси Сѣверной. Во времена изданія въ Харьковѣ „Запорожской Старинѣ“, сочинены, согласно сказаніямъ „Исторіи Руссовъ“, псевдонародныя думы о польско-украинскомъ прошедшемъ, имѣвшія очевидно цѣлью фанатизировать украинское сердце. Эти думы вліятельный поэтъ Шевченко, какъ почти всѣ его сверстники, принималъ за произведенія самого народа; не сомнѣвался онъ и въ мнимыхъ сказаніяхъ Конискаго, которыя послужили имъ основаніемъ. Слѣпая вѣра въ лѣтописныя преданія, безъ научной повѣрки, была пагубна для него самого и для многихъ другихъ людей, подчинявшихся дѣйствію стиховъ его. Не чому другому, какъ вліянію мнимаго Конискаго и мнимо-народныхъ пѣснопѣній „Запорожской Старинѣ“, слѣдуетъ приписать фадышивое настроеніе всей украинской интеллигенціи 40-хъ годовъ, которой самымъ громкимъ органомъ сдѣгался, къ сожалѣнію, Шевченко. За Косинскаго, Наливайка и другія историческія личности, еще похуже ихъ, представленныя въ духѣ ис-

¹⁾ Интересна въ этомъ отношеніи статья Пушкина о „Лѣтописи Конискаго“. Она служитъ намъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, какъ и самый высокий умъ бываетъ ничтоженъ, при отсутствіи того, что въ самомъ дѣлѣ можно назвать историческимъ образованіемъ въ человѣкѣ и обществѣ.

торического сочинительства, унаследованного со временем оныхъ, поплатились тогда пылкіе молодые люди, которыхъ способности, безъ этихъ легендъ и безъ ихъ нелѣнаго толкованія, могли бы найти себѣ другую работу. Но тѣмъ дѣло не кончилось. Наливайково время продолжало, и продолжаетъ, отзываться на живыхъ людяхъ, даже помимо украинцевъ, не только помимо украинофиловъ. Старинные религіанты и политиканты, исполненные жадной нетерпимости, передавали свои мысли и чувства изъ поколѣнія въ поколѣніе съ настойчивостью іезуитовъ, противъ которыхъ боролись наши предки, и новѣйшіе послѣдователи этихъ „слѣпыхъ воїдѣй“ не одного государственного дѣятеля подвели вписать свое имя въ темную страницу русской исторіи. Своекорыстіе, благовидная интрига и вкорененная въ сердца наследственная страсть къ предательству нашли себѣ въ мутномъ потокѣ вымысловъ обильную ловлю. Имѣя въ сердцѣ мысль о потерѣ или пріобрѣтеніи доходовъ, а на устахъ слова *спра, древнее благочестіе, единство русского народа* (своего рода унія!) и т. п., преемники древнихъ клеветниковъ, возрождавшіеся паки и паки подъ новыми костюмами, подъ новыми декораціями и титулами, уготовали и польскому обществу, именно лучшей, великодушной, но обезумленной, части его, ту „чашу гнѣва“, о которой сказано, что и подонки выпьютъ изъ нея нечестивые. Такъ ли, иначе ли, но только казнь Наливайка до сихъ поръ, до настоящаго момента, отзыается еще въ сердцахъ—не только потомства палачей, которое гордится ими, но и потомства жертвъ, которое сторонится отъ нея.

ГЛАВА XIV.

Куда дѣвали козаки скарбы свои? — Ограниченноть ихъ издержекъ, въ противоположность съ панами, и обширная область козацкой эксплоатации. — Средства къ содержавію войска и семействъ. — Различие между понятіями о себѣ козаковъ и шляхты. — Успѣхи колонизаціи вслѣдствіе козацкихъ наѣздовъ на мусульманъ. — Параллель двухъ русскихъ силъ — воинственной и интеллигентной. — Постепенное развитіе козацкой корпораціи. — Внутреннія и внешнія обстоятельства Рѣчи-Посполитой Польской.

Можетъ быть, читатель мой не обратилъ особеннаго вниманія на то обстоятельство, что коронное войско въ козацкомъ таборѣ на Солоницѣ не нашло богатой добычи. Между тѣмъ это обстоятельство характеризуетъ, какъ первую, такъ и всѣ послѣдующія козацко-шляхетскія войны.

Козаковъ обыкновенно называютъ добычниками, и они были добычники. Они даже въ пѣсняхъ своихъ воспѣвали добычу, на ряду съ рыцарскою честью и славою. Но куда дѣвали они добычу свою?

Скудный, почти аскетический козацкій бытъ мы знаемъ. *Хлібъ та вода* — то козацька ідѣя: вотъ его конкретное выраженіе, не говоря ужъ обо всемъ, чтѣ намъ раскрыло пребываніе за Шорогами Самуила Зборовскаго, чтѣ намъ известно изъ другихъ современныхъ источниковъ о простотѣ пищи козацкой, и чтѣ самыя хронички козацкія, писанныя обыкновенно тупыми ко всему характеристическому монахами, не преминули выставить,

какъ черту, бросающуюся въ глаза каждому. Козацкая одѣжда поражала всѣхъ наблюдателей своею простотою и даже лохмотностью. Французскій инженеръ времень Генриха IV (Боиланть) находилъ ее „грубою“, сравнительно съ козацкою манерою держать себя. Другой ученый воинъ, французъ времень Яна Соби-скаго (Дальракъ), по виѣшнему виду называлъ козаковъ „дикою милицією“. Такое же впечатлѣніе дѣлали они на воеводу Імиту въ XVI столѣтіи и на московскаго „попа Лукьянова“ въ концѣ XVII-го. Стало быть, на ъдѣ и на щегольствѣ одѣждою козаки не проживались. Тѣмъ и другимъ рѣзко отличались они отъ своихъ антагонистовъ поляковъ и ихъ воспитанниковъ—южно-русскихъ дворянъ. Козаки не строили крѣпостей и дворцовъ, какъ польскіе и польско-русскіе паны; не имѣли, до временъ Хмельницкаго, собственно козацкихъ храмовъ и слѣдовательно не содержали дорого стоящаго духовенства; ¹⁾ не тратили денегъ на воспитаніе дѣтей своихъ, какъ паны, при королевскомъ дворѣ, при дворахъ магнатовъ или за границею; въ пріобрѣтеніи за деньги недвижимой собственности отказывало имъ само польское право, а если они владѣли заемщиками, то эти заемщица не стоили имъ ничего, кроме охраны саблею да рушницею. О предводителяхъ козацкихъ известно, что они, даже нанимаясь въ иноземную службу, не получали особаго жалованья, сверхъ установленного въ козацкомъ кругу пая. Опасно раненный подъ Хотиномъ Константичъ-Сагайдачный не позволилъ себѣ такой роскоши, какъ употребительная тогда у пановъ лектики подъ балдахинами, а заготовилъ простую кибитку, вымощенную сѣномъ и подушками; даже испорченного

¹⁾ Былъ у нихъ Трахтомировскій монастырь, доставшійся имъ по праву займа при Стефанѣ Баторіи, отобранный у нихъ послѣ катастрофы на Соловецкѣ и возвращенный передъ шведскимъ походомъ; но этотъ монастырь, служившій складомъ для оружія и пристанищемъ для дряхлыхъ илиувѣчныхъ козаковъ, содержался монастырскими землями, приписанными къ нему во время его основанія.

счастьемъ Богдана Хмельницкаго видали путешественники варяг-
щимъ лично кулішъ на сѣнокосѣ.

Междѣ тѣмъ исторія полна извѣстіями о козацкомъ добычни-
чаныи. Въ морскихъ походахъ эти пираты не довольствовались
нападеніемъ на турецкіе корабли: они грабили цвѣтущія побе-
режья Anatolіи и Малой Азіи, и часто, недѣли на двѣ, на три,
устраивали, варягорусскимъ обычаемъ, ярмарки среди опустошен-
ной прибрежной страны; на эти ярмарки слетались, какъ хищныя
птицы, странствующіе по морю и по суши: торгаші: греки, армя-
не, жиды, которые, подобно собакамъ, питались остатками богатой
трапезы своихъ повелителей турокъ, и, съ инстинктомъ хищныхъ
животныхъ, пронюхивали поживу отъ козацкихъ набѣговъ. А
что это были за ярмарки, можно судить по одному тому, что по
свидѣтельству Жолковскаго, они „разорили въ Туреччинѣ до
основанія нѣсколько десятковъ стародавнихъ главныхъ городовъ,
не считая мелкихъ, которые пожгли и опустошили“.¹⁾ Такимъ
образомъ, кромѣ стадъ, кромѣ лошадей, которыхъ козаки угоняли,
въ случаѣ удачнаго похода, изъ окрестностей Тягини, Бѣлгорода,
Килии и другихъ поднѣстровскихъ и заднѣстровскихъ городовъ,
кромѣ плѣнниковъ и плѣнницъ, которыхъ они старались захва-
тить ради выкупа, или для продажи панамъ, национецъ, кромѣ
такъ называемаго „турецкаго добра“, оружія, конской сбруи, одѣждъ
и сафьяновъ, они привозили домой чистое золото и серебро.

¹⁾ 1619 года 24 февраля, въ отчетѣ своемъ на сеймѣ, „гдѣ universa facies rei publicae representatur“, Жолковскій говорилъ:

„Pokazałem to iuz na przeszłum Seimie dowodnie, iakie szkody Tatarom czynią, gdy na morze naiezdzaią, plądrując osady Cesarza Tureckiego, pokazałem i z mapy, iakiemi mieiscami zasiągaia boku Cesarza Tureckiego, który w Konstantynopolu z okna patrząc, dymy widział, z czego wielką mieli załosć. A iakoz to za dobre miał przyjąć Cesarz Turecki? który ni od kogo nie rad despektu ponosić, kilkadziesiąt miast starodawnych głownych funditus mu zniesli, nie wkładając w to drobniszcz, których bardo wiele popaliли, popustoszyli“..... (пробѣль въ старинной рукописи публичной Познанской библиотеки, II. H. aa 12, стр. 260).

Но область ихъ эксплоатациі не ограничивалась міромъ „бусурменскимъ“, гдѣ, по ихъ мнѣнію, и самъ Богъ велѣть пустошить и грабить: они ту же практику прилагали къ единовѣрнымъ „воловахамъ“, какъ назывались у нихъ вообще жители Молдавіи и Валахіи; преданіе гласитъ, что даже изъ Венгрии Наливайковы казаки были удалены нѣмецкимъ императоромъ за ихъ нестерпимое хищничество, и Гейденштейнъ подтверждаетъ это преданіе, говоря, что Наливайко вернулся изъ-подъ Мункача „обремененный добычю“. По современной белорусской лѣтописи, казаки, приглашенные правительствомъ воевать шведовъ, распоряжались на своихъ стоянкахъ и переходахъ, какъ разбойники, и все изъ-за добычи. Лѣтописецъ положительно говоритъ, что они опустошили городъ Витебскъ, набрали въ немъ много золота и серебра, и по этому поводу рубили знатныхъ мѣщанъ по-непріятельски; а возвращаясь домой, каждый изъ нихъ захватилъ съ собою по нѣскольку женщинъ и дѣтей въ неволю, совершиенно такъ, какъ делали они въ Турецчинѣ. Лишь только кончился шведский походъ, наступилъ походъ московскій, въ пользу названного Димитрія, котораго самозванство, очевидно, устроено кѣмъ-нибудь изъ козачихъ пріятелей, пограничныхъ пановъ, по образцу тѣхъ самозванцевъ, которые давали случай козакамъ и козаковавшимъ землевладѣльцамъ вторгаться въ Волошину. Въ московскомъ походѣ очутилось на первый разъ 12.000 запорожцевъ,¹⁾ а въ смутное время Московскаго государства все Запорожье, всѣ городовые и пан-

¹⁾ До сихъ поръ мы знали о 2.000 запорожцевъ, пришедшихъ на помощь названному Димитрію послѣ неудачной битвы его подъ Новгородкомъ, но, по рукописи библіотеки Главнаго Штаба № 3.267, напечатанной недавно Археографическою Комміссиєю въ 1-мъ томѣ „Русской исторической Библіотеки“ („Wyprawa Czara Moskiewskiego Dymitra do Moskwy z Gierzym Mniszkiem, roku 1604“), оказывается, что „po odiezdzie p. woiewodziny u tego rycerstwa, ktore z nim poszlo, przyszli kozacy zaporoscy we 12.000, którym byl dawno czarowicz posłal chorągiew“, и что они „mieli z sobą kilkanascie dzialek armaty grzecznej (отличной), którym czarowicz byl bardzo rad rozumiejąc siła o mestwie ich, poniewaz woisko było bardzo ogromne“.

скіе козаки занялись эксплоатацією единовѣрцевъ своихъ, безъ малѣйшаго оттѣнка релігіозности, приписываемой нашими историками даже ополченію Наливайка. Такимъ образомъ отъ Сиона и Трапезонта до сѣверныхъ городовъ Московщины, отъ береговъ Дуная до восточнаго балтійскаго поморья, мирное населеніе платило козакамъ вольную и невольную дань, по мѣрѣ ихъ домогательства, жадности къ добычѣ и дикой отваги. Куда же дѣвали они свои сокровища?

Вопросъ этотъ разрѣшится самъ собою, когда мы сопоставимъ „козацкій народъ“ съ „народомъ шляхетскимъ“.

Силою послѣдовательности дѣйствій, свойственной человѣческимъ обществамъ, силою той неуклонности, съ которою, какъ вѣрная, такъ и ложная идея общественная доходитъ до своего торжества или уничтоженія, эти два стана, не признававшіе взаимно другъ за другомъ названія народа, но называвшіеся такъ и называемые такъ другими, должны были вести борьбу за свое материальное и нравственное, за свое бытовое и политическое существование. Это была борьба безземельныхъ съ землевладѣльцами, и при томъ съ такими, которые присвоили себѣ неслыханныя политическія права. Паны содержали свои ополченія или на счетъ „кварты“, назначенной съ королевскихъ имѣній для такъ называемаго квартцнаго войска,¹⁾ или на свои собственные

¹⁾ О значеніи слова *квартиное* въ нашей печати встрѣчается превратное понятіе. Вотъ происхожденіе этого термина, который, па примѣръ, авторъ „Богдана Хмельницкаго“ смѣшивается съ квартою или четвертью года, срокомъ, въ который выплачивалось жолнерамъ жалованье. При Сигизмундѣ-Августѣ столо-выя имѣнія королевскія были приведены въ извѣстность, и всѣ, получившіе ихъ въ смыслѣ пожалованія или въ залогъ, привлечены къ уплатѣ *кварты*, т. е. четвертой части чистаго дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ привлечены были къ такой же уплатѣ и король со всѣхъ имѣній и суммъ, находившихся въ его распоряженіи, при чомъ онъ долженъ былъ признать собственность государства всѣ свои имѣнія, хотя бы они составляли до того времени его частную собственность. *Кварта* со всѣхъ таковыхъ имѣній опредѣлялась на содержаніе короннаго войска, которое и называлось потому *квартинымъ*.

средства, получаемыя съ имѣній. На противъ, козаки ополчались для войны съ врагами христіянства, съ своими союзами христіянами и съ самими панами на счетъ одной добычи своей. Ихъ собственное содержаніе въ походѣ, ихъ оружіе, военные спаряды и даже содержаніе домашнихъ, въ оставляемыхъ позади („за шеломянемъ“) хуторахъ, селахъ и городахъ,— все это подобно было извлечь изъ военного промысла, если не считать заработковъ рыболовныхъ и охотничихъ, сравнительно скучныхъ.

Пора намъ отпестись къ исторіи козачества побуднившему. Перестанемъ искать въ ней художественного воспроизведенія Бовы Королевича, избивающаго Полкановъ, Маркобруновъ и другихъ страшныхъ воителей. Театральные подмостки, съ которыхъ намъ показывали украинскихъ героевъ, не привлекаютъ больше любопытства нашего; за богато расписанными декорациями сказывается намъ артистическое убожество. Конечно, для нашей умственной лѣни всегда будутъ нужны авторитеты между историками и великие войны между историческими личностями; но время всѣ-таки береть свое даже и надъ классически направленнымъ образованіемъ.

Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы

начинаютъ занимать развитую критикою россійскую голову, хотя бы даже и замороченную немногого классицизмомъ. Исторія предковъ нашихъ вліяетъ неизбѣжно на события нынѣшняго дня нашего; дѣянія предковъ нашихъ — каковы бы они ни были, малыя, или великия, позорныя, или достохвальныя — неотразимо будутъ господствовать надъ судбою нашихъ дѣтей и внуковъ, подобно таинственному, неизбѣжному гороскопу. Изъ театраловъ, довольныхъ интересными случайностями, приходится намъ обратиться въ озабоченныхъ развѣдывателей, почему предкамъ нашимъ было не до сценической картинности, не до kostю-

мировки. Изъ людей, для которыхъ исторія была чужой бѣдою или чужимъ счастьемъ, мы должны стать людьми, сводящими съ цею старые счеты, въ избѣжаніе штрафа за нашу беспечность... Потщимся всячески „уразумѣть истину“, хотябы даже цѣною самоуниженія въ глазахъ тѣхъ, чьи предки, по сказанію величавыхъ историковъ, были безупречные, достохвальные рыцари. Не послужимъ даже повтореніями, лишь бы утвердить въ сознаніи своеемъ, что мы такое, и какъ дошли до нынѣшняго нашего Я.

Для беспристрастного и правильного разбирательства споровъ между законно и незаконно разбойничающими людьми, необходимо намъ имѣть въ виду слѣдующее.

По юридическимъ актамъ, земля украинская принадлежала шляхтѣ, такъ какъ въ государственной канцеляріи, безъ особенной разборчивости, отмѣривались панамъ на бумагѣ, для заселенія, обширныхъ пространства отъ рѣки до рѣки, отъ уроцища до уроцища, отъ шляху до шляху,—пространства, на которыхъ уже существовали слободы людей болѣе смѣлыхъ и предпріимчивыхъ, полагавшихся на личныя средства и соединявшихъ вокругъ себя народъ собственными моральными силами. На дѣлѣ эта земля принадлежала козакамъ, между которыхъ врѣзывалась шляхта съ половыми поселенцами, часто переманенными ею изъ слободъ, принадлежавшихъ другимъ гербованнымъ панамъ, или негербованнымъ байбузамъ, обѣпленiemъ болѣе продолжительного льготнаго времени. При тогдашнемъ состояніи пастбищъ, при обширности пространствъ, отдѣлявшихъ одну купу козацкихъ хуторовъ отъ другой, привилегированные пришельцы были скорѣе въ помоць, нежели въ убытокъ вольнымъ степнякамъ; но козаки, по преданію отъ отцовъ и матерей, сохранили нѣкоторую непріязнь къ богатому, лощеному сословію, отъ котораго ихъ предки бѣжали въ дикия степи. Эту непріязнь внушали они и шляхетскимъ подданнымъ. Въ эпоху величайшихъ сословныхъ успѣховъ своихъ, не

могла шляхта понять, что на этой землѣ, занятой вторично послѣ татарского лихолѣтья русскими простолюдинами во имя личной свободы своей, ея шляхетско-государственное начало, ея привилегированная общественность, ея латинская народность — не примѣнны. Папскія населенія, перемѣшанныя съ козацкими, дышали здѣсь инымъ духомъ, чѣмъ въ глубинѣ шляхетчины, гдѣ ужъ вѣкамъ утвердилось полное преобладаніе привилегированаго народа надъ непривилегированнымъ. Козацкій духъ, легко сообщавшійся смиреѣннымъ панскимъ поселянамъ, покамѣсть, выражался только бѣгствомъ отважнѣйшихъ людей изъ панскихъ селъ въ козацкіе хутора и слободы; но онъ глубоко проникалъ массы рабочаго люду и въ особенности сильно распространялся въ городахъ и мѣстечкахъ между ремесленною молодежью. Козакъ дѣлался для простолюдина идеаломъ человека; козацкая жизнь дѣлалась для него идеаломъ вольной жизни. Можно полагать, что козацкія пѣсни, неумолкающія въ Украинѣ до сихъ поръ, родились въ тѣ времена, и что тогдашній народъ, видя передъ собою свободу въ образѣ козака, окружилъ его тѣми цвѣтами воображенія, которые дороги нынѣшнему украинцу по воспоминанію о славныхъ временахъ козачества и по надеждамъ, связаннымъ съ его существованіемъ. Поэтому-то козаки, будучи впослѣдствіи малочисленнѣе остального населенія Украины, были всегда сильнѣе его, а спла ихъ выростала еще болѣе отъ общей надежды добиться и себѣ такой же свободы съ ихъ помощью.

Разбросанные по всему пространству Украины, козаки дѣлились: на лѣвобережныхъ Днѣпрянъ, обитавшихъ между городами: Остромъ, Нѣжиномъ, Лубнями, Полтавою; на правобережныхъ Днѣпрянъ, которые жили въ окрестностяхъ: Чигирина, Черкасъ, и т. д. до Житомира и за Житомиръ; на Божанъ, поселившихся по рѣкѣ Богу, вокругъ городовъ Брацлава, Винницы, Ладыжина, Уманя, и на Запорожцевъ, кочевавшихъ въ степяхъ и лугахъ, за Порогами, между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Этихъ послѣднихъ на-

зывали низовцами, отъ слова *Nizz*, которымъ обозначалось все пространство земель отъ Пороговъ до Чорнаго моря и отъ Днѣпра до Днѣстра; и они-то составляли главную опору всего козачества, такъ какъ ихъ притоны были не только не доступны для шляхты, но даже и не извѣстны ей. Владѣльцы сель, кто бы они ни были, не могли преслѣдовать въ дикихъ поляхъ, въ топкихъ прирѣчныхъ заросляхъ, въ лѣсахъ и байракахъ — бездомныхъ скитальцевъ, которые сдружились съ дикою природою, доступною только птицамъ да звѣрямъ, и даже безъ коня, безъ хлѣбныхъ сѣстныхъ запасовъ, съ самопаломъ, а не то — съ лукомъ и рыболовною сѣтью, находили тамъ себѣ, хоть и бѣдственное, но подъ часъ привольное, а чтѣ всего важнѣе было для козака — независимое существованіе. Самое пространство, отдѣлявшее ихъ козацкіе *прикмѣты*, или знаки, понятные только товариству, отъ земель, которыя мы назовемъ жилыми, давало полную возможность многолюднымъ толпамъ оставаться въ всякихъ наблюдений узаконенной шляхтою власти.

Въ этой-то пустынѣ гнѣздилась та *воля*, которая присвоила козаку его вѣчный эпитетъ. Въ эти степи приходили козаки для охоты и рыболовства не только изъ польской Украины, но изъ московскаго Дону. Здѣсь, въ удаленіи отъ всего шляхетскаго, образовалось козацкое братство, въ которомъ всѣ были равны, въ которомъ и предводитель, облеченный диктаторскою властью, носилъ одежду одинаковую съ каждымъ, въ которомъ не считалось хвастовствомъ и „пыхою“ надѣть богатый нарядъ въ такомъ только случаѣ, когда онъ снимался собственными руками съ убитаго турчина или татарюги. Это-то добровольно нищенствующее братство основало славную Січь Запорожскую, гдѣ хранились военные припасы козацкіе, гдѣ была рыцарская школа для козацкой молодежи, и куда ни подъ какимъ видомъ не могла быть введена женщина. Запорожье было убѣжищемъ и, такъ сказать, общимъ очагомъ всего козачества, и потому все козацкое войско, гдѣ бы

оно ни находилось, называло себя Запорожскимъ. На Запорожье посыпали внослѣдствій войсковые и промышленные козаки свои жалобы на притѣженія со стороны пановъ и ихъ арепдаторовъ; изъ Запорожья являлись въ Украину мстители для расправы съ такъ называемыми душманами, то есть душителями народа; Запорожье было такъ сказать капитулою козацкаго рыцарства: на чомъ оно рѣшало, на томъ весь козацкій народъ становился.

Шляхетскій духъ не могъ ужиться на Украинѣ съ духомъ козацкимъ, тѣмъ болѣе, что и шляхтичъ и козакъ понимали свои права и взаимныя отношенія каждый по-своему.

Шляхтичъ, воспользовавшись неблагопріятными для польскихъ королей обстоятельствами, а въ особенности избирательнымъ введеніемъ ихъ на престолъ, мало-помалу захватилъ всѣ выгоды общественного положенія, во вредъ низшимъ сословіямъ, заключивъ понятіе о народѣ и государствѣ только въ своемъ сословіи, присвоилъ одному себѣ честь защиты отечества и законодательную власть въ немъ, наконецъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, началъ смотрѣть на себя, какъ на апостола единой истинной вѣры, и на творца государственного единства, при посредствѣ католической пропаганды и двоякой унії, политической и церковной. Самоуваженіе шляхтича было полное; спѣсь его доходила до безумія. Онъ боготворилъ свои гербовые знаки; онъ дѣлалъ для себя чѣмъ-то въ родѣ символа вѣры родовыя преданія, обыкновенно разъѣчи-ваемыя тогдашними грамотѣями по правиламъ схоластического краснорѣчія. Все, исключенное изъ участія въ его привилегіяхъ, считалъ онъ просто служилою силою, по никакъ не частію націи или республики, потому что съ понятіемъ о пації и республикѣ у него всегда было неразлучно понятіе о шляхетствѣ.

Съ другой стороны, козакъ, вырвавшись бѣгствомъ на волю изъ-подъ опеки шляхты, опеки, мало чѣмъ отличавшейся отъ той, съ какою обыкновенно относится хозяинъ къ живому инвентарю въ своемъ хозяйствѣ, — былъ чуждъ всѣхъ унаследованныхъ

шляхтою понятій о государствѣ, какъ о хранилищѣ вольностей шляхетскихъ, о неравенствѣ между собою человѣческихъ личностей, вслѣдствіе какихъ-то шляхетско-сеймовыхъ операций, и даже объ отечествѣ, въ томъ смыслѣ, какъ разумѣть отечество шляхтичъ, заставившій работать на себя нѣсколько разныхъ народностей. Для козака существовалъ только *рідный край*, въ смыслѣ земли, заселенной его родомъ, племенемъ и вообще, какъ любить говорить украинецъ, добрыми людьми. Онъ не уважалъ польскихъ законовъ, составленныхъ безъ его вѣдома на сеймахъ, гдѣ шляхетскія партіи увидались вокругъ избирательного короля и торговали у него права и преимущества не только для своего сословія въ ущербъ другимъ сословіямъ, но и для своихъ фамилій въ ущербъ сословію шляхетскому. У него были свои древніе законы — обычаи, подавленные шляхтою въ порабощенныхъ ею селахъ и возстановленные въ козацкомъ вольномъ обществѣ.¹⁾ Чтѣдѣ сказется до вѣры, то, принимая въ соображеніе бѣгство козаковъ и скитанье по пустынѣ, предшествовавшее ихъ размноженію и осѣданому быту, едвали не слѣдуетъ согласиться съ старыми польскими писателями, что козаки сами не знали, во чтѣ вѣровали. Догматическая часть христіянства необходимо была у нихъ въ *занедбаннї*. Они знали только одно, и знали твердо: что у нихъ вѣра не шляхетская. Слѣдя ученію Христа, перешедшему къ нимъ въ степную Украину болѣе изустнымъ, чѣмъ письменнымъ путемъ, они никакъ не допускали тожества русскаго Иисуса съ польскимъ Іезусомъ, во имя котораго въ городовой Украинѣ паны разгоняли поселянъ изъ церквей и принуждали силою къ унії или къ католичеству. Они знали, что предки ихъ бѣжали въ степи на волю,

¹⁾ См. драгоценную статью Н. Д. Иванющева: „О древнихъ сельскихъ Общинахъ въ Юго-западной Россії“ (*Русск. Бес.* 1857 III.) Н. И. Костомаровъ нашолъ въ Литовской Метрикѣ документъ, въ которомъ сельскія *копы* и *тромады* г. Иванющева называются *вѣчами*. Къ сожалѣнію, списанная имъ копія потеряна и до сихъ поръ не повторена.

отъ пановъ-католіковъ, и поэтому панъ-католікъ мало-помалу сдѣлался имъ наконецъ чѣмъ-то столь же антипатичнымъ, какъ и бусурманъ, набѣгающій на мирныя села съ лукомъ и арканомъ, какъ и жидъ рандарь,¹⁾ заѣдающій хлѣбороба подъ панскими покровительствомъ. Пзвѣстно, какъ хитро коренные польскіе паны вмѣстѣ съ ксензами переманили въ католичество пановъ старорусской вѣры. Кто изъ русскихъ пановъ и оставался еще въ тѣхъ называемомъ благочестії,—и тотъ ужъ, въ глазахъ козаковъ, сохранилъ только русскія kostи, но обросъ польскимъ мясомъ, какъ это они высказывали потомъ въ глаза „благочестивымъ“ панамъ украинскимъ,—напримѣръ, Адаму Кисілю. Споры между церковными братствами и узаконенными королемъ унитскими іерархами, будучи чужды козакамъ въ экономическомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе отражались въ ихъ сознаніи непріязнью къ латинцамъ, творцамъ унії, и чѣмъ дальше, все больше. Сословная ненависть претворялась въ религіозную. И вотъ на такихъ-то дрозджахъ варилось понемногу въ Украинѣ то пиво, изъ котораго козаки, въ свое время, „зробили зъ ляхамъ превеликое діво“,—варился тотъ „пивный квасъ“, за который „не одинъ козакъ ляхъ, мовъ бы скурюю сына за чуба потрясь“. ²⁾

Подъ предводительствомъ Косинскаго, козаки какъ-будто сдѣлали только рекогносцировку будущей арены своей борьбы съ польско-русской шляхтою. Подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка, они помѣрялись военнымъ искусствомъ и силою съ короннымъ войскомъ. Потерявъ плоды прежнихъ походовъ на Солобницѣ, эта военная община продолжаетъ, однакоожъ, идти прежнимъ путемъ къ развитію силы своей и, подобно организму недѣлимаго, постепенно возвращаетъ утраченное, а за тѣмъ принимаетъ мало-помалу размѣры, опредѣленные условіями прошедшаго и настоящаго. Лишь только не стало этой общинѣ дѣла

¹⁾ Арендаторъ.

²⁾ Изъ кобзарской думы временъ Хмельнищины.

дома, она ищетъ его въ Московскомъ царствѣ, совершенно тѣмъ способомъ, какимъ искала въ Волошинѣ, куда таѣ же во-дила вмѣстѣ съ пограничными панами не одного самозванца; а когда Московщина успокоилась, на короткое время, подъ управле-ніемъ названного Димитрія, украинскіе козаки возобновляютъ свои морскіе походы. Начавшіяся въ Московщинѣ смуты увлекли ихъ туда снова возможностью военного заработка, инстинктомъ роста своего. Безпощадно грабить они города и села московскіе; но, лишь только возворился въ Московщинѣ какой-нибудь порядокъ, снова стало слышно по свѣту о морскихъ походахъ козац-кихъ. Кафа, эта главная контора невольницкаго торга, которую Михалонъ Литвинъ называетъ ненасытною пучиною, пьющею русскую кровь,¹⁾ подверглась ожесточенной мести козацкой въ 1612 году, а въ слѣдующихъ 1613—1616 годахъ повторились неслыханные до тѣхъ поръ морскіе набѣги на берега Анатоліи и Малой Азіи. „Вся земля агарянская“, сказано въ одной украин-ской хроникѣ, „стонала тогда отъ меча козацкаго и пылала огнемъ козацкимъ“. Но этотъ опоэтизованный образъ козацкой жизни, въ реальномъ смыслѣ, означалъ почти то, что означаетъ нынѣш-нее чумачество, именно—необходимость заработка на сторонѣ.

Результатомъ этихъ заработковъ, этого послѣдовательнаго уве-личенія роста козацкаго соціального тѣла, были, между прочимъ, новые успѣхи колонизаціи между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Идея украинскаго движенія (своего рода Drang nach Osten), послѣ от-чаяннаго и неудавшагося козакамъ бѣгства въ половецкую землю, опять сдѣлалась мыслимою въ территоріальномъ значеніи своемъ, не взирая ни на пановъ, которые жаждали только крѣпостной ко-лонизаціи, ни на мусульманъ, которые „оттоманскою землею“ считали все пространство, занимаемое когда-либо подвижными селами татарскими. Эти двѣ враждебныя козачеству силы, турец-

¹⁾ Non urbs, sed vorago sanguinis nostri.

кая и польская, были, покамъстъ, развлечены дѣлами, поглотившими все ихъ вниманіе, потребовавшими всего ихъ времени, истощавшими вѣсЬ ихъ ресурсы, и потому ничто не мѣшало козачеству рости шире и шире. На взглядъ поверхностный, исторія борьбы козачества съ панами какъ-будто прервалась лѣтъ па 20 послѣ погрома козаковъ подъ Лубнями; но въ сущности прекратились только тѣ явленія, которыя, по прежнему взгляду па былое, считаются главнымъ предметомъ исторіографіи: козаки не дрались больше съ коронными и панскими войсками: они только ремонтировались. Ихъ походы въ Московщину, имѣвшіе этотъ, а не иной жизненный смыслъ, введены историками въ повѣствованіе о польско-московскихъ смутахъ, подъ рубрикою накопленія всякаго сброду, привлекаемаго войною. Соціальный организмъ этого „сброва“ безразлично смышивался ими съ безличными и безцѣѣтными въ исторіи шайками; а земли, обезпечиваемыя дома военно-разбойникою дѣятельностью козаковъ, „Volumina Legum“ приписывали къ панскимъ, подъ названіемъ „пустынь“, которыхъ, разумѣется, паны безъ козаковъ никогда бы не отмѣрили себѣ саблею. Кто выдвигалъ впередъ самые опасные форпосты, кто возвращался по нѣсколько разъ на сѣлица и замковища, облитыя кровью и засыпанныя пепломъ,—объ этомъ не находимъ въ обширныхъ „Volumina Legum“ ни одной строчки, да и въ полевыхъ транзакціяхъ, въ посольскихъ переговорахъ, въ офиціальныхъ письмахъ о событияхъ дня, лишь мелькомъ проглядываетъ фактъ, очевидный для настъ со временъ Претвича,—именно: что колонизація опустѣлой Руси совершилась подъ прикрытиемъ козачества, и что правительство польское, слѣдовательно панское, только потому не замкнулось въ опредѣленныя границы, что козаки, подвигаясь впередъ и впередъ, не давали ему замкнуться. Эти разбойники, враги польской государственности, вели пановъ-государниковъ на буксирѣ, приневоливали ихъ выдвигаться впередъ и впередъ.

Изъ числа опасныхъ форпостовъ по пограничной линіи Днѣстра (засна рѣка, говорить о немъ Жолковскій), сдѣлались въ этотъ темный періодъ извѣстны на Днѣстрѣ, ниже Подольскаго Каменца, Камянка, Рацковъ, Бершада. Бершаду „осадилъ“, то есть населилъ, на пустомъ уроцищѣ, „осадчій“, или колонизаторъ, короннаго краичаго, князя Корецкаго, по прозвищу Босый. Этотъ княжескій староста пользовался болышию популярностью и, съ замковыми козаками, удерживалъ разливъ мусульманской силы по направлению къ Брацлаву, Острогу, Тернополю, Львову.¹⁾ Сперва онъ жилъ на рѣкѣ Богѣ; теперь перешолъ на Днѣстръ. О

¹⁾ Объ этой интересной личности упоминается въ письмѣ Жолковскаго къ королю изъ Бара, отъ 12 июня 1614 года. Жолковскій писалъ:

„Gdym iusz wyiechał w drogę swą ku Ukrainie, pogonił mię P. Starosta Trembowelski na pierwszym noclegu, który mi przyniósł w sprawach dotykających się powinności mojej Służby W. K. Mci rezolutię y roskazanie W. K. M.... Zastałem Ukrainę w wielkiej trwodze, po zamkach strzylania z działa, zabiegów; iesze w drodze iędły mie potykać wiesci, a y od samego Bossego przyniesiono mi list, iako go Tatarowie na Telegoli (iest dolina na Polu Bialogrockim) gromili. Ta rzecz iako słała choć się podno (podobno) przedłuży, ale, yz poniekąd nalezy do obiasnienia spraw, które nastepują, iako naykruczey Wy pisuję. Szachin Gerei Soltan, pusciszy glosz, ze do Persyey iechał, vkrywał się z mieisce na mieisce po tych pustyniach dzikich pol, niemaiąc przy sobie pod osmdziesiąt człeka. Dlugo nie mógł o nim wiedzieć Czar Krimski, stry iego; asz potym, gdyż się poczęło obiawiacz, mislił tu do Panstw W. K. Mci vciekać Sachin Gerei y zroczał sobie czasz z Bossem, osadzą Bersady, maietnosci J. M. Pana Krayczego Koronnego, na Telegoli się ziechać. Tym czaszem innotuit Czarnowici, ze Sachin Gerei na polu. Rozdzieliwszy tedy Woiska swe na Pułki, kazał go powszytkim polu, ba y sam poszedł szczią Woiska, leisować. Nim się tedy mógł zejść Sachim Gerei z Bossem, poprzedzili Woiska Czarskie, pogromili, iako się wyzei wspomniało, Bossego na Telegoli. Stracziwszy kilkadziesiąt człeka, dobrodzieystwem noczy sam vszedł. A na Sachim Gereia natrafił szczęciem sam Czar. Choć v nierowni liczbie, ménnie się Sachin Gerai stanowił Czarnowici. Pogromiwszy jednak, ranny vszedł, iako mam sprawę, na Dunaj na Dobrukę. Posłał Czar zanim pogonią. Dotąd nie wiem, co się tam dali stało, bo tez to swieze kłotnie; wtamtym przeszlym tegodniu się to działa. Ztądze y te trwogi na Ukrainie, ze wtakie bliskosci te Woyska. Jakoz y podbiegali dzis tydzieu Tatarowie pod Buki dla dostania zywnosci; pojmano od nych dwóch Tatar, y ci powiadają o Wielkości Czarskich Woisk. Wszystkieu Ordzie kazał się do siebie zchodzić, a sam, pogromiwszy Sachin Gereia, do Tehinię się obrocił...“

его подвигахъ знали на всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Дуная; знали и въ самомъ Константинополѣ, такъ что наконецъ, въ 1616 году, притонъ Босого сдѣлался однимъ изъ главныхъ пунктовъ переговоровъ между двумя государствами, Турціею и Польшею. Турки пастаивали, и настояли, на его уничтоженія. Но пока до этого еще не дошло, султанъ писалъ о немъ и о другихъ, днѣпровскихъ козакахъ къ Сигизмунду III письмо, характеризующее этотъ, до сихъ поръ мало известный моментъ нашей исторіи. „Паланки, въ которыхъ живутъ козаки“, говорилъ султанъ, „построены по заключеніи между нами мира. Вместо того, чтобы ихъ, согласно нашему договору, разрушить, вы недавно снабдили живностью, военными людьми и арматою. Такъ, недалеко отъ Тагини (за Днѣстромъ) основана паланка Босого, въ которой живеть не мало этихъ разбойниковъ. Недавно изъ Очаковаѣхъ 27 человѣкъ. Разбойникъ Босыѣ захватилъ 25 изъ нихъ въ плѣнъ, а два человѣка ушли и объявили объ этомъ нападеніи. Развѣ можно назвать это миромъ? Для обѣихъ сторонъ выгодно будетъ разрушить Босого паланку, а также Корсунь, Бѣлую-Церковь, Черкасы, Переяславъ и другія подобныя имъ, построенные по заключеніи между нами мира: пусть не расторгаютъ мирныхъ отношеній. Доколѣ эти новыя паланки не будутъ сравнены съ землею, до тѣхъ поръ козакиѣ разбои не могутъ быть остановлены. Или сами ихъ уничтожьте, или нашимъ войскамъ не мѣшайте ихъ разрушить. Этимъ укрѣпите вы прежнюю дружбу и миръ между нами. Тогда мы и татаръ удержимъ отъ набѣговъ. А если вы ни того, ни другого не сдѣлаете, это послужитъ намъ доказательствомъ, что паланки основаны съ вашего согласія, и мы не только не станемъ удерживать орду отъ набѣговъ, но еще сами будемъ посыпать ее въ ваши владѣнія.“

Такимъ образомъ колонизація пустынь выходила дѣломъ не штурмочнымъ: козацкими ли, или шляхетскими головами, только не-

премѣнно надобно было за нее расплачиваться. Но бросимъ взглѣдъ на то, что дѣжалось въ старыхъ поселеніяхъ.

Двадцатилѣтіе съ погрома Наливайка и обнародованія церковной унії, двухъ важныхъ событій польско-русской исторіи, вывело на сцену иныхъ дѣятелей равноправности и иныхъ подвижниковъ православія. О первыхъ будеть рѣчь далѣе; о вторыхъ замѣчу теперь, что это не были уже безсильные крикуны и болтуны, наполнившіе архивы двусмысленными актами: это были реально дѣятельныя личности, у которыхъ слово было обюду-острымъ мечемъ, заграждавшимъ уста клеветникамъ и водворявшимъ силу, новую въ тогдашней отрозненной Руси, силу науки и самосознанія. Пріются, на первый разъ, подъ полою у людей полноправныхъ и неприосновенныхъ для насилия,¹⁾ точно старинная алхімія, эта полусерьозная, полуスマшная бабушка химіи, странствовавшая изъ замка въ замокъ, — просвѣщеніе русское вышло изъ-подъ хранительной сѣни великудущно-тычеславныхъмагнатовъ на открытую арену, вышло въ народъ и засѣло кругомъ мѣщанскихъ и поповскихъ очаговъ. Въ то время, когда въ Острогѣ, на могилѣ прославленного историками Константина-Василія, безцеремонно водворились католики, яко на свое мѣшнемъ займищѣ, — Львовъ, Вильно, Витебскъ и Киевъ готовили, въ новомъ поколѣніи, интеллигенцію въ духѣ Іоанна Вишенскаго. Отсюда, изъ мѣщанской среды, изъ убогихъ священническихъ

¹⁾ Авторъ „Апокріпса“ объясняетъ слѣдующими словами причину посвященія книги своей могущественному Яну Замойскому: „Зная по опыту, что многія, хотя и нужныя, сочиненія пожертвы отнемъ человѣческой злобы, или растоплены имъ какъ воскъ, и издавая въ свѣтъ это мое сочиненіе, я разсуждалъ, какъ бы его предохранить отъ такого огня. Много разныхъ средствъ къ этому представлялось мнѣ, когда я размышлялъ объ этомъ, но между ними не было ни одного, которымъ бы я надѣялся обезопасить свое сочиненіе такъ, какъ думалъ. Такія-то тяжкія во всѣхъ отношеніяхъ времена наступили для насъ, людей греческой вѣры“, и пр. Далѣе: „отъ васъ, милостивый панъ, надѣюсь благосклонности и защиты отъ всякаго насилия.“

домовъ, изъ домовъ таіъ называемой низшей шляхты¹⁾ брались типографы, полемики, богословы и школьные учителя, поднявшіе народную борьбу съ враждебнымъ элементомъ выше козацкаго уровня. Голосъ ревниваго охранителя родной церкви, Иоанна Вишненскаго, не былъ, конечно, явленіемъ исключительнымъ. Самая сила его, чувствуемая даже черезъ два съ половиною столѣтія, показываетъ, какъ обширна была аудиторія: ибо всякая спла единичной личности пропорциональна могуществу представляемой ею и создавшій ее массы, которую она, въ свою очередь, ведетъ далѣе... Аeonъ сдѣлался, въ то время, можно сказать, Синаемъ для отрозненной Руси. Освященный воспоминаніями со временъ преподобнаго Антонія, который тамъ получилъ монашеское постриженіе, онъ замѣнилъ для настъ на время самій Царьградъ съ его беспомощнымъ патріархатомъ. Монашество, отшельничество, отчужденіе прелестей міра и всякия скверны его, уже и во времена варяго-русскія держало знамя церкви выше, нежели духовенство бѣлое, которое было связано съ князьями и боярами не столько духовными, сколько материальными узами. То же самое монашество и отшельничество подняло и теперь это знамя высоко надъ отрозненою Русью. Въ то время, когда создатели и благодѣтели святыхъ храмовъ нашихъ собственными руками превращали ихъ изъ домовъ молитвы въ вертепы разбойниковъ,— на Аeonской горѣ, среди жестокосердаго агарянства, залившаго древній христіанскій міръ,— точно ковчегъ на Ааратѣ, сохранилась обуреваемая церковь русская, во всей чистотѣ и строгости своихъ преданій. Она ждала, пока затихнутъ хоть немного бури житейскихъ напастей, и дождалась: въ 1620 году, величайшемъ изъ всѣхъ годовъ новой исторической эры нашей отъ татарскаго лихолѣтья, предсказанія инока Иоанна сбылись: Кіевъ еще разъ явился рели-

¹⁾ Это название даетъ шляхтѣ, пребывавшій въ городахъ, князь Константинь-Василій Острожскій. (См. письмо его отъ 6 іюля 1596 года, въ приложеніяхъ ко II тому.)

гіознымъ, хранимымъ просвѣщеною іерархіею центромъ православной Руси. И вотъ, въ то время, когда въ знаменитомъ городѣ Острогѣ пересталъ дѣйствовать въ пользу православныхъ типографскій станокъ; когда наука изъ-подъ полы развлеченнаго множествомъ интересовъ магната перешла въ общину мелкихъ людей, сосредоточенныхъ на своемъ русскомъ бытѣ или не бытѣ; когда мѣщане начали искать спасенія церкви и вѣрѣ своей въ ученыхъ бѣднякахъ и общими заботами устраивать при церквяхъ школы; когда къ первымъ разсадникамъ самобытнаго просвѣщенія, Львову, Вильнѣ, Витебску, прибавился Кіевъ, запущенный бывшимъ его воеводою, но предпазначенный ко вторичному возрожденію Руси,— козаки, эта стоявшая впѣз закона корпорація, продолжали дѣлать свое никому непонятное, для всѣхъ чужое, а для многихъ крайне досадное дѣло. Воинствующая церковь, олицетворяемая стойкимъ мѣщанствомъ и благочестивымъ духовенствомъ, съ одной стороны, и воинствующіе защитники христіянскаго міра отъ магометанъ — съ другой, мало обращая другъ на друга вниманія, шли параллельными дорогами къ одной и той же цѣли — къ возстановленію русского общества изъ убогихъ остатковъ, къ возстановленію народа русскаго путемъ самосознанія, къ возсоединенію Руси отрозненной и низведенной до собранія панскихъ волостей, съ тою страдавшею и боровшеюся инымъ способомъ Русью, которая образовала изъ себя государство и по справедливости называлась Великою. Прослѣдимъ по отзывамъ враговъ и хулигей козачества (такъ какъ другихъ источниковъ у насъ не имѣется), какимъ образомъ это полуполитическое тѣло, при всей своей кажущейся дезорганизаціи, приходило послѣдовательно отъ силы въ силу.

Въ юлѣ 1601 года королевскій посолъ къ „перекопскому царю“, Лаврінъ Пісочинскій, доносилъ королю изъ Ясъ, что къ хану идетъ изъ Москвы посолъ, и что ханъ послалъ на встречу нѣсколько тысячи войска; „ато запорожцы какъ разъ переняли

бы и ограбили его въ поляхъ“, замѣчасть Пісочинскій. Слышно также изъ Бѣлгорода (продолжалъ онъ), что турки очень боятся низовыхъ козаковъ, которые уже „выбрали“ одно турецкое поселеніе при устьѣ Днѣстра. Вотъ подвиги, характеризующіе казачество. Но къ такимъ подвигамъ побуждала ихъ, кроме вѣчной двигательницы энергіи людской — нужды, самая задача ихъ существованія, задача — вездѣ заграждать путь врагу христіянства, во всемъ ему противодѣйствовать. И во время проѣзда Пісочинскаго, турецкія и татарскія поселенія по ту сторону Днѣстра были полны христіанскихъ невольниковъ. Лаврінъ Пісочинскій писалъ къ королю, что около Бѣлгорода, по волошскимъ деревнямъ, которыя держитъ перекопскій царь и которыми завѣдываетъ его слуга Назылъ-ага (то самое, чтѣ въ Польшѣ староста или державца), видѣлъ онъ, равно какъ и въ самомъ Бѣлгородѣ, „великое множество королевскихъ подданныхъ, недавно побранныхъ въ разныхъ мѣстахъ по украинамъ“. Этихъ людей продавали, точно скотъ, на базарѣ, и королевскій посолъ напрасно протестовалъ противъ того, что пленники взяты въ мирное время. Единственный резонъ,убѣдительный для варваровъ, могли представить имъ козаки, рѣшившіе однажды навсегда вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ бусурманамъ. Слухъ обѣ ихъ близости носился уже по городу, и тревога о предстоявшемъ козацкомъ наѣздѣ была такъ велика въ Бѣлгородѣ, что даже нанятую посломъ галеру немедленно очистили, причомъ некоторые изъ посольскихъ вещей пропали вмѣстѣ съ деньгами, уплаченными за пересвозъ въ Козловъ, и никогда не возвращены.¹⁾

Въ Крыму, куда вскорѣ затѣмъ прибылъ Пісочинскій, только и рѣчи было, что о козацкихъ разбояхъ. Пісочинскій жаловался ханскому правительству на татарскія вторженія, но ему отвѣчали: „Если наши люди были въ королевской землѣ, то они ходили

¹⁾ Рукоп. Императ. Публ. Бібл. отд. IV, № 71, л. 42.

за своими шкодами: козаки въ нашей землѣ надѣлали много шкодъ и побрали людей; таѣ наши отбирали у васъ свое добро и мстились.“ Ханъ строго выговаривалъ послу за козаковъ. Посоль изъяснилъ, что козаки не подданные польского короля; что между ними есть и турки, и татары, и жиды, и москва, и много людей изъ разныхъ христіянскихъ народовъ, а потому король ни передъ кѣмъ не можетъ поручиться за это своевольное скопище. „Вѣдь и въ Царыградѣ“, говорилъ посолъ, „много своеильныхъ людей, хотя султанъ приказываетъ своему магистрату соблюдать строгій порядокъ. Если въ одномъ городѣ нѣть возможности усмотрѣть за беспорядками, какъ же ты хочешь, чтобы не было своеильныхъ людей у короля въ его обширныхъ владѣніяхъ и широкихъ границахъ?“ Но хана невозможно было увѣрить, что козаки — не королевские подданные. Обѣ этомъ передавали послу, на другой день, мурзы. „Бывають между ними и королевские подданные“, изъяснялъ Шисчинскій, „по какіе? лишенные чести, приговоренные къ смертной казни, изгнанные и не имѣющіе больше у насъ мѣста. Развѣ можетъ король за такихъ отвѣтчать? Козаки“, продолжалъ онъ, „и самому королю причиняютъ много вреда. Королевскія войска часто карали и караютъ ихъ, кого только досягнутъ, но никакъ не могутъ выгубить; пускай царь (то есть ханъ), выгубить ихъ до одного, когда они придутъ въ его землю. Король будетъ очень доволенъ“. ¹⁾

Весною 1602 года, низовые козаки, въ 2.000 коней, стоя надъ рѣчкою Каменкою за Брацлавомъ, предлагали свои услуги волошскому воеводѣ, но тотъ поблагодарилъ ихъ за расположность и отказался. Всльѣдъ затѣмъ разнесся по турецкимъ побережьямъ тревожный слухъ о козацкихъ чайкахъ, вышедшихъ въ Чорное море, и въ то же самое время въ Бѣлгородѣ боялись наѣзда Босого съ рѣки Бога, — того самого колонизатора пустынь,

¹⁾ Тамъ же, л. 47.

о которомъ упомянуто выше, и который потомъ „осадилъ“ на Днѣстрѣ Бершаду. Пісочинскій, находясь вторично въ посольствѣ, писалъ къ королю отъ 12-го мая изъ Бѣлгорода: „Здѣсь всѣ вѣ большої тревогѣ. Говорятъ, что изъ Днѣпра вышло на морѣ тридцать чаекъ, и каждая несетъ по 50 и 60 козаковъ, а съ чайками пѣсколько галеръ, отнятыхъ козаками у турокъ.“ Черезъ пять дней опять писалъ, что слухъ подтвердился. „Козаковъ было на морѣ 30 чаекъ, и недалеко отъ Килии бились они съ турчиномъ Гасанъ-агою¹⁾. Турчинъ спасся бѣгствомъ, но галеру козаки взяли. 13-го мая подошли они къ Бѣлгороду и остановились у Бугаза, то есть на устьѣ, „гдѣ Днѣстрѣ впадаетъ въ морѣ съ Овидовыми-Озеромъ“. Тамъ они захватили корабль, который плыть одинъ изъ

¹⁾ Авторъ „Богдана Хмельницкаго“, въ 3-мъ изданіи этого сочиненія (т. I, стр. LIII), говоря о битвѣ козаковъ съ Гасанъ-агою, создалъ небывалаго у козаковъ атамана Килея. Онъ говоритъ: „Казацкій атаманъ Килей бился на морѣ съ турецкимъ агою Гассаномъ и разбилъ его.“ Рукопись, изъ которой почтенный сочинитель заимствовалъ новый исторический фактъ, читается, на л. 106, такъ: „Kozakow Dnieproprowskich 30 czaiek, iakom W. K. Mci oznaimi, bylo na morzu, i nie daleko Kiliei mieli potrzebę z Hasan Agą Turczynem.“ Такимъ образомъ городъ Килия превратился въ атамана Килея! Такъ-то бываетъ мудрено писать исторію чужого народа! Бѣднымъ землякамъ моимъ не разъ приходится восклицать: *Бачъ! изъ нашого хворосту та намъ же и карлючку замнуу!* Я помню времена, когда тотъ же почтенный сочинитель объяснялъ своей довѣрчивой публикѣ терминъ *дейнеки* несуществующимъ и невозможнымъ въ украинскомъ языке словомъ *де-не-який*. Это стоять атамана Килея и церкви у первыхъ запорожцевъ. О такой мелочи, повидимому, не слѣдуетъ намъ заботиться. Нѣтъ, слѣдуетъ! Н. И. Костомарову, какъ иноплеменнику, украинцы замѣтили, послѣ его публичной лекціи, что его объясненіе не объяснительно; но онъ напечаталъ въ трехъ изданіяхъ своей монографіи о Выговщинѣ: „Пушкарь составилъ изъ нихъ (изъ голяковъ) пѣхотный полкъ; они назывались *дейнеками* [т. е., можетъ быть, *де-не-яки*: *кой-какие*]“ („Историческая Монографія“, т. II, стр. 73, изд. 1872 года). Точно такъ, въ той же книжкѣ, на стр. 73, объяснено слово *затязці*: „У гетмана были *затязные* полки [*затязці*, *наемные*]“. Мы, украинцы, не стыдимся сознаться въ незнаніи чего-нибудь, относящагося къ нашей старинѣ; по иноплеменнику, взявшемуся просвѣтить насъ по этому предмету, видно, кажется, что незнанія для него и быть не можетъ въ такомъ немудреномъ дѣлѣ, какъ исторія *казаковъ*. И то правда: что мы—народъ молчаливый; пока падумаемся молвить о себѣ слово, такъ намъ уже объяснять всю нашу подноготную—и пошли мы щеголять по свѣту *де-не-якими* людьми!

Кафы съ товарами. Турки успѣли бѣжать съ корабля, а грекамъ-христіянамъ козаки показали opus misericordiae: обобрали донага и дали свободу. Но вѣтеръ быль имъ противный, и они принуждены были стоять на мѣстѣ нѣсколько дней съ большою опасностью отъ турокъ.“ Въ городѣ между тѣмъ (по разсказу Піосчинскаго) трепетали сосѣства незваныхъ гостей запорожскихъ, и на каждую ночь всѣ перебирались въ замокъ, оставляя городъ пустымъ.¹⁾ Наконецъ, 16-го мая, козакамъ подуль благопріятный вѣтеръ, и, распустивъ паруса, опасные посѣтители направились къ Днѣпру. Описавъ это событие, Лаврінъ Піосчинскій прибавляетъ: „Козаковъ опять опасаются въ Еѣлгородѣ со стороны Днѣпра, а равно и Босого съ Бога.“

Во время захвата корабля, турки и татары грозили ему, что отправятъ въ Царьградъ; пускай-ко тамъ разспросятъ у него: зачѣмъ это онъ ѿздить къ хану граничиться по Чорное морѣ²⁾ да наводить сюда козаковъ! Потомъ требовали, чтобы посолъ, имеющій короля, приказалъ козакамъ возвратить галеру и товары съ корабля. Посоль отвѣчалъ: что это своеольные люди, а не поданные короля; что они столько же послушаются королевскаго посла, сколько и самихъ турокъ; что онъ, Піосчинскій, самъ боит-

¹⁾ „Jedno ia (писаль къ королю посолъ его), z Tlumaczem W. K. Mci u z czeladzi moja musialem tak in summo periculo trwać w mieście, bo mi roskazano od Sandzaka Bialogrodzkiego, aby m z gospody nigdzie nie wychodził i slug nie posyjał. Zyię tylko z wozkow; drzew i wody ledwo dostawaią, a we dnie i w nocy vstawicznie warując się trwogą i niebezpieczenstwa tak od Tararow i Turkow, iako i od Kozaków.“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. отд. IV, № 71, л. 106).

²⁾ Утраченной полаками границы Владислава Ягайла Піосчинскій домогался у хана въ 1601 году, и писаль объ этомъ къ королю слѣдующее:

„A gdy przyszło mowić o granice po Czarne morze, powiedzieli, ze to być nie moze, bo Czarne morze nie iest Carskie, ale Cesarza tureckiego. To by i Constantynopole było wasze? i by to Cesarz turecki wiedział, obrazał by się thym przeciw Krolowi panu twemu.“ Я отвѣчалъ (говорить Піосчинскій), „ze tu W. K. M. nie mowi nic o Konstantynopolu, o swoje własnosć tylko, o co teraz idzie, bo to zdawna koronie Polskiej nalezy, i co starzy Carowie zawzdy przyznawali.“ (Тамъ же, л. 57).

ся ихъ не меньше, какъ и бѣлгородцы. Насилу усилилъ бѣдный „недоляшокъ“ отречься отъ завзятыхъ соотечественниковъ и удержать за собою неприкосновенность посольского званія передъ раздраженными турками и татарами.

Въ день отплытія козаковъ изъ Цареграда, пришло въ Бѣлгородъ четыре галеры, предназначавшіяся для перевозки татаръ изъ Очакова, для похода въ Венгрию. Имъ тотчасъ бы слѣдовало пуститься за козаками въ погоню; но страшное для Польши могущество турокъ опиралось на шаткомъ основаній — на янычарахъ. Этотъ избалованный цареградскими деспотами народъ подражалъ имъ самимъ въ любви къ азіатской нѣгѣ и весьма неохотно ходилъ на войну. Любимою дѣятельностью янычаръ была торговля. Оружіе носили они для красы, для защиты отъ посягательства такихъ же, какъ сами, варваровъ, да для разбоевъ и грабежа, которые всегда сопутствовали торговлѣ въ грубомъ состояніи гражданскаго общества. (Не сопутствуютъ ли они и нынѣ кареагенянамъ XIX вѣка, обитателямъ такъ называемаго *города*, по его торговому господству надъ всѣми городами вселенной? ¹⁾) Обращикъ наглости и безстраниця относительно его сultанскаго деспотства явили въ своеемъ лицѣ янычаре, прибывшіе изъ Цареграда въ Бѣлгородъ на четырехъ галерахъ. Они подкупили бѣлгородскаго санджака, чтобы онъ замѣнилъ ихъ присутствіе на морѣ какимъ-нибудь народомъ, и такимъ образомъ далъ бы имъ возможность поторговать привезеннымъ изъ столицы товарами до возвращенія флотиліи изъ Крыма. Королевскій посолъ былъ свидѣтелемъ этой сдѣлки, и записать въ своеемъ дневникѣ, какъ санджакъ, въ свою очередь, исполнилъ долгъ вѣрноподданнаго. На другой день по отплытіи козаковъ, онъ сѣлъ, съ кѣмъ попало, на

¹⁾ Англичане никогда не пишутъ въ офиціальныхъ сношеніяхъ Лондонъ, а просто *городъ*, какъ римляне не писали Roma, а только igris. Всѣ народы, позволившіе обсчитать себя въ теченіе многихъ вѣковъ на миллионы миллиардовъ фунтовъ стерлинговъ, обязаны знать главную всемірную контруту плутократіи, безъ поименованія ея въ документахъ.

галеры и пустился якобы въ погоню за козаками, но, отплывши за ближайшую гору, простоялъ тамъ двѣ ночи и одинъ день; по-томъ вернулся въ Бѣлгородъ, какъ-будто не догнавши козаковъ.¹⁾

Королевскаго посла между тѣмъ осаждали чиновники санджака вмѣстѣ съ послами крымскаго хана. Они упрекали короля въ томъ, что онъ не хочетъ обуздывать козаковъ, а могъ бы это дѣлать, еслибы хотѣлъ. Вѣдь все это люди изъ его государства, а также изъ владѣній „князя Василія“, князя Збаражскаго и другихъ пановъ, подданныхъ королевскихъ. Перечисляли раздосадованные турки и татары даже города и посады, въ которыхъ живутъ козаки. Пісочинскій доказывалъ имъ „more solito“, что это — скопище людей изъ разныхъ націй, между которыми есть, конечно, и королевскіе своеольники. „Оглянитесь на себя“, говорилъ онъ: „у васъ, въ центрѣ вашего государства, бунтовалъ лѣтъ десять Корай Язычи, природный турокъ, собравши вокругъ себя людей той же самой націи вашей. Чѣдѣ хотѣлъ онъ, то и выдѣлывалъ, сколько ни посыпалъ вашъ императоръ противъ него войска. Наконецъ, вотъ недавно умеръ, но на его мѣсто вступилъ родной братъ его Рустанъ, съ которымъ еще труднѣе вамъ справляться, и вы не приберете ума, что съ нимъ дѣлать.²⁾ Ну, а этого пирата Буратъ-райзу, который такъ давно разбойничаетъ на Бѣломъ морѣ

¹⁾ Рукоп. Императ. Публ. Библ., польск. отд. IV, № 71, л. 108. Далѣе слѣдуетъ такой разсказъ:

„Die 19. Rano puscili się na morze pogodnowolnym wiatrem. Tam nazad widać nam było one galerii, gdy Sandzak, odgnewawszy na kozaki, nazad się do Bielogrodu wrócił. A my ten dzień i noc płyneli ku Kozliewu.“

Пускай читатель вообразить себѣ на одной изъ галеръ, при такихъ обстоятельствахъ, Кішку Самійла. Мудрено ли ему перебить экипажъ и овладѣть самимъ орудіемъ турецкой каторги?

²⁾ Объ этомъ Рустанѣ, во второе свое посланство къ хану, Пісочинскій писалъ къ королю отъ 21 февраля 1602 года: „Z strony Rustana, brata Karai Jazyczyja zmarłego, iest wiadomość, ze bardzo blisko do Constantinopola naciera i iuz tuszą zapewne, ze Salamet Girei, Galga zbiegły z Ordы do Turek, z Bursy do tego Rustana wciekł, i Turki tym bardziej potrwozył.“ (Въ той же рукописи л. 179).

и самому императору причиняетъ всякие досады и убытки, почему вы не усмирите? Когда козаки въ землѣ моего государя жгли замки и города, когда грабили власти, убивали людей, брали въ пленъ, вступали съ пами въ битвы, государь мой никому не жаловался и никого не обвинялъ, хотя между козаками довольно винихъ турокъ и татаръ. Онъ собственными войсками велѣлъ поражать на голову Надивайка, Лободу, Косинского и другихъ, ко-закъкихъ предводителей съ ихъ огромными разбойническими войсками; онъ каралъ ихъ жестокими муками.¹⁾ Но это разбойническое скопище опять всѣ больше и больше собирается изъ разныхъ государствъ, въ томъ числѣ и изъ винихъ собственныхъ. Вѣдь и морскихъ разбоевъ козакъкихъ никогда не бывало, пока ваши турки райзы не пристали къ козакамъ и не научили ихъ воевать, какъ люди, хорошо знающіе море и опытные въ наукѣ мореплаванія, безъ чего на море ходить невозможно.²⁾ Сами виноваты вы въ

¹⁾ Въ рукописи слѣдующія, набранная здѣсь курсивомъ слова зачеркнуты тѣмъ же самими чернилами: „Ale sam przez woiska, swoie Naliwaika *Woloszyna, Łobode Moskwićina, Kosinskiego, chocia był podlaszanin, i innych woźdow ich z wielkimi woyski łosrowstwa często kroć na głowę kazał porazać, i srogiemi mękami byli karani.*“ (Тамъ же, л. 107). Писа королю донесеніе о своемъ посольствѣ по дневнику, Пісочинскій эти зачеркнутые слова опустилъ. (Тамъ же. л. 119).

²⁾ Эти райзы были греческие майноты, пираты, вообще приморские греки, потомки Перикла и Эпаминонда, готовые служить службу за деньги тому, чье мочущество они презирали, —

„.....nor yield, unless to gold.“

Лаврінь Пісочинскій разсказываетъ, въ своемъ посольскомъ дневнике, что, когда онъ возвращался на корабль изъ Крыма въ Бѣлгородъ, возлѣ Очакова „ударила жестокая фортуна.“ Задустивши якори, пловцы цѣлую ночь пробыли *in extremis vitae*. На разсвѣтѣ, якори не могли уже держать корабля, который несло на скалы. Регизы, т. е. корабельщики, не знали, что дѣлать, и уже отчаялись въ спасеніи; но молодой регизъ, грекъ *nomine Parascene*, присовѣтовалъ распустить всѣ паруса, вывелъ корабль на боковой вѣтеръ и удалилъ отъ скаль. „Едва вырвали мы якорь (пишеть панъ Лаврінь), тотчасъ подхватилъ насъ вѣтеръ, и, какъ изъ лука стрѣла, полетѣли мы по направлению къ Царыграду.“ (Тамъ же, л. 112).

тому, что такихъ учителей выпускаете отъ себя. Вы не разыграли мира съ нами, когда ваши бѣлогородские люди вторгнутся къ намъ, хотя называете ихъ, также какъ и нашихъ, козаками: вы только приказываете побивать ихъ. Слѣдовательно и мы не нарушаемъ договора козацкими вторженіями.“ — „На все это“, заключасть свой разсказъ Піосчинскій, „не отвѣчали они мнѣ ничего rationibus, и остались при своемъ мнѣніи.“

Турки были правы. Чтобы понять политику короля относительно козацкихъ вторженій въ турецкія владѣнія, — вторженій, которымъ постоянно вторили панскія поползновенія овладѣть Молдавіею, или по крайней мѣрѣ запутать турецко-молдавскія дѣла, надобно вспомнить начало московского смутного времени. Вѣдь и тогда королевское правительство лицемѣрило не только передъ сосѣдними народами, но даже и передъ лучшими изъ пановъ своихъ, какъ напримѣръ, передъ Яномъ Замойскимъ. Тотъ же посолъ, который доносилъ королю о своихъ оправданіяхъ передъ раздосадованными сосѣдями, писалъ ему съ дороги о тайномъ вторженіи въ заднѣстровскія земли каменецкаго старосты, съ которымъ онъ имѣлъ сношенія, и пана Горскаго, который собралъ до тысячи козаковъ и повстрѣчался ему подъ Ясами. Вмѣсто того, чтобы остановить задирательный походъ пана Горскаго, Піосчинскій поставилъ его въ извѣстность о томъ, что намѣренъ предпринять татары, и совѣтовалъ соображать съ этимъ свои дѣйствія.¹⁾ Двуличность въ войнѣ и политикѣ считалась у поляковъ

¹⁾ Вотъ отрывокъ изъ реляціи Лавріна Піосчинскаго въ августѣ 1602 года:
 „Nie zastałem w Kamienecu Pana Starosty: szedł za Dniestr, którego w tych rzeczach co się godziło wiedzieć ostrzegłem. Die 2 Augusti odpisał mi, ze naszym w Multaniech skworno, ochramali się bitwy dać dotąd, czekając na mnie. Nie wiem, co się dalej w tych dniach tam stało. Jednak nie pisze mi, iesli się zaraz tam bierze, bo nie wiele ludzi przy nim, powiadają. — Kozakow z Gorskim potkałem pod Jasy; i tych ostrzegłem, ilie się godziło. Także i pana Klickiego Rotmistrza na Chocimiu, który o naukę W. K. Mci prosi, coby czynić miał pod takimi niebespicznosciami nadchodziacemi. (Тамъ же, л. 124).“

дѣломъ естественнымъ, особенно въ отношеніи къ народамъ ино-
вѣрныхъ. Все вниманіе было обращено только на то, какъ бы не
быть пойманными, чтѣ называется, на гораcum исчynku.

Отсюда можно заключить, какъ было бы странно со стороны
козаковъ придерживаться какой-либо политики, кромѣ той, кото-
рую вспомнила имъ ихъ позиція. Они не переставали „верстать
здобычною дорогу“ по Чорному морю, не обращая вниманія на тѣ
мѣры, которыя принимались противъ нихъ одними законодателя-
ми Рѣчи Посполитой и нарушались другими. Да и сами эти зако-
нодатели, по крайней мѣрѣ исполнители воли ихъ, никогда не
были увѣрены въ возможности прекратить козацкіе набѣги. Ко-
ронный гетманъ Жолковскій, въ 1614 году, отъ 26 сентября, пи-
салъ королю изъ обоза у Рідкои Дубровы, между прочимъ, о
томъ, что вручилъ послу въ Турцію, пану Торговскому, планъ За-
порожья, дабы удостовѣрить турокъ, что нѣтъ возможности вы-
жить козаковъ изъ этой мѣстности. „Не въ наше только время
(такъ велѣлъ онъ послу говорить передъ турками), но и въ отда-
ленные вѣка козаки имѣли тамъ свои latibula (убѣжища): ибо еще
Геродотъ, древнійшій изъ историковъ, упоминаетъ, что въ этихъ
самыхъ мѣстахъ всегда гнѣздились такие же какъ и теперь раз-
бойники“¹⁾.

Эти двѣ стили, коронно-шляхетская и разбойно-козацкая, раз-
вивались, падали и снова вставали параллельно. Онѣ поровну
раздѣлили между собою право своеольничанья и область экспло-
атации, но почти всегда случалось, что, гдѣ выигрывала одна,

¹⁾ Informowałem Pana Targowskiego u typum zmalowany dałem mu położeniu tych tam pustyn, rzek osobiwie, a Dniepru progu, między ktoremi maia Kożacy swoje latibula, a nie dopiero, ale od wiekow dawnych, gdyz iescze Herodotus, nastarszy Historik, wspomina, ze na tych tam mieiscach tacy zawzdy iako u teraz rozboinicy bywali; a to dla tego uczynilem, zeby per demonstrationem Panu Targowski wkażał Wezerowi dla wyrozumienia lepszego, ze niepodobna z tamtych mieisc, gdzie fixerunt domicilium, gdzie sedes ich iest, nam ich zrazat. (Рукоп. той же Библ разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8, л. 92).

тамъ теряла другая. Судьба государства и будущность общества вполнѣ зависѣли отъ того, которая сила окажется болѣе жизненнаю: та ли, которая, по видимому, работала для цивилизаціи и созидала государство, или та, которая, какъ-будто стремилась возвратить общество вспять, и готова была поступить съ государствомъ, какъ стѣпной Самсонъ съ филистимскою храминою. Когда коронно-шляхетская сила проиграла громадную игру свою въ Московщинѣ, у козаковъ отъ той же игры остался въ рукахъ большой выигрышъ. Не гоняясь за политическими призраками, они действовали по словамъ: „довлѣть дневи злоба его“, пеклись только о настоящемъ моментѣ и вѣровали, или чуяли сердцемъ, что будущее само о себѣ позаботится. „Якбъсъ воно та буде“! говорить и теперь украинецъ, чуждый политическихъ мечтаній и слывущій у людей недалекихъ беззаботнымъ хахломъ. Беззаботные хахлы вывезли изъ Московщины столько добра, что давнымъ давно „полатали злыдні“, постигшіе ихъ подъ Лубнями, и были въ силахъ совершать на морѣ дѣла разбоя относительно враговъ Христіянства, предаваемыя проклятию въ турецкихъ лѣтописяхъ,¹⁾ и дѣла человѣколюбія относительно „бѣдныхъ, несчастныхъ невольниковъ“, воспѣтыя украинскими Гомерами. Часть отъ часу приобрѣтали низовые козаки на Украинѣ все больше и больше влиянія. Конечно это влияніе не было благотворно для культуры; призваніе козаковъ, какъ временно-необходимой корпораціи, было не культиваторское. Подъ ихъ предводительствомъ собирались разнаго рода своевольные люди, нападали на папскія усадьбы и разоряли панское хозяйство. Изъ-за соперничества двухъ противоположныхъ силъ, страдало все населеніе края, со всѣмъ его хозяйствомъ. Но надо при этомъ помнить, что не будь этихъ буйныхъ козацкихъ купъ, не дававшихъ богатѣть ни панамъ, ни панскимъ подданнымъ,—не стояли бы на мѣстѣ и тѣ села, въ ко-

¹⁾ См. „Collectanea z Dziejopisów Tureckich“; przez Sękowskiego.

торыхъ бушевали козаки. Не явись въ польскихъ пограничныхъ воеводствахъ новые буйтуры всеволоды, народные верховоды, — научила бы шляхта весь русскій народъ черпать пыль передъ нею, и создала бы государство безъ народа, безъ народнаго чувства, безъ народной поэзіи, — такое государство, котораго слѣды мы съ жалостью и негодованіемъ видимъ надъ Вислою. Козаки были призваны спасти народную будущность грубо-реакціоннымъ способомъ.

Въ одномъ изъ донесеній къ королю, коронный гетманъ Жолковскій писалъ: „Козаки овладѣли всею кіевскою Украиною, го- сподствуютъ во всемъ приднѣпровскомъ краѣ, чтѣ хотятъ, то и дѣлаютъ“. Но не одни козаки дѣлали, чтѣ хотѣли. Пограничные паны научили ихъ рыцарствовать; они же постоянно учили ихъ и своеольничать. Самая война съ Московскимъ государствомъ, изъ-за выдуманнаго ими царевича Димитрія, была для козаковъ шлю- лою разбоевъ, грабежей и политической разузданности. Ничто не останавливало пограничную шляхту въ ея фантазіяхъ относи- тельно польского господства въ Молдавіи, ничто не останавли- вало и козаковъ, когда у нихъ являлась охота пошарить богата- го Турчина. Въ самый тотъ годъ, когда Струсь, герой Лубенскаго побоища, очутился вмѣстѣ съ своими соратниками въ кремлевской западнѣ, его землякъ и сосѣдъ, Стефанъ Потоцкій, вторгнулся, чтѣ называлось, na własną gękę въ Молдавію, чтобы поддержать низ-ложенаго Турцію господаря, какъ поддерживали его товарищи тушинскаго вора, и пострадалъ подобно героямъ войны москов- ской. Но сходство между одними и другими шляхетными героями этими не оканчивается. Въ глазахъ современниковъ, походъ Потоцкаго предпринять былъ на własną gękę, а передъ потомствомъ лежать бумаги, изъ которыхъ явствуетъ, что король, чрезъ по- средство Жолковскаго, поручилъ „Jego Moši Panu Stefanowi Potockiemu, Staroście Felińskiemu, чтобы онъ, съ частью войска, ко- торое взяло деньги на королевскую службу, шолъ въ Волощину,

прогналь оттуда Томзу, а Константина посадиль опять на государство".¹⁾ Козаки, не зная, конечно, закулисныхъ дѣйствій короля и короннаго гетмана, шли по слѣдамъ Потоцкихъ, Корецкихъ и другихъ ополяченныхъ братьевъ своихъ, но съ тою разницею, что козацкая выручка отъ похода превосходила панскую въ нѣсколько разъ. Это происходило, прежде всего, отъ того, что „семилатная сермяга“ и „подбитая вѣтромъ шапка“ служили козаку тамъ, гдѣ пану необходимы были златоглавы, адамашки, састи. О прочемъ на сей разъ умалчиваю. Въ виду шляхты, вдававшейся все больше и больше въ роскошь, выростали соперники, страшные самою простотою своего быта. Здѣсь началась та самая борьба, которая происходила на далекомъ отъ Украины островѣ между роскошными англійскими „кавалерами“ и умѣренными въ одеждѣ, пищѣ, обстановкѣ пуританами,—борьба, соединившая съ кровавою Хмельницциною, которая, впрочемъ, не выдерживаетъ сть нею никакого сравненія. Противоположность между двумя лагерями, въ этомъ отношеніи, была поразительна, и въ особенности, чтѣ касалось до дѣлежа добычи. Польская история наполнена безобразными сценами раздора между гербованными добычниками, и еще болѣе безобразными фактами утайки и расхищенія общественныхъ сборовъ. Козаки разбойничали для ремонтировки, но не было между ними примѣра кровавой схватки по случаю „налованья“ добычи. Они, какъ родные чада народа своего, превзошли, со стороны „стыдѣнія“, своихъ предшественниковъ, варяго-русскихъ князей: у тѣхъ, по сказанію „Слова о Полку Игоревѣ“, братъ брату говоривалъ безъ всякаго стыдѣнія: „се мое, а то мое же“, и по пословицѣ: „въ чужой рукѣ кусокъ великъ“, называлъ „малое великимъ“. Чтѣ касается до обществен-

¹⁾ Автографы этой переписки хранятся въ архивѣ князей Сангушковъ, въ Славутѣ, а копіи напечатаны въ „Pismach Stanisława Żółkiewskiego“, драгоценномъ изданіи покойнаго Августа Вѣлѣвскаго, которое одно, безъ другихъ полезныхъ трудовъ этого благороднаго дѣятеля исторіи, составило бы ему почетное имя въ потомствѣ.

ной собственности, то она хранилась въ запорожскихъ скарбницахъ безъ замковъ, одною честностью тѣхъ, которые за украденное конское пuto, стоявшее полушику, казнили своего товарища смертью.¹⁾ Но обратимся къ тому, чemu вѣрять охотнѣе,—къ разбойямъ и опустошенніямъ козацкимъ.

Одновременно съ Потоцкимъ, козаки пустились въ своихъ чайкахъ на Варяжское или Русское море „славы-лыцарства козацькому війську здобувати“, какъ обѣихъ пѣли идеалисты-кобзары, и проложили себѣ широкую „здобичную дорогу“, призабытую со временемъ князя Олега Киевскаго. Слухъ обѣй походѣ встревожилъ и раздразнилъ сеймующихъ пановъ, и въ 1613 году противъ козаковъ опубликованъ былъ по всему пограничью строгий королевскій универсаль. Козаки, отвѣдавъ „турецкаго добра“ на морѣ, готовились навѣстить своего вѣчнаго врага бусурмана въ Волощинѣ, за которую и безъ того надобно еще было считаться королю съ султаномъ, нужды нѣть, что Стефанъ Потоцкій былъ турками разбитъ и взятъ въ плѣнь „Услышавъ обѣ этомъ своевольномъ замыслѣ вашемъ“, писалъ король къ козакамъ, „всѣ коронные чины и вся Рѣчь-Посполитая, почи въ одинъ голосъ, горячо просили насъ обуздать и покарать это свое вольство ваше; а потому, въ случаѣ вашего непослушанія, мы прикажемъ нашимъ старостамъ и всяческимъ властямъ истреблять васъ и карать на имущество, женахъ и дѣтяхъ вашихъ“. Угроза несостойтельная, при солидарности съ козаками однихъ властей и при боязни ихъ раздразнить—другихъ. Пока собрался сеймъ и постановилъ почи единогласное рѣшеніе свое противъ козаковъ, они успѣли сходить и въ Волощину и на Чорное море.

¹⁾ Даже послѣ деморализаціи, которою козачество всего больше обязано Богдану и Юрію Хмельницкимъ, послѣдніе козаки, уманскіе гайдамаки, прозванные *коліми*, не считали нужнымъ прятаться отъ товарищей съ общими деньгами. Я записалъ изъ устъ очевидца, точными его словами, разсказъ о томъ, какъ охранялись въ лѣсу груды денегъ. (См. „Записки о Южной Руси“ томъ I.)

Въ Царьградѣ заволновались всѣ члены дивана отъ вѣстей о козацкихъ похожденіяхъ. Польскій посолъ Андрей Горскій оправдывался тѣмъ, что козаки — разбойницкое скопище разныхъ племенъ, что своеольство вошло имъ въ привычку, что они знать не хотятъ ни короля, ни Рѣчи-Посполитой, и что, если турки умудрятся ихъ истребить, такъ поляки за это отнюдь не будуть въ претензіи. Оправданія тщетныя.

Здѣсь Тацитомъ козацкимъ является самъ коронный гетманъ Жолковскій. Передъ сеймомъ, назначеннымъ на 1615 годъ, онъ послалъ на повѣтовый сеймикъ увѣдомленіе о „свѣжихъ“ событияхъ на суши и на морѣ, написанное, какъ онъ выразился,

simplici et vera narratione.

„Я полагаю, что вамъ извѣстно“, писалъ онъ, „какъ намного жилось теперь низовыхъ козаковъ. Опановали они киевскую Украину, а особливо поднѣпровскій край, сходятся цѣлыми войсками, позволяютъ себѣ всякия буйства, грабятъ украинскія имѣнія, а съ днѣпровскаго Низу, куда идутъ съ весны, наѣзжаютъ на владѣнія сultана и крымскаго царя. Въ прошломъ 1613 году два раза ходили они на море и надѣлали много шкодъ во владѣніяхъ татарскаго царя. Послалъ турецкій императоръ въ очаковскій портъ classem, то есть не малую водянную армату, галеры и чайки, чтобы побить ихъ, когда будутъ возвращаться, такъ какъ другой дороги нѣть на Низъ; но вышло напротивъ. Козаки, разоривъ нѣсколько городовъ in Taurico Chersoneso, придыбали неосторожныхъ турокъ почными dіломъ¹⁾ и погромили ихъ въ томъ же очаковскомъ портѣ. При этомъ взяли шесть галеръ и наловили не мало чаекъ. Сами они донесли о своей побѣдѣ королю на прошломъ сеймѣ своимъ листомъ и посольствомъ. Писали и ко

¹⁾ Читатель помнить, что Жолковскій — русинъ, и что онъ обращается на повѣтовомъ сеймикѣ къ панамъ русскимъ, которые были только окрашены въ польской цвѣтѣ; поэтому его польщизна сильно отзывается языкомъ народа, относительно которого онъ былъ недоляшокъ.

мнѣ о томъ же. Это дѣло было предметомъ общихъ толковъ на Украинѣ. Понятно теперь каждому, какъ примутъ этакія школы, этакія кривды надменные своимъ могуществомъ поганцы. Почему я, сколько могу, стараюсь освѣдомляться заблаговременно объ опасностяхъ, угрожающихъ Рѣчи-Посполитой. Неостороженъ тотъ *nauclerus*,¹⁾ который видѣть только *praeſens periculum.*²⁾ Надобно усматривать издалека *advenientem tempestatem,*³⁾ и тѣмъ заботливѣе готовиться къ ней. Давно ужъ у меня умогорѣчено въ Константинополь, чтобы давали мнѣ знать обо всемъ, чтѣ говорять, чтѣ замышляютъ турки. Свѣдалъ я, что турки войну противъ насъ *meditantur.* Сильно это меня встревожило; я далъ знать королю и присовокупилъ *solennia verba*⁴⁾ относительно того, чтѣ обыкновенно дѣлаютъ бывало римляне въ опасностяхъ.... Въ то же время козаки, вышедши изъ Запорожья на влости немалымъ войскомъ, стали дѣлать всякое зло и притѣсненія людямъ всѣхъ сословій, всей Украинѣ. Обыватели Брацлавскаго воеводства взмолились ко мнѣ, чтобы я спасалъ ихъ отъ этого притѣсненія и бѣдствія. Своевольники пришли было уже въ имѣнія князей Збаражскихъ, подвигаясь къ волошской границѣ, и вели съ собою въ Волощину какого-то господарчика самозванца. Видя, что намъ угрожаетъ еще новая ссора съ поганцами, и соболѣзнуя о притѣсненіяхъ, которыя терпитъ Украина отъ этихъ своеувольныхъ людей, обослали я ихъ сперва чрезъ ихъ собственныхъ, находившихся при мнѣ посланцовъ, потомъ далъ знать и ротамъ, чтобы готовились къ походу, а предъ заговоѣньемъ самъ пошелъ на Украину. Козаки тогда повернули къ Днѣпру, потомъ пошли за Днѣпръ и расположились въ Переяславѣ.“

Далѣе Жолковскій излагаетъ, какъ онъ усиливался нарядить

¹⁾ Кормчій.

²⁾ Настоящую опасность.

³⁾ Приближающуюся бурю.

⁴⁾ Торжественные слова.

коммисію для устройства отношений козаковъ къ правительству, съ цѣлью отвлечь ихъ отъ морскихъ походовъ, какъ, однакоожъ, члены трибунала не послушались его убѣжденій, и потомъ продолжаетъ:

„А между тѣмъ, въ этомъ (1614) году козаки два раза ходили на море, сперва въ началѣ весны, по тогда имъ не посчастливилось: *tempestas*¹⁾ разнесла ихъ по морю, не мало потопила, а нѣкоторыхъ выбросила на берегъ: тѣ были побиты и переловлены турками. Зато вознаградили они себя другимъ разомъ *ultimis diebus Augusti.*²⁾— Но обѣ этомъ будетъ разказано ниже.

Чтѣ было туркамъ дѣлать съ козаками? Они рѣшились построить замки при впаденіи Днѣпра въ Чорное море. Въ 1614 году, султанъ писалъ къ королю, что послать загородить козакамъ дорогу румелійскаго беглербека Ахметъ-башу („котораго высота да пребываетъ во вѣки“), съ тѣмъ, чтобы Ахметъ-баша искалъ ихъ всюду и истреблять до послѣдняго. Султанъ совѣтовалъ королю принять и съ своей стороны противъ козаковъ соотвѣтственныя мѣры.³⁾

Это извѣстіе больше встревожило, нежели обрадовало королевское правительство. „Легко понять“, толковали королевские совѣтники, „что это замыселъ противъ насъ. Искать турецкому войску козаковъ по дикимъ полямъ, по пустынямъ, по Запорожью, или строить на быстромъ Днѣпрѣ замки — въ этомъ нѣтъ смысла. Подъ предлогомъ истребленія козаковъ, поганинъ ищетъ разширенія границъ своихъ.“⁴⁾ Коронный

¹⁾ Буря.

²⁾ Въ послѣднихъ числахъ августа.

³⁾ Рукоп. Императ. Публ. Библ. разнояз. Л. Q, отд. IV, №.8, л. 71.

⁴⁾ „Turcy sa na tym....aby, Kozaki znoszæc, wlosci koronne posiadali u granic swe roszerzali.... tam ztey strony pokoiu trudno sie spodziewaæ, iezli sposob obrony na tym Seymie namowiony nie bedzie. A nie trzeba wiêkszy do woyny przyczyny to samo ludzy naszych mimo wiadomosc y nad roskazanie J. K. Mci wescie do Wołoch, zniesienie dawnego [wprawdzie w g³owê nam nieprzyiaznego] Hopsodara, nasadzenie nowego gotowy nam niepokoy przyniesie. Ztymi, którzy

гетманъ поспѣшилъ на границу польскихъ владѣній и „столѣтъ едва не въ глазахъ непріятельскихъ, съ болѣшимъ сердцемъ, нежели войскомъ“, какъ говорено о цемъ на варшавскомъ сеймѣ.¹⁾ Для усиленія своего войска панскими почтами, онъ просилъ трибуналъскихъ депутатовъ отложить свои засѣданія или уволить по крайней мѣрѣ пѣкоторыхъ пановъ отъ участія въ судахъ и отъ веденія дѣлъ ихъ; но столько пабралось казусовъ по части шляхетскаго самоуправства, что трибуналы не рѣшились отсрочить засѣданія. Такіе поступки, какіе позволилъ себѣ безнаказанно (яко человѣкъ сильный) князь Острожскій съ невѣстою, такія войны, какъ между Стадницкимъ и Опалинскимъ, въ которыхъ профанировалась даже святыня церквей, принадлежавшихъ къ имѣніямъ противника,²⁾

to uczynili iako postapić, poda to J. K. Mę pod vwarezne Seymowe. Nie stanie jednak natym: bedzie Turczyn chcial swego się mscic, na co nam trzeba bydz gotowymi. Wyprawił tam J. K. M. iusz posłanca swego, aby nieco mogł zachamowac impet tego Tyrana, wszakosz nie pewna ieszcze, co ten sprawi[“]. (Тамъ же, разноз. Л. Q. отд. IV, № 8, л. 74). Это говорено на сеймѣ отъ имени короля, который скрывалъ иногда распоряженія свои отъ правительственныхъ лицъ и, безъ вѣдома сейма, навлекалъ на государство войну, какъ это сдѣлалъ онъ, вѣдѣши тайкомъ потоцкому вторгнуться въ Волощину.

¹⁾ Тамъ же, л. 107. По словамъ инструкціи на сеймъ 1615 года, никто почти изъ пановъ не пришелъ къ гетману на помощь; у него было войска всего три хоругви, съ которыми онъ не долженъ быть появляться передъ непріятелемъ, ради самой славы Рѣчи-Посполитой. (Тамъ же, польск. Л. F, отд. IV, № 99. л. 73).

О турецкомъ походѣ къ Очакову писалъ Жолковскій къ королю изъ Жолкви отъ 31 марта 1814 года:

„...głowny Vromelsky Beglerbek w Zophiey zimował tam na S. Jurgia Ruskiego wszytkim Sendziakom ktorzy za Dunaem są u inszym ludsiom ktokolwiek wlaſte bierze, sciągać się roskazat, a ysz o woynie do Węgier niesłyshać, trzeba się pilnie ostrzegać, zeby Turcy, iako to oni zwykli, niespodziewanych nas przydobyć nie chcieli. (Тамъ же, л. 3).

²⁾ У насъ часто вспіють противъ насилия польскихъ пановъ надъ русскими въ церковныхъ дѣлахъ. Оно дѣйствительно дѣжалось, только всегда больше въ экономическихъ, нежели въ религіозныхъ видахъ. Между панами единовѣрцами въ Польшѣ случались не лучшіе тѣхъ, которые возмущаютъ наше религіозное чувство. Вотъ выписка изъ оповѣщенія польского примаса въ 1610 году о беспорядкахъ въ государствѣ. Примасъ говоритъ сперва о вербовкѣ

отнюдь не были ни единичными, ни рѣдкими случаями. Хотя польскія лѣтописи представляютъ иногда примѣры наказанія за подобныя преступленія, какъ инфаміею и баниціею, такъ и публичнымъ снятіемъ буйной головы съ плечъ; но шляхтичу оставлено было средство умилостивить карающую руку закона: онъ долженъ былъ совершить подвигъ, достойный покаянія. Такимъ подвигомъ была защита границъ отъ непріятельского вторженія или битва съ нимъ въ самихъ границахъ.¹⁾ Преступниковъ между шляхтою было всегда много, и если цѣлые десятки „экзорбітансій“ приписывались Яну Замойскому, то много ли было между панами такихъ, которыхъ бы не за то, такъ за другое нельзя

венгерскихъ сабатовъ пограничными панами, съ преступными цѣлями, и обѣ ихъ разбойничаніе (на манеръ Наливайка или Косинскаго) среди рѣдного края, потомъ пишеть:

„Pan Stadnicki Sabaty miał y nia (sic) Lezaiskie stwo occupował. Pewna, ze dziewiec Kosciołów spustoszonych bydlętom mieszkaniem są. Domow szlacheckich nad siedmdziesiąt przez swowolne ludzie wybranych. Pewna y tho, ze y w drodze y w domu nie kazdy bespieczen; y odległych, choć nie przymieszali się do nieprzyiazni ani z tą ani z ową stroną, ta bieda dolegała y dolega.... Zyczą raczey y prominały pp. senatorowie, aby pan Stadnicki przeciwemi postępkı opinia o sobie znosił. A zniesie tym, kiedy Sabaty Węgry y Cudzoziemskie ludzi rospusci, y więcej napothenym do siebie ich nie będzie wabił.... Koscioły profanowane, iako y nabozenstwo w nich opatrzyć wolno, komu co należy; temu przekazy Pan Stadnicki czynić nie ma, y owszem za pobrane z nich ochędostwa y apparatow satisfactiј vczynic powinien. Z Starostwa Lezaiskiego aby vstąpił y w nim impredimentu zadnego themu co mu na tho prawo słuzy nie czynił (Стадницкій занялъ староство безъ воли короля).... Nie wie y teraz J. K. M. aby kiedy koło Łowicza ludzie zbierać miał Pan Opalinski, ani tesz tam mimo chłopkow robotnych Bohatyrow wiele; Łowicz tesz od Łoszakowic przeszło mil czerdzieci. A isz z roziętej z Panem Opalskim nieprzyiazni, iako ze srzodka iakiego, co wewnętrzny pokój y bespieczenstwo wzrusza, pochodzi, vpominać (sic) Ich MM. PP. Senatorowie Pana Stadnickiego, aby pracą y staraniem tych, co się w zastanowieniu zawziętej nieprzyiazni wdali, niepogardzal, a raczey iednaniem pomiarowanem (sic) nieprzyiazni vprszątnał“. (L. Q. отд. IV, № 8, лл. 5—8).

¹⁾ Преступникъ выпрашивалъ обыкновенно такъ называемый глейть, т. е. охранный листъ, и вступать въ королевское войско, какъ ни въ чомъ не бывалъ. Такой глейть получилъ отъ короннаго гетмана, въ 1616 году, известный бунтовщикъ столичного войска и потомъ баний Цѣклінскій. (Самый документъ напечатанъ въ „Pismach Stanisława Żółkiewskiego“, изданныхъ А. Бѣлѣвскимъ.)

было привлечь къ суду? Даже и въ настоящемъ случаѣ столько имѣлось въ виду преступниковъ, что изъ нихъ, съ ихъ почтами, могла бы составиться цѣлая армія. Зная это, король, съ своей стороны, упрашивалъ „трибуналістовъ“, многократно повтореннымъ универсаломъ, отложить суды свои, потому что никто не пойдетъ спасать отечество отъ наступающаго на Польшу, подъ благовиднымъ предлогомъ, Турка, если другіе должны будуть въ это время „*stawać do prawa*“.¹⁾

Это обстоятельство было одною изъ причинъ, почему пограничные паны безпрестанно задирали свирѣпаго сосѣда: потому что, послѣ всякаго задора, по неволѣ были призывамы подъ королевскія знамена. Этимъ обстоятельствомъ объясняется также и то, что козацкое своеольство, раздражавшес турокъ, далеко не приводило пограничныхъ пановъ въ такое негодованіе, какое выражали сеймовыя конституціи и королевскіе универсалы. Часто оно было водою на панскія колеса, и вотъ почему королевскіе мандаты противъ козаковъ и множество комиссій, назначаемыхъ для ихъ обузданія, приводились въ исполненіе весьма вяло, а иной разъ просто сдавались въ архивъ.²⁾

¹⁾ Привожу характеристическія слова королевскаго универсала.

„.... Jusz po kilka krocz przez pisanie u posłancze nasze wzywalismy Vprz. y W. W. abyscie, maiac wzglad na nastepujace od Pogan na Rptą niebespieczenstwa, Sądi Tribunalskie limitowali, chcąc w tym dogodzić ludziom Ukrainnym, aby u przez sie y przez przyjaciele swe potęzni w tym zaciagu stanąć y Oicznę ratowacz mogli. Bo luboscze Vrpz. y Wier. W. pewne osoby wolnymi vczinieli, oni jednak sami, dgy ci, ktorych ssobą prowadzą, do prawa stawać muszą, znie-mi niepoydą, any niepriywliwi odporz u dadzą, ani tego swoowolenswa, które u Panstwa nasze gubi y społecznymi nieprzyacioły nas wadzi, niepochamnia, a Rpta choćby tesz ostatnia nawalność od Turczina nienastempowała, od Tatarzyna, ktory iest pogotowiu, szwank zszkodą y zniesławą odniesie, y swoowolnym ludziom wļup podana będącie....“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. л. F, отд. IV, № 99, л. 57).

²⁾ Коронный гетманъ, отъ 26 октября 1614 года, послалъ къ трибунальскимъ депутатамъ слѣдующее сообщеніе, которое дополняетъ картину внутреннихъ безпорядковъ Рѣчи-Посполитой и, между прочимъ, прибавляетъ одну или двѣ черты мѣстной жизни, для насъ интересныя.

Ополчаясь противъ турецкой силы, коронный гетманъ старался подавить въ то же время и силу козацкую, если не vi, то consilio, какъ онъ выражался. Онъ доносилъ отъ 30 октября изъ Бара, что козацкие послы были не прочь принять предписанныя

„.... Obwieszałem y o hetmanie, ktorego Cesarz Turecki na the expeditia wyprawował y dawałem znać y do Ich MM. Deputatow przeszłego Tribunału, podawałem y radę swoją, iakoby isto statu Reipub. bez wielkiego zawodu privatorum, którzy mają moznosci swoie w tych kraich, do tego się przyczynieniem Rpta w tym razie wesprzeć się mogła. Lecz iz Ich MM. PP. Deputaci niechcieli tych ossob od sądów vwolnić, in lubrico zostało teraz bespieczenstwo Rptey. Nastąpił then Hetman Cesarza Tureckiego, oktorymem dawał znać z wielkim Woiskiem, oktorymem dawał znać, zebrawszy się z Woiski Tatarskimi, z Hesoparem Wołoskim y Hesopadarem Multanskiego ludem, postawiwszy most v Hezynie na Niestrze, poszedł na the stronę Niestru, o same się prawie granice koronne opierając. Primis diebus Septembr. poszedł ku Oczakowu; buduie tam coś dla zamkmenia Portu z Limieniu, gdzie Dniepr z Bochem w morze się oddają, buduie y zamek Balakley szesć mil iakoby poniz od Oczakowa nad Bochem. Bywał tam przed thym kiedyś zamek, sę y teras ruiny. Rzeczka Czapczaklei w tamtym mieiscu do Bochu przychodzi. Naszych ludsi, którzy zwykli na Ryby dla zwierza na the pustynią chodzić, iednych pobili, drudzy kto mogł povciekali. Tatarskie woiska rozbiegły się ku gorze pozad Bochu osmnascie mil tu od tego mieisca, gdzie ia iestem, stoią. Taką mam sprawę: oczekiwają przybycia Cara Tatarskiego samego, y skoroby Car przyszedł, o którym oznał mie Hesopadar Wołoski od Oczakowa, ze iusz iusz iest, mieszkać nie będą, choć Turcy będą budować, ale Tatarom pewnie bydz do Panstw Rptey. Zwoływam do ratunku kogo mogą.... Zesłałem się z Kozaki Zaporowskimi, iako z ich przyczyny do tego zatrudnienia Rpta przychodzi, zeby y oni w tym niebespieczenstwie do Woiska się braли; wszystkim obwiescił ukraiini, zeby im communi salute tuenda zbierali się do Woiska. Y to pewnie nie mniejsze niebespieczenstwo, ze Cesarz Turecki tym budynkiem podsiada y podmyka się pod granice koronne. Mniemam, ze J. K. M. będzie raczył złożyć wrychle Seim....“

Приписка: „.... Kozacy Zaporowscy przed osmią dziewiącą Niedziel nie mały Woiskiem kilka Tysięcy ich posli na morze, iako mi dano znać z Białogrodu y Hesopadar Wołoski; przeszedzsy poprzek czarnego Morza, na Asyiskim brzegu nie daleko Trapezuntu kraie spokojnie y od dawnych czasow nierzusane wojovali. Credibile est, ze szkody niemałe poczynili Turkom; ale sami dotąd nie wrocili się y thowarzysze ich, którzy tu n mnie byli, powątpili barzo, zeby się z nimi kiedy miely widzieć. Jest y to, ze Turcy zastąpili im w Porcie v Oczakowa y obwarowali potężnie, zeby ich niepuszcic w Dniepr. Ale tym więcej obawiam się, zeby posrodkiem morza z tak małemi statkami tempestas rozrzuciła, potopieńla ich: iuszby im dawno czas; zadnego do tego czasu n'e słychać“. (Въ той же рукописи, лл. 89—90).

козачеству ограничія, но, для получения согласія всего Войска Запорожскаго, необходимо недѣль пять времени. (Обыкновенпая выжидательная проволочка, въ теченіе которой козаки могли иона- добиться правительству такъ точно, какъ и паны, накуралъсившіе попански.) Между тѣмъ коронный гетманъ, communicato consilio съ товарищами назначенной королемъ комиссіи, расположилъ пѣшее и конное войско свое по берегу Днѣпра, начиная отъ Кіева и до Черкасъ, „для острастки козакамъ, чтобы видѣли они, что serio res agitur, и покорились волѣ комиссаровъ.“¹⁾

Очень бы кстати было ему теперь составить козацкую ком- миссію изъ крупныхъ землевладѣльцевъ пограничныхъ воеводствъ. Подъ предлогомъ этой комиссіи, онъ бы двинулъ въ поле вели- кихъ пановъ съ ихъ импозантными почтами, и однимъ этимъ уже отвратилъ бы набѣгъ татарскій, который всегда предшествовалъ вторженію турокъ. Его старанія не удались, и ему стоило боль- шихъ трудовъ отвратить наступавшую грозу.

„Такъ какъ слухи о сборѣ поганскихъ войскъ безпрестанно повторялись“, писалъ Жолковскій на повѣтсвый сеймикъ, „то я поѣхалъ самъ на Украину, созвалъ къ себѣ пановъ ротмистровъ квартаныхъ и иныхъ военныхъ людей, находящихся въ Украинѣ, и, посовѣтовавшись, чтѣ дѣлать, рѣшился не сзывать войска въ лагерь: шпіоны тогда бы сочли его, и обнаружилось бы передъ непріятелемъ, какъ насъ мало. Вмѣсто того, разставилъ я жолнеровъ по селамъ на Поднѣпріи, чтобы слухъ объ этомъ прошолъ въ Волощину; а нѣкоторыя роты размѣстилъ по шляху, что идетъ ко Львову и Каменцу. Это нужно было для того, чтобы чаушъ, посланный къ королю, видѣлъ на возвратномъ пути, что мы го- товы къ бою. Въ самомъ дѣлѣ, то, чтѣ онъ видѣлъ и слышалъ, сдѣлало на него впечатлѣніе. Въ поганскіе края полетѣла молва, что весь поднѣпровскій край готовъ двинуться противъ турокъ, и

¹⁾ Тамъ же, л. 91.

король получилъ отъ султана дружелюбное посланіе. Между тѣмъ Ахметъ-баша шоль къ намъ съ войсками изъ Греціи, Македоніи, Фракіи, соединился съ другими башами, которые двинулись изъ Болгаріи, переправился черезъ Дунай въ Волошину, миновалъ Килію и Бѣлгородъ, направился прямо къ Днѣпру и велѣль строить мостъ на Днѣпрѣ. Вдругъ разнеслась вѣсть о разореніи Синопа. Тогда онъ сталъ совѣтоваться, чтѣ предпринять: идти ли, какъ ему приказано, на пустыню строить замки, или жеброситься во владѣнія Рѣчи-Посполитой и отомстить намъ за козацкія злодѣйства. Все это зналъ я отъ одного пріятеля; знали обѣ этомъ и наши украинцы. Тревога была страшная. Нѣкоторые хотѣли уже бѣжать изъ своихъ замочковъ; но я созвалъ кварцяное войско; между тѣмъ выступило въ поле ополченіе князя Острожскаго, князя Збаражскаго, явились почты и другихъ украинскихъ пановъ; невѣрные не рѣшились вторгнуться въ наши границы. Беглербекъ перешолъ по мосту черезъ Днѣпъ и пошолъ черезъ поле къ Очакову. Тамъ, на рѣчкѣ Чапчаклей, въ шести миляхъ выше Очакова, хотѣлъ онъ возобновить замокъ, запустѣлый съ давнихъ временъ, такъ называемый Пустой Балаклей. Выискаль онъ и еще два замка, также пустыхъ: одинъ по сю сторону Днѣпра,—зовутъ его Тегинка; а другой по ту сторону,—зовутъ Асланъ-городокъ. Все это хотѣлъ онъ возобновить, яко-бы для удержанія козаковъ отъ набѣга. Но хоть бы и успѣлъ въ этомъ, не заградилъ бы козакамъ дороги на море. Намѣреніе его, однако-же, не исполнилось. Только лишь началъ онъ что-то лѣпить въ Балаклѣ, какъ въ сентябрѣ настала слякоть, пошли дожди, сдѣлалось холодно. Турки не могли выдержать ненастія среди пустого поля, стали бунтовать, и Беглербекъ, бросивши все, пошолъ обратно. Много погибло у него въ пустынѣ и людей и лошадей отъ непогоды“.

Такъ избѣжала Польша опасности, которая грозила ей въ этомъ году извѣѣ. Но внутри государства еще съ весны завязалась исторія самаго печальнаго свойства. Герой московской тра-

тедіи, претендовавши на бессмертную славу въ потомствѣ,—не получая жалованья за московскій походъ, разсвирѣли до того, что, по словамъ короля, „сѣда пе погибла свобода и безопасность общества“. ¹⁾ Въ шляхетской демократіи, терроризованной войскомъ, готовъ былъ разразиться бунтъ противъ главнаго принципа польской государственности,—противъ можновладства. Мелкіе землевладѣльцы обвиняли крупныхъ въ томъ, что они, своими тайными замыслами и нарушеніями общественного права, заставили всю шляхту нести имущественные потери, терпѣть неслыханный разоренія и даже, чтѣ всего обиднѣе, отбывать лично унизительныя повинности. Они, разъѣхавшись изъ главнаго сейма по депутатскимъ сеймикамъ, представляли дворянскимъ собраниемъ своимъ, что магнатская фракція прекратила московскую войну безъ воли Польши, и распространяемыми повсюду „скриптаами“ спрашивали у земскихъ пословъ: „Почему не спасали вы войска деньгами и пѣхотою, чтобъ оно удержало за собою Москву? Почему не продали котораго-нибудь изъ королевскихъ столовыхъ имѣній (старбства), или не подѣлили между рыцарствомъ, какъ сдѣлалъ Ягайлло? Почему не перенесли платежей на старбства, какъ сдѣлалъ Казимиръ Сигизмундъ? Почему наложили три побора на шляхетское сословіе, которое обѣ этой войнѣ ничего не вѣдало? Зачѣмъ все войско соединили тамъ, гдѣ назначена сму платы? Зачѣмъ навели его, какъ-бы умышленно, на пашь? Почему такъсталось, что польза обратилась памъ во вредъ, слава — въ хулу, пища — въ отраву? Но погодите, мы съ вами раздѣляемся! Развѣ не знаете, чтѣ произошло съ такими, какъ вы,

¹⁾ „Respons od krola Smolanom po skonszeniu confederatley na poselstwa ich w Warszawie..... za ui  gwaltu Oyczystego, za ui  krzywdy swie, za ui  y straty Wmciow, ktora si  podiel  w onych odwaznych dzielech swych, bo takiem postepkiem poszedl y pierwszy naklad expedicie Moskiewskie. Wciom zginal zysk, ktory si  bel otrzymal, wpadla slawa zwyciestwa, klaslo ono zwołanie mestwa y przewagi Wmciow, a o ma  palecz ma nie niezginiela swoboda y bespieczenstwo domowe“. (Тамъ же, польск. Л. F, отд. IV, № 99, л. 11).

угодниками короля подъ Лэнчицею,— что постигло ихъ генерала въ Пыздрахъ?“¹⁾

Такие зловѣщіе вопросы летали по всей Польшѣ, подъ названиемъ „Экзамена Земскихъ Пословъ“, съ 1613 года, и король на силу раздѣлялся съ жонерами только весною 1814, а вмѣсть съ тѣмъ угомонилъ и разосадованную пляхту; но умныя головы со знали, что не скоро расхлебаютъ поляки кашу, наваренную панами въ Москвѣ. Изъ-подъ Смоленска, который король продолжалъ удерживать за собою, приходили извѣстія о томъ, что набранное оршанскимъ старостою войско, начинаетъ склоняться на сторону московскаго царя и, не дослуживъ даже заплаченного срока, переходитъ къ нему на службу: признакъ зловѣщій! „Уже москали обходятся съ нашими послами презрительно“, говорили поляки на сеймѣ: „оны видятъ, что наши границы обнажены, что

¹⁾ „Czemuście woinie Moskiewskieyczynili koniec niewolą Polską? Czemuscie oswobodzili Moskwę, a Polskę w niewolą vdali? Czemuście woiska nie ratowali pieniędzmi y piechotą, aby byli Moskwę zatrzymali?... Czemuście nie zapłacili, co vradzili, chwalili szesćem, świat omamili? Czemuś nie płać a smieja się, a niewinni y płać y płaczą? Czemuście Oeconomiey iakiey nie przedali albo nie podzielili między Rycerstwo, iako Jagiełło uczynił? Czemuście sum niezniesli na starostwa, iako uczynił Kazimierz Zygmunt? Czemuście włożyły trzy pobory na stan Slachecki, który othey woinie nie wiedział? Czemuś zamysłów waszych tajemnych a występkow nieszczych my przypłacamy?... Zaczym do tego przyszło, ze woisko w kupie tu stanęło gdzie im płać naznaczono? Zaczym iacobyscie ie właśnie per decretum na nas nawiedli?... Zaczym do tego przyszło, ze się nam obrocil pozytek w szkodę, sława w hańbę, pokarm w truciznę? Zaczym do tego przyszło, ze wszystkie swobody nasze (niestetisz na was) zniszczone są. Zaczym do tego przyszło, ze wołnoscia za Kazimierza sprawiedliwego, pod Łęczycą otrzymane y krwią pochlebcow oblano, połamane są? Zaczym do tego przyszło, ze pomierzone są maiętnosci nasze? O nieszczęsliwe czasy! O rządy! O rady nasze! Zaczym do tego przyszło, ze Czynsze z nich, iako nam kazano, oddalismy? Zaczym do tego przyszło, ze Wołowczyzne, Jałowczyzne, Wieprzewizne y sep, zapomniałe iusz podatki, daiemy? Zaszym do tego przyszło, ze policzki nosimy, przeprawy gotuiemy, Stanowiska buduiemy, niesłychane działdom naszym posługi odprawuiemy?... A niewiecież, ze stan Slachecki dluo cierpiący moze się kiedykolwiek obaczyć, co się im od was dzieje? A niewiecież, co się stało pochlebcom pod Łęczycą y Generałowi w Pizdrach?“ (Tamъ же, л. 44).

войска никакого несть, что имъ открывается погода къ намъ. Но теперь еще у нихъ довольно хлопотъ дома, между ними еще великая рознь, и тотъ, котораго посадили на царство, не умѣеть ими править, да и сосѣди ихъ развлекаютъ; а погодите немножко — онъ какъ разъ устремяется на насъ всѣми своими силами. Скоро приидутъ дѣла къ тому, что борьба съ Москалемъ будетъ для насъ трудище, нежели — съ какимъ либо другимъ пепріятелемъ¹⁾.

Вслѣдствіе несчастнаго конца московскаго похода, варшавскій сеймъ 1613 года не состоялся, былъ, чтѣ называется, сорванъ. По всѣмъ очереднымъ вопросамъ, земскіе послы не допускали рыцарское сословіе, или Посольскую Избу сноситься съ Избою Сенаторскою и съ королемъ. Сколько ни упрашивали король и ссыпать нижнюю палату, *per viscera patriæ*, войти въ соглашеніе съ верхнею, *praeiudicati animi* домогались одного: чтобы выполнены были обѣщанія, данныхя войску и открыты виновники Московской войны. Сеймъ разѣхался, не утвердивъ ни одного изъ предложеній королевскаго правительства; король, *in vim iustificationis*, разославъ по всѣмъ гродскимъ судамъ универсаль, въ которомъ жаловался на земскихъ пословъ, взваливалъ затѣю московской войны на некоторыхъ сенаторовъ, не называя никого, старался возстановить въ обществѣ поколебленіе мнѣніе о собственной личности.²⁾

¹⁾ Тамъ же, разнояз. Л. Q, отд. IV, № 8, лл. 110—112.

²⁾ „Все было бы ладно“, говорить онъ въ этомъ универсалѣ, „*by byli nie praeiudicati animi*, z ktorymi ad publicas Consultiones podobno przyezdzano... Co albo dobrze poczæc abo porzadnie skonczyc dopuscili, by byli sancita zgodne Izby Poselskiej y porzadku namowionego nie rozerwali, nie dopuszaic zgoła w zadney sprawie znosić się stanowi Rycerskiemu z Senatorską Izbą y z nami, raz tylko vpominać się, aby pactis Conuentis dosyć się stało a consilia et autores Woyny Moskiewskiey odkryte były.... Strony Moskiewskich rzeczy przez pewne Senatory wysłuchawszy doskonale, co nas do zawzięcia tey przywiódło Woyny, pozwolilismy kozdemu mianować y dowodzić, komu by z Senatu iaka winę dawali. Więcej się potym stawić, tyle razy per viscera patriae od nas y Senatu naszego proszeni, niechcieli, ale oddawszy Volumen priuatnych postulat.... nic anic radzić ani pozwalać niechcąc, y tak zawziętością abo nieostroż-

Такъ, съ одной стороны, іезуитскому правительству Сигизмунда угрожала законная сила за предпочтение интересовъ личныхъ народнымъ интересамъ; съ другой—русская сила, не узаконенная ни однимъ патентомъ, проявляла себя все болѣе и болѣе въ борьбѣ съ чужеядными сосѣдями. Роль короннаго гетмана была труднѣе королевской. Онъ долженъ былъ представлять не двулицаго, а четверолицаго Януса, какого не могли вообразить и римляне. Однимъ лицомъ обращенъ былъ онъ къ своимъ панамъ и жоннерамъ-шляхтичамъ, этому первообразу своевольныхъ козаковъ, этимъ истинно безнаказаннымъ козакамъ-разбойникамъ: онъ постоянно внушалъ имъ, что королевскій мечъ длиненъ, что хоть изрѣдка, но можетъ кто-нибудь изъ нихъ поплатиться головою за своевольство, какъ поплатился Сангушко при Сигизмундѣ-Августѣ за княжну Острожскую, а Зборовскій при Стефанѣ Баторіи—за дружбу съ низовцами. Другимъ лицомъ обращенъ былъ коронный гетманъ въ противоположную сторону — къ козакамъ настоящимъ, къ козакамъ-циникамъ, которые не маскировались miłośćią ku Ojczyznie и, въ случаѣ чего, готовы были поступить съ Краковомъ, какъ съ Бѣлгородомъ, Киліею, Тягинью, или Очаковомъ. Третьимъ лицомъ обращался онъ къ Москвѣ, а четвертымъ къ Турціи.¹⁾ Въ послѣднемъ случаѣ, ему приходилось иногда

noscia swą obnazoną zewsząd Oyczyznę y granice iey zostawili, chcą tą mieszańiną nas w ohydzie y w nienawisci v wiernych poddanych naszych dłużyi trzymać, aby abo creditu swego u braciey nie tracili, abo swych dopinali w takim odmęcie praetensiey". (Tamъ же,польск. J. F., отд. IV, № 99, лл. 59—60).

¹⁾ На письмо румелійскаго беглербека изъ Бендерь (по-козацки Тягинъ), коронный гетманъ отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Panom, ktorzy przy Ukrainie mieszkaią albo raczey mają swoje maietnosci, zebysmy się zebrawszy do kupy z woiskiem J. K. M. na pokaranie tych lotrow, swowolnych Kozakow, ruszyli y ktorzyby się w Panstwach J. K. Mci gdziekolwiek nalezli, zebysmy ich na garle karali y wynisczeli te lotry. Jakosz podług roskazania od J. K. M. nam danego vczynilismy takzesmy w tamten kraju ku Dnieprowi, gdzie zwykli się ci lotrowie bawić, z woiskiem przybyli, o ktorychesmy się mogli dowiedzieć, poimać y pokarać na roznich mieiscach roskazalismy; y tam y teras iest woisko J. K. M. O czym, isz tak iest, nieinaczey, wiadomość *

просить короля объявить посполитое рушение, лишь бы падѣвать шуму, распускать слухъ о сильныхъ вооруженіяхъ наловъ и вообще играть роль Шекспирова Фальстафа, въ его знаменитомъ грабежѣ на большой дорогѣ. Но еще тяжелѣ была роль четверолицаго гетмана относительно козаковъ: онъ долженъ былъ ихъ запугивать, не имѣя войска, заигрывать въ то время, когда они, изъ пиратовъ обыкновенныхъ, сдѣлались пиратами, ужасными для турокъ.

Морскую силу ихъ увеличило одно счастливое для нихъ и бѣдственное для турокъ обстоятельство. Къ нимъ перешли такъ называемыя потурнаки, которые приняли исламъ единственно для того, чтобы не терпѣть турецкой каторги, или не висѣть на жељезномъ крюкѣ. Козаки великодушно приняли въ свою среду раскаявшихся отступниковъ, а тѣ взялись показать имъ дорогу на азіятскій берегъ Чорнаго моря. Въ то время процвѣталъ тамъ больше всѣхъ малоазійскихъ городовъ Синопъ. Кромѣ богатства, онъ славился также прекраснымъ мѣстоположеніемъ и здоровымъ климатомъ: восточная поэзія прозвала его *городомъ любовниковъ*. По указанію бывшихъ потурнаковъ, козаки ограбили

łatwie wziąć mozez. Potrzebnie się stanie, ze spolnie pomozem sobie na spolne szkodniki, wy z swoiej strony, a my tesz s swoiej, zebysmy ich do gruntu wynisczyli. Jakosz ci, ktorzy w naszej Ukrainie prebywali, jedni pociekali, drudzy pobici sa. Do tych, ktorzy na Nizie Dnieprza mieszkaia, przez progi skaliste, ktore sa w tej rzece, nam przebyd niepodobny. Wam snadniejszy y w porcie limiennym przy swoich Zamkach, iakoscie teras uczynili, łatwiej wam przydzie zabiegać swawolenstwu y rozboiom tych łotrow; wszak macie teras dosyć wieczniow od nich, lacno sie sprawicze, ze ci łotrowie z roznich narodow zebrani, nie z naszej tylko ziemie, ale z Moskwy, z Donu schodzą się na te zwyrle swe mieisca nizey progow Dniepropowych. W naszej Ukraine dotąd zadnego ostatka z tych, ktorzy przed woiskiem waszym pociekali, niemasz, y nie będą smielisię wkazać, wiedząc o Woisku Naiasn. Krola Pana mego. Jesliby się ktorzy poiawił, będzie imany y na gardle karany. Tam ze y teraz nizey progow Dniepropowych sa ci łotrowie na swych zwykłych mieiscach. Jakoby z woiskiem, strzezemy od nich ziemie swej, zebu nam szkody nie czynili, tak y wy z waszej strony czyncie.“
(Рукоп. Императ. Публ. Библ.,польск. Л. F, отд. IV, № 99, л. 110).

и разрушили замокъ и арсеналь, а чего не могли взять на свои чайки, то сожгли. Той же участи подверглись дома и мечети въ городѣ, галіоны и галеры въ пристани. Все мусульманское козаки вырѣзали, все христіянское освободили изъ неволи и ушли прежде, чѣмъ сосѣдніе жители успѣли противъ нихъ вооружиться.¹⁾ По исчислению торговыхъ людей, козаки причинили тогда туркамъ убытку не меньше, какъ на 40 миллионовъ золотыхъ. Извѣстіе о разореніи Синопа произвело въ Царыградѣ оглушающее впечатлѣніе. Султанъ приказалъ было повѣсить визиря Насафѣ-башу, но былъ смягченъ просьбами жены, дочери и другихъ женщинъ, только поколотилъ хорошенъко буздыганомъ, о чомъ въ ту же минуту, какъ о небываломъ дѣлѣ, тотчасъ разнеслась вѣсть по всей столицѣ.²⁾ Важнѣе самой потери было въ этомъ событии то, что козаки провѣдали дорогу, какъ выражался Жолковскій, рег diametrum Чорнаго моря, то есть проникли въ тотъ безопасній уголокъ Имперіи, гдѣ въ совершеннѣй безопасності процвѣталъ до сихъ поръ „городъ любовниковъ.“ Съ того времени, какъ турки овладѣли Малою Азіею, никакого непріятеля тамъ не видали.³⁾

Въ устьѣ Днѣпра между тѣмъ хлопотали о замкѣ для прегражденія козакамъ здобычей дороги. Ахметъ-баша, беглербекъ румелійскій, стоялъ на уроцищѣ Газилеръ-Геремихъ (переправа воиновъ). У беглербека было 4.000 янычаръ и множество другого пароду. Готовились къ постройкѣ и поджидали козаковъ. Беглер-

¹⁾ Такъ записано въ турецкихъ лѣтописяхъ, изъ которыхъ извлечениія изданы Сенковскимъ, подъ заглавіемъ: „Collectanea z Dziejopisów Tureckich.“ Къ этой книгѣ приложена виньетка, изображающая Богдана Хмельницкаго, совершающаго мусульманскую молитву во время своего плѣна. Не извѣстно, былъ ли „козацкій батько“ потурникомъ хоть на короткое время, чтѣдѣлали многіе для облегченія своей участіи, но картишка обрисовываетъ издателя больше, нежели то, что хотѣлъ онъ ею высказать: Хмельницкій представленъ въ одѣждѣ нынѣшняго армейскаго козака, въ солдатскихъ панталонахъ съ лампасами.

²⁾ Рукоп. Императ. Публ. Библ.рагнояз. Л. Q, отд. IV, № 8, л. 93.

³⁾ Тамъ же, л. 92.

бекъ требовалъ у поляковъ пособія своему дѣлу съѣстными припасами и матеріалами, чтѣ было имъ крайне обидно.¹⁾ Они видѣли въ дѣйствіяхъ турокъ послагательство на польскія границы и опасные замыслы противъ Польши; они знали, что султанъ ищетъ только предлога къ расторженію мира. Слухъ о разореніи Синопа сильно встревожилъ и озабочилъ королевское правительство. „Конфиденты“ уведомили Жолковскаго, что падишахъ поклялся своею душою отомстить Рѣчи-Посполитой. Польша была полна страха предстоящей опасности, *istius periculo perfuncta*, какъ выражались ея классики, эти проводники къ той гибели, о которой они краснорѣчиво разглагольствовали и которую, какъ имъ казалось, предотвращали. Оставалась одна надежда на войну съ персами, которая предстояла тогда султану. „*Day Panie Boże, żeby ta tam woyna rozzawrzyła się!*“²⁾ молились набожные государственные люди.

Но и козакамъ приходилось плохо: обратный путь быть имъ отрѣзанъ; турки рѣшились истребить ихъ на Переправѣ Войновъ. Завзятыхъ добычникамъ оставалось только отчаяннымъ ударомъ прорваться сквозь турецкую флотилію. Они были фаталисты. Они были преемники и потомки тѣхъ, которымъ „вѣцій Боянъ“ заповѣдалъ свою припѣвку: „Ни хитру, ни горазду, ни птицею горазду суда Божія не минути“.—„Не треба смѣти боятись: відъ нѣї не встережёсся!“ такъ проповѣдывали своимъ затѣжцамъ запорожскіе ветераны. Каждый изъ козаковъ давно обрекъ себя на смерть; многіе не разъ избѣжали неминуемой гибели почти сверхъ-естественнымъ способомъ — или среди отчаянной рѣзни и пламени, или въ буряхъ на Чорномъ морѣ, извѣстномъ своею бурливостью,—когда послѣ страшной фортуны что-то незримое, по словамъ кобзарской думы, „судна козацькі

¹⁾ Тамъ же, польск. Л. F., отд. IV, № 99, л. 80.

²⁾ Дай Господи Боже, чтобы эта война разгорѣлась какъ можно болѣе!

догоры́ як рукáми підіймáло". Они готовы были явиться на послéднíй судъ, и этимъ судомъ для нихъ, какъ и для бояновскаго Бориса Вячеславича, была смерть отъ меча, огня, воды или отъ медленныхъ мукъ: слава, приводила козака на судъ тѣмъ же порядкомъ, какъ привела и варяжскаго князя. Грозныя сцены ревущаго подъ ногами моря и рыкающихъ кругомъ, аки львы, бусурманъ, были для запорожцевъ призывомъ къ исповѣди и покаянію.

„Сповідайтесь, панóве молодці милосердному Богу,
Чорному морю
І міні, отаману кошовому!...

Такъ взывалъ къ нимъ предводитель въ послéднія минуты жизни, передъ крушениемъ ихъ дерзко-утлого флота. И каждый припоминалъ въ душѣ своей: какъ, выступая въ походъ, онъ оттолкнулъ старушку мать, когда она ухватилась за стремя, не пуская изъ дома единственного сына; какъ, въ опьянѣніи отъ козацкой завзятости и оковитои горїлки, топталъ конемъ дѣтей, игравшихъ на дорогѣ; какъ отвѣчалъ гордымъ словомъ на привѣтствіе „старыхъ женъ“ (и это было смертельнымъ грѣхомъ для козацкой, разбойницкой совѣсти); какъ, наконецъ, проѣзжая мимо дома Божія, „за гордостью да за пыхою“, не снималъ шапки и не клалъ на себя креста. Горькое самоосужденіе внушало козакамъ решимость погибнуть, и „вѣщій духъ“ ихъ боролся мужественно съ грозными стихійными силами. Но при этомъ они вѣровали, что молитва отца и матери „зо дна мбря виймае“; они знали, что „клитьба“ матери, черезъ минуту, смѣняется мольбою къ Богу, чтобы онъ не услышалъ страшныхъ напутствій козаку. Была у нихъ въ запасѣ, у этихъ людей *religionis nullius*, еще и другого рода вѣра, заимствованная, тысячелѣтія назадъ, отъ финикиянъ или иного мореходнаго племени: они вѣровали, что Чорное море можно умилостивить кровавымъ жертвоприношеніемъ, и что нѣсколько

капель крови изъ мезиншаго пальца, поглощенныхъ ревущею стихією, заставляютъ его иногда утихнуть,¹⁾ какъ ту таинственную силу, которая едва не погубила Моисея, возвращавшагося въ Египетъ, и отошла отъ него только послѣ символического пролитія передъ нею дѣтской крови.²⁾ Если въ поздній періодъ козачества, когда сабли уже заржавѣли, когда мушкеты были безъ курковъ, козацкое сердце не болѣло турокъ,³⁾ то могло ли опо ихъ бояться во время частаго „гостеванья“ на гостепріимномъ морѣ „варяжскомъ“?

Козаки имѣли средства провѣдать, что изъ Бѣлгорода повезли къ Очакову турецкую армату; но и это ихъ не остановило. „Кому Богъ поможе!“ таковъ былъ ихъ военный кличъ, и съ этимъ кличемъ они, какъ поется въ думѣ, „на Лимаць ріку испадали, Дніпру - Славуті низѣнью уклоняли“. Дніпробъ-Славута, въ ихъ глазахъ, было существо живое, зряче, чувствующее, какимъ въ глазахъ Игорева бояна была рѣка Донецъ, бесѣдовавшая съ Игоремъ во время его бѣгства, или въ глазахъ Гомера—рѣка Скамандеръ, воплощенная въ грознаго, но милосердаго полубога. Козаки всякой разъ низко-пренизко кланялись древнему Славутѣ, когда онъ послѣ „злой хуртовины морской“, послѣ „супротивной філі“, послѣ „страшной фортуны“, начиналь любо лелѣять па себѣ избитыя бурями и турецкою картечью козацкія чайки, какъ лелѣялъ когда-то посады Святославовы. Но на Переправѣ Воиновъ извѣстной, можетъ быть, со временемъ Митрадата, этого Святослава азіатскаго, этого Мстислава Удалого юнгійскаго, грянула на

¹⁾ См. въ приложеніяхъ къ I-му тому думу *про Олексія Поповича*.

²⁾ Исх. гл. IV, ст. 24—26.

³⁾ Въ народной пѣснѣ это выражено такъ:

Та вже шаблі заржавили,
Мушкеты безъ курківъ,
А ще сердце козацкее
Не боиться турківъ!

козаковъ турецкая армата. Козаки ждали грому и граду; они рѣшились подвергнуться ужасамъ заготовленной на нихъ арматы и флотилии. „Кому Богъ поможе!“ и фаталисты прорвались сквозь галеры, сквозь сандалии, сквозь кривыя янычарскія сабли, сквозь ядра, картечи, пули и татарскія стрѣлы,—прорвались козаки сквозь бусурманъ „на тихія воды, на ясныя зорі, у край веселый, міжъ народъ хрищёный“, какъ это выражается въ кобзарскихъ думахъ.

Но прорвались, конечно, не всѣ. Султанъ, „прибѣжище и щитъ великихъ монарховъ“, ¹⁾ получилъ отъ Ахметъ-бапи („котораго высота да пребываетъ во вѣка“ ²⁾) радостное извѣстіе, что козаки разбиты и почти истреблены: одни изъ нихъ изрублены саблями, другіе потоплены въ морѣ, и только нѣкоторые съ нѣсколькими лодочками своими ушли на польскія границы въ Черкасы и Корсунь. Надобно думать, что бюллеть, составленный для султана, говорилъ еще больше въ пользу турецкаго оружія, потому что вѣсти, полученные отъ пограничныхъ турокъ въ Польшѣ, далеко расходились между собою версіями своими. По одной версіи, sceleratos illos complurimi capti sunt, ³⁾ по дру-

¹⁾ Такъ величалъ его визирь въ письмѣ къ Сигизмунду III. (Рукоп. Император. Публ. Бібл. разноз. Л.-Q, отд. IV, № 8, л. 132).

²⁾ Такъ султанъ величалъ Ахметъ-башу въ письмѣ къ королю. (Тамъ же л. 71).

³⁾ Множайше изъ этихъ злодѣевъ захвачены въ плѣнъ.—Въ этомъ извѣстіи, полученному Жолковскимъ отъ румелійского беглербека, говорится о тѣсной связи интересовъ нѣкоторыхъ пограничныхъ пановъ съ интересами козацкими. „Jam qui in conflictu illo praecepit a nobis capti sunt sufficientem nobis ferebunt relationem unde nimirum veniant quorum nutu et conniventia tam multa mala perpetrant, quibus in arcibus degant et qui arcium Domini quo ex ditionibus nostris capti adducantur Turce eorumque facultates quomodo confinium illorum rectoribus Monasterisque bona praedae pars cedat et quod gerum adeo consciit sunt omnium.“ (Въ той же рукописи л. 96.) Монастырь здѣсь разумѣется Трахтомировскій, служившій складочнымъ мѣстомъ для козацкой добычи, а по словамъ думы—и предметомъ пожертвованій. Нѣсколько обстоятельствъ изложенъ вопросъ о козацкой добычѣ въ письмѣ того же беглербека къ королю:

„... gdysmy iusz byli na thym woiska za nimi poslać, aby the zamki u po-

гой — заполонено только 20 козаковъ, а по третьей — спаслось только 18 чаекъ, и прочие козаки, выскочивъ на берегъ, ушли пѣшкомъ, а човны и добыча достались непріятелямъ. Наконецъ, въ турецкихъ лѣтописяхъ находимъ и четвертую версію. По сказанію стихъ лѣтописей, козакамъ загородилъ дорогу въ устьѣ Днѣпра Шакинакъ-Ибрагимъ-баша, но козаки, провѣдавши обѣ этомъ, высадились на другомъ мѣстѣ, потащили свои чайки по сухопутью и хотѣли обойти такимъ образомъ Переяславу Воиновъ, но турки открыли варяго-козацкій волокъ, и козакамъ пришлось потерять и побросать въ воду часть богатой добычи. При этомъ 20 сіромахъ было схвачено турками для умилостивленія буздыганопослой десницы падишаха.¹⁾ Ихъ казнили въ Царьградѣ передъ глазами жителей Синопа, прибѣжавшихъ въ столицу съ извѣстіемъ о постигшемъ ихъ бѣдствіи. Въ этомъ извѣстіи, конечно, есть своя доля правды; но турецкимъ лѣтописямъ надобно довѣрять еще меньше,

łamki (pałanki), gdzie oni mieszkały brano u znoszono, zony, dzieci znano (imano) u tam then wszystek krai plondwrowano, kilku wiezniów albo ięzyków dostano, których kiedy pytano, skąd Kozacy wychodzą, za czym poduszczeniem u potuchą takie występki czynią, tych zamieczków u połamków, w których mieszkała Starostowie u Panowie, co zać są, the zdobycz, które z Państw Cesarza J. M. biorą u komu oddają, Dali pewna sprawę, ze the Połamki są pod władzą WKM, ze zdobycz, ktoą biorą, do Manasteru WKM u pogranicznym Panom dają, A które cokolwiek złego czynią, wszystko z poduszczenia u otuchy Panow WKM u zacnych Slachciców na granicach będących mają (Въ той же рукописи л. 133.)

¹⁾ Доставка въ Царьградъ плѣнниковъ не должна считаться фактомъ несомнѣннымъ, хотя въ немъ неѣть ничего невѣроятнаго. Извѣстно, что польская шляхта добывала плѣнныхъ татаръ и турокъ у козаковъ, чтобы представлять ихъ королю и просить какую-нибудь награду. Извѣстно также и то, что султанъ всякий разъ имѣлъ свѣжихъ плѣнниковъ, когда придворные замѣчали зловѣщіе признаки его гибели. Это дѣжалось очень просто: изъ запаса невольниковъ присыпали въ Царьградъ опредѣленное въ визирскомъ наказѣ количество обреченныхъ на умилостивительную жертву бідолахъ, часто подъ громкими титулами гетмановъ козацкихъ, а не то — каштеляновъ, стражниковъ коронныхъ и т. п.; такимъ образомъ „непобѣдимость“ его султанского величества безпрестанно подновлялась въ сераѣ новымъ и новымъ блескомъ.

чѣмъ украинскимъ. По складу восточного ума, турецкіе лѣтописцы не считаютъ за грѣхъ одно событие ставить на мѣсто другого, а годами событий играютъ они, какъ своими чотками. Лѣтописи у турокъ не столько писались, сколько сочинялись, а въ какихъ именно видахъ,—это вопросъ специальный.

ГЛАВА XV.

Постепенный разливъ козачества въ польско-русскомъ обществѣ. — Необходимость временного примиренія двухъ враговъ русской силы—мусульманъ и поляковъ.—Стремленіе поляковъ къ политической гибели путемъ посягательства на Московское царство.—Непониманіе выросшей русской силы въ лицѣ козаковъ.—Козаки являются политиками, устрашающими кровопролитіе.

На богатомъ пиру государственной славы возсѣдаютъ обыкновенно вѣнценосцы да ихъ приближенные, а крохи, падающія со стола великихъ земли, пирующихъ на счетъ исторической правды, случайно достаются личностямъ темнымъ. Эти крохи старался я собрать въ сорной кучѣ величавыхъ словъ, наполняющихъ бумаги польскихъ королей и ихъ магнатовъ,—но и то не столько ради славы безславныхъ, сколько для изученія того старого перегноя, изъ котораго возникла и возникаетъ новая жизнь, сияющая передъ нами красотою, или поражающая насъ безобразiemъ. Мы вѣдь продолжаемъ родъ нашихъ предковъ не въ одномъ физическомъ отношеніи: мы воспроизводимъ одновременно и нравственные свойства ихъ. Въ наслоеніи нашей народной почвы таится много общаго съ нашими нынѣшними занятіями, страстями, идеалами. Ничто въ ней не погибло изъ нашего бывшаго, а только ускользнуло отъ нашего знанія. Потому-то запахъ угадываемой дѣйствительности въ прошедшемъ—столь же обаятеленъ для ума историка, какъ запахъ взрыхленной весною земли—для химика и садовода. Но исторія, какъ наука, остается далеко позади химіи, и занята, покамѣсть, лишь накопленіемъ данныхъ. Пускай другое, бо-

лѣе искусное перо воспользуется моимъ агломератомъ, какъ пользовался я трудами моихъ предшественниковъ по избранному мною предмету. Оно, можетъ быть, не удовлетворится моими выборками изъ забвенныхъ новымъ міромъ бумагъ, и въ самихъ подлинникахъ найдеть многое, чего не дано видѣть оку современаго намъ изслѣдователя. Эта мысль ободряетъ меня и въ надеждѣ сказать нѣчто еще не сказанное, и въ опасеніи надѣлать ошибокъ. Я представляю публикѣ не столько литературное произведеніе, сколько кабинетныя тетради мои, мою текущую подготовку къ чему-то стройному, ясному, убѣдительному. Глядя на свое дѣло такимъ образомъ, я проведу моего читателя спѣ однимъ стариннымъ ходомъ, которымъ ходилъ самъ, дивясь и размышляя. Я покажу ему, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей того времени, именно Жолковскій, столь памятный Москвѣ въ безгосударное время, публично высказался о событияхъ, пройденныхъ уже нами по другимъ документамъ.

Жолковскій, подобно каждому общественному дѣятелю, начиная съ Агамемнона, имѣлъ своихъ порицателей и противниковъ. Въ 1618 году онъ счоль долгомъ оправдать себя на вальномъ, то есть главномъ, варшавскомъ сеймѣ и выставить нѣкоторыя обстоятельства съ точки зрењія наблюдателя непосредственнаго. Въ его реляціи, какъ и въ реляціи Претвича, мнаго для насъ не достаетъ, а иное, очевидно, окрашено въ собственный цвѣтъ полководца, но всѣ-таки интересно слышать замогильный голосъ человѣка, столь извѣстнаго въ нашей исторіи.

Прежде всего коронный гетманъ слагалъ съ себя отвѣтственность за военные дѣйствія свои, объявивъ сейму, что всегда и во всемъ слѣдовалъ повелѣніямъ его королевской милости, а не внушеніямъ собственнаго ума. Онъ говорилъ правду. Жолковскій былъ русинъ, и сохранилъ врожденную русинамъ преданность верховной власти. Во многомъ онъ былъ не согласенъ съ Сигизмундомъ III и прямодушно заявлялъ свое разномысліе, но, лишь только король высказывалъ окончательное рѣшеніе свое,

онъ исполнялъ его съ тою вѣрнѣстю, съ тою энергіей послушанія, къ которой способны только характеры, отъ природы деспотические. Польскіе магнаты не понимали русина, и преданность его королю считали искательствомъ, а это было въ немъ плодъ глубокихъ размышленій: онъ старался поддержать въ Польшѣ то, чтѣ однѣ могло бы спасти ее отъ политического паденія: монархическую власть. И сыну своему завѣщалъ онъ тотъ же принципъ, когда выступалъ въ послѣдній походъ свой. „Хотя бы ты видѣлъ и недостатки въ государѣ“, писалъ онъ въ своей духовной, „лучше тебѣ держаться его твердо, чѣмъ искать перемѣнъ въ правительствѣ: онѣ очень вредны, очень опасны“. Поэтому, слагая съ себя отвѣтственность, Жолковскій не прятался за короля и его слабости: не этотъ смыслъ имѣло его самоуниженіе; напротивъ, онъ указывалъ, какъ долженъ поступать каждый, и въ томъ же прямодушномъ тонѣ перешолъ къ рѣшенію важнаго государственного вопроса: по какимъ случайностямъ и какими постепенностями пришла Рѣчь-Посполитая въ опасное положеніе свое? „Причиною ссоры и столкновенія съ Туркомъ“, говорилъ Жолковскій, „были, во первыхъ, безпутные походы нашихъ пановъ въ Волощину, а во вторыхъ, козацкіе набѣзы на владѣнія турецкаго султана.

Итакъ, по мнѣнію одного изъ прямодушнѣйшихъ пановъ, прежде всего виноваты были сами паны. Но многіе ли способны къ самообвиненію? и высоко ли стояла польская шляхта въ идеѣ равноправности? На сеймѣ всего больше хлопатали о томъ, какъ бы расправиться съ козацкимъ мотлохомъ. О себѣ забывали, себѣ не ставили въ вину того, за чтѣ другихъ казнили. Повторялась, въ широкомъ размѣрѣ, исторія разрушенія и грабежа краковскаго Брога, рассказанная Оржельскимъ.¹⁾ „Издавна шло къ тому дѣло“, продолжалъ Жолковскій (что будетъ разрывъ мира къ тур-

¹⁾ См. т. I, примѣчаніе къ стр. 262.

ками), „но только въ 1614 году язычники разсвирипѣли наконецъ за наши вторженія въ Волощину. Какъ Говъ проклиналъ день своего рожденія, такъ я проклинаю тотъ несчастный день (въ который наши вступили на волошскую почву). Были не разъ обижены турки и прежде, но до этого дня наши экспедиціи были гораздо счастливѣе. Съ того же времени — точно съ печи на голову: разозлились язычники, запѣнились, ни во чѣ поставили рыцарскихъ нашихъ людей, и тотчасъ, недѣли въ полторы, точно изъ пекла, налетѣль на насъ Мехмедъ, опустошилъ Подолье и долго еще не насытился бы нашею кровью, когдабѣ я не прибѣжалъ къ остатку нашего войска на Украину. Въ томъ же году вторгнулся опять Батырь-бей, и хоть у Сасова-Рога побили его наши, но это намъ помогло мало: турки выхлопотали у султана войну противъ насъ; самъ дьяволъ ихъ пришпорилъ. Козаки между тѣмъ, переплыши море, вломились въ славный портъ Синопъ и причинили туркамъ на 40 миллионовъ убытку, не считая людей. Лишь только долетѣла вѣсть обѣ этомъ до Царьграда, двинулись на насъ враги сухимъ путемъ и водою, и прошли въ такія спокойнныя мѣста, куда не смыль до тѣхъ порть сунуться ни одинъ непріятель“.¹⁾

Что дѣлалъ этотъ непріятель, и какъ удалился изъ подъ Очакова, мы уже знаемъ.

„Наступилъ 1615 годъ“, продолжалъ Жолковскій. „На прѣ весні, козаки снарядили 80 човновъ и выбралисъ на море; ударили на турокъ недалеко отъ Царьграда, между Мизевицю и Архіюкою. Близъ того мѣста султанъ былъ на охотѣ и видѣлъ изъ своего окна дымъ: козаки сожгли обѣ пристани. Раздосадованный Султанъ бѣжалъ въ Царьградъ и отправилъ противъ нихъ

¹⁾ Далѣе Жолковскій говорить о погромѣ козаковъ у очаковскаго порта и, въ противность турецкимъ реляціямъ и собственнымъ донесеніямъ своимъ королю, говоритъ, что козаковъ спаслось только 18 чаекъ. Было ли это сказано на основаніи новыхъ свѣдѣній, или же въ какихъ-либо особыхъ видахъ, — неизвѣстно.

армату. Козаки безнечно продолжали грабить. Погнали ихъ наконецъ корабли и галеры по направлению къ Дунаю; но тутъ козаки окружили турецкій флотъ, побили турокъ, взяли въ плѣнъ самого предводителя; онъ предлагалъ за себя 30.000 выкушу, но умеръ отъ ранъ. Тогда все разбрѣжалось. Козаки привели турецкія галеры въ Лиманъ и зажгли подъ Очаковомъ. Султанъ послалъ въ августъ татарскаго царя, который опустошилъ Подолье и Волынь, а какое отправилъ къ вашей королевской милости послольство, вы, конечно, помните.¹⁾ Наступило начало ноября. Тутъ наши въ другой разъ вторгнулись въ Волщину: все равно, что масло на огонь! Турки собрались на военный совѣтъ, и только два обстоятельства удержали ихъ отъ похода: во первыхъ, персидская война, во вторыхъ, то, что ваша королевская милость оправдались передъ Томзою, а я передъ Али-башею: не наша въ этомъ вина: частные люди затѣяли волошскій походъ. Все-таки этотъ походъ haerebat имъ in animis (запалъ имъ въ душу): послали моремъ Али-башу противъ козаковъ, а сухимъ путемъ — Скиндеръ-башу противъ волошскихъ своевольниковъ. Козаки, въ началѣ 1616 года, поразили Али-башу въ Лиманѣ, взяли у него десятка полтора галеръ и до ста човновъ; самъ онъ бѣжалъ. Тогда козаки сожгли Кафу и повоевали морскія побережья.²⁾ Между тѣмъ Скиндеръ-баша двинулся въ Волщину. Если бъ

¹⁾ Это было задирательно-хвастливое письмо, выполненное преувеличений. Ханъ писалъ:

„Dwanascie Tysięcy ludu przyszło u z naszego Nahaiskiego ludu nieco Wołow, bydła, Owiec wziawszy, szli do Oczakowa, zamku Cara J Mci nad Nieprem leżącego, u nam impet uczyniwszy, wziasę go chcieli. O czym my wziawszy wiadomość, widząc, ze się tak Krolowi nie godziło czynić postanowilismy takim sposobem tak postąpić, y przedko się zebrawszy a 180.000 woiska zgotowawszy, woły, bydło, owcy... z ich rąk odiegliśmy“. (Рукоп. Императ. Публ. Библіот. разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8, л. 136.)

²⁾ Въ третьемъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи книги свой „Богданъ Хмельницкій“ (т. I, стр. LV), Н. И. Костомаровъ относитъ разореніе Кафы къ 1613 году и говорить: „Къ этому году, по всѣмъ соображеніямъ, должно относиться знаменитое взятіе Кафы и освобожденіе множества христіянскихъ

наши захотѣли, то могли бы уйти; погубили ихъ *temeraria consilia.*¹⁾ Безъ сомнѣнія, навлекли бы они на насъ турецкій импѣріи, но Скиндеръ баша, свѣдавъ обо мнѣ, не пошоль дальще. Потомъ полковникъ Вжесцъ вытѣснилъ татаръ изъ Покутья, и въ томъ же году отправлена была комиссія подъ Хотиномъ. Одинъ волошинъ, посланный отъ Скиндеръ-баши, говорилъ мнѣ со слезами, что война противъ пачь решена въ Царьградѣ, и что прежде всего погибнетъ Волощина: сultanъ хочетъ заселить ее турками. Когда я сказалъ ему, что козаки не люди, а сбродъ изъ разныхъ народовъ, онъ отвѣчалъ, что турки знать не хотятъ оправданій о козакахъ.²⁾ Но и въ Константиноіополѣ, какъ известно вашей королевской милости, когда насби-

плѣнниковъ[“]. Удивительное дѣло: какъ можно отдавать предпочтеніе собственнымъ *соображеніямъ* передъ свидѣтельствомъ такого современника, какъ коронный гетманъ польскій! Реляція его напечатана еще въ 1833 году, во Львовѣ (*Zbiór Pamiętników historycznych o dawnej Polszcze, przez Niemcewicza, t. VI,* стр. 93—107), слѣдовательно задолго до первой редакціи „Богдана Хмельницкаго“, къ какому бы дѣтскому періоду украинской исторіографіи она ни принадлежала. Но, кроме сборника Нѣмцевича, столь общепрѣстинаго, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, доступной для каждаго, хранится брошюра, изданная въ Киевѣ Кассіаномъ Саковичемъ, ректоромъ киево-братской школы, въ 1622 году, подъ заглавиемъ: „Вѣршъ на жалостный Погребъ заidного Рыцера Петра Конешевича Сагайдачного, Гетмана В. Е. К. М. Запорозкого“ (т. е. разорителя Кафы). Въ этой брошюрѣ представлено на виньеткѣ взятие Кафы и выставленъ годъ 1616. Наконецъ, въ 1850 году М. А. Максимовичъ напечаталъ въ своемъ „Кievлянинѣ“ facsimile съ этой виньетки и извлеченіе изъ самой брошюры. Въ виду такихъ печатныхъ источниковъ, не говоря о прочихъ, странно давать волю соображенію и предаваться сочинительству. Если мы беремся ткать художественные ковры для украшенія кабинетовъ и будуаровъ, то на насть, прежде всего, лежитъ обязанность распутать заготовленные издавна мотки. Иначе *художество* наше будетъ безъ юса, вышедшаго изъ употребленія, но подразумѣваемаго. Безъ юса художество происходитъ отъ слова *худо*, а не отъ сохранившагося въ польскомъ языке корня *chѣdo*; ergo такое художество—то же, чтѣ и безобразіе,—подразумѣвается, для знатоковъ; но, вѣдь большинство читающей публики къ знаткамъ не принадлежитъ, а идеаль нашей исторіографіи близко подходить къ изреченію Шекспира: „Ты счастливъ тѣмъ, что думаешь одинаково со всѣми.“

¹⁾ Дерзкие планы.

²⁾ Kiedym mu powiedział, ze to nie są ludzie Kozaci, ale z roznych narodow zebrani, powiedziała: wymówki nie przyjmują Turcy o Kozakach.

рали плѣнныхъ козаковъ и стали ихъ сирашиватъ, какимъ бы способомъ вытѣснить козаковъ изъ ихъ логовицъ? плѣнники дали такой совѣтъ: Волощину заселить турками, овладѣть Каменцемъ, русскіе края занять по Киевъ и основаться подъ самимъ Днѣстромъ. Только персидская война не дала выполнить этого плаана. Не смотря на то, что великий визирь потерпѣлъ въ Персіи пораженіе, Али-башъ приказало готовиться противъ насть къ походу. Али-баша умеръ; на его мѣсто назначенъ Скипдеръ-баша. А въ это время козаки переправились въ Азію; вѣтеръ унесъ ихъ къ Минерѣ, и пошли берегомъ до самаго Трапезонта. Это известно мнѣ отъ шляхтича Квилинскаго: онъ попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Корецкимъ въ Волошинъ и ушолъ къ козакамъ. Захватили они нѣсколько кораблей, но, сѣдавъ, что Ибрагимъ-баша заступиль имъ путь, повернули, подъ Бифорумъ, въ paludem Meotidem¹⁾ и очутились на Дону Сколько надѣли они тогда въ Турецчинѣ бѣды, расскажетъ Квилинскій, а было ихъ только 2.000. Съ Дону козаки пошли домой пѣшкомъ. Ибрагимъ-баша между тѣмъ отправился на Запорожье и разорилъ ихъ курени (domki); при этомъ взялъ у нихъ штуки двѣ-три пушекъ да десятка полтора човновъ. Защищать ихъ было некому: на Запорожье оставалось нѣсколько сотъ козаковъ. Они должны были бѣжать; а другіе вышли на влости еще прежде²⁾.

Такимъ образомъ о козацкихъ походахъ мы узнаемъ только изъ источниковъ постороннихъ. Безъ связи, безъ порядка, безъ освѣщенія какою-либо идею, эти сказанія рисуютъ козаковъ точно видѣнія безсмысленного сна, существовавшія для парушенія покоя турокъ, татаръ и польско-русскихъ землевладѣльцевъ.

¹⁾ Азовское море.

²⁾ Здѣсь былъ Жолковскому случай сказать, что, вмѣстѣ съ куренями, турки разрушили и церковь запорожскую. Еслибы на Запорожье существовала церковь, то Жолковскій зналъ бы объ этомъ точно Н. И. Костомарова, или тѣхъ кіянъ, которымъ не хочется видѣть добрыхъ молодцовъ на томъ свѣтѣ въ пеклѣ.

Нужды нѣтъ, мы собираемъ въ одинъ кодексъ даже и сухіе, безцвѣтные перечни того, что двигалось и работало по вицѣнію какой-то живой мысли, что носить на себѣ важную для историка печать послѣдовательного развитія, и запечатлѣно своимъ отличительнымъ колоритомъ. Будетъ время, когда изъ всего этого составится болѣе ясный, болѣе гармонический образъ. Покамѣсть, мы видимъ только нѣкоторыя черты. Мы видимъ Русь, выдѣлившую изъ себя два войска, два боевые народа — шляхту и козаковъ. Одинъ народъ служитъ идеѣ яко-бы созиданія — и разрушаетъ созданное; другой, напротивъ, только и думаетъ о разрушенії, величается имъ, поетъ о немъ въ поэтическихъ пѣсняхъ своихъ, но въ его варяжичанѣ, въ его необачномъ задорѣ врага сильнаго и опаснаго, присутствуетъ идея созиданія чего-то иного, созиданія чего-то еще „не сущаго“, отрицающаго „сущее“. Добродѣтели и геройскіе подвиги шляхты, на сценѣ, очаровываютъ папе вниманіе; за сценой, заставляютъ содрогаться и отворачиваться. Пороки и разбои козацкіе отталкиваютъ нась отъ этого скопища, при современной утонченности взгляда на вещи; но всякой разъ, когда намъ удается проникнуть въ домашній очагъ козака или хоть въ запорожскій курень его, мы тамъ находимъ членика, изъ котораго что-то будетъ, — не такого, какъ шляхтичъ, этотъ отжившій свое время типъ, обреченный исторію на изчезновеніе. Не пускаясь въ нравственный, трудный анализъ, если сравнимъ только, чѣмъ ушли въ Московщину и чѣмъ вернулись оттуда оба войска, — не можемъ не поражаться контрастомъ.

Побѣдители подъ Лубнями фигурировали на „позорницѣ“¹⁾ всего міра, возводя на престолъ и низводя съ престола царей. Побѣженныхъ подъ Лубнями даже псевдо-свои историки не отличили отъ хищной, темной, безобразной сволочи. Но, пріѣдя домой, московскіе герои терроризуютъ собственное государство, истощив-

¹⁾ Старинное название театральной сцены.

шее финансы на посѣть смутъ въ государствѣ сосьднемъ; король откупается отъ нихъ съ величайшимъ трудомъ, патеризвшиися неслыханныхъ неистовствъ и оскорблений въ теченіе двухъ лѣтъ вмѣстѣ со всею шляхтою, а откупившиися, принужденъ вести войну противъ людей, привыкшихъ буйствовать купою или конфедерациою. Чѣмъ же кончаются подвиги московскихъ героеvъ? Однимъ изъ нихъ, какъ злодѣямъ, пойманнымъ съ оружіемъ въ рукахъ, коронный гетманъ снимаетъ головы на мѣстѣ ихъ разбоевъ; другимъ, по повелѣнію короля, въ многолюдномъ городѣ Львовѣ устраивается публичная казнь, описание которой заставляетъ и нынче содрогаться каждого. ¹⁾ А въ результатѣ всего московскаго предпріятія оказывается, что въ 1615 году въ распоряженіи короннаго гетмана находится для охраны турецко-татарской границы всего только 300 человѣкъ, съ которыми гетманъ, ради сохраненія своего и королевскаго достоинства, не выходитъ лично въ поле, а посыпаетъ ротмистровъ. Королю не на что собрать больше войска, крайне, однакожъ, необходимоаго, нечѣмъ платить войску жалованья, и это—тому самому королю, отъ имени кото-раго такъ еще недавно, всего пять лѣтъ назадъ, польская шляхта говорила на сеймѣ: „Нѣть во всей Московской землѣ такого уголка, въ которомъ бы польскій воинъ не топилъ руки въ кро-ви исконнаго врага своего. И государь и государство, и столица, и гетманъ, и воинъ—все разомъ въ рукахъ у польскаго короля“.²⁾ Теперь коронный гетманъ доносить, что татары безъ вся-каго отпора шли мимо Барскій замокъ цѣлыхъ пять часовъ; что они проторили шляхъ шириною на добрый выстрѣль изъ лука; что угнали въ плѣнъ множество народа, и въ томъ числѣ

¹⁾ Объ этомъ напечатана тогда же брошюра, подъ заглавіемъ: „Pogrom u Ezechycy Wywojowcow zgradowanych“, перепечатанная въ „Pismach Stanisla-wa Zolkiewskiego“.

²⁾ Рѣчь, произнесенная къ Жолковскому на сеймѣ 1610 года, когда онъ представилъ московскаго царя Шуйскаго. (Тамъ же).

захватили одного знатного пана съ женою и съ двумя дочерьми. При этомъ онъ спрашивалъ у короля: прикажеть ли онъ удержать на службѣ 300 всадниковъ по истечениіи четверти года, на которую они наняты,—удержать, „для одной только славы, чтобы была хоть какая-нибудь species¹⁾ войска, чтобы хоть было чѣмъ страшать своевольныхъ козаковъ, которые собираются по Украинѣ въ купы“. Вся надежда на защиту границъ заключалась въ томъ войскѣ, которое, по волѣ и по неволѣ, содержалъ каждый панъ у себя въ имѣніи. На паемъ короннаго войска сеймующе паны не находили средствъ, и этимъ ставили короля ниже уровня польского магната, ежедневно окруженнаго войскомъ.²⁾

Между тѣмъ, козаки одерживали побѣду за побѣдою надъ турками, гибли въ морѣ отъ бурь и неудачныхъ битвъ, однажды обновлялись весьма скоро и довели дѣло до того, что берега Чорного моря готовы были признать надъ собою господство запорожской республики. Уже турки, можно сказать, не владѣли Чорнымъ моремъ, и навигація между Лиманомъ и Босфоромъ перешла въ руки новыхъ варяговъ. Они разбили турецкаго адмирала, первого между визирами, второе лицо въ Имперіи послѣ султана; всѣ порты находились въ постоянномъ страхѣ ихъ появленія и какъ-бы въ блокадѣ; торговые люди не иначе какъ украдкою пробирались отъ одного порта къ другому, выгружали товары на берегъ, не смѣя ввѣриться морю и только удостовѣряясь, что козаковъ нѣть близко, снова грузили на корабли.

¹⁾ Тѣнь.

²⁾ Такъ у князя Острожскаго, какъ у Василія, такъ и у Януша, никогда не было на лицо менѣе двухъ тысячъ вооруженныхъ людей, съ такою артиллеріею, которую такъ хорошо называли grzeczną. Этотъ поэтический эпитетъ напоминаетъ стихи изъ козацкой пѣсни.

Аще жъ у мене на бѣці
Е щабелька гарна.
Спитай ії, спитай ії:
Чимъ вона не панна?

Страхъ всего европейскаго и азиатскаго побережья дошолъ до того, что султану представлена была колективная просьба—оборонить имущество жителей, а не то, они будуть вынуждены подчиниться господству козаковъ.¹⁾ Не доставало одного: чтобы въ козацкія головы забралась мысль о самостоятельномъ царствѣ; но они никогда ее не имѣли: они были—или ниже такой мысли, какъ обскуранты, или выше, какъ соціалисты.

Жолковскій понималъ яснѣе каждого, какъ необходимо спа-

¹⁾ Все это было написано Жолковскимъ къ королю отъ 20 февраля 1617 года изъ Бара. Вотъ его собственныйныя слова:

„Jest to w pamięci W. Krol. Mci, ze niedopiero powiada się o tym niebezpiczenstwie Rzeczypospolitey, ktore niz doległo teraz Rzeczypospolitą, i przedtym i na Seimie przeszłym dosyć glosno z vronieniem Iez opowiadałem, to co miało być nictylko z koniektur, co kozdy ktory jedno ma communem sensum, mogł łacno wiedzieć, ale z wiadomosci, ktorychem głemboko z samego Cesarza Turckiego Kancellaryey siegał, mialem przestrogę, ze te naiazdy swawolnikow na Wołoską i Multanską ziemię, i te zbrodnie Kozackie tak się Turkom vprzykrzyły, ze tego dalej cierpieć i znosić nie chcą... bo posesya i nawigacya Czarnego Morza ktora od — — Turcy spokoiną, to im Kozacy wydarli, poty naigłownieisze wy — — i nikt się im dotąd nie oparł. Hetmana morskiego [ktory po Cesarzu — — (mię)dzы wezyrami] pogromili, porty wszystkie dla nich w vstawicznym (strachu) i w osadzie. Zyczylbym, zebyś W. Krol. Mę rozkazał do siebie przyjechać Pa — — berkowi: on się tego napatrzył, nasłuchał: bo przedko potym iako mi sprawę — — gdy Kozacy v Trapezontu byli, do Trapezontu przyjechał, iako potym z Trapezontu do Konstantynopola od portu do portu się przekradli stanąwszy tow — — i rzeczy swe z okrętów zdejmowali, a dowiedziawszy się, ze Kozakow niema, znowu na okręty ładowali. W każdym porcie tak bardzo strach doszedł mieszkancow, tak przy europskim iak i azatyckim brzegu, ze do Cesarza suplikę podali: iesli ich nie obroni, chcą kozakom hołdować. Pozytki, ktore przedtym z tamtych bogatych kraiow Cesarskiego skarbu dochodziły, iedne zgineły po psowaniem, czynieniem szkod, insze zatrudnione. Przyłożywszy popustoszenie, splądrowanie dwóch prowincyi, mogli to Poganie sierpieć...“

Прим. Две черточки означаютъ мѣста, утраченныя отъ ветхости рукописи, хранящейся въ Библиотекѣ Оссолинскихъ, во Львовѣ. Она, вмѣстѣ со многими другими, напечатана въ почтенномъ труде покойшаго Августа Бѣлевского: „Pisma Stanisława Żółkiewskiego“, Lwów, 1861, которому польско-русская исторія очень много обязана. Авторъ имѣлъ случай съ нимъ бесѣдовать и сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, жаждущемъ знать истину, чтѣ, надо сказать, весьма часто можно встрѣтить между поляками, и что парализуется въ нихъ только несчастнымъ вопросомъ: „Что есть истина?“ который древнему миру предложилъ Пилатъ, а новому предлагаетъ папа.

сать Польшу отъ мусульманъ съ одной стороны и отъ козаковъ съ другой. Цѣлый 1616 годъ провелъ онъ въ пропагандѣ—этой мысли между панами. Онъ и въ 1617 году не могъ нанять подъ королевское знамя больше 700 жолнеровъ; но эти кадры все же что-нибудь значили. Съ ними можно было хоть издали смотрѣть въ глаза непріятелю. Маневрируя, по-надъ границею съ искусствомъ, которому научила этого честнаго воина нужда, онъ заставилъ въ Царьградѣ говорить о своей готовности къ бою. Молва обыкновенно все преувеличиваетъ; онъ принялъ это въ соображеніе и не ошибся. Великій визирь спрашивалъ его: для чего собирается онъ у границы войско? Онъ отвѣчалъ, что намѣренъ обуздатъ козаковъ, пріостановить ихъ вторженія въ турецкія земли. При этомъ онъ объяснялъ визирю, что, конечно, козаки — самое злодѣйское скопище, что они — грабители не только поляковъ и турокъ, но и всего свѣта; ¹⁾ тѣмъ не менѣе однакожъ множатся они вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ. „Когда козаки были разбиты королевскимъ войскомъ“, продолжалъ онъ, „въ нашихъ и въ вашихъ краяхъ не было слышно никакой тревоги; но, когда татары начали украдкою дѣлать загоны, братъ плѣнниковъ и доводить украинцевъ до крайней бѣдности пожарами, число козаковъ увеличилось: потому что, лишась по милости татаръ, всего имущества, отчаянные люди шли въ козаки. ²⁾ Потому-то и нынѣ безпокоятъ они своими наѣздами, какъ наши земли, такъ и владѣнія могущественнѣйшаго императора, его порты, его побережья“

¹⁾ „Quod attinet Cozacos, scimus esse sceleratissimorum hominem colluviem ex omnibus nationibus congregatam, latrociniis assuetam, scimus esse praedones universi generis humani, non solum nostros hostes.“

²⁾ „Repressa fuit ad tempus sceleratissimorum hominum insolentia, ita quod nihil animo omnino injuriarium nec in notris nec in vestris ditionibus accipitur. Sed postea quum Tartari irruptionibus furtivis factis grassati populatione et incendiis miseros homines facultatibus exuerunt, auctus est sceleratorum Cozacorum numerus, quando isti bonis a Tartaris exuti his se latronibus aggregarunt, atque ita latrociniis et nostras ditiones et potentissimi imperatoris vesiri portus et loca maritima infestant.“

Вследствие того, его королевской милости угодно было поручить мнѣ, чтобы я, такъ точно, какъ прежде, старался, усмирить этотъ необузданный мѣтлохъ и, если можно, совершиенно уничтожить его и викоренить. Но козаки живутъ среди водъ и разбойничаютъ на морѣ; невозможно мнѣ всюду ихъ преслѣдовать; а потому хорошо было бы, когдабы Скиндеръ-баша, какъ ты пишешь, охраняя Очаковъ и все побережье морское, побить и выгнать этихъ разбойниковъ". Такъ писалъ по-латыни Жолковскій къ великому визирю, присовокупляя увѣреніе, что единственными козаки вызвали польское войско въ поле. „Можетъ быть“, прибавлялъ онъ, „эта гультайская толпа давно бы уже была нами разогнана: лишь только увидѣла она, что противъ нее выступаетъ коронное войско, тотчасъ начала уходить въ сосѣдній московскій край; большая часть ея поплелась къ другому гультайству, которое разбойничаетъ на Дону. Но въ то самое время, когда мы хотѣли ударить на встревоженныхъ козаковъ, я получилъ извѣстіе, что татарскій хань собираетъ войска и хочетъ вторгнуться въ наши предѣлы. Поэтому, оставивъ козаковъ до времени въ покой, я долженъ былъ стараться, чтобы владѣнія моего короля не потерпѣли такого вреда. Вѣрь мнѣ, что только для защиты нашихъ земель мы взялись за оружіе, и что обратимъ его противъ козаковъ, лишь только не будетъ угрожать намъ опасность со стороны татаръ“.

Визирь и вѣрилъ и не вѣрилъ его писанію. Онъ самъ, подъ предлогомъ похода къ днѣпровскимъ козацкимъ притонамъ, готовилъ войско, но увѣрялъ Жолковскаго въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и совѣтовалъ ему распустить по домамъ жолнеровъ, чтобы, при сближеніи войскъ, не произошло между ними столкновеній. Жолковскій понималъ его письма двояко, писалъ къ богатымъ волынскимъ панамъ, звать въ поле пановъ галицкихъ, подольскихъ, кievскихъ и наконецъ добился-таки того, что подъ королевскимъ знаменемъ еще разъ собралось тысячу до шести войска. Пока турки, подъ предводительствомъ Скиндеръ-баши медленно двига-

лись изъ глубины Имперіи къ Днѣстру, онъ уже стоялъ въ полѣ и написалъ къ Скиндеръ-башѣ: „Готовъ я къ миру, готовъ и къ войнѣ“. Не понравилось это Скиндеръ-башѣ; онъ пересталъ сно-ситься съ Жолковскими.

Турки таинственно двигались по направленію къ Днѣстру. Съ обдуманнымъ напередъ планомъ дѣйствій, ждали ихъ Жолковскій. Планъ его былъ строго оборонительный: наступательный былъ для него невозможенъ и невыгоденъ. Главною цѣлью похода были для него не турки, а козаки. Онъ писалъ о нихъ еще къ великому визирю: что козаки—грабители всего человѣческаго рода, что они—одинаковые враги какъ для поляковъ, такъ и для турокъ, и писалъ искренно. Собственно козаками, а не чѣмъ другимъ, вызвалъ онъ въ поле и пановъ сть ихъ почтами. Послѣ лубенского погрома, паны отдохнули немнога отъ козацкаго при-суду: теперь этотъ зловѣщій присудъ снова началъ вмѣшиваться между старосту и ремесленника, между землевладѣльца и его подданного. Рѣшено было повторить надъ козаками лубенское побоище,—повторить, во чтѣ бы то ни стало. Осенью 1617 года собрались вокругъ Жолковскаго. почти всѣ русскіе землевладѣльцы съ ихъ собственными войсками. Независимо отъ козацкаго вопроса, каждый изъ нихъ болѣе или менѣе сознавалъ необходимость совокупной защиты границъ отъ возбужденной панскими и козацкими походами мусульманской силы; каждый желалъ отомстить татарамъ и туркамъ за разоренные ими въ послѣдніе годы имѣнія; но главное — каждый не хотѣлъ отстать отъ сосѣда и „быть послѣднимъ“, каждый жаждалъ освободить навсегда власти свои отъ козаковъ, отъ ихъ буйства, отъ ихъ нелѣпаго, въ панскихъ глазахъ, пріисуду. Повторилось явленіе 1595 года. И тогда, и теперь не чтѣ иное соединило панскія силы, какъ антагонизмъ между законною и незаконною республиками. Прежде чѣмъ гроза появилась на горизонтѣ, Жолковскій стоялъ уже надъ Днѣ-

стромъ во всеоружії, выбравъ позицію крѣпкую и удобную для рекогносцировокъ, поніже мѣстечка Яруги.

Между тѣмъ оттоманская гордость то засилала въ мѣру своего оскорблениія, то охлаждалась невозможностью направить всѣ свои силы на Польшу. Война съ Персією, война съ нѣмецкимъ императоромъ, постоянныя опасенія за свои захваты со стороны венетовъ и испанцевъ, а главное — безпутство серальской администрації, парализовали турецкій планъ завоеванія всего христіянскаго міра. Но житѣе въ Царыградѣ, съ нѣкотораго времени, сдѣлалось пестернико-безпокойнымъ для тѣхъ, которые, разсылая во всѣ стороны вооруженныхъ башней и беевъ, сами старались достигнуть идеального спокойствія въ роскошныхъ гаремахъ. Диванъ волновался, дивясь, какъ это возможно, что какіе-то низшаго сорта гяуры, какіе-то оборванные-козаки смотрятъ безъ всяаго страха на высокіе ворота оттоманскіе, на столицу столицъ, и даютъ знать о своемъ существованіи самому падишаху! Дѣла въ столицѣ столицъ принимали такой видъ, какъ во времена оны, когда въ главной мечети цареградской молились нечестивые калугеры, а на престолѣ міра возсѣдалъ богопротивный грекъ, словомъ — когда колеблясь доживала свой вѣкъ одряхлѣвшая въ развратѣ Византійская имперія. Туркамъ было известно, по преданію книжечеевъ, что тогда невѣдомые, безыменные варвары ежегодно угрожали вторженiemъ въ самую столицу. Неужели пророкъ отступилъ отъ своихъ апостоловъ, апостоловъ меча и порабощенія? Неужели ослабѣли силы, передъ которыми, въ воображеніи гаремныхъ жильцовъ, трепеталъ цѣлый свѣтъ? Какъ это согла-

¹⁾ Въ 1593 году волынскія шляхта, въ своемъ объявленіи о готовности идти противъ Косинскаго, выражалась такъ: Такъ какъ, по вызову князя Острожскаго, собралось уже не мало братіи нашей (это, впрочемъ, было только написано Острожскимъ, а въ самомъ дѣлѣ почти никто не явился на его зовъ), „про то и мы, не хотечи въ оказію мети противъ отчизны своее быти последнейшими... умыслили зъ доброн воли нашей, водлугъ приможенья, на отпоръ противъ тымъ свое- вольникомъ всполокъ до купы; до брати нашей рушитися..“

сить одно съ другимъ, что вчера еще докладывали падишаху о непобѣдимости его армій, о томъ, какъ одно имя его заставляетъ падать во прахъ невѣрные народы отъ конца до конца вселеніой, а сегодня — на яву, не во снѣ — козаки жгутъ передъ его глазами окрестности столицы? Чѣмъ же иаконецъ убаюкать верховнаго чалмоносца? Гдѣ сказки о новыхъ побѣдахъ и разореніяхъ, для продолженія сказокъ Шехеразады? Какъ обойдется „щитъ великихъ монарховъ“ безъ ежедневной позолоты? И откуда почерпнетъ силу духъ правовѣрныхъ, когда верховное выраженіе ихъ могущества потеряетъ увѣренность въ своей непобѣдимости.

Такъ должны были разсуждать въ диванѣ, судя по народной философіи мусульманской, по мірозозерцанію правительствующаго серала цареградскаго. Всѣ его члены, всѣ великие и малые умы, изъ которыхъ онъ состоялъ (верховный диванъ всегда состоитъ изъ такой смѣси), приходили, въ концѣ концовъ, къ одному заключенію: что терпѣть этакой дерзости со стороны какого-то не то народца, не то разбойницкой шайки, гнѣздащейся въ пограничныхъ городахъ и пустыняхъ Лехистана, никакъ больше не слѣдуетъ! Рѣшено было, не обращая больше вниманія на оправданія польского короля и его сераскировъ, послать Скиндеръ-башу въ землю козацкаго народа, разорить ее отнемъ и мечемъ, истребить козаковъ поголовно, а Украину заселить мусульманами. Гроза, которую въ 1594 году отвратило паденіе Синанъ-бashi, теперь представлялась цеотвратимою. Скиндеръ-баша, которому поручено было покарать Лехистанъ, жаждалъ величія и вліянія на дѣла Оттоманской Порты не меныше каждого бородача, завивавшаго голову въ кашмирское завивало. „*Angit go sлаwa Ibrahim baszy, że wywrocił Zaporozje*“, ¹⁾ писалъ къ королю Жолковскій.

¹⁾ Томитъ его слава Ибрагимъ-бashi, что разорилъ Запорожье.

Опасность, по видимому, была весьма серьозная, periculum, чтò называется, imminentium.

Но украинская пословица: *не такой чортъ страшный, якъ ёго малюютъ*, почти всегда бываетъ вѣрина въ подобныхъ случаяхъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, поляки потрясли до основанія великое и богатое Московское царство, то царство, которое одѣвало своими соболями весь Царыградъ. Слава ихъ, при панскомъ умѣнии о себѣ трубить,¹⁾ возросла до зенита во

¹⁾ Обращениемъ этого умѣнья могутъ служить сношенія такъ называемаго столичаго войска съ Жолковскимъ. Отъ 12 марта 1612 года оно просило его ходатайствовать у короля о жалованьї и выражалось о собственныхъ и объ его доблестяхъ такъ: „Kogo inszego iendo Wci naszego Mciwego Pana, pod ktorego szczesliwym regimentem... takie rzeczy siÄ stały, ktorym siÄ wszystek swiat dziwowaÅ musi, ktore kazdy wiek—wysławiać.“.... Отвѣчая столичному войску Жолковскій писалъ: „...na kazdym miejscu, gdzie siÄ ieno okazya poda... dawałem encomia powinne cnocie, dziełom, odwaznym Mciow postępkom.... A choćbym ia nie wysławiał, w wszystek swiat tak iest rozgłoszona zacna sława Jego Krol. Mci i narodn naszego przez dzielność Wciow, ze w panstwie Rzeczypospolitej, oiczyzny naszej, nikt nie iest, komuby taino być mogło. Gdyż, zwertowawszy rojnik, historye, ledwie się gdzie przykład znałeś moze, zeby ktore woisko i męskimi vmysły tak wiele wielkich niebezpieczentw zwycięzeniem, tak haniebnych a małosłychanych niewezasow i niedostatkow wytrwaniem, sława i zwyczaiami porownać mogło. Czym i sobie samym i narodowi swemu tym większą niesmiertelną sławą do potomnego wieku podaliscie Wmcie.“

Къ этому трагическому самовосхваленію прибавимъ выписку изъ похвального слова Жолковскому, произнесеннаго, отъ имени короля, на сеймѣ 1610 года, при торжественномъ представлении короннымъ гетманомъ „московскихъ царей Шуйскихъ.“

„Bywało za przodkow Jego Krol. Mci siła tryumfow; bywało za pradziadow naszych siła zwycięstw; patrzalismy nieraz na rozmaitych narodow choragwie pod nogami Jego Krol. Mci; patrzalismy na całe woisko tatarskie całkiem tez w hordę powracane; patrzalismy na tureckie zwoje, mestwu siÄ polskiemu dziwiące; patrzalismy nawet na wielkich potentatow krewne, nie tylko woiski Jego Krol. Mci gromione, ale i do więzienia przez hetmány polskie brane; patrzyć raczył nie poieden raz Jego Krol. Mę na mѣstwo polskie, na sprawę Hetmanską, na szczęście swe od Pana Boga dane. Dziś, kiedy się spodziewać wielcy Krolowie nie mogli i radzić pot൚ni Woiownicy nie smiel, i doczekać zyczliwi Senatorowie nie tuszyli sobie, odwaga Jego Krol. Mci, milosć Wmci Mciwego Pana, ręka Polska zrobiła, a odwaga serdeczna, a dzielność ustawiczna, a ręka niespracowana woi-ska Hopsodara Moskiewskiego na pował, pogromow Hetmana iego w łyka wziąć. Jeszcze to mѣstwin Polskiemu nie nowina, iesezeto Antecesorowie Wmci Mciwy-

мнѣніи турокъ. Московскій престолъ всѣ еще принадлежалъ на бумагѣ ихъ королевичу. Польскіе паны еще не прокутили всѣхъ жемчуговъ и дорогихъ каменьевъ, награбленныхъ въ царской столицѣ. Ихъ жупаны и оружіе сверкали въ глазахъ Туровъ украшеніями, которымъ завидовали самъ падишахъ.¹⁾ Добыча выражала

Panom swym, ieszcze to przodkowie nasi nam nie po ieden raz sprawowali, odda  sprawny, m zny Kontanty z Ostroga z cza ym Smerczenskim (Swerczowskim) ona bitw  w Orszy dzia om Jego Krol. Mci z osmdziesiat tysi y Moskwy, tryumf odda , po ozwyszy trupa trzydzieci i trzy tysi e, przywodz c i w boiarach dumnych, wieczej niz cztery tysi e wi zniow; ale Hospodara Moskiewskiego tu stawi , Gubernatora Ziemie wszystkiej przyprowadzi , g ow  i rz ad Panstwa tego Panu swemu i Oiczyznie oddawa , to dopiero dziwy, nowina, dopiero doskona y rozum Hetmanski, mestwo Rycerstwa, szc scie Jego Krol. Mci! By dzis przewazny Kazimierz Trzeci zy , bybyl zna  nad sob  takie bogoslawienstwo Boze, takim Hetmanem, takim Rycerstwem nie quietis consiliis, iako na oncas, ale Marsowym dziedzkiem rzecz by by  skonczy  z Iwanem radzi . Staczali bitwy Przodkowie Krolow Panow naszych z tym narodem, ale abo w rubieza, abo nie daleko za dawne zaszedzsy a zdrad  odic e granice, naidaley za pami ci naszey kopyto konia polskiego zasz lo, gdy pod Starzyce sz lo. Dzis stolica w r eku i wszerz Panstwa nie iest ten kat, gdzieby Rycerstwo Polskie i Wielk. Księstwa Litew. zo nierz konia swego w obfito ci Moskiewskiej nie wazy  i gdzieby r eki swey dziedzicz nego nieprzyaciela we krwi nie dusi . Zgo a i Gubernator, i Panstwo, i Pan, i Stolica, i Hetman, i Zo nierz, i Woisko oraz v Krola Polskiego w r eku...“
(Подлинникъ храниться въ Библ. Оссолинскихъ, № 207, str. 47.)

1) Въ архивѣ Московской Оружейной Шалаты хранится длинный списокъ расходовъ царской казны на поляковъ, въ 1611—1612 годахъ. Интересно, при нынѣшнемъ положеніи обоихъ народовъ, читать такие, напримѣръ, казначейскіе отчеты:

,Пану Яну Сапѣгѣ, какъ стояль прежде подъ Москвою при панѣ гетманѣ корунномъ, послано изъ государевѣ казны золотыми угорскими 1.428 золотыхъ (златыхъ) съ полузолотымъ, а деньгами противъ золотыхъ 1.000 рублей, по 20 атдинъ съ гривною золотой,“ и пр. и пр.

Далѣе: „По королевскимъ грамотамъ дано съ казеннаго двора 2.614 рублей“, и пр. и пр.

Далѣе: „Къ старостѣ къ Олександру Ивановичу Корвину Гасевскому (Гонсевскому) для государевыхъ дѣлъ на расходы послано: съ казеннаго двора 3.977 рублей и 11 алтынъ съ деньгою“, и пр. и пр.

Далѣе: Да изъ государевы царевѣ и великаго князя Владислава Жигимонтовича всеа Русиї казны дано, на Польскіе и на Литовскіе люди, на рицерство, въ заслуженое ихъ депутатомъ: золота въ Спасовѣ образѣ (даже образами пришлось вознаграждать напастниковъ!) 105 гривенокъ, да въ судѣхъ, въ ковшахъ и въ чаркахъ, и въ блюдахъ, и въ момаехъ, и въ судкахъ, и во всякихъ

тогда славу, а слава означала силу. Панскія дружины не всегда напрасно украшали себя леопардовыми шкурами; придѣланныя за спиной у польскихъ гусаръ крылья ^вчасто знаменовали не шутя орлиный полетъ на непріятеля. Турки знали это на опытѣ, и кокетливыя одежды боевой пехоты возвышали поляковъ во мнѣніи турецкихъ полномочныхъ, какъ силу. Конечно Скиндеръ-баша храбрился всячески передъ королевскимъ посломъ въ Царьградѣ, но противъ Жолковскаго и его ветерановъ, набившихъ руку на москаляхъ, выступилъ онъ въ походъ вовсе не съ такимъ духомъ, съ какимъ выступилъ бы грозный, хоть и гиперболический, Синапъ-баша въ 1594 году. То было одно время, теперь настало другое. Да и независимо отъ развитія польскихъ воинскихъ доблестей въ „московскомъ разореніи“, надежного войска было у Скиндеръ-бashi мало. Онъ былъ не глупъ и понималъ ненадежность азіатской орды въ борьбѣ съ европейскимъ рыцарствомъ; а проиграть битву на берегахъ Днѣстра подъ войну съ персами значило—пропасть всѣ придунайскія земли.

Съ своей стороны, Жолковскій, сознавая всю слабость польскихъ военныхъ средствъ, всю ихъ невѣрность и измѣнчивость, показывалъ только видъ бодрой готовности встрѣтить врага у входа въ польскія границы. Истощенная польская казна, избалованное московскими походами войско, глухая борьба правительства съ диссидентами, зловѣщая рознь между русскими старовѣрами и унитами или прозелитами-католиками, преувеличенная понятія о пристрастіи русскихъ пановъ къ народной старинѣ,

судѣхъ, 606 гривенокъ съ полузолотникомъ, да въ запонехъ и въ плащахъ, и въ чепяхъ, и въ пугвицахъ ломаныхъ, что спарываны съ платенъ, 572 гривенки и 36 золотниковъ[“], и пр. и пр. и пр.

Нельзя не прибавить еще одной выписки: „Да за каменье взято, за алмазы и за яхонты и за изумруды, что было на конскомъ нарядѣ, который былъ золотомъ оправленъ и золото спято, на Нѣмцы, 756 рублевъ. Изъ церкви же Благовѣщеніе выдано серебра съ Кириловы раки чудотворцовъ 222 гривенки; да паникадило серебряное большое, вѣсу 78 гривенокъ; кадило да чаша, да артусница, да блюдо невелико, вѣсу 20 гривенокъ[“], и пр. и пр. и пр.

и въ особенности возрастающая сила козаковъ, которыхъ коронный гетманъ звалъ и не дозвался въ походъ противъ турокъ, — все заставляло его думать о мирѣ, а не о войнѣ. Но ближайшимъ побуждениемъ къ миру была опасность — открыть непріятелю все государство въ случаѣ проигранной битвы. Помощи ждать было неоткуда: подъ рукой у Жолковскаго было все, что можно было собрать способнаго къ бою: это былъ послѣдній оплотъ противъ стоящаго у самой границы Турчина.

Итакъ ни та, ни другая сторона воевать не хотѣли; но тѣмъ не менѣе оба полководца бравурствовали другъ передъ другомъ и передъ своими государями. „*Nie ustępiem, i owszem w oczy się drzem pogonem,*¹⁾“ писалъ Жолковскій королю, стоя надъ Днѣстровъ, въ двухъ миляхъ отъ войска Скиндеръ-басы, который расположился на противоположномъ, „*воловскомъ*“ берегу Днѣстра; но, между прочимъ, увѣдомляяль, что Скиндеръ-баша, проходя мимо надднѣстянскаго замка Рацкова, добывалъ его *pertinaci oppugnacione*.

То былъ самый смѣлый форпостъ окочаченныхъ подолянъ. Не побоялись они многочисленнаго войска, идущаго на Польшу, по воловской сторонѣ Днѣстра, первые задѣли Скиндеръ-башу захватомъ нѣсколькихъ возовъ его, явившихся въ виду Рацкова, и храбро оборонили свой замокъ. У Скиндеръ-басы артиллеристы были плохие: во время приступа, разорвало двѣ пушки; подъ нимъ былъ убитъ конь; самъ онъ едва не сложилъ головы подъ Рацковымъ, и начался вынужденнымъ снять осаду. Видя потомъ, что не удержаться имъ вдали отъ населенной Украины, Рацковяне разошлись въ разныя стороны, кто въ Волощину, кто на Украину. Тогда Скиндеръ-баша велѣлъ скечь замокъ. Такъ доносилъ Жолковскій королю.

Самое больное мѣсто у обѣихъ сторонъ, у турокъ и поляковъ, были украинскіе козаки. Будучи сами варварами и грубианами,

¹⁾ Мы не только не отступаемъ, напротивъ лѣземъ въ глаза язычникамъ.

козаки не давали ни мусульманскому, ни католическому варварству разлиться безпрепятственно по русской почвѣ. И вотъ, между враждебными для козачества націями опять повторились тѣ соглашенія, которыя имѣли мѣсто во времена полуславянинна и полутурка Стефана Баторія, при посредствѣ всегда двуличнаго князя Острожскаго. „Еслибы не козаки въ Украинѣ“, размышляла одна,— „Польша со стороны Турціи была бы совершенно усмирена, и сельское хозяйство процвѣтало бы на удивленіе всему свѣту“ (который — предполагается — не заботился бы о томъ, что жертвою этого процвѣтанія сдѣгался бы народъ украинскій, и что это было бы для него гибельнѣе всякаго пѣщенія, хотябы даже и вавилонскаго). „Еслибы не глыуры козаки“, размышляла другая,— „Турція могла бы вовсе не думать о защите поднѣстровскихъ колоній своихъ, обѣ оборонѣ черноморскихъ береговъ, и всею своею силою устремилась бы на крушеніе христіянскаго мира. Тогда бы образовался калифатъ, вполнѣ достойный наследниковъ пророка: всѣ короли платили бы харачъ султану, и даже повелитель Сибири вернулся бы подъ ярмо, изъ котораго такъ ловко освободили шею свою его предки“.

Для обѣихъ сторонъ представлялась картина плѣнительная, и кто же не давалъ осуществиться ей? Козаки! даже и не народъ, не государство, „nie ludzie“, какъ выражался о нихъ панъ Жолковскій, а просто сволочь, скопище разбойниковъ! Безъ чести, безъ страха передъ кѣмъ-либо и передъ чѣмъ-либо, эта сволочь, даже въ то время, когда двѣ арміи готовы были изза нея обнажить другъ противъ друга оружіе, не далъ какъ въ первыхъ числахъ сентября, отправилась въ море мимо Очакова на 80 чайкахъ и надѣдала правовѣрнымъ бездну непріятностей. Уничтожить его, это разбойницкое скопище, во чѣмъ бы то ни стало уничтожить!

Вотъ какой могущественный интересъ международной политики явился на Днѣстровѣ противовѣсомъ интересу войны! Результаты мирнаго соглашенія представлялись обѣимъ сторонамъ

далеко превышающими тѣ послѣдствія, какія имѣла бы самая блестательная побѣда сосѣда надъ сосѣдомъ. Отъ постановки ко-
закскаго вопроса зависѣла будущность Польши и Турціи. Яблоко раздора между ними сдѣлалось на время эдемскимъ яблокомъ великихъ, ослѣпительныхъ надеждъ. Рыкающіе львы, коронный гетманъ и полномочный баша, вмѣсто того, чтобы броситься съ разбѣга и растерзать одинъ другого, начали другъ друга обнюхивать, какъ дѣлаютъ собаки, когда сообразятъ собачимъ чутьемъ своимъ, что драться слишкомъ опасно. Начались взаимныя вывѣдыванья.

Когда Марсъ поднимаетъ забрало своего грозно-косматаго шлема, онъ надѣваетъ маску, непроницаемѣю желѣзной. Вмѣстѣ съ грознымъ и хитрымъ Скиндеръ-башею пришли къ Днѣстру Алишахъ-мурза и Кантимиръ-мурза съ татарами, а также и хри-
стянскіе вассалы султана, молдавскій и волошскій господари съ своимъ контингентомъ; они условились между собою—сперва напугать гяуровъ; и вотъ, 12 сентября, въ виду польского стана, появились татары, переплыvъ черезъ Днѣстръ пониже (Днѣстръ въ эту пору года значительно пересыхаетъ). Коронный гетманъ выслалъ погарцовъ съ ними „охотниковъ“. Татары пробовали заманить горячихъ шляхтичей на засаду (они сдѣлали это съ успѣхомъ въ 1614 году, у Сасова Рога); но гетманъ сдерживалъ ихъ завзятость, а польская стража, стоя на своемъ наблюдательномъ пункте, охраняла смѣльчаковъ — или отъ засады, или отъ внезапного поворота на нихъ дикаго, хитраго, быстролетнаго врага. Забавлялись рыцари гарцами до полудня; убили нѣсколько татарскихъ коней; одинъ изъ польскихъ охотниковъ палъ на мѣстѣ, жертвою своего молодечества; другой былъ такъ изрубленъ, какъ въ украинской думѣ Канівченко, и на другой день умеръ. Гарцъ, а по-козацки *треги*, принималъ часть-отчасу все большия размѣры: въ польскомъ стану молодецкія сердца томились жаждою отмщенія и закипали боевымъ завзятьемъ (всё то

русская кровь играла); иаконецъ гетманъ, видя, что удержать рети-
выхъ не возможно, велѣлъ стражѣ войти въ лагерь, и тѣмъ положилъ
конецъ молодецкимъ выходкамъ. Ордынцы переплыли обратно мол-
ководный Днѣстръ. Съ береговыхъ высотъ, на которыхъ располо-
женъ былъ польскій станъ, видны были за Днѣстровъмъ всѣ турец-
кія становища, въ которыхъ, какъ доносилъ Жовковскій королю,
турокъ было 15.000, татаръ 70.000, а волоховъ и молдаванъ
14.000. Да еще поджидали князя седмиградскаго. Сравнительно
съ этой массой народу, поляковъ была горсть, но они превосходили
азіятскія силы вооруженіемъ, тактикою, стойкостью въ бою, зани-
мали выгодную для обороны позицію и поджидали подкрѣпленій
отъ украинскихъ пановъ. Стоя „обо въ око“ съ многочисленнымъ
непріятелемъ, Жовковскій боялся только одного: какъ бы ему не
пришлось раздѣлить свои силы для отраженія татаръ, которые уже
пересекали черезъ Днѣстръ и опустошали окреотности. Тогда
бы непріятелю было довольно одного приступа, и цоцорская тра-
гедія совершилась бы надъ Жовковскимъ тремя годами раньше.
Всльдѣ за тѣмъ получено отъ Скиндеръ-бashi предложеніе на-
чать переговоры. Жовковскій гордился тѣмъ, что не онъ первый
заговорилъ о мирѣ. Скиндеръ-баша просилъ прислать къ нему
уполномоченныхъ, а онъ дастъ, съ своей стороны, заложниковъ.
Передъ поляками открывался такой рынокъ, на который они, по
нашей пословицѣ, готовы были идти и пѣшкомъ.

15-го сентября, въ качествѣ уполномоченного, отправился
изъ польского лагеря, послѣ ранняго обѣда, трембовельскій ста-
роста Петръ Ожга, съ приличною свитою. Его провожали до пере-
правы русскій воевода Янъ Даниловичъ изъ Журова, львовскій
каштелянъ Мартинъ Красицкій, лянцкоронскій староста Янъ Зеб-
жидовскій, со множествомъ такъ называемыхъ почтовъ. Станъ ко-
роннаго гетмана представлялъ Рѣчь-Посполитую въ сокращен-
номъ видѣ, такъ какъ воеводы и каштеляны были вмѣстѣ и сена-
торами. Кромѣ названныхъ уже лицъ, тутъ были: волынскій вое-

вода Янъ изъ Острога, князь Заславскій; каштелянъ хелмскій Янъ Замойскій, родственникъ знаменитаго Яна Замойскаго, тогда уже покойного; коронный подчашій Адамъ-Гіеронімъ Сінявскій; коронный крайчій Юрій, князь Збаражскій; коронный подстолій Станиславъ Конецпольскій; каменецкій староста Валентій Александръ Калиновскій; винницкій староста Александръ Болбанъ; галицкій староста Юрій Щуцкій; кievскій хорунжій Гавріль Гойскій; полковникъ Мартинъ Казановскій, и множество другихъ полковниковъ, ротмистровъ и знатныхъ пановъ русскихъ. Дѣло было общее: абсолютное водвореніе польского права въ нашей отrozenной Руси.

На противоположномъ берегу дожидались польского уполномоченного двѣхъ хоругви турокъ, хоругвь волоховъ и сверхъ того еще „не малый полкъ Татаръ“. Паромъ былъ только одинъ, и тотъ въ дурномъ видѣ, а потому не скоро кончилась переправа, хотя множество конвойныхъ коней панъ Ожга велѣль переправить вплыв. На противоположномъ берегу привѣтствовалъ его, отъ имени баги, сперва одинъ бей, а потомъ и другой.

Подробности, въ настоящемъ случаѣ, введутъ насъ ближе въ жизнь изображаемыхъ народовъ, нежели описание самой громкой въ исторіи (а это значитъ самой кровопролитной) битвы. Эти мелкія и часто какъ-бы ничего незначущія обстоятельства дѣйствующихъ лицъ и времени служать наиболѣшимъ комментаріемъ для событій громкихъ. Настоящее же, лишенное шума и пушечныхъ громовъ событіе слѣдуетъ причислить къ весьма важнымъ, по тѣмъ великимъ ожиданіямъ, которые соединялись у обѣихъ партій съ его желаннымъ исходомъ.

Вслѣдъ за другимъ беемъ пріѣхалъ къ пану Ожгѣ съ привѣтствиемъ Алишахъ-мурза. Тутъ же поздоровался съ нимъ и волошскій господарь. Панъ Ожга не замѣтилъ, что передъ татарскимъ полкомъ стоялъ Кантимиръ-мурза; тотъ обидѣлся невниманиемъ и тотчасъ поскакалъ прочь съ небольшимъ конвоемъ.

Посоль надднѣстрийской Рѣчи-Посполитой двинулъ въ путь, сопровождаемый азіатскою знатью и ея многолюдныиъ конвоемъ. Пріѣхали въ Кременчукъ, волошское село, сожженое гостями-татарами. Подъ Кременчукомъ, въ полукиль отъ польского стана по прямой линіи, стояла кошеть Кантимиръ-мурза; далѣе, въ доброй милѣ разстоянія отъ польского стана, расположился надъ Днѣстромъ седмиградскій князь и съ нимъ волошскій и молдавскій господари, еще далѣе стояли турки, а за турками — Алишахъ-мурза. Когда прибыли въ кошть Кантимиръ-мурзы, Алишахъ-мурза приставилъ къ посольскому рыдвану десятка полтора татарскихъ, а оба беки — столько же турецкихъ всадниковъ, „повородного“ же коня пана старости трембовельскаго велѣли вести передъ его глазами, держась при этомъ сами поближе къ нему, и только этимъ способомъ нашли возможнымъ проѣхать черезъ татарское становище. А когда взѣхали на высокую скалу, Алишахъ-мурза просилъ спутниковъ подождать. Онъ боялся, чтобъ татары, при семъ удобномъ случаѣ, не очистили посольского рыдvana и наполъ необходимымъ помѣститься въ немъ, какъ гарнizonъ помѣщаются въ крѣпости. Нѣсколько дней тому назадъ, у самого Скиндеръ-бashi татары не только расхитили его походный экипажъ, да и коней забрали. За горой стояли наметы самого Кантимиръ-мурзы. Тутъ выскочилъ изъ толпы татаръ плѣнниый пахоликъ, принадлежавшій къ ротѣ пана Казановскаго; недавно ѿздилъ онъ вмѣстѣ съ другими добывать сѣна подъ самимъ становищемъ татарскимъ и, за свою невольную отвагу въ панской неволѣ, поплатился неволею татарскою. Несчастный ухватился за стремя пана старости; староста не велѣлъ ему идти прочь и вывелъ изъ татарскаго коша, а потомъ далъ ему коня и привелъ обратно къ польскій станъ.

Уполномоченнаго надднѣстрийской Рѣчи-Посполитой провели послѣдовательно черезъ всѣ становища, чтобы внушить ему надлежащую говорчивость. Начинало уже вечерѣть, когда

панъ Ожга прибыль въ турецкій лагерь. Тамъ приготовлено было для него два намета. — Десятка полтора чаушей приняли его съ подобающими церемониями. Спустя немного времени, пришли два старыхъ „хорошо одѣтыхъ“¹⁾ чауша съ привѣтствіемъ отъ Скиндеръ-бashi. Посоль отправилъ къ нему съ такимъ же привѣтствіемъ своего переводчика, пана Отвиновскаго.

Утромъ 16 сентября, пришли къ нему чауши съ приглашеніемъ къ турецкому главнокомандующему. Въ палатѣ Скиндеръ-бashi засѣдали совѣтъ, состоявшій изъ извѣстныхъ уже намъ лицъ. Многочисленная свита каждого изъ этихъ царьковъ обружала палатку. Все вмѣстѣ представляло видъ внушительный. Но польскіе послы вели себя вообще гораздо мужественнѣе и даже умнѣе, нежели польскіе политики. Инструкцію, составленную въ то время при королевскомъ дворѣ, послу предписывалось „стоять подобно вкопанному иню, смотрѣть прямо впередъ передъ собою, а потомъ поднять глаза на того, кому отдается посольство; не дѣлать никакихъ тѣлодвиженій, не посматривать ни направо, ни налево, не качать головою, руки держать спокойно, а не хлопать рукой объ руку, не теребить бороды, удѣрживаться отъ кашля, плеванья и сморканья, головы и ничего другого не почесывать, въ носу и въ ушахъ не ковырять, губъ не грызть, словѣ изъ устъ выпускать такъ, какъ текутъ ручьи: сперва тихо, а потомъ всѣ громче и громче; ни рѣчей, ни словъ не повторять; говорящаго не перебивать, а за прерванную рѣчь не гнѣваться и, выждавъ, опять возвращаться къ тому выраженію, на которомъ рѣчь была прервана“, и пр. и пр.²⁾ Мы должны воображать себѣ пана Ожгу не ниже представленнаго

¹⁾ Это слова характеристическія. У турокъ, какъ и у поляковъ, рядомъ съ пышными нарядами, можно было видѣть лохмотья. Въ 1621 году, английскій посланикъ въ Царьградѣ уведомлялъ лорда адмирала, что султанъ Османъ прибылъ изъ-подъ Хотина въ Царьградъ „ободранный какъ простой волни“.

²⁾ Рукоп. Императ. Публ. Бібл. польс. отд. IV, № 71, л. 6.

здесь идеала польского посла: онъ былъ русинъ. Когда вошли онъ въ собрание, всѣ встали съ своихъ мѣсть и приняли стоя привѣтствіе панскаго уполномоченнаго.¹⁾ Всльдь за тѣмъ прѣѣхалъ Кантимиръ-мурза. „Панъ Кантимиръ“, обратился къ нему Скиндеръ-баша, „вчера панъ посолъ не привѣтствовалъ тебя, такъ теперь привѣтствуетъ“. Знатные господа поздоровались.

Когда церемоніаль былъ оконченъ, Скиндеръ-баша началъ длинную рѣчь о томъ, какъ султанъ твердо сохраняетъ дружескія отношенія съ польскимъ королемъ, и т. д. и т. д., а король подаетъ поводъ съ нарушенію мира, именно тѣмъ, что изъ его земли выходятъ козаки, жгутъ и опустошаютъ султанскія земли и такъ близко подходятъ къ Царыграду, что падишахъ видитъ изъ окна встающій въ разныхъ мѣстахъ дымъ.²⁾ „Это вѣдь очень обидно“, продолжалъ Скиндеръ-баша. „Падишахъ никому не прощалъ такъ много, какъ польскому королю“. И долго говорилъ

¹⁾ Это дѣлалъ даже ханъ крымскій. Въ посольскомъ дневнику Лавріна Пі- сочинскаго, 1601 года, читаемъ: „Wsiedzsy w komorę, poseł ukłonił się popolsku, a potym witał wedlug obyczaiu: klęknął na prawą nogę i ramienia prawego na stawił, na którym Czr rękę położył.— Car, zwyklem obyczaiem wstał na nogi i ręce dopiersi pozyłozyl, pytając się o zdowiu Krola J. Mci“. (Тамъ же, л. 47).

²⁾ Однимъ изъ первѣйшихъ порицателей козаковъ украинскихъ былъ покойный редакторъ знаменитой въ свое время (и соотвѣтственно вредной для русской интелигенціи) „Библіотеки для Чтенія“, панъ Сенковскій. Въ своей книжѣ „Collectanea z. Dziejopisów Tureckich“, онъ отрицаѣтъ фактъ, что козаки тревожили султана въ самой столице его. Почтенный издатель сборника историческихъ свѣдѣній о старой Польшѣ („Zbiór Pamiętników o dawnym Polsce“), Нѣмцевичъ, въ примѣчаніи къ одному документу (t. V, str. 428), указываетъ на отрицанія Сенковскаго съ пренебреженіемъ. При всей своей учености, покойный панъ Сенковскій былъ, въ некоторыхъ случаяхъ, такъ недобросовѣстенъ, какъ способенъ быть только самый грубый невѣжда. Впрочемъ, русская наука не только во времена Сенковскаго, но и въ наше время, говоря о ней вообще, обращается къ молюскамъ, инфузоріямъ или морскимъ громаднымъ чудищамъ съ большімъ вниманіемъ, нежели къ козакамъ или къ украинскому слову, точно какъ-будто эти явленія не принадлежать къ жизни, не выработаны ею, и какъ-будто игнорируя ихъ, можно измѣнить въ нихъ хоть одну черту.

объ этомъ турокъ, „bo iest bardzo wymowny“, ¹⁾ замѣчаетъ составитель реляціи.

Панъ Ожга, согласно инструкціи посольской, не прерывалъ его; на зато потомъ угобзилъ турецкій слухъ такими похвалами „королю королей“ относительно дружескихъ чувствъ къ жестокому врагу христіянства, отъ которыхъ, пожалуй, его католическое величество и отступилось бы; наконецъ, перешолъ къ главному пункту. „Чтѣ касается до козацкихъ наѣзовъ“, говорилъ онъ, „то баша никакъ не можетъ назвать ихъ нарушеніемъ пактовъ, потому что козаки разбойничаютъ на Чорномъ морѣ отъ вѣка, налетая съ Днѣпра. Это дѣлали они во времена грековъ и римлянъ, дѣлали и во времена предковъ султана, какъ свидѣтельствуютъ о томъ разнаго рода трактаты и договоры ихъ съ предками его королевской милости. Такъ было и при дѣдѣ, и при отцѣ нынѣшняго императора; но они не считали козацкихъ наѣзовъ нарушеніемъ пактовъ: они знали, какъ трудно польскимъ королямъ сдерживать козаковъ. Всё однакоже польскіе короли чинили надъ ними судъ и расправу: хватали ихъ, рубили имъ головы, а Наливайка большими арміями и нѣсколькими битвами уничтожилъ нынѣ благополучно-царствующій король, чрезъ посредство своего гетмана. Но вѣдь это въ рукахъ у вашего императора, быть, или не быть козакамъ“.

„Какъ въ рукахъ у императора“? прервалъ его съ живостью турокъ. „Да падишахъ желалъ бы, чтобъ и племя ихъ погибло“!

Посоль, согласно наставленію, которое держалъ въ памяти, отвѣчалъ спокойно: „Вотъ почему въ рукахъ. Козаковъ размножаютъ одни татары. Постѣ каждого татарскаго набѣга, новоеваные ими люди обращаются въ козачество, да этакъ ужъ и живутъ разстроемъ. Пускай же сперва султанъ умѣть орду; то-

¹⁾ Онъ очень краснорѣчивъ.

гда король истребить козаковъ, и они во вѣки вѣковъ уже не появятся“. Тутъ онъ привелъ въ доказательство цоцорскій договоръ Кази-Гирея съ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ „Доколѣ былъ живъ Кази-Гирей и не вторгался въ королевскія владѣнія“, говорилъ онъ, „до тѣхъ поръ, по усмирѣніи козацкаго бунта при Наливайкѣ, не слыхать было о козацкихъ набѣдахъ. Но, когда, по его смерти, начались татарскіе набѣги, опять напожились козаки“.

„Ну, панъ посолъ“, сказалъ ему на это Скиндеръ-баша, „положимъ, что ты оправдалъ себя въ козацкихъ разбояхъ. Но чѣмъ ты оправдаешь вторженія въ Волощину? Тутъ ужъ не козаки, а ваши люди набѣжали: Потоцкій, Михайло Вишневецкій, Александръ Корецкій. Вѣдь они великие паны въ вашей землѣ, и готовились къ походамъ среди васъ. А Гуманаеву сыну развѣ не посыпали ваши люди подмоги, когда онъ воевалъ Седмиградскую землю? а Сербана развѣ не поддерживали они въ набѣдахъ на Молдавію“. И долго говорилъ баша на эту тему, „aggravando factum“, по словамъ реляціи.

Все выслушалъ спокойно панъ Ожга и отвѣчать въ свою очередь: „Удивляюсь, какъ можетъ ясновельможный баша вспоминать обѣ этомъ,— какъ онъ можетъ все это приписывать королю! Я знаю, что онъ совсѣмъ иначе о томъ думаетъ, о чомъ говорить... Вѣдь на плѣнникахъ нашли королевскія письма, въ которыхъ онъ строго воспрещалъ имъ вступать въ Волощину, а когда уже вступили, повелѣвалъ, чтобы какъ можно скорѣе удалились оттуда! Да и сами они развѣ не показали то, чтѣ я говорю?“

„Не письмами ихъ выгонять“, сказалъ на это Скиндеръ-баша: „не надо было допускать пановъ къ походу, а когда не послушались бы, тѣогда выгнать изъ Волошины силою.“

„Мнѣ кажется, мы теряемъ попусту времѧ“, отвѣчалъ Ожга. „Чтѣ было бы, когдабы королевскія войска вступили въ Волощи-

ну? Императоръ вашъ еще больше прогибвался бы, потому что, чѣмъ больше народу, тѣмъ больше людямъ обѣдъ. Но если баша хочетъ удостовѣриться, какъ это досадно королю, пусть онъ освободить Корецкаго и другихъ пленниковъ: увидитъ онъ, какъ его королевская милость покараетъ ихъ“.

„Хорошо имъ и у насть“, сказалъ Скиндеръ-баша.

„Будемъ же говорить о чомъ-нибудь болѣе основательномъ“, продолжалъ панскій уполномоченный.

„Хорошо; но какъ же намъ устроить дѣло?“

„А вотъ какъ: вы уймете татаръ, пускай они не дѣлаютъ нашихъ людей козаками, а панъ гетманъ, по королевскому повелѣнію, уйметъ козаковъ, чтобъ не ходили на море“.

„Положимъ; но уплатите же условленную дань татарамъ, или, когда они вѣсъ воюютъ, не трогайте вы султанскихъ владѣній, а воюйте ихъ самихъ“.

„Съ удовольствіемъ! Мы готовы воевать татаръ! Только бы намъ знать, что императоръ не сочтетъ этого за нарушеніе мира; мы скоро сдѣляемъ такъ, что татары не будутъ воевать насть“.

„Чтѣ же вы сдѣлаете?“

„А вотъ что: пошлеть король войска свои въ ихъ землю и стать воевать ихъ не убрадкою, а открытою войною“.

„Нѣть, этому не бывать! Орда живетъ на землѣ оттоманской“, сказалъ Скиндеръ-баша. „А вотъ что сдѣлайте: уничтожьте козаковъ, чтобъ не ходили на море, и платите падишаху то, что вы даете татарамъ; тогда падишахъ станетъ удерживать татаръ отъ набѣговъ на Польшу“.

Возражая на это, трембовельскій староста представилъ изъ временъ Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія доводы, что за получаемые подарки татары обязаны, во первыхъ, служить королю, а во вторыхъ, не вторгаться въ его владѣнія.

Тутъ отозвался Алишахъ-мурза: „Когда же мы вамъ служили?“

„Не стану припомнить старинъ“, отвѣчалъ староста. „Но вѣдь ходили же вы въ Москвишну съ войсками короля Стефана“?

„Да развѣ были тамъ цари“?

„Въ царяхъ не было тамъ надобности. И теперь король во-все не нуждается, чтобъ сами цари ходили на службу, только бы не падѣжали на королевскія владѣнія. Вирочемъ, при королѣ Ав-густѣ и самъ царь ходилъ на службу подъ московскую столицу“.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ Скиндеръ-башею: „Уничтожьте сперва козаковъ; тогда будемъ говорить о татарахъ: вѣдь они во власти падишаха“.

„Надобно дѣлать, а не говорить“, возразилъ панскій посолъ.
„Дѣло покажетъ способъ“.

„А я тебѣ скажу“, продолжалъ Скиндеръ-баша, „что не уничтожить вамъ козаковъ до тѣхъ поръ, пока не уничтожите нала-ноокъ, именно: Бершады, Канева, Корсуня, Чигирина, Черкасъ, Бѣлой-Церкви“.

„А это что за договоръ — уничтожать замки“? спросилъ посолъ.

„Это необходимо сдѣлать“, важно сказалъ Скиндеръ-баша, „во первыхъ, потому, что тамъ гнѣздятся козаки, а во вторыхъ, потому, что замки стоятъ на турецкой землѣ“.

Посолъ молчалъ.

„Что жъ ничего не говоришь“?

„Да что же толку въ пустомъ разговорѣ? Доказалъ бы я тебѣ, что Днѣпстръ — граница въ этой краинѣ, да меня послали сюда не граничиться. А о такомъ способѣ уничтоженія козаковъ панъ гет-манъ не получалъ инструкціи отъ короля, то и мнѣ не поручилъ ничего говорить“.

Долго еще разглагольствовалъ wumowny basza на свою но-вую тему.

„Напрасныя слова“, отвѣчалъ посолъ. „Объ этомъ разсуждать я не стану; а вотъ, сколько мы ни говорили, всѣ-таки выходить, что король не только не подаетъ повода къ разрыву, напротивъ,

старается всячески сохранить дружескія отношенія съ вашимъ императоромъ, какъ ни много у него поводовъ къ неудовольствіямъ.

Вотъ и теперь, идучи для мирныхъ переговоровъ съ нами, ты разрушилъ Рацковъ, а прійди сюда, напустилъ татаръ: побрали татары осадниковъ въ нашей землѣ, въ мирное времѧ".

Скиндеръ-баша увѣрялъ съ клятвою, что рацковянне сами на-
кликались на бѣду: войско шло мимо, а они захватили и разграб-
или два воза. „Мои люди хотѣли оборонить возы, а они выскочили
изъ засады, убили нѣсколько человѣкъ нашихъ. Тутъ войска бро-
сились на нихъ, удержать не было способа. Татарь не удержишь:
это народъ своеvolentный“.

„Вѣрю“, сказалъ посолъ, „что мудрено удержать своеvolentный
народъ. Вѣрь и ты, что королю трудно обуздять своеvolentство ко-
зацкое. Когда ты не могъ удержать людей, которые смотрятъ на
твои наметы, какъ же намъ обуздывать козаковъ, которые живутъ
Богъ знаетъ какъ далеко отъ Варшавы, стало быть и отъ корон-
ныхъ гетмановъ“?

Ничего не сказалъ на это Скиндеръ-баша, только разсмѣялся.
Посолъ удалился въ свой наметъ, а султанская рада продолжала
свои совѣщенія еще часа три.

Послѣ обѣда Скиндеръ-баша пригласилъ его къ себѣ опять и
говорилъ съ нимъ наединѣ. Третьимъ между ними былъ перевод-
чикъ, панъ Отвиновскій. „Ну, чтѣ, же панъ посолъ“? началъ Скин-
деръ-баша, „чтѣ ты мнѣ скажешь о томъ, о чомъ я говорилъ съ
тобой утромъ“?

„Вотъ чтѣ скажу: вы склоняетесь къ миру,—это дѣло хорошее;
но миръ никогда не можетъ быть заключенъ на предлагаемыхъ
вами условіяхъ“.

„Слушай, однakoжъ“, сказалъ Скиндеръ-баша. „Я готовъ по-
удержать татарь, если дадите имъ промілкі; а вы обуздайте коза-
ковъ, да и тѣхъ также, что вторгаются въ Волощину. Вѣдь они
посыгаютъ и на Седмиградскую землю, помогая сыну Гуманаю“.

„Это еще похоже на дѣло“, отвѣчать панъ Ожга; „въ этомъ, пожалуй мы сойдемся, но чтѣ касается до паланокъ—никогда“!

Тогда Скиндеръ-баша, взявъ пана Ожгу за кунтушъ, началъ говорить такъ: „панъ посолъ, еслибы я взялъ у тебя эту одежду, а ты взялъ бы у меня мою; твоя стоить 100 талеровъ, а моя 50; потомъ я бы сказалъ тебѣ: помирился; я взялъ твою одежду, таѣ за то ты взялъ мою. Вѣдь на это ты бы отвѣчалъ, что твоя одежда лучше моей, не правда ли? Такъ и здѣсь. Козаки надѣлали столько бѣды въ земляхъ нашего падишаха, сожгли столько городовъ, а вы не хотите разрушить одной паланки, именно Бершады, чтобъ успокоить падишаха! Вѣдь это венецъ пустычная, да я представлю ему, что онъ тутъ вознагражденъ вполнѣ. Упорствовать вамъ, право, незачѣмъ. Вотъ въ Венгріи намногоилось сабатовъ и построили себѣ паланки; чтѣ же? во время мирныхъ переговоровъ, нѣмецкій императоръ—я говорю сто словами—разорилъ паланки. Да вотъ хоть бы и ускоки: вѣдь императоръ Матвей и его братъ воевали съ венетами за нихъ, а потомъ дошло до того, что разрушили Градище, гдѣ жили ускоки. Наконецъ, не далѣе какъ въ прошломъ году, седмиградскій князь уступилъ падишау Липу съ пятью замками, лишь бы какъ-нибудь помириться; все каменные замки, не то, чтѣ ваши Бершада“.

На это посолъ возразилъ, что миръ между султаномъ и нѣмецкимъ императоромъ еще не заключенъ, и императоръ разорить паланокъ не соглашается; что война съ венетами всѣ еще тянется, и сдавали венеты выдержать ее. „Чтѣ же касается до седмиградского князя“, продолжалъ панъ Ожга, „то онъ отдастъ пожалуй и Колозваръ и Бѣлгородъ, если ему прикажете, потому что султанъ дать ему царство; а мой государь—монархъ независимый, равный съ самыми великими монархами на свѣтѣ, въ томъ числѣ и съ твоимъ государемъ; напрасно домогаешься отъ него, чтобъ онъ уничтожалъ паланки“.

„Пожалуй“, сказалъ Скиндеръ-баша, „я отступлюсь отъ другихъ паланокъ, но Бершаду непремѣнно разрушьте“.

„Чтѣ вамъ въ этомъ за пользу“? спросилъ посолъ. „Это вѣсъ волошскій господарь подводитъ. Онъ сердитъ на Босого, что живеть въ Бершадѣ. Еще въ прошломъ году жаловались мнѣ на него подъ Хотиномъ волохи, и мы имъ обѣщали наказать его. И теперь я обѣщаю, что король удалить Босого изъ Бершады, а посадить на его мѣсто лучшаго кого-нибудь“.

Скиндеръ-баша досталъ тогда свой молитвенникъ, положилъ на него пальцы и сказалъ: „Клянусь небомъ и землею, и этимъ стуломъ, на которомъ сижу, что повелѣніе на счотъ Бершады дано мнѣ самимъ падишахомъ, и вотъ по какой причинѣ. Босый поймалъ трехъ турокъ и взялъ за нихъ выкупъ. Между этими турками одинъ былъ близкій родственникъ мuftія, а другой—тоже какой-то родственникъ приближенаго сultанскаго слуги, и они-то вдвоемъ настроили падишаха требовать раззоренія Бершады“. Всѣдѣ за тѣмъ баша показалъ копію письма, которое сultантъ отправилъ черезъ посла къ королю.

Панъ Ожга вѣльть прочесть бумагу Отвиновскому. „Слыши“, сказалъ онъ, „что пишетъ государь твой, но что на это скажетъ и повелить его милость король, мой государь, не знаю“.

Скиндеръ-баша долго убѣждалъ его, говоря по-венгерски, чтобы не стоять за Бершаду; а панъ Ожга доказывалъ ему, что изза Бершады не стоитъ разрывать мирныхъ отношеній.

„Ну, сдѣтай же вотъ чтѣ“, сказалъ Скиндеръ-баша: „поѣзжай къ гетману, представь ему копію съ письма падишаха и мои до-говорные пункты. Они почти тѣ самые, съ какими ты ко мнѣ прїехалъ“.

Посолъ на это согласился и пожелалъѣхать немедленно. Было уже наѣдь-вечеръ, когда онъ двинулся въ обратный путь, въ сопровожденіи турецкаго конвоя. Турки убѣждали его переправиться въ бродъ подъ самимъ лагеремъ, такъ какъ это значительно

сократило бы дорогу; но у пана Ожги было ридванъ, котораго не возможно было переправить въ бродъ; онъ отклонилъ предложеніе. Турки продолжали убѣждать его. „Да вамъ-то чѣмъ?“ спросилъ панъ Ожга. „Почему вамъ такъ не хочетсяѣхать прежнею дорогою?“

На это бей, начальникъ провожавшей его хоругви, отвѣчалъ: „Боимся, какъ бы, на обратномъ пути, въ глухую ночь, не бросились на насъ татары, когда будемъ проѣзжать черезъ ихъ кошъ“.

„Какъ это возможно?“ сказалъ панъ Ожга. „Вы люди одного государя, одного войска, одного языка!“

„Эти собаки ни на чѣмъ не смотрятъ. Они и у самого башни расхитили здѣсь возъ и забрали коней!“

Нехотя направился конвой по той дорогѣ къ Яругѣ, по которой прїѣхалъ панъ Ожга. Когда прибыли въ татарскій кошъ, орда была занята сборами въ какой-то набѣгъ; говорили, будто бы въ Волощину: безъ войны и набѣговъ ей нечего было дѣлать. Татары начали увиваться вокругъ ридвана, но турецкій конвой окружилъ его почти со всѣхъ сторонъ; панъ Ожга также держался возлѣ ридвана съ своею свитою; быстрымъ галопомъ выскочили путники изъ хищническаго гнѣзда, и что было духу, скакали до самой переправы.

Таковы были союзники, къ которымъ прибѣгнула Богданъ Хмельницкій, спасая свою шею отъ панскаго меча, но вовсе не Україну отъ иноземнаго господства.

Въ польскомъ лагерѣ держали совѣтъ, чѣмъ дѣлать. Гетманъ не соглашался на разореніе Бершады. Но тутъ нашлись люди, къ которымъ коронный крайчій, князь Збаражскій, писалъ и устно поручилъ объявить гетману, что заложенная на его имя, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, слобода Бершада не приносить ему дохода, что онъ давно ужъ хотѣлъ перенести ее на другое мѣсто, а теперь, чтобы изъ-за нея не порвалось примиреніе, посыпаетъ ее сжечь.

18-го сентября панъ Ожга отправился къ Скиндеръ-башѣ съ письменнымъ проектомъ мирнаго договора. Онъ доносилъ турецкому главнокомандующему, что затрудненіе относительно Бершады устранилось само собою: такъ какъ осадники этого мѣстечка, оставалась безъ обороны, сожгли его сами и разошлись въ разныя стороны. Скиндеръ-баша домогался письменнаго обязательства, въ томъ, что эта слобода никогда впредь возстановлена не будетъ; но посолъ отвѣчалъ, что „Бершада находится далеко отъ собственной земли королевской“, и что поэтому король такого обязательства не дастъ.

Во время переговоровъ объ этомъ предметѣ, Алишахъ-мурза нашолъ случай заявить наединѣ пану Ожгѣ, что ни ханъ, ни его мурзы никогда не согласятся оставить недоплаченную за прежніе годы дань въ рукахъ у поляковъ, и что всѣ его трактаты съ башею, при неисполненіи этого пункта, будутъ напрасны.

„Не грози намъ войною“, отвѣчалъ панъ Ожга. „Лишь бы только султанъ не считалъ этого за нарушеніе мира, какъ ужъ и былъ о томъ разговоръ съ башею,—войска королевскія не замедлять явиться въ Крыму и сдѣлаютъ съ вами вѣчный миръ“. Алишаха-мурза выѣжалъ отъ него, по его выраженію, съ фурією. Онъ ужъ обдумалъ, какъ отомстить панамъ за недоплату харача.

На другой день, панъ Ожга сообщилъ Скиндеръ-башѣ угрозы Алишахъ-мурзы. „Не обращай на татаръ вниманія“, отвѣчалъ Скиндеръ-баша: „они должны исполнять все, чтѣ мы постановимъ, а если не захочетъ ханъ повиноваться, то падишахъ возьметъ у него царство и отдастъ Мегметъ-Гирею“.

Всѣ-таки долго не соглашался Скиндеръ-баша включить въ договоръ статью, по которой татары обязывались не только не вторгаться въ польскія границы, но и служить польскому королю. Отстаивалъ онъ также и харачъ за прежніе годы. Наконецъ вручилъ послу проектъ обязательствъ съ обѣихъ сторонъ, но

просить, чтобы вмѣстѣ съ гетманомъ договоръ былъ подписанъ и знатѣйшими панами. Посолъ не понималъ, для чего нужны тутъ подписи пановъ, когда одной гетманской подписи совершенно достаточно. „А вотъ для чего“, отвѣчалъ Скиндеръ-баша: „У насъ падишахъ — государь надъ всѣмъ, а мы — его невольники; поэтому я одинъ, безъ другихъ, могу исполнить возложенное на меня порученіе. У васъ — напротивъ: я знаю, что король запрещаетъ помогать противъ седмиградскаго князя, однакожъ его не слушались. Пускай же всѣ паны, которыхъ здѣсь такое множество, подпишутъ, чтобы знали, какой миръ заключенъ между падишахомъ и польскимъ королемъ. Но послушай, панъ посолъ“, продолжалъ Скиндеръ-баша, „имѣете ли вы столько войска, чтобы одолѣть козаковъ? Хотите, я вамъ помогу и пойду съ вами“?

„Войскъ у насъ много“, отвѣчалъ съ подобающею твердостью панъ Ожга, „и то, которое тутъ стоитъ, не все пойдетъ на козаковъ“.

„Ну, а еслибы я пошелъ съ вами? Вѣдь я уже теперь съ паномъ гетманомъ братъ“.

„И Каникъ съ Авелемъ были братья“, отвѣчалъ панъ Ожга, „однакожъ поссорились. Лучше ты ступай въ свою сторону, а панъ гетманъ пойдетъ въ свою“.

Панъ Ожга чувствовалъ и мыслилъ благороднѣе Хмельницкаго, который не находилъ въ томъ бѣды, чтобы воевать христианъ съ помощью злѣйшихъ враговъ христіянства и ввести ихъ въ родную землю.

Переговоры закончились такими словами Скиндеръ-баши: „Господинъ посолъ, если вы будете съ вашей стороны хранить условія мира, могу васъ увѣритъ, что миръ между нами не будетъ нарушенъ и черезъ сто лѣтъ, и далѣе. Но, если казаки съ Днѣпра будутъ вторгаться въ Волощину и Седмиградчину, то миръ нарушенія немедленно, и будетъ война“.

22-го сентября посланы были Скиндеръ-башъ окончательно составленныи статьи договора, *tabula pactorum in forma*. Въ чи-
сло ихъ включена и весьма важная для поляковъ статья о томъ,
чтобы не доплачивать татарамъ харача за прошлые годы. Скин-
деръ-баша принялъ предложенные ему условія и прислалъ въ
обмѣнъ свои. 26-го утромъ, двинулся онъ въ обратный путь со
всѣмъ войскомъ, зажегши остатки своего лагеря. Гетманъ, съ
своей стороны, распредѣлилъ войско и вернулся въ Баръ, тор-
жествуя, что первый явился на мѣсто предполагавшагося боя, и
послѣдній сошоль съ него. Но черезъ четыре дня татары, обо-
гнувъ пространство въ 70 польскихъ миль, явились подъ Жиди-
човыи и ударили на Галичъ. Алишахъ-мурза вознаградилъ себя
за харачь прежнихъ лѣтъ, недоплаченный татарамъ. Гнаться за
ордою съ короннымъ войскомъ была бы напрасная затѣя: это
могли предпринять одни козаки, *levissimae armaturae velitationi-
bus apti*, какъ писалъ о нихъ Сарницкій. Между тѣмъ статья
объ истребленіи козаковъ стояла *первою* въ договорѣ Жолков-
скаго съ Искандеръ-башею и формулирована была слѣдующимъ
образомъ:

„Lotroство kozackie na Czarne morze z Dniepru aby nie wy-
chodziли“. Къ сожалѣнію, я долженъ перевести эту статью по-рус-
ски, отъ чего она много теряетъ. „Разбойницкая козацкая сво-
лочь не должна выходить изъ Днѣпра на Чорное море, не долж-
на причинять вреда владѣніямъ найасиѣйшаго императора (такъ
титуловали поляки султана), напротивъ, какимъ бы то ни было
способомъ, она должна быть истреблена... Это мы обѣщаемъ
сдѣлать и обязываемся“.

Съ своей стороны Скиндеръ-баша въ „церографѣ“ своеи,
титулуя себя султанскимъ невольникомъ, назначеннымъ, въ ка-
чествѣ привилегированнаго гетмана и намѣстника, для истребле-
нія разбойниковъ козаковъ, говорилъ, что онъ, остановясь надъ
Днѣстремъ, напротивъ мѣстечка Подбіле, вмѣстѣ съ седмиград-

скимъ княземъ Бетлемъ-Габоромъ, волоцкимъ господаремъ Радуломъ и молдавскимъ Александромъ,—въ то время, когда уже войска его почти готовы были вступить въ бой съ войсками польскими, вошли въ переговоры о козакахъ съ короннымъ гетманомъ, и условились они истребить козаковъ такъ, чтобы султану не было больше надобности посыпать въ Чорное море свою артиллерию, а сухимъ путемъ — войска, и пр. и пр. Въ это время у турокъ шла нескончаемая война съ Персию, и весь походъ Скиндеръ-бashi къ Днѣстру былъ не болѣе, какъ театральными декораціями для прикрытия настоятельной необходимости возобновить съ Польшею миръ и такимъ образомъ обезпечить имперію съ съверозапада. Но огромная партія въ Царьградѣ жаждала войны съ Лехистаномъ за козацкіе пабѣги и собиралась ударить на него всѣми турецкими силами по окончаніи персидского похода.

Полякамъ также крайне нуженъ былъ миръ. Московскія дѣла ихъ оставались недоконченными; громадная добыча ускользнула у нихъ изъ рукъ; царство вставало изъ развалинъ подъ новою династіею; но была еще надежда смѣнить русскихъ Романовыхъ шведскими Вазами. Въ Московщинѣ не перевелись еще люди, готовые на новую смуту, которая доставила бы имъ случай разбогатѣть на счетъ государства. Они передавали въ Польшу, что многіе бояре примутъ сторону Владислава, лишь только онъ появится въ московскихъ предѣлахъ. Благоразумные люди въ Польшѣ не ожидали отсюда ничего доброго. „Положимъ“, говорили они, „что нѣкоторые и перейдутъ на сторону королевича, но другіе будутъ крѣпко стоять за царствованіе этого поповича. Какая же тутъ надежда на успокоеніе государства съ этой стороны“? ¹⁾ Но мечтатели взяли верхъ надъ умами положительными. Королевичъ Владиславъ давно уже достигъ совершеннолѣтія; тѣсно было ему въ Рѣчи-Посполитой, среди об-

¹⁾ Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. Л. Г, отд. IV, № 99, л. 83.

ветшалыхъ правиль при дворной морали, послабляемой для него тайкомъ іезуитскими патерами, — среди окружавшаго богомольного папеньку старья, передъ которымъ приходилось вѣчно лицемѣрить,—среди величавыхъ магнатовъ, у которыхъ безпрестанно надобно было выпрашивать денегъ, наконецъ—среди жидовъ и богатыхъ опатовъ, которые соперничали въ „лихварствѣ“ съ магнатами. Натура у королевича Владислава была пошире Сигизмундовой. Тяжель былъ для него воздухъ Варшавы. То ли дѣло Москва, съ ея сказочно громадною Сибирью, которая окутываетъ соболями всѣ дворы отъ Стамбула до Лондона? То ли дѣло бояре, люди съ виду солидные, но готовые служить какой угодно царской затѣѣ? А купцы, неистощимые для верховнаго обирательства! А церкви и монастыри, точно медомъ ульи, наполненные золотомъ!... Въ Польшѣ, по панскимъ дворамъ ходили изъ рукъ въ руки московскіе соболи цѣлыми сороками; мѣнялись или взаимно дарились нажитыя въ Москвѣ турецкія шубы и горлатныя шапки; переливались въ столовую посуду добытые грабежомъ обломки ракъ московскихъ чудотворцевъ и оклады образовъ изъ литого и кованнаго золота. Морозы, голодъ, отчаянныя драки съ народной Немезидою—все это было призабыто съ 1612 года. Призабыта была даже тяжелая расплата съ войскомъ за московскій походъ, заставившая короля заложить столевыя имѣнія свои и клейноты.¹⁾ Теперь новое вдохновеніе посѣтило польское общество, безпрестанно подчинявшееся какомунибудь наитію. Живое польское воображеніе, немножко охлажд-

¹⁾ По объявленію самого короля, эти жертвы не удовлетворили требованіемъ жолнеровъ. Онъ писалъ: „Seim dealarował, patząc na relatie Woiennych vrzءdników, Patrząc na Computy Skarbowe, ze woisku stołecznemu millon ydwanroc sto tysięcy dać się ma, a oni tyle drugie zasługi swoje rachuią. Seim Pułkowi nieboszczyka Pana Sapiehi naznaczył coś nad cztery kroć sto Tysięcy, a oni dziewięć kroć sto tysięcy u kilkadziesiąt Tysięcy praeiensami swemi porachowali“. (Рукоп. Императ. Публ. разнояз. Л. Q. отд. IV, № 8. на оборотѣ 39 листка.

денное кремлевскою трагедію, снова играло. Королевичъ Владиславъ мечталъ о походѣ въ Москвищну, какъ это свойственно было пылкому юношѣ; вмѣстѣ съ пимъ предавались рицарскимъ грезамъ его сверстники; а старикамъ любо было думать, что, можетъ быть, ихъ дѣтямъ суждено осуществить золотые сны, которые начинали уже дѣлаться дѣйствительностью и вдругъ разсѣялись отъ какихъ-то *случайностей*. Вѣра въ исторической случайности, которыхъ въ жизни нѣтъ и быть не можетъ, приводила корпораціи, партіи, войска и цѣлымъ гражданскія общества къ страшнѣмъ несчастіямъ. Поляки, въ этомъ отношеніи, не были умнѣе своихъ предковъ, своихъ иноземныхъ современниковъ, своего потомства и даже нашего высокоумнаго общества. Итакъ въ Польшѣ снова возжаждали войны съ „Москвою“. Въ прошломъ 1616 году, по совѣту, въ числѣ другихъ, и самого Жолковскаго, королевичъ Владиславъ отправился съ половиной короннаго войска домогаться владычества надъ полумиромъ. Роковое бытъ, или не быть влекло полупомѣшанную націю къ ея неизбѣжному концу.

Но, пока до этого дошло, этой націи предстояло подавить русскій духъ въ лицѣ козаковъ, чтѣ, въ сущности, было такъ же легко, какъ и надѣть Мономахову шапку на голову чужеземнаго принца. Герою разгрома послѣдней, какъ казалось, южно-русской силы подъ Лубнями и послѣдней сѣвернорусской, какъ думали поляки, подъ Клушинымъ вмѣнено было въ обязанность задушить тысячеглавую козацкую гидру въ самомъ гнѣздѣ ея. Увы! такого Геркулеса не оказалось въ Польшѣ до самой Коліївщины. Гидра исчезла сама собой, лишь только умолкъ „домашній старый споръ“ нашъ съ поляками, — исчезла она силой перерожденія, подъ вліяніемъ новыхъ интересовъ, — той силой, которая могущественнѣе всякой деспотической воли. На мѣстѣ кровавыхъ битвъ готово наконецъ возникнуть соперничество умовъ, талантовъ и подвиговъ культуры. Не помѣшаютъ уже ему Вой-

цехи, Станиславы, Кадлубки, Длugoши, Скарги, не помышають никакие разжигатели международной вражды. Сила венцей, неподавимая сила жизни, устранитъ и домашнія помѣхи, тяготѣющія надъ нами со временъ собирателей русской земли антивладимировскимъ способомъ. Но обратимся къ козакамъ.

Судь о козакахъ всего интереснѣе слышать изъ усть человѣка, который съ ними перевѣдался,—изъ усть короннаго гетмана Жолковскаго. Отправля пана Ожгу для переговоровъ съ Искандеръ-башею, Жолковскій вручилъ ему инструкцію, въ которой, между прочимъ, сказано: „Когда нынѣшній ханъ началь наѣзжать и насылатъ орду на королевскія владѣнія, опять изъ обнищавшихъ людей намножилось *tego lotrowstwa*, такъ что теперь они вошли въ большую силу, и паберется ихъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Гетманъ увѣровалъ въ недавнія распоряженія, которыя сдѣланы были Ахметъ-башею отъ имени турецкаго императора, а въ это время Девлетъ-Гирей-галга неожиданно вторгнулся въ королевскія владѣнія, надѣлалъ много бѣдъ и этимъ сильно увеличилъ козачество. Но при всемъ томъ, даже и теперь, лишь только бы онъ былъ увѣренъ, что татары не тронутъ королевскихъ владѣній, онъ готовъ идти съ этимъ самимъ войскомъ на козаковъ и всѣми средствами стараться выкоренить ихъ, гдѣ бы они ни оказались во владѣніяхъ его королевской милости. Да-вайте дѣйствовать противъ нихъ съобщा. Вѣдь уже провѣдалъ дорогу къ нимъ Ибрагимъ-баша. Намъ—дѣло другое: намъ нѣть къ нимъ доступа черезъ скалистые пороги, а вамъ, какъ ужъ ваши люди узнали на опытѣ, легче до нихъ добраться. Тѣхъ же, которые окажутся во владѣніяхъ королевскихъ, гетманъ намѣренъ выгубить, уничтожить, искоренить такъ, чтобы ужъ больше не причиняли вреда нашимъ землямъ и владѣніямъ турецкаго императора; живности и никакихъ припасовъ чтобы имъ на Низъ не отпускали; устроить панъ гетманъ такъ, что не надо будетъ ожидать и опасаться ихъ съ нашей земли. Чѣдъ касается до смолен-

скихъ и донскихъ козаковъ, — тѣмъ мы не можемъ запретить, чтобы не ходили на море, потому что велика отдаленность; но если Господу Богу будетъ угодно, чтобы королевичъ Владиславъ возвѣль на московскомъ престолѣ, тогда можно будетъ воспрѣтить имъ это изъ Московской земли. Бершады разрушать пѣть надобности: въ Бершадѣ козаковъ днѣпровыхъ нѣть: она лежитъ далеко отъ Днѣпра; тамъ просто-напросто своеольничаютъ люди, яко на Украинѣ, грабятъ въ пустыняхъ, кто кого поймаеть. Панъ гетманъ очень желалъ бы прекратить эти грабежи. Они могли бы быть прекращаемы съ обѣихъ сторонъ регионами commercia, когдабъ наши куницы прѣѣзжали свободно въ Бѣлгородскій портъ и вели съ вашими торговлю; конечно, тогда бы разбойники перестали грабить".¹⁾

„Сколько разъ ни были козаки sollicitowani отъ королевича и отъ меня, чтобы пришли къ намъ на помощь“, писалъ Жолковскій потомъ къ королю, „они, вмѣсто того, подъ предлогомъ, что собираются въ походъ, немилосердно ободрали и ограбили Украину, а потомъ опять обратились къ Днѣпру. Всѣ эти договоры съ Скиндеръ-башею ни къ чemu не послужатъ, когда постановленное будетъ нарушено ихъ наглостью. Да хоть бы и не было нарушено, то ихъ злость и упорство слишкомъ велики. Не только не захотѣли помочь ни мнѣ, ни королевичу его милости, наваривши этого пива, но еще ссылаются на меня, будто-бы по моему приказанію они прѣѣзжаятъ на Украинѣ народъ, вымогая отъ него всякой всячины на дорогу. Посылатъ я къ нимъ слугу моего Деревинскаго, давая имъ знать о транзакціи, сдѣланной мною съ турками, и велѣлъ имъ прислать ко мнѣ нѣсколькихъ солидныхъ людей, которыми бы я сообщилъ волю вашей королевской милости. Не захотѣли и того сдѣлать, обошлись довольно небрежно съ Деревинскимъ и велѣли отвѣтить мнѣ, что кому нужно, пускай

¹⁾ Все это переговорное дѣло заимствовано изъ сборника Нѣсецкаго, но я не цитирую источниковъ общепзвѣстныхъ.

тотъ самъ къ нимъ пріѣдетъ или пришлеть. Хоть уже я старъ и надорванъ походными трудами, но пойду на кіевскую Украину: я знаю, какъ это важно для Рѣчи-Посполитой. Сколько хватить силъ моихъ, буду стараться обуздатъ козацкое своевольство. Даже и независимо отъ турокъ, оно само по себѣ *formidulosum* для Рѣчи-Посполитой. Набралось этого гультайства столько, что трудно найти хлопа, наймита:¹⁾ все живое стремится въ ихъ купы для буйства. Правда, войска у меня маловато, но уповаю на Господа Бога: больше *proficitur consilio*, нежели *vi*. Я уже бросилъ между нихъ нѣсколько зеренъ *discordiarum*. Старшина разошлась во мнѣніяхъ съ чернью: она усматриваетъ необходимость иного порядка дѣль; но какой можетъ быть у нихъ порядокъ, когда они на своихъ радахъ заглушаютъ другъ друга крикомъ и гукомъ? Сегодня третій день, какъ двинулся я отъ Яруги. Въ дорогѣ повстрѣчалъ меня посланецъ съ комиссіею вашей королевской милости и мандатомъ на козаковъ. Съ этими документами тотчасъ посылаю имъ также листъ отъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ и всего войска, а самъ пишу къ нимъ, чтобы прислали ко мнѣ уполномоченныхъ въ Паволочъ. Не знаю, сдѣлаютъ ли это. Но какъ бы ни пошли дѣла, я буду дѣйствовать настойчиво. Нужно бы разослать мандаты вашей королевской милости въ украинскіе города, чтобы обуздывали это своевольство, не терпѣли его и запрещали отщукать за Пороги живность и другіе припасы: вѣдь это и сами бунтовщики дѣлаютъ. Не получая на Низу живности, не могутъ они тамъ держаться, и этого боятся больше всего“.

Козаки заблагоразсудили прислать къ коронному гетману своихъ уполномоченныхъ, и въ концѣ октября, въ обозѣ надъ Росью,

¹⁾ Изложенные ниже договоры съ козаками покажутъ, что подъ именемъ хлоповъ разумѣлись здѣсь не крестьяне папскаго и старостинскаго присуду (тѣ служили безъ найма), а городскіе вольные люди. Историки наши пропустили все это безъ вниманія, и положеніе вещей при Хмельницкомъ распространяютъ на всѣ періоды козачества.

у села Ольшанки, состоялась такъ называемая Ольшанская комиссія. Она заслуживаетъ полнаго вниманія читателя: она важиѣе козацкихъ и шляхетскихъ походовъ для историка. Въ ней сказывается сила, погрозиѣе той, которая разрушила Синопъ, — сила спокойнаго самосознанія.

Козацкіе уполномоченные смиренно выслушали актъ, составленный королевскими комиссарами вмѣстѣ съ землевладѣльцами Кіевскаго воеводства, во время съѣзда ихъ на сеймикъ для выбора депутатовъ. Козакамъ поставлялось на видѣ, что они большими купами и просто щѣлыми войсками вторгаются въ соѣднія земли; что они „выходя на влость“, притѣсняютъ и разоряютъ людей всякаго состоянія; что они, наконецъ, гдѣ бы ни появились, „выламываются изъ юрисдикціи пановъ и ихъ намѣстниковъ, а свою новую, никогда не бывалую за предковъ юрисдикцію выдумываютъ“. Всему этому (продолжали комиссары) одна причина: *wielkość gromad*, при которой и сами козаки не могутъ устроить между собой надлежащаго порядка; а потому комиссары постановляли, чтобы людей, называющихся запорожскими козаками, не было больше одной тысячи, „которые бы жили на обыкновенныхъ мѣстахъ, данныхъ королемъ ихъ старшимъ, не выходя на влость“. Для того, чтобы имъ было чѣмъ жить, они будутъ получать, согласно постановленію короля Стефана Баторія, „по червонцу на каждого и по поставу сукна кара зіи на каждого“. ¹⁾ Жолдъ этотъ (говорится далѣе) козаки будутъ получать ежегодно въ Кіевѣ на святкахъ. Прочие же, гдѣ бы ни находились въ духовныхъ и свѣтскихъ имѣніяхъ, чтобы съ этого времени не назывались больше козаками, не собирались въ купы и никакихъ юрисдикцій себѣ не присвоивали, а были бы во всемъ послушны панамъ, начальству своему, наравнѣ съ прочими под-

¹⁾ Здѣсь заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что старшинѣ не полагается высшаго оклада противъ рядовыхъ, какъ и во всѣхъ документальныхъ извѣстіяхъ. См. примѣч. къ стр. 74.

данными, кто подъ кѣмъ жительство и обиходъ свой имѣть. Если же окажутся непослушные, то на такихъ всѣ землевладѣльцы Кіевскаго воеводства немедленно вооружатся и настоящее свое постановлѣніе приведутъ въ дѣйствіе, каковое постановлѣніе, для всеобщаго свѣдѣнія, вносится въ замковыя книги житомирскія и кіевскія. А чтобы гасить огонь въ искрахъ и не давать ему запылать пламенемъ, паны повелѣвали всѣмъ правоправящимъ членамъ своего сословія хватать каждого, кто бы кликнулъ кличъ для сбора народу въ купы, и безъ всякихъ милосердія карать смертью. Кто же изъ державцевъ или пановъ сталъ бы смотрѣть *per conveniam* сквозь пальцы на сборъ такихъ купъ въ своихъ помѣстьяхъ, а пожалуй и самъ сталъ собирать въ купы разныхъ буяновъ, таковой будетъ позванъ въ трибуналъ, *intra causas officiis extra Pallatinatum*, и наказанъ смертью, а еслибы не явился для оправданія, лишенiemъ чести. Даже за доставку на Низъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ шляхтичъ будетъ наказанъ смертью по разсмотрѣніи улигъ въ трибуналъ, а *Plebeius* — тотчасъ же, *irremissibiliter*. Въ заключеніе составленного въ Житомирѣ акта, сказано: „Монастырь Трахтомировскій, яко пожалованный имъ отъ короля и Рѣчи-Посполитой, останется при нихъ, впрочемъ не для чего-либо другого, какъ для того, чтобы онъ былъ убѣжищемъ старымъ, больнымъ, раненнымъ, для проживанья до смерти; собирать же и съывать въ купы, какъ гдѣ-либо, такъ и тамъ, воспрещается. Въ противномъ случаѣ, это пожалованіе короля и Рѣчи-Посполитой будетъ ими утрачено“.

Кіевскимъ воеводою на то время былъ самъ коронный гетманъ Станиславъ Жолковскій. Въ грозномъ комиссарскомъ актѣ мы видимъ *ex ungve leonem*. Но странно было съ его стороны запугивать смертною казнью людей, которые шли въ запорожцы, имѣя въ перспективѣ быть посаженными на коль, четвертованными и колесованными,¹⁾ которые выпускали изъ рукъ зна-

¹⁾ См. томъ I, стр. 68.

мена только падая на труны братьевъ своихъ,¹⁾ которые рѣшились скорѣе быть вырѣзанными поголовно, нежели выдать панамъ такъ называемыхъ ихъ подданныхъ,²⁾ — все равно какъ страшно было со стороны пановъ предлагать козакамъ войти въ объемъ одной тысячи, тогда какъ самъ же коронный гетманъ писалъ, что ихъ теперь несколько десятковъ тысячъ. Въ правительственной пропозиціи на сеймъ 1615 года сказано, что козаковъ, предпринявшихъ одновременно два похода, было до 30.000,³⁾ съ тѣми же, которые проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ, насчитывали государственные люди тысячъ до 40. Антишляхетская беззаконная республика выросла и готова была помѣряться силами съ республикой законной, а ее продолжали третировать, какъ слабаго ребенка. Такова была увѣренность польского льва въ могуществѣ лисьихъ мѣръ, которая всегда пускалъ онъ въ ходъ, когда не надѣялся на открытую силу. „*Więcę proficitur consilio, niżeli vi*“, писалъ онъ къ королю, какъ мы видѣли выше. Но въ это время козаками правилъ человѣкъ, превышавший умомъ, силою воли и благородствомъ взгляда на борьбу съ панами всѣхъ украинскихъ гетмановъ, сколько ихъ ни было отъ Остапа Дацкевича до Кирила Розумѣнка. То былъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. Ему-то принадлежала честь веденія Ольшанской комиссіи со стороны козаковъ, „заглушавшихъ одинъ другаго кри-

¹⁾ См. томъ I, стр. 118.

²⁾ См. выше, стр. 145.

³⁾ „Moze się żkomu zdać ich słuszne desiderium, ze chcieli znosić narodowi naszemu nieprzyjaznego Hesopodara, ze chcieli vindicować naruszonej sławy, ale y privata authoritate czynić się niegodzieło. A wszak non sunt facienda mala vt eueniat bona, więc y kozactwa samego swawola in tantum excreuit, ze codzień wyglądać trzeba albo na nich samych cudzego, albo od nich wewnętrzne niebespieczenstwa. Wyniesli wliczbie Woyska 30 Tycięcy, poszli iedni czołnami na czarne Morze, drudzy wielką y potęzną wyprawą burzyć Oczakow. Cokolwiek zrobią, lubo z zyskiem, lubo z szkoda swoia, na karb to nasz y trudnosci przydzie, pełno wsiedy nierządu y swawoley“. (Рукоп. Императ. Цубл. Вибл.,польск. Л. F, отд. IV, № 99, л. 81).

комъ на своихъ радахъ“, такого веденія, которое дало полное торжество козацкой силѣ надъ шляхетскою, безъ пролитія русской братней крови ни съ той, ни съ другой стороны.¹⁾ Объ этомъ будетъ подробно разсказано въ слѣдующей главѣ.

¹⁾ Эта черта дѣятельности Сагайдачнаго нашла отголосокъ даже въ безобразныхъ стихотвореніяхъ тогдашнихъ бурсаковъ, „спудеовъ“ киево-братской школы:

Пилне онъ того стерегъ, бы война съ христіаны
Христіаномъ не была, лечь только съ поганы.

ГЛАВА XVI.

Возрождение древнихъ русичей въ пізомъ козачествѣ. — Обратное движение русской силы въ Киевскую землю изъ карпатскаго подгорья. — Возстаніе русской силы изъ упадка на сѣверѣ. — Мирныя сдѣлки козаковъ съ панами. — Козаки спасаютъ польское войско въ Московщинѣ. — Невозможность уничтожить козаковъ. — Прикосновеніе козаковъ къ церковнымъ дѣламъ.

Зная годъ смерти Сагайдачнаго (1622) и его почтенную сѣдую бороду, зная опытность его въ управлениі козаками, которая могла быть пріобрѣтена только долгимъ обращеніемъ съ этою бурною вольницею,— мы должны причислить Сагайдачнаго къ людямъ среднихъ лѣтъ, сражавшихся подъ знаменами Наливайка и Лободы. Но намъ не известно, участвовалъ ли онъ въ возстаніи козаковъ противъ коронной силы. Надобно думать, что не участвовалъ: потому что его отношенія къ властямъ были всегда столько же мирны, сколько его дѣйствія независимы и радикальны. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ прямыхъ указаний на это въ современныхъ письменахъ.

Сагайдачный былъ уроженецъ Галицкой Руси, которая дала Польшѣ всѣхъ коронныхъ гетмановъ, а намъ—противовѣсь вельможству и римской пропагандѣ, въ лицѣ автора „Апокрипса“, въ лицѣ Іоанна Вишенскаго и Іова Борецкаго, представителей той нравственной силы, которая заключалась въ нашемъ народѣ и выразилась въ незабвенномъ церковномъ братствѣ Львов-

Танчик
Русь

скомъ. Карпатское подгорье, какъ я уже сказаль, и готовъ повторить это много разъ, послужило убѣжищемъ остаткамъ храбрыхъ русичей, послѣ того какъ ихъ отважные князья „сваты попоша и сами полегота за землю русскую.“ „Понизили“ храбрые русичи „стязи своя“, вложили въ ножны „мечи своя вережени“, „дали гнѣздо свое въ обиду“, потеряли предковскую славу свою, но не утратили своей энергической природы. Не даромъ мужественныя сердца ихъ предковъ были „въ жестодѣмъ харалузѣ сковани, а въ буести закалены.“ Покинувъ старое днѣпровское гнѣздо, наши распуганные „шестокрыльцы“ все-таки сохранили соколиный полетъ свой. Какъ „соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ взбивается“, такъ и они,—нужды нѣть, что имъ, въ быломъ поколѣніи, „припѣшили крыльцы поганскими саблями“,—воздорясь въ новомъ, опять являли себя „шестокрыльцами“ того великаго гнѣзда, которое примкнуло къ себѣ эти самые червенскіе города, это карпатское подгорье. Подобно тому, какъ иногда физиологически возрождаются отличительныя свойства недѣлимаго черезъ много поколѣній, такъ и здѣсь, подъ чуждыми знаменами, при иноземномъ боевомъ кличѣ, вставали до-татарскіе русичи съ прежними свойствами своими: съ тою же жадною боевой славы съ тою же надкостью на военную добычу, съ тою же рѣшимостью стоять за русскую землю противъ пришельцевъ. „Высоко плавали они въ буести, яко соколь на вѣтре ширящаяся“,—надо отдать имъ честь; но долго не попадали на тотъ „путь“, которымъ ихъ предки „искали князю чти, а себѣ славы“,—на тотъ „обычный варяго-козацкій шляхъ“, который „пробилъ каменные горы сквозь землю половецкую, который лелѣялъ на себѣ носады Святославовы“. Этотъ путь указало имъ, наконецъ, низовое козачество, и во главѣ козачества явился ихъ землякъ, самборскій уроженецъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. Онъ, въ нашей исторіи, можно сказать, „похитилъ всю переднюю славу

ву“ козацкую, предвосхитилъ все, чѣмъ по справедливости могутъ гордиться (увы! невѣжественные) козацкіе потомки; онъ „подѣлился“ съ древними буйтурами славою „заднею“. Конешевичъ-Сагайдачный далъ украинскому козачеству больше значенія въ судьбѣ Польши и Руси, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ и преемниковъ. Это будетъ видно изъ моего дальнѣйшаго повѣствованія. Здѣсь я только замѣчу, что не сабля, воспѣтая въ пѣсняхъ, не рѣзня, проклинаемая въ жалобахъ несчастныхъ современниковъ, не дикие буйтуры запорожскіе и не горькие пьяницы украинскіе привели козаковъ къ возсоединенію Руси,— акту, имѣющему значеніе въ исторіи всего земного глобуса, а такие тихіе и энергическіе характеры, какимъ обладалъ Сагайдачный.

Въ одно и то же время, то же карпатское подгорье произвело другого щедро одареннаго человѣка, который, въ эпоху боевой славы Сагайдачнаго, сдѣлался извѣстенъ въ Киевѣ, въ званіи священника Воскресенской церкви, какъ милосердый покровитель вдовъ и сиротъ, а вслѣдъ за тѣмъ — въ званіи михайловскаго архимандрита, какъ неутомимый воспитатель молодого поколѣнія. Еслибъ не кровавая Хмельницина, рыскавшая въ тропу Батыеву по русской землѣ,— можетъ быть, мы открыли бы близкую связь этихъ двухъ личностей съ двумя не менѣе значительными ихъ современниками — авторомъ „Апокрифиса“ и апостоломъ Аѳонской горы,— подобную той секретной, тайной отъ поляковъ, связи, какая существовала между пятью лицами, задумавшими на той же территоріи великое, но не осуществившееся дѣло. Теперь мы только знаемъ, что оба послѣдніе писали подгорскимъ нарѣчіемъ, на сколько пощадила его болгарщина и польщизна, и въ этомъ — несомнѣнная родственность ихъ съ первыми. Во всякомъ случаѣ, оттуда, изъ-подъ Карпатъ устремились потоки новой жизни на поднѣпровскное русское землище: Киевъ ожилъ дыханіемъ русскаго духа, затаившагося въ землѣ „галичскаго осмомысла“.

Карпатскому подгорью все-таки принадлежить слава того соединенія славянскихъ силъ, о которомъ мечталъ Стефанъ Баторій съ окатоличенными предками нашими.

Намъ очень мало известно и о томъ, въ какихъ соотношенияхъ находился самъ Конашевичъ-Сагайдачный съ „великимъ милосердникомъ“ Іоанномъ, въ монашествѣ Іовомъ, въ то время, когда „вся земля агарянская стонала отъ меча козацкаго и пылала огнемъ козацкимъ“. Но, судя по тому, какъ старые люди дорожатъ ранними связями своими, какъ даже умирающія животныя ищутъ мѣста, на которомъ стояли прежде ноги ихъ,¹⁾ надобно думать, что известнымъ намъ совмѣстнымъ дѣломъ Сагайдачнаго и Іова Борецкаго предшествовалъ рядъ сношеній неизвѣстныхъ. Какъ бы то ни было, но каждый изъ этихъ двухъ подгорцевъ совершилъ свое дѣло къ русскому вопросу съ такою твердостью и съ такимъ спокойнымъ энтузіазмомъ, какъ-будто въ нихъ обоихъ работала одна и та же душа, или какъ-будто они, безъ обояднаго совѣта, ничего не предпринимали.

Украинскія лѣтописи относятъ начало военной дѣятельности Сагайдачнаго, одинъ — къ концу XVI, другія — къ началу XVII столѣтія; но общій недостатокъ этихъ лѣтописей тотъ, что онъ писаны спустя десятки лѣтъ послѣ первыхъ козацкихъ походовъ, такъ какъ сперва козачество — лучше сказать козакованье — было лишь отдѣломъ занятій королевскихъ „дворныхъ гетмановъ“, управителей, и королевскихъ „старостъ“, попросту — прикащиковыхъ, а потомъ въ глазахъ „людей статечныхъ“, это были — или гультайскіе „бунты“ противъ такихъ почетныхъ лицъ, какимъ считался князь Острожскій, или „здырства“, съ людей „всякаго стану“, то есть „поборы, напои и кормы незвычайные“, на которые и въ эпоху Хмельничины жаловался авторъ лучшей изъ украинскихъ лѣто-

¹⁾ Раненые смертельно быки въ кровавой испанской забавѣ возвращаются умереть на то мѣсто арены, съ котораго началась жестокосердая гонитва за ними.

писей. Поэтому хвалебные замѣтки лѣтописцевъ о „зацномъ рыцарѣ“, написанныя во времена его славы, въ нашихъ глазахъ, не много лучше той генеалогіи, которая сочинена, въ близкое къ намъ время, сыну козака Розума.

Не для сбрателей убогихъ
Чужихъ суждений и вѣстей

пишется исторія, по для строгихъ судей несомнѣнаго факта, каковъ бы онъ ни былъ, крупный или мелкій, лестный для народной гордости, или для нея унизительный. Славословія героя во времена его торжества менѣе говорять о немъ его комментатору, нежели даже тѣ насмѣшки, которыя такъ часто сопровождаютъ обыкновенно трудное начало всякаго великаго поприща. Даже извѣстная брошюра Кассіяна Саковича, ректора кіево-братскихъ школъ, сочиненная на „жалостный погребъ“ Конашевича-Сагайдачнаго, не представляетъ намъ ручательства въ томъ, что „зацныи рыцарь“ совершилъ то-то въ такомъ-то видѣ, а другое такимъ-то способомъ. Не отсюда мы должны черпать разумѣніе могучей дѣятельности самборскаго русина.

Въ брошюре, какъ она ни драгоцѣнна въ разныхъ отношеніяхъ, интересуютъ насъ только мелочи. Такъ, напримѣръ, интересенъ для насъ, какъ клеймо времени, припечатанный на оборотѣ заглавнаго листка „гербъ сильного Войска его королевской милости Запорожскаго“, изображающій козака въ шлыкѣ, съ бритой бородой, съ торчащими въ обѣ стороны усами, съ рушницею на плечѣ, съ саблей у пояса,— гербъ, разумѣется, такой же произвольный, какъ и тотъ, который намалеванъ при популярномъ изображеніи запорожца въ XVIII вѣкѣ. Съ наивностью, близкою къ ироніи, въ надписи къ гербу говорится, что короли, узнавъ мужество запорожцевъ, дали имъ этотъ гербъ; что козакъ готовъ за свободу отечества положить и животъ свой, и что землею ли, или, когда понадобится, водою,

Вшеляко онъ способный и прудкій до бою ¹⁾

Замѣтимъ еще одну мелочь: дворянскій гербъ самого Коншевича-Сагайдачнаго, изображенныій подъ его портретомъ въ названной книжицѣ, представляетъ подкову съ крестникомъ надъ среднимъ шипомъ. Зацній рыцарь представленъ на конѣ. Шапка на немъ высокая соболья, называвшаяся въ Москвѣ горлатою, сверхъ мѣха виденъ верхъ; въ рукахъ булава; за плечами колчанъ со стрѣлами, сбоку лугъ въ сагайдакѣ; сапоги безъ шпоръ; стремя обыкновенное; штаны не широкіе; сапоги съ длинными вверху узорчатыми голенищами; чепракъ узорчатый съ баxрамою; весь нарядъ — московско-татарскій, что обозначаетъ, съ кѣмъ воевалъ онъ; ²⁾ черты лица крупныя; борода окладистая, длинная.

Современникъ нашихъ народныхъ Гомеровъ и Сафо, Касцянъ-Саковичъ, безъ сомнѣнія, взиралъ съ той же „погрѣдою“

¹⁾ На новѣйшемъ гербѣ подъ „малеваннымъ запорожцемъ“ представленъ бѣгущій конь, что въ надписи объясняется такъ:

Мабуть, ляхі угадали,
Що лошака дарували.
Глянь на гербъ сей знаменитый:
На дубу висить прибитый.
Якъ дикий кінь въ степній волі:
До такъ козакъ мой безъ долі:
Куды скоче, туды й скаче,—
Нікто за нимъ не заплаче.

Это — также клеймо времени, и весьма краснорѣчивое. Какъ пришли козаки ко свопмъ и свои ихъ не пріяша, такъ и сошли они со сцены, никѣмъ не признанные и неоплаканные. Русская Клю плакала менѣше всѣхъ объ участіи безславныхъ творцовъ русскаго могущества. Одна только простодушная муза украинской поэзіи стонеть и плачетъ о нихъ до сихъ поръ въ своихъ пѣсняхъ, дождалась композитора, который бы увѣковѣчилъ этотъ плачъ для чужихъ національностей.

²⁾ Послѣ каждой войны, у польско-русской шляхты перемѣнялась мода: иногда они возвращались въ семейные круги одѣтными, какъ шведы, иногда — какъ москали, иногда — какъ турки и татары. У козаковъ франтовство допускалось только надѣваніи на себя одежды съ убитаго непріятеля. Объ этомъ часто поется въ думахъ.

на живую рѣчъ украинскую, съ которою и нынѣшніе академические мудрецы относятся къ этому жерлу непостижимой для нихъ поэзіи. Опь, исковерканнѣмъ по польскимъ образцамъ языкомъ, почтилъ память великаго воина въ слѣдующихъ стихахъ:

Несмертельнои славы достойный Гетмане,
 Твоя слава в молчанію нѣкогда не зостане;
 Поки Днѣпръ с Днѣстромъ многорыбные плынуты
 Будуть: поты дѣлности тежъ твои слынуты.
 За своего Гетманства взялъ в Турцахъ място Кафу:
 Ажъ и самъ Цесаръ Турскій былъ въ великомъ страху:
 Во му Чотырнадцать тисячъ тамъ люду збиль,
 Катарги едины палилъ, другіи потопилъ.
 Много тогды з неволѣ Христіанъ свободилъ:
 За што го Богъ з Воинствомъ его Благословилъ.
 Бо за найболшую нехъ собѣ нагороду
 Почитаетъ Рыцерь: кгды кого на свободу
 Вызволитъ: за што грѣховъ собѣ отпущенне,
 Одѣржитъ: а по смерти въ Небѣ вмѣщенне.
 Дознавалъ иѣ по единъ кротъ Турчинъ поганинъ
 Его менства, и прудковоенныи Татаринъ. ¹⁾

Вотъ этакія-то вірши, „мовленнїя отъ спудеовъ братской школы“, напутствовали въ страну вѣчнаго молчанія человѣка, которому равнаго, за исключеніемъ одного великаго милосердни-

¹⁾ Если народный гений южнорусскій такъ отчаянно и почти безнадежно боролся съ враждебными элементами за гражданска права народныи, то не менѣе безнадежно было его положеніе и въ борьбѣ съ подавляющими начальами за драгоценнѣйшее достояніе народа — слово. Академические стихи Саковича показываютъ, какъ низко польская наука, воспитывавшая русскихъ писателей, низвела слово, которое такъ роскошно сияетъ природною красотою, хотѣбы, напримѣръ, въ думахъ, приложеныхъ къ I-му тому этой клиги. Саковичъ, по образованности и уму, далеко уступалъ автору „Апокрипса“, между тѣмъ трудно рѣшить, которое стихотвореніе безобразнѣе: то ли, которымъ онъ почтилъ память лучшаго изъ украинскихъ гетмановъ, или то, которое предположить своему глубоко-мысленному труду Христофоръ Филалеть, какъ назвалъ себя авторъ „Апокрипса“. Вотъ опо, это отчаянно-уродливое стихотвореніе, достойное храненія, какъ штемпель тогдашней академичности:

ка Іова, не произвела Украина. И таковы-то могутъ быть начинанія словеснаго дѣла, которому суждено пережить даже и то, что представляется намъ вѣчнымъ: государство и самое общество. Явленіе, стало быть, слѣдуетъ признать законнымъ въ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ. Почему же въ исторіи равноправности и слѣдовательно въ исторіи культуры не двусмысленной, не такой, какова была культура польская, не можетъ быть признано законнымъ козацкое безобразничанье, которымъ началось великое дѣло возсоденія Руси? Почему требуется, чтобы это дѣло сопровождалось какими-то элегантными подвигами? Почему регуляторомъ требованій, которыхъ мы предъявляемъ исторіи, не сдѣлать намъ законъ явленій биологическихъ, доступныхъ наблюденіямъ каждого, осознательныхъ?... Но возвратимся къ повѣсти.

Итакъ, не зная навѣрное, съ котораго времени и какъ именно началъ Сагайдачный свое участіе въ нашей народной борьбѣ съ чужеядными народами, мы прямо становимся лицомъ къ лицу съ этимъ съдобрѣдымъ рыцаремъ на предѣлахъ Ярославовской

КНИЖКА ДО МИНАЮЧИХЪ МОВИТЬ.

Почто новыхъ вещей вѣдѣти желаete,
Нову вѣць мене имѧя, презираете?
Отвѣтъ къ римляномъ православныхъ содержаще,
Иже, егда прежде вѣру цѣлу имѧще,
И необуниженны отецъ преданія,
Всѣ бяху тогда желающе молчанія.
Нынѣ, егда повинныхъ вѣсѣхъ сътворяютъ,
Писаніемъ же и властю попираютъ
Вѣроу; и, не хотя по нужди глаголати,
Мню на клеветы въ кратцѣ отвѣщати.
Купи, читай, разсуждай, брате и тщателю,
Повинни ли, повѣждь, се къ Благодателю
Превышнему, съ покаяніемъ вѣзратятся.
Оузыши ли, яко неизвинни явятся.
Желательного приклоненія по тебѣ
И любовныхъ помощи чають себѣ.

Аминь.

Руси—на „Рѣси“. Въ урочищѣ Старая Ольшанка расположился врагъ, опаснѣе того, противъ котораго, „мудрый“ Ярославъ строилъ „по Рѣси города“ и населялъ ихъ польскими плѣнниками. То бытъ напоръ полудикихъ помадовъ, которые, па худой конецъ, возобладали бы материальныемъ достояніемъ русичей; а теперь „око въ око“ стояли съ ними рыцари римскаго монаха, посягающаго прежде всего на свободную душу. Безсознательно готовы были эти рыцари и на вещественное, и на духовное человѣкоубійство, воображая, что тѣмъ приносятъ службу Господу. Безсознательно служили козаки великой идеѣ нашего времени и грядущихъ, лучшихъ временъ, думая, что служить интересамъ своего полуразбойницкаго товарищества. Передъ истребителя русскихъ силъ подъ Лубнями предсталъ будущій спаситель польской арміи подъ Можайскомъ и подъ Хотиномъ. Съ нимъ было шесть товарищѣй, которыхъ имена заслуживаютъ поименованія, это были: Богданъ Балика, Гарликъ Свиридовичъ, Иванъ Мамаевичъ, войсковой осауль; Лаврентій Пашковскій, войсковой писарь; Станиславъ Косторжевскій и Янъ Мировскій.¹⁾

Мы уже знаемъ, какъ приняли козаки пана Деревинскаго, посланца короннаго гетмана, какъ они жаждали боя съ ляхами, какъ заглушали крикомъ голоса предводителей своихъ. Это были сыновья падшихъ подъ Лубнями въ 1596 году: понятна ихъ жажда утопить наслѣдственную свою вражду въ польской крови, какъ выразился бы Кадлубекъ. Но умѣль Конашевичъ-Сагайдачный утихомирить завзятыхъ. „Биться намъ надо не съ ляхами“, такъ долженъ былъ говорить онъ. „Ляхи сидѣть за Вислою, а въ этомъ войскѣ мы побьемъ свою русь. И что же, братчики, изъ того выйдетъ? Придутъ невѣрные, станутъ кошемъ на нашемъ бо-

1) Въ обязательствѣ, данномъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ 31 октября, сказано: „за подпись товарищей нашихъ, умѣющихъ писать.“ Изъ этого видно, что въ козаки шли люди не очень грамотные, да въ тѣ времена и школъ для обучения грамотности было мало.

вищѣ, распустятъ во всѣ стороны загоны свои, и некому будетъ обронитъ отъ нихъ землю христіанскую.¹⁾ Вѣдь и нась ляжть въ бою не мало, хоть и побъемъ ляховъ. А если не побъемъ — чтѣ тогда? Объ этомъ подумайте. Нѣтъ, братчики: *ляхівъ гудьмо, та зг ляхамъ будьмо.*²⁾ Если же вы хотите биться, такъ у нась есть съ кѣмъ биться и на Чорномъ морѣ, и въ Крыму. Тамъ погибаютъ наши братья въ неволѣ; день и ночь ждутъ они выручки. Туда подобаетъ направить всю нашу силу.“ Такая рѣчь, не сохранившаяся для нась ни однимъ историческимъ источникомъ, вытекаетъ, однаждѣ, изъ всего, чтѣ въ историческихъ источникахъ сохранено,—вытекаетъ изъ *дѣйствій* Конашевича-Сагайдачнаго. Весьма естественно полководцу говорить передъ своими соратниками о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ результатомъ ихъ покорности своему избраннику были события для нихъ незабвенныя; а когда Сагайдачный напомнилъ козакамъ о такихъ дѣлахъ, какъ разореніе невольничихъ рынковъ турецкихъ, когда развернулось передъ ихъ воображеніемъ перспективу будущихъ подвиговъ, козаки должны были отвѣтить ему такъ, какъ не разъ говорили они, остановленные разумнымъ словомъ: *Знавъ ты, батьку, що сказати!*³⁾ Тутъ могли явиться противоположнія мнѣнія о морскихъ походахъ: миръ съ турками только что

¹⁾ Эти предполагаемые нами à la Фукидидѣ слова Сагайдачнаго читающій пѣсни при свѣтѣ научной лампы находить въ приведенныхъ выше (т. I, стр. 152) стихахъ:

Ты, могило верховино,
Чомъ ты рано нѣ горїла?
Ой я рано не горїла,
Бо крівцею обкишала.
Ой якою? — Козацькою,
Въ половину изъ ляцькою....

²⁾ Народная пословица.

³⁾ Эти слова сказаны запорожцами воспѣтому въ пѣснѣ „отцю Владимиру“, когда онъ представилъ имъ послѣдствія предпринятой ими защиты Січи противъ войска Екатерины. Въ исторіи принято славословить отчаянное сопротивленіе, и

быть заключенъ; ляхи не дадутъ козакамъ *верстать здобычию дорогу* по Чорному морю; напрасно теперь думать о походѣ... „Хиба вы ляхівъ не знаєте?“ могъ отвѣтить на это гетманъ, съ украинскимъ лаконизмомъ, и этими словами опровергнуть всѣ противорѣчащіе доводы. Ляхи уничтожали завтра фактически то, что постановляли сегодня юридически. Козаки это знали. Пускай, однакожъ, и не такъ легко было для Сагайдачнаго привести буйное братство свое къ единомыслію; но, выкричавшись и выгукавшись, козаки все-таки должны были облечь, и облекли, полномочіемъ всегда побѣдоноснаго предводителя своего, а съ нимъ уполномочили и шестерыхъ его товарищѣй, между которыми, судя по именамъ, были даже латинцы (вѣроятнѣе — протестанты). Происходя по прямой линіи отъ „вѣщааго“ Олега, эти мудрыя головы, представители запорожской интеллигентії, знали, что къ чему приведеться, и потому согласились на все въ Ольшанскомъ урочищѣ, чего потребовали отъ нихъ королевскіе комиссары; оставили за собою только незначительное въ глазахъ пановъ, но практически весьма важное право — обратиться на ближайшемъ сеймѣ къ королю и Рѣчи-Посполитой съ просьбою о трехъ пунктахъ: 1) о томъ пунктѣ, въ которомъ сказано, что нынѣшніе козаки и ихъ потомки не должны ничего такого дѣлать, чтѣ бы причиняло кому-нибудь убытокъ, обиду и притѣсненіе; 2) о томъ, по которому не должны они вторгаться во владѣнія турецкаго императора, безъ воли и приказанія короля и всей Рѣчи-Посполитой, и 3) о томъ, по которому число запорожскихъ козаковъ ограничено только тысячею человѣкъ. По видимому, это была полная покорность, въ сущности же, не было никакой. Проницательно замѣтилъ нуніцій Торресъ, что козаки являются къ правительству иногда съ грозью, иногда съ просьбами.

оно бываетъ иногда достойно удивленія потомства; но такія уступки, какія козаки, при своей, вошедшей въ пословицу, завзятости, сдѣлали Сагайдачному и січевому полу своему, составляютъ лучшее украшеніе украинского.

бою, но всегда съ оружиемъ въ рукахъ. Оружіе и теперь оставалось въ рукахъ у тѣхъ людей, которые подписывали актъ Ольшанской комиссіи отъ лица Запорожского Войска. Не все ли равно, сколько козаковъ написано на бумагѣ? На дѣлѣ они никуда не дѣвались. На дѣлѣ каждый, втыкавшій саблю въ борозду, былъ козакъ, или могъ сдѣлаться завтра козакомъ. По сказанію одного украинскаго лѣтописца, конечно легендарному, вопросилъ однажды турецкій царь: „Сколько у васъ козаковъ на Украинѣ? „У насъ царю“, отвѣчали ему, „что ни кракъ,¹⁾ то и козакъ, а гдѣ байракъ тамъ и сотня козаковъ найдется. Речеть убо старшій слово, и аbie козаковъ, аки травы будетъ“. Съ этимъ сказаніемъ гармонируютъ слова одного поляка, проживавшаго на Украинѣ: „Мы только тaborы козацкіе видимъ, а козаковъ порознь нигдѣ не находимъ“. Потому-то и можно назвать козаковъ извлеченіемъ квадратнаго, а подъ часъ и кубического корня изъ украинскаго народа. При каждой „тревогѣ“ украинскій народъ готовъ былъ выдѣлить изъ себя войско которое представляло собою все наиболѣе нуждающееся въ кускѣ хлѣба на Украинѣ, наиболѣе взятое въ добываніи его, наименѣе связанное семейными или другими узами и готовое на всевозможныя крайности.

Къ представителямъ этой-то беспокойной части южно-русскаго народа обратился съ гордыми требованіями коронный гетманъ Станиславъ Жовковскій, подкрепленный присутствіемъ королевскихъ комиссаровъ: Яна Даниловича, старосты русскаго, бельскаго, корсунскаго; Станислава Конецпольскаго, подстолія короннаго, старосты велюнскаго и зайдовецкаго; Яна Жовковскаго, старосты грубешовскаго, или—сказать конкретнѣе—присутствіемъ ихъ хорошо вооруженныхъ почтовъ. Замѣчательно, что, по выраженію составленнаго при этомъ акта, козаки, въ лицѣ гетмана, войскового осаула и войскового писаря съ четырьмя осталь-

¹⁾ Кустъ, попольски krzak.

ными, конечно, „значимыми“ людьми, прислали на комиссию не начальство, а „товарищ̄ своихъ, съ достаточную инструкцію и наукою.“ Не менѣе замѣчательно также (я прошу гг. украинскихъ дѣписателей обратить на это вниманіе), что, по требованію комиссаровъ, козаки должны были исключить изъ своей среды и выписать изъ реестра—не „хлоповъ“, о которыхъ сіи дѣписатели упоминаютъ въ самомъ началь образованія козачества, а вотъ кого: „ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ и всѣхъ, которые занимаются какимъ-либо ремесломъ, и иныхъ лишнихъ людей“. Козаки на все согласились. Козаки согласились даже на то, чтобы, вмѣсто избирательного гетмана, каковымъ титуломъ и подписался на актѣ Конашевичъ-Сагайдачный, принять имъ „изъ руки короля и короннаго гетмана такого старшаго, какимъ бывалъ нѣкогда Орышевскій и другіе“. Впрочемъ (оговаривались они) этотъ старшій долженъ быть выбранъ изъ ихъ же войска и „ими же самими, а не кѣмъ-либо инымъ“, ¹⁾ для того чтобы быть присяжнымъ со всѣмъ товариствомъ на вѣрное исполненіе королевскихъ постановленій. Для объявленія и приведенія въ исполненіе акта, отправлены, вмѣстѣ съ козацкими послами, уполномоченные панскіе: Федоръ Сущанскій Пробскура, писарь земскій кievскій; Иеронимъ Вржешѣвъ, ротмистръ королевскій; панъ Янъ Білецкій и панъ Іосифъ Галицкій. Итакъ все дѣло окончено благополучно.

¹⁾ Этихъ словъ нѣть въ актѣ комиссіи: они включены Конашевичемъ-Сагайдачнымъ въ письменное обязательство, которое онъ далъ за все Запорожское Войско, за своею и своихъ товарищѣ подписью. По этому обязательству, козаки обѣщали удалить отъ себя: ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, kafanikow, balakieziow, rѣznikówъ, krawcowsъ и иныхъ лишнихъ людей“, но о хлопахъ ни слова!—Я не знаю, какія ремесла означаютъ kafaniki и balakiezie. Не зналъ этого и Линде, въ которого „Słowniku jêzyka Polskiego“ нѣть этихъ словъ. Августъ Бѣллѣвскій напечаталъ акты Ольшанской и Раставицкой комиссій („Pisma Żołkiewskiego“) съ старинной рукописи, хранящейся въ Библіотекѣ Оссолинскихъ, но эти слова оставилъ безъ объясненія, и слово kafaniki напечаталъ сперва съ однімъ, а потомъ съ двумя n.

Ограничение числа козаковъ, по положенію дѣлъ въ Украинѣ, было недостижимо для польскаго правительства, и именно потому, что исполнительная власть далеко не соотвѣтствовала законодательной. Уже въ законѣ 1590 года правительство созналось передъ самимъ собою, что „пропустило время“ для обузданія козацкаго своевольства. Теперь это чувствовалось несравненно сильнѣе, и лучшимъ тому доказательствомъ служить начавшійся съ 1607 года рядъ сеймовыхъ конституцій противъ козаковъ, а слѣдомъ за конституціями—рядъ комиссій, для приведенія людей, называющихъ козаками, въ послушаніе землевладѣльцамъ. Всѣ конституціи и акты комиссій повторяютъ одно и то же: что козаки не признаютъ юрисдикції тѣхъ, въ чьихъ владѣніяхъ проживаютъ, то есть ни пановъ, ни старостъ; что они имѣютъ собственное судоустройство и распространяютъ его на королевскихъ и панскихъ подданныхъ; что они собираются въ купы и вторгаются цѣлыми войсками съ артиллерию въ сосѣднія государства, навлекая на Польшу опасность войны съ Турціею. Иногда король обращался съ универсаломъ ко всѣмъ русскимъ землевладѣльцамъ, начиная съ князя Острожскаго, упрашивая ихъ выбрать мѣсто и время для общаго съѣзда и обсужденія, чтобъ дѣлать съ козаками, предоставляя имъ полный произволъ принять какія угодно противъ нихъ мѣры, но, видя, что паны недвигаются съ мѣста, „поновлялъ“ тотъ же самый универсалъ, иногда даже не дѣли черезъ двѣ. Козацкій промыселъ, очевидно, вознаграждалъ жителей королевскихъ и панскихъ городовъ больше, чѣмъ торговля, промышленность и ремесла, а подъ защитою русскаго права, представляемаго козакамъ присудомъ, личная и имущественная неприкосновенность была гораздо больше обеспечена, чѣмъ подъ защитою права польскаго: здѣсь каждый судился одинаково, тамъ для шляхтича существовали слишкомъ большія послабленія даже и въ такихъ случаяхъ, какъ открытый грабежъ и разбой среди города. Народный самосудъ, поддерживаемый козаками,

возможно было подавить только войною; но, для войны съ пропагандистами этого самосуда, материальныя, а еще больше нравственные средства польского права были недостаточны, въ чомъ король и его коронный гетманъ боялись сами себѣ признаться. Они рады были призрачной покорности козаковъ, хотя, *experientia docit*, не могли не видѣть, что она, при первомъ же случаѣ, превратится въ разнузданность.

Еслибъ только съ одними козаками имѣть королю дѣло,—это была бы половина горя; ато у него были свои вельможные козаки, эти Корецкіе, эти Потоцкіе, эти Мнишки и Вишневецкіе, которые бросались то за турецкую, то за московскую границу и увлекали иногда самого короля въ свои военно-политические планы. Чтобы выпутаться изъ неудачной экспедиціи, не разъ приходилось королю, чрезъ посредство своихъ пановъ, играть ту роль, за которую закономъ назначалась или смерть, или баниція: король давалъ приповѣдные листы и кликаль кличъ къ тѣмъ самимъ людямъ, которыхъ его же собственные универсалы повелѣвали исключать изъ козацкаго войска, хотябы они пребывали въ составѣ этого войска три и даже пять лѣтъ. Такъ было нѣсколько разъ во время знаменитой московской войны, которая началась, можно сказать, шалостью: началась повторенiemъ тѣхъ продѣлокъ съ самозванцами, которыя козаки, ради „лыцарства“ и добычи, столько разъ совершали въ Волошинѣ, но отъ шалости перешла въ дѣло великой важности и довела короля до большого скандала,—до соперничанья съ сыномъ за московскій престолъ. Король позавидовалъ сыну, которому шло въ руки обширнѣйшее въ Европѣ царство; онъ рѣшился смѣстить сына самимъ собою, и смѣстилъ вмѣстѣ съ нимъ себя самого въ пользу юноши, котораго поляки называли поповичемъ. Когда дѣло было проиграно, Сигизмундъ готовъ былъ видѣть на московскомъ престолѣ хоть сына; и вотъ половина воинственныхъ пановъ, съ набраннымъ по всей Польшѣ войсковымъ сбродомъ, опять геройствовала сре-

ди опустошенній Московщины, и опять готовилась имъ прежняя кара. При своей уносчивости фантазію, при безпорядочной ремонтировкѣ, при отсутствіи строгой подчиненности между начальствующими лицами, они не замедлили поставить дѣло такъ, какъ могъ бы присовѣтовать имъ только ихъ непріятель. Еще недавно начата была новая московская война, а уже денегъ не хватало, въ сѣѣстныхъ и другихъ припасахъ была крайняя нужда; войско начало разбѣгаться. Въ то самое время, когда король угрожалъ козакамъ карою за своеольство, онъ получалъ отъ сына вѣсти, не предсказывавшія успѣха. Зима прошла въ ожиданіи военнаго счастья, которое вдругъ перемѣнило судьбу королевича. Но счастье, эта случайность, которая обманываетъ людей со временемъ потопа и разселенія потомства Ноева по землѣ Ханаанской, обмануло въ тысячный разъ и поляковъ, которые, подобно прочимъ смертнымъ, не переставали на него разсчитывать. Не появлялось капризное и коварное, выдуманное лѣнтями божество, на помощь воинамъ, предпринявшимъ великое дѣло съ малыми средствами. Наконецъ и послѣднія средства ускользали изъ рукъ у королевича; а новый московскій царь, Михаилъ Федоровичъ, между тѣмъ усиливался.

Москали кой-какъ раздѣлялись со Шведами, уступивъ имъ, по Столбовскому договору, прибалтійскія земли: уступка горестная для тогдашнихъ людей, и еще больше для поколѣній будущихъ. При царѣ Петре пришлось намъ отвоевывать эти земли общими силами съ великимъ трудомъ, съ великими пожертвованіями и страданіями; но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, правительству Михаила Федоровича поступить иначе было невозможно. Надѣбно было, во что бы ни стало, спровадить съ русской почвы шведовъ: не спровадивъ шведовъ, нечего было и думать объ устройствѣ разоренного государственного хозяйства. Въ казнѣ вовсе не было денегъ, и гдѣ ихъ взять, никто не вѣдалъ. Но деньги явились, и именно потому, что, доведенное до послѣд-

ияго упадка государство не совсѣмъ еще было погублено со стороны гражданской нравственности. Утѣшительно для потомства вспомнить, что, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ Московской земли, богачи Строгановы поступили не такъ, какъ вели себя князья Острожскіе, въ виду предстоявшей королевству „турецкой неволи“: они поддержали своего государя значительными, можно сказать—громадными пожертвованіями. Всльдь за добрымъ начинаніемъ, приняты были другія энергическія мѣры. По трудности и даже по опасности своего выполненія, эти мѣры равнялись отважной экспедиціи: въ городахъ собрано было съ каждого двора по гривнѣ, въ уѣздахъ и волостяхъ—съ сохи по 120 рублей, а со всего, чтѣ имѣли купцы, взята пятая деньги наличностью. Еще большими усилиями немногихъ честныхъ людей, достойными нашего удивленія, подавлена была, хоть не совсѣмъ, вошедшая въ обычай страсть обдирать народъ въ свою пользу, подъ видомъ взиманія поборовъ на государя. Это былъ самый великий подвигъ московского общества, какой только совершило оно со временемъ покоренія Казани и Астрахани. Онъ, этотъ гражданскій подвигъ, болѣе всего другого, далъ русской славѣ перевѣсь надъ польскою въ безпомощномъ государствѣ Михаила Федоровича. Народъ, неспособный къ самоотверженію, можетъ считаться уже падшимъ; государство, не имѣющее силъ остановить расхищеніе хозяйства своего, обречено уже на гибель. Такова была Рѣчь-Посполитая Польская, во главѣ которой могъ бы стать русскій домъ князей Острожскихъ, съ громадными своими средствами и съ тою популярностью, которую устроили этому дому надѣявшіеся на князи и на сыны человѣческіе (ихъ всегда много). Но картины старецъ, чествуемый со всѣхъ сторонъ, известный въ широкомъ русскомъ мірѣ больше самого „короля Жигимонта“, сохранившій высокую репутацію у историковъ до нашего времени,—этотъ знаменитый и пошилый старичокъ заключился въ домашнихъ интересахъ своихъ и погрязъ въ имущественныхъ сдѣлкахъ съ сосѣдя-

ми; ¹⁾ бездѣтный сынъ его „собралъ не вѣда кому“ груды серебра и золота; все это пошло прахомъ, и нынѣ знаменитый городъ Острогъ стоитъ передъ нами лохмотнымъ жидовскимъ мѣстечкомъ; надъ нимъ торчатъ обломки зубчатыхъ стѣнъ и башень вокругъ него—убожество и безтолочь. Сіяла надъ этими печальными развалинами слава исключительной якобы личности, которую титуловали „крѣпчайшимъ столпомъ и украшеніемъ церкви Божіей“, но и она, какъ всякий ложный блескъ, должна теперь померкнуть. Слава другихъ домовъ, на которые, какъ на Острожскаго, опиралось могущество Рѣчи-Посполитой, давно уже померкла. Они, подобно Острожскому, могли бы спасти государство, но спасали, подобно ему, только свои „влости“, свои „ключи“, свои страѣства и, спасая себя порознь, губили общую свою будущность.

Не то было въ государствѣ Московскомъ. Царская дума, заѣдавшая въ нагольныхъ тулукахъ кругомъ своего едва двадцатилѣтняго царя, котораго отецъ находился въ плѣну у поляковъ, обратилась къ московскимъ богачамъ отъ его имени, съ простыми, но убѣдительными для русскаго ума словами: „Не пожалѣйте своихъ животовъ, православные, хоть и себя приведете въ скучность. Разсудите сами: если отъ польскихъ и литовскихъ людей будетъ конечное разореніе россійскому государству, нашей истинной вѣрѣ, то въ тѣ поры и у васъ, и у всѣхъ православныхъ христіанъ животовъ и домовъ совсѣмъ не будетъ“. И тулупные обнищавшіе бары отзвались здоровымъ умомъ своимъ, своимъ свѣжимъ еще сердцемъ, на вспіющее дѣло русской земли.

¹⁾ Большой фоліантъ въ Императ. Публ. Бібл., наполненный копіями съ писемъ Острожскаго, состоить изъ однихъ почти жалобъ на то, что старика всѣ обижаютъ, что „убогое“ имущество его расхищается, что Господь Богъ (Pan Bôg) посѣтилъ его всякими скорбями, въ томъ числѣ всего больше—разореніемъ хозяйства со стороны козаковъ украинскихъ. Можно подумать, что это пишетъ шляхтичъ, перебивающійся изо дня въ день на парѣ бездоходныхъ деревушекъ, а немагнатъ, платящій 70.000 златыхъ въ годъ за то только, чтобы заставить другого гордеца постоять у него два раза за столомъ.

Этимъ гражданскимъ подвигомъ спасли они и насть, южноруссовъ, отъ морального истребленія. Не вынеси тогда полуграмотные бояре погибающаго царства на своихъ плечахъ, не мишевать бы намъ ополяченія; а хотѣбы и явился въ нашей разрозненной средѣ „козацкой батько“, ему некуда было бы дѣться съ козацкимъ народомъ своимъ, и кончилось бы тѣмъ, что Богданъ Хмельницкій упредилъ бы Юрія Хмельницкаго въ потурначество. Землю конечно удержала бы за собой республика, покорившая Московское царство, но это не была бы уже та русская земля, которую такъ либерально, безъ кровавыхъ насилий, собралъ со всѣхъ концовъ Равноапостольный: она бы была Русью польскою. Чѣдъ же тогда? Тогда, конечно, такие города, какъ Острогъ, не стояли бы нѣмыми руинами, но въ нихъ бравурствовалъ бы шляхтичъ, поражавшій гордостью и самихъ венеціянцевъ, а въ сelaхъ кругомъ городовъ господствовали бы бездѣтные ксензы и многодѣтные жиды, держа народъ въ вѣчномъ невѣжествѣ и безвыходномъ пьянствѣ. Такая предстояла намъ будущность; отвратили ее нагольные тулуны московскіе, вѣрные совѣтники царскіе. Раскидывая умомъ по разоренному царству, обдумывая мудреныя дѣла свои въ крѣпкой думушкѣ, москали не дали восторжествовать надъ собою ляхамъ, а тѣмъ самимъ и насть отъ нихъ избавили. То было время крайне опасное.

Но мы и сами не дремали: мы учились въ братскихъ школахъ; мы устраивали разбросанную по всей отропненной Руси академію наукъ въ типографіяхъ; мы ремонтировали козацкое войско на собственный и на шляхетскій счетъ; мы не прочь были ремонтироваться и на счетъ единовѣрной Московщины. Вѣчная борьба за существованіе, которой полонъ животный міръ, заглушала въ козакахъ тѣ чувства, которые приписываются имъ относительно религії. Намъ открылся новый походъ въ московщину, и мы не стали разсуждать о различіи русской Московщины отъ турецкой Волопшины.

Королевичъ Владиславъ довоевался до того, что погибалъ наконецъ подъ Можайскомъ. Какъ собаки медвѣдя, обступили его, голоднаго и безпомощнаго, москали, и не сегодня, такъ завтра надъ нимъ повторилась бы кремлевская исторія: поляки еще разъ явились бы людоѣдами.¹⁾ Въ это отчаянное время, по вызову короля, пришло къ нему на выручку 20.000 козаковъ, тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ число недавно ограничили одною тысячею. Понятенъ восторгъ, съ которымъ гербованное войско встрѣтило негербованныхъ избавителей своихъ. Конашевича-Са-

¹⁾ Въ числѣ рукописей Императ. Шубл. Библ., находится дневникъ одного изъ сидѣвшихъ въ осадѣ поляковъ, начинающійся 1603, оканчивающійся 1613 годомъ, подъ заглавіемъ „Historya Dymitra falszywego“ (отд. польск. F. IV, № 33). Онъ напечатанъ недавно въ „Русской Библиотекѣ“, издаваемой Археографическою Коммиссіею, и содержитъ въ себѣ слѣдующую ужасную страницу:

„Ни въ какихъ лѣтописахъ, ни въ какихъ исторіяхъ нѣтъ извѣстій, чтобы кто-либо, сидящій въ осадѣ, терпѣлъ такой голодъ, чтобы гдѣ-либо былъ такой голодъ, потому что, когда не стало травы, корней, мышей, собакъ, кошекъ, падали, осажденные сѣли плѣнныхъ, сѣли трупы, вырывалъ ихъ изъ земли; пѣхота сама себя повышала и, ловя людей, стѣдала. Пѣхотный поручикъ сѣль двухъ сыновей своихъ, одинъ гайдукъ также сѣль сына, а другой—мать; также одинъ товарищъ сѣль слугу своего; словомъ—отецъ не щадилъ сына, а сынъ—отца; панъ не былъ безопаснѣ отъ слуги, слуга—отъ пана; кто кого осилилъ, тотъ того сѣль; болѣе здоровый уничтожалъ слабѣшаго. О родственнике или товарищѣ, сѣденномъ у кого-нибудь другимъ, судились, какъ о наслѣдствѣ, и доказывали, что его слѣдовало сѣсть ближайшему родственнику, а не кому другому. Такое судное дѣло случилось во взводѣ п. Лесницкаго, что гайдуки сѣли въ своемъ взводѣ умершаго гайдука. Родственникъ покойника, гайдукъ изъ другого десятка, жаловался на это предъ ротмистромъ и доказывалъ, что онъ имѣлъ больше права сѣсть его, какъ родственника; а тѣ возражали, что они имѣли на это ближайшее право, потому что онъ былъ вмѣстѣ съ ними въ одномъ ряду, строю и десяткѣ. Ротмистръ, какъ новичокъ, не зналъ, какой сдѣлать приговоръ и, опасаясь, какъ бы недовольная сторона не сѣла самого судью, бѣжалъ изъ трибунала. Во время этого страшного голода, появились разныя болѣзни, и такія страшные случаи смерти, что нельзѧ было смотрѣть безъ плача и ужаса на умирающаго человѣка. Я многое насмотрѣлся на такихъ. Иной пожиралъ землю подъ собою, грызъ руки, ноги, тѣло свое, какъ могъ пожиралъ и, что всѣго хуже, хоть желалъ бы умереть, да не могъ умереть, кусаль камень или кирпичъ, прося Господа Бога превратить въ хлѣбъ, но не могъ откусить. Ахъ! Ахъ! слышалось вездѣ по крѣпости, а внѣ крѣпости — плѣнъ и смерть. Тяжкая это была осада! ужасныя перенесли мы страданія!“

гайдачнаго еще въ полѣ привѣтствовала депутація, подъ предводительствомъ мстилавскаго воеводы, который, отъ имени королевича, вручилъ ему булаву и королевское знамя. Такимъ образомъ уничтоженное отцомъ возстановлено сыномъ, и это было совершенно позволительно и резонно въ польской политикѣ: въ случаѣ чего, Сигизмундъ могъ отказаться отъ манифестаціи Владислава, равно какъ и папы его рады имѣли полную возможность назвать постуپокъ погибшихъ и спасенныхъ козаками братій своихъ опрометчивымъ. Такимъ онъ и считался: онъ игнорировалъ во всѣхъ официальныхъ письменахъ того времени. Козацкія права, приобрѣтенные спасенiemъ польской арміи, какъ подъ Можайскомъ, такъ, впослѣдствіи, и подъ Хотиномъ, сохранены за ними только ихъ оружіемъ. Чѣдъ касается собственно до Сагайдачнаго, то онъ торжествовалъ подъ Можайскомъ двойную побѣду: и надъ козачествомъ, которое безумно рвалось биться съ ляхами, и надъ шляхетствомъ, которое диктаторски предписывало ему, въ Ольшанской комиссіи, покорность. Это была побѣда благородная: она не стоила никому капли крови, но тѣмъ не менѣе дала побѣдителю силу надъ обѣими борющимися партіями. Козаковъ поставилъ онъ относительно себя, „какъ малыхъ дѣтей“,¹⁾ которыхъ должны слушаться взрослаго, а королевича съ его шляхтою—какъ панскихъ недорослей. Онъ далъ имъ возможность выпутаться изъ несостоятельной, вѣтреної экспедиціи и, пользуясь затруднительными обстоятельствами молодого царя, заключить съ нимъ выгодный миръ. Деулинское перемиріе на 14 съ половиною лѣтъ дало Польшѣ, не на долголѣтнєе, впрочемъ, торжество, Смоленскъ, Черниговъ и другіе сѣверскіе города: это была заслуга Сагайдачнаго, приписанная конечно мужеству польского войска и благоразумію предводителей онаго.

¹⁾ Слова кобзарской думы:

Тоді козаки стали въ раді, якъ малыі діти.

Новымъ походомъ въ православную Московщину область эксплоатации козацкой опять разширилась. Религиозное войско козацкое преисправно грабило единовѣрную московскую Русь, такъ точно, какъ и Волощину. Оно, еще до соединенія съ королевичемъ подъ Можайскомъ, „взяло взятьемъ“ нѣсколько московскихъ городовъ (конечно, не съ цѣлью помолиться въ церквяхъ) и разогнало нѣсколько царскихъ ополченій. Какое впечатлѣніе производили на своихъ единовѣрцевъ эти мнѣмые рыцари церкви, можно судить по рукописному сказанію нѣкоего благочестиваго инона объ осадѣ Желѣзопольской Устюжны, называемой, вмѣсто замка, острогомъ, въ 1609 году. „Аки дождь, напустиша ко острогу изгономъ; кличъ великъ испустиша и въ разные пѣскове вострушиша, аки зли волци скачуще и яко злі аспиды шипяху, поглотити хотяще весь градъ“. ¹⁾ Но, когда соединенные войска приступили къ самой Москвѣ, когда козаки пробились уже къ Арбатскимъ воротамъ и выломали петардою ворота Острожны, раздавшійся въ Москвѣ звонъ утреннихъ колоколовъ, по мнѣнію одного изъ нашихъ „ученыхъ“, заставилъ козаковъ сотворить крестное знаменіе и прекратить приступъ. ²⁾

¹⁾ Замѣчательно, что, со временъ Ягайла, русины отличались пушкарскимъ искусствомъ. Шайноха („Jadwiga i Jagiejo“), описывая осаду крымской крѣпости Маріенвердеръ въ 1384 году, говоритъ, что тамъ была „nadzwyczajnie wielka liczba rozmaitych machin wojennych, znajdujacych sie w wojsku litewskim i kierowanych przez puszarzy ruskich, ktory to naród (это слова великаго магистра) wielce tu bieglym okazał sie w tej sztuce“. Наливайко, по свидѣтельству современника, былъ „знаменитый пушкарь“. Въ упомянутомъ сказаніи говорится о пушкарѣ Капустѣ. Защитники острога сдѣлали вылазку, „побѣждающе враговъ своихъ и яко траву посѣкающе, и пушку мѣдную взяша во острогъ, и пушкаря тоя пушки, нарицаемаго Капусту, на уды разсѣкоша, и главу его на высоко древо взоткоша на пути, еже бы имъ видѣти“.

²⁾ Это мнѣніе заявилъ покойный М. А. Максимовичъ, одинъ изъ бездарнейшихъ людей, когда-либо бравшихся за перо литератора. И бы прошоль молчаниемъ эту нелѣпость, въ числѣ множества другихъ, которыми полны наши историческія сочиненія, эти сборники келейныхъ и кабинетныхъ легендъ, но она представляетъ фактъ характеристический: она явилась, въ 1850 году, подъ перомъ бывшаго ректора Киевскаго университета и члена разныхъ ученыхъ об-

Между тѣмъ какъ въ Украинѣ, съ самой зими и провесни 1618 года, королевскіе урядники агитировали въ городскихъ и сельскихъ сборищахъ съ цѣлью вызвать козаковъ къ походу на помошь королевичу, въ чомъ и успѣли, — въ Польшѣ, вліяніей на судьбу Украины,шли оживленные толки о томъ, что дѣлать съ козаками. Это была корпорація, крайне неудобная для Речи-Посполитой. Послѣдніе татарскіе набѣги и перевѣдыванія съ турками приписывались козакамъ. О Потоцкомъ, Корецкомъ и Вишневецкомъ съ ихъ панскими компаніями, безъ всякаго сомнѣнія, не одинъ только Жовковскій заливъ свое мнѣніе, какъ о главной причинѣ возни съ турками; но голоса людей прямодушныхъ составляли въ Польшѣ, какъ и везде, меньшинство. Все-таки надобно отдать польскому обществу честь: что не всѣ въ немъ безумствовали; не всѣ раздѣляли взглядъ вельможъ на внутреннюю политику; не всѣ относились къ козачеству съ точки зрењія крупныхъ землевладѣльцевъ украинскихъ; не всѣ были ослѣплены даже сословными предразсудками. Намъ извѣстенъ въ печати одинъ изъ представителей зрячихъ среди слѣпцовъ. Это былъ земскій писарь заторскій, Криштофъ Пальчовскій. Онъ, ко времени сеймового съѣзда 1618 года, выпустилъ въ свѣтъ брошюру, подъ заглавиемъ: „O Kozakach, ieželi ich zniesc, czyli nie, Dyskurs“. ¹⁾ Въ этой брошюрѣ Пальчовскій старался доказать, что уничтожить козаковъ было бы, во первыхъ, безчестно, во

ществѣ (въ томъ числѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ). Возможность появленія въ печати такой монографіи Сагайдачнаго отъ имени заслуженнаго дѣятеля науки, какая напечатана Максимовичемъ въ „Кievлянинѣ“ 1850 года, опредѣляетъ уровень нашей исторіографіи вообще. Это говорится не въ укоръ добрымъ трудолюбцамъ, а въ напоминаніе: что пора оставить кумовство въ литературѣ, и взяться за исторію посеръзинѣ.

¹⁾ Разсужденіе по вопросу о козакахъ: уничтожить ли ихъ, или нѣть. Весьма рѣдкая брошюра, хранящаяся въ Императ. Публ. Библ. Къ ней слѣдуетъ примѣнить сказанное мною о гоненіяхъ на книгу Папроцкаго „Panosza“. (См. т. I, прим. къ стр. 107.) Панъ Туровскій, издавая, въ Краковѣ, рядъ замѣчательныхъ сочиненій, сдѣлавшихся рѣдкими, подъ заглавиемъ: „Biblioteka Polska“,

вторыхъ — бесполезно, а въ третьихъ — не возможно. Вотъ его собственный слова: „Уничтожать козаковъ, по требованію непріятеля (турка), — дѣло безчестное. Украинская республика (*rzeczpospolita ukrainna*) такъ ужъ прославилась по всему свѣту, что другіе народы почитаютъ ее за единственную твердыню и оборону нашего королевства, о чомъ я наслушался въ Германіи при дворѣ епископа вроцлавскаго и епископа саксонскаго.—Турокъ требуетъ уничтоженія козаковъ (продолжаетъ Пальчовскій); но слѣдуетъ ли, по желанію язычника, уничтожать христіян? и не значить ли это, терзать собственную утробу, если мы будемъ истреблять людей, которые уже около ста лѣтъ, какъ поселились на своихъ мѣстахъ? Потомъ онъ переходитъ къ пользѣ, принесенной козаками королевству. „Развѣ это малая польза, что козаки часто отнимали у татаръ добычу и выручали множество народа у нихъ изъ неволи? Развѣ это малая польза, что они нападаютъ на самаго могущественнаго врага святого креста и поражаютъ его при всякомъ удобномъ случаѣ? Разорили ему Очаковъ, Тегиню, Бѣлгородъ; захватывали въ степяхъ его стада, и сколько у нихъ есть огнестрѣльного оружія, то все частью забрали въ турецкихъ крѣпостяхъ, частью отняли у татаръ. Развѣ это малая польза, что прежде бывало турки и татары всюду по берегамъ Днѣпра пасли свои стада, а теперь и за Днѣпромъ, болѣе чѣмъ на десять миль, не смѣютъ пасти? Неужели для насть не выгоднѣе, что въ сосѣствѣ съ нами живутъ козаки, чѣмъ еслибы жили турки или татары? Прежде бывало татарамъ за обычай почти ежегодно не только около Бара или Кременца, но около Сендомира около Опатова, около Завихоста грабить насть; а когда, по милости

не перепечаталъ, однажды, ни брошюры Пальчовскаго, ни *Panoszy Papro茨kаго*, ни сочиненія Эразма Гличнера о воспитаніи дѣтей, напечатанного въ Краковѣ 1558 года. Всѣ эти весьма важныя для исторіи, можно сказать, уникаты были бы крайне непріятны для польской публики. Такъ фанатические предки вліяютъ на просвѣщенное, якобы, потомство!

сти Божієй, настали козаки, то ни одинъ разъ орда не осмѣлилась вторгнуться такъ глубоко въ наши земли". Далѣе Пальчовскій исчисляетъ козацкіе подвиги въ пользу королевства и, наконецъ, заключаетъ, что, если и при Стефанѣ Баторіѣ пайдепо крайне опаснымъ уничтожать козаковъ, то тѣмъ болѣе это опасно теперь, когда сила ихъ такъ много увеличилась.

Видно, вслѣдствіе подобнаго взгляда извѣстной части общества на козацкое дѣло, и король Сигизмундъ III, въ пропозиції своей на сеймъ 1618 года, пришолъ къ такому заключенію по вопросу о козакахъ: „Уничтожать козаковъ — дѣло трудное, но усмирить ихъ и подчинить законнымъ властямъ было бы возможно, еслибы сеймъ и украинскіе паны единодушно согласились на это и бросились гасить этотъ страшный домашній огонь“.

Вернулись козаки изъ Московицны поздно осенью и, какъ сила, которую наконецъ признавали всѣ, сдѣлались предметомъ искательства со стороны противниковъ унії, то есть благочестивыхъ мѣщанъ и ихъ тѣснаго духовенства. До тѣхъ поръ не было слышно, чтобы мѣщане или духовенство соединяли свое церковное дѣло съ козацкимъ. Общность двухъ братствъ, городского и степнаго, украинскаго и запорожскаго, церковнаго и козацкаго, заявлена впервые жестокосердымъ утопленiemъ въ проруби Грековича, которое позорило бы нашу церковь, еслибъ она имѣла тогда іерархію и отъ ея имени прибѣгала къ подобнымъ мѣрамъ. Но то было время всеобщей неурядицы. Козаками начали страшить унитовъ и католиковъ; съ козаками, послѣ московскаго похода, начали носиться; о козакахъ даже панскіе нунці доносили въ Римъ, что они составляютъ одну изъ главныхъ помѣхъ распространенію въ народѣ унії, что ихъ будто-бы уже 60.000, и тому подобное. Князя Василія 12 лѣтъ уже какъ не было на свѣтѣ: некѣмъ было запугивать противниковъ, какъ бы ни велики были глаза у страха. Мѣщане стали заискивать ласки у новыхъ украинскихъмагнатовъ, магнатовъ грубой, почти разбойницкой силы.

Что касается до русскихъ пановъ, то они, видя церковь свою въ полномъ упадкѣ и презрѣніи, чаше прежняго переходили въ католичество. Даже дома, которые вчера еще, подъ вліяніемъ ревнителей отеческой вѣры, дѣлали торжественные записи на поддержаніе древняго русскаго благочестія, сегодня, подъ на-шептомъ латинцевъ, отдавали дочерей своихъ въ католическая семейства и собственною кровью помогали размноженію ла-тинскихъ прозелитовъ. Такъ, въ числѣ прочихъ, поступиль домъ мозырскаго старосты Лозки, котораго почтенная представи-тельница, Анна Степановна, урожденная Гуловичева, въ 1615 году, завѣщала кіевское дворище свое подъ Богоявленскій обще-жительный монастырь и положила основаніе великому русскому дѣлу — Киевской Духовной Академіи. Она, въ просвѣтительной ролѣ Кieва, была другою Ольгою, которая была первымъ и лучшимъ апостоломъ христіянства въ днѣпровскихъ областяхъ; но дочь этой дорогой для нашей памяти Анны, иначе Гальшки, по имени Софія, выдана была за Стефана Аксака, старшаго сына Яна Аксака, того Яна Аксака, земскаго писаря, а впослѣд-ствіи суды кіевскаго, который принялъ подъ свое покрови-тельство самозваннаго князя Половца Рожновскаго, товарища по оружію Криштофа Косинскаго. Церковныя братства лишились въ русскихъ панахъ даже такой гнилой опоры, какою служилъ имъ прежде домъ князей Острожскихъ, и естественно должны бы-ли ухватиться за разбогатѣвшее, усилившееся и разбужавшееся, въ сознаніи силы своей, Запорожское Войско. Вскорѣ это войско въ лицѣ своего гетмана, Сагайдачнаго, сослужило имъ великую служ-бу. Но, чтобы имѣть передъ глазами всѣ элементы общества, сре-ди которыхъ дѣйствовалъ просвѣтительный элементъ русской цер-кви, намъ необходимо отъ Киевской, всячески разоренной, земли еще разъ обратиться къ карпатскому подгорью, гдѣ до-татарская русь нашла убѣжище послѣ погрома, гдѣ воскресли военные до-блести древнихъ буйтуровъ, но гдѣ русскій языкъ, русскій обы-

чай и русская церковь должны были выдержать самое первое и самое сильное нападение со стороны полонизма и латинства. Въ этомъ подгорѣ, какъ уже не разъ было упомянуто, явились рыцари, отстаивавшіе новый славянскій міръ отъ монгольского съ наслѣдственnoю преступностью. Но мы съ ними знакомились въ боевомъ лагерѣ, въ походахъ, въ военныхъ транзакціяхъ. Намъ надо познакомиться съ ними у нихъ дома, посмотретьть, какъ они росли, мужали и добывали себѣ широкую, европейскую славу.

ГЛАВА XVII.

Шанско-мужицкий центавръ на Руси.—Общественные добродѣтели русскихъ пановъ.—Поддержка монархической власти.—Благоустройство и порядочность панского быта.—Достоинство связей между патрономъ и dependentами.—Европейская образованность.—Коронный гетманъ вмѣстѣ съ землевладѣльцами защищаетъ Украину отъ татаръ.

Обыкновенно на представителей польского элемента среди руси историки смотрятъ изчука, и занимаются, какъ прямымъ предметомъ своихъ изслѣдований, или русскимъ духовенствомъ, или патронами церкви, или же козаками и хлѣборобами. По моему, это—большое недоразумѣніе. Тогдашняя русь дѣлилась на двѣ неравные части: меньшую часть составляли мѣщане съ козаками и городскимъ духовенствомъ, да тѣ паны, которыхъ можно было назвать, пополамъ съ грѣхомъ, представителями русского элемента; несравненно большую часть составляли сельскіе промышленники, ратаи, будники, мѣрбшники, рыбалки, винники, броварники, разные сельскіе мастеровые и вся панская челядь, считавшаяся сотнями, а въ такихъ домахъ, какъ домъ Острожскаго, тысячами, вмѣстѣ съ сельскими попами, которые составляли, можно сказать, часть крестьянства. Надъ этой большей половиной населенія нашей от-розненной Руси господствовали инструменты ея отрозненности, то есть дворяне, которыхъ болѣе сильная часть примила Сигизмунду-Католику, въ томъ числѣ и такие люди, какъ Острожскій (до временнной ссоры за унію), а болѣе слабая не имѣла рѣшимости

стать открыто на сторону церковныхъ братствъ, какъ сдѣлали, въ 1620 году, козаки, и, принося одной рукой жертвы для утверждения древняго русскаго благочестія, другую протягивала на родственный союзъ съ латинцами, какъ сдѣлалъ домъ Лозки, мозырскаго маршала. Независимо же отъ вѣры и народности, эта слабѣйшая часть русскаго дворянства, по сословнымъ интересамъ, была какъ нельзя болѣе солидарна съ передовиками своими, и въ этомъ смыслѣ, составляла одно цѣлое съ такими отступниками православія *de jure*, каковъ былъ Замойскій, и съ такими отступниками православія *de facto*, которыхъ образомъ было семейство князя Острожскаго. Все же дворянское сословіе отрезненной Руси взнуджало сельскій людъ подданствомъ, осѣдало полноправностью и низвело до уровня безсловесной рабочей силы. Въ этомъ чисто материальномъ смыслѣ, русскій панъ представлялъ существо, нераздѣльно связанное съ крестьяниномъ, и только такимъ образомъ слѣдуетъ ставить ихъ обоихъ на историческую сцену. Крестьянинъ безъ пана не былъ бы хлопомъ, не былъ бы подданнымъ: онъ былъ бы мѣщанинъ или козакъ; и панъ безъ крестьянина не былъ бы шляхтичемъ, не былъ бы *urodzonym* (благороднымъ) и не имѣлъ бы никакой градаціи въ сословномъ могуществѣ. Это были конь и всадникъ, взятые вмѣстѣ; это былъ центавръ, котораго верхняя часть предназначена для утонченныхъ операций, а нижняя — для операций грубыхъ. Намъ хорошо слѣдуетъ знать это чудовище, неестественно сросшееся и неестественно отправляющее свою житейскую функцію, если желаемъ видѣть ясно другую, болѣе человѣкообразную часть русскаго общества.

Не такъ смотрѣли на пановъ современники, даѣ и тѣ, которые страдали больше другихъ отъ панскаго полноправства, даже и козаки, даже и православное духовенство, составлявшее слабую, но единственно-русскую интеллигенцію родного края. Явление признавалось почти нормальнымъ, и сущности борьбы двухъ

несовмѣстимыхъ началь общественныхъ никто бы въ тѣ времена не умѣль назвать. Боролись изъ-за того, что кой-кому было слишкомъ тѣсно, а откуда собственно происходила тѣснота, такая радикальность взгляда была русскому уму еще не по силамъ. Тѣмъ менѣе сознавали свою узурпацию шаны, и вотъ почему надобно знать намъ, сколько въ нихъ было доброго.

Мы нашли весьма мало доброго въ домѣ князя Василія. То просвѣщеніе, которое водворилось было въ Острогѣ, не ему принадлежало. Оно было насаждено пришельцами на панскомъ грунтѣ, и изчезло безъ слѣда съ удаленiemъ своихъ дѣлателей: острожскій вертоградъ *de facto* не имѣлъ хозяина. Чѣмъ касается до добродѣтелей семейныхъ, то князь Василій относился весьма грубо къ родственнымъ узамъ и, въ свою очередь, какъ показываютъ его письма къ зятю Радзивилу, сильно страдалъ отъ нахальства дѣтей. Этотъ полупольскій магнатъ далеко не былъ образцомъ добрыхъ нравовъ и даже послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, которая бы выражала, хоть и злой, но сильный характеръ. Будучи первымъ по своему положенію между историческими, то есть именуемыми въ исторіи, дѣятелями, князь Василій былъ между ними послѣднимъ по ничтожеству своихъ умственныхъ концепцій. Ни православные, ни латинцы не могли идти по слѣдамъ его ни въ какомъ отношеніи, кромѣ развѣ накопленія миллионовъ подъ время великихъ смутъ и крайней опасности государства.

На бѣду русскому элементу, который одинъ и могъ бы процвѣтать на древнемъ поприщѣ русской жизни, въ землѣ Киевской, въ землѣ Галицкой, въ Подоліи, на Волыни и во всей Литвѣ,— со стороны главныхъ отступниковъ православія, этихъ Жовковскихъ, этихъ Замойскихъ, этихъ Потоцкихъ и Вишневецкихъ, заявлены были такія доблести, которыхъ патроны русской церкви вовсе не имѣли. Если прозелиты латинства и полонизма не были люди, то все-таки это были смѣлые и гордые львы, а не

быки подъяремные, какъ русскіе магнаты. Но, увы! они были именно люди (мы хвалимъ ихъ, тоскуя объ ихъ исторической славѣ)... Да, они были людьми въ свой малолюдныи вѣкъ гораздо въ высшей степени, чѣмъ наши святопамятные и препроправленные. Лучшее, чтѣ завѣщала намъ богатая природными дарами старина до-татарская, подхватили въ свой кругъ убогіе поэзію лхіи, и, еслибы успѣли подхватить еще такихъ людей, какъ авторъ „Апокрифса“, какъ Іоаннъ Вишенскій, Іовъ Борецкій и Петръ Сагайдачный,— победа Рима надъ вселеною была бы полная. Но „золотою удицею“ не всякую рыбу „подобаетъ ловити“: ихъ, этихъ евангелистовъ русской свободы, можно было уловить только тѣмъ словомъ правды, которымъ были одарены „ловцы человѣковъ.“

Все-таки представители *народа*, въ шляхетскомъ смыслѣ слова, очутись на сторонѣ антинародниковъ, то есть коренныхъ лхіевъ, лехитовъ, дѣйствовали въ пользу ихъ могущественно, дѣйствовали не столько богатствомъ, не столько образованностью своею, сколько возвышеннымъ пониманіемъ идеи государя и своего долга къ тому, что у полковъ слыло государствомъ. Сигизмундъ-Католикъ явился, въ глазахъ нашихъ русскихъ людей, личностью почти высокою, будучи крайне неспособенъ къ правлению,— во всякому случаѣ, особою, священною для всего русского общества, за исключеніемъ одичалыхъ въ пустынѣ сиромахъ, которые позволяли себѣ сѣ-пьяна, чтѣ называется, *чукати всячину*, подобно нашему Шевченку. Это очарованіе, столь необходимо для правителя государства, производилъ тотъ культь, которымъ представители шляхетскаго народа русскаго, Замойскіе, Жовковскіе, Потоцкіе, Гербурты, Сінявскіе,— не изъ угодничества, а въ сознаніи важности идеи, связующей государство,— окружали клеврета римскаго папы; производило это спасительное для государя и государства очарованіе то благоговѣніе, съ которымъ они, не для виду, но по натурѣ своей, приближались къ

особъ монарха: чувство прекрасное, служеніе доблестное, но для идей возсоединенія Руси крайне вредоносное.

Я въ своемъ мѣстѣ укажу, откуда этому культу явилась реакція въ пользу царя московскаго, и какъ благоговѣніе къ монархической власти было перенесено отъ Сигизмунда Вазы на Михаила Романова, а потомъ—на типшайшаго изъ государей, умѣвшаго, въ простотѣ своей, царствовать почти столь же плѣнительно, какъ Екатерина Вторая—во всеоружії ума своего. Теперь прошу моего читателя вспомнить, что Янъ Замойскій не удовлетворился этически тѣмъ высокимъ, по своему времени, просвѣщеніемъ, какое видно въ авторѣ книги „De Senatu Romano“: онъ желалъ блага науки, которыми пользовался самъ, распространить на весь край, на всю родину свою и, если можно, на всю Польшу: онъ основалъ въ своемъ городѣ Замостьѣ академію (1595 годъ). На устройство этого всеучилища, Замойскій пожертвовалъ не такую щепотку золота, какую бросилъ князь Василій на свою славяно-греческую школу и типографію. Академія Замойскаго снабжена была громадною библіотекою съ архивомъ при ней (сожженную въ Хмельницину), снабжена и всѣми удобствами для лучшихъ ученыхъ, какіе только согласились оставить Европу ради щедрой Скиѳи, и самъ Замойскій былъ президентомъ этой академіи de facto. Преподаваніе наукъ возведено было въ ней на такую высокую степень, что коронный гетманъ Жолковскій завѣщалъ вдовѣ своей воспитывать сына не въ заграничныхъ университетахъ, а въ Замостьѣ.¹⁾ Янъ Замойскій дѣйствовалъ не одинъ: по пословицѣ: *similia similibus gaudent*, дворъ его состоялъ не изъ такихъ людей, которыхъ больше всего занималъ чудовищный аппетитъ обжоры Богданка, или огромное жалованье, получаемое

¹⁾ „W Zamosciu się zaczęła nauka godna dzieci szlacheckich, i wolę, ze go tu w Polsce, nizli gdzie indziej do cudzey ziemie, uczyć dasz“: слова духовника завѣщанія Жолковскаго.

каштеляномъ за лакейскую службу.¹⁾ Нѣть, иного рода интересъ привлекалъ шляхту въ домъ Замойскаго, — интересъ глубокой науки, на сколько наука вообще была глубока въ концѣ XVI вѣка.

Между такъ называемыми „старшими слугами“ дома Замойскихъ были люди съ образованіемъ докторскимъ, чemu доказательствомъ можетъ служить біографія Єомы Замойскаго, написанная, по воспоминаніямъ, однимъ изъ его слугъ, Журковскимъ.²⁾ Эта біографія, изложенная „simplici stylo et sine ornatu“,³⁾ дасть понять, какъ жили дома люди, старавшіеся истребить, или по крайней мѣрѣ обуздать козачество. Въ ней выступаютъ на явь нравы и обычаи, достойные вниманія историка и соціолога. Единичныя явленія, представленныя Журковскимъ съ простотою правды, даютъ намъ высокое понятіе о строѣ католико-русскаго общества въ его аристократической сфере. Это были люди, выдавшіе все лучшее, чѣдѣ произвела до тѣхъ поръ Европа, усвоившіе себѣ порядочность цивилизованнаго быта и проникнутые желаніемъ общаго блага, въ томъ видѣ, какъ они его понимали. Это были, можно сказать, добродѣтельныя римскіе граждане. По видимому, этимъ достойнымъ представителямъ польского элемента на Руси предстояла въ потомствѣ прочная будущность. Но ихъ погубило то, что они безсознательно были заражены принципомъ вельможества, крупнаго землевладѣнія, всеподавляющаго широкаго хозяйства. Строгое, достойное классическихъ римлянъ, примѣненіе къ жизни этого рокового принципа привело ихъ къ печальному, непредвидѣнному, никѣмъ концу: они должны были, съ своимъ высокимъ умственнымъ развитиемъ, съ своею предприимчивою куль-

¹⁾ Каштелянъ за то, что дважды въ годъ стоялъ во время обѣда за столомъ князя Василія, получалъ 70.000, злотыхъ чѣдѣ составляется *заработка по крайней мѣрѣ по 10.000 злотыхъ въ часъ.

²⁾ Она издана только черезъ 217 лѣтъ по написаніи (въ 1643 году) и поднесена внуку Яна Замойскаго, котораго старый слуга дома старался руководить на дорогѣ жизни.

³⁾ Языкомъ простымъ, безъ украшеній.

турою, даже съ своими гражданскими заслугами и добродѣтелями, посторониться передъ тѣмъ мѣтлохомъ, который они, по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ, какъ имъ казалось, должны были презирать, и презирали. Ихъ положеніе въ исторіи Польши и Руси—по истинѣ трагическое: они процвѣтали, аки финикъ, и высились, аки кедры ливанскіе, но пышный цвѣтъ и гордый ростъ были даны имъ какъ-будто только для того, чтобы убогій и отверженный ими русинъ повторялъ торжествуя: „и мимоидохъ, и се не бѣ“. Они не знали за собою пагубнаго грѣха, но тѣмъ не менѣе были обречены на гибель. Объ нихъ невольно вспоминается, когда читаешь слова Іова: „Аще бо нечестіе сотворихъ, не вѣмъ душою мою: обаче отъемлется ми животъ“. Поляко-русы наши потеряли животъ свой, свою политическую и народную будущность, а по учению политico-экономистовъ, даже и славу, которая принадлежитъ успѣху,— не за то, что, по натурѣ своей, были злы и расположены къ беззаконію, а за то, что измѣнили убогимъ и невѣжественнымъ братьямъ ради богатыхъ прелестниковъ, ради просвѣщенныхъ всемирныхъ обманщиковъ. Они, если можно здѣсь выразиться понародному, „потурчались, побусурманились, ради панства великого, ради лакомства непчастнаго“.

Но покамѣсть, въ виду загнанной русской черни, спившейся съ круга, озлившейся, какъ дурно третируемая собака, хищной и неисправимой въ своей хищности,— въ виду полуазіатцевъ козаковъ, противодѣйствовавшихъ государственной политикѣ, стояла величаво и самосознательно дѣланная изъ русской Азіи латинская Европа, стояла она подъ Карпатами, на самомъ сильномъ посту недобитковъ татарскихъ. Такъ точно, не на своемъ мѣстѣ, не въ тонѣ общей картины, красовалась и церковь этой дѣланной Европы, въ виду церкви туземной, обетшалой и заброшенной прежними ктиторами своими. Такъ точно, иностранцемъ средиaborигеновъ, стоялъ и панский ксензъ, въ виду отверженного рус-

скаго цопа, который только въ простонародной корчмѣ находилъ по себѣ компанію.

Аристократическій домъ Замойскихъ, лишась, въ 1605 году, главы своего, знаменитаго канцлера королевства, представилъ примѣръ внутренняго благоустройства не въ параллель дому Острожскихъ. Опекунъ малолѣтняго сына его, Фомы, съ благородною вѣриностью принятому на себя обязательству, выполнили начертанный отцемъ планъ воспитанія сына. Рассказъ Журковскаго о томъ, какъ онъ, уже въ 1609 году, когда Фомѣ Замойскому было 16 лѣтъ, началъ служить ему въ его комнатѣ,¹⁾ переноситъ насъ далеко за Карпаты. Утонченность быта, порядочность жизни, строгость выполненія программы образованія, въ осиротѣломъ домѣ Замойскихъ, напоминаютъ лучшее время возрожденія наукъ въ Италии, съ исключеніемъ только итальянской чувственности, которой отнюдь не давали мѣста въ резиденціи молодого магната.

Съ Фомою Замойскимъ воспитывался Николай Потоцкій, будущій герой козацко-шляхетскихъ войнъ, и еще нѣсколько молодыхъ людей изъ знатнѣйшихъ фамилій. Профессоры Замойской академіи и старшіе слуги, или лучше сказать вассалы дома, составляли такой ученый и рыцарскій кругъ, въ которомъ юноша могъ обогатиться разнообразными, доступными для того времени знаніями и благородными примѣрами жизни. Любимою наукой молодого магната была математика, въ приложеніи къ военному дѣлу. Въ архивѣ академической библіотеки, по словамъ Журковскаго, хранились фоліанты чертежей и объясненій къ нимъ, составленные собственноручно Фомою Замойскимъ; но мало ли что погибло въ этомъ архивѣ по милости нашего Хмельницкаго?

Въ 1612 году, Фома Замойскій окончилъ курсъ наукъ въ до-

¹⁾ Польские аристократы никогда не дозволяли приближаться къ себѣ слугѣ не-шляхтичу. Отъ этого все, что наполняло панская домъ во время обѣда, кейфа или кабинетныхъ занятій, составляло нечто однородное по образованности.

машней академіи своей и, согласно оставленной отцемъ программѣ, поступилъ въ высшую школу. Это была школа практическо-военная, подъ начальствомъ короннаго гетмана Жовковскаго, этого Эпаминонда польско-русскаго, столь же извѣстнаго своею прямотою и безкорыстiemъ, сколько и талантами полководца. Знатный панъ поступалъ на службу не одинъ: онъ приводилъ болѣе или менѣе значительный контингентъ шляхты, выбранныевъ и чужеземной пѣхоты въ полномъ вооруженіи, и покрывалъ изъ собственныхъ доходовъ всѣ издергки похода или войны. Такъ поступилъ и јома Замойскій.

Въ то время неудачное покушеніе Стефана Потоцкаго на Волощину, по тайному порученію короля, привело во владѣнія Рѣчи-Посполитой татарскую орду. Замойскій не довольствовался командованіемъ надъ своимъ отрядомъ въ полѣ; онъ лично несъ дневные и ночные труды простого войскового товарища. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 800 воиновъ; его артиллерія была лучшою въ коронномъ войску; но онъ по цѣлымъ почамъ, не вставая съ коня, отбывалъ полевую сторожу съ своей хоругвию, хотя, какъ волонтеръ, и не обязанъ былъ идти вмѣстѣ съ ротами-страми въ очередь. Важно здѣсь то обстоятельство, что онъ требовалъ того же отъ знатной молодежи, которую отцы отдавали къ нему въ службу. Обыкновенно знатная молодежь услаждала себѣ походную стоянку въ лагерѣ ночными оргіями, игрою и разными забавами. Замойскій давалъ имъ примѣръ, какъ проводить ночи подъ панцыремъ, на дождѣ и вѣтру, исполняя въ точности все, чтѣ прикажетъ стражникъ.

Такъ выковывались магнатами инструменты для обузданія козацкаго своевольства, для подавленія народной русской силы, проявлявшейся отрицательно. Въ такихъ же добродѣтельно-губительныхъ кружкахъ, какіе собирались около Жолковскихъ и Замойскихъ, ковались инструменты и для разрушенія русской церкви, инструменты надежные. Ежедневно въ палаткѣ Замойскаго

домовый капелланъ отправлялъ св. мису (обѣдю), а передъ мищею молодой магнатъ совершалъ всѣ установленныя латинскою церковью молитвы. Эта церковь умѣла дѣлать свое дѣло; ея апостолы ведены были безукоризненно; ея тактика не имѣеть въ исторіи примѣра для сравненія; и одно только не дало ей овладѣвать русскую почву, или—что все равно—овладѣть вселеніемъ: она не догадалась, что не шляхта—народъ, что шляхта—не народъ.

Біографъ молодого Замойскаго ведеть его съ похода въ походъ, описываетъ его участіе въ трактатахъ съ турецкими уполномоченными, знакомить его съ аристократическими домами, послыаетъ на сеймъ, заставляетъ скромно, но съ достоинствомъ принца, фигурировать передъ королемъ и сенаторами, и во всемъ этомъ даетъ намъ понять, какъ высоко поставленъ былъ польскій аристократизмъ, и какъ онъ долженъ былъ импонировать менѣе знатную русь. Что отъ него спасало нашу народность? Запорожская дикость съ одной стороны, мѣщанская отверженность — съ другой, монастырскій аскетизмъ — съ третьей. Четвертую сторону составляло сельское простонародье, но оно было нераздѣльною частью польско-русскаго центавра; оно давало ему силу воевать, хотя не пользовалось его завоеваніями.

Два съ половиною года провелъ Єома Замойскій въ разнообразныхъ положеніяхъ: онъ бывалъ—то воиномъ, то землевладѣльцемъ, то гостемъ, то хозяиномъ, то представителемъ своей земли на сеймѣ то академикомъ, окруженнymъ учеными. Въ концѣ 1614 года, онъ отправился, въ чужie края, окруживъ себя напередъ людьми, бывалыми за границею и способными не только вездѣ и во всемъ найтись, не только поддержать его достоинство всюду; но и содействовать его образованію. Это былъ путешествующій монархъ, а не помѣщикъ. Три года прожилъ онъ въ Европѣ для обогащенія ума своего опытомъ и наблюдениемъ, во исполненіе отцевской духовной; долго жилъ при

дворѣ англійскаго Стюарта, которому трезвый бунтовщикъ Кромвель отрубилъ голову въ то время, когда пьяный бунтовщикъ Хмельницкій рубилъ головы „королятамъ“ Яна Казимира; по-томъ исчерпалъ все, чтѣ могъ дать вельможъ, рыцарю полководцу и философу тогдашній Парижъ; видѣль Италію, колыбель возрожденія науки, и, наконецъ, подвергся въ Римѣ тому, чтѣ, увы! считалось вѣнцомъ всѣхъ доблестей,— публичному обоготовленію паны среди новоязыческаго Рима: въ торжественныхъ процессіяхъ, Замойскій носилъ передъ паною тяжелый крестъ, на удивленіе зрителямъ; на тѣлѣ у него была власяница, и шолъ онъ по римской мостовой босыми ногами.

Всѣ имѣвшіе дѣло съ юношескимъ Замойскимъ, какъ на Руси, такъ и въ Польшѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что это былъ высоко просвѣщенный человѣкъ, что это былъ мужественный воинъ и примѣрный христіянинъ, который до того простирая свою на-
божность, что даже бичевался. Отецъ его едавали уступаль ему въ которой-либо изъ его добродѣтелей, нужды нѣть, что, при всей широтѣ своей орбиты, все-таки, позволяя себѣ экзорбитан-
ціи; сынъ его шолъ по слѣдамъ отца и дѣда. И чтѣ же? Всѣ пожертвованія Замойскихъ для просвѣщенія родного края, всѣ подвиги ума, мужества и самопосвященія, всѣ добродѣтели, быв-
шія въ ихъ роду наследственными, обратились въ ничто. Почему же это? Единственно потому, что ихъ руководителями, католи-
ческими прелатами, лукаво истолкованъ былъ текстъ апостола
Павла о любви къ ближнему; что благодатный смыслъ этого
текста съуженъ ими до кружка избранныхъ, что plebs, эта
громадная масса меньшихъ братій нашихъ, лишена была права
людей,— права называться народомъ. Латинскіе прелаты, войдя
въ простацкую Русь съ облагороженою якобы церковью своею,
положили непереходимую пропасть между одними и другими ру-
сичами. Они отняли нашихъ пановъ у меньшихъ братій ихъ, уни-
чтожили въ латинизованныхъ сердцахъ самую возможность люб-

ви къ миллионамъ и сдѣлали вѣчнымъ укоромъ для этихъ сердецъ гремящее слово апостола: „Аще языки человѣческими глаголю и Ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звенищи, или кумвалять звяцай. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы представляти, любве же не имамъ, ничтоже есть. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во еже сжечи е, любве же не имамъ, какъ польза ми есть?“¹⁾

Совершенѣйшій рыцарь, образецъ просвѣщенаго вѣльможи и набожнаго католика, Єома Замойскій, вернулся на родину во всеоружіи молодости, богатства, образованности, даже талантовъ и доброго сердца; онъ могъ бы принести родинѣ громадную пользу, еслибы понималъ родину цѣ-русско; но онъ понималъ ее по-польски, и не принесъ никакой. Это былъ цвѣть бесплодный,— пустоцвѣть. Тѣмъ не менѣе онъ представляеть весьма интересную, трагически-интересную фигуру въ исторіи, точно такъ, какъ и нравственная противоположность его—князь Василій, сохранившій видъ магната русскаго, но проточенный насквозь полонизмомъ, слабый и шаткій, какъ старый грибъ въ лѣсу, съ виду здоровый, внутри разрушенный.

Надъ польско-русскимъ центавромъ собиралась гроза. Она всегда находила съ юга, изъ-за Балкановъ. Циклонъ, немнogo усиленный, иѣсколько ослабленный и развлеченный борьбою за свою добычу, отъ времени до времени напоминалъ никогда не готовой Польшѣ, что не забыть своего намѣренія — выжечь ее, вытолкнуть конскими копытами и превратить въ пустыню. Но въ особенности стала онъ грозенъ съ воцаренiemъ молодого султана Османа II, въ 1618 году. Этотъ султанъ смотрѣлъ на Польшу, какъ на страну, предназначенную разширить громадную имперію Оттоманскую. Слава захвата и насилия такъ же

1) 1 Корине. XIII, 1—3.

увлекательна для воинственного варвара, какъ для людей развитыхъ нравственно — слава водворенія культуры и науки среди беспомощного и невѣжественнаго общества. Османъ дѣйствовалъ энергически. Но Польша возбуждала въ турецкомъ сердцѣ жажду дикой славы посредствомъ другой жажды, которая работаетъ сильнѣе, настойчивѣе и постояннѣе всякаго иного чувства въ человѣческомъ сердцѣ, — жажды отмщенія. На этой, какъ говорится, низкой страсти построено много великихъ дѣлъ, много всемирныхъ событій. Она вдохновляла и молодого падишаха. Она давала ему поддержку и въ воинственной части подданныхъ. Волощина сама по себѣ постоянно служила яблокомъ раздора между монгольскимъ и славянскимъ міромъ, а козаки, эта славянская орда, своими дерзкими походами, къ старому счоту турою съ Польшею прибавляли безпрестанно новый и новый. Козаки вели притомъ свой особый счотъ съ татарами, и такъ онъ былъ запутанъ, столько они другъ другу задолжали, что поквитать ихъ могло только прекращеніе существованія татаръ, или украинцевъ. По выражению польскихъ правительственныйыхъ лицъ, татары у султана были хортами на смычѣ. Нѣтъ, это были вольные, недрессированные псы, понимавши атуканье дикаго господина своего, но не всегда послушные его запрещеніямъ. Бѣдность польскихъ провинцій отъ мажновладскаго хозяйственія гнала безземельный и обиженный народъ въ козацкіе добычники. У татаръ бѣдность происходила отъ азіатской беспорядочности, отъ примитивнаго невѣжества и лишь отчасти отъ насилия болѣе богатыхъ и могучихъ между ними. При такихъ обстоятельствахъ, подстрекательства съ той и другой стороны были излишни, а удержь — невозможна. Мелкая война постоянно кипѣла въ украинскихъ воеводствахъ, и каждый житель, каждый панъ и простолюдинъ, былъ болѣе или менѣе окозаченъ. Замки и города, дома и хаты сверкали оружиемъ; ямы и подземелья были полны боевыхъ снарядовъ. Каждое человѣческое жилище представляло со-

бою отделье громадшаго, раскинутаго на всю отрезинную Русь арсенала. Ковали, оружейники и буртовики, выдѣлывавши селитру, являлись посреди чернорабочаго люду почти такими же аристократами, какими были винокуры и броварники. Пушки отливались у пановъ на дому шверенбергскими и другими измѣцкими мастерами. Не рѣшаясь ударить на Крымъ и Турію геройски, потерявъ способность къ общему самоотверженію, панская республика развила необходимость повсемѣстной самозащиты отъ орды, которой нечѣмъ было жить безъ набѣговъ, и такимъ образомъ необачно завела въ пограиціиъ воеводствахъ громадную оружейную, въ которой, на каждомъ шагу, изготавлялись мушкеты, рушицы, пищали и самопалы, шаблоны и списы, бердыши и кѣлепы, какъ оказалось впослѣствіи, для истребленія пропагандистовъ польского права. Но, покамѣсть, это не чувствовалось. Противъ татарскихъ набѣговъ принимались панами пальтишвиль мѣры, а козаковъ, грозныхъ въ своей одичалости, паны старались такъ или иначе сдѣлать ручными. Такъ и въ 1618 году, 20.000 добрыхъ молодцовъ, которые подъ часть бывали слишкомъ недобрими, служили польскимъ интересамъ въ Москвиціи, точно и въ помышлены у нихъ не бывало — разрушить гнѣзда можновладства, Краковъ, истребить шляхетское сословіе: задача до-каслубковскихъ полянъ привислянскихъ. Часть козаковъ промышляла въ то время за Порогами, нѣкоторые ходили на море, безъ особеннаго шума въ исторіи, но къ большой досадѣ татарь, турокъ и украинскихъ землевладельцевъ, а остальные искали козацкаго хлѣба въ панскихъ дворахъ и замкахъ. За новые козацкіе походы Жовковскій винилъ па сеймѣ 1619 года королевскихъ казначеевъ: козаки не получили жалованья, обѣщанного имъ въ 1617 году. Новые татарскіе набѣги онъ также приписывалъ неуплатѣ татарамъ обѣщанныхъ и установленныхъ сеймомъ подарковъ. Въ сеймовой рѣчи своей объ этихъ двухъ предметахъ правительственныхъ заботъ, Жовковскій

сообщилъ сенату и земскимъ посламъ, что козаки, весною 1618 года, надѣлали много вреда туркамъ и, между прочимъ, убили башу, сultанскаго родственника, котораго турки привезли въ Царьградъ и показывали польскому послу.¹⁾ Вслѣдствіе такихъ козацкихъ подвиговъ, по разсказу короннаго гетмана, въ маѣ мѣсяцѣ того же 1618 года, пришло въ польскія владѣнія до 20.000 турецкаго войска. У короннаго гетмана было всего 1.200 человѣкъ жолнеровъ. Часть ихъ отправилъ онъ на Украину, съ другою поспѣшилъ къ Бару, такъ какъ „это мѣсто смотрить на четыре шляхи, которыми непріятель вторгается въ Корону“. Съ трудомъ удалось ему собрать отъ пановъ подкрѣпленія и прогнать присланныхъ турками татаръ изъ польскихъ предѣловъ. Но въ іюль они снова появились надъ Днѣстромъ. На сей разъ помогъ гетману необыкновенный разливъ рѣкъ на карпатскомъ подгорѣ. Татары не рѣшились переправиться черезъ Днѣстръ, и вернулись домой, надѣлавши бѣды лишь въ окрестностяхъ Стыря и Жидачова. Потомъ опять начали летать вѣсти: что орда собирается къ панамъ въ гости.

Эти вѣсти ловили и разносили по шляхетскимъ имѣніямъ козаки. Значительная часть жизни тогдашняго общества тратилась на соглядатайство сосѣдей. Каждый панъ и каждый староста, и каждое мѣщанское общество знали, чрезъ посредство отважныхъ бродягъ и степныхъ разбойниковъ, гдѣ что дѣлается за границами Рѣчи-Посполитой. Особенное же вниманіе всѣхъ и каждого обращено было на положеніе дѣлъ въ Царьградѣ и въ Крыму. Безчисленныя хитрости употреблялись татарами на то, чтобы обмануть бдительность пограничниковъ, усыпить осторожность ихъ, отвлечь отъ извѣстнаго пункта главное вниманіе ихъ. Но это

¹⁾ „Te robotę ich (kozacka) posłowi W. Krol. Mci, który tam na ten czas był, pokazowali, aegre to znosząc i przegrazaiąc, a zgoła i nie barzo szanując Maiestat W. Krol. Mci Pana mego Mciwego w osobie iego“. (Сеймовая рѣчь Жовковскаго 25 февраля 1619 года).

рѣдко имъ удавалось. По крайней мѣрѣ однѣ изъ тѣхъ шляховъ, которыми они пабѣгали, бытъ имъ загороженъ; зло такимъ образомъ бывало частью парализуемо, по только частью. Остальной край всѣ-таки дѣлался жертвою пабѣга. Такѣ было осеню 1618 года. Этаотъ моментъ русской исторіи освѣщаетъ для настѣ подробнымъ сказаніемъ современника, по тому слушаю, что молодой Замойскій, послѣ трехлѣтняго пребывашія въ чужихъ краяхъ, вернулся въ свои обширныя владѣнія. На немъ лежала обязанность оборонять ихъ отъ орды; на немъ лежаль и нравственный долгъ — показать себя рыцаремъ, достойнымъ той высокой репутаціи, ко-торою пользовалось имя Замойскихъ въ панскихъ домахъ. Повѣствованіе слуги Фомы Замойскаго, извѣстнаго уже намъ Журковскаго, о подвигахъ его „пана“ даетъ намъ возможность заглянуть въ польскую часть русского общества поглубже. Между Польшей и Турцией завязывалось вновь то дѣло, отъ котораго Рѣчъ-Посполитая уклонялась различными способами. Турчинъ замирилъ съ Персомъ на 30 лѣтъ, какъ обѣ этомъ зналъ уже Жовковскій, и намѣревался *molem belli* (тягость войны) обратить на поляковъ.

Предвѣстникомъ турецкой войны всегда бывало татарское вторженіе. Турки натравливали уже орду на Польшу. Козаки до-несли Жовковскому, что въ половинѣ лѣта собрались на совѣтъ Скиндеръ-баша, Сенинъ-баша, Ибрагимъ-баша и говорили моло-дому 17-лѣтнему калгѣ-султану, какъ назывались родные братья ханскіе: „У тебя войска больше, чѣмъ у поляковъ: они вывели чуть ли не лучшій народъ въ Московщину, а потому стучай, попытай счастья. Если наткнешься на большое войско, ты отъ него уйдешь быстротою твою; а посчастливится тебѣ разбить поля-ковъ, тогда откроется тебѣ дорога и къ самому Кракову; забирай хоть все королевство: противъ тебя не устоитъ никто“. И галг-султанъ, вмѣстѣ съ самимъ ханомъ и Кантимири-мурзою, въ сен-тябрѣ нагрянулъ въ подольскую Украину, въ числѣ 60.000 войска.

Татары пришли взять съ панскихъ имѣній свой недоплаченный
харакъ натуорою.

И за прошлогоднюю передѣлку съ ними надъ Днѣстровъ
наслушался гетманъ Жовковскій отъ пановъ прямыхъ и заоч-
ныхъ укоровъ. Теперь готовились ему новыя нареканія. Это
онъ виновать, что татары не даютъ Польши покою. Зачѣмъ онъ,
стоя подъ Яругою, трактовалъ о мирѣ? Ему бы слѣдовало разбить
турецко-татарское войско. Только влость да нерѣшительность
гетмана помѣшили ему это сдѣлать. Жовковскій чувствовалъ не-
справедливость братій своихъ глубоко, и оправдывался на сеймъ
съ достоинствомъ ветерана. Онъ весьма дѣльно доказывалъ, что
проигранная противъ турокъ битва въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой
открыла бы ее всю непріятельскому нашествію; что совсѣмъ
иное дѣло — рисковать войскомъ тѣмъ-нибудь за Дунаемъ: тамъ,
кромѣ войска, не погубилъ бы онъ ничего, а Рѣчь-Посполитая
скоро выставила бы другое войско; что, наконецъ, не годилось
бы панамъ обвинять въ трусости и нерѣшимости человѣка, кото-
рый побилъ козаковъ и привелъ въ Варшаву плѣннаго москов-
скаго царя. Все было напрасно: республика шляхетская террори-
зовала своихъ полководцевъ такъ точно, какъ и ея незаконнорож-
денное, одичалое чадо — республика козацкая. Семидесятилѣтній
Жовковскій поспѣшилъ въ поле и, скрѣпя сердце, разослалъ уни-
весалы къ панамъ, приглашая ихъ на такое же и, можетъ быть,
еще болѣе важное дѣло, какое решено было надъ Днѣстровъ въ
прошломъ году. Самъ онъ выступилъ въ походъ раньше всѣхъ,
и въ началѣ сентября стоялъ уже на уроцищѣ Орининѣ, въ ожи-
даніи набѣга.

Уроцище Орининѣ находится въ двухъ миляхъ отъ Каменца
Подольскаго. Рѣчка, быстро текущая въ крутыхъ берегахъ, не
удобна для переправы. Къ ней примѣнуло войско, чтобъ не дать
окружить себя непріятелю, всегда многочисленному. Не заме-
дили сѣхаться и союзные паны. 7-го сентября прибылъ єома-

Замойскій, 25-лѣтній сенаторъ Рѣчи-Посполитой, образецъ польскаго рыцаря, идеалъ окатоличеннаго русина. Когда король сдѣлалъ его сенаторомъ, онъ, по разсказу преданнаго ему біографа, сталъ болыше прежняго пріучать себя къ набожнымъ упражненіямъ; въ великий посты отправлять всѣ календарскія молитвословія; въ мартовскія пятницы оставался на сухояденіи; въ великий четвергъ умывалъ ноги двѣнадцати нищимъ, кормиль ихъ, одѣвалъ и выдавалъ каждому изъ собственныхъ рукъ по червонцу; всю почь великой пятницы не переставалъ онъ молиться, бичевался и томилъ тѣло свое жесткою власяницею; самый день великой пятницы проводилъ въ размышилії о страданіи Господнемъ, посѣща убогихъ въ спиталяхъ и спабжая ихъ щедрою милостынею; но въ великую субботу, послѣ обѣда, лишь только въ костелѣ пропоюто радостное аллилуя, онъ столь же регулярно веселился и, выѣхавши въ поле, забавлялся рыцарскими играми. Въ лицѣ Замойскаго древній нашъ русичъ очутился на помочахъ у людей, выѣльзывшихъ благочестіе механически. Но сердце его билось благородными чувствами: къ славѣ ученаго пана и простого ротмистра, какимъ онъ служилъ прежде, Замойскій желалъ присоединить славу полководца и патріота. На собственный счетъ снарядилъ онъ конный полкъ въ двѣнадцать сотень,—войско, по тогдашнему времени значительное. Подъ его знамя вступили вассалы его дома, командовавшіе собственными домашними ополченіями, люди весьма заслуженные въ обществѣ, опытные въ военномъ дѣлѣ, посѣдѣлые въ битвахъ съ татарами, которые на подольскомъ пограничье, этомъ „шандѣ“ украинскомъ,¹⁾ были почти таѣ же часты, какъ и развѣзы по хозяйству. Такъ, напримѣръ, выступилъ съ

¹⁾ Письмо львовскаго подкоморія Александра Требинскаго къ Сигизмунду III начинается словами: „Na tym szancu Podole teraz stawa, ze ubiis tutius anisz w swych wlasnych kqtach osiedziec sie moze.“ (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. Л. F, № 138, л. 25.)

нимъ въ походъ дѣдъ его по матери, Станиславъ, графъ изъ Тернова, каштелянъ сеномирскій, староста бускій и стобницкій, которому было уже за семидесять лѣтъ, но который, по словамъ Журковскаго, горячо жаждалъ славы по крови и *z animuszu antecessorow.*¹⁾ Другой графъ изъ Тернова, Гратусъ, каштелянъ жарновскій, участвовалъ въ его походѣ съ ополченiemъ князя Острожскаго, браковскаго каштеляна. Шоль подъ его знаменемъ и Матвѣй Лоснѣвскій, подкоморій, впослѣдствіи кашелянъ белзскій, извѣстный на пограничье боевою опытностью. Блестящему юношѣ-магнату, окруженному почтенными приверженцами. дома его, коронный гетманъ Жовковскій оказалъ почетъ безпримѣрный: онъ встрѣтилъ его въ полѣ съ тысячею избранныхъ воиновъ, то есть съ союзными панами, полковниками, ротмистрами и богатѣйшими „товарищами.“ Но, вмѣстѣ съ почетомъ, старый гетманъ заявилъ и воинскую суровость, свойственную лучшимъ людямъ того времени: онъ не пригласилъ Замойскаго примкнуть своимъ обозомъ къ обозу кварцянаго войска, а поставилъ его на отдельной горѣ, какъ замокъ, открытый со всѣхъ сторонъ непрѣятельскимъ покушеніямъ. Дѣйствительно этотъ походъ былъ для Замойскаго опытомъ серьознымъ, и не будь при немъ заслуженныхъ въ военной науцѣ его союзниковъ, первый опытъ его въ дѣлѣ тактики могъ бы быть и послѣднимъ.

Татары наступили сперва въ числѣ 12.000, потомъ подходили другія купы, и наконецъ появилось въ полѣ 60.000 всадниковъ. Сравнительно съ ихъ массою, христіянское войско представляло горсть отважныхъ людей, полагавшихся на свое мужество, на превосходство вооруженія и военного искусства. Если удались татарамъ разсѣять этихъ единственныхъ защитниковъ польской Украины, тогда одни только города да замки остались бы на широкомъ пепелище сель, какъ указательные знаки королев-

¹⁾ По духу предковъ.

скихъ и панскихъ владѣй. Орда начала искать слабыхъ мѣстъ; не бросалась она въ бой опрометью. Сперва галга, или ханскій братъ, отрядилъ Джюрланъ-галгу, двоюроднаго брата своего, съ шестью тысячами. Сильнымъ патискомъ Джюрланъ ударилъ на правое крыло польского войска. На томъ крылѣ стояли хорошо вооруженныя дружины Станислава Любомирскаго, Криптофа Збаражскаго, Януша Острожскаго, Юрія Заславскаго. У нихъ было собственнаго народу болѣе десяти тысячъ. Панскій центавръ оказался съ этой стороны не по силамъ ордѣ, любившей, какъ говорится, „кликомъ полки побѣждати“. Центавръ загремѣлъ пушками, выступилъ въ поле козако-татарскими гардами; самъ Джюрланъ-галга былъ убитъ ружейнымъ выстреломъ; бусурманы отступили. Всльдъ за тѣмъ наперъ татаринъ всѣми своими силами на польскій обозъ, но, чтобы попять разнице въ борющихся силахъ, довольно знать, что татарскія пули дѣлались изъ дерева и обливались оловомъ, да и такія ружья были нововведеніемъ въ татарскомъ полутикомъ войскѣ.¹⁾ Ощущавъ самый центръ христіянской арміи, татары нашли наконецъ такой пунктъ, который представлялъ имъ болѣе вѣрную надежду на успѣхъ: это былъ таборъ єомы Замойскаго. Тутъ прежде всего досталось четыремъ сотнямъ козаковъ, безъ которыхъ украинскіе паны не существовали. Козаки стояли на чевѣ панскаго полка и не выдержали натиска цѣлаго войска ханскаго. Но Замойскій повелъ на татаръ свои гусарскія и пятигорскія хоругви. Татары не любили давать отпоръ тяжело-вооруженной конницѣ, они подались назадъ; козаки оправились. Поняла, однакожъ, орда, что это—самый слабыи пунктъ во всей арміи; она окружила Замойскаго со всѣхъ сторонъ, и три раза дѣлала натискъ. Три раза отразилъ се Замойскій. Наконецъ соединились всѣ татарскія купы и обступили обозъ,

¹⁾ Въ сеймовой рѣчи 1619 года, Жовковскій говорилъ: „Juz ten narod tak sie na nas armuie, ze nawet kule mieli dzrewniane ołowiem oblane, ktoresmy nai-dowali, ba i zabili niemi piechoty W. Krol. Mci do trzydziestu.“

какъ характерно выразился очевидецъ, „щущая, нѣтъ ли въ немъ гдѣ-нибудь дыры.“ На эту охотницкую поѣху смотрѣлъ коронный гетманъ съ своими ветеранами, не двигая съ мѣста ни одной хоругви: то была своего рода травля. Кварцяное, да и панское войско всегда было не прочь дать попробовать знатному пану холоднаго дыханія смерти; а смерть уже заглядывала въ глаза окруженному со всѣхъ сторонъ и колеблющемуся полку Замойскаго. Наступилъ наконецъ моментъ, въ который жестокая забава зрителей перешла въ тревогу. Уже всѣ прощались мысленно съ горстью русичей, затертыхъ наваломъ азіатской дичи. Еще моментъ, и пали бы стязи Замойскаго, какъ пали Игоревы на рѣкѣ Каїлѣ. Но тутъ князь Збаражскій и иѣсколько другихъ знатныхъ пановъ послали на выручку двѣ сотни панцѣрныхъ стрѣлковъ, которыми предводительствовалъ „старый и опытный козакъ“ Янъ Білецкій, тотъ самый Янъ Білецкій, который первый вписалъ имя свое въ исторію солоницкаго дѣла. Послали наконецъ Жовковскій двѣ туварскія хоругви безъ копій, но уже, чтѣ называется, въ пустой слѣдѣ: уже заходило солнце, и непріятель началъ отворачивать полки скон. Татары отступили на полѣ-мили за гору, на уроцище Жердье, а отступая, подѣжали подъ хоругви Замойскаго и кричали: „Приготовьтесь къ завтрему получше для битвы: сегодня была только шутка.“ Жестокая угроза! Она была почувствована всѣмъ полкомъ, и почувствована тѣмъ, тревожнѣе, что передъ его глазами, въ тотъ же день, произошла трагическая сцена. Еще съ утра татары замѣтили въ полѣ небольшой таборъ князя Порицкаго, который не успѣлъ прийти въ время и соединиться съ главнымъ таборомъ. Видно, князь Порицкій принадлежалъ къ числу хунтителей сѣдого гетмана. Жовковскій видѣлъ, какъ окружили его татары, какъ разгромили его таборъ и взяли въ плѣнъ раненаго князя со всею его челядью. Этотъ ясырь вели мимо кварцянаго обоза, и какъ ни сожалѣли всѣ въ обозѣ объ участіи побѣжденныхъ, гетманъ, чтѣ называется, не шевельнулъ и усомъ.

Правда, и мудрено было предпринять выручку знатного пленника: она вовлекла бы все войско въ битву, которой исходъ былъ бы сомнителенъ. Зато Замойскому послалъ Жовковскій почло приказать — примкнуть къ своему табору, чтобъ на другой день орда его не доконала.

Не то было у нея на умѣ: съ полуночи двинули татары свое войско въ походъ, оставили только нѣсколько тысячъ всадниковъ для стражи и распустили свои загоны въ глубь галицкой Украины, до самого Тернополя. Кошемъ стали они у Заславля, а оттуда, перевалившись на Чорный шляхъ, пошли назадъ мимо Чуднова, Чорторы, Кодни, Паволочи, Бѣлой-Церкви, и надѣлали безназаданно страшнаго вреда по дорогѣ, нахватали безъ числа пленниковъ и добычи. Напрасно было о томъ и думать, чтобъ ихъ преслѣдоватъ. Жовковскій объяснялъ это въ сеймовой рѣчи своей слѣдующимъ образомъ: „Преслѣдоватъ орду — все равно, что ловить мотылька на воздухѣ. Она пришла 29 сентября, а завтра ускакала за восемь большихъ подольскихъ миль“.

Иначе думали поднѣпровскіе торки да берендеи, чорные клобуки позднѣйшаго времени, родственники Митрадата pontijskаго, неутомимаго въ бѣгѣ, волшебно-быстраго въ передвиженіи. Козаки, вырывши яму, клали на землю бубенъ, и тонкій слухъ ихъ угадывалъ, въ которой сторонѣ „гудуть“ татары. Козаки, какъ бѣгущій изъ цѣлна Игорь, бесѣдовали съ природою: падетъ виція не въ время куропатки или какія-нибудь неожиданныя птицы, появившіяся въ несвойственной мѣстности четвероногія — давали имъ понять, что орда близко. Ихъ дѣти и жены спали въ степной травѣ, за селомъ или хуторомъ: языгъ пустыни былъ имъ понятенъ столько же, какъ и самимъ татарамъ. Они умѣли предсказать нападенія; они знали, гдѣ татары ночуютъ, гдѣ поять коней, гдѣ дуванятъ на возвратномъ пути ясырь. Ихъ было дѣло сторожить Польшу отъ азіатской дичи, и, видно, не даромъ говорили о нихъ въ Краковѣ, еще до ссоры

за кусокъ хлѣба, что „до тѣхъ только порь Польша будетъ процвѣтать, пока у нея будутъ добрые козаки“.¹⁾ Но такие великие умы, какъ Янъ Замойскій, глядя на русско-польскій міръ съ европейской точки зрѣнія, просто сказать — по-феодальному, первые заподозрили козаковъ въ общественномъ мнѣніи; а такие важные люди, какъ Стефанъ Баторій и князь Острожскій, вообразили, что можно истребить цвѣтъ жизни народной, которая, по ихъ мнѣнію, украшала себя цвѣтами въ настоящемъ и обѣщала плоды въ будущемъ только со стороны шляхетства. Между тѣмъ вещи стояли здѣсь иначе, и скрытая отъ современниковъ причины готовили непредвидимое будущее: величайшіе люди своего времени оказались безтолковѣ одичалыхъ бурлакъ; явились на судѣ истории слѣпцами, водящими другихъ слѣпцовъ.

Итакъ Жовковскій²⁾ не преслѣдовалъ орды, но, въ угоду общественному мнѣнію, дѣлалъ видъ, будто преслѣдуется. Кварцяное и панское войско переходило съ мяста на място, дѣлая наиболѣе по двѣ мили въ день, чтѣ относилось къ татарскому бѣгу, какъ 2 : 8. Остановясь на Жабинцѣ, Жовковскій отдыхалъ нѣсколько дней и потомъ распустилъ войско. „Натерпѣлся онъ потомъ укоровъ и нареканій отъ подольской и волынской шляхты“, говоритъ Журковскій, „что могъ бы побить непріятеля, но оставилъ его подъ обозомъ. Брали его и проклинали на чомъ свѣтъ стоитъ всѣ потерявшие женъ, дѣтей и имущество свое. Они обеспечились тѣмъ, что гетманъ стоитъ въ полѣ таборомъ, и татары всюду брали ихъ какъ грибы“.

И не одна мелкая шляхта относилась враждебно къ Жовковскому. Этотъ талантливый, энергический, правдивый человѣкъ и строгій монархистъ не угодилъ не только своимъ товарищамъ магнатамъ, но и самому Сигизмунду III, интересы котораго пред-

¹⁾ См. т. I, стр. 87.

²⁾ Имя Жовковскаго происходитъ отъ мясного русскаго имени *Жовка*. Правильнѣе называть его Жовковскій, нежели Жолковскій.

почиталъ всему другому, недостатковъ котораго старался не видѣть, а его новеллія, даже противныя здравому смыслу, исполняль слѣпно, вѣроятно твердо, что сердце монарха въ руцѣ Божіей.¹⁾ Сигизмундъ III, это игралище римскихъ прелатовъ и мечтательныхъ паповъ, поправилъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ своихъ, выручаясь въ трудномъ положеніи талантомъ нашего русина, по даже въ 1610 году, когда Жовковскій представилъ ему такъ называемыхъ „московскихъ царей Шуйскихъ“, не далъ ему большої гетманской булавы, остававшейся въ его распоряженіи по смерти Яна Замойскаго (1605 г.), а далъ только въ 1618 году, за два года до его смерти и на 44 году его военной службы, въ которой Жовковскій не нажилъ никакого состоянія. Такъ цѣнили польскіе magnates русскія услуги въ борьбѣ одной руси съ другою въ пользу Польши. Такова и должна быть награда отступникамъ за отступничество. Жовковскій сознавалъ себя патріотомъ, а не отступникомъ, и тѣмъ еще сильноѣ чувствовалъ нацадки на него со стороны пановъ, которыхъ онъ одинъ спасаль отъ политической гибели, „неся на своихъ плечахъ безопасность Рѣчи-Посполитой“, какъ это онъ сказалъ въ глаза всему сеймовому собранію въ 1619 году. То была знаменитая рѣчь его, сильная правдою, краснорѣчива фатами, которые заставили молчать собраніе сѣмьющихъ, это „universum faciem reipublicae“, какъ называлъ его престарѣлый ораторъ. Онъ ужъ не могъ говорить стоя, и попро-

¹⁾ Слова въ сеймовой рѣчи Жовковскаго 1618 года: „A wiem, ze przy W. Krol. Mci anioł Bozy, iako to kapłan onegdy wywiodł: iako to serce W. Krol. Mci w rękach Bozych, miałem zawsze w powinnym poszanowaniu rozkazanie W. Krol. Mci, i błogosławili mi Pan Bog“, — эти слова, столь часто злоупотребляемыя передъ вѣнценосцами, въ устахъ Жовковскаго были догматическою правдою. Всего лучше доказывается это его духовное завѣщаніе и его письмо къ королю передъ походомъ на Цоцору, котораго онъ ни въ какомъ случаѣ не предпринялъ бы, еслибы не его слѣпое повиновеніе королю, который слушался толпы пустыхъ людей и никогда не соглашался съ однократнм мнѣніемъ Жовковскаго.

силь у короля позволенія сѣсть. Изложивъ дѣло исторически и документально, Жовковскій заключилъ свою рѣчь словами: „Обвиняютъ меня въ томъ, что я не далъ татарамъ битвы, чтó я попусту выходилъ въ поле. Но еслибы только я оставилъ свою крѣпкую позицію, я погубилъ бы войско, потубилъ всю Русь, и еще больше — погубилъ бы Рѣчь-Посполитую, потому что тогда огромная непріятельская сила со всѣхъ сторонъ окружила бы насть. Пускай не говорять мнѣ, что у меня было чѣмъ защищаться, было чѣмъ биться. Я не могъ биться по одному тому, что непріятель не устоялъ на мѣстѣ, а съ малымъ войскомъ бросаться на большое — все равно, что бросаться съ мотыкою на солнце. Развѣ не убѣдительны для настъ примѣры Владислава, погибшаго подъ Варною, и короля венгерскаго подъ Могачемъ? Не я одинъ, много было со мной такихъ, которые видѣли, что и на пядь нельзя было намъ удаляться отъ тabora. Бить непріятеля у себя дома — дѣло опасное. Чтѣ опѣ потеряетъ? Потеряетъ войско, больше ничего. Но, еслибы, сохрани Богъ, не повезло намъ, мы потеряли бы не только войско, но и всю Корону. Впрочемъ, здоровье мое разстроено, лѣта мои велятъ мнѣ искать покоя. Мнѣ нужно отдохнуть не столько отъ перенесенныхъ трудовъ и лишений, сколько отъ людскихъ языковъ. Поэтому прошу вашу королевскую милость — снять съ меня слишкомъ тяжелое для моихъ лѣтъ званіе, которое нопу не изъ амбиціи, а потому, что вамъ угодно было всемилостивѣйше возложить его на менѣ. Боюсь, что при той зависти, при той неблагодарности, которую терплю вмѣсто признательности, я не буду уже въ состояніи достойно служить вашей королевской милости.“

Среди глубокаго молчанія, наступившаго послѣ этой рѣчи, раздался голосъ подканцлера, который, отъ имени короля, благодарили Жовковскаго за его великія заслуги и просилъ оставить при себѣ гетманскую булаву. Старикъ былъ утѣшенъ; но тотъ же

король, по настоянію тѣхъ же близорукихъ совѣтниковъ, черезъ годъ послалъ его въ экспедицію, гдѣ участь Владислава III и Людовика Венгерскаго, приведенныхъ Жокковсими въ примѣръ, постигла и его хитроумную, многозаботливую голову.

ГЛАВА XVIII.

Панское ополчение для усмирения козаковъ, обезоруженное козацкою уступчивостью, или такъ называемая Раставицкая комиссія съ козаками.—Новый кievскій воевода и кроткій способъ водворенія польского права въ Украинѣ.—Латинская церковь ведетъ правильные апоприи противъ русской церкви въ центрѣ русского элемента—Кіевъ.—Кіево-братская школа.—Мѣщанскій элементъ въ Запорожскомъ Войскѣ.—Перенесеніе общихъ надеждъ

Славянщины съ польского короля на царя московскаго.

Крикъ, плачь и нареканья панскихъ околицъ, истоща силу свою на коронномъ гетманѣ, обрушились всею своею тягостью на козаковъ. Земскіе послы, во имя высшихъ государственныхъ цѣлей, просили короля обуздать наконецъ эту вольницу, которой, какъ всегда, приписали татарскій набѣгъ,—просили объ этомъ съ такимъ видомъ, какъ-будто король держалъ въ рукахъ узду, да не хотѣлъ надѣть ее на козачество. Король, съ подобающею важностью, повелѣлъ изготовить проектъ комиссіи для подавленія козацкаго своеvolства. Это значило призвать къ оружію богатыхъ землевладѣльцевъ, которые всего больше заинтересованы въ обузданіи людей, мѣшавшихъ имъ хохайничать. Они, вмѣстѣ съ короннымъ гетманомъ, должны были предложить этому скопищу всякаго рода безобразниковъ тотъ вопросъ, который сказочный Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, предлагалъ змѣю горыничу: будемъ ли биться, или будемъ мириться? Въ члены комиссіи назначенъ и молодой Замойскій, котораго военная слава прорубила

героемъ въ панскую золотую трубу, и которому король пожаловалъ титулъ киевскаго воеводы, возведя Жовковскаго въ канцлерское достоинство. Членами комиссії „для постаповленія договора съ панами молодцами Войска Запорожскаго о способѣ жизни и службы ихъ“ назначены были также: русскій воевода, бускій и корсунскій староста Янъ Даниловичъ изъ Журова; полевой гетманъ, велюнскій и жарновецкій староста Станиславъ Конецпольскій; каменецкій и брацлавскій староста Валентій-Александръ Калиновскій; згвольскій староста Янъ Склинскій; ротмистръ его королевской милости Тыборскій-Злотницкій, и опытный въ козакотатарскихъ дѣлахъ панъ Янъ Вілецкій. Какъ на панскихъ сеймакъ краснорѣчіе ораторовъ было тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ больше у кого на сеймовой площади стояло войска съ „гжечною“ артиллерию, такъ точно было и здѣсь; а чтобы судить о серьзности предстоящаго дѣла, довольно принять къ свѣдѣнію, что одинъ Замойскій привелъ съ собою въ собраніе комиссіи полторы тысячи человѣкъ.

Коммиссія собралась надъ рѣчкою Раставицею, ниже Павлочи, гдѣ стояло тогда королевское войско. „Войска запорожскія“, сказано въ актѣ комиссіи, „стояли за Бѣлою-Церковью, на рѣчкѣ Узени“. Этихъ запорожскихъ войскъ собралось столько, сколько желалъ Сагайдачный, котораго слава послѣ московскаго похода еще больше прежняго дѣйствовала на общественное козацкое мнѣніе. Благоразуміе требовало, чтобы между русичами, изъ которыхъ одни стояли за польское, а другіе за русское право, находилось пространство въ нѣсколько миль: въ противномъ случаѣ, развязка комиссіи могла бы быть не тою, какой желали обѣ стороны. Дѣло въ томъ, что можайскимъ героямъ, штурмовавшимъ Москву подъ заслуженнымъ ими знаменемъ, предложили еще болѣе унизительныя условія, чѣмъ на Ольшанкѣ; людямъ, примежевавшимъ своими саблями къ Польшѣ Смоленскѣ и Сѣверщину, не позволяли даже, какъ говорится въ думѣ, „стати и

кона попасти" на той землѣ, которая только по ихъ милости и не была занята татарскими кибитками. Коммиссары спокойно и торжественно, какъ-будто дѣло шло только о приличномъ прочтены акта коммиссіи (такъ оно въ сущности и было), объявили присланымъ къ нимъ козацкимъ уполномоченнымъ королевскую волю, которая состояла въ повтореніи ольшанского акта и распространились о годовомъ жалованьѣ козацкомъ. „За прошлый годъ“, писали коммиссары, „козаки, согласно ольшанскому постановленію, получили 10.000 золотыхъ и 700 поставовъ каразіи, и за нынѣшній другой годъ отдали мы имъ такую же сумму деньгами и сукномъ, тутъ въ Бѣлой-Церкви; а потомъ уже будуть получать не сукномъ, а наличными деньгами 40.000 золотыхъ ежегодно, въ Кіевѣ на св. Илью русскаго“. Въ благодарность за это, козаки должны дать рыцарское слово и присягнуть, что не только тѣ, которые получаютъ жалованье, не будутъ беспокоить турецкаго императора своими наездами, но и другихъ, въ случаѣ оказались бы такие своеольники, всячески будутъ отъ того удерживать, а тѣхъ, которые недавно въ противность запрещенію, ходили на море, покараютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ козаки уничтожать морскіе човны, которыхъ часть уже уничтожена, чтобы своеольнымъ не было искушенія; оставятъ только необходимые для перевоза на Днѣпрѣ, но будутъ содержать при нихъ надежную сторожу, чтобъ своеольные не выкрадались на этихъ човнахъ въ море. Далѣе въ актѣ сказано, что отъ козаковъ не должно быть больше никакихъ непріятностей людямъ въ королевскихъ, духовныхъ и панскихъ имѣніяхъ. Для этого изъ козацкаго реестра должны быть выписаны прочь всѣ ремесленники, шинкари, войты, бурмистры, kafanniki, bałakiezie,¹⁾ рѣзники, вообще всѣ занимающіеся какимъ-либо ремесломъ и иные лишніе люди, которые до пяти лѣтъ назывались козаками: „ибо мы ни подъ какимъ ви-

¹⁾ См. выше. примѣч. къ стр. 264.

домъ не согласны на такое огромное число козаковъ, какое нынѣ оказалось“, писали комиссары. Эти выписанные обязаны подчиняться старостамъ, державцамъ, ихъ намѣстникамъ и другимъ панамъ, подъ кѣмъ кто живеть, не отзываючись къ войсковому суду, а паны молодцы вступаться за нихъ не должны. „Всего же большие настаиваемъ на томъ“, говорится далѣе въ актѣ, „чтобы паны молодцы запорожцы — или вовсе не жили въ имѣніяхъ земскихъ, духовныхъ, свѣтскихъ, дѣдичныхъ, или же, если будутъ имѣть въ нихъ дома и осѣдлость, то чтобы оказывали послушаніе дѣдичнымъ панамъ, подъ которыми будутъ имѣть маєтности, изъ подданства не выламывались и къ инымъ присудамъ не отзывались. Дается имъ крайній срокъ до св. Ильи русскаго 1620 года. Кто подъ кѣмъ не хочетъ жить и быть пану подданнымъ пускай удалится изъ его имѣнія и живеть гдѣ угодно. Тѣ же, которые будутъ проживать въ украинныхъ городахъ его королевской милости, должны оказывать всяческое почтеніе своимъ старостамъ и, въ случаѣ надобности, яко па Украинѣ, дѣйствовать противъ непріятелей св. креста, подъ начальствомъ старостъ или ихъ намѣстниковъ“. Наконецъ, комиссары потребовали, чтобы козаки, согласно ольшанскому постановленію, приняли себѣ *старшина* изъ руки короннаго гетмана, по образцу того, какъ нѣкогда былъ старшимъ Оришевскій.

Насъ поражаетъ своею неожиданностью громадность панскихъ требованій отъ козаковъ послѣ ихъ похода въ Московщину, но еще меныше ожидали мы смиренного отвѣта па него, послѣдовавшаго черезъ девять дней со стороны Сагайдачнаго. Называя себя *старшинами на то время* въ Запорожскомъ Войскѣ, Сагайдачный говоритъ, что онъ и все Запорожское Войско, получивъ увѣдомленіе о королевской волѣ отъ такихъ-то яновельможныхъ пановъ, послали къ нимъ своихъ товарищѣй: пана Яна Костревскаго, пана Петра Одинца, пана Языну, пана Ратибора-Боровскаго, съ двадцатью другими товарищами, для до-

говора надъ Раставицею, ниже Паволочи; что, послѣ взаимныхъ переговоровъ надъ Раставицею, комиссары, съ своей стороны, прислали на Узень своихъ товарищѣй, ихъ милостей пановъ: зыгвульского старосту Томаша Склинскаго, Тыбурча-Злотницкаго, Яна Білецкаго, Іеронима Вжеща, Михайла Холимовскаго и Валеріана Славскаго, для окончанія комиссії 8-го октября; и что, переговоривъ между собою обо всемъ, козаки подчиняются волѣ его королевской милости и благодарятъ короля за назначенное имъ жалованье, но не могутъ означить немедленно своего числа, такъ какъ бракъ и выпись ремесленниковъ, торговцевъ, шинкарѣй и тому подобныхъ людей потребуетъ не мало времени. „Это надоѣно дѣлать по городамъ“, говорилъ въ своемъ письмѣ Сагайдачный: такихъ людей, непринадлежащихъ къ рыцарскимъ занятіямъ, каковы эти шинкари, кравцы, торговцы и всякие ремесленники, кафанныки, рыбальты, и тѣхъ, которые, выломавшись лѣтъ пять назадъ изъ присуду своихъ пановъ, сдѣлялись козаками, мы отъ себя вышишемъ и выпремъ. Пусть они не прикрываются нашими вольностями, подчиняются власти своихъ пановъ, старость и ихъ намѣстникъ, гдѣ кто будетъ жить. А какое число нась останется, мы доложимъ его королевской милости чрезъ нашихъ посланцовъ и будемъ ожидать дальнѣйшаго повелѣнія. Вмѣстѣ съ этимъ паны комиссары, именемъ его королевской милости, требовали, чтобъ мы, не обременяя имѣній земскихъ, духовныхъ, шляхетскихъ, выселились изъ нихъ къ св. Ильѣ Пророку русскому слѣдующаго 1620 года. Хотя это сильно нарушаетъ наши вольности, пожалованныя намъ привилегіями найснѣйшихъ королей, нашихъ почивающихъ въ Бозѣ государей, и мы должны будемъ обратиться къ его королевской милости съ просьбою о ненарушеніи этихъ вольностей, но, покамѣсть, постановили такъ: кто хочетъ оставаться съ нами на службѣ его королевской милости и Рѣчи-Посполитой, то (если его королевской милости не будетъ угодно оставить нась при нашихъ вольностахъ и правахъ)

чтобъ выходилъ изъ шляхетскихъ имѣній и искалъ себѣ спокойнаго жительства въ имѣніяхъ королевскихъ, гдѣ кому любо. Но гдѣ имѣемъ или будемъ имѣть осѣдлость, тамъ будемъ оказывать старостамъ, подстаростямъ и ихъ намѣстникамъ надлежащее поченіе. Въ случаѣ вторженія врага св. креста, должны мы дѣйствовать противъ него, какъ подобаетъ намъ, подъ начальствомъ старости, подстаростія или своего отамана, и все то дѣлать, чтѣ отъ насъ будетъ слѣдоватъ. Не сопротивляемся и назначенію надъ нами старшаго, въ родѣ того, какъ былъ нѣкогда Орышевскій; но, такъ какъ нынѣ его милость панъ канцлеръ и коронный гетманъ не наименовалъ и отложилъ до ближайшаго сейма, то и мы пришлемъ туда пословъ своихъ съ нашими просьбами, отдавая это на волю его королевской милости. Мы только просимъ, чтобы надъ нами былъ старшимъ такой человѣкъ, который бы способенъ быть воевать вмѣстѣ съ нами противъ короннаго непріятеля, къ славѣ и пользѣ короля и Рѣчи-Посполитой, и умѣль бы исходатайствовать у его королевской милости все, чтѣ намъ нужно“.¹⁾

Эти послѣднія слова, объясняютъ отчасти смиреніе и уступчивость козаковъ. Какъ реалисты, они лучше классиковъ смекали: что подъ какимъ бы названіемъ ни предводительствовалъ козаками гетманъ, но, если только онъ будетъ лицо излюбленное ими и только утверждаемое верховною властью по ихъ представлению, то козацкое дѣло будетъ оставаться все тѣмъ же, какимъ было до сихъ поръ. Рассматриваемый съ этой точки зрењія, раствиц-

¹⁾ Вотъ подлинный слога въ письмѣ Конашевича - Сагайдачнаго: O takiego wiec prosba nasza, zeby pospolu z nami na slawę i ku przysłudze J. K. M. i Rzplitey przeciw nieprzyiacelowi koronnemu gardluiący sie stawił i nam potrzebnego w J. K. M. domowić się vmiał. Подписали этотъ актъ, вмѣстѣ съ Сагайдачнымъ: Янъ Яричъ; Николай Затыркевичъ, осаулъ войсковый Войска Запорожского; Михайло Воловичъ; Тишко Бобель; Станиславъ Золчовскій; Дмитрий Бреславецъ; Іоаннес Бачинскій; Янъ Костревскій; Мартинъ Плевскій; Александръ Качковскій; Скавантъ Гайдученко; Лаврентій Пасковскій, писарь войсковый; Ильшъ Ильницкій. Имена, по видимому, почти все шляхетскія.

кій актъ представляетъ самую радикальную оппозицію и объясняетъ самъ себя. Но тѣмъ не менѣе намъ интересно заглянуть хоть однимъ глазомъ черезъ бумагу, которую, точно ширму, держитъ передъ нами равнодушная къ политическимъ и соціальнымъ нашимъ сенсаціямъ музъ Кліо.

Сношенія короннаго гетмана съ козаками о предстоящей комиссіи начались еще лѣтомъ 1619 года. Они, по видимому, были самаго мирнаго свойства. Жовковскій предостерегалъ козаковъ, чтобы они не дали татарамъ удобнаго случая занять своими кочевьями Запорожье.¹⁾ Такъ какъ ихъ такое множество, то пусть бы послали туда нѣсколько тысячъ человѣкъ, запретивъ имъ, однакожъ, ходить на море. Но, видно, козакамъ хотѣлось чего-то другого: они оставались всѣ на Украинѣ, тѣмъ больше, что король, помимо короннаго гетмана, писалъ къ нимъ о комиссіи и велѣлъ ея дожидаться. Между тѣмъ Жовковскій, этотъ хитроумный Улісь относительно козачества, и письмами, и универсалами ссыпалъ къ себѣ жолнеровъ отовсюду, а къ тому нанималь еще и нѣмецкую пѣхоту: у него на умѣ было повтореніе лубенской трагедіи съ одичалыми соплеменниками своими.

Когда оба войска заняли свои становища, одно подъ Павловчью, а другое подъ Бѣлою-Церковью, каждое изъ нихъ представлялось другому противникомъ страшнымъ; по крайней мѣрѣ козаки, въ глазахъ Жовковскаго, при ихъ многочисленности, были „metuendi.“ — „Немало было съ ними тергиверсацій“, писалъ Жовковскій къ королю: „то одного, то другого добивались они отъ настѣ, но особенно настаивали на томъ, и много ушло на это времени, чтобы всякий разъ, когда не получать назначенаго имъ отъ Рѣчи-Посполитой жолду, они имѣли право ходить за добычею на море. Больше недѣли прошло въ сношеніяхъ да въ пере-

¹⁾ Это интересный въ томъ отношеніи фактъ, что показываетъ пустынное состояніе Запорожья. Можно ли предполагать тамъ существованіе церкви, которую историки помѣщаютъ на Січи еще въ концѣ XVI столѣтія?

сылкахъ съ ними по этому пункту. Наконецъ сталось такъ, какъ написано въ документахъ. Старшие полковники, ихъ асессоры, принесли формально присягу въ томъ, чтѣ подпишами своими и печатью войска своего утвердили; а поспольству читалъ присягу войсковой писарь ихъ. Теперь имъ, кромѣ суконъ, посланныхъ подскарбiemъ, дано наличными только 30.000 злотыхъ: 20.000 — въ награду за московскую службу, о чомъ не упомянуто въ документахъ, въ избѣжаніе sekwelli na potym¹⁾, а 10.000 — въ счетъ годового жолду вмѣстѣ съ упомянутыми сукнами, согласно Ольшанской комиссіи. Но, такъ какъ они убѣдительно просили дать имъ на старшихъ осауловъ, на ремонтъ огнестрѣльного оружія и на пушкарей нѣсколько тысячи ружей, то, съ общаго согласія пановъ комиссаровъ, признано было возможнымъ прибавить имъ еще нѣсколько тысячи злотыхъ, въ виду покорности, которую они здѣсь показали, и для того, чтобы захотить ихъ больше къ выполненію состоявшагося постановленія. Такъ какъ скарбовыхъ денегъ не было, то я далъ имъ изъ собственной скрипки, всего тысячъ до четырехъ. Но объ этомъ нигдѣ въ бумагахъ не упомянуто, чтобы потомъ они не настаивали на подобной прибавкѣ. Къ такому смиренію привело ихъ всего больше то, что они видѣли передъ собою коронное войско, которое, несмотря на дожди, снѣга, морозы и самую ненастную погоду, терпѣливо стояло въ полѣ, а при этомъ жолнеры грозили дѣйствовать противъ нихъ hostiliter,²⁾ еслиъ они не подчинились волѣ и повелѣнію вашей королевской милости.“³⁾

Черезъ бумагу, распростертую передъ нами въ видѣ ширины, поможетъ намъ заглянуть еще страница Журковскаго о предметѣ

¹⁾ Обязательства на будущее время.

²⁾ По-непріятельски.

³⁾ Подлинникъ этого важнаго документа хранится въ публ. познанск. библ. П. Н. аа 12, стр. 330.

безусловнаго его восхищениія, Θомъ Замойскомъ, который прибылъ къ войску Жовковскаго подъ Паволочь въ началѣ сентября. „Запорожское войско“, пишетъ Журковскій, „стояло въ шести миляхъ отъ ляцкаго обоза; старшимъ вождемъ надъ нимъ былъ Ко-нашевичъ, alias Сагайдачный. Трактовали (козаки) черезъ по-слово, которыхъ постоянно посыпали къ гетману. Панъ мой много содѣствовалъ къ успокоенію козацкаго своевольства своимъ значеніемъ и благоразуміемъ; онъ смягчалъ ихъ своею людскостью и хлѣбосольствомъ; онъ часто зазывалъ къ себѣ всѣхъ запорож-скихъ пословъ, склоняя ихъ разумными рѣчами къ послушанію королю и Рѣчи-Посполитой, внушалъ имъ добрый порядокъ и къ благосклонности своей присоединялъ тонъ важный и внушитель-ный“.

Изъ всего этого мы видимъ, что польское право пропагандировалось весьма искусно. Тысяча человѣкъ между козаками были обеспечены, обласканы, успокоены; прочимъ предоставлялось на волю — жить гдѣ угодно, признавалъ вездѣ неприосновеннымъ заведенный шляхтою порядокъ. Но эта феодальная утопія, какъ показали послѣдствія, была неосуществима, и надо было только удивляться, что такие люди, какъ Жовковскій и Θома Замойскій, были увѣрены въ ея осуществимости. Впрочемъ, они были люди своего, а не нашего вѣка, и, въ виду современныхъ намъ поль-скихъ понятій о козацкихъ претензіяхъ, мы требуемъ отъ нихъ невозможнаго. Вся Польша заплатила дань своему времени, тя-желую дань! Сагайдачный, по всей вѣроятности, думалъ иначе, не попански, какъ это доказываютъ его поступки въ кри-тическое время, которое вскорѣ наступило для панской респуб-лики, — поступки, глубоко революціонные по своей сущности, хотя при этомъ чужды малъїшѣй тѣни бравурства: діаметраль-ная противоположность звонизкамъ, конфедерациямъ и рокашамъ шляхетскимъ.

Читая дальнѣйшій разсказъ почтеннаго Журковскаго о его

патронѣ, никакъ нельзя догадываться, что наша отрѣзанная Русь была близка къ событию, которое убило для Польши возможность претворить русскій элементъ въ польской, именно — къ восстановленію православной іерархіи, на перекоръ королю и сенату. Журковскій пишетъ:

„По отправлениі комиссіи съ козаками, которая окончилась спокойно и безъ кровопролитія (его всѣ ожидали), распустилъ гетманъ войско на его становища. Панъ мой изъ обоза, со всѣмъ своимъ людомъ (а люду, надобно намъ помнить, было съ пятью полторы тысячи человѣкъ, съ такою артиллеріею, какой не было во всемъ коронномъ войскѣ), отправился въ Кіевъ и вѣхалъ на кіевское воеводство въ послѣднихъ числахъ октября. Онъ былъ принятъ отъ всѣхъ обывателей кіевского воеводства радушно; пышно и громадно выѣзжали они ему на встречу далеко въ поле. Полки Запорожскаго Войска и кіевскихъ мѣщанъ провожали его сперва въ соборную церковь (*do koſcioła katedralnego farnego*), а потомъ въ замокъ“.

Замокъ (полснимъ отъ себя) теперь не былъ уже въ такомъ разоренномъ видѣ, въ какомъ держалъ его покойный воевода, князь Острожскій: мѣщане отстроили его заново, на собственный счетъ. Кстати онъ, въ 1605 году, сгорѣлъ отъ грому. Теперь онъ имѣлъ 15 башень съ бойницами въ три яруса. Подъ башнями было двое воротъ: на сѣверъ — Воеводскія, на югъ — Драбскія. Подъемный мостъ взводился на цѣпяхъ. Въ замкѣ находилось 16 бронзовыхъ пушекъ, литыхъ въ XVI вѣкѣ, длиною въ 15 пядей, да 11 пушекъ желѣзныхъ, такъ называемыхъ сарпентиновъ, длиною въ $8\frac{1}{2}$ пядей, да 82 гаковницы и 8 желѣзныхъ огнестрѣльныхъ „кіевъ“, или стволовъ, похожихъ на ружейные. Кроме того, по стѣнамъ наготовлено было множество камней и колодъ, которыхъ доставка лежала на кіевскихъ мѣщанахъ. Знакомы были эти пушки многимъ козакамъ, провожавшимъ новаго воеводу въ замокъ: изъ нихъ Жуковскій добивалъ козацкое войско подъ Лубня-

ми. Но тогда, по свидѣтельству Жовковскаго, въ ополченіяхъ Лободы и Наливайка хорошо вооруженныхъ и опытныхъ воиновъ было не болѣе 2.000; теперь такихъ воиновъ считалось 20.000. Кровопролитіе было напрасное. Въ московскихъ походахъ паны выковали сами на себя булатъ, а теперь старались затупить и заржавить. Московщина потерпѣла жестоко отъ козаковъ, но зато выпроводила ихъ домой во всеоружіи губительства, вѣчно алкающаго кровавой пищи, вѣчно жаждущаго добычи. За свое „разореніе“ она была отмщена сугубо.

„Составивъ актъ вступленія въ должность“, продолжаетъ, ничего этого не подозрѣвая, почтенный панъ Журковскій, „вернулся воевода внизъ къ ратушѣ, гдѣ онъ имѣлъ свое помѣщеніе. Здѣсь онъ угощалъ у себя за столомъ *humanissime* все духовенство, земскихъ урядниковъ и шляхту, а также полковниковъ и все рыцарство, какъ изъ квартянаго, такъ и изъ Запорожскаго Войска. Цѣлый день тогда стрѣляли безпрестанно изъ замковыхъ, городскихъ и запорожскихъ пушекъ, въ большомъ порядке, и даже часа два въ ночь. Утромъ нашъ пантъ“, пишетъ Журковскій далѣе, „занимался судопроизводствомъ, и каждый деньѣздили въ замокъ, пока были въ реестрѣ очередныя дѣла; а отправивши свои роки, прожилъ еще недѣли три въ Кіевѣ. Онъ устраивалъ городскіе интересы, онъ занималъ жолнеровъ военными играми и экзерциціями. Въ награду за искусство въ гонитвѣ, выставлялись, по его приказанію, разнаго рода оружіе, направленная сбруя, кони, блаваты“.

Все, такимъ образомъ, происходило въ Кіевѣ безъ малѣйшаго столкновенія партій, а ихъ было нѣсколько. Жолнеры и козаки стояли относительно другъ друга, какъ дрессированные псы и дикие звѣри; шляхта и мѣщане кіевскіе находились въ постоянныхъ спорахъ и позвахъ за торговыя права, за рыболовныя мѣста и за самое помѣщеніе въ Кіевѣ; по всего больше было антагонизма между католическимъ и православнымъ духовенствомъ.

Замойскій угощалъ humanissime козаковъ и шляхту за однімъ и тѣмъ же столомъ, по сдвали могъ онъ свести въ одну бесѣду православныхъ черноризцевъ и латинскихъ прелатовъ, которыхъ видъ, по свидѣтельству папскаго пунція, былъ невыносимъ даже поселянамъ. Не дальше какъ въ прошломъ году утопленъ въ проруби Грековичъ. Запорожскимъ братчикамъ случалось топить въ Днѣпрѣ и королевскихъ пословъ. Присутствіе ихъ старшины за общимъ столомъ было respice finem для прелатовъ и spes magna futuri для поповъ православныхъ. Бесѣда между тѣми и другими на пиру у Замойскаго могла ограничиваться только общими мѣстами. Обѣ партіи, безъ сомнѣнія, брасали другъ на друга взглѣды, о которыхъ народная пословица выражается: *подивійся, мозгъ шаха давъ.* Если латинцы и униты, по отзыву благочестивыхъ, были хищные волки, то сами благочестивые смотрѣли далеко не кроткими агнцами. Во всякомъ случаѣ, общая трапеза не могла сблизить противоположности. Замойскій хлопоталъ попусту. Это было то время, когда іезуиты и доминиканцы водворились уже въ Кіевѣ. Іезуиты, не вдалекѣ отъ кіевобратской школы, строили коллегіумъ; доминиканцы пускали въ ходъ свое искусство проповѣдывать слово Божіе. Съ 1604 года король, яко господинъ города, отдалъ латинскому бискупу цѣлую часть Кіево-Подола, за канавою, къ горѣ Щекавицѣ, а потомъ, путемъ разныхъ тергиверсаций, бискупъ отнялъ изъ-подъ магистратскаго присуду сперва все пространство до бывшей юрданской обители, овладѣлъ даже Йорданциною и прихватилъ къ своему вѣдомству знаменитое урочище Кожемяки.¹⁾ Въ виду братской школы возникали, въ лучшемъ

¹⁾ По мнѣнію нашихъ прозелитовъ московскаго ученія о единствѣ языка, нравовъ и обычаевъ на цѣлой половинѣ земного глобуса, не благородно писать *Кожемяки*: они пишутъ въ своихъ якобы ученыхъ сочиненіяхъ *Кожевники*. Чтобы быть послѣдовательными, надо было бы имъ начать съ переложенія на обще-русскій языкъ имени города Кіева. *Кіївъ* по-общерусски — *палка*; слѣдовательно *Кіївъ* городъ благороднѣе было бы называть *Палкінымъ* городомъ. О унії долгъ ли еще ты будешьъ унитствовать?

сравнительно съ нею видѣ, школы доминиканскія и іезуитскія, съ наставниками кроткими, ласковыми, щеголеватыми, и даже щедрыми. Къ нимъ поступали дѣти шляхетскія или дѣти мѣщанъ, старавшихся держаться на нейтральной почвѣ, тогда какъ братская школа преимущественно наполнялась *нищунами*.¹⁾ Правильными апрошами подступала латинская церковь къ русской, окружала ее своими редутами, своими траншеями и, имѣя за собой все полноправное на Руси, терпѣливо ждала торжества своего. Болеславъ Храбрый со всѣмъ войскомъ своимъ, расквартированнымъ отъ Лыбеди до Кожемякъ, не былъ такъ опасенъ для кіянъ, какъ эти безоружные и, по видимому, безобидные гости: онъ не зналъ, какъ пустить въ русскую почву корни.

Братское училище существовало въ Киевѣ при Богоявленской церкви съ 1588 года, по благословенію царѣградскаго патріарха Гереміи, и пользовалось правами высшаго училища. Но между членами кіевскаго братства мы не находимъ ни одного панскаго имени: это были монашествующіе и свѣтскіе попы да кіевскіе мѣщане. Идея братства, очевидно, принадлежала первымъ. Они вписывали имена свои въ братскій *уписъ*, „ру-

¹⁾ Въ наше время воображаютъ, что въ братскую школу такъ всѣ и бросились, лишь только ее открыли, забывая, что и теперь люди солиднаго положенія норовятъ помѣстить своихъ дѣтей въ какой-нибудь ликей, для извѣстнаго рода обработки, но вовсе не туда, где русскій духъ, где Русью пахнетъ. Народность наша, столь богатая между славянскими народностями, уподоблялась евангельскому царю, который, не дозвавшись богачей на уготованный имъ пиръ, созвалъ на него гостей съ распутій, откуда каждый поворачивалъ вправо или влѣво почти случайно. Именно на такомъ распуты стояли тогда, не только шляхетичи русскіе, но и мѣщане. Это доказывается появленіемъ между ними воята Ходыки, который вздумалъ было запечатывать въ Киевѣ церкви, уже послѣ смерти Сагайдачнаго, и подвергся участіи Грековича отъ безнаказанныхъ орудій мѣщанскаго отпора—запорожцевъ. Въ первое время братская школа наполнялась дѣтьми, которыхъ некому было содержать и которые жили при школѣ. Это были такие *нищуны*, какихъ мы помнимъ съ дѣтства по нашимъ приходскимъ школамъ. Великія идеи рождались въ темныхъ вертепахъ, среди грубой житейской толкотни, и колыбель ихъ качала убогая, часто гонимая и близкая къ отчаянію нянька—нужда.

кою и душою“, а иѣкоторые къ своей подписи прибавляли такія слова: „составленное въ Киевѣ градѣ братство пріимаю и облобизаю“, или такія: „всегда готовъ есть съ нимъ пострадати и кровь мою за благочестіе дати“. Эти подписи принадлежать къ тому времени, когда Кафа, *vorago sangvinis nostris*, была разрушена, когда въ одномъ Синопѣ турки понесли убытку ца 40 миллионовъ золотыхъ, и земля агарянская, пылая козацкими пожарами, готова была признать себя данницею новыхъ варяговъ. Но, покамѣсть, глухо развивалась въ Киевѣ борьба естественного права съ вымышленнымъ, русского элемента съ польскимъ, русской церкви съ латинскою. Каждая церковь, въ томъ числѣ и Богоявленская, имѣла при себѣ школу, въ которой дѣти учились, чему могли, и только изрѣдка встрѣчали между наставниками такого эллиниста и латиниста, какимъ былъ въ своей воскресенской школѣ священникъ Іоаннъ, впослѣдствіи митрополитъ Іовъ. Братская школа получала даянія отъ мѣщанъ, иноковъ и лычаковой шляхты грошами; она недвижимыя свои имущества цѣнила только десятками литовскихъ копѣй. Шляхта *кармазинная* лѣнула къ училищамъ, въ которыхъ преподаваніе шло на языкѣ шляхетномъ, польскомъ, государственномъ. Обаяніе верховной власти увеличивало силу враговъ русской церкви и русской автономіи. То лѣстя правительству надеждою ассимилировать съ Польшею Русь, то пугая политическими призраками, они умѣли пользоваться королевскими подписями. По преданію старины, король былъ „господарь“ земли, принадлежавшей церквамъ и монастырямъ, если они не были основаны панами, въ родовыхъ имѣніяхъ, на основаніи княжескаго или, что одно и то же, польского права. Поэтому-то Стефанъ Баторій отдавалъ русскіе церкви и монастыри съ ихъ землями іезуитамъ, какъ свое добро. Сигизмундъ III расположень былъ больше Стефана поощрять іезуитовъ и созданныхъ ими унитскихъ іерарховъ. Не къ кому было даже и апеллировать на

это законное безправье. Народъ протестовалъ противъ унії однимъ отречениемъ отъ святынь, отданныхъ иновѣрцамъ. Церкви стояли пусты; однѣ церковныя имущества оставались достояніемъ отступниковъ. Они пользовались этими имуществами на помѣстномъ правѣ, все равно какъ паны—королевщинами. Еслибы короли издавна не отказались отъ княжескаго права на родовыя панскія земли въ пользу шляхетскаго сословія,—Сигизмундъ могъ бы одинъ почеркомъ пера пополнить счотъ унитскихъ церквей цѣлою тысячею. Папскій нунцій Торресъ единственно потому насчиталъ дизунитскихъ церквей все еще 1.089, что королевская власть на панскія вотчины не распространялась. Чтѣ касается до энергіи захвата, то о ней можно судить по первымъ дѣйствіямъ главнаго орудія унії,—любезнаго князю Острожскому Потія, вскорѣ сдѣланнаго кіевскимъ митрополитомъ. Мѣщане города Бреста, оставшіеся при отеческой вѣрѣ, были имъ прокляты, какъ мѣстнымъ владыкою, а королемъ, то есть выпрошенію у него подписью, лишены покровительства законовъ, объявлены банитами; вслѣдствіе того товары ихъ опечатаны, и всякое общеніе съ прочими жителями имъ воспрещено. По этому поводу изъ устъ людей, не боявшихся королевскаго гнѣва, исходили громкія слова, приниамаемыя, какъ приверженцами, такъ и врагами православія за наличную монету, такъ точно какъ и угрозы 15-ю и 20-ю тысячами войска. Трусы трусовъ боятся взаимно: глаза у страха велики; дѣйствуя самъ фальшиво, человѣкъ дѣлается неспособенъ видѣть реальнуя почву подъ ногами противника. Какъ, съ одной стороны, не было собрано ни одной тысячи войска, такъ съ другой—не выдержана послѣдовательно ни одна законно-беззаконная мѣра. Паны, видя мѣщанъ въ баниціи, стали говорить, что и ихъ постигнетъ то же самое, за предковскую вѣру; но въ такомъ случаѣ, говорили они, король, изгоняя гражданъ Рѣчи-Посполитой, лишится своего титула, не захочеть имѣть общенія

сь баниами.¹⁾ Глухія и таинственные угрозы дѣйствовали на правительственныйю сферу: въ бумагахъ того времени рѣдко встречаются случаи столь крутой мѣры. Но зато широко примѣнена къ мѣщанамъ мѣра — отрѣшенія отъ городскихъ должностей за упорное отрицаніе унії. Объ этомъ говорить и афонскій апостолъ православія, тогда какъ о брестской баниції, умалчиваєтъ: видно, опа была вскорѣ отмѣнена и уже не повторялась въ такой рѣзкости. Впрочемъ правительство имѣло свой резонъ въ преслѣдованіи людей „славетныхъ“ между мѣщанами. Войты, бурмистры, представители цеховъ рѣзницкаго, кузніцкаго, кравецкаго и проч., были своего рода воеводы, канцеляры, старосты, дозорцы, словомъ — brachia regalia относительно людей, изъятыхъ магдебургскимъ правомъ изъ подъ старостинскаго и воеводскаго присуду. Имъ слѣдовало прежде другихъ подчиниться утвержденной правительствомъ іерархіи. Единство земли было признано шляхтою на Люблинской унії; единство церкви должны были признать королевские депенденты другого рода — мѣщане; единство народности устроилось бы само собою. Политика обыкновенная, съ одинаковою безуспѣшностью примѣняемая до нашего времени систематиками, не свѣдущими ни въ философіи исторіи, ни въ философіи естествознанія. И, видно, много теряли эти мѣщанскіе славетники, эта коммерческая и промышленная шляхта, съ потерюю своихъ мѣстъ въ магистратскихъ и цеховыхъ лавицахъ: козацкое войско было ими переполнено. Было, видно, отъ чего приходитъ въ „десперацию“. А что козаки дрожали такими адгерентами, это показываютъ комиссарскія требования, чтобы прежде всего войты и бурмистры были выключены изъ козацкаго реестра. Интересы мѣщанства и козачества становились тѣмъ солидарнѣе, чѣмъ больше польское право старалось разъединить эти два сословія.

¹⁾ См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острогожскаго отъ 31 января 1598 года.

Общественная позиция козаковъ сдѣлалась теперь совсѣмъ иною, противъ того, какою была она прежде. Люди такъ называемые статѣчные начали встрѣчать между козаками не однихъ только промышленниковъ, зарабатывающихъ козацкій хлѣбъ свой гайдамачествомъ. Давая козачеству контингентъ, мѣщане находили въ немъ откликъ на свою тѣсноту, которую они терпѣли отъ польского права—сперва въ ремеслахъ, независимо отъ религіи, а потомъ въ религіи, со стороны ремесль, промысловъ и торговли, какъ этому обращикомъ служитъ выказавшееся во всей рѣзкости притѣсненіе брестскихъ мѣщанъ. Ихъ ударили разомъ и по душѣ и по карману, этой второй душѣ самыхъ бездушныхъ людей. Десперациѣ была явленіемъ естественнымъ и зловѣщимъ: братчики церковные дѣлались братчиками войсковыми, а по томъ—наоборотъ. Откликъ на мѣщанская жалобы бывалъ различный, смотря по контингенту, который мѣщанство доставляло козакамъ. Начнемъ съ низшаго.

Въ козаки рвалась, прежде всего, ремесленная молодежь, люди неженатые, несвязанные хозяйствомъ и семьею. Оттого мы въ кобзарскихъ думахъ встрѣчаемъ такие типы, какъ Ивась Канівченко, отъ которого старушка мать должна была запирать необходимую принадлежность тогдашняго дома — оружіе; оттого каюющіеся на морѣ козаки даютъ обѣтъ почитать старшаго брата за отца, „а сестру ріднѣнку—за нѣнку“ (они грубо вырывались изъ семейнаго круга); оттого, наконецъ, Запорожскому Войску присвоенъ даже поляками официальный титулъ *panы молодцы* (*rapowie mołocysy*). Бѣжала молодежь въ козаки отовсюду, гдѣ домашній или общественный режимъ былъ для нея не по вкусу. Отсюда—потребность *juvenilem etatem suam consolare*. Какъ рукодайные слуги бѣжали отъ гордыхъ и взыскательныхъ пановъ, такъ *молодики* покидали отцовъ или цеховыхъ хозяевъ. Бѣжали въ козаки даже отъ „школьной чапи“, отъ „крупнаго гороху“, которыми закармливали молодежь въ тогдашнихъ суровыхъ учили-

щахъ. Всльдъ за ними „драбантовали“ въ козацкія куны и люди постарше, такие, которымъ случалось быть войтами и бурмистрами, но которые удалляемы были съ безчестіемъ изъ магистратскихъ „лавицъ“ за несогласіе на упю, или за то, что поссорились и подрались при запечатываніи церкви съ какимъ-нибудь отступникомъ, въ родѣ извѣстнаго исторіи кіевскаго войта Ходыки, или съ отступникомъ попомъ, или даже съ паномъ подстаростіемъ. Наконецъ, шли въ козаки и спекулянты, имѣвшіе даже собственныя човны, слѣдовательно и свой почтъ между убогими козаками, по подобію шляхты, которая входила въ составъ козацкаго войска съ собственными ротами. Отсюда-то въ козацкомъ товариствѣ такое процвѣтаніе ремесль, что даже нѣмцы обратили на него вниманіе, и вотъ почему для колонизаторовъ Украины особенно было интересно повыписать изъ козацкаго войска „всѣхъ людей, занимающихся какими бы то ни было ремеслами“. Въ ремесленникахъ настояла тогда такая надобность, что Янъ Замойскій, устроивъ себѣ городъ Замостье, привлекалъ изъ-за границы иностранныхъ ремесленниковъ, потому что свои, вмѣсто того, чтобы содержать панскіе замки, выдѣливъ панамъ сафьянъ, стропть конскую сбрую и исправлять въ походахъ всякую техническую службу, геройствовали въ козацкомъ войскѣ. Но, можетъ быть, чувствительнѣе самаго отсутствія ремесленныхъ людей и опаснѣе всякаго геройства ихъ въ козацкихъ купахъ, была та связь, которую устраивали эти сбившіеся и сбитые съ дороги люди между козаками и мѣщанами. Въ числѣ вольныхъ и невольныхъ изгнаниковъ, мечтательныхъ, какъ всѣ эмигранты, готовыхъ на политической крайности, какъ всѣ глубоко оскорбленные люди, были и попы, вдавшіеся въ козачество „съ десперацией“, какъ свидѣтельствуетъ Захарія Копытенскій. Но сдесперовавшихъ, какъ тогда говорилось, поповъ, не могло быть между козаками много, такъ какъ это былъ классъ вообще осѣдлый, семейный, запуганный и нравственно надорванный тяжкимъ удѣломъ своимъ. Гораздо больше

было между ними церковниковъ. Это мы видимъ изъ современныхъ письменъ, въ которыхъ на ряду съ прочими своеобразными людьми, предназначавшимися для исключенія изъ козацкаго реестра упоминаются и рыбалты.

Рыбалтами назывались тогда, въ презрительномъ смыслѣ, недоучившіеся спуден различныхъ школъ, самоучки философы и литераторы, въ родѣ приходскихъ дьяковъ, вообще люди, которые принадлежали къ церковнымъ хористамъ, состояли при церквяхъ родъ нищенскаго братства, и кормились по богатымъ дворамъ, за такъ называемые божественные псалмы, за представлени¤ церковныхъ мистерій, или же за списываніе разнаго рода душеспасительныхъ книжекъ, віршъ и тому подобныхъ монашескихъ издѣлій. Рыбалтъ былъ полудуховный и полусвѣтскій человѣкъ, полумонахъ и полумірянинъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, бездомный, перебивающій изо дня въ день безъ мозольнаго ремесла, одною своею, такъ сказать, артистичностью. Въ глазахъ пановъ, ремесленники, бѣжалвшіе въ козацкій гуртъ, служили козацкой гидрѣ цѣпкими лапами; рыбалты должны были представляться имъ глазами или мозгомъ этого хищнаго и ненасытнаго чудовища. Эти праздные философы видѣли подальше обыкновенныхъ козаковъ: они были, въ нѣкоторомъ родѣ, козацкою интеллигентіею. Въ кобзарской думѣ о бурѣ на Чорномъ морѣ, поповичъ Олексій „по три разы на день бере въ руки святѣ письмо да ѹ читає, прѣстыхъ козаківъ на все добре наставляє.“ Это—одинъ изъ рыбалтовъ, которые тѣмъ и хороши были для козаковъ, что не исчерпали еще всю тогдашнюю риторику и философію. Они могли еще вліять на простые козацкіе умы. Доучившіеся философы и богословы, большою частью, теряли ту способность, ради которой собственно учились. Народъ, не понимая ихъ премудрости, прокладывалъ самъ себѣ дорогу въ область безконечнаго, философствовалъ своеобразными параболами, легендами, пѣснями и т. п. Народъ, какъ собирательная личность, въ извѣстномъ

смыслъ, часто превышалъ присяжныхъ блюстителей души своей. И что же? Неужели паставлениа такихъ людей, этихъ козакующихъ рыбалтовъ ограничивались только пятою заповѣдью, которую пѣвецъ приключеній Олексія поповича избралъ темою для своего простодушнаго эпоса? Правственные интересы Олеクсієвъ поповичей среди Запорожскаго Войска, безъ сомнѣнія, были посложнѣе тѣхъ, которые связывали тогдашнюю поповскую или мѣщанскую семью, расторгаемую козачествомъ: дѣло шло о связи народа съ церковью, въ которую паны да іезуиты вколячивали клинъ за клиномъ; шло дѣло о связи материальнай силы съ нравственною и, наконецъ, о связи русскаго міра воедино. Рыбалты всему этому содѣйствовали. Малые земли, ничтожные скитальцы, едва поднявшіе надъ уровнемъ примитивнаго невѣжства, содѣйствовали явленію великому. Въ исторіи человѣчества такие примѣры бывали.

Въ то время польскій король, яко творецъ унитской іерархіи, начиналь уже терять обаяніе монархизма, который такъ охотно возводится народомъ въ идеаль правосудія. Церковная унія и московская война сдѣлали въ умахъ благочестиваго люду большой переворотъ ко вреду Сигизмунда. То, что дошло до насъ чрезъ посредство письма Острожскаго о брестской баниціи,—по принципу единичнаго представительства массы, принадлежало ему въ такой мѣрѣ, въ какой послу принадлежитъ общественное мнѣніе цѣлой націи. „Король лишится своего титула“—слова знаменательныя и для польской короны зловѣщія. Не одна Малая, но и Великая Россія, и не только Россія, но вся Славянщина, считавшая тогда 18 племенъ,—путемъ обмѣна мнѣній и вѣстей въ походахъ, въ торговыхъ сообщеніяхъ и умственныхъ общихъ работахъ, пришла къ заключенію, что польскій король и польскій народъ не освободятъ ихъ изъ тяжкаго языческаго ярма, что этотъ король, съ латинскимъ народомъ своимъ, самъ преслѣдуется незавоеванный русскій народъ, и не даетъ ему молиться въ предков-

скихъ его храмахъ.¹⁾ Чаяніе народовъ—чувство въ народахъ постоянное. Обводя глазами политической горизонть, передовые славянскіе умы, чаявшіе и жаждавшіе свободы, остановились на царствѣ, которое вставало собственными средствами изъ развалинъ, сильное одною вѣрою въ Божію правду, богатое природными дарами даже и въ своемъ разореніи. Вѣсы судьбы начали приходить уже тогда въ равновѣсие между Россіей и Польшею. Лишась прибалтийского края и Сѣверщины съ Смоленскомъ, безъ выхода на море, безъ крѣпкихъ воротъ въ государство, Россія была сильна опытомъ: она знала, что ляхамъ не одолѣть ее,—знала тѣмъ лучше, что ляхи разочаровались въ мечтахъ Баторія, Сигизмунда и самого королевича Владислава: они пришли наконецъ къ убѣждѣнію, что не съ ихъ обществомъ и не съ ихъ порядками установить режимъ надъ полусвѣтомъ. Это обоядное сознаніе внутренней крѣпости Московскаго царства, вызванной наружу потрясеніями всего его состава, растеклось различными путями по Славянщинѣ и облекло русскаго государя, въ ея глазахъ, величiemъ, до котораго не дожилъ ни одинъ изъ государей польскихъ. Такимъ образомъ уже въ то время общественное мнѣніе славянской семьи признавало первенство въ ней за Россіей, а не за Польшей. Но и въ русскомъ мірѣ, такъ сказать, дома

¹⁾ Одинъ изъ толерантныхъ католиковъ, добромильскій, виснинскій и мосципскій староста Щенсны Гербуртъ, во время такъ названной московской конфедерациі въ 1613 году, изложилъ на бумагѣ свое возврѣніе на русскій народъ (*Zdanie o Narodzie Ruskim*), въ которомъ, между прочимъ, говорить:

„Coż wѣdy za pozytek ma Król Jegomość z tak wielu kłopotów, które zaziły z narodem Ruskim? Ten pozytek ma, że iest nas Sławianskich narodów róz;nych ośmnaście; ci wszyscy kładli swobody swej ratunek na Królach Polskichci wszyscy rozumieli, że naród Polski miał ich z cięžkiego Pogańskiego iarzma wyswobodzić; ci wszyscy na każdą potrzebę Króla i narodu Polskiego garła swe gotowi dać byli. A teraz, iako krzywdę poczęto czynić narodowi Ruskiemu, są nam głównemi nieprzyjaciolami. Teraz wolą na woinie pomrzeć sami, żony dzieci swe popalić, iako to w Smolensku uczynili, niżli miali do zgody iakie przyjść z nami krwią swoią“. (Подлинникъ хранится въ Вильнѣ, у одного изъ Гербуртовъ. Напечатано въ „Документахъ, объясн. Исторію Югоз. Края.“)

у насть, совершился тогда въ умахъ массы процессъ, возведившій московскаго царя на высоту Равноапостольнаго Владимира. Изъ убогихъ, забвенныхъ сильными южнорусскими людьми келлій шла многоустная проповѣдь въ народѣ о независимомъ великомъ царствѣ православномъ и о царѣ, возвѣдающемъ на престолъ во все-могущество верховной власти, какъ надъ послѣднимъ, такъ равно и надъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ: образъ очаровательный для южноруссовъ, которыхъ судьбою и даже вѣрою играли польскіе королята. Объ этомъ поэтическомъ актѣ возсоединенія народовъ посредствомъ признанія царя общимъ царемъ *всехъ Russi*, — признаніи, совершившемся въ сердцахъ задолго до фактическаго соединенія, я разскажу подробно въ своемъ мѣстѣ. Теперь прошу читателя оглянуться кругомъ. Спросимъ другъ друга: можно ли было въ *томъ* положеніи вещей, какое существовало у насть на Руси послѣ торжества поляковъ non vi, sed consilio надъ козаками, провидѣть что либо-подобное? Я отвѣщаю: можно.

Всѣ исполнившіяся чаянія народовъ, эти высказанныя, не нѣмья требованія силы вещей, зарождались въ человѣческихъ обществахъ задолго до громкой ихъ манифестаціи. Историкъ отдаленаго прошлаго часто въ буйихъ міра находитъ проблески плодотворной мысли, и въ самомъ каѳь-бы безпричинномъ и безумномъ смятеніи толпы усматриваетъ зачатіе новаго чада жизни — великой идеи общественной. „Вскую шаташася языци, и людіе поучишася тщетнымъ“? могъ бы вопросить украинцевъ, съ ихъ ропотомъ на унію, съ ихъ буйными козацкими купами, такой спокойный и удовлетворенный своимъ просвѣщенiemъ умъ, какъ Фома Замойскій. „Почему не жить вамъ подъ моимъ ласковымъ и правдолюбивымъ сидѣньемъ на воеводствѣ“? могъ бы онъ говорить имъ. „Я даже подвоеводія дамъ вамъ одной съ вами вѣры, каковъ былъ любезный вамъ князь Вороницкій. Только что мой подвоеводій не позволить себѣ такихъ кривдъ, такихъ разбоевъ,

какіе терпѣль Вороницкому вашъ великій патронъ, ревнитель вашей вѣры, князь Василій. Я, какъ дѣлалъ мой отецъ, не стану самъ приневоливать васъ къ перемѣнѣ религіи и не позволю никому насиливать совѣсть вашу. Съ чистой душою, могу я повторить передъ вами слова, которыхъ онъ, великий и приснопамятный въ терпимости своей, произнесъ передъ нашими иновѣрцами, евангеликами: „Еслибъ это могло случиться, чтобы вы были „всѣ папистами, отдать бы я на это половину жизни моей,—от- „далъ бы половину для того, чтобы, живя другую, наслаждаться „святымъ единеніемъ съ вами; но если кто будетъ притѣснять „васъ, я отдамъ всю мою жизнь за васъ, чтобы не видѣть, какъ „васъ притѣсняютъ“.

Такъ, безъ сомнѣнія, и говорилъ просвѣщенный польско-русскій магнатъ, когда собиралъ вокругъ себя въ Кіевѣ разогнанное римскими волками русское стадо, на которомъ духовнымъ очамъ виднѣлись три тавра: первое положила и завѣщала сохранить во вѣки дѣвственно-чистая русская церковь; второе осторожно напечатновала хитрая сводница унія; третье смѣлой рукою сдѣлала наглая прелюбодѣйка, что предпочла небесному жениху своему земного главу и обладателя. Но чтѣ значили кроткія рѣчи и благіе помыслы одного или нѣсколькихъ, когда кругомъ православныхъ, въ средѣ родного края ихъ, засѣли враги русскаго имени „яко левъ готовъ на ловъ, и яко скуненъ обитай въ тайныхъ“? Не хотѣло успокоиться никакими словами великое собирательное сердце народа нашего, и волновалось тѣмъ мятежнѣе въ груди противниковъ церковной унії, въ груди ненавистниковъ польскаго права.

Эти шатанія запорожцевъ, эти, по видимому, тщетныя, суэтныя поученія озлобленныхъ рыбалтовъ и сдесперовавшихъ поповъ, знаменовали возрожденіе Кіевской Руси, предшествовавшее великому въ исторіи событию — возсоединенію русскаго міра. Идея торжества славянъ надъ монгольскимъ племенемъ была не

по силамъ Баторію, не по силамъ просвѣщеннымъ поляко-русамъ, не по силамъ и вдохновителю ихъ, украшенному трехъ-этажною короною; она оставалась мечтою, доколѣ пребывала въ обществѣ „премудрыхъ“ и „крѣпкихъ“, и весьма много „значущихъ“, но воплощенная „въ худородныхъ“ и „упичиженныхъ“ и „ничего не значущихъ“, оказалась практическию, оправдала реальность свою. Пока, однакожъ, торжество ея сдѣлалось очевиднымъ для каждого, она проявлялась на древнемъ варяжскомъ займище дикими сценами. Безсознательные носители идеи, не щадя себя, никого не щадили. Во времена Косинского, они своимъ козацкимъ обычаемъ чинили грубый судъ и расправу, между такими людьми, какъ Михайло и Василій Гулевичи. Во времена Наливайка и Лободы, они, вмѣстѣ съ козацкимъ товарищемъ, княземъ Вороницкимъ, промышляли разбойницкіи надъ имуществами Семашка и Терлецкаго; они защитникамъ этихъ имуществъ, простодушно вѣрнымъ панскимъ недобиткамъ, рѣзали уши. Архивы судебныхъ мѣсть, уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ, полны варварскими расправами и грабежами козацкими. Не очень много обращали они вниманія на различіе или единство вѣры: они, раздражась мелочными сдѣлками, не дали спуску даже монашескому хозяйству Киево-Никольского монастыря. Но все-таки охотнѣе прислуживались козацкимъ ремесломъ своимъ защитникамъ церковныхъ имуществъ противъ ихъ похитителей, нежели какому-нибудь пану Стадницкому противъ такого же какъ онъ педоляшка, пана Опалинского; и къ такимъ-то услугамъ надобно отнести уточленіе въ проруби несчастнаго Грековича. Глядя со стороны фактической, слѣдуетъ видѣть во всѣхъ указанныхъ явленіяхъ козачества обыкновенный разбойничій смыслъ, оправдываемый частью дурнымъ устройствомъ гражданского общества польского; но, судя по развитію общественной идеи украинской, это былъ откликъ людей сбытыхъ и сбившихся съ дороги на жалобы людей, державшихся столбового пути. При безсиліи закона и его исполнителей, при злоупотребле-

ніяхъ администрації, поддерживаемыхъ королевскою канцеляріею, козаки, въ качествѣ родичей, знакомцевъ и единовѣрцевъ, были единственою силою, съ помощью которой кіевскіе и другіе братчики удерживали за собою древнія святыни, не позволяли ихъ запечатывать, отпугивали жадность унитовъ къ захвату церковныхъ имуществъ и даже удерживали многихъ земляковъ отъ измѣны православію. Вотъ настоящее прикосновеніе козаковъ къ дѣламъ православной церкви, если мы будемъ разумѣть козацкую массу, состоявшую большею частию изъ такихъ гольщакъ, какихъ увидѣлъ въ Хвастовѣ московскій попъ Лукьянъ.

Но козаки, какъ многочисленная корпорація, по инстинкту самосохраненія, нуждались, для нѣкоторыхъ мудреныхъ дѣлъ, въ людяхъ высшаго разряда, въ людяхъ статечныхъ, интеллигентныхъ и, если было возможно, даже знатныхъ. Таковы были гетманы и старшины ихъ со временъ князя Рожинскаго; таковъ былъ и самъ Петро Сагайдачный. Какъ ни сильно преобладала въ козацкихъ дѣлахъ воля большинства, но само большинство, въ свою очередь, подчинялось иногда вліянію такихъ личностей, какія дѣйствовали вмѣсть съ Сагайдачнымъ по части козацкой дипломатіи. Для нашего разумѣнія, въ грубой козацкой массѣ замѣтна работа людей талантливыхъ и образованныхъ. Самая артиллерія козацкая, названная въ польскомъ дневникѣ *grze-
czna*, въ смыслѣ отличного устройства, еще во время московской самозванщины, — доказываетъ, что Войско Запорожское не было пристанищемъ однихъ буйновъ, невѣждъ и горькихъ пьяницъ. Оно смыслило многое и за предѣлами козакованья, какъ это видно изъ его отношеній къ императору Рудольфу, къ господарямъ дунайскихъ княжествъ и къ самому князю Острожскому. Оно вело торговлю съ украинскими городами издавна; оно состояло преимущественно изъ городскихъ ремесленниковъ. Высшіе интересы мѣщанъ и церковныхъ братствъ не могли оставаться чуждыми и непонятными тѣмъ людямъ изъ числа козаковъ, кото-

рые такъ или иначе видали Краковъ, Пресбургъ, Вѣну, Москву и Царьградъ. Дикие козаки древній Греціи, изъ которыхъ предпріимчивый гетманъ, Филиппъ Македонскій, образовалъ фаланги, иначе понимали многое по смерти великаго Александра, чѣмъ въ то время, когда ходили съ Филиппомъ подъ великолѣпныя Аѳинь, въ первомъ пылу своей хищности. Такая, или еще большая, разница была между людьми, тонувшими въ снѣгу подъ мѣстечкомъ Пятромъ, и тѣми полковниками, сотниками, осаулами козацкими, которыхъ, черезъ 23 года, многоученый Ёома Замойскій угощалъ *humanissime* въ свѣтлицахъ кievской ратуши.

Истекло уже 30 лѣтъ съ появленія въ печати книги книгъ на славянскомъ языке, и 22 года—со времени изданія великой прокламаціи православія—„Апокриса“. Не только множество сочиненій вызвано было на сцену этими двумя явленіями, какъ ихъ естественное слѣдствіе, какъ возрастаніе посѣва, брошенного въ согрѣтую дыханіемъ Цереры землю, или созрѣваніе божественного слова въ простыхъ умахъ, способныхъ воспринять истину только подъ видомъ притчей,—нѣть! эти два незабвенныя дѣла общественной энергіи, сказавшейся намъ въ единицахъ, вызвали также изъ небытія къ бытію и множество типографій. А мы знаемъ, что каждая типографія была ученый, по тому времени, кружокъ, собиравшійся около печатнаго станка и шрифтовой кассы; каждая представляла собою, въ миніатюрномъ видѣ, академію свободныхъ наукъ, наукъ *wyzwolonych*, какъ ихъ прекрасно называли поляки. Сколько было на Руси друкарень, столько было и очаговъ, у которыхъ отогревался русскій умъ, на которыхъ готовилась умственная пища для голодающаго русскаго міра. Знали тогдашніе полуневѣжды, что они дѣлаютъ, когда не только постоянныя, но и кочующія типографіи находили у нихъ средства къ своему существованію. Радѣтели печатнаго искусства, кто бы они ни были, „ихже имена ты, Господи, вѣси“, кормили русскій міръ пищею, которой такъ долго не доставало ему. „Ядять убози

и насытятся, и восхвалятъ Господа: душа ихъ жива будетъ во вѣкъ": такъ, безъ сомнѣнія философствовали эти нѣмые для насть прозиратели въ будущее, столь краснорѣчиво говорящіе намъ о себѣ множествомъ трудныхъ и опасныхъ работъ своихъ. Они не дали умереть душѣ народа нашего, распуститься въ польщизнѣ, какъ распускается золото въ гальванопластическомъ аппаратѣ, не дали ему потерять для исторіи слѣдъ свой, уйти на одну позолоту польской гордости, осіять богатыми дарами природы своей чуждый народъ, иновѣрное общество. Это уже сдѣлала богатая часть южно-руssкаго міра для Польши: она, распустясь въ разѣдающемъ, латинопольскомъ элементѣ, позолотила собою знамена Казимира III, Ягайла, трехъ Сигизмундовъ и забравшагося между нихъ великаго по замысламъ Баторія; позолотила фоліанты книгъ, которыхъ не видать бы у себя Польшѣ безъ абсорбированія русскаго элемента; позолотила даже ту житейскую мудрость, которая проявлялась въ польскихъ посольствахъ.¹⁾ Такія писанія, какъ „Апокризисъ“, какъ посланія Іоанна Вишенскаго, которыя теперь не каждый способенъ понимать и цѣнить по достоинству, остановили остальной, убогій южно-руssкій міръ отъ подобнаго же химическаго разложенія, для позолоты тѣснелавной Польши, и сохранили самобытность его для болѣе достойныхъ цѣлей. Монашествующіе интеллигентные люди, представители убогихъ панскихъ и тѣснѣмыхъ поповскихъ и мѣщанскихъ домовъ, не по собственному замысленію вписывались въ братство, лобызая его и выражая готовность пролить за него кровь свою. Они, своими словами и дѣлами, составляли аккордъ съ тѣми рѣчами, которыя возгрѣмѣли въ ихъ

¹⁾ Замѣчательно, что послами служили полякамъ почти всегда люди русскіе. Поэтому-то Папроцкій, котораго такъ игнорируютъ польскіе историки, сказавъ о мужествѣ русскихъ воиновъ, отдаетъ предпочтеніе русскимъ и въ посольскихъ дѣлахъ. Русскій человѣкъ, по его словамъ, справится лучше въ посольствѣ, нежели полякъ въ состояніи приказать ему. (См. т. I. стр. 108, и въ примѣчаніяхъ ко II-му тому оду „Do Polakow“).

слухъ съ аѳонскаго Синая. Они выполняли программу, изложенную въ кодексѣ православія — „Апокризисъ“.

Печерскій монастырь былъ крѣпостью въ двоякомъ смыслѣ: онъ могъ отстоять себя противъ нападенія силы материальнай и, болѣе нежели какой-либо другой монастырь или церковное братство, обладалъ средствами нравственными. На пемъ прежде всего споткнулась факція, задумавшая, путемъ уніи, претворить нашу Русь въ Польшу. Лишь только владимирскій владыка Ипатій Потій сдѣланъ былъ унитскимъ митрополитомъ по смерти Рогозы, ему дана была королевская грамота на вступленіе во владѣніе Печерскимъ монастыремъ. Но въ тѣ времена всякое пожалованіе, независимо отъ грамоты, должно было сопровождаться вооруженною силою, достаточною для того, чтобы написанное на бумагѣ сдѣжалось фактотъ. Мы уже знаемъ, какъ паны отмежевывали себѣ саблею пожалованную отъ короля и Рѣчи-Посполитой землю,¹⁾ какъ даже убогій пахарь, прежде чѣмъ пахать занятый лантъ, втыкалъ на межѣ саблю.²⁾ Въ 1580 году князь Василій, для того, чтобы ввести новаго архимандрита въ испрошенній для него Жидичинскій монастырь, явился туда на челѣ своего войска и поставилъ гарнизонъ въ монастырѣ и его имѣніяхъ.³⁾ Безъ этого насильственного акта, старый обладатель монастыря продолжалъ бы въ немъ господствовать, и завѣщалъ бы его своимъ наследникамъ, какъ это случалось не разъ подъ безпорядочнымъ господствомъ польского граду. Подобный актъ предстоялъ и Потію для овладѣнія Киево-Печерской Лаврою; но собрать силу, достаточную для овладѣнія этимъ ковчегомъ православія, затруднился бы и самъ король, какъ въ материальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Тогдашній архимандритъ Печерскаго монастыря, Никифоръ Туръ, объявилъ на отрѣзъ, что не уступитъ русской свя-

¹⁾ См. т. I, стр. 144.

²⁾ См. тамъ же, стр. 145.

³⁾ См. тамъ же, стр. 246.

тыни никакимъ иновѣрцамъ. Дѣло кончилось овладѣніемъ только тѣми монастырскими имуществами, которыя захватилъ законнымъ способомъ первый отступникъ-митрополитъ, Михаилъ Рогоза. Въ актѣ прямого и рѣшительного отказа со стороны Никифора Тура слышно участіе того сильнаго духомъ инона, который объявилъ всѣхъ пановъ еретиками, который игнорировалъ вооруженную русскую силу — козаковъ, и взывалъ только къ силѣ русскаго духа. Два лагеря духовныхъ людей, православный и католическій вступили тогда въ борьбу на жизнь или на смерть посреди пассивнаго дворянства, невѣжественнаго сельскаго духовенства, зависимой отъ пановъ массы поселянъ, среди сохранившихъ нечто въ родѣ автономіи городовъ и беспорядочной козацкой вольницы. Изъ приведенного въ хаотическое состояніе южно-русскаго міра надобно было сдѣлать народъ: задача трудная! Одни мѣщане приближались къ идеалу православнаго гражданскаго общества, но ихъ, сравнительно съ массою осѣдланныхъ и взнuzданныхъ панами, было мало; а козаки, хоть и были силою, но вовсе не тою, которую употребляютъ при созиданіи. Дворянъ рѣшительно забирала въ свои руки католическая партія. Оставалось разсчитывать развѣ на ихъ скучныя даянія и получать эти даянія путемъ древнихъ пещерскихъ инона, которые склоняли иногда задорнаго варяга обезпечить спасеніе разбойницкой души своей записью на монастырь разоренной деревушки, бортныхъ ухожаевъ, городского дворища. Оставалось дѣйствовать обычаемъ работниковъ „нѣмой проповѣди“, которые упросились, съ своими просвѣтительными помыслами, сперва въ Заблудово къ Тишкевичу, а потомъ въ Острогъ къ князю Василію, или обычаемъ того неизвѣстнаго намъ дѣятеля, который расположилъ пана Загоровскаго ¹⁾ къ составленію благочестиваго завѣщенія въ пользу церкви и школы, остававшихся

¹⁾ См. т. I. стр. 197.

при его жизни безъ проповѣдника и безъ учителя. Оставалось инокамъ нищить и прослыть канюками, чтобы изъ великой добычи меча и лукавства отѣлена была частица въ пользу правственной и духовной жизни русскаго народа.

Въ то время процвѣталъ среди монашествующей братіи способный къ такому нищанью и канюченію Исаія Купинскій, впослѣдствіи кievскій митрополитъ. Происходя изъ древняго дворянскаго рода, онъ имѣлъ много пріятельскихъ связей съ панскими домами, и не одного человѣка, въ родѣ князя Василія, подвинулъ, своими внушеніями, на доброе дѣло. Такъ, намъ извѣстно, что онъ выпросилъ у князей Вишневецкихъ значительныя займища подъ Густынскій и Ладинскій монастыри, которые мало-помалу создалъ и снабдилъ всѣмъ необходимымъ посредствомъ своихъ напоминаній панамъ о мимотечности всего земного, о неминуемой расплатѣ за все, въ чомъ слабѣйшій братъ нашъ когда-либо нами обижень, о томъ, что только милостивые помилованы будуть, и о великой радости видѣть лицемъ къ лицу божество, неизримое очами грѣшными. Замѣчательенъ фактъ, что всѣ великие жертвователи (за исключениемъ большихъ) на просвѣщеніе православнаго народа, чрезъ посредство типографій, школъ или монастырей,— приносили жертвы свои наканунѣ перехода своихъ домовъ на сторону враговъ православія. Когда созидался отъ ихъ имени славяно-русскій храмъ, въ немъ собирались люди, чужие создателямъ и благодѣтелямъ его, а дѣти первыхъ ктиторовъ молились уже подъ католической органъ и шептали латинскія слова, выкованныя гдѣ-то далеко отъ русской земли, подобно бесконечной цѣпи, пакидываемой на всю вселенную. Такъ отошли прочь отъ напечатанныхъ въ ихъ имя книгъ, отъ построенныхъ на святую память обѣихъ церквей и заложенныхъ на прославленіе ихъ величодушія училищъ — наслѣдники Григорія Ходкевича, Василія Острожскаго и современныхъ имъ пановъ Загоровскихъ, Вишневецкихъ, Прѣскуръ, Корецкихъ, Чорторийскихъ; от-

вернулись они въ сторону и пошли въ жизнь путемъ, противоположнымъ предковскому. Мысль грустная, но она подтверждается еще однимъ примѣромъ. Тотъ же Исаія Купинскій, который создалъ руками Вишневецкихъ и другихъ пановъ два монастыря, въ 1615 году получилъ изъ руки жены мозырского маршала Степана Лозки, Анны Степановны, урожденной Гулевичевой „наслѣдственныя (гулевичевскія) имѣнія, пользующіяся дворянскими правами и вольностями, подъ монастырь ставроигії патріаршеской, подъ школу дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, и, сверхъ того, подъ гостинницу для духовныхъ странниковъ вѣры восточной каѳолической церкви“. Дальнѣйшія слова этого драгоцѣннаго въ исторіи нашего просвѣщенія дарственного акта: „я съ давнихъ временъ умыслила сдѣлать добро для церкви Божіей“, въ переводѣ на житейскій языкъ, означаютъ, что она умыслила только тогда, когда была убѣждена къ тому религіознымъ краснорѣчіемъ инока, которому, по порядку дѣлъ человѣческихъ, принадлежала и самая фраза: она исключаетъ подозрѣніе родныхъ въ наущничаніѣ и выставляетъ Анну Гулевичеву самодѣятельною въ свое поступкѣ; а самодѣятельности нельзя предположить даже и въ мудрой княгинѣ Ольгѣ: и та, безъ всякаго сомнѣнія, была увлечена въ царство истины безыменными для насть „ловцами человѣковъ“. При какихъ обстоятельствахъ совершилось благотворное пожертвованіе, видно изъ того же акта, дышащаго тогдашнимъ тревожнымъ и безправнымъ временемъ. „А чтобы та фундація“, написалъ Купинскій отъ имени Гулевичевны, „возымѣла свое дѣйствіе (могла вѣдь и не возымѣть), то я тотчасъ же въ тотъ дворъ съ землею духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ, именно: правовѣрнаго священно-инока отца Исаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, также и школу, ввела и ввожу, отдавая имъ то въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе“. Такимъ образомъ крѣпость была снабжена гарнизономъ, и кто бы сталъ отрицать права Купинскаго съ его братіею, тому предстояло два про-

цесса: одинъ юридический, а другой кулачный. Повторилась история съ Жидичинскимъ монастыремъ для введенія въ дѣйствительное владѣніе и распоряженіе сдѣланнымъ пожертвованіемъ.

Зная уже, что дочь православной жертвовательницы, Софія, вошла въ католическое семейство; зная власть или верховодство тогдашнихъ мужчинъ падъ „блѣмы головами“, мы не совсѣмъ безъ основанія можемъ предположить повтореніе надъ Анною Гулевичевною той сцены, которую совершилъ въ Острожскомъ замкѣ князь Василій надъ вдовою своего брата. Хмельницина, своими пожарами, сдѣлала нашу старину темнѣе обыкновеннаго. Поэтому семейная исторія пановъ Аксаковъ и Лозокъ, въ дарственномъ актѣ, представляетъ полный ладъ, и самъ Sѣdzia Jan Aksak скрѣпилъ его. Но этотъ pan Sѣdzia умѣлъ казуистически присвоить себѣ часть имѣній князей Половцевъ, а его сынъ и внуки, уже въ началѣ Хмельничины, устроили въ домашнемъ кругу сцену разбоя и грабежа на широкую ногу, съ вполнѣшимъ родственнымъ скандаломъ (о чомъ будемъ имѣть случай говорить въ своемъ мѣстѣ). Натура Аксаковъ, какъ мы видимъ, была, чтѣ называется, gwaltowna. Чѣдѣ касается до натуры Гулевичей, то они заявили такую же гвалтовность во времена Косинскаго. Все говорить намъ, что, при тогдашнемъ раздѣленіи руси на сѧ въ пользу модной и господствующей польщизны, новому поколѣнію давался ходъ, противоположный отеческимъ преданіямъ; что совсѣмъ матери возмутилась за дочь, встревожилась за будущность, какъ ея, такъ и своей собственной души, и что, имѣя, по Литовскому Статуту, право располагать своимъ вѣномъ какъ угодно, она охотно взяла милосердому къ бѣдствующимъ единовѣрцамъ иноку. Мѣшать ей въ этомъ не стѣло, хотя дарственный актъ отзывается страхомъ вмѣшательства. Такой человѣкъ, какъ Sѣdzia Kijowski, долженъ быть и провидѣть въ недалекомъ будущемъ переходъ законнымъ путемъ всѣхъ схизматическихъ церквей и ихъ имѣній въ лоно Kościola Rzymskiego. Унія лиши-

ла уже схизматическое общество церковной іерархіи. Долго ли устоить оно на своей вѣрѣ при однихъ кievскихъ архимандритахъ? Конечно, пань Аксакъ, равно какъ и всѣ гвалтовныя натуры, не въ состояніи былъ проникнуть ни въ милосердную душу Іова, при имени которого вспоминаются слова: „Онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтлѧ“, ни въ замкнутую душу Конашевача-Сагайдачнаго, о которомъ ни единимъ словомъ не помянуто у Журковскаго, точно какъ-будто и не было его между тѣми знатными козаками, которыхъ новый воевода угощалъ *humanissime*. Не слыхать было въ то время ни про того, ни про другого. Это показываетъ, что оба подгорца думали свою крѣпкую думу безъ шума. Приближалось великое время. Оно предвидѣлось, то есть должно было предвидѣться, такими людьми. Стѣсненная со всѣхъ сторонъ враждебными апрошами русская церковь была на канунѣ своего возрожденія.

ГЛАВА XIX.

Польско-русское общество терроризуетъ лучшаго своего представителя.— Отстраненіе Запорожскаго Войска отъ участія въ войнѣ за Волощину.— Гибель панского войска на Щодорѣ и значеніе этого событія въ судьбѣ Украины.— Общій взглядъ на польско-русскую жизнь, положеніе страны и народа.— Личность лучшаго козака и ея отношенія къ лучшему изъ людей духовныхъ.

Надъ польско-русскимъ центавромъ продолжали грознѣе и грознѣе собираться тучи, и все съ той, съ задунайской стороны. Точно незримая рука на пиру Валтасара, таинственная сила, не-ссязаемая для классически воспитанного польского ума, давала Польши знать о ея крайне опасномъ положеніи. Но ни одной Трои не было безъ своей Кассандры. Быть и среди поляковъ чловѣкъ, который видѣлъ, къ чему клонится дѣло. Шроисходя отъ русскихъ предковъ, онъ ярко позолотилъ польскую славу; но польское отечество не понимало его, не цѣнило, преслѣдовало его завистливыми языками и привело наконецъ къ трагической кончинѣ. Хотя онъ говорилъ на сеймѣ, что злые толки о людяхъ *fidei probatae*¹⁾ явленіе обыкновенное, что это — *communis sors omnium*,²⁾ но тѣмъ не менѣе они глубоко оскорбляли эту честную, энергическую душу. Они имѣли вліяніе и на послѣднюю судьбу его.

Въ договорѣ, который заключилъ Жовковскій 23 сентября 1617. года съ Искандеръ-башею, упомянуто было только слегка

о Волошской и Молдавской земляхъ, что никто не будетъ вторгаться въ нихъ съ польской стороны, а волошскій господарь, поступая на основаніи давнихъ обычаевъ, долженъ стараться, чтобы не быть нарушенъ миръ между польскимъ королемъ и турецкимъ императоромъ. Эти слова мирнаго трактата истолкованы такъ, что Рѣчь-Посполитая отказалась отъ своихъ ленныхъ правъ на Валахію и Молдавію, которыхъ пріобрѣтены и упрочены за нею столькими жертвами, и въ этомъ всего обиднѣе упрекали гетмана. Между тѣмъ, въ 1620 году, Каспаръ Граціанъ, волошскій господарь, добровольно сдѣлалъ предложеніе — отдаться со всѣмъ краемъ въ исключительную опеку польского короля и сословій Рѣчи-Посполитой, если помогутъ ему освободиться изъ-подъ турецкаго владычества. Збаражскіе, Сінявскіе и другіе паны, завидовавши славѣ Жовковскаго, распространили въ обществѣ слухъ, что старый гетманъ трусить войны, что старческая нерѣшительность была причиною потери Волощины, что представляется теперь единственный счастливый случай возвратить ее, который никогда уже не повторится. Цѣлый 1619 годъ работали языки въ ущербъ высокой репутаціи Жовковскаго; но въ этомъ году не возможно было ничего предпринять за Днѣстромъ: онъ ушоль на взаимныя интриги между Граціаномъ и турками, о чомъ конфиденты давали знать бдительному, хоть и надорванному, коронному гетману, на переписку между Жовковскимъ и Скиндеръ-башею, котораго онъ всячески удерживалъ отъ непріязненныхъ дѣйствій, на собиранье военныхъ силъ и на старанія объ усмиреніи украинскихъ козаковъ. Въ 1620 году отпаденіе Граціана сдѣлалось очевиднымъ для турокъ; польскій посолъ въ Цареградѣ, Отвиновскій, былъ высланъ; турки готовились примкнуть Волщину къ Отоманскої имперіи нераздѣльно и отомстить полякамъ за ихъ двуличную политику. Сигизмундъ III пересталъ обращать вниманіе на представленія своего короннаго гетмана, внушаемыя опытною осторожностью, и повелѣлъ ему немедленно вторгнуться въ

Волошину. Для потомка храбрых русичей королевское повелѣніе было то самое, чтѣ для боевого копя — шиоры. Въ начаѣ сентября Жовковскій былъ уже за Днѣстромъ. Но съ какимъ предчувствіемъ оглядывался онъ счами души своей на родную землю, оставленную за шеломянемъ, видно изъ прощального письма его къ Сигизмунду. Онъ столько лѣтъ носилъ на своихъ плечахъ этого мертвца — панско-ксензовскую Польшу, съ бездушнымъ ея королемъ-іезуитомъ, и все попусту.

„Война съ турками — не игрушка“, писалъ онъ: „или надобно разрушить замыселъ турокъ, которые хотятъ господствовать надъ Рѣчью-Посполитою и всѣмъ свѣтомъ, или ты, государь, потерлешь королевство. Погибнетъ, отъ чего сохрани Боже, Рѣчь-Посполитая! Тутъ надобно, ut intendas vires animi ingeniique!¹⁾ Откровенно скажу: если Рѣчь-Посполитая, любезное отечество мое, будетъ воевать defensivo bello²⁾ въ землѣ своей, — actum est,³⁾ мы погибли! Но если будемъ нападать на непріятеля въ его землѣ — non est desperandum de victoria⁴⁾.“

Но какія же силы души и ума могли оказаться у Сигизмунда, когда онъ всю свою жизнь дѣйствовалъ по указкѣ бездушныхъ и безумныхъ? Только вѣра, что сердце царево въ руцѣ Божіей, могла озарять надеждою мрачное настроеніе духа Жовковскаго. Онъ писалъ о себѣ:

„Я изложилъ въ другихъ письмахъ причины, по которымъ я, отстранивъ tutiora, fortiora consilia,⁵⁾ рѣшился исполнить требованія этой упорной и беспорядочной республики. Миѣ не осталось выбора. Принудили меня къ этому также обвиненія и незаслуженные ругательства, которыхъ тяжелоносить даже и вели-

¹⁾ Напрѣчь тебѣ силы души и ума.

²⁾ Оборонительную войною.

³⁾ Кончено!

⁴⁾ Еще нечего отчаяваться въ побѣдѣ.

⁵⁾ Болѣе безопасные, болѣе убѣдительные совѣты.

кимъ умамъ. Откажи я хоть и теперь волохамъ въ помощи, — какой предметъ для обвиненій! Такъ и быть: или мы одолѣмъ непріятеля, чтѣ дай намъ, Господи Боже, или, чего, Господи Боже, не дай, онъ пасъ одолѣтъ. Если паду, отъ чего сохрани меня, Господи Боже, пусть будетъ; только я не хотѣлъ бы сдѣлаться несчастiemъ Рѣчи-Посполитой. Давно я искалъ смерти, но не по собственной волѣ положу животъ мой: положу его ради св. вѣры, ради службы вашей королевской милости и Рѣчи-Посполитой. Не хочу быть постыднимъ, хотя отъ нея, за столько трудовъ, лишеній и отваги, получать въ награду только хулы и оскорблени¤. Не могу дѣйствовать иначе, какъ только въ видахъ пользы моему отечеству. Награда за это будетъ мнѣ только на небѣ. Если же, какъ я уповаю, Господь Богъ благословить насъ, пускай тогда прикусятъ языки завистливые подлипалы. Не говоря о другихъ причинахъ, я рѣшился дѣйствовать такъ и потому еще, что таково общее желаніе войска“.

Итакъ опять уносчивость мечтательно-воинственной шляхты! Войско опять возмечтало о великихъ подвигахъ: съ ничтожными матеріальными и нравственными средствами. Не пошла полякамъ въ прокъ² наука, преподаная имъ въ Московщинѣ. Герои классической древности мерещились имъ за Днѣстровъмъ. При недостаткѣ реальности въ ярахъ, обычаяхъ и воспитаніи, они устремляли взоръ только на блестящее. Привыкнувъ съ дѣтства къ громкимъ фразамъ классическихъ риторовъ, они принимали за высокое только то, о чомъ трубила стоящая молва. Не знали они, что для высокихъ подвиговъ слишкомъ достаточно собственного родного круга, ближайшей околицы, незначительной должности, и что тѣ только государства способны дѣлаться великими, въ которыхъ велики люди малые. Гораздо ближе къ этому идеалу стояли козаки; но ихъ положеніе было изолированное: никому не служили они примѣромъ, и сами ни въ какихъ примѣрахъ не нуждались. Козаковъ было въ войскахъ

Жовковскаго немногого, и то — вольнопрактикующихъ. Запорожскаго Войска въ походъ не приглашали, чтобы не нарушить недавниаго ограничения числа его. Львовская лѣтопись, исполненная особеннаго сочувствія къ Украинѣ, приписываетъ неудачу похода Жовковскаго тому, что онъ „безъ козаковъ войну точилъ“. До лѣтописца дошли слухи, будтобы онъ говорилъ: „Не хочу зъ Грицьми¹⁾ воевати! Нехай пасутъ свїні та брють землю.“

Гдѣ же были въ это время козаки, то есть эти 20.000 вооруженнаго народа, которые помогли королевичу выпутаться изъ Московской траги-комедіи? Обыкновенно воображаютъ, что Киевъ или другіе города и села были заняты ими, какъ расквартированными солдатами, а козацкій гетманъ изъ своей резиденціи дѣлалъ войсковыя распоряженія, а пожалуй даже смотры. Были такіе историки, которые придавали гетману даже правительственную власть надъ Украиной и воображали его какимъ-то полу-государемъ. На дѣль вещи стояли гораздо проще.

Ближайшее подобіе козачества представляютъ въ наше время чумаки. Стбить вообразить себѣ чумаковъ, появившихся на ярмаркѣ, загорѣлыхъ больше каждого пахаря, запыленныхъ, запачканныхъ въ деготь, дохмотныхъ. Это козаки вернулись изъ походу. Недѣли черезъ двѣ вы смотрите — чумаковъ нигдѣ нѣть; смуглыя лица подбриты, бѣлыя сорочки и „людская“ одежда даютъ имъ совсѣмъ иной видъ. Чумакъ идетъ въ церковь рядомъ съ прочими, „пола обѣ полу черкается“; повстрѣчавшись, онъ „проздоровье пытается“.²⁾ Чумака видите вы среди дѣтей на осеннемъ солнышкѣ подъ хатою; чумакъ *окукоблює* и *захищає* *двіръ* *проти зіми*, или пашетъ поле на зябъ. Онъ уже больше не чумакъ, и никто во всю зиму на него, какъ на чумака, не смотритъ. Но придетъ весна, кликнутъ товарищи знакомый кличъ по селу — и валку чумаковъ провожаютъ за село жены, дѣти, родные. Это

¹⁾ Гриць въ этомъ случаѣ имѣеть то же значеніе, что Хамъ, мужикъ.

²⁾ Изъ кобзарской думы.

козаки выступаютъ въ походъ. Козаки, этотъ коэффицентъ народа своего, растекались въ народѣ почти безслѣдно, по совершениіи похода или войсковой рады. Но лишь только запылаетъ бывало маякъ на степной могилѣ, или приидутъ вѣсти въ село отъ полевой сторожи, — уже отъ хаты до хаты, отъ корчмы до корчмы забѣгали чубатыя фигуры, и вдругъ среди сельскаго майдану заиграетъ войско, представляя татарскій танецъ или гоняя коней „на взаводы“. Козаки готовятся *перестрѣти орду*. Если предпринималось что-нибудь важное, напримѣръ, походъ въ Волощину, подъ Тягинь или Килію, тогда войсковые осаулы летали на коняхъ по улицамъ и вызывали козаковъ громкимъ кликомъ въ походъ. Они обращались одинаково и къ богатымъ „домонтарямъ“, у которыхъ есть собственные „волы чабаные“, собственные „коны вороные“ и къ убогимъ гольтяпакамъ, которые „по вынницамъ горілки курили, по броварнямъ пива варили, по лазнямъ печи топили, казаны шаровали, сажу плечима вытирали“. Козацкій рой, состоящій изъ людей „одягныхъ“ и изъ людей „голыхъ какъ бубенъ, страшныхъ зѣло“, по выражению попа Лукьянова, — вылетать „на прійгру“. У кого не было „шаблі булатної, пищалі семишядної“, тотъ бралъ на плечо „кияку“, и товарищи имъ не „гордовали“. „Кому Богъ поможе! подъ этимъ девизомъ выступали въ походъ богатые и убогіе, конные и пѣшие, оружные и „дейнековатые.“ Вотъ общій очеркъ того войска, которое кобзари, не хуже Гомера, идеализировали въ думахъ своихъ, уподобляя козаковъ сизымъ орламъ, ихъ одежду — цвѣтущему маку, ихъ оружіе — сіяющему золоту, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ степномъ пейзажѣ:

Ой въ полі могила, широка долина,
Сизый орелъ пролітає:
Славне Військо, славне Запорозьке,
У походъ выступае.

Ой въ полі могила, широка долина,
 Сизый орель пролітае:
 Славне Військо, славне Запорозьке,
 А як макъ процвітае.

Та въ полі могила, широка долина,
 Сизый орель пролітае:
 Славне Військо, славне Запорозьке,
 А якъ золото сяе....

Жовковскій на сей разъ не нуждался въ Грицахъ: походъ за Днѣстръ, въ 1620 году, былъ очень популярнъ между шляхтою. Оставляя козаковъ въ ихъ низменномъ положеніи, подъ названиемъ подданныхъ старостинскихъ и панскихъ, пренебрегая козаками, какъ людьми, созданными шаровать казаны да вытираять плечами сажу по винокурнямъ да по броварнямъ, онъ выступилъ въ походъ на чель лучшаго войска, какое когда-либо собиралось подъ королевскимъ знаменемъ. Тысяча-двеъсти лисовчиковъ открывали походъ, подъ предводительствомъ знаменитаго опустошителя Московіи, Валентія Рогальскаго. За нимъ шло полторы тысячи коней крылатыхъ гусаръ и двѣ сотни тяжело вооруженныхъ рейтаръ, подъ начальствомъ Германа Денгофа, молодого полковника, извѣстнаго своимъ необыкновеннымъ мужествомъ. Даље следовалъ Стефанъ Хмелецкій, horrendum Tartaris nomen (имя, страшное татарамъ), по выражению историка Кобѣржицкаго, съ восьмью сотнями конныхъ украинцевъ, то есть мелкопомѣстной и безземельной пограничной шляхты. Янь Тышкевичъ велъ четыре сотни воиновъ. Конницы содержимой гетманомъ въ Барѣ, въ видѣ гвардії, было три сотни, да паемныхъ козаковъ, не имѣвшихъ никакихъ гражданскихъ правъ, шестнадцать сотенъ. Всей пѣхоты, считая въ томъ числѣ квартянную и нѣмецкую, было двѣ тысячи. Въ заключеніе, шоль съ четырьмя сотнями соб-

ственной конници каменецкій староста, Александръ Калиновскій. Подъ главнымъ начальствомъ короннаго гетмана, всѣмъ этимъ войскомъ командовалъ исполненный свѣжихъ силъ и великихъ надеждъ зять его, полевой гетманъ Станиславъ Конецпольскій. Всего набралось войска 8.400 человѣкъ. Сравнительно съ тѣми силами, какія могли двинуть противъ нихъ турки, это было войско слабое, но велика была репутація полководцевъ его: оно привыкло давать отпоръ многочисленному непріятелю, и вожди его были еще серьознѣе своихъ панегиристовъ увѣрены, что каждому изъ нихъ принадлежитъ horrendum Tartaris nomen. Кромѣ названныхъ предводителей, участвовали въ походѣ Самуилъ князь Корецкій, только что бѣжалъ изъ турецкаго плѣна; опытный воинъ, галицкій староста Михаилъ Струсь; племянникъ Жовковскаго по сестрѣ, винницкій староста Александръ Болобанъ; аристократы чистой породы Мартинъ и Валентій Казановскіе; счи-тавшій себя не ниже каждого члена республики Янъ Одривольскій; брацлавскій воевода Потоцкій; сынъ короннаго гетмана, грубешовскій староста Янъ Жовковскій; племянникъ его по брату, Лукашъ Жовковскій, и еще нѣсколько опытныхъ въ воениномъ дѣлѣ полковниковъ и ротмистровъ. Арматою завѣдывалъ Богумилъ Шенбергъ, о которомъ нечего больше сказать, кроме того, что онъ, въ качествѣ нѣмца, готовъ былъ стоять и тогда, когда всѣ поляки отъ него разбѣгутся. Сверхъ боевого войска, шло еще множество обозной челяди, которая предназначалась для земляныхъ работъ, для фуражировки и для услугъ благороднымъ рыцарямъ. Краснорѣчивый историкъ Кобѣржицкій, перечисляя старательно всѣхъ вождей въ своемъ латинскомъ quartо, заставляетъ читателя думать, что это будетъ по малой мѣрѣ повтореніе громкаго въ античномъ мірѣ похода Кира Младшаго. Между тѣмъ, въ блестящемъ панскомъ ополченіи, подъ леопардовыми шкурами, гордо накинутыми на богатыя латы, было не одно заячье сердце. Въ этомъ войсѣ, вмѣстѣ съ героями, достойными классиче-

ской, богатой разбоями древности, участвовали тѣ паны, о сыновьяхъ которыхъ воспѣли кобзари кровавой Хмельницкыи,

Що на праву сїреду
Гнали козаки ляхівъ, такъ мовъ бы чéреду..

Тогданий воинъ вообще былъ фаталистъ: онъ вѣровалъ въ примѣты, тревожился отъ предзнаменованій. Жовковскому было отчего встревожиться. При выступлениі въ походъ изъ Бара, сдѣлалась буря съ ужасною грозою. Гетманскій знакъ раздробило молніею. Небо горѣло; земля плыла потоками подъ проливнымъ дождемъ; громъ заглушалъ человѣческіе голоса. Кони въ экипажѣ Жовковскаго спутавшись бились и не повиновались машталерамъ. Съ тяжелымъ сердцемъ выступили жолнеры въ походъ. Между завистниками Жовковскаго нашлись люди, утверждавшие ихъ въ суевѣрномъ страхѣ. Чѣдъ касается до самого гетмана, то онъ, въ прощальномъ письмѣ къ королю, говорилъ, что идетъ на Божій судъ. Онъ сохранилъ взглядъ русскихъ предковъ на тотъ судъ, къ которому въ каждомъ походѣ ведетъ воина слава его: въ этомъ походѣ Жовковскому суждено было поплатиться головою, которая превышала все кругомъ, и русское, и польское.

Но пускай читатель не ждетъ отъ меня описанія катастрофы. Для насъ интересны въ этомъ походѣ не бѣдствія, которыя постигли панское войско въ Волощинѣ, не геройскія доблести однихъ, не пошлый испугъ и позорное бѣгство другихъ, не подробности боевой трагедіи, оплаканныя множествомъ вдовъ и сиротъ. Важно для насть то, что дерзкій походъ не удался шляхтѣ; что многоумный Жовковскій палъ въ битвѣ, и одиссеевская голова его обнесена была на копѣ по цареградскимъ улицамъ; что полевой гетманъ Конецпольскій, не уступавшій ему въ хитрости и русинской завзятости, очутился въ плѣну; что до шести тысячъ панского войска устлало боевое поле или потонуло въ Днѣстрѣ, спасаясь бѣгствомъ, а пе то — очутилось въ татарскихъ лыкахъ;

что артиллерія, обозъ и всѣ снаряды, все, чѣмъ живеть, чѣмъ крѣпко стоитъ и движется армія, разомъ погибло, и Польша, еще вчера гордая воинскими талантами русскихъ отступниковъ, полная того наслѣдственного лехитскаго духа, который внушалъ ея недобиткамъ столько же страха, сколько и ненависти, сегодня „понизила стязи своя“ и на нѣкоторое время прекратила свое владычнное существованіе. Не постигни все это лехитовъ, они бы непремѣнно продѣлали надъ поднѣпровскимъ народомъ то дѣло, которое столь настойчиво и послѣдовательно совершили надъ простолюдинами привислянскими.

Козаки, назначивъ крайній срокъ своему выселенію изъ панскихъ имѣній на русскаго Илью, не трогались, однакожъ, изъ своихъ дворищъ и хуторовъ. Отеческія могилы, незабвенные мѣста дѣтства, очаги, вокругъ которыхъ такъ много пилось и говорилось,¹⁾ связи со множествомъ людей, съ которыми украинецъ вообще трудно сживается, но еще труднѣе расходится врозь,— все это приковывало ихъ къ полевымъ захолустьямъ и городамъ, которые состояли подъ панскимъ и старостинскимъ режимомъ. Королевскіе комиссары, то есть украинскіе крупные землевладѣльцы, обращались къ козакамъ, можно сказать, съ броткимъ и справедливымъ предложеніемъ— удалиться куда угодно, кому не нравятся мѣстные порядки, но въ сущности они предлагали имъ изгнаніе. Они отнимали у козаковъ не только займище, [за] которое отецъ Наливайка положилъ бѣдственno живоtъ свой, а

¹⁾ Цѣть для украинца значить вовсе не то, что выражается словомъ *хватить*. Онъ запираетъ потокъ врожденного краснорѣчія. Скупъ онъ на слово, пока трезвъ, но, вдохновясь оковитою (*aqua vita*), открываетъ сердце своему приятелю, со всѣмъ богатствомъ чувства, и любо ему встрѣтить того человѣка, съ которыемъ гдѣ-нибудь пилось и говорилось. Обмѣнъ лучшимъ связывалъ между собой украинскихъ пьяницъ (а тогда кто не былъ пьяницей?) Они пьянистовали, можно сказать, по-древнегречески, пьянистовали благочестиво. Очаги, вокругъ которыхъ пилось и говорилось, были для козаковъ, по одному этому, предметомъ привязанности, не говоря о томъ мистическомъ значеніи печи, которое сохранилось въ народѣ отъ временъ дѣ-христіанскихъ.

самъ Наливайко—животъ многихъ шляхетскихъ личностей; они вмѣстѣ съ здѣшніемъ, лишали его весьма многаго нравственно пріобрѣтеннаго, чѣмъ было для него драгоценнѣи паче золата и камене честна. Изъ человѣка полнаго хотѣли сдѣлать его полуслѣдователемъ: отказывали ему въ тѣхъ чувствахъ, которыя, болѣе неожидали что-либо, дѣлали простолюдина такимъ же существомъ, какимъ былъ и самъ панъ. Ничего этого не было въ „Volumina Legum“, ни въ комиссарскихъ декретахъ, ни даже въ фольгантахъ подражателей Тациту и Фукидиду, но оно вписано было неизгладимыми буквами въ тѣ сердца, которыя много разъ бывали на Божиемъ судѣ, какой постигъ наконецъ и Жовковскаго. Этими людьми, изъ которыхъ весьма не трудно было надѣлать Горациевъ Коклесовъ, Мущевъ Сцеволь, тернопильскихъ Леонидовъ и даже Парменіоновъ, какъ это доказалъ Петръ Великій надъ своимъ Данилычемъ, предлагали—или оставить землю, которую они отстаивали и ежедневно были готовы отстаивать противъ орды, или же наклонить шею въ ярмо, какъ дѣлаетъ смиренный волъ, безплатный и безотвѣтный работникъ: требованія нравственно невозможныя. Но паны не знали, не зналъ даже и превышавшій всѣхъ ихъ Жовковскій, какія рѣки крови прольются въ недалекомъ будущемъ, въ доказательство безнравственности панскихъ требованій. Они видѣли только буйство козаковъ и дурные примѣры ихъ въ виду смиренныхъ чернорабочихъ, во всемъ покорныхъ пану, какъ надъ Вислою. Собравшись такъ пышно и оружно въ походъ за Днѣстръ, они, въ случаѣ успѣха, воспользовались бы соединеніемъ силъ своихъ въ одно войско и покарали бы козаковъ еще разъ такъ жестоко, какъ на Солоницѣ. Тогда бы сдѣлался немыслимъ и невозможенъ тотъ шагъ, на который рѣшились кіяне подъ прикрытиемъ козацкой силы: ни одинъ православный монахъ не принялъ бы посвященія отъ іерусалимскаго патріарха, который гостили въ это время въ Кіевѣ, и самая мысль объ этомъ, отъ кого бы ни исходо-

дить починъ, осталась бы нѣмою. Отстраненіе Запорожскаго Войска отъ похода въ Волоцкому прямо указывало, что паны рѣшились настоять на Раставицкой комиссіи. Козакамъ надобно было что-нибудь думать, *трѣба було щось д'умати*. Имъ предстояло разрѣшить тотъ же вопросъ, который столько разъ представлялся республикѣ противоположной, — вопросъ: *быть, или не быть?* Такъ какъ черезъ пять лѣтъ, уже по смерти Сагайдачнаго, они поставили его между своимъ войскомъ и боевою шляхтою, то нельзя предположить, чтобы тревожная мысль о своемъ положеніи не занимала уже и въ 1620 году сѣдыхъ чубовъ между запорожцами. Но вдругъ разнеслась вѣсть о щодорской трагедії. Эта трагедія открыла, очистила козацкій горизонтъ отъ застилавшихъ его тучъ и открыла передъ ними самую свѣтлую перспективу. Они почувствовали себя силою, преобладающею въ отрѣзенной Руси, и не только сами это сознали, но къ тому же сознанію пришли и всѣ благочестивые кіяне: всѣ церковные братчики, всѣ мѣщанскіе цехи, всѣ черноризцы, державшіеся до сихъ поръ — надо сказать къ ихъ чести — въ сторонѣ отъ козачества.

Здѣсь я прерву главную нить повѣствованія и возьму побочную. Намъ необходимо сдѣлать общий обзоръ края; надобно намъ, такъ сказать, проѣхаться по краю.

Прежде всего слѣдуетъ вспомнить, что это было время распространенія иностранной роскоши въ панскомъ быту. Французъ Блэзъ де Виженеръ говоритъ о литовскихъ барыняхъ, что онъ ни о чомъ больше не думали, какъ о нарядахъ да о любезничаніи съ окружавшими ихъ чичисбейми, а писалъ онъ еще въ 70-хъ годахъ XVI вѣка. Каштелянъ Мелешко, въ своей сатирической рѣчи на конвокационномъ сеймѣ 1588 года, осмѣиваетъ обычай, перенимаемый русскими панами отъ польскихъ, и противопоставляетъ дорого стоящему быту простой бытъ предковъ. Онъ нападаетъ на безнравственность, вторгнувшуюся, на ино-

странный манеръ, въ семейную жизнь панскую; онъ обвиняетъ Сигизмунда-Августа въ томъ, что этотъ государь не подражалъ Сигизмунду I, отдыхавшему съ простацкою русью отъ церемоніаловъ пышной супруги своей, принцессы Сфорца, а вмѣсто того, „называлъ себя ляхомъ“ и ляшескій вредный элементъ распространилъ въ русскомъ обществѣ. Напроцкій, этотъ Синбадъ мореходъ, странствовавший по морю южной славянщины, высадившись на подольскій берегъ, противопоставлялъ простоту одежды знатныхъ пановъ русско-подольскихъ панамъ Великой и Малой Польши. Но это было во второй половинѣ XVII вѣка, когда запруда, не цускавшая моду, роскошь и развратъ хлынули изъ Польши въ Русь, только что была снята Люблинскою унію. Между тѣмъ Іоаннъ Вишенскій самое отступничество русской іерархіи объясняетъ желаніемъ шляхетныхъ архіереевъ таскать за собой множество разодѣтыхъ слугъ и наслаждаться ихъ „красноглядствомъ“. Любовьпольско-русскихъ пановъ къ заграницному просвѣщенію имѣла своей подкладкою жажду утонченческихъ удовольствій. Люди средняго состоянія тянулись въ путешествіяхъ за Замойскими, а не имѣя средствъ держаться въ высшихъ иностранныхъ кругахъ, образовывали свой умъ и вкусъ въ тавернахъ. Потому-то честный рыцарь Жокковскій, въ духовномъ завѣщаніи своемъ, предпочелъ дать сыну образованіе въ Замойской академіи и отозвался о молодежи, воспитывающейся за границею, весьма невыгодно. Эта молодежь, между прочимъ, развивала въ себѣ, отъ нечего дѣлать среди чужихъ людей, страсть къ денежнымъ играмъ, которой не были чужды и запорожскіе добычники. Сатиры, сохранившіяся въ рукописныхъ сборникахъ всякой всячины, такъ называемыхъ *silva rerum*, уже съ начала XVII вѣка начинаютъ смыяться надъ панами, которые *проигрывали большія суммы и потомъ принимались за ремесло экономовъ и прикащиковъ надъ своими ободранными подданными. Людямъ, выдавшимъ такие города, какъ *Venezia la bella* и

Genova superba, тягостно было проводить все свое время съ темными увальнями — сосѣдями. Отъ времени до времени, вырывались они, хотя бы подъ видомъ сеймованья, въ Krakowъ или Warsawу, и возвращались оттуда съ новыми слугами, которыхъ наглость такъ хорошо описываетъ Мелешко, и съ запасомъ дорогой посуды, винъ и разныхъ предметовъ роскоши. Изъ своихъ домовъ дѣлали они копію varшавскихъ палацовъ, а сами старались уподобляться королю королей или богачамъ-королямъ, окруженнymъ блестательными придворными, окруженнymъ молодостью, красотою и умственнымъ блескомъ, который выказывался въ ловкомъ словоизверженіи. Мода являлась при этомъ божествомъ, передъ которымъ всѣ преклонялись,

Лихая мода, злой тиранъ,

по выражению поэта, весьма вѣрному. Тиранство ея надъ поляко-руссами было тѣмъ безграничнѣе, что они, усвоивая себѣ быть иностранного высшаго общества, не могли усвоить его вкуса. Руководясь одною преимчивостью, которую такъ ъдко замѣтилъ въ своихъ соотечественникахъ мудрецъ XVI вѣка, Кромеръ,¹⁾ модные паны и ихъ пани и нанны находились въ неограниченной власти портныхъ и парикмахеровъ, которые заставляли ихъ служить манекенами для своихъ выдумокъ. Глядя на эту жалкую, получеловѣческую жизнь изъ своей здоровой среды, украинскій простолюдинъ, съ свойственнымъ ему сарказмомъ, сложилъ тогда пословицу: *Сидитъ чортъ та и плаче, шо мόды панамъ не достаче.*

Гоняясь за игрушками многолюдныхъ городовъ и постоянно нуждаясь въ деньгахъ, паны пріискивали для своихъ имѣній арендаторовъ, которые не уменьшали бы, а увеличивали ихъ доходы. Такими арендаторами являлись чаще всего предпримчи-

¹⁾ См. т. I, примѣч. къ стр. 193.

вые и изобрѣтательные жиды. Они брали у пановъ на откупъ не только села съ церквами, на которыхъ смотрѣли какъ на вѣрное средство выудить гропть изъ кармана у бѣднѣшаго поселянина, но и укрѣпленные замки, назначенные для защиты Украины отъ непрѣятельскихъ вторженій. Это относится безразлично и къ церквамъ православнымъ, и къ латинскимъ костеламъ, — и къ имѣніямъ наслѣдственнымъ, и къ королевицамъ. Всѣ свои права и обязанности въ Украинѣ передавалъ панъ жиду, а не то — изворотливому шляхтичу, точно независимый государь другому государю, и не было въ панской республикѣ силы, которая бы вступилась, если не за человѣческое достоинство поселянъ, то за государственную собственность и за честь правительства. Безсильны были жалобы заслуженныхъ войсковыхъ ветерановъ королю Сигизмунду III, какъ ни прямо они указывали ему, что „украинскіе замки, управляемые жидами, пали въ вѣчные развалины, къ неизѣримому вреду государства“; что „старости тамъ ни одного не видать, потому что они имѣютъ этого добра много и еще больше получаютъ отъ короля“ ¹⁾, и что, „еслибы король вѣрилъ замокъ убогому воину, то онъ не сдѣлалъ бы жида участникомъ кровавыхъ заслугъ своихъ“.

Собственно говоря, ни жидовъ, ни другихъ арендаторовъ, между которыми отличались армяне, винить здѣсь не за что. Они были поставлены въ положеніе чужеяднаго растенія. По инстинкту питанія, появлялись они тамъ, гдѣ пахлю угнетеніемъ, поддавались къ сильному со стороны его пороковъ, и становились посредниками между притѣснителемъ и жертвою. Какъ зловѣщія читицы, налетѣли арендаторы, и всего больше арендаторы-жиды,

¹⁾ Многія панскія фамиліи имѣли по десяти и по пятнадцати старостей, въ которыхъ народъ доводимъ былъ до такого убожества, что разбѣгался въ разныя стороны, а тысячи домовъ по городамъ превращались въ сотни. Зло всего больше свирѣпствовало внутри королевства. На Украинѣ оно парализовалось обширными родовыми имѣніями, какихъ въ коронныхъ польскихъ провинціяхъ не было.

въ Украину. Они, инстинктомъ убогаго, но жаднаго скитальца, чуяли, что здѣсь долженъ погибнуть одинъ или другой народъ, и то запустѣніе замковъ, которое поражало сигизмундовскихъ воиновъ-ветерановъ, тѣ засоренные, голыя развалины, лишенныя даже древесной тѣни, которая мы встрѣчаемъ вездѣ вокругъ жидовскихъ гнѣздъ, были для нихъ какъ-бы ручательствомъ прочности ихъ существованія. Переходя отъ одного пана къ другому, изъ одной слободы, разоренной ихъ безпощадною эксплоатациею, въ другую, они угождали, чѣмъ только могли, всякой беззаконной власти, шпионничали между козаками и поселянами, вооружали противъ нихъ уже раздраженную козацкимъ самоуправствомъ шляхту и, по своему вѣчному обычай, ловили въ мутной водѣ рыбу.

Все это относится болѣею частью къ тѣмъ мѣстамъ днѣпровской и днѣстровской Украины, которая съ давнихъ годовъ сдѣланы уже староствами и, въ видѣ крulerвщизнъ, розданы панамъ въ вѣчное или пожизненное владѣніе, и въ которыхъ паны основали множество собственныхъ слободъ, переманивая поселянъ одинъ отъ другого временными льготами. Но въ царствованіе Сигизмунда III, въ государственныхъ актахъ часто упоминаются существовавшія тогда еще въ Украинѣ неизмѣримыя пустыни, которые не приносили ни панамъ, ни государству никакой пользы. Это не значитъ, что тѣ пустыни были въ самомъ дѣлѣ необитаемы: это значитъ, что государственные головы все то считали безполезнымъ и ничтимъ, чтѣ не было подчинено панской республикѣ, чтѣ не давалось панамъ въ руки. Пустыни эти были, мимо вѣдома сейма, населяемы народомъ, добывавшимъ себѣ свободу бѣгствомъ не только изъ ближайшихъ шляхетскихъ сель, за арендованныхъ жидамъ, но изъ отдаленнѣйшихъ украинскихъ, литовскихъ и польскихъ городовъ. Всѣ тогдашніе лѣтописцы и авторы разныхъ записокъ не могутъ надивиться, какъ быстро увеличивалось украинское населеніе, какъ „въ дикихъ поляхъ, на

самыхъ „шляхахъ татарскихъ“ почти вся отдаленная Украина покрывалась мѣстечками и селами“. Трудно, однажды, при отсутствіи статистики въ то время, опредѣлить черту, отдѣлившую Украину, поработленную окончательно панами и заѣдаемую жидами или другими „рандарами“, отъ Украины свободной, то есть такой, гдѣ панская юрисдикція уступала юрисдикціи козацкой, или лучше сказать простонародной, громадской, и гдѣ, какъ во всякой здоровой, самодѣятельной средѣ, не было мѣста элементамъ чужеземнымъ. Эта черта измѣнялась, смотря по времени и по тому, приливало ли къ Украинѣ, или отливало козачество, боролось ли съ нимъ лѣнивое, пассивное панство, или беззаботно пропивало золото, высасываемое арендаторами изъ его имѣній. Но всѣ польскіе лѣтописцы (нашимъ вѣрится менѣе) согласны въ томъ: что, и во времена энергическихъ мѣръ, панской республики противъ козаковъ, власть этой республики надъ ними была почти только названіемъ; что въ мирное время козаки болѣею частью жили независимо, по невозможности уѣхать за ними въ городскихъ и сельскихъ громадахъ, а въ военное — дѣйствовали только по волѣ отамана или гетмана-козака, а не то и пана, который умѣлъ внушить имъ къ себѣ довѣріе и уваженіе. Такимъ паномъ былъ, между прочими, и знаменитый Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ такую сильную партію между козаками, что, съ ея помощью, страшалъ остальныхъ и, въ угоду королю и сенату, удерживалъ козаковъ иногда отъ морскихъ походовъ,¹⁾ удерживалъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что самъ былъ счастливѣйшимъ изъ пиратовъ Чорнаго моря. Козаки не вторгались во владѣнія панской республики, какъ татары; не завоевывали мечемъ и огнемъ владѣній польско-русской аристократіи:

¹⁾ Въ Литовской Метрикѣ хранится жалованная грамота Конашевичу-Сагайдачному отъ Сигизмунда III за то, что онъ держалъ козаковъ въ повиновеніи и не давалъ имъ ходить на Чорное море. Подобную услугу предлагалъ Сигизмунду III и Наливайко въ 1596 году.

они жили въ этихъ владѣніяхъ, были въ нихъ *дома*, и лишь отъ времени до времени выдѣлялись изъ той народной массы, которой служили коэффицентомъ. Они безъ труда поднимали къ походу на море, или въ сосѣднія земли, или, какъ во времена Наливайка, въ земли внутреннія, все опутанное шляхетскими законами, все угнетенное панами и рандарами, все доведенное до отчаянія безурядицею мѣстной администраціи. Не только на берегахъ Днѣпра, Бога, Днѣстра, да и на берегахъ Вислы, панская республика могла бы превратиться, при ихъ средствахъ, въ простонародную. Но вѣка панского господства въ Мазовіи и другихъ внутреннихъ польскихъ провинціяхъ убили въ рабочемъ народѣ способность человѣческаго самосознанія. Изчезло тамъ уже и преданіе объ иномъ, менѣе беззаконномъ порядкѣ вещей, объ иномъ распределеніи личныхъ и поземельныхъ правъ. Съ другой стороны, паны обеспечили тамъ свою будущность глубокимъ укорененiemъ католичества, превращающаго человѣческое сердце въ окаменѣлость, которая, сохрания видъ организма во всѣхъ его подробностяхъ, даетъ ему мертвенну прочност между организмами измѣнчивыми. Къ тому же они, еще при Сигизмундѣ-Августѣ, признали шляхтичами всѣхъ свободныхъ землепашцевъ отъ Люблина до Овруча, и такимъ образомъ увеличили число защитниковъ своей прерогативы на счтъ массы, обложенной податями и повинностями. Вотъ почему козачество въ эпоху Хмельницкаго не утвердилось дальше черты, которою была ограничена нобилитацией такъ называемыхъ застѣнковъ на Волыни. Отъ этой черты, собственно говоря, начинается Украина,—страна, въ которой мелкая шляхта была пришлая, въ которой властвовали, на подобіе удѣльныхъ князей, старые русскіе роды, имѣвшіе удержаться въ своихъ городахъ и замкахъ, посредствомъ угощенія сильному, кто бы онъ ни былъ—татаринъ, литвинъ, или ляхъ, а потомъ и коренные польскіе магнаты, еще со временемъ Ягайла имѣвшіе въ виду увеличить свои владѣнія дѣлжемъ того, чтд они официално называли пусты-

нями. ¹⁾ Пройдя по этому обширному пространству въ началѣ XVII столѣтія, мы видѣли бы въ Украинѣ — то чрезвычайное багатство, то крайнее убожество, то строгое насильственное право, то совершенную безурядицу, то полную свободу, то неслыханное порабощеніе, то одну, то другую торжествующую религію, то одну, то другую господствующую народность. Видя все это въ странномъ, загадочномъ смѣшніи, трудно было решить: Европа это, или Азія, Польша это, или Русь, панская это республика, или козацкая. Элементы жизни находились въ повсемѣстной борьбѣ между собою, и не легко было бы предсказать, который возметъ верхъ.

Сильнѣе всего поражали тогда сторонняго наблюдателя замки магнатовъ на Украинѣ, или лучше сказать — обширные магнатскіе дворы, вмѣщавшіе въ себѣ сотни и тысячи слугъ — шляхтичей. Богатые паны того времени жили, какъ независимые государи, и, кромѣ собственного войска, содержали на своемъ иждивеніи множество такъ называемыхъ дворскихъ или дворянъ, которые служили имъ въ войнѣ, на охотѣ и дома, за лакомый кусокъ хлѣба, за возможность участвовать въ панскихъ забавахъ и за покровительство въ военной и гражданской службѣ. Это были школы общежитія, рыцарства и вмѣстѣ съ тѣмъ — праздной роскоши. Здѣсь получала шляхта полировку, которая дѣлала ее обществомъ, по наружности европейскимъ; здѣсь она усвоивала себѣ условныя понятія о чести и славѣ, которыми руководилась во всѣхъ своихъ поступкахъ, и здѣсь же пріучалась къ беззаботной расточительности, которая такъ часто заставляла ее лукавить въ дѣлахъ чести и славы.

Въ пансіе дворы стекалось золото изъ арендъ, содержимыхъ чаще всего жидами, которые находились въ странномъ положеніи между паномъ и его подданными. Панъ могъ убить жида безъ

¹⁾ Szajnocha, *Jadwiga i Jagiełło*. изд. 1-е, II, 2.

суда и ответственности; но тот же панъ передавалъ жиду полную свою юрисдикцію не только въ своихъ собственныхъ городахъ и селахъ, но даже и въ замкахъ, составлявшихъ опору староства, которымъ онъ владѣлъ, какъ королевскій намѣстникъ. Такимъ образомъ путешественникъ XVII вѣка, приѣхавъ въ какой-нибудь замокъ, окруженный валомъ и дубовымъ тыномъ, видѣлъ передъ собой коменданта въ средневѣковой одеждѣ, которую жиды сохранили до нашего времени, — въ этой собольей шапкѣ съ бархатнымъ верхомъ, въ этомъ узкомъ и длинномъ балаонѣ, въ ярмолкѣ, выглядывающей на затылокъ изъ-подъ шапки, и въ пейсахъ, украшающихъ крючконосую физіономію. Какъ всякий жидъ въ Польшѣ, онъ имѣлъ право носить — и носилъ — саблю, въ знакъ своего преимущества передъ народомъ безоружнымъ. Одна религія становила его ниже шляхтича; но за принятіе католичества жиду обѣщано было закономъ шляхетство. Это, однако жъ, не прельщало жида: для него было выгоднѣе принадлежать къ своей чужеядной кастѣ, чѣмъ даже къ полноправному шляхетскому сословію.

Въ старостинскихъ замкахъ, управляемыхъ жидами, путешественникъ бывалъ свидѣтелемъ странныхъ сценъ. Изъ сель, принадлежавшихъ къ староству, приходили къ жиdu поселяне за квитками, которыми онъ позволялъ крестить новорожденного или вѣнчать молодую чету. Безъ квитка, ни одинъ попъ не смѣлъ крестить и вѣнчать, подъ опасеніемъ лишиться своего прихода. За квитокъ, по установленному арендаторами обычаю, слѣдовало заплатить дудекъ, какъ прозвали жиды монету въ три гроша, соответствовавшую нынѣшнему двугривенному;¹⁾ но жидъ, по выражению Грондскаго, своими *тертиверсациями*, своими наслед-

¹⁾ Въ три гроша дудекъ опредѣленъ у Линде. Грондскій опредѣляетъ дудекъ такъ: „*constans 6 Nummis Hung*“²⁾. Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ мнѣ случалось на базарахъ слышать счтъ на дудки. У тамошнихъ жидовъ и простолюдиновъ дудка значить 6 грошевъ.

ствено усвоенными уловками, умѣль увеличивать эту плату.¹⁾ Другое поселяне смириенно приносили и привозили ему деньгами и натурою разныя изобрѣтенные жидами подати: роговое, очковое, осыпь, сухомельщину и проч. Тутъ же намѣстникъ старости, арендаторъ, чинилъ судъ и расправу надъ поселенами, и нерѣдко у дверей его жилища можно было видѣть повѣшенныхъ людей. Онъ могъ повѣсить мужика за что ему угодно, такъ точно, какъ и самъ панъ староста: за грубое слово, за подозрительный видъ или за кусокъ сафьяну, за шкурку дикаго звѣря или желѣзную вецицу, такъ какъ подобные предметы добывались отъ козаковъ, ходившихъ въ дикия поля на охоту или въ чужія земли на войну, а за передерживание козацкой добычи, еще въ 1589 году, законъ опредѣлилъ смертную казнь. Чѣмъ глубже въ Украину, по направлению къ коренной Польшѣ, тѣмъ рѣже можно было встрѣтить самихъ пановъ и державцевъ въ ихъ владѣніяхъ. Все это отдавалось въ добычу жидамъ, неистощимымъ въ изобрѣтепіи средствъ къ высасыванію доходовъ изъ аренды.

Рядомъ съ господствомъ иновѣрцевъ, отвергавшихъ учение Христа, путешественники XVII вѣка встрѣчали сцены насилий христіянъ надъ христіянами. Въ царствованіе Сигизмунда III, воспитанника іезуитовъ, поляки ревностнѣе нежели когда-либо принялись за объединеніе Украины съ католическими провинціями. Вѣра, заимствованная Русью отъ грековъ, считалась у нихъ вѣрою мужицкою, хлопскою. Отъ нея отступились мало-помалу потомки богатыхъ русскихъ родовъ; оставались при ней только люди убогіе, да тѣ изъ вельможъ, которые не хотѣли съ перемѣною вѣры утратить возможность раздавать своимъ клиентамъ церковныя имущества, въ видѣ духовныхъ хлѣбовъ. Прозелиты католики, съ помощью своихъ дворянъ, не рѣдко разгоняли такъ называемыхъ благочестивыхъ изъ церкви и расхищали церковное

¹⁾ *Historia Belli Kosacco-Polonici*: „... de instituta tergiversatione, necessitatem imponebat plus sibi solvendi.“

имущество. Изувѣрство доходило иногда до того, что и тѣла погребенныхъ въ церкви создателей и благодѣтелей храма выбирались изъ гробовъ, какъ нечистота, оскверняющая святыню.¹⁾ Иногда между самими прихожанами, состоявшими изъ большинства благочестивыхъ и меньшинства унитовъ, завязывалась драка у дверей церкви, и католики спѣшили на помощь унитамъ. Иногда вооруженная шляхта вводила, подъ своимъ прикрытиемъ, пошунита въ церковь и заставляла народъ слушать проповѣдь въ пользу непогрѣшающаго папы. Путешественникъ не рѣдко бывалъ свидѣтелемъ публичнаго сожженія брошюре, напечатанныхъ въ защиту „благочестивой вѣры“, а въ иномъ мѣстѣ — и на оборотъ. При вѣзѣ въ село или въ городъ, или у церковныхъ дверей, онъ читалъ воззванія „благочестивыхъ“ противъ терпимыхъ ими насилий и приглашенія къ сѣзду на такой-то соборъ. У другихъ воротъ и у другой церкви онъ читалъ противное: тамъ грозили оружиемъ тому, кто осмѣлитсѧ сдѣлать то-то и то-то. Странствующіе типографщики предлагали свои услуги той и другой сторонѣ попреремѣнно. Возбужденныя страсти сдѣлали изъ религіи предметъ крупной печатной перебранки и рукопашныхъ диспутовъ. Возмущалось сердце набожнаго католика при видѣ набѣговъ на католическія и унитскія святыни, совершаемыхъ бурсаками и монастырскими служками, подъ предводительствомъ монаховъ; но еще тяжелѣ было страннику „благочестивому“ видѣть по городамъ, селамъ и монастырямъ запечатанныя церкви, отъ которыхъ прихожане отреклись, когда имъ дали попа унита или просто латинскаго ксенза, а церковныя имущества очутились въ рукахъ отступниковъ и ихъ рандарей. До введенія унії и замѣны православ-

¹⁾ Поляки съ ужасомъ рассказываютъ о подобныхъ поступкахъ со стороны козаковъ во времена Хмельницкаго, забывая, что козаки только повторяли ихъ фанатические подвиги. Вотъ слова Грондскаго: „... templa illis vi adimebantur et ad usus Romanae Ecclesiae convertebantur. Ex quibusdam locis corpora Antecessorum suorum, jam pridem in pulverem redacta, urnis tamen stanneis contenta, ex sepulcris educebantur, et aliorum deferebantur“, *Hist. Belli Kos. Pol.* 23.

ной іерархії унітською, а потомъ опять во время борьбы возстановленной православной іерархіи за свое существование, случались и такого рода сцены, что въ епископскомъ городѣ староста-католикъ, по дикому олигархическому произволу, овладѣвалъ особою епископа, не позволяя въ первый день пасхи совершать литургию, а вместо того, располагался въ церкви съ своими музыкантами и приказывалъ своимъ гайдукамъ, для потехи, стрѣлять въ церковный куполь. Вообще много было въ тотъ вѣкъ подготовлено горючихъ материаловъ для великаго пожара, обнявшаго всю Украину при Богданѣ Хмельницкомъ, этомъ Геростратѣ польско-русской культуры.

Однимъ изъ величайшихъ бѣствий, постоянно терзавшихъ сигизмундовскую Польшу, было своевольство кварцянаго войска. Какъ ни велики были доходы частныхъ лицъ въ государствѣ, но королевская казна постоянно терпѣла недостатокъ въ деньгахъ. Паны систематически не давали королю распоряжаться большими суммами на наемъ войска, чтобы онъ не подавилъ ихъ свободы, а шляхетская честь, о которой они безпрестанно твердили, не мѣшала имъ расхищать деньги, собираемыя для государственныхъ надобностей. Отъ этого жалованье почти никогда не доходило въ время, а часто и вовсе не доходило, къ жолнерамъ, и жолнеры, составивъ между собою союзъ (*związek*), нападали на имѣнія шляхты и духовенства, и вознаграждали себя безпощаднымъ грабежемъ. Такое положеніе дѣлъ до того деморализовало военное сословіе, что оно въ собственномъ отечествѣ играло роль татарской орды. Альбертъ Станиславъ Радзивилль такъ описываетъ возвращеніе польского войска изъ московского похода, въ 1634 году:

„Весело возвращалось наше войско въ отчество, но отчество не весело его принимало, ибо жолнеры хуже непріятеля. На походѣ они опустошали шляхетскія, духовныя и королевскія имѣнія, вынуждали силою деньги, требовали непомѣрного провіанта, на-

гружали свои возы и дошли до такой жестокости, что, за недостаткомъ лошадей, запрягали въ возы бѣдныхъ мужиковъ и погоняли кіями и арапниками. Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіянское войско; да и дикіе татары милосердище къ ближнему, нежели подъ-часть наши. Особенно дались поляки въ знаки Литвѣ¹. Самъ Конецпольскій, преемникъ Жовковскаго, обвиняемый современниками въ дикомъ обхожденіи съ казаками и украинскимъ народомъ, говоритъ, что жолнеры едва не самую кровь точать изъ убогаго народа въ Украинѣ. Тѣсня систематически украинскую „вольность“, предметъ общей гордости простолюдиновъ, по замѣчанію бискупа Верещинскаго, — паны пользовались всякимъ случаемъ разставить квартцяное войско въ бывшихъ козацкихъ селахъ, по мѣрѣ того, какъ они слабѣли послѣ неудачныхъ козацкихъ восстаній. (Это уже относится ко временамъ послѣ Сагайдачнаго.) Можно судить, что позволяли себѣ дѣлать въ этихъ селахъ растрявленные грабежемъ жолнеры, и какъ чувствовали ихъ своеевольство козацкіе семьи, какъ глубоко затаивали въ сердцѣ вражду противъ короннаго войска.¹⁾ „Прежде бывало“, писалъ Конецпольскій къ винницкому старостѣ, „хоругвь въ полтораста лошадей довольствовалась на своей стоянкѣ умѣреннымъ провіяントомъ, а теперь хоругвь въ полсотни лошадей ропщетъ на опредѣленное ей начальствомъ содержаніе, и убогіе люди, не будучи въ состояніи удовлетворить жадности постоянцевъ, изумляются, что жолнерскіе же лудки поражены какой-то волчьею болѣзнью. Но нечему дивиться: теперь жолнеры требуютъ *стаций*, соображаясь не съ необходимостию, но съ роскошью, чтобы не только жить великолѣпно, да еще и возь нагрузить, спину себѣ покрыть рысымъ воротникомъ, одѣваться въ богатыя матеріи и драгоценныя шелки. Вотъ по-

¹⁾ Это пугало и самихъ магнатовъ, которые знали, то жолнеры w sercach u oczach luszkich *abominabile et exorsum czynią potem militare.*

чemu, безъ всякаго стыда и совѣсти, идучи въ лагерь и изъ лагеря, разсылаютъ они по сторонамъ товарищѣ для вынужденія провіянту и денежныхъ платъ. Отсюда-то появились при хоругвяхъ новые отряды, которые гонять съ собой воловъ, коровъ, барановъ, не какъ жолнеры, а какъ куницы на ярмарку¹⁾. По тому принципу, что всякое безобразное, какъ и прекрасное, явленіе не вдругъ достигаетъ поразительной степени своего развитія, начала выставленныхъ Конецпольскимъ безобразій надобно искать еще во времена Жовковскаго и Яна Замойскаго, какъ объ этомъ намеки встрѣчались въ предыдущихъ главахъ этой исторіи.

При всемъ этомъ, однакожъ, гнетъ панскаго владычества не былъ въ Украинѣ ни постояннымъ, ни всюду равномѣрнымъ. Вспоминая о томъ самомъ времени, къ которому относятся приведенные выше слова Конецпольскаго, нашъ „самовидецъ“ говорить, что послопитые люди жили во всемъ изобильно: въ хлѣбѣ, скотѣ и пасікахъ, только не могли стерпѣть великихъ вымысловъ отъ старостовъ, отъ ихъ намѣстниковъ и отъ жидовъ. Близость вольныхъ козацкихъ степей не давала украинскому народу дойти до животной покорности волѣ сильнаго, до которой онъ доходилъ въ болѣе внутреннихъ областяхъ Рѣчи-Посполитой. Болѣе или менѣе отважныя, болѣе или менѣе значительныя вспышки, то въ одномъ, то въ другомъ староствѣ, ободряли его. Примѣры такихъ вспышекъ восходятъ еще ко временамъ каневскаго и черкасскаго старости Василія Типкевича, и черкасскаго старости Яна Пенька.¹⁾ Возможность бѣгства изъ порабощенныхъ панами сель въ села свободныя, не высидѣвшія еще воли, или подчинившіяся козацкому присуду, прекращалась не надолго. Кварцное войско, обыкновенно разставляемое на „лежи“ и „гиберны“ по Украинѣ (какъ проектировалъ въ своей лѣтописи Більскій), то было отзываемо изъ Украины на войну, то самовольно расходилось по сво-

¹⁾ См. т. I, стр. 48.

имъ домамъ. Тогда все приникшее къ землѣ поднимало голову. Униты отступались отъ церквей и монастырей, захваченныхъ ими у благочестивыхъ; паны старались ладить съ *выписчиками*, то есть исключенными изъ козацкаго реестра, и не требовали на работы никого, кто назывался козакомъ; а жиды, не успѣвшіе убраться въ время въ болѣе безопасныя мѣста, жались возлѣ пановъ, какъ оробѣлые псы, — и не напрасно. Съ наступленіемъ весны, выписчики почти ежегодно собирались толпами, грабили и убивали шляхту и жировъ, гдѣ только можно было досягнуть ихъ; жгли панскіе фольварки, не защищенные надворнымъ войскомъ; расправлялись на сколько были въ силахъ со всѣми своими пріятѣнителями, и удалялись въ поднѣпровскіе лѣса. Тамъ они ру-
били столѣтнія липы, строили лодки, обшивали воловыми шку-
рами и спускались по Днѣпру на Запорожье, грозя уцѣлѣвшій за-
валами и частоколами шляхтѣ воротиться съ арматою и истре-
бить на Украинѣ все шляхетское, все католическое и все жи-
довское.

Такъ стояли вещи въ козацкой республикѣ непосредственно за смертью Сагайдачнаго, но при немъ было сравнительно тихо на Украинѣ. „Конашевичъ“, сказано въ одной украинской лѣто-
писи позднѣйшаго времени, „всегда въ миру съ панами жилъ“. Этимъ онъ симпатичнѣе нашему времени всѣхъ прославляемыхъ историками героеvъ козачества. Онъ жилъ въ миру, и въ то же время держалъ самую радикальную оппозицію польскому праву. Живя въ миру, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ лубенскіе недобитки приводили враговъ христіянства въ отчаяніе и держа-
ли въ рукахъ судьбу панской республики. Миръ и самъ по себѣ хорошее дѣло, но когда онъ сопровождается подобными резуль-
татами, тогда онъ — дѣло геніальное.

Но чѣдѣ это была за личность, сказавшаяся намъ въ исторіи только по пословицѣ: *ex ungue leonem?* Нельзя ли какъ-нибудь, какимъ-нибудь научнымъ пріемомъ, всмотрѣться въ нее и опредѣ-

лить, какъ проявилась она между козаками, какъ создалась она въ тогдашнемъ хаотическомъ порядкѣ вещей, какъ относилась она къ той жизни, которая столь не похожа на нынѣшнюю? Соберемъ въ умѣ всѣ данные, подвергнемъ ихъ критическому анализу.

Грабить московскую землю и молиться на московскія церкви, соединеніе такихъ идей свойственно людямъ, задавшимся мыслью о козацкой религіозности. Подобную религіозность имѣть пожалуй и князь Василій, когда разорялъ съверскій край во время печатанія въ Острогѣ славянской Библіи. Я старался доказать въ своемъ мѣстѣ, что высшимъ чувствамъ христіянской гуманности и чистымъ понятіямъ о религії неоткуда было взяться у людей, подобныхъ князю Василію: истинная религіозность, эта жизнь жизни человѣческой, хранилась, какъ послѣдняя, готовая погаснуть искра, въ обществѣ иного разряда, и была оживляема въ немъ только немногими людьми, которые, въ развитіи духа, въ мудрствованіи горяя, а не земная, стояли выше магнатскаго уровня. Чѣдъ касается до Сагайдачнаго, то намъ трудно составить точное понятіе о характерѣ его христіянского благочестія. Онъ, въ качествѣ козака, провелъ всю свою жизнь молча, а церковныя дѣла его не задолго до смерти объясняются вліяніями некозацкими. Въ качествѣ козака, онъ могъ быть только такимъ религіантомъ, какими представлена мною разорители Синопа у Переprавы Воиновъ; козакомъ же сдѣлялся онъ весьма рано. Это мы видимъ изъ того, что безобразныя вірши „спудеовъ“ кіево-братьской школы — изъ Острожскаго училища, гдѣ онъ воспитывался, переносятъ его прямо въ Запорожскую Січь.¹⁾ Совокупность обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе молодежи въ козаки, заставляетъ насъ думать, что Конашевичъ-Сагайдачный принадле-

¹⁾ Тамъ (въ Острогѣ) Конашевичъ часъ не малый живши,
И наукъ въ письмѣ нашомъ Словенскомъ навыклиши,
Потомъ, видячи ся быть способными до мензества,
Шоль до Запорозкого славнаго Рыцерства...

жалъ къ недоучившимся школьнікамъ. Не всѣ, призванные къ просвѣщенію въ отрѣзненной Руси посредствомъ школы, выпиливали до дна „школьную чашу“, которую тяжелая рука тогдашихъ преценторовъ предлагала имъ въ благочестивой ревности къ дѣлу науки и религіи. Итальянскіе ribaldi flagitosi, эти бѣглецы порядочнаго общества, возмущавшіеся противъ средневѣковой жестокосердой культуры,— на русской невоздѣланной почвѣ, повторялись обильно, такъ же какъ и въ Польшѣ. Наука была тогда, безъ преувеличенія, мука, и, если Сагайдачный со школьнай скамейки очутился прямо за Порогами, то въ этомъ всего меныше надобно предполагать согласіе его отца, матери или опекуновъ, то есть тѣхъ лицъ, которыхъ отправили его изъ родного подгорья на Волынь, — все равно, какъ ни одинъ ремесленникъ, ни одинъ торговецъ, ни одинъ пырятинскій и какой бы то ни было попъ не посыпалъ сына или работника въ днѣпровскія пустыни и въ козацкое товариство: молодежь бѣжала въ козаки отъ суроваго цехового и школьнаго режима. Сагайдачный болѣе или менѣе принадлежалъ къ рибалтамъ, о которыхъ такъ называемые статчные, то есть порядочные, люди отзывались презрительно, и которыхъ вредному вліянію приписывались козацкія буйства. Между тѣмъ они-то, эти рибалты, преимущественно и годились въ козаки: ихъ можно было вышколить по-запорожски, выгнать изъ нихъ всякую городскую дурь, какъ называли низовцы все ненужное для войны, для борьбы съ невѣрными, для перенесенія голода, жажды и усталости и, какъ рибалты были люди письменные, что въ тѣ времена было рѣдко и дорого, то изъ нихъ выходили писаря, осаулы и другая козацкая старшина. При такомъ началѣ военной жизни, Сагайдачному было неоткуда набраться того благочестія, которое бы заставляло его лицемѣрить передъ его военнымъ ремесломъ, какъ этого домогаются отъ козаковъ наши историки. Религіозное чувство, къ которому былъ способенъ козакъ, удовлетворялось пожертвованіемъ на церковь или монастырь,

какъ дѣлали князья варяги, какъ сдѣлалъ и Остапъ Дацковичъ. Подъ часъ готовы были козаки пошарпать имѣніе отступника православія, какъ дѣлали наливайковцы, очевидно, подъ вліяніемъ Наливайкова брата, отца Демяна, который и самъ хаживалъ съ пими на добычу благочестія; подъ иной часъ не прочь они были утопить въ проруби унита, непавистнаго ихъ роднымъ и пріятелямъ мѣщанамъ, а всего охотнѣе являли свою ревность къ религії на туркахъ, на татарахъ, а впослѣдствіи, дома, на жидахъ, соединяя propagandam fidei съ хорошею поживою; но дальше этихъ актовъ благочестія козаки не ходили: иначе—имя ихъ было бы упомянуто хоть мимоходомъ въ такихъ важныхъ историческихъ документахъ, какъ „Апокрисисъ“ и посланія Іоанна Вишенскаго.¹⁾

Интересно, при этомъ, было бы намъ узнать откуда-нибудь: какъ относились къ Іову такія личности, какъ Сагайдачный и его товарищи по дипломатической части, люди, какъ видно, полета высшаго? Не должны были они относиться къ этому представителю нашей нравственной жизни, иначе, какъ относилась княгиня Ольга къ тѣмъ невѣдомымъ намъ ловцамъ человѣковъ, которые плѣнили ее въ послушаніе истинной вѣры,—какъ относился Изяславъ или, положимъ, Святославъ Ярославичъ къ Феодосію Печерскому,—какъ относился Остапъ Дацковичъ къ игумену Никольского монастыря,—какъ относился владѣлецъ Несвижа къ Симону Будному,—какъ относился литовскій гетманъ Ходкевичъ къ бѣжалшимъ изъ Москвы апостоламъ „нѣмої проповѣди“,—какъ относился виленскій магнатъ Евстафій Воловичъ къ просвѣщенному ученику Максима Грека, переводчику Геннадія Схола-

¹⁾ Ни одного историка не остановило въ полетѣ религіозной фантазіи полное отсутствіе слова козакъ со стороны православныхъ во всѣхъ актахъ и письменахъ, предшествовавшихъ Брестской унії и послѣдовавшихъ за нею. Критикъ историческихъ источниковъ и сочиненій предстоитъ у насъ трудное дѣло: она сломаетъ не одинъ плугъ, распахивая многовѣковую залежь умственной лѣни историковъ-анекдотистовъ.

рія,¹⁾ — какъ, безъ сомнѣнія, относился самъ князь Василій къ лицамъ, которыя печатали въ его имя Библію, когда онъ опустошалъ Сѣверщину, родину героя древней эпопеи русской, и, наконецъ, — какъ отнеслась незабвенная Анна Гулевичевна къ добродѣтельному попроптайкѣ, Исаї Купинскому.

Общеніе силы богатства, силы власти, даже силы тираннія съ силою нравственнаю и до извѣстной степени подчиненность ей существовали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Эта добытая историческою наукою аксиома даетъ намъ право предположить, что и козаки, то есть лучшіе изъ нихъ, подчинялись такимъ возвышеннымъ идеямъ, какими одушевленъ былъ Іовъ. Велико ли, или не велико было разстояніе между разорителемъ Кафы, кровавой пучины мусульманской, и между человѣкомъ, котораго еще во время его священства въ Воскресенской церкви, на Подолѣ, уподобляли Ioannu Многомилостивому, — этого никто не скажеть, при козацкой молчаливости о томъ, чтѣ дѣлали воинственные братчики дома, въ своихъ походахъ, на своихъ полевыхъ стоянкахъ, въ своемъ „дубованьѣ“ среди шумящаго дубровами Запорожскаго Луга; но, во всякомъ случаѣ, покровителю вдовъ и наставнику дѣтей было о чомъ говорить съ землякомъ и сверстникомъ своимъ, Сагайдачнымъ.

Судя по положенію Іова и, можетъ быть, самого Сагайдачнаго, они должны были бесѣдовать, въ монашеской кельѣ Іова, на тему псалма 54: „Кто дасть ми крылѣ яко голубиныхъ? и полещу, и почю.“ Это чувство заставляло нашихъ подвижниковъ духа „удаляться бѣгая“ и возвращаться въ такой пустынѣ, какъ Аeonъ. Оттуда было не видать и не слыхать „беззаконія и прерѣканія во градѣ.“ Только въ удаленіи отъ сцены отступничества, такой человѣкъ, какимъ былъ Іовъ (и какимъ является въ письменахъ Ioannъ Вишневскій), могъ отдохнуть отъ мучи-

¹⁾ Смотри Сборникъ, напечатанный въ Вильнѣ 1585 года въ типографії Манопичей.

тельного чувства, которое возбуждает въ благородномъ сердцѣ измѣна и предательство товарищѣй дѣтства, друзей, сподвижниковъ. Въ то время многіе стихи псалмовъ, которыхъ чтенію въ церкви внимаетъ нынѣ благочестивое ухо сиокойно, были краснорѣчивымъ и горькимъ истолкованіемъ событій дня, какъ, напримѣръ, эти: „Яко аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣль быхъ убо: и аще бы непавидлъ мя на мя велерѣчевалъ, укрылбыхся отъ него. Ты же (пѣть, это ты), человѣче равнодушне (съ душою равпою моей), владыко мой (обладатель тайпъ сердца моего) и знаемый мой, иже купно наслаждался еси со мною брашень: въ дому Божiemъ ходихомъ единомышленіемъ“!...

Измышенная іезуитами унія была, въ нашей отрозненной Руси, проявленіемъ безнравственности, какъ всякая политика, которую проагандируютъ наперекоръ естественному ходу дѣлъ и движению сердецъ человѣческихъ. Она понизила подлыхъ людей ниже уровня той подлости, которую таять еще отъ свѣта,—понизила до той глубины, въ которую Подлость нисходитъ, взявшись за руки съ Безстыдствомъ. Но она сильно подняла нравственный уровень борцовъ за православіе. Подобно тому какъ организмъ напрягаетъ всю свою энергию въ виду угрожающаго ему холода и, по инстинкту самосохраненія, возбуждаетъ въ себѣ внутренній жаръ до возможно высокой интенсивности,—„малое стадо“ вѣрныхъ, уцѣлѣвшій остатокъ русской церкви, вызвало изъ сокровищницы сердца своего всепобѣждающее „чаяніе Бога, спасающаго отъ малодушія и отъ бури“. Тому, кто среди бурь войны и морской пучины впиталъ въ себя запорожскій догматъ: *не трѣба смѣрти боятись*, и тому, кто всю жизнь провелъ среди безпомощныхъ вдовъ и сиротъ въ борьбѣ съ бурями папастей, это спасеніе отъ малодушія и отъ бури, спасеніе отъ внутренней и внѣшней опасности, было равно понятно. Образцовый инохъ могъ скорѣе всего бесѣдовать съ образцовымъ козакомъ, при всемъ различіи иноческой и козацкой религіозности. И, если

простаки, наполнявшие церковное братство, могли склонить грубыхъ сиромахъ на кровавую расправу съ унитомъ, то есть нашли въ ихъ одичалыхъ сердцахъ полное сочувствіе сердечному порыву своему; то и такой высоко развитой христіянскою любовью духъ, какъ Іовъ, могъ вызвать изъ души укротителя неукротимыхъ полновзвучную сочувственную ноту. Это предположеніе оправдывается известными, вѣроятно, читателю сценами встрѣчи, приема и провожанья іерусалимского патріарха, въ которыхъ козацкая шапка и чернечій клобукъ явились какъ-бы знаками одного и того же отшельническаго ордена. Въ слѣдующей главѣ я расскажу, какъ это происходило и какой былъ результатъ созвучія между двумя или несколькими энергическими сердцами, настроенными выше буднишнаго строя жизни.

ГЛАВА XX.

Связь нашего прошедшаго съ нашимъ будущимъ.—Сила—конкретное мышление историческихъ явлений.—Козаки стояли въ сторонѣ отъ церковныхъ дѣлъ.—Козаки не имѣли политической тенденціи.—Духовенство воспользовалось козаками для интересовъ церкви.—Возстановленіе православной іерархіи.—Возсозданіе побитаго въ 1596 году козачества.—Суть нашей жизни сказывается въ ея послѣдствіяхъ.—Турки осуществляютъ паконецъ свою угрозу.—Безславіе польско-панской и слава русско-козацкой партіи.

Когда краніологъ сравниваетъ новѣйшіе черепа известнаго племени съ самыми древними, какіе только удалось ему видѣть, онъ съ удивленіемъ замѣчаетъ упорство, съ которымъ безсознательная природа хранитъ выработанныя вѣками черты, не давая новымъ вѣкамъ сгладить древнія познаменованія свои на ковчегѣ ума человѣческаго. Съ такимъ же, если, не съ болѣшимъ еще, упорствомъ природа, сознающая свои операции, полубожественная наша душа, противодѣйствуетъ вліянію новыхъ событий на формацию духа своихъ индивидумовъ.

Когда сравнимъ нынѣшній идеалъ праведности, святости близости къ Богу, распространенный между лучшими экземплярами темныхъ и просвѣщенныхъ русскихъ людей, мы съ удивленіемъ увидимъ, что онъ все тотъ же, каковъ былъ во времена достохвальныхъ пустынножителей Антонія и Феодосія Печерскихъ. Аскетизмъ, кажущійся безсмыслениемъ при поверхностномъ на него взглядѣ, есть только своеобразная форма философствую-

щаго духа, стоящаго въ оппозиції съ громаднымъ большинствомъ людей, которые *vitam silentio transeant....* Онъ, въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ, дорогъ русскому міру, именно живой части этого міра, на столько, на сколько русскій міръ страдалъ искони отъ людскихъ беззаконій и склонъ забвенія ихъ на лонѣ христіанской, безкорыстной, пелицеріатной любви, олицетворяемой для него аскетами. Вотъ почему живая, способная къ развитію часть русскаго міра сохранила этотъ идеалъ неизмѣннымъ до нашего времени, и не хочетъ придать ему какія-либо новыя черты. Много должно совершиться событий и много должны поработать люди грядущаго вѣка для добра своихъ ближнихъ, чтобы этотъ идеалъ преобразился, въ народномъ сознаніи, на новомъ юморѣ. Отсюда для историка вытекаютъ двѣ мысли: что прошедшее наше требуетъ отъ насъ такого полнаго во всѣхъ подробностяхъ изученія, какое усвоено методомъ естествоиспытателей; и что наше будущее тогда только перестанетъ быть для нашего ума непонятною игрою случайностей, когда наука исторіи, призвавъ на помощь полный контингентъ человѣческихъ знаній, поставитъ передъ нами факты нашего прошедшаго въ такой опредѣлennости, въ какой математика ставить свои теоремы. Стоя на соединительномъ пункѣ двухъ уходящихъ отъ насъ въ противоположныя стороны путей, то есть между концомъ прошедшаго и началомъ будущаго, мы, въ силу послѣдовательности, должны распространить господствующій на обоихъ этихъ путяхъ законъ на каждое крупное явление жизни, на каждое многовѣковое созданіе бытого. Чѣмъ глубже въ старину восходитъ неизмѣнность главныхъ признаковъ даннаго явленія, тѣмъ это явленіе, въ исторической классификаціи, значительнѣе, разумѣя подъ значительностью не полезность или нравственную возвышенность явленія (понятія не конкретныя), а только силу. Сила — въ исторіи единственное мѣрило значительности, такъ какъ она знаменуетъ жизненность, а жизненность означаетъ право на

жизнь, следовательно — непреложную правду. Все то ложно, что вычеркивается изъ „книги живота“ таинственно правящем міромъ рукою. На этомъ основаніи, въ исторіи природы, сознающей свои операциі, равно какъ и въ исторіи природы безсознательной, изъ двухъ или многихъ борцовъ, правъ болѣе сильный, правъ герой успѣха, правъ побѣдитель. Но правъ онъ дотолѣ, доколѣ остается побѣдителемъ. Потому-то боготворимая нами муз Кlio такъ безчувственна во глубинѣ тонко анализирующей души своей; потому она такъ безразлично дарить своимъ вниманіемъ сегодня самаго добродѣтельного человѣка, а завтра — злодѣя, сегодня — архитектора дивнаго храма Діаны, а завтра — Герострата. Для нея разрушительный огонь, истребивший допотопный лѣсъ, столь же высоко-занимательное явленіе, какъ и истребленный имъ лѣсъ, который былъ великолѣпнѣе и чудеснѣе всѣхъ чудесъ великаго храма Діаны. Она предоставляетъ времени доказать, что успѣхъ ея героя не продолжителенъ, что онъ противоположенъ принципу жизненности, и, не менясь въ лицѣ, не потупляя даже дѣственныхъ очей своихъ, переносить столь драгоценное для каждого вниманіе свое съ одного любимца счастья на другого. Вотъ почему и мы, малосмыленные жрецы всевѣдущей богини, съ одинакимъ увлеченіемъ описываемъ разрушеніе древняго міра варварами и созиданіе міра новыхъ идей подвижниками гуманизма. Вотъ почему и авторъ этой отважно выступающей на всяческій бой книги удостоивается зловредныхъ козаковъ того самаго вниманія и изученія, что и полезнейшихъ колонизаторовъ Украины, ревностнейшихъ просвѣтителей общества, энергическихъ распространителей продуктовъ высокой цивилизаціи въ невѣжественной, полуазіатской средѣ нашего народа. Они занимаются хищными варварами козаками тѣмъ внимательнѣе, чѣмъ упорнѣе сохраняютъ они черты, общія имъ не только съ варяго-руссами, но и съ греческими аргонавтами, съ героями поэмъ Гомера, съ древній-

шими витязями опоэтизованныхъ разбоевъ. Вотъ почему, наконецъ, онъ отдаетъ этимъ хищникамъ и разорителямъ предпочтеніе передъ чадами европейской культуры, составляющими предметъ изящнаго и глубокомысленнаго побѣствованія другихъ историковъ. Да, авторъ этой смиренной и дерзновенной книги не обицнуясь предпочитаетъ козаковъ польской и польско-русской шляхтѣ, какъ ни много имѣла она въ себѣ трагически поставленныхъ героевъ меча, науки и даже глубокаго сердечнаго благочестія. Они, въ своихъ разбояхъ, въ своемъ всемирно извѣстномъ хищничествѣ и посягательствѣ на достояніе народовъ, всѣхъ ихъ силынѣ, этихъ культиваторовъ, неспособныхъ охранять собственную культуру; ихъ грубая, разрушительная дѣятельность жизненнѣе утонченной дѣятельности великихъ польскихъ воиновъ, политиковъ и религіантовъ; ихъ разрушеніе больше открыло простору для жизни, чѣмъ созиданіе ихъ антагонистовъ. До скончанія нескончаемаго вѣка, Кліо не закончитъ своихъ правдивыхъ сказаний словомъ *finis*, и ни для одного народа не измѣнить божественному, похожему на безчувствіе, спокойствію своему. Полякамъ предоставляется возродиться силою сохраненной ими въ себѣ жизненности и обратить на себя вновь тѣ плѣнительно спокойныя очи, которыя давно отвернулись отъ нихъ ради грубыхъ лохмотниковъ; но, покамѣсть, эти лохмотники красуются на той страницѣ ея безконечной книги, на которой покоится вооруженная краснорѣчивымъ перомъ рука богини, ежеминутно готовая перекинуть листокъ и прославить новаго побѣдителя за превосходство его жизненной силы, которую онъ заявить въ своихъ подвигахъ.

Итакъ—опять козаки, какъ элементъ дикій, но торжествующій надъ элементомъ утонченнымъ.

„Сигизмундъ — вельми яровитый католикъ“, говоритъ одинъ изъ старыхъ украинскихъ лѣтописцевъ: „всѣхъ бы людей подклонилъ подъ папу, и цѣлый міръ подневолить ему не попозорился“.

Между тѣмъ этотъ яровитый католикъ, представитель цѣлаго сонма людей, безъ которыхъ никто и не зналъ бы о его католической завзятости, трусила пашихъ убогихъ иноковъ и безсознательно воевавшихъ въ пользу церкви козаковъ. Эти два типа, выработанные русскою жизнью, посили на себѣ черты могучей дѣятельности духа и, по закону долгой формациіи, были столь огнеупорны, желѣзоупорны, силоупорны и *consilio*-упорны, что это инстинктивно чувствовалось даже людьми, мечтавшими о бессмертной славѣ въ потомствѣ. Постоянный трепетъ митрополита унитскаго за свою жизнь, оправданный гибеллю его намѣстника, давалъ усерднымъ слугамъ римской куріи преувеличенное понятіе, какъ о характерѣ козачества, такъ и о дѣйствительной силѣ его. Видя, что козаки шляются и кумаются съ членами церковныхъ братствъ, которыя стали наконецъ ихъ заискивать, латинцы, судя по себѣ, воображали ихъ религіантами и, подъ видомъ ревности къ дому Божію, сильно беспокоились о возможности утраты церковныхъ имуществъ. Благочестивые мѣщане и близкіе къ мѣщанамъ паны, съ умысломъ и безъ умысла, поддерживали ихъ беспокойство своими толками о козакахъ, а чернецы и свѣтскіе писаки вносили козаковъ даже въ повѣствованіе о благочестивыхъ дѣяніяхъ святонаਮятнаго князя Василія, самаго опаснаго врага козацкаго; и отсюда-то произошли тѣ ошибочные понятія о козакомъ ратоборствѣ за вѣру, которая, перенесли къ нашему поколѣнію въ видѣ историческихъ свидѣтельствъ. Безпокойство унитовъ и католиковъ составляетъ параллель съ опасеніями современныхъ чернечовъ православныхъ на счетъ того, что будтобы, не сегодня, такъ завтра, всѣхъ благочестивыхъ окрестятъ въ латинство, а монастыри и церкви раздадутъ ксензамъ. Украинские иноки и инокини, шляясь въ Москву за „мигостынею“, распространяли свою тревогу по всему пути своему, и вносили превратныя понятія о королевскомъ правительстве въ царскіе терема, совершенно такъ, какъ противная сторона вносила пре-

увеличенные толки о козакахъ — въ Ватиканѣ. „Успѣхамъ унії“, говорить нунцій Торресъ въ донесеніи папѣ, „препятствуютъ козаки, которыхъ 60.000“ (цифра, увеличенная ровно втрое, а противъ призданнаго закономъ числа — въ 60 разъ). Въ сущности же, между русскою церковью, какъ экономическою единицею, и между козаками, какъ промышленно-военною корпораціею, происходилъ постоянный антагонизмъ. Это мы видѣли въ ихъ спорахъ съ Никольскимъ монастыремъ¹⁾ за бобровыя гоны, рыболовныя озера и другіе входы. Этому столько же можно найти примѣровъ въ историческихъ памятникахъ, сколько со стороны латинской шляхты было примѣровъ оспариванью земель и доходовъ у своихъ бискуповъ, монастырей и катедръ,—на томъ простомъ основаніи, что масса состоитъ всего больше изъ эгоистовъ и всего меныше — изъ религіантовъ. Чѣмъ касается до мѣщанъ, изъ которыхъ козаки большей частью происходили въ первое время своего существованія, то они постоянно трепетали за свое имущество передъ козаками, какъ это видно: изъ протеста кievскихъ мѣщанъ въ житомирскихъ замковыхъ книгахъ 1584 года; изъ двойной роли тѣхъ же мѣщанъ въ борьбѣ Жовковскаго съ Наливайкомъ и Лободою; изъ поступка Брацлавянъ, которые отреклись отъ своего союзника Наливайка въ трудное для него время; изъ того, что, когда онъ бѣжалъ впереди Жовковскаго, то всѣ города запирали передъ козаками дорогу,²⁾ и изъ многихъ другихъ случаевъ. Хоть козаки и помогли мѣщанамъ отстоять іерархію при Сагайдачномъ, хоть они, по просьбѣ мѣщанъ, не разъ и послѣ того протестовали противъ унії, но вообще, это были такие беспокойные союзники, что мѣщане всегда готовы были отъ нихъ отречься. Когда Бѣлорусскія увидали въ своихъ предѣлахъ московское войско и города ея на-

¹⁾ См. т. I, стр. 48.

²⁾ См. въ приложеніяхъ ко II-му тому письмо князя Острожскаго отъ 2 марта 1596 года.

чали покоряться царю Алексею Михайловичу,—первою просьбою мѣщанства было запрещеніе козакамъ, равно какъ и жиdamъ, жить въ городахъ. Еще характеристичнѣе относительно отчужденія, существовавшаго между козачествомъ и мѣщанствомъ, а пожалуй и духовенствомъ, отзывъ современника о торжествующемъ козацкомъ элементѣ. Во время Хмельничины, мѣщане, волей и неволей, должны были идти въ козаки и носить усы и чуприны по-козацки. Очевидецъ этого превращенія, по видимому, какой-то дьяконъ или священникъ, восклицаетъ въ своей лѣтописи: „Такъ діаволъ учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечныхъ“! Если бы козаки въ самомъ дѣлѣ были заинтересованы церковнымъ вопросомъ, какъ въ этомъ настѣ хотятъ увѣрить; другими словами—еслибы съ интересами церкви соединялись ихъ экономическая и корпоративная выгоды, то не допустили бы они, чтобы изъ 3.258 храмовъ православныхъ осталось незахваченными унію только 1.089, хотябы самъ король Ѵздила отъ церкви до церкви по королевщинамъ и изгонялъ поповъ такъ, какъ сдѣлано было во Львовѣ по распоряженію арцыбискупа Суликовскаго.¹⁾ Очевидно, что козаками только пугали враговъ древняго благочестія, преувеличивая даже число ихъ; а такое запугивание разносилось тѣмъ шире молвою, что иногда мѣщанамъ удавалось подстроить добрыхъ молодцовъ запорожскихъ на такую кровавую шутку, какую они разыграли, въ 1618 году, съ намѣстникомъ унитского митрополита.

Козаки не имѣли не только религіозной, но и политической тенденціи. Это, между прочимъ, видно изъ посольства Сагайдачнаго къ московскому царю. Въ мартѣ 1620 года, явился отъ него, то есть отъ козаковъ, или въ угоду козакамъ, въ Москву отаманъ Петръ Одинѣцъ съ предложеніемъ царю службы козацкой и съ просьбою о жалованьї за недавній промыселъ козацкій надъ

¹⁾ См. т. I. стр. 235.

врагами христіянства. Думный дьякъ Грамотинъ, похваливъ козаковъ за ихъ службу, сказалъ: „У насъ такой слухъ, что король Жигимонтъ хочетъ наступить на вашу вѣру; такъ объявите, нѣть ли на вашу вѣру отъ поляковъ какого посяганья“? Козаки отвѣчали: „Посяганья на насъ отъ польского короля никакого не бывало“, и эти слова записаны въ официальныхъ московскихъ столбцахъ, наряду съ тѣми тревожными слухами, которые московскіе дьяки старательно собирали въ такъ называемой литовской сторонѣ изъ устъ единовѣрного духовенства и монашества. Между тѣмъ время козацкаго отрицанія всякаго посягательства на православную вѣру со стороны католиковъ совпадаетъ со вступленіемъ Сагайдачнаго въ братство, фактомъ, истолкованнымъ въ смыслѣ его козацкой религіозности, и съ послѣдовавшимъ за тѣмъ участіемъ Сагайдачнаго въ церковныхъ дѣлахъ, которое, въ глазахъ нашихъ историковъ, на всю жизнь его распространило характеръ воителя православной церкви. Объ этомъ участіи козацкаго предводителя въ дѣлахъ не-козацкихъ разскажемъ поподробнѣе.

Въ томъ же 1620 году, въ которомъ Сагайдачный посыпалъ въ Москву просить у царя жалованья за козацкіе подвиги свои,¹⁾ возвращался черезъ Киевъ изъ Москвы іерусалимскій патріархъ Оеофантъ, вызванный туда для посвященія въ патріархи отца новопѣзбраннаго царя, Филарета Никитича. Тѣснимый турками грекъ, за щедрое даяніе, оказалъ бы царю и не такую услугу, нужды нѣть, что былъ человѣкъ ученый и добросовѣстный. Въ Киевѣ окружили святого мужа, какъ и подобало, представители греково-сточнаго вѣроисповѣданія. Въ числѣ ихъ были и новые русскиемагнаты, выступившиe на сцену по исчезновеніи съ нея

¹⁾ Такъ какъ тогда были еще въ свѣжей памяти опустошительные подвиги этихъ защитниковъ православія въ православной Мѣсковщинѣ, то козакамъ дано только 300 рублей „легкаго жалованья“, и „свѣтлыхъ царскихъ очей“ они не удостоены видѣть.

тѣхъ, которые предпочли быть магнатами польскими, обращаясь въ католичество. Что благочестивое духовенство чествовало и должно было чествовать людей, готовыхъ, въ случаѣ чего, расправиться съ ихъ врагами такъ, какъ съ Грековичемъ, это само собой понятно; а ухаживало оно за ними тѣмъ наче, что добрые молодцы были не прочь и отъ пожертвованія въ пользу церкви, во спасеніе своихъ душъ, обходившихся на сушѣ и на морѣ безъ священниковъ. Подобно тому, какъ папскіе пупыці, или какие бы то ни было ревнители западной церкви, склонили Сигизмунда, да и не одного Сигизмунда, а даже такихъ людей, какъ Левъ Сопіга, дѣйствовать въ пользу унії, — ревнители церкви восточной воспользовались послушною ихъ внушеніямъ силою, чтобы возстановить уничтоженную православную іерархію. Несажданный гость имѣть власть или рѣшитѣльность возстановить въ разоренной Москвщинѣ патріархать на досаду католическому миру: почему же было ему въ Украинѣ не посадить митрополита и епископовъ на похищенные у нихъ престолы? Патронать надъ русскою церковью фактически перешолъ тогда изъ рукъ покойного князя Острожского въ руки могущественнаго предводителя Запорожскаго Войска. Его вписали въ кievское братство со всѣми козаками безъ исключенія. Съ такими братчиками подъ рукой, можно было отважиться на рѣшительное противодѣйствіе унії. Отъ ихъ имени дѣйствовать было не только не страшно, а пожалуй надежнѣе, чѣмъ отъ имени князя Василія Острожского, этого отступника-de-facto, со всѣми его скарбами, обнаружившимися, во всемъ безобразіи своей громадности, по смерти отступника-de-jure, Япуши. Князь Василій довольно капризно и не по-рыцарски выдалъ своего гостя и совѣтника, грека Никифора, на смерть въ заточеніе; козаки не выдавали даже самозванцевъ, искашившихъ у нихъ пристанища. Если князя Острожского, пріятеля Поссевина и Скарги, отца окатоличенныхъ дѣтей, заставлялъ кто-то — и всего скорѣе кіяне — ратовать за благочестіе, то тѣмъ же самыми манеромъ

тѣ же кіяне могли и, консеквентно, должны были подвинуть Сагайдачнаго на его хорошее, но никакъ не его личное дѣло. Вѣдь идея церковной уши приналежала въ началѣ къ любимымъ мечтамъ князя Острожскаго; сперва это было его *pium desiderium*; а потомъ неудовлетворенная гордость и интересы патрона заставили его действовать въ противоположномъ направлениі, идти на буксирѣ у разсчетливыхъ и искреннихъ ревнителей благочестія. Если Сагайдачный, котораго мы знаемъ весьма мало, былъ не чуждъ подобной уступчивости, то тѣмъ легче онъ могъ склониться на такое дѣло, которое вовсе не противорѣчило обычнымъ убѣжденіямъ козака, которое могъ совершить одинъ онъ, и которое должно было осчастливить столькихъ почитаемыхъ людей. Дѣло, конечно, было смѣлос: предстояло вмѣшаться въ прерогативы королевской власти: при жизни утвержденныхъ королемъ и Рѣчью-Посполитою унітскихъ єпарховъ, поставить на митрополію и епископію дизунитовъ. Ни одно государство не представило въ исторіи такого соцр *d'état* со стороны людей, не облеченныхъ никакою правительственною властью.

Кто былъ душою этого вполнѣ удавшагося переворота, не известно; но нельзя не замѣтить, что онъ былъ сдѣланъ въ соотвѣтствіе тому смѣлому шагу, который двадцать пять лѣтъ назадъ сдѣлала королевская лига введеніемъ унії: это былъ, что называется, *wet za wet*. Унія была дѣломъ рѣшимости іезуитскихъ патеровъ; анти-унія должна была быть подобнымъ же дѣломъ людей, которыхъ побороть іезуитамъ не удалось. Ни богатствомъ, ни честолюбiemъ, ни страхомъ преелѣдованій, ни развращеніемъ нравовъ, ни даже наукою, построеною софистически, ничѣмъ нельзя было связать руки монахамъ, борцамъ за русскую церковь и народность. Всѣхъ одолѣли іезуиты этими могущественными средствами; по русскаго иного, въ его добровольномъ убожествѣ, не одолѣли. Ему-то, котораго всѣ ухищрія оказались напрасными, долженъ принадлежать и ве-

ликий подвигъ рѣниности, поддержаній козаками. *Не трѣба смерти боятись!* этотъ девизъ и воинствующая церковь, и воинствующая свобода народная одинаково могли внушить своимъ подвижникамъ и поддерживать въ нихъ во всемъ благородствѣ его. Іову Борецкому, болѣе нежели кому либо другому, могъ принадлежать починъ этого дѣла и приведеніе его въ исполненіе. Святостю ли жизни, даромъ ли убѣженія, или дружескими отношеніями взялъ онъ у Сагайдачнаго — ничего не извѣстно; но precedentы Сагайдачнаго отнюдь не таковы, чтобы мысль о возстановленіи православной іерархіи могла въ немъ зародиться и дойти до осуществленія. Сагайдачный, по началу и продолженію своей карьеры, былъ козакъ изъ козаковъ, ultra-козакъ. Онъ, при всемъ своемъ умѣ, который признавали въ немъ и поляки, слыть у нихъ „простакомъ“. Простые умы самыхъ гениальныхъ людей, то есть не воздѣланные наукою, имѣютъ ту особенность, что внушаютъ человѣку только исполненіе ближайшаго долга его. Они слишкомъ мудры для того, чтобы пускаться въ широкое море посторонней дѣятельности, безъ соотвѣтственныхъ знаній. Они тѣмъ и высоки, что знаютъ хорошо путь свой и никогда съ него не сворачиваютъ. Быть агитаторомъ такого вопроса, какъ создание разрушенной церкви, Сагайдачный не могъ. Не *ribaldo flagitosus*, недоучившійся въ острожской школѣ, а тотъ, кто всю жизнь употребилъ на приготовленіе людей къ борьбѣ за вѣру путемъ науки, способенъ быть возымѣть великую идею и провести ее въ окружавшей его средѣ до конца.

У Сагайдачнаго было довольно собственнаго дѣла. Онъ, въ теченіе двухъ десятилѣтій, образовалъ за Порогами войско, вполнѣ самостоятельное и одному ему послушное. Въ противность радикальнымъ мѣрамъ правительства, онъ устремлялъ русскую силу противъ турокъ; онъ своими успѣхами вызывалъ за Пороги цвѣтъ этой силы и, въ строгой простотѣ запорожскаго быта, вырабатывалъ будущихъ представителей народнаго

права для предстоявшей борьбы его съ правомъ польскимъ. Въ 1595 году Ласота видѣлъ за Порогами только до 3.000 козаковъ; сколько ихъ собралось на Солоницѣ, достовѣрно нельзя сказать. Дѣло въ томъ, что они потеряли тамъ свои знамена, пушки, ружья, походные возы, боевые спаряды; но прошло двадцать два года, и Запорожцы выставили 20.000 хорошо вооруженного войска подъ Можайскомъ, а вскорѣ затѣмъ 30.000 подъ Хотиномъ. Организаторъ такой силы, дѣлая свое дѣло съ неуклонною постепенностью, во всю свою карьеру не имѣлъ ни одной стычки съ короннымъ войскомъ. Онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, которые заставляли радныхъ пановъ королевскихъ просить бунтовщика о помощи, игнорируя сеймовые декреты противъ Запорожского или Низового Войска. Козаки, счи-тавшіеся бандитами до московской войны и не признанные свободными гражданами по возвращеніи изъ этой важной для Польши экспедиціи, тѣмъ не менѣе *de facto* удерживали русскій край за русскими людьми, служили послѣднему редуту русской народности — монастырямъ — опорою, были предметомъ преувеличеннаго страха для враждебнаго ей лагеря и, наконецъ, въ качествѣ вооруженныхъ братчиковъ, помогли совершиться важному перевороту въ русской церкви. Все это было дѣло Сагайдачнаго, умѣвшаго править хаотической массою; и въ этомъ дѣлѣ больше военнаго генія, нежели въ соединеніи Хмельницкаго съ татарами на христіянское войско, или въ торжествѣ многолюдныхъ его полчищъ надъ панскими оружіемъ. Въ этомъ дѣлѣ больше политическаго тафта, чѣмъ въ разрушеніи государства сампсоновскимъ manneromъ и въ закрѣпощеніи монастырямъ и землевладѣльцамъ народа, обольщенаго козакованьемъ. Если же мы возьмемъ хотя гадательную цифру выжженыхъ сель, разоренныхъ хозяйствъ и павшаго народа, то героя „руины“, какъ прозвана въ народѣ Хмельнищина, не поставимъ и близко возлѣ защитника Украины и Польши отъ враговъ христіянства.

И все-таки мы не ему приписываемъ возсозданіе церковной іерархіи посредствомъ щедрыхъ даяній обидрасому туркамъ патріарху, хотя эти даянія преимущественно исходили отъ нашихъ добычниковъ. Лично Сагайдачный могъ заботиться объ отиущеніи грѣховъ своихъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и надпись на подаренномъ имъ въ Братскую церковь крестѣ. Относительно страха Божія, или „Божія суда“, русинъ козакъ и русинъ коронный гетманъ питали одинаковыя чувства въ войнѣ и ея опасностяхъ. Каждый изъ нашихъ добычниковъ и счастливыхъ пиратовъ сознавалъ болѣе или менѣе, что душа его могла бы быть иною. Даже малеванный запорожецъ, этотъ любимецъ старосвѣтскихъ свѣтлицъ украинскихъ, въ своей цинической надписи,¹⁾ говоритъ:

Та вже пристарівши на Русь пійті мушу,
Ачей попі відпоминають мою грішну душу.

По французской пословицѣ, и самъ дьяволъ состарившись дѣляется отиельщикомъ. Чтѣ же мудренаго, если козакъ старался, по своимъ понятіямъ, обезпечить себѣ на томъ свѣтѣ возможно, лучшее помѣщеніе? Но не на вкладахъ въ церкви, не на благочестивыхъ духовныхъ завѣщаніяхъ напечатлѣвается суть прожитой человѣкомъ жизни, а на ея послѣдствіяхъ. Многіе историки ошиблись въ оцѣнкѣ историческихъ характеровъ, не обращая вниманія на то, чтѣ постѣ прожитой этими героями жизни, оста-

¹⁾ Лучшій варіантъ этой надписи находится подъ стариннымъ изображеніемъ запорожца, хранящимся въ варшавской библіотекѣ графовъ Красинскихъ. Надпись, напечатанная въ I-мъ томѣ „Записокъ о Южной Руси“, списана мною съ малеванного запорожца, находящагося въ собраніи мѣстныхъ изображеній въ домѣ князя Воронцова, въ Мошиахъ, гдѣ я, во времія оно, въ качествѣ непрѣстнаго посѣтителя, нашоль самое радушиное гостепріимство у просвѣщенныхъ людей, управлявшихъ тогда Мошенскими имѣніемъ. Когда я благодарилъ ихъ за удовлетвореніе моему любопытству и за содѣйствіе въ развѣдываніи мѣстной ста-рины, мнѣ отвѣчали, что они только исполнили цаказъ благороднаго владѣльца.

лось въ томъ обществѣ, къ которому они принадлежали. Послѣ Сагайдачнаго козаки вновь являются передъ нами чуждыми интересовъ церкви, и этимъ свидѣтельствуютъ, что Сагайдачный въ своемъ козакованїѣ былъ не религіознѣ малеваннаго запорожца, который потому не хочетъ умирать въ стеци, что

Татаринъ цураеться, а ляхъ не приступить....
Хибá яка звірюка у байракъ почуپить;

которому всего милѣе воспоминаніе о томъ, какъ онъ когда-то вариль кровавое пиво, которое

Пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво.

Вотъ какую суть жизни выработалъ въ себѣ Сагайдачный, и только подобныя сенсаций, а вовсе не религіозность, оставилъ въ наследство своимъ преемникамъ. Въ нисходящемъ потомствѣ ищутъ, и находять, зримый глазами образъ того или другого сильнаго предка. Въ преемствѣ жизни духовной существуетъ одинъ и тотъ же законъ. Еслибы Сагайдачный былъ религіозенъ въ смыслѣ некозацкомъ и не повторился въ своихъ потомкахъ, это значило бы что онъ былъ только мнимый родоначальникъ нисходящихъ поколѣній козацкаго семейства, что онъ былъ слишкомъ слабъ для продолженія своего рода. Но онъ, какъ мы видимъ, былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ ковалей, какие когда-либо участвовали въ ковкѣ козацкаго завзятаго, затаенаго и бурно кипящаго въ своей таинственной глубинѣ духа. Онъ повторился много разъ въ козачествѣ, и родственный ему типъ распространенъ даже и нынѣ среди земляковъ его.

Совсѣмъ иной характеръ представляеть Іовъ Борецкій. Онъ отличался ученостью, которою, впрочемъ, на Руси въ то время не мудрено было отличиться, и выборъ въ архиереи палъ на людей тоже ученыхъ и литературныхъ—прежде всѣхъ на Исаію Купинскаго, потомъ на Мелетія Смотрицкаго и т. д. Это признакъ *его*

дѣятельности. Опъ бытъ благотворительный аскетъ, и въ чистѣ избранныхъ на епископії личностей рѣдко кто не бытъ извѣстенъ болѣе или менѣе продолжительнымъ пребываніемъ на Двоопѣ. Это также *его* слѣдъ въ великомъ дѣлѣ возсозданія, того, чтѣ было разрушено папами и латинцами. Молодые, впечатлительные годы Іова Борецкаго совпадали съ московскою трагедією необычайного успѣха названнаго Димитрія и тѣхъ великихъ мечтаній объ освобожденіи христіянскаго міра отъ агарянъ, которыхъ нашли въ этомъ талантливомъ пройдохѣ свой громкій органъ. Мыслью о возможности переворота въ Турціи, на манеръ московскихъ событий, занялся нашъ пинокъ впослѣдствіи, точно молодой мечтатель, по слу-чаю появленія на Руси греческаго царевича, и долго не покидалъ этой мысли. Это опять показываетъ формацию души, болѣе общую съ дѣломъ спасенія русской народности отъ латинцевъ, нежели какова была формация души Сагайдачнаго. Онъ же послалъ въ 1625 году къ московскому царю смѣлый проектъ присоединенія польской Руси къ Руси московской, чрезъ посредство козаковъ. Но даже издали, даже изъ Москвы, было видно, что „соединеніе“ ме-жду духовенствомъ и козаками не было (хотя посолъ Борецкаго представлялъ дѣло такъ, какъ-будто козаки стоятъ на одномъ и томъ же уровнѣ съ церковнымъ воинствомъ Іова). Царские бояре, безъ обиняковъ, поставили это на видъ послу митрополита, озабоченнаго опаснымъ положеніемъ только что поднятой имъ изъ паденія русской іерархіи. Греческій царевичъ, соединеніе отъ его имени единовѣрныхъ народовъ противъ Турціи и возстановленіе православной іерархіи посредствомъ козаковъ — это замыслы оди-наковые, хотя не одинаковъ бытъ ихъ успѣхъ. Суть жизни Іова: его глубокое пониманіе церкви, какъ главной опоры народности, ко-торую старались превратить въ латинскую каменѣлость; его за-боты о наукахъ, какъ объ оружіи, безъ котораго не устоять право-славію противъ латинства; наконецъ, его пламенная вѣра, которая, по апостолу, только въ такомъ случаѣ „чиста и нескверна передъ

Богомъ“, когда вѣрующій помогаетъ сиротамъ и вдовицамъ въ ихъ бѣдствіяхъ и хранитъ себя неоскверненнымъ отъ міра, ¹⁾— все это напечатлѣно на послѣдствіяхъ исторической роли его и на продолжателяхъ дѣлъ его, которые, подобно нисходящему потомству, повторили нравственный образъ великаго строителя церкви, Іова милосердаго, многоученаго, пламеннаго духомъ, ревнующаго о домѣ Божіемъ паче жизни и всѣхъ благъ ея. Въ параллель и противоположность Іову, суть жизни Сагайдачнаго воспроизведена въ позднѣйшемъ козацествѣ, которому церковно-религіозный элементъ былъ нуженъ такъ же мало, какъ и ему самому для преуспѣянія козацкой корпораціи. Оба эти дѣятеля были равно велики въ своихъ начинаніяхъ, но каждый дѣлалъ свое дѣло по совершенно простымъ, примитивнымъ, чтобы не сказать— по эгоистическимъ побужденіямъ, по внушеніямъ самозащиты, этого первоначального родника героической славы. Оба старались не дать гнѣзда своего въ обиду. Одинъ создалъ козацкую силу, поднявъ козачество изъ упадка въ опасное для него время, когда оно могло бы быть задушено, и тѣмъ безсознательно обеспечилъ сліяніе Южной Руси съ Сѣверною, вѣрнѣе сказать— сдѣлалъ это сліяніе неизбѣжнымъ. Другой создалъ силу интеллигентную, посредствомъ возстановленія іерархіи изъ лучшихъ людей, какіе только могло выработать русское противодѣйствіе католичеству и унії, и сознательно, какъ подвижникъ интелигенціи, вѣль дѣла къ тому, чтобы Малая Россія не оставалась отрезненою отъ Великой. Какъ въ козакахъ послѣдовавшихъ эпохъ виденъ ихъ прототипъ Сагайдачный, болѣе или менѣе искаженный и видоизмѣненный новыми внѣшними вліяніями, такъ и въ послѣдовавшихъ дѣятеляхъ мысли Іова, подъ сѣнью церкви, не разъ воскресалъ передъ нами образъ Іова, со всѣми его высокими достоинствами и съ пріимѣсью неизбѣжныхъ въ омутѣ жизни недостатковъ. Таковъ мой

¹⁾ Соб. посл. Іак. I, 27.

выводъ изъ сопоставлениіа извѣстныхъ данныхъ съ неизвѣстными, или — съ историческими иксомъ.

Какъ бы, впрочемъ, оно ни было, только, по сказанію густынскаго лѣтописца, козаки, въ качествѣ ли „старшихъ“, или въ качествѣ младшихъ братчиковъ кіевскихъ,—это памъ не извѣстно,—взяли патріарха Феофана подъ свою охрану, когда онъ появился въ Україпѣ. „Аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесныя отъ волковъ противныхъ стрѣжаху“, говорить съ трогательною наивностию густынскій лѣтописецъ, который, вмѣсто „овецъ словесныхъ“, взять бы, можетъ быть, подобіе „сѣрыхъ волковъ“, еслибы не былъ забитый семинаристъ и читалъ слово о козакахъ Игоревыхъ. Въ виду унитскихъ властей, въ виду королевскихъ урядниковъ, въ виду отступившихъ и приготовленныхъ къ отступничеству пановъ русскихъ, козаки теперь, болѣе нежели когда-либо, напоминали стихъ изъ папегерика ихъ прототипу—храбрымъ русичамъ: „Сами скачутъ аки сѣрые волцы, ища себѣ славы, а князю чти“. Княземъ явился среди нихъ Сагайдачный, и ихъ исканіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: они совершили дѣло во вѣки славное; русская церковь и русская народность никогда не перестанутъ чтить имени великаго козацкаго гетмана.

Феофанъ пробылъ въ Кіевѣ съ ранней весны до октября; готовые къ бою братчики постоянно охраняли его, а потомъ, въ числѣ 3.000, вмѣстѣ съ Сагайдачнымъ и всѣми ново-посвященными архіереями, проводили его до самой границы и разстались въ городѣ Бушѣ. На прощаніи патріархъ наполѣ необходимымъ внушилъ религіозному козаку: чтобы онъ не ходилъ войною на Москву, „на родъ христіанскій.“

Не стану распространяться объ отношеніяхъ польского правительства къ патріарху, сдѣлавшему, можно сказать, козацкое вторженіе въ область другого „святѣйшаго отца“, къ ущербу его экономіи. Довольно сказать, что словесныя овцы, пасомыя энер-

гическимъ посохомъ Борецкаго, не переставали охранять импривизированную іерархию, доколѣ она въ томъ нуждалась, и что, безъ этой охраны, не просуществовать бы ей и одного года. Опасное положеніе православнаго митрополита и его архієрееvъ обнаружилось тотчасъ по отъѣздѣ патріарха въ Грецію. Подобно тому, какъ благочестивымъ было возможно подстроивать козаковъ сегодня на кровавыя расправы съ предержащими властями унії, а завтра на возстановленіе православной іерархи, такъ точно, съ другой стороны, нечестивымъ легко было подсунуть королю къ подписи декретъ, которымъ новыхъ русскихъ іерарховъ повелѣвалось ловить и казнить смертью. Повторялась все та же исторія, которую мы читали между строкъ у Кадлубка и продолжаемъ читать у присяжныхъ писакъ до нашего времени включительно, исторія разжигательства международной вражды.

Іерархи скрылись въ недоступныя для королевскихъ рукъ (*regalia*) мѣстности, оставляя, покамѣстъ, монастырскія и церковныя имущества въ распоряженіи своихъ антагонистовъ. Несообразное съ силою вещей гоненіе, какъ обыкновенно бываетъ, подлило масла въ огонь. Для воинственныхъ мѣщанскихъ братчиковъ, сподвижниковъ Сагайдачнаго, настала очередь доказать сдѣмъ дѣломъ то, чтѣ было обѣщано мѣщанамъ и не исполнено братчиками - аристократами временъ Острожскаго. Слова: „мы должны имъ помогать и за нихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ“, эти слова, такъ хорошо звучавшія въ устахъ пановъ, готовыхъ за первое старство отступиться отъ благочестія, выражены были со стороны козаковъ инымъ способомъ. Можно бы подумать, что Сагайдачный умышленно раздражалъ турокъ своими военными операциами въ Крыму, за Днѣстромъ, въ Румеліи, въ Анатоліи и на бурномъ „русскомъ“ морѣ, — раздражалъ для того, чтобы поставить Рѣчъ-Посполитую въ необходимость умолять своихъ бандитовъ и бунтовщиковъ о помощи; но великие соціальные дѣятели не создаютъ обстоятельствъ: они только пользуются

ими. Создавать обстоятельства стремятся дѣятели нынѣшаго разряда,—такъ называемые военные геніи.

Какъ бы то ни было, только въ 1616 году поляки, на варшавскомъ сеймѣ, торжественно обязались передъ турками усмирить козаковъ; въ 1617-мъ повторили то же обѣщаніе надъ Днѣстромъ, а въ 1618-мъ взмолились къ нимъ, чтобы спасали въ Московщинѣ остатокъ войска королевича Владислава. Въ виду этого факта, еще поразительнѣе для насъ королевскіе универсалы къ украинскимъ старостамъ и вообще къ пограничнымъ властямъ: чтобы они отнюдь не отпускали за Пороги ни за какія деньги живности, пороху, свинца, а на сплавныхъ рѣкахъ не давали строить козацкіе походные суда, или спускать къ Порогамъ липы, изъ которыхъ козаки выдѣлывали самое корыто своихъ чашъ,—все это подъ смертною казнью и конфискацію имущество. Польская система запрещенія морскихъ походовъ козакамъ, обусловленныхъ не буйствомъ, а житейскими потребностями еще со временъ варягоруссовъ, имѣетъ, въ своей специфичности, нечто общее съ континентальною системою Наполеона I: она привела Польскую Рѣчь-Посполитую въ положеніе Франціи своего времени. Лучшимъ доказательствомъ естественной законности военно-промышленного стремленія къ морю, вторженія въ землю поработителей, желанія отвѣдать счастья въ борьбѣ съ врагами европейской культуры служитъ постоянное участіе пограничной шляхты въ козацкомъ промыслѣ, отъ начала козачества до окончательной кровавой ссоры *всего* шляхетскаго со *всемъ* не-шляхетскимъ и *всего* польского со *всѣмъ* русскимъ. Еще въ 1635 году, *всего* за трипадцать лѣтъ до паденія запретительной польской системы (при Хмельницкомъ),—сеймовыми постановленіемъ запрещалось украинской шляхтѣ увлекаться козацкими походами на море. „Слышится часто“, говорить сеймовой законъ, „что на той Украинѣ люди шляхетскаго сословія помогаютъ запорожскимъ козакамъ въ такихъ морскихъ походахъ и

устраиваютъ имъ различныя *adminicula* къ этому своевольству, да и сами ходятъ съ ними на море и дѣлятся съ ними добычею".¹⁾

Не менѣе убѣдительнымъ доказательствомъ силы венцей и безсилія кабинетныхъ мѣропріятій представляетъ напрасное назначеніе комиссій изъ знатиѣйшихъ пановъ для обсужденія способовъ удержать козаковъ въ повиновеніи. Хотя, по выражению закона, „отъ этого зависѣла вся сила Польши“ и въ спискахъ членовъ комиссій фигурировало по нѣскольку десятковъ такихъ имень, какъ Замойскій, Заславскій, Корецкій, Любомирскій, Потоцкій, но задача была слишкомъ трудна, цѣль, очевидно, представлялась недостижимою, и паны иногда даже не съѣзжались во все для совѣщаній по назначенію сейма. Ошибка польскихъ государственныхъ людей въ возврѣніи на вожачество заключалась не въ ихъ свирѣпости, на которую такъ налегаютъ наши художничающіе историки, забывая, что паны принадлежали къ породѣ людей, а не львовъ или тигровъ: ошибка ихъ заключалась въ отсутствіи у нихъ экономического образованія, котораго не возможно было и требовать въ тотъ вѣкъ, когда уничтоженіе сосѣдей считалось верхомъ премудрости во внѣшней политикѣ, а обогащеніе одного сословія на счетъ другихъ—во внутренней. Они были виновны только тѣмъ, что были сильнѣе русской партіи. Еслибы русская демократическая партія была на мѣстѣ польской аристократической, то есть правительствоала бы государствомъ,—навѣрное она бы виала въ подобныя же погрѣшности противъ силы венцей и здраваго экономического смысла. Правители Рѣчи-Посполитой распоряжались, безъ особыхъ злостныхъ затѣй, по пословицѣ: „сытый голоднаго не понимаетъ“. Вмѣсто того, чтобы доставить низшимъ слоямъ общества безобидныя для ближнихъ средства къ обогащенію, они все свое вниманіе устремляли на оборону своего легальнаго захвата. Для сохраненія въ порядкѣ и обороны до-

¹⁾) „Volumina Legum“ изд. Огрызко, III, 403.

мовъ, замковъ, фольварковъ, стадъ, пастбищъ, мельницъ, рыболовныхъ мѣсть, пасекъ, бобровыхъ гоновъ и другихъ угодій, необходимо было имъ держать толиу такъ называемыхъ рукодѣлныхъ слугъ изъ мелкаго шляхетнаго и нешляхетнаго народа. Хищность этихъ офиціалістовъ и распространенная между ними подражательность панскому быту увеличивали непомѣрно расходы и вели къ неправильному, форсированному извлечению доходовъ изъ каждой хозяйственной статьи. Сдача недвижимаго, имущество въ аренду естественно, не уменьшала, а увеличивала зло. Чтò дѣлалъ или допускалъ дѣлать панъ въ панѣственныхъ имѣніяхъ своихъ, то еще съ большею беспорядочностью и наслѣдемъ надъ работающимъ людомъ творилось въ имѣніяхъ королевскихъ этими старостами, подстаростями, дозорцами, ихъ намѣстниками и всего болѣе—рандярами. Тякой способъ хозяйственія, получившій у немцевъ особенное название (*polnische Wirthschaft*), отбивалъ охоту къ экономической преріимчивости у каждого зависимаго земледѣльца и у каждого неизбѣжно зависимаго въ то время торговца. Предпріимчивость, эта душа человѣческой дѣятельности, натурально искала выхода, вмѣсто того, чтобы погибнуть. Она устремлялась туда, где не было произвольной власти человѣка надъ человѣкомъ, стремилась къ промыслу, на сторонѣ—къ звѣриной и рыбной ловлѣ, прикрываемой отъ сосѣднихъ хищниковъ вооруженою силою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ добычничанью на счетъ хищныхъ сосѣдей. Вотъ истинное происхожденіе украинскаго козачества, а не удальство и разгуль, о которомъ любятъ распространяться наши сочинители. Въ этомъ легкомъ эскизѣ экономического быта Рѣчи-Посполитой заключена вся суть ея исторіи.

Еслибы сильные паны способны были понимать голоднаго, они бы обратились къ правилу: живи и жить давай другимъ, которое лежитъ въ основаніи всякой ассоціаціи умственного и физического труда. Еслибы и наши историки не были го-

родскими питомцами, они бы попали, какъ горько приходилось козакамъ удальство, доставляющее литератору краснорѣчивыя тирады. Отъ добра добра не ищутъ, и въ наше время нѣть козачества, напримѣръ, хотьбы въ Сѣверной Америкѣ, во все не отъ правственнаго превосходства янки надъ запорожцами, а отъ успѣховъ экономическихъ понятій, усвоенныхъ администраторами и даже финансистами. Еслибы въ Таврическомъ Херсонѣ продолжала развиваться греческая культура, вмѣсто засѣвшей тамъ татарицыны,—павѣриое, даже слово *козакъ* не было бы известно современному намъ человѣчеству; а тѣ козаки, которые завоевали для Московскїи Сибирь, благодаря московскимъ порядкамъ, угнетавшимъ врожденную въ человѣкѣ предпріимчивость,—безъ сомнѣнія, не ходили бы такъ далеко за добычею и, подъ вліяніемъ культивированныхъ сосѣдей, сдѣлали бы, въ качествѣ хозяевъ, гораздо болѣе цѣнныя пріобрѣтенія для обширной пустыни, называющейся въ наше время Россійскою Имперію. Козачество, этотъ продуктъ отатаренной пустынности русскихъ владѣній выкахалось среди трехъ громадныхъ, но беспорядочныхъ хозяйствъ: polnische Wirthschaft; moskauische Wirthschaft, tartarische Wirthschaft.

Славяно-татарская беспорядочность, а не духъ рыцарства, какъ это пріятно утверждать однѣмъ, не духъ разбойничанья изъ непавиши къ государственному началу, какъ это офиціозно говорятъ другіе, и не то поэтическое удальство, которое представляется историкамъ, художничающимъ безъ юса въ своемъ художествѣ¹⁾. Польскіе администраторы были или рыцари, или государственники, или кабинетные мыслители; поэтому они такъ и совпадаютъ во взглядѣ на козачество съ нашими, впрочемъ, достопочтенными тружениками на разнообразной почвѣ историческихъ изысканій (я не говорю—изслѣдо-

¹⁾ См. выше, стр. 208, примѣч. 2.

ваний). У нихъ на столѣ лежало римское право, каноническое право и свое любезное książece, или иначе польское, право; по не лежали и не могли лежать основанія политической экономіи. У нашихъ историковъ, равнымъ образомъ, столы завалены легендами старыми — лѣтописями, легендами новыми — pragmatическою переработкою старыхъ и всевозможными политическими трактатами; но, судя по высказываемъ ими попытіямъ объ отношеніяхъ сословій въ описанія ими времена, въ собраніи ихъ книгъ остается та же неполнота, какъ и у польскихъ администраторовъ, не смотря на то, что политическая экономія, невѣдомая магнатамъ, открываетъ въ наше время новую будущность человѣчеству.

Козаки, яко люди, стоящіе непосредственно у дѣла, лучшие нашихъ историковъ понимали, что корень зла для успѣховъ культуры заключается въ недѣлѣ помѣръ хозяйствичанъ турокъ и татаръ, при которомъ не возможно было удержать даже тѣхъ портовъ черноморскихъ, которыми владѣли старые литовскіе князья до паденія Цареграда. Претвичу въ его реляціи и Дашковичу въ его докладѣ на пѣтровскомъ сеймѣ не доставало только нѣкоторыхъ аксіомъ Кэне или Адама Смита, чтобы ихъ рѣчи приняли оборотъ философскій. Еслибы войны, которыхъ Польша предпринимала такъ много, ведены были во имя хозяйства, промысловъ и торговли, то есть съ цѣлью охраненія ихъ отъ разорителей, а по просту для того, чтобы уничтожить хозяйствичанье хищное и чужеядное, ворворившееся на по прищѣ древней культуры, то есть, еслибы возможна была для паповъ мысль — замѣнить военную козацкую добычу продуктами домашняго труда, другими словами — дать ихъ врожденной предпріимчивости работу у себя дома; то видъ обширной площади отъ Вислы до Урала, конечно, былъ бы въ наше время иной.

Само собою разумѣется, что козаки, также какъ и паны, не понимали сущности своего дѣла и той задачи его, которая рас-

крыается лишь нашему сравнительно просвещенному времени; но, поставленные силою вещей въ необходимость бить въ извѣстную сторону, они дѣйствовали практичнѣе государственныхъ теоретиковъ, которые, находя полный просторъ для собственной предпримчивости, отечески уговаривали козаковъ подавить въ себѣ это благородное начало прогресса, а за непослушаніе карали ихъ, какъ за зловордные шалости. Представителями и даже инстигаторами правительственної теоріи были коронные гетманы, которые, не смотря даже на такую ученость, какою обладалъ Янъ Замойскій, и на такой природный геній, какимъ одаренъ былъ Жовковскій, естественно, были такими же младенцами въ экономическихъ понятіяхъ, какъ и прославленный тупыми перьями Карлъ V, какъ и превознесенный ими великій Сюлли, эти знаменитые притѣснители всемирной торговли и промышленности. Коронные гетманы были русинского происхожденія и получали свое военное образованіе на русскомъ пограничье Польскаго государства въ борьбѣ съ напоромъ азіатской силы; но умственная образованность приходила къ нимъ оттуда, гдѣ подвизались эти предводители эксплоатации слабѣшаго и безоружнаго.

Изъ той же Руси происходилъ и Сагайдачный, но онъ, какъ человѣкъ среди здоровой, не мудрствуя лукаво, употребилъ всю жизнь на то, чтобы дѣйствовать въ противоположномъ направлениі. Украинскіе лѣтописцы упрекаютъ его дружбою съ панами, отъ которой будто бы терпѣть простой народъ. Еслиъ это голословное свидѣтельство было написано и въ его время, а не послѣ, какъ мы увѣрены въ томъ, то, въ глазахъ писавшаго (конечно человѣка низшаго слоя общества), козацкій гетманъ, достигающій своихъ цѣлей безъ шума, долженъ быть казаться потаковникомъ ненавистныхъ для убогаго гордецовъ (а кто изъмагнатовъ не держать себя въ то время гордо?) Украинскія хронички проникнуты фанатизмомъ, равнымъ фанатизму католическому. Одного этого довольно, чтобы Сагай-

дачный, при своемъ миролюбивомъ, чуждомъ всяко го шума, общепи съ панами, явился „другомъ мытарей и грѣшниковъ.“ Для насть эта черта его характера,—наружное дружелюбіе съ панами и неприклонная настойчивость на своесть, въ противность ихъ политикѣ,—являеть Сагайдачнаго типическимъ представителемъ украинскаго характера, который сказался во всей исторіи Украины, на сколько она еще не затемнена своими истолкователями, и можетъ быть провѣренъ даже въ наше время па множествѣ характерныхъ простолюдиновъ, съ которыми человѣку иныхъ соціальныхъ понятій такъ же трудно сладить, какъ было трудно польскому правительству ладить съ этимъ достославнымъ козацкимъ предводителемъ.

И вотъ опять передъ историкомъ встрѣчаются двѣ силы, спорящія за обладаніе Украиною: сила понимаемаго по-пански права, во имя государственной теоріи, и сила простонароднаго отрицанія этого права, во имя экономической практики, указанной фактическою невозможностью жить иначе. Вопросъ рѣшался не столько разсѣченіемъ Гордіева узла, сколько стараниемъ развязать его руками, нужды иѣть, что эти руки такъ были привычны къ разсѣченію. Я говорю объ умѣнии Сагайдачнаго избѣгать войны съ панскимъ или коронно-панскимъ войскомъ и заставить правительственные власти обратиться къ низовымъ козакамъ съ искальствомъ въ то самое время, когда давали туркамъ торжественныя обѣщанія обуздать козаковъ и не шутя изыскивали способы истребить ихъ до остатка. Послѣ такихъ мечтаній, свойственныхъ только людямъ, педалекимъ въ теоріи государственного хозяйства, козаковъ, на перекоръ всякой политикѣ, пригласили въ Мостовщину, и козаки вернулись оттуда съ такимъ духомъ, что могли безнаказанно вмѣшаться даже въ королевскія прерогативы. Согласіе Конашевича съ панами, осужденное близорукимъ украинскимъ лѣтописцемъ, его, на видъ, предательское единомысліе съ притѣснителями народа, было дѣйствительнѣе, какъ предыдущей,

такъ и послѣдующей козацко-шляхетской войны для защиты естественной автономіи края.

Еще меньше представлялось панамъ возможности стѣснить военный козацкій операциі противъ такъ называвшихся въ то время враговъ святого креста, которыхъ съ большею опредѣлительностью можно назвать врагами мирныхъ занятій, питающихъ разумную предпріимчивость человѣческую. Сами паны были не-послѣдовательны въ козацко-турецкомъ вопросѣ, по недостатку солидарности между партіями, по увлеченію интересами отдѣльныхъ лицъ и фамилій. Вѣдь не кто же другой, какъ паны, и именно русскіе, были образователями козачества. Они, по своей природѣ или по тому, что по-украински называемыя *вдача*, были на столько же козаки, на сколько и потомки варягѣ-руссовъ,— одного и того же съ козаками гнѣзда „шестокрыльц.“ Заманенные въ польскую семью людьми *gentili e manierosi*, они противодѣйствовали козакамъ во имя излюбленнаго ими польского права, но въ душѣ, во глубинѣ врожденной „удачи“ своей, оставались все тѣмъ же потомками козака Байды, Богдана Рожинскаго, Сверчовскаго и т. д. Молдавія искала ихъ по-старому, какъ мѣстныхъ рыцарей, и заставляла манировать политическими видами всего своего сословія. За что бы ни повздорили съ панами козаки, на Волошинѣ, какъ они звали безразлично оба государства, на походѣ въ Волошину сердца ихъ брали одинъ аккордъ съ сердцами пограничныхъ землевладѣльцевъ, какъ бывало во времена оны, за ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Польское правительство билось какъ рыба обѣ ледъ съ козаками, билось потому, что не дозрѣло до уразумѣнія экономической идеи соединенія общихъ выгодъ въ каждомъ предпріятіи; а козаки между тѣмъ, безъ всякаго мудрствованія, отыскивали тайну гармоніи. Магнаты внутреннихъ областей старались вооружить свою украинскую братію противъ пограничныхъ лѣтровъ, а подольскіе, галицкіе и кіевскіе паны не разъ забывали, къ которому лагерю они принадлежать, и

часто относились къ козацкимъ отаманамъ, точно буйтуръ Все-володъ — къ Игорю: „Сідлай, брате, свои бръзгі комбні, а мои ті готові, осідлай!“. Совмѣстные походы, общія издержки на предпріятіе и общее пользованье добычею связывали русь православную и русь окатоличенную экономически, доколѣ магнаты съ руководившими ихъ іезуитами не порвали и этой связи.

Ослѣпленное римскою политикою, папское полноправство вызывало въ отрозненной Руси реакцію безземельныхъ и неправныхъ. Отсюда — гайдамачество среди мирныхъ жителей и козацкой промыселъ вдали отъ панской монополіи. Но то же самое полноправство давало панамъ диссидентамъ и дизунитамъ возможность противодѣйствовать королевскому правительству въ устройствѣ единой римской іерархіи. Паны не потому противодѣйствовали королю, что прониклись высшимъ убѣжденіемъ, что превзошли просвѣщеніемъ учредителей католичества въ Польшѣ, а потому, что это имъ было нужно, яко панамъ, по династическимъ соображеніямъ, по эгоистическому разсчету. Отсюда — замѣшательства во всѣхъ сословіяхъ и классахъ общества въ пользу то панскихъ, то не-панскихъ партий, но всегда во вредъ экономическому развитию общества. Противорѣчіемъ не было въ Польшѣ конца. То же противное здравому гражданскому смыслу полноправство, которое, по видимому, стояло на стражѣ государственного единства и беспорядочного порядка, обезпечивало панамъ безнаказанность въ такихъ походахъ, за которые они же сами, на своихъ сеймахъ, придумывали козакамъ наказанія. Еслибы можно было забыть, что Сигизмундъ III всю свою жизнь, подобно Филиппу II испанскому, боялся и набожно вредилъ успѣхамъ общественного преуспѣянія, то положеніе его и его религіозныхъ советниковъ могло бы внушать участіе. „Во все наше царствованіе“, плачется онъ въ своемъ универсалѣ отъ 22 мая 1618 года, „мы всѣми силами старались не только освободить коронныя земли отъ виѣшнихъ

непріятельскихъ вторженій, но и сохранить внутреннее спокойствіе, и укротить своевольство частныхъ лицъ, разнужденныхъ на всякое зло; но, по какому-то особенному несчастію и, вѣроятно, по людскимъ грѣхамъ, ничто не помогаетъ, напротивъ, своевольство все болѣе и болѣе усиливается“.

Это писалъ глава законодательной власти, а вслѣдъ за тѣмъ глава исполнительной, именно коронный гетманъ Жовковскій, вмѣстѣ съ такими козаковатыми панами, какъ оные Корецкій и Вишневецкій, вмѣшивается въ молдавскія дѣла и ведеть съ собой въ турецкія владѣнія тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ онъ же наказывалъ и страшалъ наказаніями за то, что они не хотѣли играть роли голодныхъ псовъ въ виду пиршествующихъ пастуховъ, а предпочитали блукати вовками сіроманіями по колонизованной панами Українѣ. Объ этомъ походѣ говорено въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь остается напомнить, что козаки участвовали въ послѣднемъ походѣ Жовковскаго — или, какъ люди паемные, или, какъ вассалы панскихъ домовъ. Коронный гетманъ, опасаясь поднять высоко козацкое самомнѣніе, оставилъ козаковъ-de-jure за шеломянемъ, и набралъ къ себѣ козаковъ-de-facto; поступилъ, значитъ, по пословицѣ: „Тѣхъ же щей да пожиже влей“.

Междуда тѣмъ, какъ король терялъ голову иносказательно, а коронный гетманъ потерялъ фактически, и на шляхетскую половину отрезненной Руси напало безголовье, болѣзнь, которою страдала Польша со временемъ обращенія православныхъ людей въ язычниковъ и вторичнаго крещенія ихъ во имя мнимаго главы церкви Христовой, — Сагайдачный, дѣятель скромнаго, но плодотворного разряда, продолжалъ то дѣло, которое начали братства вмѣстѣ съ отдельными представителями убогой интеллигенціи края, отъ имени Острожскаго и подобныхъ ему богачей, готовыхъ, какъ это часто бываетъ, на все полезное и на все вредное, въ одно и то же время. Съ его именемъ, оставленнымъ въ тѣни и лѣтописцами, и исторіографами, соединяется то вели-

кое движение русской силы противъ мусульманства, которое на-
прасно называють одни разбойничайемъ, а другіе рыцар-
ствомъ, — движение нравственно-экономическое, истекавшее при
всей своей грандиозности, изъ двухъ простыхъ началь — отмѣ-
нія за „обиду гнѣзда своего“, manneromъ варяго-руссовъ, и спабже-
ніе этого гнѣзда всѣмъ необходимымъ, по ихъ же предковскому
примѣру. Съ его же именемъ связано и воспоминаніе о самой
рѣшительной оппозиціи, какую когда-либо сдѣлалъ русскій па-
родъ нацизму. Два величайшия врага успѣховъ благоденствія че-
ловѣческаго, два величайшия представители чужелности, какіе
когда-либо появлялись въ исторіи разумнаго труда и промысла,
встрѣтили въ этомъ темномъ козакѣ препону, которая доказала
христіянскому миру, что не все возможно для ихъ всеподавляю-
щей силы. Уже въ 1617 году рѣшено было въ турецкомъ диванѣ
послать въ предѣлы Польши сильное войско, подъ начальствомъ
Скиндеръ-бashi, чтобы истребить козаковъ поголовно и заселить
Украину мусульманами. Планъ этотъ отсроченъ по независя-
щимъ отъ верховнаго дивана обстоятельствамъ, но не отложенъ.
Гораздо раньше рѣшено въ Ватиканѣ распространить апостоль-
скую миссію Польши, жадный къ захвату мессіанизмъ, до ледови-
таго моря. И этотъ столь же великий и столь же печеловѣческій
планъ только отсроченъ, но не отложенъ. А козакъ, сидя задум-
чиво на Порогахъ, на этихъ „каменныхъ горахъ“, которые
Склвица Днѣпръ „пробилъ сквозь землю половицкую“, — под-
смѣвался съ одинакимъ презрѣніемъ и надъ бородатыми, и надъ
бритыми врагами своими. По мирному трактату надъ Днѣстровъ,
ниже Яруги, паны взяли расправу съ козаками на себя, — русскіе
паны приняли на себя обязательство угодить разомъ и тѣмъ, кото-
рые слыли опасными врагами всего христіянства, и тѣмъ, кото-
рые еще опаснѣе для христіянства пропагандировали его. Но ни
угрозы невѣрныхъ, ни самоувѣренность христіянъ не останови-
ли походовъ козацкихъ на море. Непослѣдовательныи предста-

вители верховной власти въ Польшѣ сами помогали козакамъ раздражать султана; наконецъ дали ему отвѣдать самаго вкуснаго изъ всѣхъ блюдъ, какими „судьба, балуя смертныхъ чадъ“, лакомить ихъ изрѣдка,—отвѣдать мести, да еще самой полной, самой кровавой.

Теперь давнишнія угрозы Турчина, превратились въ дѣйствительность. Разнесся слухъ, что молодой султанъ Османъ съ трехъ частей свѣта стягиваетъ на Польшу войска свои; что проектировано составить армію въ 600.000 воиновъ, и что передъ его дворцомъ стоптъ бунчукъ, въ знакъ того, что самъ падишахъ будетъ главнокомандующимъ. Готовилось нѣчто подобное знаменитому походу Ксеркса на грековъ. Польскимъ классикамъ открывалась широкая возможность доказать, что получаемое ими, при посредствѣ іезуитовъ, воспитаніе, возвышаетъ патріотизмъ и даетъ сердцу мужество. Но Польская республика подражала классическимъ героямъ только фразами: между ея гражданскими доблестями и доблестями Леонидовъ и Фемистокловъ было столько же общаго, сколько между фигурами святыхъ ксенозовъ, изваянныхъ для украшенія польскихъ костеловъ, и высокими произведеніями рѣзца Фидія или Праксителя. Передо мною лежитъ развернутый „Pamiętnik Wojny Chocimskiej“, написанный по-латыни однимъ изъ просвѣщенныхъ участниковъ этой войны и переведенный по-польски однимъ изъ ученыхъ поляковъ нашего времени. Оба были ополченные русины, и оба одинаково бредили славою Хотинской войны, точно послѣ приема опума, хотя между ними было 230 лѣтъ разстоянія (а время, какъ говорять, но, относительно поляки говорятъ ошибочно, всѣхъ отрезвляетъ). Между тѣмъ эта война обнаружила пороки польского общества еще въ большей степени, чѣмъ знаменитая война московская, и принесла Польшѣ безсмертный позоръ, но никакъ не безсмертную славу.

Прежде чѣмъ подтвержу мой протестъ противъ неисправима-

го польского самовосхваленія, да мъ самимъ полякамъ высказать взглѣдъ на это дѣйствительно громкое, но для нихъ безславное дѣло. Авторъ книги: „Commentarius Belli Chotinensis“, былъ отецъ прославленнаго польскими историками (а съ ихъ голоса — и россійскими) Яна Собіскаго, по имени Якубъ. Книгу эту историкъ польской литературы, Вишневскій, ставить паравиѣть твореніями Фукидида и Тацита, но она начинается слѣдующими словами:

„Суждено мнѣ описать походъ польского короля Сигизмунда III противъ турецкаго императора Османа, — описать войну, которой ничего подобнаго не сохранила человѣческая память, — войну, больше которой вѣкъ смертныхъ не видѣлъ, — войну, ужасающую числомъ войска и приготовленій, славную знаменитыми чудесами мужества, быстрыхъ дѣйствій и счастливаго окончанія, — войну, изумляющую вѣка и достойную того, чтобы она въ отдаленнѣйшихъ концахъ земли у самого поздняго потомства, получала заслуженную мзду и заняла знаменитѣйшія перья“.

Если исторія должна быть панегирикомъ, какъ думалъ, очевидно, многоуважаемый skąd inąd авторъ „Historyi Literatury Polskiej“, то „Commentarius Belli Chotinensis“ безконечно превосходитъ и Фукидида, и Тацита. Но, если исторія пишется для того, чтобы образумить и предостеречь потомство вѣрнымъ изображеніемъ безумныхъ предковъ, изображеніемъ ихъ пороковъ, ихъ несобразныхъ съ природою вещей стремленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ представить и примѣры мужества, самопожертвованія ради моральныхъ интересовъ, высокаго полета къ идеалу свободы, который не потеряетъ своей цѣны во вѣки; то книга Якуба Собіскаго не достойна даже и того, чтобы Тацитъ или Фукидидъ взялъ ее въ руки для самаго низкаго употребленія. Мы не станемъ развѣнчивать предковъ своихъ, унесенныхъ изъ нашей русской среды потокомъ общественныхъ, политическихъ и рели-

гіозныхъ соблазновъ. Предоставимъ самимъ полякоруссамъ представить ихъ на судъ нашей довольно уже трезвой и смышеной современности, съ фальшивыми своими аттестаціями.

Начнемъ съ предводителя войны, „изумляющей вѣка“, — съ окатоличеннаго русина Ходкевича. Это — тотъ великий полководецъ, который, если читательпомнить, щомнить, по Нарушевичу и другимъ историкамъ,остоялъ жестокую морозную ночь подъ Вязьмою, въ открытомъ полѣ, воображая, что на него ударятъ русскія войска, даже не вѣдавшія о его стояніи, и едва не представилъ міру зрѣлища цѣликомъ замороженной арміи, въ чомъ превзошолъ бы даже боготворимаго поляками Наполеона. Онъ, вмѣстѣ съ руководимымъ имъ королевичемъ, былъ выпущанъ изъ московской войны „простакомъ“, какъ пишутъ современные поляки, Сагайдачнымъ. Тотъ же простакъ понадобился ему въ ужасающей степени и для войны турецкой. Здѣсь между поставленнымъ виѣ закона козачествомъ и узаконеннымъ со всѣми его плутнями панствомъ произошла сцена, которую польские исторіографы всячески игнорируютъ. Къ помощи Сагайдачнаго обратились паны, именемъ короля, въ то самое время, когда королевскіе мандаты, повелѣвавши ловить и предавать смерти членовъ новой русской іерархіи, красовались на всѣхъ мѣстахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ народомъ: на городскихъ воротахъ, на дверяхъ церквей и костеловъ, у входа въ ратуши и всякия судилища. Сагайдачный на просьбу присланныхъ къ нему королемъ уполномоченныхъ, отвѣчалъ такъ, какъ въ наше время отвѣчаетъ нерасположенный къ сосѣднему пану хліборобъ украинскій — училиво и уклончиво. Въ переводѣ на языкъ придворной шляхты, отговорки его своеольствомъ козаковъ, невозможностью подняться въ короткій срокъ съ большою силою и тому подобнымъ значили не больше и не меныше, какъ желаніе, чтобы шляхта повторила опытъ войны безъ помоши Грицей, которыхъ она отсыпала пасти свиней да пахать землю. Слова, дошедшия

до львовского лѣтописца, могли такъ же точно дойти и до Сагайдачного; а Сагайдачный, какъ и всякий могучій человѣкъ,— это надобно помнить — былъ не болѣе, какъ представитель извѣстной нравственной силы, какова бы она тамъ ни была. Великость и малость такъ называемыхъ историческихъ личностей больше всего *этимъ* обусловливаются. Отъ имѣль, къ тому же, еще и другую причину играть роль человѣка, безсильнаго надѣланнымъ. По проискамъ пановъ, козаки реестровые, или считавшіе себя таковыми, старые бурлаки, составлявшіе родъ боевого монашества въ Низовомъ Войскѣ, избрали своимъ предводителемъ, офиціально такъ называемымъ старшимъ, какого-то Бородавку. Интриганы хотѣли парализовать этимъ маневромъ власть Сагайдачного, въ которой такъ нуждался теперь король. Но Сагайдачный былъ силенъ своимъ именемъ и памятью успѣховъ своихъ; отнять у него обаяніе надѣ козацкими умами было выше средствъ, какими располагали темные противники его. Къ нему спрашивали, нежели къ которому-либо изъ козацкихъ предводителей, могли быть примѣнены слова лѣтописной легенды: „рече убо старшій, и абіе козаковъ аки травы будетъ“. Его авторитетъ никакъ и ничѣмъ не могъ быть ограниченъ. По разсказу польскаго Фукидіда или Тацита (трудно сказать, на кого изъ этихъ великихъ историковъ онъ менѣе похожъ), Ходкевичъ и его войско подъ Хотиномъ, ожидавшее со дня на день прихода новаго Ксеркса, были въ страшномъ уныніи по слухаю отсутствія козацкихъ полковъ. Часть ополченій шляхетскихъ разбѣжалась изъ-подъ королевскаго знамени еще до перехода черезъ Днѣптръ; остальное войско непремѣнно бросилось бы стремглавъ назадъ, какъ въ Цоцorskой кампанії, еслибы козаки не прибыли раньше турокъ. Вместо *domi ne sedeas*, было бы тогда *domine se deas*, и мусульмане брали бы пляхту по домамъ, какъ грибы. Но Сагайдачный былъ не Хмельницкій: онъ этого не желалъ. Онъ желалъ только, чтобы ляхи не трогали души народной — христіян-

ской науки, затаившейся въ православномъ духовенствѣ, какъ послѣдній залогъ спасенія русскаго народа отъ чужой вѣры и чужого обычая. Давши ляхамъ дойти до агоніи ужаса, онъ вдругъ появился въ Варшавѣ и, въ видѣ почтительнейшей просьбы, потребовалъ отъ латино-польскаго правительства отмѣны мандатовъ противъ новой іерархіи. Интересно читать въ современномъ дневнику одного изъ королевскихъ дворянъ о варшавскомъ визитѣ Сагайдачнаго. Онъ, въ самой почтительной формѣ, но какъ нельзя категоричнѣе, предложилъ ляхамъ выборъ между *быть* и *не быть*, а о немъ пишутъ, какъ о явленіи, едва стоящемъ упоминанія!

„Julii 7. Krolowic wyiachał do Wołoch pod Chocim przeciwko tureckim wojskom, na pożarcie Korony Polskiej następującym“.

„Julii 20. Saydaczny kozak, ktory był hetmanem kozakow Zaporowskich na Woynie Moskiewskiej y potym pod Chocimem przeciw Osmanowi, Cesarzowi Tureckiemu, poselstwo od Woyska Zaporskiego odprawował v Krola JMci y dwa więznio Tatarskich oddał“.

„Julii 31. Saydaczny wziął Odpawę“. ¹⁾

Вотъ все, что записано въ придворномъ дневнику о члопѣкѣ, который держалъ тогда въ рукахъ судьбу всей Польши, и могъ бы превратить ее въ пустыню однимъ своимъ бездѣйствиемъ. Важно то обстоятельство, что эти тупыя строки были писаны не во время пребыванія Сагайдачнаго въ Варшавѣ, а по окончаніи войны, которая безъ него была бы вавилонскимъ плѣненіемъ и вареоломеевскою бойнею.

¹⁾ 1юля 7. Королевичъ выѣхалъ въ Волощину подъ Хотинъ противъ турецкихъ войскъ, наступавшихъ для пожрания Польской Короны.

1юля 20. Козакъ Сагайдачный, который былъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ въ Московскую войну и потомъ подъ Хотиномъ противъ турецкаго императора Османа, отправлялъ посланство отъ Запорожскаго Войска у его королевской милости и отдалъ двухъ татарскихъ плѣнниковъ.

1юля 31. Сагайдачный былъ отпущенъ.

Но перенесемся изъ Варшавы въ хотинское войско. Польскій Тацитъ, Якубъ Собіскій, такъ изображаетъ Ходкевича: „Na twarzy Chodkiewicza jaśniała taka wspaniałość, że Constanty (посоль турецкій), na pierwsze ujrzenie wodza, chciał przed nim ukłęknąć jak przed bóstwem“.¹⁾ Это дѣйствительно такъ было. Хитрый грекъ зналъ несчастную слабость поляковъ и нашолъ въ ихъ сердцѣ такой уголокъ, что, при заключеніи послѣ войны трактата, получилъ отъ нихъ 5.000 злотыхъ: сумма огромная для людей, которымъ собственнаго послы случалось отправлять въ Турцію съ 600 злотыхъ въ карманѣ.

Не смотря на wspaniałość или почти божественное величие предводителя, жолнеры не хотѣли переходить черезъ Днѣстръ и требовали платы, а денегъ у поляковъ, какъ всегда, не было. Комиссары, подражая ex officio Улиссу, разослали по ротамъ секретную „цедулу“, или записку, которою каждую роту увѣряли, что она получить плату первая. Этимъ способомъ заставили великодушныхъ патріотовъ двинуться къ мосту, съ тайной увѣренностью, что денегъ могутъ не получить товарищи, но не та отличенная отъ всѣхъ хоругвь, которая владѣла секретнымъ обѣщаніемъ. Risu teneate amici!

О мостѣ черезъ Днѣстръ стбить не менѣе прочаго вспомнить. Сперва считали невозможнымъ такое смѣлое дѣло; наконецъ воинственные инженеры принялись за работу. Работа, однакожъ, имъ не удавалась: быстрота теченія рвала изъ рукъ строительный материалъ. Все это наблюдалъ молча одинъ темный русинъ и, когда важные техники отчаялись въ возможности предпринятаго дѣла, онъ предложилъ имъ свои смиренныя услуги. Въ короткое время мужицкая постройка дала панамъ возможность переправить войско, обозъ и артиллерию на волошскій берегъ Днѣстра, подъ Ход-

¹⁾ На лицѣ Ходкевича сияло такое величие, что Константинъ, при первомъ взглядѣ на вождя, хотѣлъ преклонить предъ нимъ колѣни, какъ передъ божествомъ.

тинъ. Дальнѣйшаго упоминанія о геніальномъ самоучкѣ въ дневнике польскаго Тацита не обрѣтается.

По раздачѣ хоругвямъ тайной цедулы, „we wszystkich umysłach było zwycięstwo, we wszystkich ustach okrzyk tryumfu... Chodkiewicz dla choroby słaby ciałem, ale silny duchem, a obliczem Marsowi podobny, iechał na dzielnym rumaku, wzrokiem i skinieniem ozywiając woisko.“¹⁾ Даље польскій Тацитъ описываетъ, какими грозными показались молдаванамъ веселыя польскія хоругви, польские кресты и орлы на знаменахъ, и какъ народъ всяаго возраста и состоянія воздѣвалъ къ небу руки, прося поляковъ о помощи. А поляки уже напали на беззащитный замокъ Сереть и захватили тамъ имущество сбѣжавшихся туда армянъ и молдаванъ. Другая купа героеvъ, всегда готовыхъ карать козаковъ за хищничество, бросилась вскорѣ потомъ назадъ черезъ Днѣстръ на мѣстечко Жванецъ, которое будто-бы велико уничтожить. Въ самое короткое время все имущество жителей было расхищено татарскимъ обычаемъ, село раскидано, сожжено, уничтожено, — и послѣ этого Якубъ Собіскій говоритъ съ негодованіемъ, что подольские хлопы учили турокъ, какъ зажечь польскій лагерь. Такой же и даже болѣе ужасный случай повторился надъ молдаванами, которые устроили себѣ родъ пыганскаго села, подъ защитою польскаго лагеря. Одинъ пьяница шепнулъ другому, что молдаване умыслили какое-то предательство; какъ бѣшенные, метнулись польские жолнеры на несчастныхъ скитальцевъ и не оставили въ живыхъ ни беззащитной женщины, ни ребенка. А когда начались приступы турецкаго войска къ обозу, этихъ неукротимыхъ людей часто вытаскивали изъ-подъ возовъ и обводили по всему лагерю, какъ трусовъ. Въ числѣ ихъ, по словамъ пана Якуба, было много людей, принадлежавшихъ къ знаменитымъ фамиліямъ. Эти пред-

¹⁾ Во всѣхъ умахъ была побѣда, во всѣхъ устахъ крики триумфа... Ходкевичъ, слабый отъ нездоровья, но сильный духомъ, а лицомъ подобный Марсу,ѣхалъ на борзомъ конѣ, оживляя войско взоромъ и движениемъ.

ставители того, что посило у поляковъ имя народа, не только прятались подъ возы, но бѣгали изъ-подъ своихъ знаменъ, какъ почью, такъ и среди бѣла дна. Дошло до того, что составленъ былъ публичный актъ, наполненный именами трусовъ и бѣглецовъ; этотъ актъ представленъ сейму, и сеймъ приговорилъ отобрать у него-длевъ имущества, которымъ одиѣ только и составляли признакъ ихъ szlachetnoсi. Войска для турецкой войны предположено было собрать 70.000, не считая козаковъ, а собрали едва до 30.000, да и тѣ норовили или бунтовать за недоплату жалованья, или тайкомъ разбѣжаться. Артиллерія была въ такомъ положеніи, что понадобилось тутъ же, въ лагерь, можно сказать, наканунѣ битвы съ турками, производить починки, дѣлать лафеты и колеса; но и то едва штука двадцать пушекъ годилось для стрѣльбы. Хлѣбныхъ и другихъ запасовъ сдѣлано такъ мало, что въ короткое время кампаніи, продолжавшейся всего мѣсяца два, были въ польскомъ войскѣ люди, умиравшіе съ голоду.

При такихъ обстоятельствахъ, понятенъ ужасъ полководца, лицемъ похожаго на Марса, когда онъ получалъ извѣстія о наступлениі грозной турецкой арміи и не получалъ никакихъ вѣстей о движеніи козаковъ. Наконецъ появился въ польскомъ лагерѣ Сагайдачный, но безъ войска: онъ прибылъ подъ Хотинъ прямо изъ Варшавы. Козаки раскиданы были въ разныхъ мѣстахъ: кто готовился къ войнѣ, кто сторожилъ на татарскихъ шляхахъ орду, а нѣкоторые занимались уже козацкимъ промысломъ въ Волошинѣ. Конашевичъ быстро ихъ созвалъ, и рядомъ съ 30.000 короннаго войска, надъ Днѣстромъ у Хотина отaborилось 30.000 козаковъ, съ артиллерию, которая и числомъ и достоинствомъ далеко превосходила польскую. Не прежде чѣмъ примкнуть къ полякамъ, онъ позвалъ къ суду Бородавку. Это загадочное для настѣ дѣло, въ чомъ собственно былъ виноватъ Бородавка. Извѣстно только, что его судила войсковая рада и присудила къ отсѣченію головы. Польские историки говорять, что Конашевичъ былъ

грозный предводитель: за всякий войсковой беспорядокъ, по его мановенію, летѣли съ плечь буйныя головы. Диктатура въ военное время принадлежала гетману вполнѣ, и не мудрено, что Сагайдачный достигалъ успѣха въ походахъ тѣмъ, что заставлялъ козацкую орду трепетать своего слова. Но онъ, величайшій изъ всѣхъ гетмановъ, былъ больше всѣхъ игнорированъ. Извѣстны только результаты его дѣятельности, но какими способами достигалъ онъ выполненія своей воли, никто обѣ этомъ не распространился.

Едва заняли козаки свою позицію, какъ подступили къ Хотину турки. Съ этого момента начинаетъ польскій Фукидидъ свою повѣсть объ ужасахъ войны и геройствѣ воюющихъ. Мы повторять его не станемъ. Батальныхъ историковъ и безъ того у насъ много. Ограничимся общимъ взглядомъ на турецкое войско, чтобы понять исходъ кампани, надѣлавшей пустого шуму въ Европѣ, при содѣствіи къ тому краснорѣчивыхъ польскихъ языковъ и писаній.

Османъ грозилъ собрать 600.000 воиновъ и собралъ только половину. Имперія, которой повелѣвалъ молодой султанъ, измѣнилась много въ теченіе XVI столѣтія. Янчаръ-Полякъ описываетъ войско султана Амурата въ концѣ XV вѣка, какъ образецъ устройства и фуражировки. Онъ отдаетъ ему, по вооруженію и дисциплинѣ, первенство передъ всѣми европейскими войсками: въ этомъ и тайна успѣховъ оттоманского оружія, поразившихъ балованную Европу ужасомъ. Турки были страшны порочной Европѣ, но не добродѣтельной. Еслибы пороки XV и XVI столѣтія не пріобрѣли, долговременною практикою, неприосновенной законности,— азіатская сила отхлынула бы отъ Европы скоро. Тогдашнее общество вело упорную, хоть и глухую, борьбу съ привилегированными злодѣями, и, въ то же самое время, подъ ихъ злодѣйскимъ предводительствомъ—съ азіатцами. Торжество оттомановъ надобно мѣрить упадкомъ гражданской нравственности,

какъ въ Византіи, такъ и въ тѣхъ государствахъ, которыми турецкая сила представлялась непобѣдимою. На сколько турки были сильнѣе трепетавшихъ передъ ними дворовъ и армій, на столько они были ихъ свѣжѣе силами физическими и нравственными. Другой законъ воинскаго торжества народовъ надъ народами не выслѣженъ исторію со временемъ Фемистокла. Турки въ пачать своего появленія передъ глазами растѣнной Европы, были народъ здоровый въ своихъ азіатскихъ нравахъ, вѣрный своему слову, воинственно дѣятельный. Доколѣ необходимость требовала отъ нихъ завоевательной энергіи, дотолѣ жизнь этого народа подобна была горному ручью, быстрому, свѣжему, живому. Но, мѣстный элементъ имперіи, въ которой расположились наконецъ безпрепятственно послѣдователи энергического пророка съ своими гаремами, съ своими кофейными домами и галлереями, гдѣ проводили они все праздное время, не замедлилъ произвести на бурную дружину завоевателей сноторное дѣйствіе. Этотъ элементъ былъ—готовность побѣжденныхъ грековъ къ услугамъ. Самъ Ганнибалъ, одушевленный жаждою мщенія, а не господства, не устоялъ противъ мягкихъ, ласковыхъ нравовъ и предупредительности жителей Капуи. Воинъ крѣпнетъ отъ сопротивленія и слабѣеть среди рабской покорности, среди всеобщей угодливости. Все смѣлое, все вѣрное долгу, все благородно-гордое, чѣмъ Византія держалась еще на старыхъ своихъ основаніяхъ,пало подъ фаталистическимъ напоромъ пришельцевъ; представители народныхъ доблестей погибли въ неравной борьбѣ безъ остатка; напротивъ представители нравственного разврата, порожденного деспотизмомъ, въ византійскомъ обществѣ, остались цѣлы въ завоеванномъ краѣ. Они сдѣлялись печальнымъ достояніемъ завоевателей, и начали мало-помалу разлагать силу, созданную трезвою умѣренностью среди роскоши, воспитанную религіозною готовностью оставить земныя утѣхи для безконечныхъ наслажденій райскихъ. Среди роскошиѣйшей мѣстности, какую только

могли выбрать обладатели древняго міра, окруженные дарами и добычею со всѣхъ земель, прикасавшихся къ новой имперіи, турки сдѣлались равнодушны къ наградѣ, уготованной Азраиломъ каждому правовѣрному за великудушную разлуку съ гаремомъ и его одалысками. Ремесло воина перестало быть предметомъ сописканія; оно сдѣлалось долгомъ, и долгомъ тягостнымъ. Масса богатыхъ людей разрослась постепенно въ цѣлое общество. Масса искателей богатства превратилась въ толпу угодниковъ этого общества. И начали усѣвшіеся спокойно на дорогихъ коврахъ богачи повелѣвать людьми, привычными сидѣть на сѣдль. Этимъ способомъ образовалось войско, задариваемое, поощряемое и часто подкупаемое. Нагроможденный въ частныхъ рукахъ богатства, путемъ подарковъ, наградъ и подкуповъ, дѣлались достояніемъ боевого народа и выдѣляли изъ него людей обеспеченныхъ. Страсть къ обогащенію охватила все воинственное общество и замѣнила въ немъ прежнюю страсть къ господству. Торговые обороты въ недавнемъ центрѣ всемирной торговли награждали каждого за искусную спекуляцію вѣрнѣе, чѣмъ военные случайности — за мужество и храбрость. Этимъ-то манеромъ въ Турецкой грозной имперіи пришли дѣла къ тому, что янычары позволяли козакамъ грабить владѣнія падишаха почти у нихъ передъ глазами, и, вмѣсто того, чтобы ихъ преслѣдовать, занимались продажею столичныхъ товаровъ.¹⁾ Государственный организмъ даваль пищу чужеяднымъ тварямъ, каковы были разбойничавшіе внутри государства райзы; онъ ужъ не въ силахъ былъ разростаться на счетъ сосѣдей. Дряхлость его состава сказывалась въ обманѣ, котораго жертвою былъ постоянно верховный повелитель. Полководцы играли передъ нимъ роль непобѣдимыхъ и не пускали его самого въ походъ, чтобы онъ не удостовѣрился въ противномъ.

¹⁾ См. выше, стр. 174.

Когда широкій Османъ воткнулъ бунчукъ передъ своимъ се-
ралемъ, все государство какъ-бы сговорилось противодѣйствовать
его повелѣніямъ. Приготовленія къ войнѣ шли вяло; препятствія и
неудобства оказывались на каждомъ шагу; совѣтники, яко органы
массы, всячески отклоняли Османа отъ войны съ Лехистаномъ и
пророчили ему гибель; дошло до того, что одного султанъ про-
нзилъ пожемъ, а другому велѣлъ снять голову. Все-таки трепетные и
вмѣстѣ дерзкіе рабы безконтрольного деспота притали походъ
къ осеннему времени. Только въ началѣ сентября достигли турки
береговъ Днѣстра, двигаясь медленно съ громадною арміею ты-
сячи въ триста народу, обремененного множествомъ громоздкаго
багажа. Самый походъ къ Днѣстру былъ уже началомъ пораже-
нія безпутно организованной и безъ толку фуражируемой арміи
Османа. Широкій проторенный єю путь означенъ былъ падшими
животными и мертвыми людьми. Жители Смирны, Дамаска, Ко-
ринеа и Каира, насильственный контингентъ „повелителя Мекки
и Медины, владыки семи царствъ и четырехъ угловъ свѣта“, стра-
дали отъ холодныхъ дождей и вѣтровъ въ томъ краю, куда рим-
ляне ссыпали своихъ преступниковъ на климатическую мученія.
Кушцы, привыкшіе отдѣльваться золотомъ отъ воинной повин-
ности,шли подъ Хотинъ, точно каторжные. Столкнувшись
прежде всего съ козацкимъ таборомъ, турки почуяли свою фи-
зическую и нравственную немочь отъ соприкосновенія съ этою
свѣжею силою, съ этимъ собранiemъ здоровыхъ мускуловъ, съ
этимъ олицетвореніемъ без страшія въ виду смерти. Робость
Османова войска заставляла его не разъ опасаться безумной па-
ники. А сѣверное небо дышало, между тѣмъ, порывистыми вѣтра-
ми, срывавшими турецкіе шатры; невиданная въ южномъ климатѣ
слякоть превращала почву въ скользкую тину. Среди такой бѣды,
неотвратимой для человѣческаго могущества, пущечныя колеса
врѣзывались въ грязь по ступицѣ; а пушки при безобразной
своей огромности, дѣйствовали весьма невѣрно и производили

только напрасный грохотъ. Тридцать четыре дня простояли мусульмане въ боевомъ порядке, нападая на христіянъ; множество былобитвъ; множество пало съ обѣихъ сторонъ народу; но несравненно больше гибло турокъ отъ холода, голода и болѣзней, нежели отъ непріятельского оружія. По свидѣтельству англійскаго посла въ царыградѣ, Османъ вернувшись изъ походу, не досчитался 80.000 войска и 100.000 лошадей.

II при такихъ-то обстоятельствахъ, польскіе воины, носившиѳ часто фамиліи, знаменитыя въ исторіи, бѣгали изъ-подъ знамени, или прятались подъ возами. Козаки, одни козаки спасли польское войско, и не столько отъ турокъ, сколько отъ паники. Не будь подъ Хотиномъ Сагайдачнаго съ его диктатурою надъ сіромахами, поляки еще скорѣе, чѣмъ иа Щоцорѣ, бросились бы бѣжать въ разсыпную. Они до того выдерживали на себѣ, какъ говорили тогда, импетъ непріятельской, что даже польскіе историки, не смотря на „подлое происхожденіе“ козаковъ, признали ихъ героями. Такъ, Нарушевичъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Imiona tych ludzi zakryła podłość urodzenia; pamiętać odwadę została przykładem dla potomnej szlachetności“. ¹⁾ Но сохраненная ими dla potomnej szlachetności характеристика Сагайдачнаго лучше всего характеризуетъ его сподвижниковъ—поляковъ. Онъ вернулся съ Хотинской кампаніи, покрытый ранами, отъ которыхъ и умеръ. Якубъ Собіскій (а за нимъ и Нарушевичъ, благородно мыслившій историкъ) приписалъ смерть Сагайдачнаго вовсе не ранамъ, о которыхъ умолчалъ, а неумѣренной страсти къ женщинамъ (niepomiarkowaniem żadze miłostek, które o śmierć jego przyśpieszyły). Не мѣшайася въ закулисную жизнь человѣка, о которому такъ мало известно мелочей, на слова польскаго Тацита можно возразить только патогномическимъ замѣчаніемъ, что люди,

¹⁾ Имена этихъ людей скрыты подлымъ ихъ происхожденіемъ; память отваги осталась примѣромъ для грядущихъ шляхетскихъ поколѣній.

воспитанные въ козацкихъ таборахъ, въ военныхъ трудахъ и простотѣ привычекъ, никогда не умираютъ отъ подобнаго истощенія силъ. Это немощь панская, и, если па то пошло, такъ напомнимъ кому о семъ вѣдать надлежитъ, что Ходкевичъ, женясь 60 лѣтъ, передъ самимъ походомъ, прѣхалъ подъ Хотинъ больной и умеръ въ лагерѣ *morte naturali*, какъ записали въ своихъ дневникахъ современники.¹⁾ Такою же *натуралиною* для магнатовъ смертью умеръ и Конецпольскій, преемникъ Ходкевича. О немъ документально известно, что онъ, женясь въ преклонныхъ лѣтахъ, принималъ *confertativum*, и что брачная жизнь его прекратилась отъ этого весьма скоро.²⁾ Если бы Конашевичъ не спасаль Руси, Польшу ему спасать не стоило: подъ турецкимъ владычествомъ, она не сдѣлалась бы ни развратнѣе, ни безсмысленнѣе, чѣмъ подъ латинскимъ.

Но оставимъ батальному историку донисывать позорную для Польши войну и вернемся съ израненнымъ ея героемъ Сагайдачнымъ въ Кіевъ. Прибавимъ еще только одну мелкую черту къ тѣмъ крупнымъ, которыя опредѣляютъ характеръ союзныхъ силъ и силы непріятельской. Будь поляки таковы, какими они себя выставляютъ, будь ихъ полководцы похожи на Марса, котораго благосклонность Венеры только воодушевляла къ новымъ подвигамъ, но не убивала, какъ недостойнаго прикасаться къ чашѣ жизни, къ чашѣ любви, — они бы могли довести Османа до того

¹⁾ На примѣръ, дворянинъ, сопровождавшій короля въ посланиемъ рушенія къ мѣсту дѣйствія. (Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. Л. Г. отд. IV, № 138, л. 4 об.).

²⁾ См. „Pamiętniki o Koniecpolskich“, wydane przez Przyłęckiego. Кстати сказать, что покойный Прилэнцкій, въ качествѣ библіотекаря Виленовской библіотеки графовъ Потоцкихъ и изыскателя историческихъ материаловъ, оказалъ исторіи безцѣнныя услуги. Это была одна изъ тѣхъ личностей, которыхъ даютъ современному историку польского былого ясное поплѣтие о безсильной борьбѣ благороднаго меньшинства съ наваломъ пороковъ и беззаконій, погубившихъ лучшую часть польского общества, точно истребительная лава — просвѣщенные города у подошвы Везувія. Авторъ зналъ его лично и сохранилъ о немъ самыя дорогія воспоминанія.

положенія, до котораго доведенъ русскими въ 1812 году величайшій полководецъ въ мірѣ съ его громаднѣйшею въ мірѣ арміею. Вместо того, они прибѣгнули къ подкупу подлыхъ рабовъ несчастнаго деспота и гордились тѣмъ, что съ нихъ запрошено 42.000, златыхъ, а они выторговали цѣлыхъ 30.000, заплативъ обманщикамъ за обманъ ихъ государя только 12.000 златыхъ, да самому Осману, въ видѣ дани, 50 сороковъ соболей, 20 маршурковъ, дорогой работы шкатулу и двое часовъ. Когда нашъ „Первый Императоръ“ былъ принужденъ освободиться изъ западни падъ Прутомъ посредствомъ подкупа,—онъ не хвалился побѣдою, а въ минуту величайшей опасности, на случай плены своего, отправилъ въ Россію повелѣніе—оставлять всѣ его указы безъ исполненія. Поляки сдѣлали изъ своего величайшаго позора величайшее торжество и, пользуясь невѣжествомъ публики, пользуясь манерою историковъ повторять другъ друга, до сихъ слывутъ побѣдителями Османа. Они бываютъ лежачаго, а зрители имъ рукоплещутъ. Козаки смысли воевать съ турками подъ Царыградомъ; козацкіе потомки смыаютъ протестовать противъ общаго оскорблѣнія исторической правды. Мы апелируемъ къ потомству, которое, въ силу вещей, должно быть умнѣе своихъ предковъ.

1621 годъ былъ для Сагайдачнаго такимъ моментомъ, въ который роль Хмельницкаго могла бы быть имъ разыграна съ большимъ достоинствомъ предъ судомъ исторіи, безъ предательства родной земли „на поталу“ мусульманскому войску и безъ превращенія культивированной страны въ *руїну*. Мало того: на немъ не лежалъ бы, какъ на Хмельницкомъ, упрекъ отмщенія за личную обиду: онъ бы отомстилъ за поруганіе народной религії, за похищеніе церковныхъ имуществъ, за присвоеніе папѣ сосчитанныхъ нунціемъ Торресомъ 2.169 церквей православныхъ. Онъ бы явился Кромвелемъ, безъ кромвелева террора, и, по чистотѣ отношеній своихъ къ диктаторской власти, по молчаливой политики, сіяющей въ дѣлахъ, а не въ манифестаціяхъ, уподо-

бился бы величайшему гению честной политики нового времени — Вильгельму Молчаливому, Орапскому. Но не по нашему, какъ видно, смотрѣть на шляхту и на козаковъ Сагайдачный. Онъ шляхту цѣнилъ выше нашего, а козаковъ, безъ сомнѣнія, ниже. Весьма быть можетъ, что его, какъ человѣка натуры высокой, ужаснула перспектива вооруженного дѣлежа землями, богатствами, правами, которая не ужаснула „козацкаго батька“. Онъ ограничился скромною ролью предводителя контингента; оставленное предоставить силѣ вещей и работѣ времени. Едвали это не самая разумная и вмѣстѣ съ тѣмъ гуманная политика.

Воротясь въ Киевъ къ однокой женѣ (дѣтей у нихъ не было), Сагайдачный видѣлъ, что раны его смертельны и провелъ остатокъ жизни въ дѣятельномъ благочестіи. Характеръ и вліяніе Іова видны во всѣхъ его посмертныхъ распоряженіяхъ. Въ качествѣ душеприкащица, Іовъ Борецкій составилъ для него духовную, въ которой отписалъ значительную часть имущества его на братства и школы, между прочимъ 1.500 золотыхъ назначилъ Львовскому братству на содержаніе изъ процентовъ „ученого майстера, въ греческомъ языку бѣглого на науку и цвиченіе дѣтей христіянскихъ и на выхованье бакалавровъ ученыхъ“.

Кто хочетъ въ этомъ актѣ видѣть ту же самую религіозность со стороны Сагайдачного, которая одушевляла его иночествующаго земляка и друга, тотъ основаніе монастырей, устройство школъ и другихъ заведеній, относящихся къ вѣдомству церкви, съ самого ея образованія въ Южной Руси, долженъ приписать не духовенству и его традиціонной практикѣ, а людямъ, которые, проходя свой жизненный путь, чаще всего обагряли руки человѣческою кровью, которые думали вовсе не объ инокахъ, которымъ такъ мало было дѣла до иноческихъ разсадниковъ, которыхъ будущность не упрочивалась этими разсадниками, которыхъ специальная жизнь діаметрально расходилась съ иноческою.

Справедливость и обстоятельность требуетъ сказать при

этомъ, что въ материальномъ созиданіи учрежденія, безразлично называемаго духовнымъ его именемъ — церковю, участвовали также и женщины, слѣдовательно не всѣ пожертвованія на церковь приносились отъ міра сего руками кровавыми. Но наши создательницы и благодѣтельницы святыхъ храмовъ получали свои имущество изъ тѣхъ же самыхъ рукъ, изъ которыхъ не брезгали принимать ихъ преподобные ипоки. Всѣ онъ, подобно нѣжной Ярославнѣ, тѣмъ больше любили своихъ „милыхъ ладъ“, чѣмъ богаче нагружены были ихъ носады дорогими паволоками, оксамитами, бртмами, и не чуждались „того злата и сребра потребовать“.

Роль Іова Борецкаго у одра болѣзни козацкаго гетмана игралъ съ тѣмъ же благочестiemъ Исаія Купинскій у смертнаго одра княгини Корыбутъ-Вишневецкой, когда заставилъ ее наложить на сына, будущаго отступника, „страшныя (хотя, какъ оказалось, безизолезныя) кондиціи, обязанности, клятвы.“ Такую же роль разыгryвали, въ противоположномъ лагерь, Кунцевичи, Скарги и множество другихъ людей получше и похуже ихъ, въ предсмертное время богатыхъ господъ и госпожъ; и никому изъ нашихъ историковъ не приходитъ въ голову — основаніе унитскихъ и католическихъ разсадниковъ сущевѣрія приписывать кающимся подъ конецъ жизни буянамъ и щеголихамъ. Тутъ они видятъ вещи ясно, и прямо указываютъ на тѣхъ, которые этимъ окольнымъ путемъ упрочивали существование вредоносной касты своей.

Каждый такой актъ, какъ основаніе церкви, монастыря, училища, типографіи, не есть нѣчто произвольное, принадлежащее отдельно какому-нибудь лицу или отдельно какому-нибудь моменту жизни. Какъ ни одинъ грубый порокъ не овладѣваетъ человѣкомъ безъ постепенности, какъ ничто крѣпкое и прекрасное не вспыхиваетъ и не обезображивается въ самое короткое время, безъ посторонней разрушающей силы, такъ ни одна добродѣ-

тель не вырастаетъ моментально, и ничто прекрасное не созидаются вдругъ, изъ ничего. Все имѣть прецеденты свои; всякая творческая дѣятельность подвергается предварительной пробѣ на менѣе прекрасномъ. Съ другой стороны, все хорошее, внѣдренное въ человѣческую природу, не прекращается со смертю человѣка. По этому-то закону возрастанія и упадка, по закону общности и связи явлений, человѣкъ не способенъ совершенствоваться въ одиночку. Подобно тому, какъ высокое дерево росло нѣкогда вмѣстѣ съ малыми, подъ хранительную сѣнью старыхъ деревъ,—каждая возвышенная личность находилась когда-то въ безразличной смѣси съ другими, а всѣ вмѣстѣ, относительно великихъ дѣятелей жизни, составляли онъ родъ подлѣска. Потомъ превосходство жизненной энергіи выдвинуло впередъ одну особь изъ множества подобныхъ; все прочее уступило ея могучему росту, осталось позади, въ тѣни ея широковѣтвистой вершины. Если падеть это превышающее все кругомъ дерево, — послѣ него остается множество подобныхъ, и въ ихъ ростѣ, въ ихъ густотѣ и развѣтвленіи, древоводъ читаетъ исторію возрастанія падшаго лѣсного великана. Такъ точно и въ обществѣ человѣческому, ни одинъ великий характеръ не уносить съ собою всего, чтѣ было ему свойственно. Суть жизни его, любимая мысль его остается въ его домашнемъ и общественномъ кругу болѣе или менѣе долговѣчнымъ памятникомъ его морального существованія. На основаніи этихъ сближеній, мы должны предсмертныя дѣла Сагайдачнаго распространить какъ на прошедшее время, такъ и на время, послѣдовавшее за его кончиною. Но въ прошедшемъ онъ представляется намъ рибалтомъ, который много, много уже дѣлать по части благочестія, если, согласно словамъ думы, брать въ руки святое письмо по три раза на день и поучаль простыхъ своихъ собратій; а время, послѣдовавшее за смертю Сагайдачнаго, являетъ козаковъ козаками. Совсѣмъ иной представится намъ порядокъ явлений, если мы подвернемъ

тому же анализу Іова Борецкаго, по отношению къ тому подвигу, который онъ совершилъ своимъ религіознымъ вліяніемъ на товарища дѣтства. Высокій нравственный ростъ незабвеннаго іерарха представится намъ въ полной гармоніи съ условіями окружавшей его жизни, съ тѣми законами природы, которые одинаковы для всѣхъ и для всего; а то, что совершалось въ русской церкви послѣ Іова, явилось послѣ него такъ естественно, какъ послѣ срубленного или павшаго отъ времени патріарха лѣсовъ естественно идутъ въ ширь и въ высоту другія могучія созданія таинственной силы, вѣчно творящей, вѣчно зиждущей новое на просторѣ, оставшемся послѣ старого.

Да, Іовъ Борецкій имѣлъ продолжателей своему благому дѣлу въ средѣ заботливаго о церкви духовенства. Напротивъ, Сагайдачный, при всѣхъ подогрѣваньяхъ козаковъ со стороны Іова по его смерти, вовсе не имѣлъ продолжателей своего церковнаго подвига въ средѣ военной корпораціи, поднятой имъ изъ ничтожества. Козацкая корпорація видѣла упроченіе своей будущности вовсе не въ постройкѣ церквей и не въ основаніи при нихъ училищъ, а въ силѣ меча и хищенія. Эту силу она и прилагала всюду, гдѣ было можно прилагать, — прилагала до тѣхъ поръ, пока внѣшнія и внутреннія дѣла края приведены были въ порядокъ иного рода дѣятелями. Съ прекращенiemъ возможности козаковать, прекратилось козачество. Съ приведенiemъ края въ порядокъ, оно сдѣлалось ненужнымъ. Функция козаковъ была кончена, и не безъ великой все-таки заслуги въ исторії. Заслуга Сагайдачнаго въ исторії, какъ и заслуга козачества, которое создало его, и въ которомъ останется живъ его нравственный образъ, состояла въ воспрепятствованіи двумъ великимъ силамъ убить русскій народъ материально, стереть его съ лица земли и, какъ говорить кто-то и гдѣ то, прославить его одною его гибеллю. Одна враждебная намъ сила дѣйствовала чрезъ посредство поляковъ и старалась погубить насъ нравственно; другая столь же

враждебная намъ сила дѣйствовала черезъ татаръ и имѣла въ виду уничтожить насть всѣщевно. Противъ первой силы восстановили козаки, по винешеню Іова и подобныхъ ему людей, русскую іерархію, утвердившую въ обществѣ начала науки и высшей нравственности; противъ второй стояли они сами до тѣхъ поръ, пока она вызывала ихъ къ бытію, а бытіе козачества имѣло характеръ чисто отрицательный, никогда — положительного, какъ представляютъ некоторые историки; точноѣ сказать, оно имѣло характеръ всегда разсчитливо-матеріальный, и не имѣло никогда — рассчитливо-духовнаго. Послѣдній былъ козакамъ несвойственъ ни почему: ни по ихъ положеню среди сословій и классовъ общества, ни по требованіямъ ихъ ремесла, ни по умственному и нравственному развитію ихъ массы.

Но передъ нами, лежитъ разогнутая книга, написанная вовсе не безграмотно, написанная съ научными пріемами и съ притязаніемъ на авторитетность. Въ ней мы читаемъ слѣдующее: „Русская вѣра оставалась преимущественно (только съ немногими исключеніями) вѣрою хлопскою и не могла найти никакой поддержки внутри русскаго края; ея знамя взяли казаки.“

Допустимъ, что это справедливо; допустимъ, что козаки въ самомъ дѣлѣ взяли знамя вѣры. Но тогда надоѣно будетъ указать, когда и въ какомъ видѣ возвратили они это знамя — или церковной іерархіи, или инымъ защитникамъ вѣры. И безъ того напѣтъ умъ отвращается отъ страшныхъ сценъ козачества во времена ломки существовавшаго порядка вещей для водворенія надолго варварскаго безпорядка; если же принять за истину, что всѣ историческія безобразія козацкія совершились подъ знаменемъ вѣры, подъ священнымъ знаменемъ православія, то чѣмъ была сама наша вѣра, чѣмъ было это православіе, которое мы хранимъ преемственно отъ временъ апостольскихъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ наша православная церковь была скопищемъ невѣжества, коварства и тираниій, какъ изображаютъ ее латишцы?....

Мы думаемъ о ней лучше. По нашему простому, безъ эфектовъ, возврѣнію, она, пріѣдя въ упадокъ наравнѣ съ латинскою церковью въ Рѣчи-Посполитой отъ политическихъ и соціальныхъ причинъ, сама въ себѣ, то есть въ собраніи вѣрующихъ, обрѣла силу возстать изъ своего упадка. Этимъ собраніемъ вѣрующихъ, или ихъ высшими представителями, никакъ не приходится быть людямъ, которые рѣзали для потѣхи уши безоружнымъ единовѣрцамъ среди ихъ родныхъ селъ, которые свирѣпствовали безразлично среди шведскаго и литовско-русскаго населенія, и, наконецъ, помогли агентамъ папы, польскимъ латинцамъ, произвести бѣзпримѣрное въ исторіи „московское разореніе.“ Нѣть, не въ козацкомъ стану, алкающемъ добычи или терзающемъ ее по-звѣрски, могла выработаться такая глубоко благочестивая и дальновидная личность, какая нужна была для того, чтобы поднять русскую церковь изъ упадка, а среди осѣдлаго мѣщанства, среди того класса тѣсно сплоченныхъ между собою людей, который tanto долго лавировалъ между Сциллой и Харибою, между гибелью нравственною или матеріальною, который, съ чистотой голубя, но съ мудростю змѣи, пользовался и безхарактерною доступностью князя Острожскаго, и громкимъ именемъ старшихъ братчиковъ, вельможныхъ русскихъ паповъ, и, наконецъ, бурною завзятостью грабителей всего свѣта, по опредѣленію Жуковскаго, казаковъ. Онъ, этотъ средній слой общества, между избалованными людьми, съ одной стороны, и придавленными къ землѣ, съ другой, оцѣнилъ христіянское подвижничество Іова посреди безотрадныхъ развалинъ родной церкви; онъ пожелалъ ввѣрить ея верховное управлѣніе неизвѣстному въ высшихъ сферахъ, убогоому и незнанному архимандриту Михайловскаго монастыря, и, какъ въ козацкомъ войскѣ мѣщанскій контингентъ былъ весьма значителенъ, то выборъ „людей статечныхъ“ не могъ встрѣтить сопротивленія со стороны одичалыхъ и буйныхъ братчиковъ. Милосердный защитникъ вдовъ и наставникъ сиротъ былъ избранъ

и самыми лучшими, и самыми худшими людьми единодушно. Конечно картина *казаков*, идущих подъ знаменемъ вѣры, плѣнительна для автора и тѣхъ изъ его читателей, которые ищутъ въ исторіи забавы воображенія. Но противоположная ей картина будетъ имѣть гораздо больше реальности и историческаго смысла.

Козаки были вытѣснены изъ родныхъ домовъ, точно какъ-будто отцы ихъ переженились па другихъ женахъ. (На эту тему любить пѣть наша народная муз.) Козацкими отчимами сдѣлались паны, которые, въ началѣ козачества, обороили родной край отъ враговъ христіянства наряду съ козаками. Паны, эти исконные патроны церкви, допустили ее падать въ руины; ихъ новыя жены, эти привилегіи, эти „шиляхетскія вольности“, эти громадныя пожалованья и придворныя связи, завели ихъ Богъ знаеть куда въ сторону отъ ближайшаго долга ихъ. Паны до того потеряли чутье единства племени и вѣры, что собственныя ихъ семьи, какъ напримѣръ семья знаменитаго князя Острожскаго, „главы православнаго движенія“, „главнаго дѣятеля защиты православія противъ римскаго католичества“, принадлежали къ противоположнымъ церквамъ. Церковь дѣйствительно „не могла находить у нихъ никакой поддержки внутри родного края“; а безъ пановъ мѣщане и сельскіе хліборобы не были, въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ, пародомъ. Церковь запустѣла, точно „Святая Софія“ передъ глазами у киевскаго воеводы, и въ нее— можно сказать почти что безъ фигуральности— начали загонять скотъ.... Между тѣмъ невольные бѣглецы образовали сильную корпорацію; и вотъ русская церковь, въ лицѣ своихъ истинныхъ братчиковъ мѣщанъ,

Кли́че дітей додому....¹⁾

И прикидала. Собрались одичалыя дѣти, въ качествѣ новописанныхъ въ братскій реестръ братчиковъ, и стали многолюдной

¹⁾ Слова упомянутой выше пѣсни.

толпою вокругъ церкви, „голы какъ бубень, страшны зъло“, какъ бы сказалъ обѣ нихъ московскій попъ Лукьянновъ. Враги православія отступили въ ужасъ. Церковь подняла тогда свое знамя; иноческой рукою Господомъ высоко подняла она его надъ русскою землею, и уже никогда не спустила своего флага. Эта картина согласуется больше первой съ достоинствомъ идеи, заключающейся въ словахъ *впра и церковъ*. Она не стонть въ противорѣчіи съ безпощадной и безпутной рѣзнею, пожарами, опустошеніями, истребительными грабежами козацкими. Она гармонируетъ съ понятіемъ о цѣломъ составѣ украинско-русскаго народа, въ исторіи котораго козачество исполнило только временную, хоть и весьма трудную, функцию. Она, наконецъ, не оскорбляетъ нашего чувства за тѣхъ изъ нашихъ предковъ, которыхъ чистыя „отъ всякихъ сквернъ“ руки были достойнѣе козацкихъ руку нести святое знамя вѣры своей.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КО

ВТОРОМУ ТОМУ

ИСТОРИИ ВОЗСОЕДИНЕНИЯ РУСИ

REICHSGESELLSCHAFT

WIRTSCHAFTS- UND
INDUSTRIEAKADEMIE

HOCHSCHULE FÜR
WIRTSCHAFTS- UND
INDUSTRIEAKADEMIE

ОДА ПАПРОЦКАГО ВЪ ЧЕСТЬ РУСИ.

DO POLAKOW.

Это стихотворение Папроцкаго заимствовано изъ его книги: „Panosza to iest Wyszlowienie Panow u Paniat Ziem Ruskich u Podolskich“, Krakow, 1575. Оно собственно относится къ 108 страницѣ I-го тома, но не могло быть въ немъ помѣщено по той причинѣ, что въ моихъ бумагахъ имѣлись только выписки изъ него. Когда я обратился за полнымъ стихотворениемъ „Do Polakow“ въ Императорскую Публичную Библиотеку, оказалось, что Panoszy Папроцкаго въ ней нѣть, и уже, по выходѣ I-го тома въ свѣтъ, сообщилъ мнѣ весьма обязательно полную оду Папроцкаго директоръ библиотеки графовъ Красинскихъ, въ Варшавѣ, известный ученому свѣту своими почтенными трудами, Владиславъ Хоментовскій, при чомъ, съ благородною гордостью книгохранителя, замѣтилъ онъ, что другой экземпляръ Panoszy едвали найдется гдѣ-либо въ Европѣ. (Въ моей перепечаткѣ соблюдены знаки правописанія и пунктуація подлинника.)

Chcietiesz sie tu przysuchać tych enych ludzi sprawie,
Ach język moy nie powie snadz wszytkiego prawie.
A pioro nie wypiszę tu enoty každego,
Niestanie mi papiru ná sprawy jednego.
A niechciejcie rozumieć bych im pochlebował,
Nie dawnomci w tym kráiu nie z nimim się chował.
Alem záraz zrozumiał sprawy ich poczciwe,
Ktore godne ná wieki aby były żywe.
Wiedz że nie raz do roku tych enych ludzi ręce,
Uganiając pogány iż bywaią w męce.
Broniąc wszystkich krześcian iako mężni Lwowie,
Owa mało nie wszystko tam z nich Hektorowie.
Od was żadney pomocy do tego nie máią,

Tak was iák karmne woły w pokoui chowáią.
 A wy nad nie czyniąc się ieszcze godnieyszemi,
 Upraszacie w tych państwaach imioná pod niemi.
 Kedybyście im mieli snadž udzyelić swego,
 Używając tak weżasu pokoui wielkiego.
 Okaźciesz wy swe sprawy tu godne pámieci,
 Jákie či zawsze czynią ludzye prawie swięci.
 Ja nie mogąc zátáić ezo widzę ná oko,
 Ukaże wam ich spráwy chociaż nie szyroko.
 Ktoby mi chcial nágánić nie może prawdziwie,
 Chybá im tego zayrzac mówić zazdrościwie.
 Bo že by się dzisich lat thakowy wyiawił.
 Poslecie go w poselstwie dobrze ie odpráwi,
 Ledwie mu ták roskažą iak on lepiey spráwi.
 Tam pytay o Hetmanie o dobrym Rycerzu,
 Nie rad kiedy wotuią w Rádzye o przymierzu.
 Tam konia i pácholká dostaniesz dobrego,
 Już tám wász Mathusz nawykł porządku lepszego.
 Nie chodzi po ulicy nie báwi się zwádą,
 Nie uderzy nikogo bez przyczyny zdradą.
 Z Máthusza dobry iunak, a s syná wászegó,
 Záraz Rotmistrz ábo więc zaeny Rycerz z niego.
 A wy coscie znácznego proszę was zrobili,
 Ktorzyście na imioná w Rusi się zdobyli.
 Przeciw sobie widzyaleś kiedy miecz dobyty,
 Nie na burku w potrzebie iakiey znákomitey.
 Bá rzecžesz iżem widzyał, by jedno przystoynie,
 Nie godzić się bácznemu być ná takiey woynie,
 Wiakicieś málo gárdlá nie dal ty moy pánie,
 Aleć powiem kruciuchno o tym swoie zdanie.
 Nie przystoi mädremu wydzyerać cudzego,
 Ani iesliś bogátszy nie wzgardzay chudszego.
 To yurzysz u Podolan gdy przydzyesz do niego,
 Nie poznasz gdzye pan siedzi ábo sluga iego.
 Nie masz tám y za szelag pychy u żadnego,
 Więc ná wszem blogosławi szczęsci Bog každego.
 Chociaž we pstrychr saianiech oni tho nie chodzą,

Ale w sławie snadz droższej niż wezlocie brodzą.
 Tá o tym cnym narodzye wszędzy zacnie slynie.
 I będąze wiekom wiccznie chociaż Polska zginie.
 Już dawno nie masz Troye ledwie znac' gdzye bylá,
 A wzdy slawa cnych ludzi ieszcze nie zginelá.
 Dawno Jazon z inszymi do Kolchis się wozil,
 A wzdy dziś w naszym wieku s swoim mestwem ożył.
 Herkules co nań práwią iże Hodry biyal,
 Tákże y bogow zyemskich namnley nie omiyał.
 Umie tho dziś ledá chlop u nas sprawić w Rusi,
 O sroszszego nižli Smok Turczyna się kusi.
 Samson slynie że tho byl rozdarł gebę Lwowi,
 I dzisich lat to nie dziw czynie Rusakowi.
 Rozdziewil możny Turczyn na nas swą paszczeke,
 Nie raz zaci Rusacy tkaią mu w nię ręke.
 On z wojskiem niezliczonym ná Polskę sie puszsza,
 Ale mu można siła Ruska nie dopuszcza.
 Wszytkoć tam Koklesowie oni mężni Rzymscy,
 Abo Kurciusowie oni zaci wszyscy.
 Wskoczy tam nie raz każdy w takowę przepasci,
 Biąc siekać pogany prawie do upaści.
 A gdy oni co sprawią barzo potrzebnego,
 Wszystkim wam spolna slawa zawsze roscie z tego.
 Mieyciesz ná sławie dosyć ktorą oni robią,
 Chociaż was w tych potrzebach nie miewają z sobą.
 A nie mieycie iuż z nimi w dobrach interesse,
 Gdyż na ten czas gdy się bić gdzyeś bywacie w lesie.

ПИСЬМА КНЯЗЯ ОСТРОЖСКАГО,
И СЫНА ЕГО ЯНУША
КЪ КНЯЗЮ КРИШТОФУ РАДЗИВИЛУ.¹⁾

ССОРА СЪ КНЯЗЕМЪ ЗБАРАЖСКИМЪ.

Князь Збаражский потребовалъ князя Константина-Василія Острожского къ суду. Онъ выхлощалъ листы изъ королевской канцелярии о томъ, чтобы все повѣты Волынской земли шли на князя Острожского, яко на непослушнаго закону и королю, и эти листы прибыль во всѣхъ повѣтахъ къ замковымъ воротамъ и церковнымъ дверямъ. Князь Острожскій просилъ короля, чтобы не выдавали противъ него такихъ листовъ, и чтобы король остановилъ дѣйствіе выданныхъ.

Woiewoda bracławski, chciwy będąc maiętnosci dziatek mych i moiey o krzywde dosyć niewielką, o kilkadziesiąt kop zboza, które mu Syn moy Janusz, ze ie na gruncie iego koszkowskim poddani iego Hryczkowscy zasiali byli pobrać kazał, opusciwszy syna, mnie Oica, ktory tam nie trzymam, nic o tey krzywdzie niewiem, do sądu swego krzemienieckiego pozwał. A chocia Janusz syn moy pozwy zniosł i na roku się zprawem swym opowiadał, ze to Imienie on, anie ia dzierzy, przecie na mię sąd iego wskazał dwiescie kop i piętnascie Litt., w których, iz mu Janusz syn moy w wiązaniu w Koszkowie nie postąpił [a słusznie, bo go oto nie pozywał, iako dzierzawczego], przeciwko mię odzierała listy zkancellariey J. K. Mci, aby się wczystkie powiaty ziemi Wołyńskiej na mię ruszyły i iako na nieposłusznego prawu i przeciwnika zwierszchnosci J. K. M., i takowe listy K. J. M. we wszystkich powieciech po drzwiach kościoł-

¹⁾ Извлечены изъ рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. F. IV, № 223.

nych zamkowych, po Braimach przybijali ku oślawie mey; iako dnia wczorayszego zebrało się ich przez kilkaset na wiązanie do Koszkowa; tam, iz od syna mego Janusza broniąc i wwiozować się nie dopuszczono, pewnie starać się będzie Woiewoda Bracławski o listy na wywołanie przeciwko mnie; przeto piszę tam do J. K. M. o tem prosząc, zeby J. K. M. nie kazał listow takich przeciwko mnie Woiewodzie Bracławskiemu wydawać, do tego czasu, aż się z nim rozprawię przed J. K. M. nate pozwy, po które teraz posyłam do Kancellariey J. K. M. a także o niesłuszny postępek prawa. Wielce a pilnie, iako mego Mciwego Pana i powinnego przyjaciela, proszę, abyś W. M. ode mnie list J. K. M. oddać raczył i o to się łaskawie przyczynił, iesliby pieczęci nie było koronney przy J. K. M. prosić J. K. M. o list do J. M. Pana Kanclerza, zeby te pozwy przeciwko Woiewodzie Bracławskiemu zapieczętowano, i list hamujący dalszy postępek iego w te sprawie, iako niesłuszney i fortelney, do rosparcia ze mną przed J. K. M. na te pozwy dać roskazać raczył, krom zadnego mieszkania. Tę uczynność W. M. memu Mciwemu Panu odsługiwać i zadziaływać będę. Dan z Ostroga Junii 17 die 1584.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА КОЗАКОВЪ. БОЙНЯ ВЪ ЦАРЬГРАДЪ.

Paragraf z listu Demkowicza, posła do Wołoch.

Сотникъ Демковичъ ъздилъ въ Пресбургъ для приведенія молдавскаго господаря къ присягѣ на вѣрность нѣмецкому императору. Господарь обезглавилъ турокъ, находившихся въ Молдавіи. Вследствіе этого Царьградъ былъ на три дня запертъ, и во все это время турки рубили христианамъ головы. Наконецъ адзамулаты бросились на палачей, и между самими турками завязалась сѣча. Султанъ успокоилъ адзамулатовъ подарками. Господарь пригласилъ козаковъ на войну съ турками.

Gdy był posłany od Panow Kozakow do Hospodara Moldawskiego dla przysłuchania przysięgi, którą Hospodar J. M. tak z ra-

dą Duchowną, iako i świecką uczynił, zkapłanami i z Hetmanem swym, zaprzewodem moim, iz się prawdziwie odrzucił od Cesarza Tureckiego i poddał pod Cesarza Chrzeszczanskiego i przywilejem Cesara J. M. który Data z Prezburgu 1 dnia Nouembris. przyjmując go w Opiekę swoją i obronę iemu wszelaką obieciając, azadnych dac nie potrzebując wiecznemi czasy, i list zawarty do Hosdodara od Cesara J. M. pisany, aby się porozumiewał skozakami, co wszystko przed nami pokazywał dla skuteczniejszych wiary. Turki tez wszystkie wyszczinał wziemi swoiej, a majątka ich na Węgry wydał. I gonca, który od Pana Tureckiego, który do K. J. M. naseim szedł, kazał sciąć przy nas. Nawszystkich chorągwliach znaki Cesara Chrzeszczanskiego i krzyzy poczynił. Turki scinane na wzgardę tak stoją po rynku. Od Xiążęcia Zygmunta Siedmigrockiego przy nas cztery tysiące pieszych węgrow napomoc przyszło a tysiąc ierznych. Nad ludem tym Isztwan Kapitan. Lud Hospodara J. M. czternascie tysięcy z Hetmanem iego Razwanem nizey Łopuszney leżą i iuz około Kilit wielkie zdobyczy pobrali. Tatar co się było kilka tysięcy zostało w Ordzie, ci leżeli nakoczbay, a teraz Vczuburezy wyzey Białogrodu z Dobrzyckimi Tatary, co ich trochę było i ztemi, co około Białogrodu byli zebrałi się, pewną wiadomość Hospodar ma, ze ich dziewięć tysięcy tylko iest. A chcieli ziemie Wołoskiej zaszkodzić, iednoz ich taz vgoda znam zadzierzała i te ludzie, których Hospodar nizey Łopuszney położył. My się tez ruszyli. Insze Pan Korczewski słownie W. X. M. powie, iako rada nasza, vsta z vsty, gdziesię będącmy zdejmować i iako postanowienie iest, iesli K. J. M. i W. X. M. Panow Rad, Panow naszych, będzie. Szpiegi Hospodar wszędzy mą i w Konstantynopolu; i przy nas przeszedł szpieg z Konstantynopola, który powiedział, iz 12 dnia Nowembris. zatworzono było Konstantynopole natrzy dni, i wtych dniach scinano Chrzeszcziany. Potem Adzamulanowie, vzaliwszy się krwi Chrzeszczanskich, rzucili się na Turki i sami się między sobą do tego dnia siekli. Adzamulanow vspokoili przez podarki. Hospodar Multanski,

za pomocą Bożą, kilka tysięcy pod Prowadyiein pogromił, a kilka set ich zatworzyło się było w Monaster, i tych wszystkich dobił. Teraz posła do nas przysłał, obiecując nam pieniądze, abyśmy tylko do Hospodara Wołoskiego poszli i z nim się nizey Łopuszney zdeimowali. Posłanca, którego do Siedmigrodzkiej ziemi posłalismy, jeszcze nie masz go, i skoro przyjedzie i z czem, nie omieszkam W. X. M. dać znać, i Rada zupełna iak będzie, o wszystkim dam znać. Z Baru, die 3 Februarii 95.

ЖЕНИДЪВА ЛОВОДЫ.

Drugi z listu Kiewliczowego.

Козаки выступили въ походъ. Лобода женился. Турецкий султанъ приказалъ избавить християнъ въ Царградѣ. Турки бились между собою восемь дней.

Sluha moy, który na wiadomość czekał w Międzybozu, przyniósł mi taką wiadomość, iz wewtorek kozacy wyciągneli z Baru do Winnicy i Bracławia, który list W. X. M. posyłam. Stamłąd gdzie się obroca, rozne słuchy. Jedni twierdzą, ze do Wołoch, a drudzy powiadają, ze ku Czerkasom; owo gdziekolwiek, ieno ich nas Panie Boże zbaw.—To tez W. X. M. oznaimuić, ze się Pan Łoboda Hetman Zaporoski ożenił; wziął szlachciankę, powinną bliską Paniey Obojskiej, która przynieść Panienką mieszkała; która zań poniewoliiseć miała: bo tak J. M. chciał Pop, quidem szlub im dawał. Ale Pan Bog to wie, długo li tego. Mam tez i te wiadomość pewną, iz gdy tych niedawnych czasów ziemia Wołoska i Multanska uczyniła przysięgi Cesarzowi Chrzcianskiemu, tedy Cesarz Turecki w Carygrodzie roskazał Chrzcian mordować, scinać; zaczem się między Turkami taka bitwa wszczęła, ze osm dni z sobą się bili; zo-

budwu stron nakilka dziesiąt tysięcy leglo ich. Teras snać tamze w Carygrodzie Seim. Co się daley ponowi, oznaimić W. X. M. niezaniecham. Z Lubaczowa, w dzień Gromnic.

ОПАСНОСТЬ СО СТОРОНЫ КОЗАКОВЪ.

Въ виду избіенія христіанъ въ Цареградѣ, надобно и въ Польшѣ опасться подобныхъ ужасовъ. Козаковъ намножилось до 12.000. Противъ нихъ король велѣль обратить коронное войско, которого только 2.000. Если не устояли въ битвахъ съ ними волошскій и молдавскій господари, то какъ устоитъ коронное войско! И внѣшня, и внутренняя война угрожаетъ Польшѣ.

Z strony seimu, na którym wszystko Chrzeszczestwo o nas samych, a naiwieczej o imie odkupiciela naszego Chrystusa Pana idzie, chocia prostak i niemoia rzecz wtosię wdawać, barzo mi się to niepodoba, ze nawieliu mieiscach, iako i w Proszewicach, wiele rzeczy domowych, dzisiejszemu czasowi nienależących, podanych do zatrudnienia onego. Kiedy naiwieczej zgody, miłości i swornosci potrzeba, to naiwieczej priwatami zatrudnienia przyczyniasię. Jesli sam Pan Bog do zgody i miłości prawie gwałtem niepociągnie i nieratuje Chrzeszczestwa, o nas słaba nadzieja, którzy, baczac tez zapłotem ogień, barzo iadowity a do zginienia bliski, naimniej nań niedbamy, a moglibysmy się i tym samym mordem Chrzeszczestw w Carogrodzie pobudzić, który się temi czasy od pagan stał, oczem iako mi piszą, szerzej dla zrozumienia W. X. M. memu Mciwemu Panu posyłam. Strzez Panie Boze za takową nieswornoscią naszą i za praktykami, zeby tez kiedy i nas toz nie doległo, iboie się, zeby nie nato Pan Bog tę rozgę swą gotował: bo co dziś iednemu, tego się iutro drugi spodziewać moze. — Ludzi tez swo wolnych iakie zmocnienie v nas, ze ich więcej nizeli do dwunastu tysięcy, na ktore nielada iako oglą-

dać się potrzeba. Taką sobie sławę puszczając, ze do Wołoch na pomoc im i Multanom przeciw Turkowi idą. Ale ia tego niebacze: bo, z Baru wyszedłszy, do Bracławia i Winnice się vdali, blizey ku Dnieprowi. Więc i to, ze snadz Krol J. M. kazał żołnierza na nie obrocić, którego tylko dwa tysiąca. Barzosię boić, kiedy Hospodar Wołoski z Multanskim Woiewodą stoso im wytrzymać nie mogli, ale vstępować z szkodą swą musieli, zeby panowie żołnierze co sprawili; aprzyidzieli do czego, tedy spolny raz będzie musiał być. Za takim tedy zaciągiem czego się nam spodziewać, obacz W. X. M., ze iest i postronna iuz nagotowana i wewnętrzna wojna.... Datt w Stepaniu die 9 Februarii Anno 1595.

ПОРАЖЕНИЕ КРЫМЦЕВЪ МОЛДАВАНАМИ.

КОПІЯ ПИСЬМА ЛОБОДЫ, СООБЩЕННАЯ РАДЗИВИЛУ КНЯЗЕМЪ ОСТРОЖСКИМЪ.

Лобода извѣщаетъ о томъ, что ни одинъ крымскій ханъ не терпѣлъ еще такого пораженія. Едва самъ спасся бѣгствомъ; потерялъ всю добычу и ясырь. Лобода проситъ покровительства князя во всѣхъ козацкихъ дѣлахъ.

Wielmozny a Mciwy Panie Panie
Woiewodo Kiiowski, etc.

Vnizone służby nasze do Mciwey łaski W. X. M. naszego Mciwego Pana pilnie zalecamy, etc.

Oznaimuimy W. X. M. naszemu Mciwemu Panu, ze iuz, za pomocą, Bozą, wychodzim przeciwko nieprzyjacielowi krzyza Świętego dna 21 Lutego, to iest we wtorek na pole bialogrodzkie, co Panie Bozę racz dopomodz, aby, za szczociem W. M., ten poganiec pod nogi nasze wpadł. Daiemy tez znać W. X. M. naszemu Mciwemu

Panu, ze nas doszła wiesć od Hospodara Wołoskiego i Multanskiego, ze Woiewoda Multanski Tatar na głowę poraził, tylko sam Car wieki i zapadł, za którym przed się Woiewoda Multanski posłał swego Hetmana z ludem, aby go az do morza gonil, i tak iako piszę, Mciwe Xiaze, ze zaden Car wiekszego wpadku niepodniosł: gdyz i zdobyczą od nich wszystką pobrali. Acoś się ich mało rospierszchnieło i więzniow wszytkich odgromił. To iuz nieinaczey. Prosim tez W. X. M. naszego Mciwego Pana za nami, sługami swemi, w kazdej sprawie racz się łaskawie przyczyniać. Oddaiemy się powtore w Mciwą łaskę W. X. M. swemu Mciwemu Panu. Pisan w Bracławiu d. 21 Lutego Roku 95.

W. X. Mci swemu Mciwemu Panu
Nainizsze służdy

Hrehorey Łoboda Hetman
i wszystko Rycerstwo Zaporoskie.

ОТНОШЕНИЯ КН. ОСТРОЖСКАГО КЪ КОЗАКАМЪ.

Лобода искалъ благосклонности князя Острожского и щадилъ его имѣнія, но Наливайко съ тысячею человѣкъ отдѣлился отъ козацкаго войска, которое пошло въ Волощину, и расположился гостевать въ Острополь. Острожскій смотрѣлъ на него, какъ на другого Косинскаго. Въ выпискѣ изъ письма Лободы сообщаетъ князь Василій о томъ, что крымскій ханъ разбитъ на голову молдавскимъ воеводою.

Barzom temu rad, iz wiem o W. M. swym Mciwym Panie po blizu z zdzięcioły, gdzie iuz bym dawno rad byc isam cheąc się - vieszyć zdobrego zdrowia W. Mci. i te sprawy, ktores na Kopiis i Hlusk należeć będą, nieprzez kogo inszego, iedno przez się samego W. M. oddał, — także i temu zeznaniu, ktoregom dawniey, przez chorobę swą nie wykonał, dosyć teraz uczynił, nizli swawola ko-

zacka, ktorey znowu zaz ywać byli poczęli, zahamowała mię az by się wspokojenie stało; i pokim na Wołyńiu był, poty mie zaniechali, ze się spokoinie we wszystkiem pszeciwko mnie i poddanych mych zachowali, zwłaszcza Pan Łoboda, pragnąc przyiazni ze mną; ale, skoro teraz do Wołoch swoiskiem odszedł, iam się tez tu na Polesie obrocić, ten łotr Naliwaiko, oderwawszy się od drugich wtyśiącu człowieka i do Wołoch nie chodząc, teraz iest w Ostropolu, majątnosci mey, gosciem, i przyidzie mi z nim podobno iako w targu postąpić; drugiego Kosinskiego Pan Bog na mnie przepuszcza. Takze i wiadomość seimowa zatrzymała mnie owdzie, na ktorąm oczekiwiał, i ieszcze nic pewnego stamtąd nie mając, kęs się zatrzymam. Atym czasem vmyślnie pachole swe posyłam, dowiadując ozdrowiu W. M.... — Nowiny iakie mam od Łobody i pewne, bo z ponową, W. X. M. posyłam. Day Panie Boze, abyś do końca ci pochancy pociechy nieodnosili.... Datt w Turowie d. 4 Martii A° 1595

Слѣдуетъ выписка изъ письма Лободы:

O nowinach, o ktorychem do W. X. M. pierwiej pisał, teraz ich potwierdzam, ze zapewnie Cara pobił Woiewoda Multanski, ze ledwo sam Car vciekł z niewielą i za nim pogonią posyłał. A my tez iuz wyszliśmy z Bracławia naprzeciwko paganinowi.... Dan Nalesnicy znocliega d. 23 lutego A° 95.

НЕВѢРНОСТЬ СЛУХОВЪ. СЕЙМОВЫЯ АГИТАЦІИ.

Nowin godnych wiadomosci W. M. zadnych nie masz. Choć iest co, ale niesmiem pisać: bo niezawsze pewne bywają, i to co z Kiowa, tedy niepewne. O kozakach tylko słychać, ze wziemi Wołoskiey snać poszli pod Białogrod, albo pod Kilią; ale cokolwiek się pewnego i godnego ponowi, oznaimić W. X. M. niezaniecham.

Zseimu, iako dawno, tak i teraz, nic niesłuchać. Pan Bog to wie, iako się skonczy.

Załuię tego niepomału, iz z W. X. M. naseimie tak obeszło. Prawieć nas tak porobią: boimy się nasamę publikę, wedle złożenia Seimu vbespieczywszy, prywatek swych zaniechać; a wiele nas takich, i mnie samego, Pan Bog to wie, iesli tez tam bez ługu niezmyią. Die Aprilis Aº 1595.

ВНУТРЕННІЯ СМУТЫ.

Дѣла стояли такъ, что князь Острожскій сносился съ Радзивилломъ только чрезъ посредство вѣрныхъ слугъ, не вѣряя ничего бумагъ.

Jakom przedtem zadney wiadomosci o zdrowiu W. M. m. M. Pana i o tych rzeczach zawichrzonych pod te czasy wzmianki niejakiey, iesliby co wiadomosci W. X. M. dochodziło niemaiąc, był barzo frasowliwym: bom i o łasce W. M. m. M. Pana był wątpić począł, tak teraz zaś, wzawszy wiadomość przez pisanie W. X. M. ozdrowiu W. M. m. M. Pana, iuz za łaską Bozą sposobnieiszym, i zrozumiawszy sługi mego Chmielewskiego za wskazaniem przezen od W. X. M. wielką łaskę a prawie synowską miłość W. X. M. kusobie, wielcem vcieszony a prawie poleczeniem niemałem zdrowia mego w starosci lat mych stało mi się to od W. X. M. za co barzo wiele dziękuię W. M. m. M. Panu i Pana Boga o to.... Temusz śladze memu Chmielewskiemu, widząc, ze mu i W. M. dufać raczysz, dostatecznie z nim namowiwszy się we wszystkim, poruczyłem słownie z W. X. M. mówić i vmyslniem mu do W. X. M. iachać roskazał, któremu proszę racz W. M. wiarę zupełną dać i to wszystko uczynić, co się słusznie będzie godziło W. X. M. a roskazać go zaś do mnie iako nairychley dniem i nocą zeby się pospieszał odprawić.... Z Ostroga die 15 9bris Anno 95.

„НАЧАЛО ТРАГЕДИИ.“

Разсказы о похожденіяхъ Наливайка такъ несогласны между собою, что князь Константинь-Василій Острожскій выѣхалъ лично поближе къ мѣсту дѣйствія, чтобы развѣдатъ о положеніи дѣлъ. Нѣсколько жолнерскихъ ротъ напало на двѣ сотни козаковъ, стоявшихъ въ Мартыничахъ; козаки были побиты почти до остатка. Наливайко двинулся таборомъ изъ села Чорнавы черезъ Острополе къ Пикову. Не известно, куда направится далѣе. У него не болѣе 1.000 человѣкъ, побито до 300. Жовковскій, переночевавши въ Райкахъ, преслѣдуєтъ его, почти не останавливаясь. Жолнеры довершаютъ опустошенія, причиненные въ селахъ козаками.

Dnia wczoraiszego przez slugę Pana Bronickiego krotce nieco przypomniałem W. X. M. początek tragedii, ktory się iuz stał miedzy Pany zolnierzmi a Panem Nalewaikiem. Jednakze iuz tak wiele powiesciom nie wierzę, iz wybiegałem sam w kilkadziesiąt koni dla pewnieiszej wiadomości, ktorą W. X. M. oznaimuię. We wtorek godzina moze być ze dwie przed wieczorem wyszedł Nalewaiko z labami, ze wszystką armatą; stanął na noc w Czarnawy, wsiele W. X. M. ktore Pan Starosta Ostropolski trzyma, po wsiach wbok połki rozłożywszy. Zatem nazajutrz, iakoby godzina przed południem, nastąpiło kilka rot zolnierskich, przy ktorych powiadają zeby miało być czesc ludu zbornego. W Marcierycach P. Kiewlicowicza, slugi W. X. M., zastały setny dwie: setnią Marka durnego i Tataryncową, ktorzy snadż tylko na to tylko byli posłani zeby P. Kiewliczowy iako naiwieczej szkod byli poczynili. Nawet iako słyszeć i Sioło spalić mieli, tylko ze im gorzałka zawadziła, ktorey beczkę zastały wewocze (wedworze?) v Arendarza. Dla czego tez tak — — ¹⁾ zdbyawszy obiedwie setni prawie na głowę położyli i z setnikami, tak iz okrom kilku, i to rannych, nie vszło. Marko tamże zaraz na placu legł, a ten drugi setnik Tataryniec wymknął się iuz byl zkilku towarzyszow, ale wdrodze dogonieni i

¹⁾ Пробѣлъ переписчика, снимавшаго копію въ Несвижской библіотекѣ.

pobici. Nalewaiko natenczas w Czarnawi był tak vbespieczony, ze przy sobie więcej kilkudziesiąt człowieka nie miał, tylkoś ze zatym Śluckiem (?) i inszych sioł, to iest z Pustowiec, z Hołubca i inszych, nastąpiło mu kilka setni; zaczem zarazem, wyszedłszy z Sioła Taborem, poszedł ku Ostropolu; tylko człowieka ze trzydziestci tamze w Czarnawi vbyto a zywo szesci poimano, których zaś w Raikach poimali. Nalewaiko zarazem, nic niepostawiając, poszedł przez Ostropol w pola ku Pikowu. Jednak otem takie sluchy dochodzą, zeby się iuz w Pikowie przed nim zamknąć miano i po inszych miastach wszystkich vkrain nych; nawet i lud vkrainny iakoby miał być wszystek pogotowiu. Wiadomosci nie masz, gdzieby się miał dalej obrocić. Ludu przy sobie więcej tysiąca niema; pobitych do trzech set. J. M. P. Hetman tylko w Raikach przenocowawszy, przed switem za nim poszedłszy, zolnierze prawie bez przestanku za nim idą, i szkody niezmierne pierwiej Kozacy, potem teraz zolnierze poczynili. Rradko wktorym siele W. X. M. konia znaidzie: bo czego Kozacy nie wzięli, ostatek pobrali zolnierze. Nawet i slug kilku W. X. M. majątnosi mało niewscząt Kozacy wybrali, iako Gorskiemu i Hrozie etc. Z Konstantynowa 2 Martii A^o 96.

ПОДОЗРЕНІЯ ВЪ СТАЧКѢ СЪ КОЗАКАМИ.

Были между панами толки о томъ, что князь Острожскій насылать козаковъ на имена людей, къ которымъ не благоволицъ. Оправдываясь въ этомъ передъ Радзивиломъ, Острожскій ставить Лободу на одну доску съ Наливайкомъ и Савулою, и выражаетъ общую увѣренность пановъ, что Наливайко будетъ усмиренъ.

Co się tknie suspicji od ludzi rozmaiccie mnie vdaiących o tem
łotrze naliwaiku, zebym go ia miał nasyać lub to zwiadomosćią
moią cokolwiek czynił było, Bog widzi i wie a da to złaski swey,
ze się nieprzyiaciel zaden moy przytem niezostoi. Tom go ia tez do

Wołoch, do Węgier posyłał? To i Szauła w kraie W. M. W. X. Lit. zmeego roskazania wszedł? To i Łoboda Ukrainę zniszczył z moją wiadomością? Tożci i mnie, iesli kogo, apodobno ieszcze barzey, doległo, zniewinnosci wybawiać i mnie niezapomni: bo głos iego mówi, prawda nie zanie (sic) tylko zsuspicii wybawia, ale i od swierci. Nowiny, iakie tez v nas są o Nalewaiku W. IX. M. posyłam. Tak tuszą wszyscy, ze go da li Bog vskromią, a Panie Boze day to, aby i tych szkoicow, ktorzy tez wkraiach W. M. W. X. Lit. proporce swe ieszcze rosciągaia, zebysmy kiedy choć wzdy od swoich wpokoju pomieszczać mogli.... Z Ostroga dnia 3 Marcii Aº 96.

ВЫЕЗДЪ НА БРЕСТСКІЙ СОБОРЪ.

Князь чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Не только двое владыкъ, но и папа силою ничего не сдѣлаетъ. Острожскій просить Криштофа Радзивила держаться гдѣ-нибудь въ своихъ имѣніяхъ поближе къ Бресту, а не то—прислать минского воеводу Абрамовича.

Na inne rzeczy inszego czasu do W. M. swego Mciwego Pana odpisować będę: bo się teraz poczynam na zdrowiu barzo nie dobrze mieć — —¹⁾ tylko to teraz do W. M. piszę, swego Mciwego Pana, z strony Władyk: barzo mi to miło słyszeć, iz to, co Ich M. Panowie Tribunalisty litewskie i panowie obywatele tamecznie, iako strozowe wierni i zyczliwi Rzeczy pospolitey, a tem czuią, day, Panie Boze, aby nie vstali a przy prawach wolnosciach swych, naibolszey w tych rzeczach, co sumnienie zachodzi, opanowali i mocno zastanowili z W. M. społem, moim Mciwym Panem. A gdy Pan Bog zechce, a W. M. chęć i gorącą miłość do tego przystąpi i serce takie sprawi, czego wszyscy zawsze po W. M. doznawali. Nietylkó ta szuia Władykowie, dwie osobki, ale i Papiez z musu nic nie

¹⁾ Пробѣль списyvавшаго kopio vъ Несвижской библіотекѣ.

wdziała. Senot potaiemny im podporą i pozytkiem być nie moze, i owszem ku zawadzie. Ale iestli tam v W. M. wiadomosć o nim pewna będzie, pewienem, ze W. M. naten Senod ¹⁾—²⁾ postrzegając wolnosci, sami osobami, a niektorzy przez posły vstanowić będąc raczyć, gdyz o moie mniey, ale i kazdego to dolęze: bo my iedno krędecować będziemy przed Wmi iako straceni, a W. M. tuz za nami. Boze day, by do wygraney, ale ia barzo wątpie, bo wzdy nas potaiemnie wspiączki łowią, ale—³⁾ zgoła mowią niebyć temu tak. Smialbym o to misernie prosić i wiernie radzić, iako swemu Mciwemu Panu, zebys W. M., natenczas gdzie niepodaleku być raczył w imionach swych w Siemiatych abo w Orlu. A iesliby to nie mogło być, zebys W. M. do nas zesłać raczył Pana Woiwodę Minskiego, Pana Abramowicza, ktory snać iuz iest woiewodą Smoleniskim. Wszakoz to wszystko nie na moiey woli, ale przy woli W. M. niechay zostanie.... Data z Dermaniu 15 augusti anno 96.

ЖОЛНЕРСКІЯ БУИСТВА.

Опустошениі, притчинемыя панскімъ пмѣніямъ жолнерами, равнялись непріятельскимъ наществіямъ. Они довершали разоренія, сдѣланныя ко-
заками и татарами; безчестили женщины, убивали людей.

V nas owdzie natenczas nic godnego wiadomosci W. X. M. nie masz, iedno to, ze zołnierze, a zwłasczaz Xięstwa Litewskiego, stoią za postronnego nieprzyjaciela wspanoszeniu maietnosci naszych: nietylko ze poddanych co Kozacy i Tatarowie na podolu niedoni-

¹⁾ Отъ 29 сентября изъ Дубна: „...ledwiem tez zdrow, i to, iako W. X. M. wiesz, starego zdrowie wątleisze, iak młodego choroba. Frasunki vstawne, ktoremi mię Pan Bog nawiedza, te mi nie pomagają. Do Brzescia na Synod we srode blisko przyszłą wyiezdzam.“

²⁾ Пробѣлъ списывавшаго копію въ Несвижской библіотекѣ.

³⁾ Пробѣлъ того же переписчика.

sczyli doniszczaią, ale nakoniec gwałty uczciwym białym głowom, panienkom, zaboistwa poddanych czynią; prawie płacz ludzi tych v bogich niebiosa przebiia. Zdałomi się otem nie tylko raz, ale zakazda okazyą do W. X. M. dawać znać, aby się wzdy za napomnieniem W. X. M. mogli pohamować... Z Ostroga d. 7 Januarii A. 1597.

ПОЗОВЪ ЗА ПОДЫМНОЕ.

За сопротивление церковной упини, Сигизмундъ III прогнѣвался на князя Острожскаго. Гнѣвъ свой выразилъ онъ позвомъ, написаннымъ безъ тѣхъ учтивыхъ формальностей, которыя обыкновенно соблюдались въ сношенияхъ короля съ панами. На отсутствие формальностей князь Острожскій не обратилъ, по видимому, вниманія и озабочился только вопросомъ: какъ поступить съ королевскимъ позвомъ? Онъ послалъ комю съ него къ зятю своему Криштофу Радзивилу и просилъ его совѣта. При этомъ онъ писалъ:

„...posylam do W. M. swego mciwego Pana kopią mandatu, od Kro J. M. danego mi o podymne, i nietylko mnie, ale takich insimili naniesiono moc na Wołyń do wszystkiej co przednieiszej slachty, co iz nie było za Krolow zeszlych S. pamięci Zygmunta Augusta, Henryka, Stefana az do tego czasu, proszę o radę iako naiprѣdszą, co ztem czynić i iako postąpić: bo stanawszy wdać się w niebespieczentwo za pozwem prywatnym przes kontrowercyą; niestanawszy wskaz wedle vpodobania swego będącymi; a Exekutorowie v nas gotowi, panowie żołnierze; aledwiemy to nie będziemy i W. M. kredensować. Proszę pilnie z łaski swej racz nam W. X. M. rady swej mądrye vzyczyć; zasługować będziemy... Z Holca die 19 Maii Anno 97.

W. X. Mci mego Mciwego Pana vprzezymy i zyczliwy sluga i bogomodlca Konstantyn Xiaże Ostroskie Woiewoda Kiiowskie etc. etc.“

II O Z O B Ģ.

Zygmunt trzeci z Bozey Iaski Krol Polski....

Tobie Wielmoznemu Xiażeciu Ostroskiemu Woiewodzie Kiiowskiejmu, Marszałkowi Ziemie Wołyńskiey etc. Ze wszystkich dobr swych leżących i ruchomych, które kolwiek w Panstwie naszem masz, Roskazuiemy Tobie, abyś, zatem pozwem naszem, przed nami Hsopodarem i Pany Rady naszemi, tam gdzie naten czas dworem naszym szczęśliwie postanowieni będącmy, od podania Tobie tego pozwu naszego za niedziel szesc, ku prawu iako na rok zawiły sam stał a instygatorowi naszemu zadelacyą skarbową vsprawiedliwił się. Ktory ciebie oto pozywa, iz, gdy, po ziednoczeniu i przyłączeniu Woiewodztwa Wołyńskiego do Panstwa Korony Polskiej i iako prawdziwego i własnego członka iey powinnosci i wszystkie od świętobliwych przodków naszych na obywatele Wołyńskie włożone za czasem zniesli się, a nato mieysce obyczajem innych Woiewodztw Koronnych, tylkoz vstna powinnosć, to iest płat podymny zkozdeho domu, na znak zwierszchności koronnej, wniesion iest, tedy ty tego płatu podymnego ze wszystkich imion swoich, począwszy od Seimu Lubelskiego vniimego Skarbowi naszego niewiedzieć dla ktorey przyczyny, czy tez rozumiejąc inaksze prawo sobie wiem mieć anizli w inszych woiewodztwach naszych koronnych iest, nieoddaleś i do tego czasu nieoddajesz, zniemała krzywdą skarbu naszego, którego to podymnego zatym nieoddaniem twoim Instygator nasz, na cztery tysiące kop gr. lit. mianując, szerzey o tem ztobą vprawa mówić chce. A tak, abyś narok wyzey naznaczony stanawszy, podymnego cztery tysiące kop, którego tak wiele za nieoddane lata od ciebie przychodzi, doskarbu naszego zapłacił i wtem wszystkiem, iako tobie na roku przypadlym szyrzey słowy okazano i wywiedziono będzie, rozsądku naszego słuchał. Vpewniamy tez ciebie, ze, chocia staniesz albo nie, Instygator nasz, naimniewy się nie oglądając na twoie niestanie, prawnie

sobie przeciwko tobie wtey sprawie postępować będzie. Pisan w Warszawie Roku Bożego Narodzenia 1597 miesiąca Marca 27 dnia.

Wal. Stawinski.

ВЛАДЫКИ ОТСТУПНИКИ.

Унитские архиереи предали проклятию многихъ благочестивыхъ людейъ, а король велѣль объявить ихъ банитами. Вслѣдствіе этого запечатаны товары почетнѣйшихъ брестскихъ мѣщанъ. Князь Острожскій хлопоталъ объ отмѣпъ баниціи и возвращеніи мѣщанамъ собственности, и намекалъ, что совѣтники такими дѣйствіями лишать короля титула.

Im daley, tym osobliwsze nowiny nas zachodzą, prawie iako baba ze wschodu leciala,¹⁾ co daley to gorzey, pod panowaniem J. K. M., Pana naszego teraznieiszego, za powodem i sprawą tych niezboznych ludzi, odstępnych władz, którzy sami będąc od zwierszchnosci patryarszey wyklętemi, nie mogąc inaczey doszych błędów ludzi znimi nieprzestawiających przyciągnąć, rozmaitych sztuk zazywają, a prawie szkodliwych, przedtem nigdy niebywałych, przywodząc w niebezpieczność nietylko dobra doczesne i prawa wolności nasze, ale nakoniec na sumnienia nasze targneli się: powyklinali barzo wiele ludzi dobrych, bogoboinych, niewinnych i K. J. M. do tego przywiedli, ze, zatem wyklęciem ich, bańiować onych roskazały, od spolkow ludzi innych odlączyć, mająnosci i towary ich, zwłaszcza kupieckich ludzi, popieczętowali, a między inszem tych niebozał mieszkańców co przedniejszych Brzeskich, którzy iuz od kilku a dwudziestu niedzil w tym rosole leżą z wielką szkodą i cięzkim zalem

¹⁾ Въ другомъ письмѣ, безъ означенія года, Острожскій писаъ: „Tak Pan Bog podobno chce mieć, ze co daley, to "gorzey, iako ona baba ze wschodu klnac mowiła, od tego Iostrowstwa ukraiennego i naprawy zlych a niezboznych ludzi.“

swym. Pilnie tedy W. M. swego Mciwego Pana za nimi proszę, abyś im W. X. M. zrozumiawszy ztey baniciey, od J. K. M. napismie wywiesioney, którą oni ukazą, tak dozniesienia iey z nich, iako do oswobodzenia maiętnosci i przywrocenia do zwykłych wolnosci i pomieszkania ich pomocnym z mciwej^z łaski swey raczył.... Nietylkoć tu Mciwy Panie idzie o Brzeskie mieścany, ale idzie i o domy starozytne Xiazece we wszystkieu niemal ziemi W. [X. L. także i po, pospolity^z lud, tey religiey greckiey nasladujący i posłuszny, ktorych w Woiewodztwie Wilenskim, Trockiem, Nowogrodzkiem na bialej Rusi pełno, więc w tych tu kraich naszych Kiiowskiey, Wołyńskiey, Podolskiey, Bracławskiey, Halickiey, Sanockiey, Przemyskiey, Lwowskiey i innych ziemiach co niemiara,—ktoby się ich nawylicza! a poglądając nato, ze się tym dobrym ludziom w niewinnosci bez dania przyczyny stało, tegoz i inni wszyscy, a niczego inczego, spodziewać się muszą, i my z nimi. Zaczem taki pozytek ci bezboznicy uczynia, iako się zawzięli, ze i K. J. M. z tytułu wyzuią: bo kiedy takiemiz banitami będądziemy, pewnie K. J. M. niebędzie się godziło z nami nakładać. Dla Boga zmiłujcie się wzdy W. M. nad prawy, wolnosciami swemi inszemi, vzałuicie się sumnienia naszego, na które nam tak przykro gwałtownie nastąpiono; vlituicie się i płaczu tych vbogich wywołancow a bezwinnie wto zaciagnionych... Z Przemilowki d. 31 Januarii Aº 98.¹⁾

¹⁾ Отъ 15 июля 1598 года изъ Остропа: „Ja i sambym niebył tak leniwym, aby niemiał zdrowia W. Mosci nawiedzieć, by większe trudności nastąpią—lata moje, ktoremi miał Pan Bog nawiedzać raczy, i trwogi tak od Tatar, iako i Kozaków z Ukrainy pochodzące....“

БИТВЫ МЕЖДУ ИНОВЪРЦАМИ.

Ротмистръ Михаилъ Боры велѣль бить кіями несовершеннолѣтняго сына пана Отвіновскаго. Отвіновскій пріѣхалъ въ Шадь съ нѣсколькими пріятелями и, не получивъ отъ него удовлетворенія, арестовалъ его въ его жилищѣ. Ротмистръ, не обращая вниманія на арестъ, двинулся строемъ изъ города на чељѣ нѣсколькихъ сайдаковъ. Въ воротахъ выстрѣлилъ по встրѣчному шляхтичу Хвалибогу. Низшая шляхта приѣждала изъ города; произошла битва; ротмистръ убить вмѣстѣ съ нѣсколькими гайдуками. Состорони шляхты показались по домамъ какія-то надписи объ унії, чтобъ очень встревожило многихъ людей.

Tu był w Szacu ze dwiema roty piechoty nieiaki Bory Michał, człowiek zacny Rycerski, zwiedziony za pieniadze K. J. M. od Pana Bekiesza. Trafił się iadąc wrostek niewielki, syn Pana Otwinowskiego, Komornika Krakowskiego, człowieka spokoinego, wiary nowokrzenskiej. Tego, przez wszelakie przyczyny, kazawszy zdiać zkonia, kiimi bić kazał. Skoro się tego Ociec dowiedział, zkilanastą powinnych swych przyjechał do Szaca, posłał Pana Wielepolskiego, Stolnika Krakowskiego, i kilu znacznych szlachecicow do niego, prosząc o sprawiedliwość. Nietylo zeiey nie vczynił, ale ich słuchać niechciał. Oni go zatem w gospodzie aresztowali. On, na areszt ich niedbając, poszedł szykiem z miasta, mając z sobą kilkadziesiąt sайдakow. Wsamey właśnie bronie podkał się z Panem Jakubem Chwalibogiem, który nawozie iechał; miał z sobą synaczka małego, slug ztrzech albo piąci. Krzyknął nań: „Czy i ty iedziesz mnie bić?“ Wtem się rzucił do rusznice, wystrzelil do Pana Chwaliboga, samego chybili, pacholka postrzelili. Pacholcy zatem do rusznic; szlachta nizsza, vslyszawszy z miasta, przybyła; dali taki odpór, że zaraz sam ten Rotmistrz zporucznikiem zabit, haidukow kilkanascie postrzelonych; tak się rozeszli wszyscy wcale. Zstrony szlacheckiey w Lublinie zaś się pokazali vnie iakies, po domach wszystkich, dziwnemi charakterы, iedney nocы popisane. Pisze mi Pan Pisasz Prze-

myski, ze teize nocы быт миао we Lwowie, w Zamosciu, w Chełmie, w Krasnemstwie i w Zarowie i nakilu innych mieiscach, co sam ludzi barzo potrwozylo.“¹⁾ Die 6 Iuniu 1598.

СКОРА СЪ ЗАМОЙСКИМЪ.

(ПИСЬМО ЯНУША ОСТРОЖСКАГО).

Инъ Замойскій, въ качествѣ короннаго гетмана, прислалъ нѣсколько жолнерскихъ ротъ въ староства князя Острожскаго. Жолнеры ограбили два села, пожалованныя Косинскому и купленныя у него Вишневецкимъ, а у Вишневецкаго—Острожскимъ.

Nieprzez wielkiego zalu zaś przychodzi mi tą drogą sprawę W. X. M. memu Mciwemu Panu Oznaimić i załosnie przelozyć przy dobrey pamięci W. X. M. iest zaciąg niedawny domu mego z J. M. Panem Hetmanem Koronnym, za którym one wszystkie vkrzywdzenia niewymowne moie, spustoszenia maiłnosci mych i chudą krwią nabutey wyslugi mey, azaszło było ieszcze i co więkczego, pusciwszy na vznanie W. M. mych Mciwyh Panow, atom iuz tak był wszystkiem oziemię vderzył, niechcąc nietylo prywatnych mych rzeczy więcey przedsiebrać, ale i publice dawszy pokoy raczey wpokoiu vsiesć, ostatek na Pana Boga wlozyć. Bylem w tem od W. M. vpewnion, ze mi się iuz takowe przesprawia więcey czynić niemiały. Mimo to vpewnienie W. M. mych Mciwyh Panow, niedawnego czasu, prawie gdy się zima stanowić poczęła, J. M. posłać raczył rot kilka do tych tam nędznych starostw moich, które nietylko od Pogancina, ale od Kozactwa, od zołnierstwa wielkie

¹⁾ Въ такъ называемой Львовской лѣтописи, подъ 1598 годомъ, записано: „По дахахъ, по домаҳъ щось писало и надовало па землю, что и люде слыхали, як о землю чим ударив, а потому скотъ здыхалъ барзо.“

znisczenie wziawszy, ledwie teraz trochę wzmagając poczeli, gdzie szkod poddanym, a mnie defektów niewymownych naczyniwszy, Bydel i majątrosi nabrawszy, mało natem mieli, ale ieszcze moich własnych kupnych dwie wsie, które był J. M. Pan Hetman ziednał v K. J. M. Kosinskiemu, od Kosinskiego kupił nieboszczyk Xiąze Wiszniowiecki, ia zas, vchodząc w sąsiedztwie tak bliskiem niezgody iakiey, dla swego pokou musialem kupić te wsie wiecznością v Xcia Wiszniowieckiego, ktorem mu tak placił, iako zywne chcial, splondrowali i wniwez obrocili. Uskarzałem się tego J. M. Panu Hetmanowi przez J. M. Pana Woiewodę Krakowskiego; niczem więcej nieodniosł, ieno ze mu J. M. obiecał sprawiedliwość czynić, tego dokładając, ze okrom mych starostw, nie ma gdzie indziej żołnierza klasć. Poczuwam się w tem, ze to, co mam z wyslugi od Panow dobrem iako zasłużył — —¹⁾ pospolity. Więc ieszcze i to z łaski do siebie baczę, iz mu tey sily, ktorąm pote czasy miał do sluzby Oiczyzny i teraz staie. J. M. Pan Hetman, czego ia I. M. niezairzę, ma daleko więcej niż ia dobrze bogatszych starostw, ma od Rzeczypospolitej kilakroć stotysięcy złotych narok; mogłby J. M. na tem mieć dosyć, a nie szkodzić wysługom cudzym. Nadto mi dano tę sprawę, ze J. M. posłał do Krola I. M. o liste na leżę żołnierzom wtychże starostwach mych, gdzie i Rewizory iakieś nowe J. M. gotuie. Wczym, ze mi się poczuwać gdzie i okazać to, ze slachetne serce despektu cierpieć niemoze, opowiadam się ztem W. X. M. meemu Mciwemu Panu, iz ia, poki mnie iedno majątrosi i zdrowia mego stawać będzie, przy vczciwem mym stać i bronić się będą... Z Połonnego dnia 3 Marca 1599.

¹⁾ Пробъль списывавшаго копію въ Несвижской библіотекѣ.

СКАЗАНИЯ XVI СТОЛЪТІЯ

О РУСИ И О ТАТАРАХЪ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЙ ИЗЪ КНИГИ:

La Description du Royaume de Poloigne, et Pays adiacens: avec les statuts, constitutions, mœurs, et façons de faire d'iceux. Par Blaise de Vigener, Secrétaire de feu Monseigneur le Duc de Niuernois. A Paris, 1573.

Стр. XI: Опасное положение Подолії. Плодородіе этого края.

La plus dangereuse et dommageable aduemie qu'ayent point les Polaques, est le pays de Podolie, car c'est comme un pont et passage tout ouvert aux Tartares de Precop, qu'on appelle communement la Taurique Chersonese, pour entrer tout à leur aise dans Volinie, Russie, Lithuanie et la Poloigne encores, quand ils voyent occasion et commoditez.... Ce qu'a été cause de faire deshabiter beaucoup de pays, et mesmement cestuy cy qui seroi bien sans cela le meilleur des Polaques. Car entre autres choses la terre y poduict de vignes de soy par tous les endroicts d'iceluy sans aucune contraincte, ne main d'homme. Parqoy ils seroyent exempts d'aller mendier des vins ailleurs, s'ils pouvoient trouuer le moyen de remedier à ces orages tartaresques.... On dit que le terrouery est si bon et fertile, que si d'auenture vne charruë demouroit emmy les champs deux ou trois iours, elle seroit si couverte d'herbe, que mal aysément on la pourroit retrouuer.

Стр. XXII: Лѣсистость и болотистость Литвы. Произведенія этого края. Нравы высшаго сословія. Распущенность женщинъ. Угнетеніе крестьянъ.
Дикий скотъ: туры, зубры, олени.

Quant au pays il est plain, fort marecageux, et couvert de boys, tout ainsi que la Moscouie, et n'y peut on pas fort aisément

aller l'Esté à cause des fages et des eauës, qui sont cause qu'il faut attendre d'Hyuer, durant lequel on faict toutes les affaires et trafiques, qui consistent principalement en bleds et legumes, bestail, cuirs, miel, cire, fourrures excellentes et force cendres pour faire les lessiues, qu'on transporte à Danzik, et de là en Hollande et autres pays bas avec de la poix et des aix et planchages pour faire les corps de nauires. De sel ils n'en ont point, et le vont querir en Poloigne, depuis que le mineures y furent trouvées l'an 1252: Et au parauant yls estoient contraints d'en aller chercher iusqu'en Angleterre et Bretaigne. Mais ce ne sont pas ceux du païs qui font toutes ces traffiques et negocés, ains les étrangers, car les Gentils hommes en premier lieu ne se meslent que d'aller à la guerre, on bien d'y enuoyer pour eux, ce qui leur est permis, et encore sans preuidice de leur honneur: Et en temps de paix boire d'autant, et prendre leur plaisir aux belles chasses qui son là autant à propos qu'en nul autre endroit de la terre. Les riches et aisez se donnent aussi du bon temps autant qu'ils peuvent, comme font les femmes de leur costé, qui ne se soucient que de se parer, et donner audience à leurs mignons et fauorits: Et leur estoit permis enciennement d'auoir outre leurs maris cinq ou six seruiteurs pour leur faire la cour. Maintenant depuis que le peuple est venu à la cognoissance de la foy, elles sont un peu plus retenues en apparence, au reste elles ne laissent pas de iouer soubz main le mesme ieu, un peu toutesfois plus couertement: là où ce seroit un crime de leze maiesté qu'un poure mary regardast seulement du coing de l'oeil une autre femme que la sienne. E certes ils ce souciennt aussi plus de boire que faire l'amour, à tout le moins le commun, car il se trouue toujours de galans hommes par tout. Et est ce pays si coquin à ceux qui y font vne fois affriandez, qu'ils n'en peuuent partir puis apres: de façon que iamais on n'en cuida retirer Casimir troisiesme, ne son fils Alexandre [qui auoyent gousté de ces delices et voluptez] pour leur faire receuoir le Royaume de

Poloigne. Quant aux laboureurs et paisans, il ne faut pas pencer qu'il y ayt de plus pauvres et miserables gens en tout le reste du monde, car outre ce qu'il faut qu'ils travaillent incessamment iour et nuit, et encores en un climat si apre et rigoureux, pour le seruice de leurs maistres, qui succent tout le fruit de leur labeur, s'il leur reste encores quelque chose pour leur nourriture et entretienement, les premiers cinq ou six chevaux qui passent le leur rauissent et consument, estant accusstumez de tenir les champs par tout à si petite compagnie. E depuis le temps de Vitoüdus.... le plus brave et renommé homme de son siecle, mais cruel estrangement, les Lithuaniens ont esté tenus en telle crainte et seruitude, que si quelqu'un est condamné à mourir, il est constraint de se pendre luy mesme de ses propres mains: Que s'il en fait difficulté, apres luy avoir faict endurer plusieurs tourmens, on le faict mourir d'une mort plus cruelle.

Mais pource que iay cy dessus parlé des chasses: Outre des Cerfs, Sangliers, Dains, Cheureux, Ours, Loups et Regnards qu'on y peut trouer par tout plus qu'à souhait, il y a trois especes de bestes sauvages qu'ont ne voit point en nos regions de deça: Asçanoir l'Urus, qu'aucuns ont improprement appellé Buffle, car il y a bien grande difference: Le Bisons, et l'Ellend. Tous lesquels on chasse avec nn fort grand deduit, accompagné aucunefois de peril et danger, car les deux premiere sont bestes assez cruelles et dangereuses.

Les Urus donc, qui en langage du pays est appellé Thur, dont vous voyez yci le pourtraict au naturel, n'est proprement autre chose qu'un vray Taureau sauusage, hormis qu'il est plus grand sans comparaison, voir que nul autre animal, l'Elephant excepté tant seulement, et sons tous noirs, hormis une raye meslee de blanc, qui leur va le long de l'eschine. Toutefois il ne s'en trouue gueres qu'en Masouie, prochaine de la Lithuanie, et encores en certains villages qui ont charge de les garder en de grands pour-

pris et clostures de bois, à guise de parcs, car ils se meslent si on veult avec les vaches privees aussi bien qu'avec celles de leur espece, mais puis apres ils ne sont plus receus en la compagnie des autres qui les chassent fort rudement; et aucune fois les tuent: et davantage les veaux qui viennent à naistre de ce meslange, ne sont pas de vie. La chair n'en est point autrement mauuaise, ne trop exquise aussi: Parquoy tout ce qui est le plus excellent en eux, est leur cuir, dont on faict de belles cintures, qu'on dit avoir grande proprietés pour ayder les femmes au travail d'enfant. ¹⁾

Стр. XXXVIII: Описание Волошины. Русинский языкъ. Горы и лѣса. Скотоводство. Вооруженіе.

....Toutes fois ils (волови) usent aussi du parler Ruthenique et Slavon.... C'est un pays montueux et couvert de bois, et pourtant bien fort et malaisé. Aussi le peuple ne s'amuse gueres à cultiuer les terres, car tout leur faict depend du bestial, dont ils ont tres grande abondance à cause des beaux pascages qui sont par tout,

¹⁾ Папа Леонтий X очень интересовался близономъ и просилъ польского послы въ Римъ, епископа Эразма, доставить ему чучелу этого животнаго, называвшагося въ Литвѣ зубремъ. Епископъ Эразмъ передалъ просьбу папы виленскому воеводѣ Радзивилу, а тотъ, желая представить папѣ также и описание интересовавшаго его звѣра, поручилъ Николаю Гуссовіану описать зубра и охоту на него въ стихахъ. Гуссовіантъ посвятилъ свое сочиненіе королевѣ Бонѣ, супругѣ Сигизмунда I, и напечаталъ въ Краковѣ 1523 года подъ заглавиемъ: „Carmen Nicolai Hussoviani de Statura, Feritate ac Venatione Bisontis“. Книга эта составляетъ нынѣ величайшую библиографическую рѣдкость. Экземпляръ ея, можетъ быть, единственный, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, которая недавно перепечатала ее въ ста экземплярахъ для любителей стариннаго естествознанія и стихотворства.

Блезъ де Виженеръ, въ своей книгѣ, представилъ также описание и зубря вмѣстѣ съ рисункомъ его. Онъ противопоставляетъ его туру слѣдующими словами: „Mais le Bisons, que les Lithuaniens appellent Suber, est bien une beste plus sauvage et cruelle.“ Описание его совершенно согласно съ Гуссовіановой поэмою. Не забыто въ немъ и то, о чомъ съ поэтическимъ паѳосомъ распространяется присяжный латинистъ: что три человѣка могутъ усѣсться между рогъ зубра (разумѣется, и на самихъ рогахъ, которые почти горизонтально расходятся въ стороны, тогда какъ у тура они торчатъ прямо).

tellement qu'ils en fournissent non seulement Hongrie et Russie qui sont les pays plus prochains d'eux: mais encore en envoyent tous les ans vne fort grande quantité en Poloigne, Prusse, Silesie, Boheme, Alemagne, Italie et Turquie.

....la guerre.... est tout leur exercice, comme de gens nobles qui ne doyent iamais recognoistre autre chose. Et quant à leurs armes et façon de combattre, ils ont tousiours iusqu'icy esté armez à la legere de iaques de maille, et pourpoints d'oillets de Buffle ou d'Ellend, Et portent de fort longues lances, des haches, masses et cimeterres: Mais la plus grand part, principalement ceux de Lithuanie, Russie, Volinie et Podolie usent de l'arc Turquesque et de fleches, en quoi ils sont fort excellens. Les autre de la grande et petite Poloigne, et de Prusse, se sont accoutumez aux pistoles et arquebuses. Toutefois ils ne sont point si propres ni pratiques à pied comme à cheval, ne d'assaillir ou deffendre les places que de combattre en plaine campagne.

Стр. LXVIII. Легенда о временахъ вѣротерпимости Хаджи-Гирея крымскаго. ¹⁾

L'autre ville moindre est Kirkee, où il y a un chasteau fait de bois et de gazon au haut du rocher. On dict qu'autre fois il y eut un Dragon qui deuorait tout, tellement que le pays estoit en danger de demeurer desert, si quelque Italiens qui s'y estoyent habituez, n'eussent eu recours à la vierge Marie. E là dessus ayant aperceu ie ne scay quelle lumiere dans le rocher, y taillerent un escallier, tant qu'ils paruindrent iusqu'à un creux, où ils trouuerent une image de nostre Dame, au devant de la quelle un cierge ardoit, et à ses pieds estoit estendu le Dragon creusé par le milieu. Cela fut cause que Acigeri seigneur de Precop, ayant guerre contre ses freres se recommanda à la benoiste Vierge, et lui voüa tout plein

¹⁾ См. т. I, стр. 36.

de belles chose si elle luy aydoit en cest affaire. Car les Mahometans l'ont mesme enr'eux en fort grand honneur et reverence, confessans que sans aucune compagnie d'homme, et sans aucun preuidice de sa virginité elle conceut et enfanta le grand Prophet Jesus-christ [comme ils l'appellent]. Ayant doncques obtenu le secours qu'il lui auait requis, vendit les deux meilleurs chevaux qu'il eust, et en achepta de la cire dont il luy fit faire deux sierges qui bruyoyent continuallement iour et nuit devant la saincte image. Ce que ses successseurs ont entretenu iusqu'à aujourd'huy.

ДАНЬ ТАТАРАМЪ.

Слѣдующій списокъ подарковъ (харачь), отправленныхъ хану въ 1601 году, даетъ понятіе о томъ, какъ поляки угощали варварамъ, лишь бы не воевать съ ними. Едвали и московскіе князья чествовали Золотую Орду больше, чѣмъ польскіе короли — Перекопскую.

Vpominki ktore Carowi Przekopskiemu Kazygierowi, Bratom, Zonom, Synom, Kniaziom i Hamiotom maią bydz odeslane w roku 1601 maia 14 die.

Samemu Carowi po trzykroc dziewięć podarkow: Szata złotogłowa, futrem sobolem podszyta; szata altembasowa futrem sobolem podszyta; szata iadamaszkowa, futrem sobolem podszyta; szata srebrna pozłocista; kosz srebrny, po częściach złocisty, id est mieiscami; misa srebrna; kun sorokow Nr 3. Druga dziewięć podarkow: szata złotogłowa, szata iadamaszkowa, szata altembasowa, sukna Lunskiego sztuk Nr 3, sukna Swiebodzinskiego sztuk Nr 3. Trzecia dziewięć: kozuchow lisich Nr 5, popielczych Nr 4; czerwonych złotych Nr 7.500, sukna Lunskiego postawow Nr 228. Bratu starszemu Carowemu Gałdze podarkow po dwakroc dziewięć: zdѣсь

уже несть самыхъ дорогихъ шубъ, sukna Lunskiego sztuk Nr 3, sukna Swiebodzinskiego sztuk Nr 4. *Druga dziewięć podarkow:* szata iadamaszkowa и т. д., czerwonych złotych Nr 500. *Bratom Carowym trzem; pierwszemu:* szata iadamaszkowa, kozuch lisi, sukna Lunskiego stuka 1, Swiebodzinskiego sztuka 1. *Drugiemu*—то же самое. *Trzeciemu* — то же самое. *Synom Carowym Nr. trzem*—каждому одинаково съ царевыми братьями. *Synowi Galgi* kozuch lisi и т. д. *Wuiowi Carowem* — то же самое. *Matce carowej:* szata iadamaszkowa, czerwonych złotych Nr 50, kozuch и т. д. sukna Swiebodzinskiego sztuk 5. *Zonom Curowym czterym:* первой: то же, что матери, по безъ денегъ; остальными — то же, но sukna Swiebodzinskiego sztuka 1. *Corkom Carowym pięciom*—одинаково съ остальными женами царевыми. *Zonie Galgi pierwszey* — то же. *Corce tegoz Galgi* — то же. *Kniaziom, wodzom murzom i urzędnikom dworu:* kozuchow lisich Nr 27, kozuchow popielecznych Nr 21, sukna Lunskiego sztuk Nr 38, Swiebodzinskiego sztuk Nr 31. *Hamiatom Achmeladze:* szata iadamaszkowa, kozuch lisi, kozuch popieleczy, sukna Lunskiego sztuka 1, Swiebodzinskiego sztuka 1. czerwonych złotych Nr 50. *Abdule Adze Celebiciowie*—то же. *Tatar Murdze* — то же. *Dzian Tymir Adze*—то же.

Wydatek na Vpominki Tatarskie przez urodzonego L.
Piaseczynskiego Podkomorzeego Bracławskiego do Cara Przekop-
sk ego Kasigereia przesłane.

Gotowych pienidzy na vpminki tak Carowi, iako

bratu Galdze, Matce Carowey i Homiatom czer-

wonych zł. Nr 8.780 po groszy 60. zł. 17.560

W rytym srebrze zł. 174/17/9

Na rzeczy iedwabne, to iest Altembas, Złotogłów,

Atlas, Odamaszek s ktrych szaty porobiono . zł. 1.200/5

Za sukno Lunskie rozmaitey barwy zł. 11.806

Za sukno Świebodzińskie y terfin zł. 325

Za futro sobole, kunie, Popielcze y za kozuchy lisie	zł.	4.295/23
Na pospolite potrzeby, to iest wydatek na potrzeby do poszycia szat y kozuchow, na skrzynki, puzdra, płotna, w ktore te vpominki povwiano, zeby im descz nie szkodzil	zł.	514/28
Goncowi do Ordy na droge takze tesz pieniedzy tygodniowych za tygodniow 17 i na szaty iemu dane	zł.	301/18
Posłowi samemu na droge y na przewosz, i dla nierychlej iego odprawy do Ordy od J. K. M. kazano mu dać zł. 100.	zł.	2.300
Szachmancerowi tłumaczowi Arabskiemu na droge na sukno y kozuch	zł.	497/6
Formanom z Lublina do Bakcisaraiu	zł.	1.045
Summa wydatku na Vpominkii Tatarskie	zł.	40.020/7/9

Odprawa z Skarbu Koronnego Posłowi samemu.

Na strawe zł. 2.000

Na przewoz z Białogrodu do Kozliewa przez morze zł. 200

A iz Poseł czekajac na odprawę z Cancellariei w Warszawie wziął był z Skarbu, ad rationem 2.000, złotych 100, ktoremu to osobliwie Krol J. M. darować raczył.

Themuz Posłowi Aksamitu Carmesinu czerwonego łokci 14.

Sukna Lunskiego na slugi postawow 4.

Odprawa z Skarbu Coronnego Tłumaczowi Pisarzowi Arabskiemu Szachmanciorowi, który przy Posle iachał do Ordy.

Na strawę zł. 250.

Na kozuch lisi 18.

Adamaszku łokci 12 po grzywnie gotowemi pieniedzmi.

Sukna Lunskiego łokci 16 po talaru staremu gotowymi.

Sukna Szwobodzinskiego (sic) 2 postawy po złotych 12 gotowemi.

Odprowa z Skarbu Coronnego goncowi Josephowi Tłumaczowi.

Na strawę Talarow starych 200.

Adamaszku łokci 12 po grzywnie, dano gotowemi.

Falundyszu 6 łokci po 2 złote gotowemi.

(Рукоп. Императ. Публ. Библ. польск. отд. IV, № 71, л. 30 — 33).

Когда книга, кроме послѣдняго листа, была уже отпечатана, авторъ получилъ извѣстіе, что достопочтенный Августъ Бѣллѣвскій живъ и здоровъ, между тѣмъ какъ о немъ упоминается въ книжѣ, какъ объ отшедшемъ въ страну вѣчнаго молчанія. Авторъ, обрадованный этимъ извѣстіемъ, вмѣстѣ съ самимъ собою поздравляетъ и всѣхъ дѣятелей науки, къ которымъ могъ дойти прежній невѣрный слухъ о смерти заслуженного директора библиотеки Оссолинскихъ. [Историческая правда, такъ много обязанная пану Августу Бѣллѣвскому, безъ всякаго сомнѣнія, не въ одномъ случаѣ обопрется на его глубокомысленныя изслѣдованія и на матеріалы, которыя онъ съ такою добросовѣстностію и съ такою опытностію въ дѣлѣ археографіи представляетъ ученому миру.]

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВОСПЫВАЕМОГО ВЪ ПѢСЧАНХЪ ТУРА (сдѣланное въ XVI столѣтии).

LE POURRAICT DE L'URUS (la Description du Royaume de Pologne, par Blaise de Vigenere, Paris, 1573).

Вопросы Государственного Хозяйства, сочинение А. А. Головачева. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Содержание: Государственная роспись на 1873 годъ; операции Государственного Банка; исторія постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Желѣзныя дороги и Государство. Опытъ изслѣдований о важнейшихъ предметахъ экономики и политики желѣзныхъ дорогъ. Ч. 1-я. Соч. Григорія Цѣхановецкаго. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. за 2 ф.

Содержание: Исторія развитія желѣзно-дорожной политики въ Англіи, Франціи, Германіи, Швейцаріи и Италии. Сравнительная оцѣнка различныхъ системъ желѣзно-дорожной политики по ихъ результатамъ. Французская желѣзно-дорожная правила. Остъ-индійская желѣзная дорога. Отношеніе числа дорогъ къ населенію и пространству. Списокъ важнейшихъ сочинений и источниковъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Южная при-атлантическая Америка; политico-экономические очерки съ замѣтками о русской торговлѣ въ Бразилии, изъ воспоминаний Ф. Смирнова съ приложеніемъ видовъ Бразилии, карты военныхъ дѣйствій и таблицъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

Швейцарскія Альпы и Альпійская жизнь. Берлепшт., изд. II, съ рисунками въ текстѣ. Ц. 3 руб., вѣс. за 3 ф.

Содержание: Общий характеръ Альпъ; гранитъ; блуждающіе камни; разсыпанные скалы; Бреckія; обвалъ Россберга и разрушение Гольдау; лѣса; горная ель; малорослый сосна; альпійская роза; южная долина альпъ; каштановые лѣса; туманы; миражи; воздушные выстрѣлы; гроза въ горахъ; водопады; сиѣжная материя; красный сѣть; грязные потоки; лавины; ледники; цвѣтъ горъ въ сумерки; высокія вершины; замѣчательные восхожденія; проходы; ущелья; страннопріимный монастырь; альпійское хозяйство; альпійский рожокъ; сторожа козъ и барановъ; косцы; пастушеские праздники; дровосѣки; рассказы объ охотѣ и сельская жизнь.

Чрезъ Сибирь въ Австралию и Индію. Руссель-Киллуга. 2-е изданіе. Ц. 3 р. вѣс. за 3 ф.

Монархъ (il principe). Н. Макіавели, пер. Ф. Затлера. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Содержание: Предисловіе и посвященіе. О господствѣ и средствахъ достижевія. О наследственныхъ монархіяхъ. О смѣшанныхъ государствахъ. Почему царство Дарія не взбунтовалось. Какъ управлять завоеванными государствами. О лицахъ, достигающихъ власти преступленіемъ. О власти отъ народа. Оцѣнка силы правительства. О государствахъ церковныхъ. Объ ополченіяхъ, паемыхъ, всевоготельныхъ и народныхъ войскахъ. Обязанности монарха къ войску. Почему люди навлекаются на себя похвалу или порицаніе. О щедрости и скучности. О жестокости и милосердіи. О сдержаніи слова. Объ избѣжаніи ненависти и презрѣнія. О крѣностяхъ. Какъ приобрѣтается слава. О министрахъ. О льстцахъ. О потерѣ владѣній. О счастіи и несчастіи. Объ освобожденіи отъ чужеземного гнета.—**Сборникъ литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру I-му,** съ портретомъ. Издано по поводу юбилея царя-преобразователя, сост. Н. Тихомировъ. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Содержание: 1) *Исторический отрывъ:* Россія до Петра, Устрялова.—Значеніе Петра и переворота, Соловьева.—О бракосочетаніи Алексія съ Нарышкиною, Голикова.—Дѣтство Петра, Забѣлина.—Воспитаніе и потѣхи, Соловьева.—Траурные дни и погребеніе, Бергмана. 2) *Характеристика и дѣятельность Петра.* Образъ тѣлесный и душевный, Голикова.—Частная жизнь, Коршиловича.—О преобразованіяхъ, Карамзинъ.—Петръ Великий, Погодина.—Петръ, какъ представитель народа, Соловьева.—Подвиги Петра, Полеваго — Заслуги Петра, Бѣлинского. 3) *О законахъ, учрежденіяхъ и памятникахъ:* 4) *Ораторскій отрывъ:* Слова, поученія и рѣчи Іоакима, Прокоповича, Шлатона, Ломоносова, Никитенко и Морошкина; 5) *Народныя письма о Петре.* 6) *Оды, пьесы и стихотворенія,* Ломоносова, Державина, Пушкина и Погодина. 7) *Надписи къ изображенію Петра.* Пребанія: Екатерина о Петрѣ, Пушкина.—Вѣчная память, Ломоносова, и Хронологическій указатель событий царствованія.

КАЖДЫЙ ТОМЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДЪЛЬНО ПО 2 РУБ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

по милліонной улицѣ, домъ № 6.

И ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ:

Исторія Воссоединенія Руси, II. А. Куліша. Томъ 1-й. Отъ нача-
ла колонізаціи опустошенні татарскимъ погромомъ Кіево-Галицкой
Руси до начала столѣтней козацко-шляхетской войны. Цѣна 2 р., вѣс.
за 2 ф.

Содержаніе: Развитіе сельскаго хозяйства въ старой Польшѣ. Коло-
низація пустынныхъ мѣстностей. Движеніе колонізаціи въ рѣкамъ: Днѣ-
пру, Бугу, Днѣстру. Шлодородіе нововаселенныхъ земель. Крупныя зем-
левладѣльцы. Появленіе козачества. Козаки прикрываютъ колонізацію сто-
рожевыми линіями. Козаки прикрываютъ рыбный и звѣриний промыслы
вооруженными походами на Днѣпровский пизъ. Козаки въ мѣщанскомъ
быту. Основаніе Козацкой колоніи за Порогами. Окозаченная погра-
ничная шляхта. Общія черты воинственной жизни у русской шляхты и
у козаковъ. Ропотъ на козаковъ между Полками. Вопросъ о войнѣ съ
турками и объ уничтоженіи козаковъ. Воинственная, или русская часть
польского общества, какъ защита колонізаціи. Связь русскихъ паповъ-
землемѣдѣльцевъ съ запорожцами. Мѣры центральной власти къ подавле-
нію козачества. Экономическая несостоятельность этихъ мѣръ, старанія
пановъ колонізаторовъ сдѣлать изъ русской провинціи новую Польшу. Препятствіе въ политическомъ и соціальномъ положеніи страны. Ко-
закій самосудъ и распространеніе козацкаго присуда на низшіе слои
общества. Низовое козачество заслоняетъ королевскія и панскія имѣнія
отъ Татарскихъ набѣговъ. Старинные разжигатели международной враж-
ды. Экономическая реакція шляхты Латинскому духовенству. Легко-
мысліе шляхты въ дѣлѣ реформаціи. Упадокъ русской церкви отъ невѣ-
жества всѣхъ слоевъ общества. Не состоятельность русскихъ пановъ
въ роли патроновъ церкви. Однаковая неспособность польской и русской
шляхты къ дѣятельному благочестію. Основаніе религіозности въ украин-
скомъ народѣ. Монастырское проповѣданіе христіанства. Мѣщанство
по отношенію къ церкви. Магдебургское право и церковный братство.
Испорченіе папами іерархія ищетъ въ унії освобожденія отъ инспекціи
со стороны церковныхъ братствъ. Пассивная натура русскихъ пановъ
и расчетъ на исce іезуитской партии. Характеристика русскаго маг-
ната въ лицѣ богатѣйшаго изъ пихъ. Не оправдавшіяся надежды соч-
нителей унії. Аскетическое начало въ поддержкѣ падающей церкви.
Монашество, какъ связь между народомъ и церковью. Нравственная
поддержка мѣщанства, въ качествѣ церковныхъ братчиковъ. Защита
монашества отъ осмѣянія и хулы. Значеніе Афонской горы въ исторіи
русской церкви. Обличеніе униатскихъ іерарховъ.

Десять лѣтъ реформъ 1861—1871, А. А. Головачева. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

Содержаніе: Финансовая реформа; Административная реформа; Су-
дебная реформа.

Учебникъ всеобщей исторіи, съ точки зрѣнія культуры. Цейса.
Ч. II. Исторія Грековъ.—Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

Исторія греческой литературы (поэзія). Э. Мунка.—Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Содержаніе: Поэмы. Элегіи. Эпиграммы. Пѣсни. Музыка. Пѣвцы. Му-
зыканты. Оды. Драмы. Диалоги. Трилогіи. Трагедіи. Трагики. Комедіи.
Комики. Стихотворенія.

Продолж. на предыд. страницах.

DK Kulish, Panteleimon Aleksandro-
508 vich
K79 Исторія возоединенія Руси.
t.2 Title translit.: Istorija
 vozsoedinenija Rusi,
 t. 2

**PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET**

**UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY**

